

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

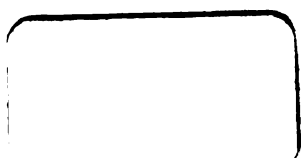
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Art. 287.5

ИЗДАВАЕМА

НА ИМПЕРАТОРСКИЯ

МОСКОВСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЯ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

MOSKOV ARKHEOL. O-VO

ARKHEOL. IZV. II
№ 1.

1896 1-12,

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

HARVARD COLLEGE LIBRARY
501 TCF
ARCHIBALD LEAHY COOLIDGE
JULY 1 1922

СОДЕРЖАНИЕ № 1.

	<i>Стр.</i>
I. Юліанъ Кулаковскій. Замятки по исторіи и топографіи Крыма.	1
II. Николай Троицкій. Перстень Юфбонъ-Амынь-хана	6
III. Археологическая хроника.	10
IV. Засяданія Обществъ	19
V. Библиографія.	22

— x —

ИЗДАВЛЯЮЩАЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪМЪ

I.

Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма.

I.

Съ какихъ поръ извѣстны цѣлебныя свойства грязей?

Плиній въ своей *Historia Naturalis* въ сообщеніи о чудодѣйственныхъ свойствахъ почвы, II, § 211, приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о разныхъ мѣстностяхъ „земного круга“, имѣвшихъ извѣстность въ этомъ отношеніи. На ряду съ чудесными и невѣроятными свойствами, въ родѣ того, что близъ одного города Малой Азіи есть скала, которая подается, если ее тронуть однимъ пальцемъ, но оказываетъ сопротивленіе, если на нее напирать всѣмъ тѣломъ, — Плиній даетъ свидѣнія не менѣе чудеснаго характера, какъ напр., что въ Локрахъ и Кротонѣ не бывало никогда ни моровой язвы, ни землетрясеній. Тамъ же помянуть у Плинія и одинъ городъ Крымскаго полуострова, по имени Парасинъ, *Parasinum*. По сообщенію Плинія, на его территоріи есть „земля“, которая исцѣляетъ всякія раны (*terra est qua sanantur omnia vulnera*). — Позволяемъ себѣ думать, что

предложенное въ самомъ заголовкѣ толкованіе этого сообщенія Плинія въ томъ смыслѣ что уже въ ту давнюю пору туземное населеніе Крыма, было знакомо съ цѣлебными свойствами грязей и пользовалось ими какъ медицинскимъ средствомъ, не покажется слишкомъ смѣлымъ или невѣроятнымъ, хотя мы и должны оговориться, что въ настоящее время не располагаемъ никакими другими свидѣтельствами объ этомъ изъ послѣдующаго времени.

Значеніе свидѣтельства Плинія нимало не умаляется тѣмъ, что о городѣ Парасинѣ не упоминаетъ онъ самъ въ перечисленіи городовъ Крыма (въ IV кн.); не называютъ его и другіе писатели. Если подѣ всеиспѣляющей землей слѣдуетъ разумѣть грязи, то городъ Парасинъ не принадлежалъ къ приморскимъ, которые только и перечисляютъ намъ какъ самъ Плиній, такъ и другіе писатели. Имена городовъ, расположенныхъ внутри Крыма, называетъ одинъ только Птолемей (III 6, 5). Онъ приводитъ 14 именъ. Въ числѣ ихъ нѣтъ имени, точно соответствующаго названному у Плинія Парасину; но есть одно, которое, какъ справедливо указывалъ на то Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемея (Parisii, Didot, 1883, стр. 439), можетъ быть принято за другую передачу имени, сообщеннаго у Плинія въ формѣ *Parasinum*. Это—городъ Пароста, *Парѡста*. Его мѣстоположеніе обозначено у Птолемея градусами: $61^{\circ} 30'$ широты и $48^{\circ} 10'$ —долготы, т. е. на сѣверо-востокъ отъ Евпаторіи ($60^{\circ} 45' - 47^{\circ} 40'$) и къ юго-востоку отъ Тафра ($60^{\circ} 40' - 48^{\circ} 15'$), расположеннаго на перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ съ континентомъ. Въ виду крупныхъ погрѣшностей, какими отличаются представленія Птолемея объ очертаніяхъ и размѣрахъ Крыма въ цѣломъ ¹⁾, было бы весьма рискованно искать городъ Паросту на территоріи Крыма непосредственно на основаніи сообщенныхъ имъ данныхъ долготы и широты; вполне достаточно заимствовать у него указаніе на то, что городъ этотъ лежитъ въ западной части полуострова.

Не вдалекѣ отъ нынѣшней Евпаторіи лежатъ знаменитыя Сакскія грязи. Къ этому мѣсту и можно съ большою вѣроятностью приурочить Парасинъ Плинія или Паросту Птолемея, независимо отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, совпадала ли древняя Евпаторія съ нынѣшней, или же древнее имя дано татарскому Гѣзлеву (въ произношеніи русскихъ—Козлову) безъ достаточнаго основанія, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее нынѣшнюю Евпаторію отъ Севастополя приблизительно соответствуетъ тому, какое древніе периплы даютъ между Херсонесомъ и древней Евпаторіей.

¹⁾ Весьма возможно, что нѣкоторые города, каковы: Киммерія, Портакра, Китэй, попали по ошибкѣ Птолемей или его источника внутрь полуострова съ приморскаго берега.

II.

Къ вопросу о пещерныхъ городахъ.

Къ числу археологическихъ достопримѣчательностей Крыма, пользующихся наибольшей извѣстностью, принадлежатъ несомнѣнно такъ называемые „пещерные города“. Тѣмъ не менѣе вопросы о томъ, когда они были обитаемы, когда возникли, какому изъ племенъ, занимавшихъ преимущественно территорію, на которой они расположены, можно ихъ приурочить, — остаются и понынѣ безъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ. Древнѣйшее историческое свидѣтельство о крымскихъ пещерахъ, въ частности Инкерманскихъ, относится къ позднему времени, когда онѣ были уже въ запустѣніи. Разумѣемъ упоминаніе въ запискахъ священника Іакова, посѣтившаго Инкерманъ въ 1634—35 году ¹⁾).

Авторитетный знатокъ крымскихъ древностей, А. Л. Бертье — Делагардь, въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи, посвященномъ преимущественно Инкерману (Записки Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древ. т. XIV, статья: Остатки древнихъ сооружений въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма, стр. 166—279), привелъ нѣсколько весьма существенныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о позднемъ происхожденіи многихъ группъ пещеръ, которыя суть не что иное, какъ христіанскіе монастыри, возникшіе, быть можетъ, въ XIV и XV вѣкѣ; но онъ не утверждаетъ, конечно, что „пещерные города“ суть только монастыри и что всѣ они имѣютъ такую позднюю дату. Не задаваясь цѣлью подробно входить здѣсь въ изложеніе этого вопроса, какъ онъ стоитъ въ настоящее время, мы позволимъ себѣ указать здѣсь на одно мѣсто въ памятникѣ X вѣка, которое, какъ намъ думается, можетъ быть истолковано въ смыслѣ свидѣтельства объ обитаемости пещеръ въ пору хазарскаго владычества въ Крыму. Разумѣемъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ испанскаго министра Ибнъ-Хаздая къ хазарскому кагану Іосифу, которое приурочивается ко времени ок. 960 года. Цитату приводимъ по переводу г. Гаркави (Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и хазарскомъ царствѣ. Прбгъ. 1874, стр. 109).

„Предки наши рассказывали намъ, что мѣсто, гдѣ они (хазарскіе евреи) жили, прежде называлось „Гора Сеиръ“; но государь мой знаетъ, что гора эта далека отъ его мѣстожителства. Наши старцы же говорятъ, что сначала жили они на горѣ Сеирѣ, но впоследствии времени, когда они терпѣли гоненія и бѣдствія ихъ увеличились, перешли

¹⁾ Записки Одесск. Общ. и Ист. Древн., т. II, стр. 688.

они на настоящее мѣстожителство. Старцы предшествовавшего поколѣнія рассказываютъ также, что по грѣхамъ ихъ (хазарскихъ евреевъ), воздвигнуты были на нихъ преслѣдованія, и когда возстали на нихъ халдеи съ необузданной яростью, то они (евреи) спрятали свои свитки пятикнижія и другія священныя книги въ пещерѣ, гдѣ и стали молиться, а также обучали своихъ дѣтей, по причинѣ этихъ книгъ, молиться утромъ и вечеромъ въ пещерѣ. Впослѣдствіи же времени, они совершенно забыли о причинахъ, заставившихъ ихъ молиться въ пещерѣ, а только слѣдовали примѣру своихъ предковъ, не зная почему. Наконецъ появился между ними одинъ Еврей, желавшій узнать причину сему; онъ зашелъ въ пещеру, нашелъ ее полною книгами, вытащилъ ихъ оттуда, и съ того времени между ними распространилось изученіе закона. Такъ рассказывали наши предки, какъ они слышали другъ отъ друга, и вещь эта извѣстна издавна“.

Въ этомъ рассказѣ все темно и неясно. Г. Гаркави останавливается въ своемъ комментарий (стр. 145 и сл.) на вопросѣ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ горой Сеиръ и склоняется къ предположенію, что Сеиромъ разумѣется Кавказъ, гдѣ онъ ищетъ также и тѣхъ гонителей, которые названы здѣсь Халдеями. По данному вопросу мы не имѣемъ своего мнѣнія. Что же касается до общаго смысла повѣствованія, то здѣсь г. Гаркави оставляетъ своего читателя безъ всякой помощи. Но что же можетъ значить этотъ обычай молиться въ пещерѣ, причины котораго не знали державшіеся его хазарскіе евреи? и почему туземцу, какъ слѣдуетъ изъ текста письма, выпало на долю содѣйствовать распространенію изученія закона тѣмъ, что онъ извлекъ свитки пятикнижія изъ наполненной ими пещеры? Какъ могъ онъ не знать, что хранится въ пещерѣ, если онъ былъ туземецъ и еврей? Какимъ образомъ и почему это извлеченіе хранившихся въ пещерѣ книгъ, куда всѣ ходили молиться изъ рода въ родъ, могло содѣйствовать распространенію изученія закона? — Всѣ эти вопросы и разные другіе, которые можетъ вызвать повѣствованіе Ибнъ-Хаздая, остаются безъ отвѣта.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ то рассказомъ, который долго ходилъ изъ устъ въ уста, прежде чѣмъ ему дано было это изложеніе. Онъ относился къ хазарскимъ евреямъ и въ основѣ его могло быть сообщеніе одного изъ немногихъ въ ту пору еврейскихъ путешественниковъ съ запада, которые заходили къ хазарамъ и видѣли, какъ живутъ тамъ люди, исповѣдующіе одно съ ними ученіе. Молитва въ пещерѣ объясняется очень просто, если городъ былъ пещернымъ, каковъ и нынѣ знаменитый Чуфуть-Кале.— Мы не можемъ, конечно, настай-

вать на справедливости нашей догадки, но позволяемъ себѣ высказать ее, такъ какъ она представляется намъ весьма вѣроятной. Уже въ VII вѣкѣ хазары имѣли отношеніе къ Мангупу, такъ какъ имп. Юстиніанъ II, отсюда велѣ сношенія съ хазарскимъ каганомъ ¹⁾, а въ VIII они имъ владѣли и здѣсь стоялъ ихъ гарнизонъ, какъ извѣстно то изъ Житія Іоанна Готскаго ²⁾.

III.

Гурзуфъ или Карасанъ (Харасанъ) помянутъ въ житіи Іоанна Готскаго?

Въ 8-й главѣ названнаго житія сообщается о чудѣ, которое совершилъ этотъ святой надъ ученикомъ своимъ Василиемъ, при чемъ дано точное обозначеніе мѣстности гдѣ это случилось. Текстъ гласитъ такъ: *En Κουρασάιτοις τῶ ἐμπορίῳ ἀναπαύομενος εἰς ἐκκλησίαν ἣν ὁ Οσείας. ἐν ἣ ἐνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλείστα. ὁ δὲ ταῖς νυξίῳ ἀναστάντος καὶ εὐχόμενος τοῦτοις ὡςπερ ζῶσιν διελέετο...*, т. е. „Въ торжищѣ Курасаитахъ святой спалъ въ церкви, внутри которой было очень много гробницъ. По ночамъ, вставая для молитвы, онъ бесѣдовалъ съ мертвыми какъ съ живыми“ ...

Проф. Васильевскій въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о житіи Іоанна Готскаго—Русско-византійскіе отрывки. VII. Жур. Мин. Просв. 1878. ч. СХСV,—призналъ въ Курасаитахъ—Гурзуфъ. Ближайшимъ поводомъ къ такому отождествленію послужило прежде всего то, что у Прокопія въ извѣстномъ мѣстѣ о сооруженіяхъ Юстиніана въ Крыму (De aed. III ч.) дано намъ имя *Γορσουβίται*, которое живетъ и понынѣ въ формѣ Гурзуфъ. Проф. Васильевскій ссылается при этомъ на „Крымскій Сборникъ“ Кеппена. Позволимъ себѣ замѣтить, что Кеппенъ, хотя и поминаетъ объ Іоаннѣ Готскомъ (стр. 66), не приводитъ однако нигдѣ даннаго мѣста его житія и въ перечисленіи разныхъ именъ, подъ какими является Гурзуфъ въ средніе вѣка (стр. 177) не называетъ формы *Κουρασάιτοι* (или *Κουρασάιτα*). Отождествленіе „торжища Курасаиты“ съ Гурзуфомъ сдѣлано очевидно по созвучію именъ *Κουρασάιται* и *Γορσουβίται*. Но если это такъ, то позволяемъ себѣ думать, что гораздо ближе къ интересующему насъ имени названіе мѣста, которое звучитъ Карасанъ, какъ оно приводится въ путеводителѣ Головкинскаго, или Харасанъ, какъ значится на картѣ генеральнаго Штаба новой съемки. Это урочище лежитъ между Партенитомъ, ро-

¹⁾ Theoph. Chron. p. 372 de Boor.

²⁾ Житіе Іоанна Готскаго, гл. 5. *Ἀποστείλας γὰρ ὁ Χαγάνος παρέλαβε τὸ κάστρον-αὐτῶν (Γότθων) τὸ λεγόμενον Δόρος.*

диной св. Иоанна Готскаго, и Ламбатовъ, древнимъ *Λαμπάς*, известными изъ перипловъ и позднѣйшихъ источниковъ. Приморское положеніе этого мѣста очень хорошо подходитъ къ обозначенію его какъ торжище, *ἐμπόριον*, какъ названъ въ томъ же памятникѣ Партенитъ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ отождествленіи торжища Курасаитовъ, которое принадлежитъ Мурзакевичу и сдѣлано имъ въ примѣчаніи къ переводу житія, помѣщенному въ XIII томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а именно: „Нѣчто подходящее къ Карасубазару при потокѣ Кара су“. Полагаемъ, что здѣсь не приняты въ соображеніе историческія условія. Кара-су есть чисто татарское названіе и значитъ: черная вода. Появленіе Татаръ въ Крыму относится къ болѣе позднимъ временамъ, а потому и названіе это врядъ ли могло существовать въ VIII вѣкѣ. Къ тому же святой находился, очевидно, въ предѣлахъ своей епархіи, на территоріи занятой готами, а мѣстность нынѣшняго Карасу-базара лежитъ далеко за этими предѣлами.

Что касается до обстановки чуда, на которую указано въ текстѣ житія, и именно: ночлеги святаго въ церкви со множествомъ гробницъ внутри ея, то проф. Васильевскій высказываетъ предположеніе, что „здѣсь нужно разумѣть одну изъ пещерныхъ церквей Крыма“. Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что указанная въ текстѣ житія обстановка невольно вызываетъ въ воображеніи церкви и монастыри въ пещерахъ Инкермана, Черкесь-Кермена или Тепе-Кермена, мы должны однако замѣтить, что ни въ Гурзуфѣ ни въ Карасанѣ нѣтъ пещеръ, а поэтому если разумѣть слѣдуетъ одно изъ этихъ двухъ мѣстъ подъ торжищемъ Курасаиты, то церковь, въ которой ночевалъ св. Иоаннъ, была надземнымъ сооруженіемъ. Это однако нисколько не исключаетъ возможности нахождения въ ней гробницъ, какъ о томъ свидѣтельствуется хотя бы церковь св. Иоанна Предтечи въ Керчи, на колонкахъ которой читается эпитафія VIII вѣка. Обычай погребенія въ церкви исконный какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Юліанъ Кулаковскій.

II

Перстень Юфбонъ-Амынъ-хана.

Между различными предметами моего собранія археологическихъ памятниковъ имѣется древній серебряный перстень представляющій,

на мой взгляд, не малый интересъ. Перстень найденъ на берегу рѣки Упы, въ селѣ Никольскомъ, Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи, и первоначально хранился у мѣстнаго жителя купца - заводчика, Ив. Ив. Чистикова, который любезно уступилъ его мнѣ, по знакомству. Перстень массивный, изъ чистаго серебра.—Значеніе перстней не одинаково. Что же такое перстень вообще и какое значеніе въ употребленіи имѣлъ перстень Аминь-хана?

Перстень, какъ названіе, конечно есть, сокращеніе имени прилагательнаго перстнй — отъ слова персть (перстань, — енъ и енъ). Какъ таковое, названіе перстень показываетъ, что обозначаемый имъ предметъ имѣетъ отношеніе къ персту — пальцу (какъ и на перстокъ); но какой именно предметъ и соотвѣтствующее ему имя существительное предполагаются словомъ перстень? Полагаю, что — обручь. Слово обручь, по его значенію, собственно есть кольцо, замыкающееся на рукѣ или около руки — объ руку, т. е., металлическая перевязь, въ видѣ кольца, сканная, чеканная, панцирная и т. п. Если такая перевязь возлагалась на шею, это — гривна, если на руку выше локтя — обручь, если на руку близъ кисти или пясти — запястье, а если на персть — перстень. Всѣ такія кольца, отъ перстня до гривны включительно, первоначально были только украшеніемъ — убранствомъ, затѣмъ отличительнымъ украшеніемъ особыхъ лицъ, по ихъ выдающемуся общественному положенію или за знаменитыя дѣянія (гривна, перстень, какъ — цѣпь и ключъ и, наконецъ, принадлежностью опредѣленнаго званія, сана, должности (царь, митрополитъ и др.). Но изъ числа разнаго рода колець — обручей перстень получилъ свое особое и преимущественное значеніе.

Важное значеніе перстня, исторически — бытовое, стоитъ въ тѣсной связи съ символикой руки. Если рука, какъ органъ, служитъ орудіемъ непосредственнаго исполненія внутреннихъ движеній воли, по влеченію сердца, и, потому, всегда была символомъ воли человѣка, его силы и власти; то и перстень, какъ украшеніе руки, сталъ именно символическимъ знакомъ силы и власти, и какъ таковой, онъ былъ всегда необходимою и неотъемлемою принадлежностію властителей — повелителей. Смотри по тому, какому лицу принадлежалъ перстень (военному, гражданскому, духовному), онъ получалъ соотвѣтствующее ему значеніе и носилъ на себѣ соотвѣтственное тому изображеніе. Съ такимъ знаменательнымъ изображеніемъ перстень получилъ назначеніе печати, коей утверждались и удостовѣрялись разнаго рода акты, приводимые въ исполненіе отъ имени повелителей, имена коихъ были на печатяхъ. Именно къ такого рода памятникамъ относится и перстень

Аминь-хана. Подробное разсмотрѣніе гравюры на его щиткѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ перстень служилъ печатью.

1. Перстень на своемъ щиткѣ, въ видѣ усѣченного конуса имѣетъ изображеніе бюста хана, съ подписью его полнаго имени. Изображеніе и подпись выгравированы вглубь, при чемъ буквы выгравированы въ обратномъ порядкѣ, какъ именно дѣлается на печатахъ и печатныхъ доскахъ (матрицахъ). Цѣль такого гравированія, очевидно, въ томъ, чтобы давленіемъ на воскъ и подобный матеріалъ воспроизвести рельефно изображеніе и относящуюся къ нему подпись.

2. Подпись на перстнѣ такова: перстень юфбон амын хан. Само собою понятно, что если для собственника печати нужно обозначать на ней свое имя, а ею обозначать оное на собственной вещи, то, по крайней мѣрѣ, слово „перстень“ уже вовсе излишне при обозначеніи принадлежности вещей могучему хану; и ношеніе самимъ ханомъ простого серебрянаго перстня—печати, безъ всякаго на немъ убранства также мало вѣроятно. Между тѣмъ все это вполне совмѣстимо съ употребленіемъ перстня, какъ печати, назначенной ханомъ для своихъ подданныхъ. Иначе говоря, этотъ перстень не составлялъ принадлежности собственно или лично ханскаго убранства, а былъ именно и только печатью.

3. Значенію и употребленію перстня, какъ печати, вполне соответствуетъ и самое изображеніе бюста хана (см. рис.). Оно пред-

Рис. 1

Рис. 2

ставлено въ такомъ видѣ: лицо съ рѣзкими чертами—влѣво (на оттискѣ вправо); голова покрыта шоломомъ съ выющейся по немъ гривой; широкая (парадная) одежда завершается глухимъ широкимъ воротомъ и отъ него съ плечъ спускается прямыми складками;

правая рука подвышена впередъ, съ кривой саблей противъ лица; лѣвая рука приложена къ груди противъ сердца. Этотъ важный и грозный видъ рельефно выражаетъ власть хана, восточнаго повелителя-деспота, предъ мечемъ котораго когда то трепетали русскіе князья со своимъ народомъ.

4. Этотъ перстень, какъ печать, несомнѣнно былъ въ употребленіи—въ дѣлѣ, что обнаруживается тѣмъ, что тонкая (нижняя) часть его кольца нѣсколько пригнута по направленію къ центру, что, конечно, произошло отъ постоянного нажима на эту часть перстня при печатаніи имъ, когда щитокъ обращается внизъ.

Если, такимъ образомъ, этотъ перстень есть ханская печать, то самому ли Аминь-хану она принадлежала или его намѣстнику уполномоченному и т. п.?—Полагаю, что не самому хану принадлежала эта печать, а какому-либо его уполномоченному. За это говоритъ и самая простота перстня и русская надпись на немъ. Подпись русская нужна русскимъ людямъ, къ которымъ имѣла то или другое отноше- ние хана. Вѣроятно, въ видѣ особой льготы, на что такъ склонны иной разъ бывали и ханы, или при исключительныхъ обстоятельствахъ русскому правителю—уполномоченному дана была эта ханская печать, чтобы утверждать разнаго рода письменные акты и распоряженія отъ имени хана печатью съ его именемъ и изображеніемъ его лица. А такъ какъ этотъ перстень найденъ въ предѣлахъ Одоевскаго уѣзда, то есте- ственно предположить, что эту печать имѣлъ кто-либо изъ князей Одо- евскихъ или иной кто, пребывавшій здѣсь по дѣламъ, уполномочен- ный хана.

Какой же ханъ, съ именемъ Аминя, имѣлъ отношеніе къ области, въ предѣлахъ которой найденъ перстень?—При отвѣтѣ на этотъ во- просъ, я признаю возможнымъ обратить вниманіе только на двухъ ха- новъ съ именемъ Аминя (при чемъ я не имѣю въ виду опредѣлять прибавленнаго къ этому имени, непонятнаго для меня, названія ю ф б о н). Воскресенская лѣтопись, подъ 1541 годомъ, между прочимъ, рассказы- ваетъ, что крымскій „ханъ Сафа Гирѣй“, возвращаясь съ берега Оки, осадилъ было городъ Пронскъ; но получилъ извѣстіе, что московскіе воеводы спѣшно идутъ на помощь Пронску, и „приступъ отложилъ, а туры и нарядъ велѣлъ пожечь, а самъ пошелъ прочь отъ города въ субботу на Преображеневъ день. А царевичъ Аминь вышелъ на полѣ да отъ отца своего отворотилъ со многими людьми на Одоевскіе мѣста; и князь Володимеръ Ивановичъ Воротынскій съ своею братьею про- тивъ татаръ изъ Одоева вышелъ и многихъ татаръ побилъ, а иныхъ живыхъ переимавъ къ великому князю на Москву прислалъ 45 чело- вѣкъ. А великаго князя воеводы придоша на Москву къ великому князю съ Коломны всѣ здравы“¹⁾). Изъ разсказа очевидно, что ца- ревичъ Аминь не много пребывалъ и неудачно дѣйствовалъ въ „Одоев- скихъ мѣстахъ“ и, не имѣя здѣсь никакой власти, не могъ оста- вить здѣсь и никакого ея знака въ видѣ перстня—печати. Если можно указать еще на какого либо хана Аминя, который бы притомъ полу- чилъ власть отъ Московскаго царя и былъ бы владѣтелемъ въ Одоев- скихъ или сосѣднихъ съ Одоевскимъ княжествомъ предѣлахъ, то такимъ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. VIII. Продолженіе Лѣтописи по Воскресенскому списку. Спб. 1859 Стр. 130.

былъ, конечно, царевичъ, а потомъ царь Казанскій Аминь, получившій власть на Руси отъ Московскаго царя Ивана III-го Васильевича. По свидѣтельству той же лѣтописи, въ 1496-мъ году весной „Князь Великій пожаловалъ бывшаго Казанскаго царя Могомедъ Аминя, далъ ему Коширу, да Серпуховъ, да Хотунъ съ всѣми пошлинами, и отпустилъ его, съ Москвы маіа 9: онъ же и тамо своего обычая не перемѣни, но насилствомъ живяше и халчно къ многымъ“¹⁾. Вотъ, вѣроятно, тотъ Аминь-ханъ, коему власть дана была Иваномъ Васильевичемъ, и очевидно, какова была эта власть. Но какова бы она ни была, Аминь-ханъ долженъ былъ имѣть печать—перстень при собираніи пошлинъ съ подданныхъ ему городовъ, какъ именно ихъ князь, входившій, конечно, въ сношенія и съ сосѣдними князьями, каковы ближайшіе Одоевскіе²⁾.

Если настоящія наши соображенія не встрѣтятъ рѣшительнаго опроверженія, то мы имѣемъ интересный бытовой памятникъ XV-го вѣка подлинный перстень - печать, Коширскаго - Серпуховскаго - Хотунскаго князя-хана Аминя³⁾.

Николай Троицкій.

III.

Археологическая хроника.

— Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ начальствамъ составить списки церковныхъ и монастырскихъ рѣдкостей: царскихъ грамотъ и Высочайшихъ указовъ, старинныхъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, драгоценной утвари и другихъ цѣнныхъ памятниковъ историческихъ, археологическихъ и художественныхъ. Списки эти должны быть представлены въ Св. Синодъ въ началѣ текущаго года (Нов. Вр. № 7118, 1895 г.).

¹⁾ Тамъ же, стр. 232.

²⁾ *Примѣчаніе.* Времени господства этого хана, въ данной ему области, отнюдь не противорѣчатъ ни техника перстня, простая и съ простымъ орнаментомъ — веревочкой, ни палеографія подписи съ отсутствіемъ буквы Ъ, которая опущена, конечно, по недостатку мѣста для троекратнаго ея помѣщенія на небольшомъ щиткѣ, по необходимости и по назначенію толстомъ, но узкомъ.

³⁾ Рисунокъ перстня разсматривалъ нашъ знавшій ориенталистъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, который любезно сообщилъ Редакціи, что надпись на перстнѣ „Юсубъ Аминь-ханъ“ есть сокращеніе татарскаго имени *يوسف بن امين خان* т. е. Юсуфъ бенъ Аминь ханъ. (Юсуфъ сынъ Аминь-хана). Изображенія поясныхъ челоука съ мечемъ встрѣчаются на деньгахъ Дмитрія Донскаго и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей XIV-го и начала XV вѣка.

Ред.

— Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами археологическимъ находкамъ, сдѣланнымъ г. Гошкевичемъ въ Херсонской губ. (см. „Археол. Изв.“ 1895 г., № 11, стр. 369—371) присоединяемъ слѣдующія свѣдѣнія о раскопкѣ тѣмъ же изслѣдователемъ кургановъ въ 3-хъ верстахъ отъ с. Архангельскаго (Херсонск. у.), изъ которыхъ одинъ извѣстенъ народу подъ названіемъ „Бузыняна могила“; у подошвы его при устройствѣ могилы были найдены слѣды подземнаго хода. Произведенное г. Гошкевичемъ изслѣдованіе показало, что раскопка хода очень неудобна, такъ какъ при этомъ пришлось бы потревожить гробы нѣсколькихъ недавнихъ покойниковъ. Имѣя однако въ виду раскопать „Бузыняну могилу“, г. Гошкевичъ предполагаетъ производить работы съ противоположной стороны кургана, не занятой еще свѣжими могилами. Для выясненія плана этой работы и ознакомленія со способомъ погребенія въ здѣшнихъ курганахъ названнымъ археологомъ произведены раскопки окружающихъ „Бузыняну могилу“ трехъ меньшихъ ея кургановъ, одного въ $1\frac{1}{2}$, другого въ $2\frac{1}{2}$ и третьяго въ 3 аршина вертикальной высоты, съ очень расплывшимися основаніями. Задача эта оказалась далеко не легкою, такъ какъ насыпи всѣхъ трехъ кургановъ переполнены огромными известняковыми камнями, а слои земли до того тверды, что поддавались только ломамъ. Въ самомъ меньшемъ курганѣ открыто два скелета, лежавшіе одинъ подъ другимъ: верхній, въ насыпи кургана, всего на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, нижній—въ неглубокой могилѣ, выкопанной уже въ грунтѣ. Верхній покойникъ лежалъ на правомъ боку, головою къ сѣверо-востоку; кисть правой руки была подложена ему подъ голову, нижній покойникъ—на лѣвомъ боку, головою къ юго-западу, ноги у него въ колѣняхъ изогнуты. Никакихъ вещей при нихъ не оказалось. Интересно, что невдалекѣ отъ верхняго покойника найдены кусочки черепа ребенка, другихъ же костей дѣтскаго скелета, несмотря на самые тщательные поиски, не найдено. Поотдалъ отъ второго скелета обнаружена яма, размѣромъ въ кубическій аршинъ, сверху заваленная каменной плитой; яма оказалась засыпанною землею, но ни скелета, ни вещей въ ней не найдено. Другой курганъ, среднихъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ одну только могилу, а въ ней покойникъ былъ сидячій; съ лѣвой стороны скелета найденъ горшочекъ грубой работы. Третій курганъ, самый высокій, оказался сложенымъ съ особымъ стараніемъ: вся насыпь его переполнена огромными глыбами известняка, утрамбованными, видимо, въ залитую водою глину, такъ что, несмотря на работу ломами, дѣло шло медленно, и чѣмъ дальше, тѣмъ земля становилась все тверже. Наконецъ, дошли до грунта, и обнаружилось очертаніе огромной могилы, въ 2 кв. саж.: это былъ склепъ,

весь обставленный дубовыми брусками, совершенно сгнившими. Могила была переполнена камнями, вбитыми въ необыкновенно твердую землю. Склепъ имѣлъ и потолокъ, утвержденный на четырехъ столбахъ, но онъ провалился, и камни всей своей тяжестью раздавили мертвеца. Скелетъ лежалъ среди склепа, на каменныхъ плитахъ; все дно могилы гладко выстрогано и побѣлено. Голова покойника направлена прямо на югъ, и все туловище его расположено правильно, только черепъ повернуть на правый високъ. На правой рукѣ скелета найденъ массивный, два раза свитый браслетъ изъ чистаго золота прекрасной античной работы, на шеѣ — четыре золотыя спиральки и янтарная буса; у лѣвой ноги — желѣзный небольшой ножикъ, вблизи черепа — остатки деревяннаго колчана и въ немъ 20 костяныхъ стрѣлокъ; тутъ же лежалъ кусочекъ красной краски и створка маленькой раковины устрицы. Судя по такой обстановкѣ погребенія, можно предположить, что могила принадлежала къ скискому періоду (Новор. Телегр. 1895 г., № 6620).

Рис. 3

Рис. 4

— Г. Голкевичемъ любезно доставлено въ Редакцію рисунки золотого браслета (рис. 3) и такой же волосной спиральки (Lockenhalter) (рис. 4)—одной изъ 4-хъ, найденныхъ у височныхъ костей скелета. *Ред.*

— О. В. Покровский сообщаетъ слѣдующій краткій отчетъ раскопокъ, предпринятыхъ имъ лѣтомъ 1895 г. по порученію Имп. Московск. Археологическаго Общества. „Въ виду намѣченной мною еще въ 1893 году программы систематическаго изслѣдованія археологическихъ памятниковъ на современной литовско-бѣлорусской границѣ, археологическія изысканія 1895 года произведены были въ той части бассейна р. Вилии, которая непосредственно прилегаетъ, съ южной стороны, къ мѣсту прошлогоднихъ моихъ археологическихъ изысканій, и точное астрономическое положеніе которой опредѣляется $54^{\circ}40'—55^{\circ}$ с. ш. и $43^{\circ}45'—44^{\circ}25'$ в. д. На этомъ пространствѣ, цѣликомъ входящемъ въ составъ Свенцянскаго уѣзда, Виленской губерніи, изслѣдовано было одиннадцать курганныхъ группъ, три—четыре мастерскихъ кремневыхъ стрѣлокъ, и осмотрѣно было, съ производствомъ нѣкоторыхъ пробныхъ изысканій, три городища.

Изслѣдованныя курганныя группы расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на кладбищѣ села Занарочъ, 2) на полѣ дер. Выголененты, 3) на берегу р. Вилии, близъ дер. Рышанцы, 4) близъ дер. Гузки, 5) на запущенномъ полѣ и въ лѣсу, близъ села Засвирь, 6) въ лѣсныхъ

урочищахъ — Тущѣ и Погорѣльѣ, близъ дер. Понивья, 7) на полѣ, близъ заст. Черная Луза, 8) близъ лѣсничѣвки Зезюлька им. Сидо-ришки, 9) на пасѣкѣ, близъ дер. Пильвины, 10) въ казенномъ и по-мѣщичьемъ лѣсу, близъ дер. Будраны и 11) среди сосновыхъ порослей, близъ м. Желядь.

Мастерскія кремневыхъ стрѣлокъ, съ яснѣе обозначенными харак-терными признаками подобныхъ мѣстъ, наблюдаемы были въ двухъ мѣстахъ,—на берегу озера Свирь,—на горахъ Лысой и Волчьей, при-надлежащихъ крестьянамъ дер. Гузковъ, и въ двухъ также мѣстахъ,—именно, на берегу того же озера Свирь, близъ Лысой горы въ дер. Корокъ, и на берегу р. Вили, около заст. Якубишки, обнаружены были лишь слабые слѣды подобныхъ мастерскихъ.

Изъ мѣстъ старинныхъ поселеній въ изслѣдованномъ районѣ, два, съ ясно выраженной формой городищъ, находятся при дер. Островляны и заст. Якубишки и одно—на берегу оз. Свирь, близъ дер. Корокъ.

Наибольшее количество вещественныхъ находокъ, по обычному для нашихъ мѣстъ явленію, приходится на долю кургановъ. Въ виду пред-полагаемаго подробнаго описанія и характеристики добытыхъ при рас-скопкахъ кургановъ предметовъ, въ данную минуту достаточно ограни-читься указаніемъ лишь слѣдующихъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ. Общая сумма добытыхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть опре-дѣлена числомъ приблизительно около трехъ сотъ. Со стороны матеріала, преобладаютъ предметы изъ желѣза, и среди нихъ первое въ количе-ственномъ отношеніи мѣсто занимаютъ наконечники копій; и вообще, предметы вооруженія и конской сбруи составляютъ большую половину добытыхъ изъ кургановъ предметовъ. Какъ болѣе интересныя въ архео-логическомъ отношеніи предметы должны быть отмѣчены желѣзные рим-скія фибулы и найденныя въ трехъ могильникахъ, своеобразной формы желѣзные серпы; заслуживаютъ также предпочтительнаго предъ другими предметами вниманія желѣзные умбоны и найденныя въ одномъ кур-ганѣ части меча.

Преобладающее количество находокъ въ мастерскихъ кремневыхъ орудій составляютъ, по обычаю, обломки кремневыхъ стрѣлокъ и черепки посуды, сдѣланной отъ руки, а въ городищахъ—такіе же и гончарные черепки и разные, преимущественно, желѣзные шлаки.

Кромѣ того, во время экскурсіи приобрѣтено было до полутора десятка каменныхъ топоровъ, найденныхъ крестьянами разныхъ деревень при обработкѣ полей“.

— Рязанскій музей при Ряз. уч. архивной Коммиссіи продол-жаетъ обогащаться древностями. Несмотря на кратковременное суще-

ствование (начало ему положено въ 1884 г., открытъ для публики только 4 года тому назадъ), музей въ настоящее время имѣетъ коллекцію ископаемыхъ представителей древней фауны и бытовыхъ предметовъ каменнаго вѣка—орудій, оружія и гончарныхъ издѣлій; кромѣ того, въ немъ находится очень богатое собраніе предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ мѣстныхъ могильниковъ; впрочемъ, значительная часть результатовъ раскопокъ поступаетъ въ Археологическую Коммиссію. Затѣмъ слѣдуетъ собраніе серебряныхъ украшеній, бусъ тканей, крестовъ, образковъ и оружія княжеской эпохи. Между ними обращаютъ на себя вниманіе: замѣчательная серебряная чаша съ изображеніемъ птицы, и обломокъ мѣднаго сосуда съ нарѣзными изображеніями человѣческихъ фигуръ и латинскими надписями; лоскуты древнихъ одеждъ изъ могилъ и пр.; всѣ предметы идутъ изъ старой Рязани. Желательно было бы обратить вниманіе на дальнѣйшее изслѣдованіе этого интереснаго, но не вполнѣ изслѣдованнаго городища. Кромѣ того въ музеѣ находится большой отдѣлъ церковныхъ древностей, многочисленный подборъ образцовъ стариннаго шитья, женской одежды, серегъ, колець, цѣпочекъ, печатей, изразцовъ, стеклянной и глиняной посуды, ларчиковъ, оружія и мебели. Наконецъ, въ музеѣ хранится также коллекція медалей и монетъ, причемъ особую цѣнность имѣетъ собраніе монетныхъ кладовъ.—Съ января по май 1895 г. музей обогатился нѣкоторыми коллекціями, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ: 1) предметы, собранные А. А. Спицынымъ въ 1892 г., близъ с. Жабокъ, Егорьевскаго у., 2) нѣсколько древнихъ иконъ приобрѣтенныхъ С. Д. Яхонтовымъ, 3) коллекція римскихъ императорскихъ монетъ, 4) древніе кресты и пр.

— С. Д. Яхонтовъ (въ Тр. Ряз. арх. Ком. XI, 1895) издалъ надписи на двухъ серебряныхъ позолоченныхъ брatinaхъ и двухъ такихъ-же кружкахъ, хранящихся при архіерейскомъ домѣ въ Рязани. Одна изъ нихъ вмѣщающая штофъ воды и, сдѣланная, какъ это явствуетъ изъ надписи въ 1638 г., покрыта изрѣченіями и біографическими свѣдѣніями о протопопѣ по заказу котораго изготовлена брatina. Другая брatina имѣетъ слѣдующую надпись: „Брatina Святѣйшаго Іосифа Патріарха, его келейная“. Кружки украшены нѣмецкими надписями.

— Археологическій отдѣлъ музея Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи при И. Казанск. Ун. обогатился за 1895 г. м. пр. слѣдующими интересными коллекціями: 1) предметовъ, найденныхъ Ф. В. Духовниковымъ въ развалинахъ г. Увека въ 1893 г.; 2) оружія, украшеній, предметовъ быта, найденныхъ Гайнуудиномъ-Ахмаровымъ въ 1893 г. на мѣстѣ г. Суvara, близъ дер. Кузнечихи; 3) 325 серебря-

ныхъ джучидскихъ монетъ 1427—1479 г. по Р. Х. (831—884 гг. гаджры), найденныхъ въ Мамадышскомъ у., Казанск. губ. ¹⁾); 4) В. П. Рожковъ принесъ въ даръ Обществу 7 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ на берегу р. Бердянки, Буртинской вол., Актюбинскаго у. Тургайской обл., на поверхности земли. По словамъ киргизовъ, которые приписываютъ искусство выдѣлки этихъ стрѣлокъ своимъ предкамъ, наконечники, подобные присланнымъ В. П. Рожковымъ, иногда попадаются цѣлыми колчанами особенно на берегу рч. Канды-су въ той же волости. (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XIII, 3).

— П. Пономаревъ въ Извѣст. Общ. Археологiи Исторiи и Этнографiи опубликовалъ свой докладъ Обществу о совершенной имъ лѣтомъ 1895 г. въ сопровожденiи нѣсколькихъ лицъ археологической поѣздкѣ на р. Каму. Цѣль экспедицiи была изслѣдовать нѣкоторыя городища. Прежде всего экспедицiя направилась черезъ Рыбную Слободу въ с. Троицкiй Урай. Камскiй берегъ между этими селенiями представляетъ дугообразный пятиверстный изгибъ; надъ заливной низиной (шир. 10—100 саж.) поднимается возвышенное плато, опускающееся къ сторонѣ рѣки глинистыми кругами, саж. въ 10 высоту. Версты за 1¹/₂ ниже Троицкаго Урая крайна этой горной площади разорвана 3-мя ущелистыми оврагами и выдается къ заливной низинѣ 2-мя горными площадками или стрѣлками (шир. 5—15 саж.). На разстоянiи 30—35 саж. отъ оконечности эти стрѣлки заграждены дугообразными валами, значительно приподнятыми въ средней части; за валами находятся рвы, глубина и ширина которыхъ соответствуетъ вполне размѣрамъ валовъ; входовъ на городища не существуетъ. Изслѣдованiе укрѣпленiй обнаружилъ очень тонкiй культурный слой, крайне мало остатковъ костей животныхъ, глиняную посуду съ плоскими днищами; мѣстные крестьяне находятъ по ручью раздѣляющему оба городища желѣзные ножички, стрѣлки и куски желѣзной кузнечной окалины. П. Пономаревъ относитъ городища къ типу „менѣ древнихъ звѣроловныхъ“ поселковъ. У д. Сорочья горы былъ вновь изслѣдованъ городокъ (при выходѣ на Каму Машкова оврага), уже изслѣдованный авторомъ въ прежнiе годы; были найдены: глиняная чашка съ шаровиднымъ дномъ, костяная шилья, обломокъ точильнаго камня и приобрѣтены отъ крестьянъ 11 каменныхъ орудiй и мѣдный наконечникъ копья. Наконецъ былъ изслѣдованъ городокъ у дер. Казыкъ или Городокъ (въ 6 верст. отъ д. Мурзихи); находки ограничились желѣзнымъ боевымъ топоромъ болгарскаго типа, черепками глиняной посуды того же типа и т. п.

¹⁾ Означенныя коллекцiи переданы въ музей И. Археол. Комиссiей; см. «Археол. Изв.» 1895, стр. 386.

Исслѣдованіе этого городища приводитъ г. Пономарева къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со слѣдами мало-значительнаго болгарскаго городка или скорѣе аула (Изв. Общ. Археолог. Ист. и Этногр. при Каз. У. XIII, 3).

— А. П. Мостицъ въ одномъ изъ засѣданій Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. познакомилъ отдѣленіе съ интересными археологическими находками, сдѣланными имъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты (при впаденіи рч. Савы въ р. Селенгу). На равнинѣ, образующей лѣвый берегъ Савы и представляющей песчаную мѣстность, съ глубокими оврагами, г. Мостицомъ какъ на днѣ овраговъ, такъ и на прилегающихъ возвышенностяхъ было найдено много каменныхъ орудій, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій. Кромѣ этой стоянки, исследователь отмѣтилъ въ ближайшей окрестности Усть-Кяхты еще 5 стоянокъ, впрочемъ, доставившихъ меньшее количество предметовъ, чѣмъ первая. Изъ предметовъ каменной культуры обращаютъ на себя вниманіе треугольные, овальные и эллиптическіе наконечники стрѣлъ; далѣе, найдены въ большомъ количествѣ скребки разнообразной формы и нуклеусы съ мелкими безформенными осколками, свидѣтельствующіе, что выдѣлка каменныхъ орудій производилась на мѣстѣ. Интересны черепки посуды изъ плохо промятой глины, иногда съ примѣсью къ послѣдней дресвы. Черепки орнаментированы прямыми и волнообразными бороздками, рубцами и пр. Мѣдныя орудія представлены различной формы наконечниками стрѣлъ, ножами и котломъ, представляющимъ нѣкоторое сходство съ бронзовыми котлами т. н. „скифскаго типа“. Желѣзныя вещи по мнѣнію г. Мостица, не представляютъ интереса, такъ какъ древность ихъ едва ли заходитъ далѣе 2—3-хъ вв., вслѣдствіе чего описаній этихъ предметовъ авторъ не даетъ. (Проток. Общ. Собр. Тр.-Кях. Отд. № 3).

— Н. И. Троицкій въ брошюрѣ „Веневскій Богоявленскій монастырь (упраздненный)“ (Тула. 1895 г.) сообщаетъ о крайне интересномъ иконографическомъ памятникѣ, хранящемся въ Богоявленской церкви—это иконописныя изображенія Сивиллъ. Изображеніе каждой Сивиллы помѣщено на щитѣ праваго клироса, въ особомъ клеймѣ. Такъ какъ на этомъ клиросѣ помѣщены и сохранились только двѣ, и притомъ 3-я и 4-я, то необходимо предположить, что были и другія—1-я и 2-я и, конечно, помѣщались на другомъ, лѣвомъ клиросѣ, въ такихъ же клеймахъ; на этомъ клиросѣ, дѣйствительно, есть два такія же клейма, какъ и на правомъ, но изображенія въ нихъ видимо отпали совсѣмъ съ грунтомъ (левкасомъ). И изъ существующихъ изображеній вполне уцѣлѣло только одно—третьей Сивиллы, именно Дель-

фики, а изображеніе 4-й, именно Хивики, теперь въ поврежденномъ видѣ; однако же, и въ ней существенное сохранилось все — лицо и станъ, и ея пророческое изреченіе.

Сивилла Дельфика представлена въ видѣ дѣвы, съ непокрытой головой и открытымъ лицомъ; волосы распущены и свободно падаютъ на плечи. Станъ одѣтъ въ тунику, красивыя складки которой замыкаются узорнымъ воротомъ плотно около шеи. Поверхъ туники широкой плащъ, расположенный также крупными висячими складками, пышно окутываетъ всю фигуру, отъ плечей до ступней ногъ, обутыхъ въ красныя глухіе сапоги. Правая рука ея приподнята и съ открытою дланью, знакъ, что она произноситъ рѣчь; а лѣвая приложена къ сердцу, какъ бы въ знакъ завѣренія въ истинности произносимаго пророчества. Рисунокъ, изящный во всѣхъ отношеніяхъ, отлично представляетъ классическую пророчицу. Надъ ея головой помѣщается и самое ея пророчество въ видѣ надписи мелкимъ полууставомъ, такого содержанія: „3 Сивилла именемъ Делѣфика сице рекла в чистую дѣву Богъ вселится; Того уразумѣютъ людие Господа своего; сеи приидеть Господь ради твоего избавленія, просветить верныхъ сердца и вечно наследствуетъ“.

Сивилла Хивика — также дѣва, но, сравнительно, старшаго возраста. Голова открыта, волосы на темени перевиты, но въ косы не заплетены и свободно спускаются назадъ; въ переплетѣ волосъ вставлены три продолговатыхъ листа какого-то растенія; легкое, прозрачное покрывало головы, свободно отброшенное назадъ, широкими и красивыми складками развѣвается за плечами. Станъ одѣтъ въ синюю тунику, но воротъ не замкнутъ (по восточному?), такъ что грудь остается полуоткрытою на срединѣ; поверхъ туники — широкий красный плащъ, спускающійся до ногъ. Правая рука протянута вверхъ, длань полуоткрыта, — три пальца прижаты, а большой и указательный впрямь, къ небу; лѣвая рука опущена (она сохранилась только до кисти; равно не сохранились и ступни ногъ). И этотъ рисунокъ отличается художественностью. Надъ головой и этой Сивиллы имѣется также полууставная надпись: „4 сивилла, именемъ Хивика, сице рекла: будетъ дѣвица во младыхъ летехъ честна и велика отъ всехъ женъ и родовъ и блаженство приметь на своихъ рукахъ, велія царя понесеть; приведени будутъ трои цари и поклонятся ему 3 дары совершенно верою“.

Интереснѣйшій фактъ иконографіи — присутствіе изображеній Сивиллъ не на вратахъ, а въ самомъ храмѣ православномъ, самъ по себѣ, приводилъ изслѣдователя къ предположенію — не было ли и нѣтъ ли еще и въ другихъ храмахъ Венева подобныхъ изображеній? При тща-

тельныхъ розыскахъ оказалось, что изображенія Сивиллъ были еще и въ кладбищенской церкви, но, при перестройкѣ ея, были сняты и сложены гдѣ-то на чердакѣ. При тщательномъ розыскѣ, удалось, однако, найти изображеніе одной, именно 8-й Сивиллы; а всѣхъ ихъ было здѣсь, вѣроятно 10; по указанію мѣстнаго священника, онѣ были также помѣщены на щитѣ клироса, въ особомъ клеймѣ каждой. Имя этой Сивиллы, а равно и надписи — ея пророчества невозможно разобрать; но изображеніе ея вполне уцѣлѣло. Она представляетъ также дѣву, съ цвѣтущей вѣтвью въ правой рукѣ. Въ общемъ рисунокъ далеко не представляетъ того изящества, какъ выше описанные.

Очевидно, въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка Сивиллы получили значительно широкое распространеніе не только въ монастырскихъ или соборныхъ храмахъ, но и въ приходскихъ, благодаря западному вліянію въ нашей культурѣ.

— Англійскій ученый Перси Ньюберри открылъ прошедшей осенью въ Оивахъ двѣ гробницы, принадлежація къ эпохѣ древняго царства. Это первая находка гробницъ Мемфисскаго періода въ Оивахъ. Одна изъ нихъ гробница „губернатора нома“ „доброе имя“ котораго было Ахи; сцены изъ жизни египетскаго сановника, представленныя рельефными изображеніями, весьма любопытны и сохранились хорошо. Другая значительно испорчена, но вѣроятно можно будетъ возстановить нѣкоторыя изъ надписей (Academy).

— Въ прошломъ 1895 году управленіе Британскаго Музея продолжало раскопки на остотѣ Кипрѣ. На этотъ разъ изслѣдованія были сосредоточены на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась Аргивская колонія Куріумъ. Еще генералъ Чеснола прославилъ эту мѣстность многими открытіями; послѣднія изслѣдованія дали тоже весьма богатые результаты, Особенно интересно открытіе большаго могильника, принадлежащаго Микенскому періоду. Онъ лежитъ на склонѣ невысокаго холма внѣ такъ называемаго акрополя Куріума; тамъ, повидимому находилось первоначальное поселеніе греческихъ колонистовъ. Въ Микенскихъ гробницахъ на ряду съ обыкновенными образцами керамики того времени найдено много грубыхъ сосудовъ мѣстнаго производства подобныхъ тѣмъ, которые встрѣчаются въ Кипрскихъ гробницахъ до-финикійскаго періода. Сосуды сдѣланы отъ руки и украшены бѣлыми или рельефными узорами на темномъ фонѣ или же простыми черными узорами на фонѣ цвѣта кремъ. Микенскія вазы большею частью не отличаются отъ Шлимановскихъ находокъ, но среди нихъ найдены образцы весьма рѣдкіе; такъ, двѣ большіе вазы принадлежатъ къ тому разряду сосудовъ, которые найдены были раньше только въ двухъ мѣстахъ на островѣ Кипрѣ

и въ Напѣли въ Греціи. Способъ украшеній чисто микенскій и глина, повидимому, привознаго происхожденія, но стиль фигуръ грубый и указываетъ на мѣстное вліяніе. На обоихъ вазахъ изображены человѣческія фигуры въ колесницахъ, запряженныхъ двумя конями. Цвѣтъ изображеній черный на свѣтло желтомъ фонѣ. На одной изъ вазъ представлена цѣлая серія женскихъ фигуръ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рамками. Такого рода украшенія до сихъ поръ не встрѣчались. Открыта, также, въ высшей степени замѣчательная и единственная въ своемъ родѣ ваза. На ней съ каждой стороны представленъ восьминогъ. Въ одной гробницѣ находился скарабей съ египетскими гіероглифами, въ другой финикійскій цилиндръ не раньше VI вѣка до Р. X. Но въ художественномъ отношеніи однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ въ этихъ находкахъ должно считать небольшой стеатитовый скарабондъ, на которомъ инталію изображенъ лежащій быкъ. Работа замѣчательна по своей отдѣлкѣ и по мастерству рисунка. Техническое искусство и форма камня ясно показываютъ, что эта драгоценность принадлежитъ времени лучшаго періода микенскаго искусства. Ввиду этихъ и другихъ неупоминаемыхъ здѣсь находокъ, рѣшено раскопки на счетъ Британскаго музея продолжать и въ 1896 году

IV.

Засѣданія Обществъ.

Засѣданіе Славянской Комиссіи И. М. А. О. 7 ноября 1895 г. было посвящено памяти чешскаго ученаго слависта П. І. Шафарика, со дня рожденія котораго въ текущемъ году исполнилось сто лѣтъ. П. А. Лавровъ прочелъ „О жизни и ученой дѣятельности П. І. Шафарика“; изложивъ начальный періодъ дѣятельности Ш. въ Новомъ-Садѣ, докладчикъ указалъ значеніе этого періода, затѣмъ изложилъ результаты дѣятельности Ш. въ Прагѣ въ связи съ характеристикой главныхъ трудовъ Ш. по общеславянской наукѣ, остановившись съ подробностью на оцѣнкѣ Истории слав. литературъ, слав. Древностей, слав. Пародописанія. Второе чтеніе—Р. Ф. Бранта—посвящено было обзорнѣю трудовъ Шафарика, какъ изслѣдователя слав. языковъ и славянскаго письма, кирилловскаго и глаголическаго.

2-го декабря, 1895 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предѣвательствомъ С. Ф. Платонова. Предметъ обсужденія составили доклады А. А. Сницына

(„Доисторическія древности Саратовскаго края“) и М. Н. Крашенинникова („Письмо царя Іоанна Грознаго къ императору Максимилянѣ“) А. А. Спицынъ, сообщая результаты собственныхъ своихъ археологическихъ изысканій въ этомъ краѣ, далъ сводъ всѣхъ когда либо произведенныхъ здѣсь изслѣдованій и намѣтилъ путь для дальнѣйшихъ работъ, указалъ достопримѣчательности въ коллекціяхъ саратовской архивной комиссіи и Радищевскаго музея и сопоставилъ предметы древности и различные типы погребеній, обнаруженные въ Саратовской губерніи, съ аналогичными находками южной Россіи и сѣвернаго Кавказа. Погребеніе, при которомъ костякъ оказывается въ скорченомъ положеніи и обсыпанъ красной краской, встрѣчаемое въ Саратовскомъ краѣ, представляется особенно замѣчательнымъ. Изъ предметовъ, найденныхъ здѣсь, обращаютъ на себя вниманіе: фибулы, равныя по типу херсонесскимъ IV вѣка по Р. Хр., металлическія зеркала, пряжка съ эмалью и мн. др. М. Н. Крашенинниковъ нашелъ въ Амвросіанской бібліотекѣ, въ Миланѣ, копію съ греческаго перевода письма царя Іоанна Грознаго къ императору Максимилянѣ. Письмо это писано въ 1566 году въ отвѣтъ на предложеніе союза въ войнѣ противъ турокъ, а также на просьбу освободить взятаго въ плѣнъ магистра Ливонскаго ордена Вильгельма Фюрстенберга. Исполняя просьбу императора относительно Фюрстенберга, царь Іоаннъ отказывается вступать въ наступательный союзъ, въ виду собственной войны съ Польшей, но горячо высказывается въ принципѣ за борьбу христіанскихъ народовъ противъ мусульманскаго государства въ Европѣ. (Нов. Вр. № 7101, 1895 г.).

19-го декабря 1895 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова. Докладчиками явились; О. А. Браунъ („О бастарнахъ въ южной Россіи“) и М. А. Дьяконовъ („Къ вопросу о бобыляхъ въ древней Руси“). О. А. Браунъ поставилъ вопросъ о народности, обитавшей въ мѣстности отъ нижняго теченія Дуная до Карпатовъ въ эпоху отъ начала II вѣка до Р. Х. до конца III вѣка по Р. Х., когда императоръ Пробъ переселилъ во Фракію 100,000 бастарновъ, послѣ чего они исчезли со страницъ исторіи. Недостаточно опредѣленные свѣдѣнія о нихъ писателей древности заставляютъ видѣть въ нихъ то кельтовъ, то германцевъ; докладчикъ склоняется къ гипотезѣ о германскомъ происхожденіи бастарновъ, но видитъ въ нихъ народность, воспринявшую въ свое время весьма многія начала кельтской культуры; бастарны же, въ свою очередь, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ сарматамъ, были непосредственнымъ звеномъ въ дѣлѣ передачи позднѣе появляющимся славянамъ нѣкоторыхъ началъ культуры кельтской, болѣе древней, чѣмъ германская. Докладчикъ въ своихъ соображеніяхъ опирался на данныя географическія и лингвистическія и указывалъ на необходимость разработки археологической стороны вопроса. М. А. Дьяконовъ, изслѣдовавъ соотвѣтственные памятники всего XVI вѣка и первой половины

XVII вѣка, поставилъ вопросъ о томъ, что представлялъ изъ себя бобыль въ сравненіи съ тяглыми крестьянами, и пришелъ къ убѣжденію, что бобылемъ назывался крестьянинъ не пашенный и, оставляя въ сторонѣ людей безземельныхъ, подсчиталъ, на основаніи писцовыхъ книгъ, бобылей, хотя и не пахавшихъ земли, и потому не несшихъ тягла, но имѣвшихъ собственные дворы. Процентъ такихъ дворовъ весьма значителенъ и въ XVI вѣкѣ, но достигаетъ угрожающей цифры (до 26 проц.) послѣ смутнаго времени, около 1620 года. Къ этому возрастанію числа бобыльскихъ дворовъ въ началѣ XVII вѣка докладчикъ приурочилъ совершившійся въ 1630 и 1631 годахъ переходъ отъ поземельнаго обложенія къ подворному (Нов. Вр. № 7118, 1895 г.).

Въ засѣданіи Им. Общества любителей древней письменности 1-го декабря 1895 г. Н. В. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе: „О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія“. Основаніемъ г. Волкову послужилъ счетъ церквей въ Новгородѣ до XIV в. и отношеніе къ ихъ числу числа сохранившихся отъ пожаровъ богослужебныхъ книгъ, передававшихся во вновь построенныя церкви. Что касается Григорія, писца Остромирова Евангелія (1056 г.), которое считаютъ древнѣйшимъ памятникомъ собственно новгородской письменности, то г. Волковъ путемъ тщательнаго разсмотрѣнія этого памятника пришелъ къ заключенію, что діаконъ Григорій былъ, вѣроятно, киевляниномъ, состоящимъ при кв. Изяславѣ, которому Остромиръ приходился родственникомъ. Къ мнѣнію г. Волкова присоединился и академикъ А. А. Шахматовъ. Второе сообщеніе „къ исторіи политической письменности въ смутное время“ было прочтено С. Θ. Платоновымъ. Г. Платоновъ обратилъ вниманіе на такъ называемую „грамоту изъ-подъ Смоленска“, составленную въ нач. 1611 г. Грамота эта была написана какъ бы отъ лица русскихъ, томившихся въ королевскомъ обозѣ подъ Смоленскомъ, и призывала всѣхъ русскихъ людей къ возстанію прогивъ Сигизмунда и поляковъ. Составленіе этой грамоты приписывали осажденнымъ смолянянамъ, и лишь Арцыбашевъ усомнился нѣсколько въ ея подлинности, прочіе же изслѣдователи придавали ей вѣру, такъ какъ грамота была прислана въ Нижній-Новгородъ патріархомъ Гермогеномъ. Указавъ на то, что въ смутное время было не рѣдкостью прибѣгать къ подобнаго рода посланіямъ для распространенія политическихъ взглядовъ и свѣдѣній, г. Платоновъ призналъ смоленскую грамоту подложною и написанною для того, чтобы риторическимъ опясаніемъ польскихъ несправедливостей и насилій поднять патріотическое рвеніе московскихъ людей. Составители грамоты, выдавая ее за произведеніе людей, бывшихъ подъ Смоленскомъ, думали этимъ сильнѣе повліять на слушателей, но не сумѣли вполне сообразоваться съ обстановкой, въ какой будто бы было написано пхъ посланіе: ими были допущены хронологическія и логическія несообразности. Хотя патріархъ Гермогенъ и

содѣйствовалъ распространенію грамоты, но авторомъ ея нельзя его считать. Можно думать, что эта грамота была составлена лицами близкими къ патріарху московскими патриотами (Нов. Вр. № 7102, 1895 г.).

V.

Библиографія.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kunstgeschichte, 4 Heft, 1895.

Значительная часть даннаго номера журнала посвящена статьѣ Гриа, въ которой онъ доказываетъ на основаніи издаваемаго имъ впервые документа—привилегіи отъ 1591 г., что мѣстомъ погребенія первоверховныхъ Апостоловъ было не Platonia ¹⁾, а часть пространства, занятаго церковью св. Севастіана внѣ стѣнъ Рима (стр. 409—461). Слѣдующая статья, директора археологическаго музея въ Сиракузахъ, Орси—трактуетъ о катакомбѣ, открытой имъ, по указанію Фюрера (Мюнхенскаго профессора), въ мѣстечкѣ Адорно-Аволио: по имени этого профессора и названа катакомба (La Catacomba di Führer nel predio Adorno-Avolio in Siracusa).

Катакомба эта среди извѣстныхъ уже ранѣе и открытыхъ тѣмъ-же Орси—(въ Сиракузахъ) въ послѣднее время выдѣляется тѣмъ, что дошла почти въ полной сохранности; изъ 93 могилъ совершенно не тронута 68; въ нихъ открыты саркофаги, скелеты, различныя мелкія вещи: лампочки, монеты, нѣсколько плитокъ съ надписями; выдѣляется мраморная плита съ надписью:

ΠΡΕΙΜΟΣ ΟΙΚΟΝΟΜΟΣ—
ΕΖΗΣΕ ΕΤΗΘ
ΚΑΙΤΡΚ ΩΡΝΑΣ Θ

[*πρεῖμος οἰκονόμος ἐξῆσε ἔτη ἑβδομηχοντα καὶ τρις ὥρας. Θ (ἀνατος)*]

катакомба, судя по найденнымъ въ ней монетамъ и по способу погребенія, относится къ 380—370 годамъ.

Весьма интересна статья—Меркля *о субботнемъ покое въ аду* (въ объясненіе стиховъ Пруденція въ „Повседневныхъ гимнахъ“ V, 125—129). Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній описывается свинцовая таблетка изъ Перми—съ монограммой Христа и двумя буквами по сторонамъ ея *B* и *A*, которыя, по мнѣнію издателя заимствованы изъ слова *ΒασιλειΑ* (стр. 507—512).

Въ замѣткѣ „*Siciliana*“ сообщается о скоромъ выходѣ въ свѣтъ собранія христіанскихъ надписей Сиракузъ, подъ редакціей Орси и Страццулы, автора недавно вышедшей книги *Ricerche di filologia e di archeologia cristiana*. Siracusa. 1895.

¹⁾ Последнюю за мѣсто погребенія Апостоловъ считаетъ де Вавль. См. его изслѣдованіе: *Die Apostelgruft ad catacumbas. Eine historisch-archeologische Untersuchung auf Grund der neuesten Ausgrabungen*. Rom 1894.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала удѣлено много мѣста подробному изложенію содержанія извѣстнаго изданія А. В. Звенигородскаго, посвященнаго византійскимъ эмалямъ съ изслѣдованіемъ ихъ проф. Н. П. Кондакова „Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали. Соч. П. Кондакова“. *Е. Рьдинъ*

Byzantinische Zeitschrift. IV Band, III—IV Heft. Leipzig: 1895. Въ данныхъ выпускахъ журнала исторіи византійскаго царства посвящено нѣсколько статей и замѣтокъ. Laurent (въ статьѣ Sur la date des Eglises S-t Démétrius et S-te Sophie à Théssalonique) на основаніи различныхъ соображеній, почерпаемыхъ изъ актовъ св. Дмитрія и др. источниковъ, считаетъ (стр. 431), что церковь св. Дмитрія въ Θεσσαλονικαхъ относится не къ началу V вѣка, какъ полагалъ Тексье, а къ первой половинѣ VII вѣка. Къ тому-же времени онъ относитъ (стр. 434) и ц. св. Софій Θεσσαλονικίαις (по Тексье—последнихъ годовъ царствованія Юстиніана). Стржиговскій указываетъ на нѣсколько эвпостическихъ иконъ въ собраніи греческаго патріархата въ Каирѣ XIV—XVII в.: Ангельскій соборъ (съ образомъ Еммануила) (№ 11), Богородицу *Γοργοεπίκοος* (№ 24), съ изображеніемъ событій изъ жизни Христа и Богородицы — отъ Благовѣщенія до Успенія (№ 26) ¹⁾ тотъ-же Стржиговскій далѣе (стр. 529—593) говоритъ о цистернахъ Александріи, а Палука объ одной цистернѣ въ Константинополѣ, не вошедшей въ число описанныхъ Стржиговскимъ (*Byz. Denkon.* II); одна цистерна, по мнѣнію Палуки, относится ко времени Геранія.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ Стржиговскій, рецензируя книгу Ноака (*Die Geburt Christi in der bildenden Kunst bis zur Renaissance. Darmstadt. 1894*) описываетъ четыре рельефа Аѳинскаго Музея. Одинъ изъ нихъ представляетъ возлежащую Богородицу и рядомъ Младенца въ ясляхъ; надъ послѣднимъ головы быка и осла (изданъ у Ноака, указ. сп., 8 рис. 5). Другой — двухъ волхвовъ съ дарами, Ангела, поднимающаго вверхъ руки, пастуха у стада, играющаго на рожеѣ, Іосифа сидящаго. Рельефъ этотъ, очевидно, представляетъ сложную композицію Рождества Христова. Принадлежитъ ли ей изданный Ноакомъ рельефъ — трудно судить по одному описанію, такъ какъ, если описываемый рельефъ, по Стржиговскому — новогреческое произведеніе, или времени послѣ 1204 года, то изданный Ноакомъ — полагаемъ VIII—IX. Третій рельефъ представляетъ отрывокъ какой-то композиціи; видны: прор. Соломонъ, прор. Давидъ и Іоаннъ Предтеча. Этотъ рельефъ, по нашему мнѣнію, вѣроятно, принадлежитъ четвертому фрагменту, изображающему, какъ и описываетъ Стржиговскій сошествіе Христа въ адъ.

Всѣ рельефы, по мнѣнію Стржиговскаго, какъ и второй, принадлежатъ одному и тому-же времени: они — памятники не древне-византійскаго искус-

¹⁾ №№ по каталогу Мцараки, который относитъ указанныя иконы ошибочно къ VII вѣку.

ства и не средне-византийскаго, а новогреческаго. Судить о правильности заключеній автора можно лишь по изданіи самихъ памятниковъ.

Въ томъ-же отдѣлѣ подробный разборъ Ребера недавно вышедшей книги о ц. св. Соѳіи Константинопольской (Lethaby а. Harold Swainson, The Church of Sancta Sophia, Constantinople. A Study of Byzantine Building, London, 1894), и замѣтка Крумбахера объ изданіи Гартеля и Викхофа Вѣнской Вѣбли (Ritter von Hartel und Fr. Wickhoff, Die Wiener Genesis; Beilage zum XV und XVI Bande des Jahrbuches der kunsthistorischen Sammlungen des A. H. Kaiserhauses и др.)

Е. Рьдинъ.

Труды Рязанской ученой архивной комиссіи 1895 г. (годъ XI), т. X, вып. I. А. Д. Павлишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (1—29): на основаніи бумагъ присутственныхъ мѣстъ прослѣжено движеніе крестьянскаго населенія за 1794—1857 годы; интересно показанное статистич. данными умноженіе числа мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, обходившихся безъ крестьянъ — фактъ — не безынтересный для исторіи освобожденія крестьянъ. — *С. Д. Яхонтовъ.* — Пронскій кладъ (30—34): кладъ (9 ф. безъ 3-хъ золотн. серебра и 18 золотн. золота) найденъ въ 1872 г. на землѣ города Пронска. Городской голова пытался захватить кладъ въ пользу города; послѣ долгихъ мытарствъ кладъ доставленъ въ археолог. ком., которая находчикамъ выслала 487 р. 28 к., изъ коихъ однако они получили только 150 р.; остальные удержаны головой въ пользу города Пронска. Любопытный фактъ — неяснаго пониманія правъ города и находчиковъ; въ болѣе раннихъ случаяхъ (1828 и 1822) находчики въ силу того же закона получили все вознагражденіе. — *И. И. Проходивевъ.* — Предбрачные обычаи и убытки у крестьянъ Ряз. губ. (35—59) — очеркъ на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ Ряз. губ.; очеркъ любопытенъ въ этнографич. отношеніи. — *С. Д. Яхонтовъ.* Переяславль — Рязанская провинція въ XVIII в. (61—64): краткое описаніе переяславской Рязанской провинціи, собранное изъ экономическихъ примѣчаній (текстъ). — *Я. К. Добролюбовъ.* — Вкладная книга Николорадовицкаго монастыря (65—88): запись (издается текстъ) обнимаетъ 1679—1800 гг.; статья не окончена печатаніемъ; любопытна, какъ матеріалъ для археолог. словаря. — *А. Ф. Риттихъ.* Карта Славянскихъ населеній въ З.-Европѣ въ древности (89—95, съ приложеніемъ карты); можно только пожалѣть о появленіи этой статьи въ трудахъ серьезно и научно работающей архивной комиссіи: приемы автора, его воззрѣнія остаются тѣми же и такими же, какъ въ его „четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“ (см. Арх. Изв. и Зам. 1895 г., стр. 432). — *Ф. П. Минюшскій.* — О родѣ князей Пожарскихъ (97—100, съ генеалогич. таблицей): поправка къ напечатанному въ 1 вып. IX т. трудовъ Ряз. Ком.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологій Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологій восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.

Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.

„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.

„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200/0, библиотечкамъ учебныхъ заведеній—250/0, книгопродавцамъ—300/0.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Восточнаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орфиниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византийскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотечкамъ учебныхъ заведеній 250/0.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные три рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, не получившіе выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексію Васильевичу Орѣшникову, Москва Историческій Музей, на Красной Площади.

1896 г.

№№ 2—3.

ИЗДАВЛЕМА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

И. А. ЛИННИЧЕНКА И В. М. МИХАЙЛОВСКАГО

№№ 2—3.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІИ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 2—3.

	<i>Стар.</i>
I. Н. Выковскій. Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора произведенный согласно заключеніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества	25
II. В. И. Сизовъ. Предварительный отчетъ В. И. Сизова о поѣздкѣ его съ археологической цѣлью лѣтомъ 1895 г. въ Курляндскую губерню	33
III. Гр. Вогуславскій. Видъ г. Смоленска времяъ Петра I.	48
IV. Археологическая хроника.	52
V. Засѣданія Обществъ	80
VI. Библиографія	84

ИЗДАВАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I.

Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго Собора, произведенной согласно заключеніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ¹⁾).

Большой Московскій Успенскій соборъ, какъ извѣстно, былъ воздвигнутъ въ ту знаменательную для Россіи пору, когда Іоаннъ III положилъ основаніе освобожденію отъ иноземнаго ига, когда, для обновленія возрождающейся самостоятельно жизни, Іоаннъ обратился къ просвѣтительному вліянію западной Европы, преимущественно къ Италіи эпохи Возрожденія. Вызванный изъ Венеціи Болонскій уроженецъ Фіоравенти, котораго „хитрости ради зваху Аристотелемъ“ создалъ церковь, которая „бысть чудна вельми величествомъ и высотой и свѣтлостью и пространствомъ“...

Всероссійскій памятникъ Святѣни претерпѣлъ вмѣстѣ съ Москвою погромы 1612 и 1812 годовъ и цѣлый рядъ пожаровъ 1493, 1547, 1682, 1737 годовъ, разрушавшихъ его. Не стану въ нынѣшней статьѣ перечислять всѣ тѣ возстановленія и обновленія Успенскаго собора,

¹⁾ Читанъ на Публ. Засѣданіи Общества 12-го Дек. 1895 г. въ присутствіи Почетнаго Члена Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича.

которыя слѣдовали за его разрушеніями и которыя, по счастью, не исказили памятникъ на столько, чтобы не было возможности во многомъ возстановить его древній видъ. Съ какимъ глубокимъ, внимательнымъ уваженіемъ начали относиться къ дѣлу въ послѣднее время руководителя реставрацій памятниковъ старины, мы знаемъ изъ реставраціи иконостаса Успенскаго собора, произведенной въ 1881 году подъ наблюденіемъ высокоталантливаго архитектора, знатока русскаго стила, Д. Н. Чячагова при участіи И. Е. Забѣлина. Тогда-то впервые была изслѣдована закрытая иконостасомъ, древняя каменная алтарная преграда. Прекрасный акварельный рисунокъ этой преграды со слѣдами ея живописи, исполненный Д. Н. Чячаговымъ, нынѣ находится въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ.

Когда въ 1894 году возникла мысль о капитальномъ ремонтѣ Успенскаго Собора, то какъ будущій руководитель работы Д. Н. Чячаговъ составилъ вмѣстѣ съ архитекторомъ С. К. Родіоновымъ, занимавшимъ тогда должность архитектора Московской Синодальной Конторы, актъ осмотра всѣхъ поврежденій собора и смѣту, въ которой уже было предположено возстановленіе оконъ собора въ древнемъ ихъ видѣ. Не суждено было Д. Н. Чячагову совершить это дѣло: онъ скончался до образованія Высочайше учрежденнаго Комитета по наблюденію за ремонтъ Московскаго Успенскаго Собора.

Когда Московскою святѣйшаго Синода Конторою мнѣ была оказана высокая честь предложеніемъ быть руководителемъ работъ, я не могъ не сознавать громадной важности задачи, тѣмъ болѣе, что подъ общимъ названіемъ ремонта въ число работъ входила и археологическая реставрація наружнаго вида храма. Безъ содѣйствія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и его Комисіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ я не считалъ себя въ силахъ и въ правѣ исполнить это дѣло. Вотъ почему я постановилъ условіемъ моего участія, чтобы вся археологическая реставрація была производима согласно заключенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Тогда-же Высочайше учрежденный Комитетъ препроводилъ въ Императорское Московское Археологическое Общество какъ актъ первоначальнаго осмотра, такъ и составленныя и утвержденныя смѣты, изъ которыхъ Общество имѣло возможность ознакомиться со всѣми предположенными тогда работами. При этомъ на однѣ изъ работъ Общество немедленно отвѣтило своимъ согласіемъ; относительно же другихъ вопросовъ Обществомъ были предприняты спеціальныя осмотры на мѣстѣ и археологическія изысканія. Для пополненія уже изданныхъ свѣдѣній о соборѣ, Общество поручило А. И. Юшкову сдѣлать выписки

изъ всѣхъ дѣлъ Дворцоваго Архива и Архива Синодальной Конторы, въ которыхъ можно найти какія либо указанія о работахъ, производившихся въ Успенскомъ Соборѣ.

Въ цѣломъ рядѣ осмотровъ собора и въ разрѣшеніи вопросовъ, относящихся до его реставраціи, въ засѣданіяхъ Коммисіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ принимали дѣятельное участіе: Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова; члены Общества: И. Е. Забѣлинъ, Г. Д. Филимоновъ, А. С. Павловъ, В. И. Сизовъ, А. В. Орѣшниковъ, и члены-архитекторы: Н. В. Никитинъ, А. М. Павлиновъ, А. Л. Оберъ, К. М. Быковскій В. А. Гамбургевъ, С. У. Соловьевъ, И. П. Машковъ, Н. П. Дилекторскій. Членами Высочайше учрежденнаго Комитета отъ Археологическаго Общества были назначены въ началѣ А. М. Павлиновъ, а затѣмъ, по отказѣ его А. Л. Оберъ.

О результатахъ исполненія выработанныхъ Обществомъ заключеній я сообщаю нынѣ весьма краткій очеркъ; подробное изложеніе всего хода дѣла, со всѣми необходимыми чертежами войдетъ въ особое изданіе Реставраціи Успенскаго Собора, предпринимаемое Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Я не коснусь веденія дѣлъ Комитетомъ, столь быстро и успѣшно осуществившемъ всѣ предположенія, но считаю долгомъ прибавить что въ ходѣ работъ принимали участіе назначенные по моему заявленію два помощника производителя работъ, не входящіе въ составъ Комитета: архитекторъ З. И. Ивановъ, замѣститель мой во время моего отсутствія, и архитекторъ С. К. Родіоновъ.

Первый вопросъ, подлежавшій разрѣшенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, касался приведенія въ древній видъ *нижняго яруса оконъ* собора. Уже въ текстѣ къ изданію Рихтера „Памятники древняго русскаго зодчества“ 1849 года, Ив. Е. Забѣлинымъ было установлено, что окна были впервые растесаны въ концѣ XVII вѣка, и сообразно съ этимъ указаніемъ въ изданіи Рихтера соборъ изображенъ съ реставраціей оконъ. Эта реставрація легла въ основу предположеній упомянутаго акта осмотра 1894 года и не могла возбуждать сомнѣній. Ближайшій приступъ къ дѣлу указалъ, что сохранившіяся нижнія части внутреннихъ оконныхъ откосовъ даютъ несомнѣнное указаніе, какъ должно реставрировать эти окна, а осмотръ съ чердака западнаго портика, застроенной портикомъ западной стѣны собора, открылъ явственно кирпичную задѣлку окна между колонками пояса. Въ виду желательности возможно большаго охраненія, прилегающей къ окнамъ внутренней стѣнописи собора, Археологическое Общество признало возможнымъ согласиться съ предположеніемъ Комитета устройства оконныхъ отко-

совъ изъ алебаstra по проволоочной сѣткѣ. При этомъ съ изображеній, бывшихъ на растесанныхъ откосахъ, были сняты кальки съ обозначеніемъ колеровъ для точпаго воспроизведенія ихъ на реставрированныхъ откосахъ приглашенными для этого дѣла иконописцами Чириковымъ и Дикаревымъ. Въ связи съ вопросомъ о реставраціи оконъ стоялъ вопросъ, какія въ нихъ должны быть устроены *рамы*. Въ древности какъ въ окнахъ куполовъ, такъ и въ окнахъ собора были слюдяныя „оконницы“. Благодаря выпискамъ А. И. Юшкова изъ дѣлъ архива Синодальной Конторы, мы знаемъ, что еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, а именно 18 марта 1752 года, протопресвитеръ собора Феодоръ Мартыновъ и ключарь Симонъ Филипповъ донесли въ Московскую Синодальную контору о различныхъ ветхостяхъ Успенскаго Собора и между прочимъ о томъ, что „оконницы слюдяныя во всѣхъ окошкахъ и при нихъ мѣдныя проволочныя сѣтки мѣстами ветхи и особливо въ средней главѣ, одной оконницы половину бурей выломало и въ тѣхъ мѣста влетаютъ птицы и въ зимнее время наносятъ снѣгъ а въ лѣтнее время дождь и отъ онаго всего имѣется немалая нечистота“. Въ текущемъ столѣтіи мы уже давно видимъ въ окнахъ собора зеркальныя стекла, вставленныя въ деревянныя рамы. Обсуждая предложенія Комитета, что нынѣ желательно вмѣсто зеркальныхъ стеколъ малаго размѣра вставить цѣльныя зеркальныя стекла во весь оконный пролетъ, Московское Археологическое Общество, въ виду необходимости дать возможно болѣе свѣта въ соборъ, выразило на предположеніе Комитета свое согласіе. Устроенныя, такимъ образомъ, желѣзныя рамы устраняютъ причину, вызвавшую необходимость растески оконъ, въ то же время прямо, откровенно, правдиво не представляютъ никакой попытки приблизиться подъ то старое, что при условіи достаточнаго освѣщенія, возстановить невозможно.

Западное окно втораго яруса единственное растесанное, также приведено въ одинаковый размѣръ съ прочими окнами того же яруса. Во время производства работъ для вставки желѣзныхъ рамъ оконъ втораго яруса, обнаружилось обстоятельство, которое до устройства лѣсовъ предвидѣть было невозможно. Оказалось, что окна пересѣкаются стѣнными связями. При вынутіи колоды обнаружилось также, что снаружи окно окаймлялось врѣзнымъ въ бѣлокаменной кладкѣ *валикомъ*, который нынѣ вполнѣ возстановленъ. Алтарныя окна, растесанныя въ прямоугольную форму, не представляли вполнѣ точныхъ указаній ихъ древнихъ размѣровъ, и потому, согласно мнѣнію Археологическаго Общества имъ придана форма, соответствующая какъ расчлененію наружныхъ фасадовъ, такъ и внутреннему очертанію сводовъ.

Кромѣ оконъ, устроенныхъ одновременно съ постройкою храма, въ алтарныхъ выступахъ сохранились *малыя окна* съ характерною отдѣлкою XVII вѣка. Эти окна исправлены съ сохраненіемъ той же формы.

Наиболѣе сложнымъ явилось разрѣшеніе вопроса о покрытіи *главъ Собора*. Онъ вызвалъ нѣсколько осмотровъ на мѣстѣ и послѣ многихъ обсужденій въ Обществѣ не устало о немъ единогласнаго мнѣнія.

Тщательный осмотръ установилъ нижеслѣдующее: подъ нынѣ существующими главами, покрытыми по желѣзнымъ каркасамъ или журавцамъ позлащенной мѣдью, *своды куполовъ* оказались покрытыми тонкими листами бѣлаго древняго желѣза непосредственно по кирпичной кладкѣ, которая отъ пять до замка оказалась одинаковой толщины въ три вершка, при діаметрѣ средняго купола 13 арш. 5 вер. и боковыхъ куполовъ 9 арш. 10 вер. Эти своды опираются на кирпичныя стѣны барабановъ, толщиною только въ 10 вершковъ въ малыхъ барабанахъ и 12 вершковъ въ большомъ барабанѣ. Въ *замкѣ сводовъ* заложены *четыреугольныя каменныя плиты* съ четырехугольными посрединѣ углубленіями на 1½ вершка, мѣрою въ 2 вершка. Въ кладкѣ сводовъ, на разстояніи отъ замка сводовъ 4 ар. 3 верш., задѣланы выступающія поверхъ сводовъ *желѣзныя ушки съ отверстіями*.

Одни изъ Членовъ Археологическаго Общества, въ виду того, что нынѣ существующая форма главъ не можетъ быть первоначальною, (что признавалось всѣми), считали желательнымъ возстановить форму главъ XV вѣка, которую они видѣли въ вышеописанныхъ нами *куполахъ свода*, открытыхъ подъ вскрытыми существующими главами. Другіе, вполне признавая, что существующія главы принадлежатъ XVI вѣку, и что первоначальная форма должна была быть инаго очертанія, не признавали возможнымъ допустить, чтобы верхнее желѣзное покрытіе главъ могло быть устроено непосредственно по *открытой сводчатой кладкѣ*, но согласно лѣтописнымъ указаніямъ о пожарахъ начинавшихся съ главъ, покрытіе было и въ древнія времена установлено по деревяннымъ журавцамъ. Признавая на этихъ основаніяхъ *найденное желѣзное покрытіе* только за верхнее покрытіе сводовъ члены эти находили, что возстановить очертаніе этихъ покрытій возможно только предположительно и нежелательно несомнѣнную форму XVI вѣка уничтожать для предположительной поддѣлки подъ формы XV вѣка. Это послѣднее мнѣніе было принято большинствомъ. Уже послѣ рѣшенія вопроса подъ *верхними кровлями алтарныхъ полукружій* открыто совершенно—*однородное нижнее покрытіе по сводамъ* изъ древняго бѣлаго желѣза, указывающее на то, что оно сдѣлано было какъ второе нижнее для предупрежденія течи, такъ часто упоминаемой лѣтописями и другими письменными указаніями. Надъ этимъ покрытіемъ на

стѣнѣ видна *древняя борозда*, соотвѣтствующая, какъ можно предпо- лагать, древнему верхнему кровельному покрытію.

Вся *кровля собора* не подлежала измѣненію въ своей формѣ, такъ какъ стропильное покрытіе не предполагалось передѣлывать, и потому Археологическое Общество не выработывало окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ слѣдовало бы реставрировать крышу въ случаѣ измѣненія стропильной системы. Между тѣмъ осмотръ чердаковъ собора выяснилъ чрезвычайно много интересныхъ данныхъ.

Принимая во вниманіе указаніе, что кровля, устроенная въ настоя- щемъ ея видѣ въ прошломъ столѣтіи подъ наблюденіемъ архитектора Мичурина, представляетъ, особый интересъ тѣми бороздами, которыя находятся на основаніи барабана средней главы, слѣды, указывающіе на болѣе древнее, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе плоское покрытіе и, по всему вѣроятію — двухскатное. Можетъ быть, не напрасно отмѣчено впервые извѣстіе, что въ 1682 году кровля была покрыта по желѣзнымъ дугамъ. Интересно то, что на рисункахъ коронованія царя Михаила Ѳеодоровича мы видимъ неясное выраженіе подобнаго какъ бы двухскатнаго покрытія, переходящаго въ *закругленные закомары*. Полукруглое же очертаніе за- комаръ Успенскаго Собора мы видимъ на всѣхъ сохранившихся древнихъ рисункахъ, изъ которыхъ особое вниманіе заслуживаетъ планъ Москвы 1662 года.

Кровельное покрытіе боковыхъ алтарныхъ полукружій до реставра- ціи настоящаго года представляло двѣ общія прямыя крыши по одной на два боковыхъ полукружія.

По снятіи желѣза съ этихъ кровель открылись на стѣнѣ слѣды *борозды и наружной живописи*, несомнѣнно указывающіе направленіе древняго покрытія, того покрытія, которое мы видимъ на рисункахъ коро- нованія ц. Михаила Ѳеодоровича, и которое по свидѣтельству Софійскаго Временника, была во время пожара 1493 года еще несомнѣнно деревян- ное, покрытое бѣлымъ желѣзомъ. Можно предположить, что деревянные стропила существовали до 1682 года потому, что во время пожара, бывшаго въ этомъ году 26 ноября, на соборѣ сгорѣла вся кровля, перекрытая уже прежде мѣдными листами, а черезъ два года послѣ пожара своды были покрыты луженою мѣдью по желѣзнымъ дугамъ. Возможно, что къ этому времени должно быть отнесено и измѣненіе формы кровли подъ малыми алтарными выступами. Это согласуется съ тѣмъ, что передѣлка должна была быть въ связи съ устройствомъ оконъ въ двухъ юго-восточныхъ сводахъ придѣла Похвалы Пр. Богородицы.

Еще на планѣ 1662 года мы видимъ надъ алтаремъ пять полу- куполовъ и тоже видимъ на рисункѣ коронованія царя Михаила Ѳеодо-

ровича. Извѣстно, что придѣлъ Похвалы Пресвятыя Богородицы былъ первоначально внизу близъ главнаго алтаря, на что указываетъ чинъ постановленія митрополита всероссійскаго и чинъ епископскаго постановленія. О томъ-же что придѣлъ находится на верху мы впервые находимъ указанія въ 1677 году.

Нынѣ крыши алтарныхъ выступовъ восстановлены по древнимъ слѣдамъ *полукуполами*. Проритыя въ сводахъ окна уничтожены, а съ внутренней стороны на задѣлкахъ сводовъ восстановлена утраченная живопись.

Что касается до восстановленія всѣхъ поврежденныхъ частей *блокаменной кладки собора*, то значительныя трещины фасадовъ пробраны вновь кладкою бѣлаго камня, облицованы камнемъ пострадавшія части фасада, при чемъ для восстановленія колонокъ пояса послужила образцемъ указанная Археологическимъ Обществомъ лучше сохранившаяся колонка на сѣверной сторонѣ храма. При этомъ кладка фасадовъ *очищена* отъ наслоенія окраски и нынѣ послѣ многихъ лѣтъ, *блокаменный древній видъ храма открытъ взорамъ*.

Для восстановленія *цоколя* принятъ одинъ общій профиль болѣе древній, какъ указали открытіе стѣнъ собора до самаго ихъ основанія, при чемъ оказалось, что подъ нынѣ существующимъ мощеніемъ площади существуетъ еще два уровня мостовой.

Открытый профиль цоколя далъ возможность опредѣлить, что профиль цоколя восточной стороны храма и частью сѣверной и южной сторонъ уже новаго происхожденія.

При обсужденіи вопроса о цоколѣ академикомъ архитектуры С. У. Соловьевымъ было высказано пожеланіе, принятое Обществомъ, чтобы соборъ былъ *открытъ до основанія* и огражденъ рѣшеткой, какъ это дѣлается въ западной Европѣ при реставраціи особо чтимыхъ памятниковъ. Пожеланіе это не могло быть по многимъ причинамъ осуществлено на дѣлѣ.

Барабаны главъ представляли значительныя наружныя поврежденія въ кирпичныхъ стѣнахъ и въ каменныхъ верхнихъ частяхъ стѣнъ. Особенно пострадали малыя главы, изъ которыхъ юго-западная болѣе другихъ наклонилась. Представилось необходимымъ подлицевать часть кирпичной кладки. При этомъ восстановлены, согласно открытымъ слѣдамъ, *валики*, окаймлявшіе окна. Верхнія каменныя части главъ не представилось возможнымъ перелицевать при толщинѣ всей стѣны въ 10 вершковъ. Подобіе долженствовавшаго быть древняго профиля, утраченное, какъ извѣстно изъ выписи А. И. Юшкова въ XVII столѣтіи, возможно было придать лишь штукатурнымъ шаблономъ.

Особое вниманіе обращалъ на себя *западный порталъ собора* съ

его висячими арками, опирающимися на двѣ колонны. Онъ, повидимому, сильно пострадалъ отъ пожара; каменные капители колоннъ, когда-то подштукатуренныя на гвоздяхъ, представлялись на столько поврежденными, что для восстановленія ихъ формы Обществу предстояло рѣшить, какого должно держаться архитектурнаго мотива для ихъ реставраціи. Признано наиболѣе согласующимся съ общимъ характеромъ портика образецъ капители колонокъ Патріаршаго мѣста Успенскаго Собора. До начала работъ по реставраціи портика колонны его были обдѣланы желѣзомъ, при чемъ нижняя часть ихъ утерялась въ видѣ пьедестала. По снятіи желѣза открылось, что первоначально никакихъ пьедесталовъ не было, а уширеніе возникло изъ необходимости скрыть желѣзныя скрѣпленія колоннъ обручами, которые связывали поврежденныя нижнія части колоннъ. Къ сожалѣнію, представляется совершенно неизбѣжнымъ при сохраненіи портика, оставивъ желѣзныя скрѣпленія, еще увеличить ихъ, вслѣдствіе чего форма колоннъ можетъ быть обработана только съ пьедесталами.

Наружную живопись собора предполагалось по первоначальной смѣтѣ поновить свѣжими колерами, но до приступа къ работамъ, по предложенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, былъ сдѣланъ опытъ *отчистки* верхнихъ слоевъ живописи. При этомъ было сдѣлано въ высшей степени важное открытіе: подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи обнаружилась живопись другихъ очертаній и колеровъ, представляющая значительный художественный и археологическій интерес (*открытый ликъ Святителя Алексѣя поражаетъ особою красотою*). По новѣйшимъ архивнымъ выпискамъ А. И. Юшкова мы знаемъ, что въ 1682 году живопись южнаго фасада собора была возобновлена извѣстнымъ Симономъ Ушаковымъ, и представляется весьма вѣроятнымъ, что эта живопись можетъ быть открыта и реставрирована. Въ виду желательности вполнѣ добросовѣстной и художественной реставраціи живописи Симона Ушакова, реставраціи слишкомъ продолжительной для того короткаго времени, которое оставалось до Св. Коронаванія, Археологическое Общество дало заключеніе, что нынѣ представляется необходимымъ ограничиться единственно промывкой наружной стѣны съ заправкою пятенъ. Эта работа исполнена иконописцемъ Дикаревымъ.

Внутренняя живопись согласно смѣтному предположенію нынѣ отмывается съ заправкою поврежденныхъ частей какъ колерами, такъ и подзолотою. При производствѣ этихъ работъ, порученныхъ иконописцамъ Чирикову и Дикареву, по устройствѣ лѣсовъ была открыта весьма интересная особенность въ способѣ постройки алтарной стѣны. Верхняя часть восточной стѣны надъ аркою средняго алтарнаго выступа не

представляет *сплошной кладки*, но двѣ стѣны, въ 1 кирпичъ толщиною: наружную, покрытую стѣнописью, и внутреннюю, съ пространствомъ между ними шириною 15 верш. и длиною 9 арш. $2\frac{1}{2}$ вер., при высотѣ 4 арш. 12 вершковъ. Это пространство перекрыто по длинѣ аркою, и полъ выложенъ кирпичемъ. Два круглыхъ отверстія на высотѣ отъ пола 1 арш. 10 вер., открывающіяся во внутрь алтаря, были задѣланы деревянными пробками. Съ наибольшею вѣроятностью можно предположить, что эта *пустота* оставлена въ стѣнѣ съ цѣлью возможно большаго облегченія груза на поддерживающую стѣну арку. Другое служебное назначеніе представляетъ намъ пустое пространство, обнаруженное въ основаніи средней главы: вѣроятно, мы видимъ здѣсь *казну*, которую, по сказанію лѣтописи, устроилъ Фіоравенти при самой постройкѣ собора. Этотъ круглый корридоръ съ внутренней стороны купольной стѣны, перекрытый каменными плитами, могъ имѣть доступъ черезъ купольное окно и люкъ въ плитномъ покрытіи корридора.

Въ заключеніе моего краткаго очерка мнѣ остается лишь сообщить самую послѣднюю утѣшительную новость. Внутри храма въ алтарѣ также открываются подъ слоями масляной живописи *слѣды древней стѣнописи собора*, и остается лишь выразить пожеланіе, чтобы скорѣе пришло то время, когда явится возможность полной реставраціи какъ наружной, такъ и внутренней стѣнописи собора и предстанетъ тогда нашъ всероссійскій памятникъ въ его древнемъ видѣ, и тѣмъ достойно увѣнчается нынѣ произведенная по указаніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества архитектурная реставрація.

К. Быковскій.

II.

Предварительный отчетъ В. И. Сизова о поѣздкѣ его съ археологической цѣлью лѣтомъ 1895 г. въ Курляндскую губернію.

Согласно предложенной мнѣ Им. Моск. Археол. обществомъ командировкѣ я, выѣхавъ изъ Москвы 1-го іюня, прежде чѣмъ направиться въ Курляндскую губ.—главную цѣль поѣздки, занялся вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, Ю. Н. Сперанскимъ, раскопками въ м. Гнѣздовѣ (близъ Смоленска) могильника, уже раньше подвергнутаго мною, изслѣдованіямъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, было раскопано 45 кургановъ, обнаружившихъ обычный для указанной мѣстности обрядъ трупосожженія: пережженные кости были

находимы въ горшкахъ, сдѣланныхъ изъ прекрасно обожженной красной глины и весьма характерныхъ для этой мѣстности какъ по своимъ формамъ, такъ и по орнаменту, состоящему изъ параллельныхъ извилистыхъ линій (волнообразный орнаментъ); кромѣ того днища нѣкоторыхъ горшковъ были украшены клеймами. Изъ серіи найденныхъ вещей особенное вниманіе обращаютъ на себя бронзовыя пряжки, медальоны, фибулы, орнаментированныя звѣринимъ и плетенымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля. Хронологически вещи опредѣляются найденной въ видѣ привѣски бронзовой монетой византійскаго императора Льва Мудраго († 913 г.). Владѣлецъ могильника г. Филимоновъ любезно передалъ въ даръ Историческому Музею большой мечъ скандинавскаго типа съ серебряной рукояткой, замѣчательной по своей весьма тонкой технике; мечъ найденъ въ курганѣ владѣльцемъ Гнѣздова при производствѣ хозяйственныхъ работъ.

Въ первыхъ же числахъ іюня мы направились изъ Гнѣздова въ Курляндскую губ. Въ Ригѣ и Митавѣ изученіемъ хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ древностей я имѣлъ въ виду дополнить выработанную въ Москвѣ программу предстоящихъ занятій. Непрерывные дожди позволили приступить къ археологическимъ изысканіямъ только черезъ недѣлю. Благодаря любезности г. Боя, преподавателя Митавской гимназіи, первыя поѣздки съ археологической цѣлью были совершены на югъ отъ Митавы, вверхъ по теченію р. Аа, прежде всего въ имѣніе бар. Франка — Оглей-Сессау, а затѣмъ въ им. кн. Ливена — Мезотенъ. Въ им. бар. Франка были найдены остатки могильника съ погребеніемъ, уничтоженнаго однако добываніемъ камня; нѣкоторые изъ найденныхъ при изслѣдованіи могильника предметовъ напоминали типы, извѣстные изъ раскопокъ Люцинскаго могильника: напр., мечъ своеобразной формы, напоминающей косарь, и витые браслеты. Что касается Мезотена, то въ этомъ имѣніи были осмотрѣны два городища, изъ которыхъ одно хорошо сохранилось; далѣе недалеко отъ господской риги, у картофельнаго поля, была сдѣлана мною пробная яма, въ которой были найдены человѣческія кости и бронзовая гривна, служившія доказательствомъ находженія на этомъ мѣстѣ древняго могильника; дальнѣйшее изученіе его было предоставлено мною владѣльцу. Найденныя въ обоихъ имѣніяхъ описанныя выше вещи, по желанію владѣльцевъ, я былъ вынужденъ оставить у нихъ и долженъ былъ ограничиться выраженіемъ желанія, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, были демонстрируемы на предстоящемъ X-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ.

Въ виду того, что около Митавы лежитъ наиболѣе изслѣдованная мѣстными учеными область Курляндской губ., я предпочелъ направиться

въ мѣстности, лежащая по берегу Балтійскаго моря, такъ какъ онѣ принадлежать къ числу наименѣе изученныхъ въ археологическомъ отношеніи; при этомъ ознакомленіе съ ними мнѣ казалось наиболѣе удобнымъ предпринять изъ Либавы и Виндавы.

Благодаря любезному содѣйствію начальника пограничной стражи полковника кн. А. С. Кречинскаго, мнѣ удалось съ большими удобствами прежде всего обследовать мѣстность по морскому берегу до Верхней и Нижней Бартавы, гдѣ однако произведенныя мною пробныя раскопки не дали удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ найденныя при костякахъ польскія монеты XVII в. (Яна Казиміра) свидѣтельствовали о позднему погребенію.

Посѣщеніе знаменитаго могильника въ Капсетенѣ убѣдило, что могильникъ разрушенъ почти окончательно добываніемъ камня для устройства порта. Но подрядчикъ работъ г. Кобленць любезно предоставилъ въ даръ Историческому Музею коллекцію собранныхъ имъ на мѣстѣ предметовъ, тѣмъ болѣе важную, что значительная часть найденныхъ въ прежнее время въ этомъ могильникѣ вещей находятся за предѣлами Россіи, въ Берлинскомъ Музеѣ.

Дальнѣйшія изслѣдованія свои я продолжалъ черезъ Гробинь, Дурбенъ, Лигутенъ и Газенпотъ къ Гольдингену. Пробныя изслѣдованія въ этихъ мѣстностяхъ обнаруживали однако лишь факты поздняго погребенія съ монетами XVII в. Изъ Гольдингена я отправился по теченію р. Виндавы до г. Виндавы; на этомъ пути мое вниманіе особенно было привлечено мѣстностями Шлекъ и Пассильномъ, куда я прибылъ послѣ не давшихъ положительныхъ результатовъ раскопокъ въ Набенѣ.

Пассильнъ лежитъ недалеко отъ Шлека и въ 35 верст. отъ г. Виндавы, на лѣвомъ берегу р. Виндавы; здѣсь былъ мною изслѣдованъ обширный могильникъ съ трупосожженіемъ; разработка его производилась здѣсь въ теченіе болѣе 10 дней. Одновременно невдалекѣ отъ Пассильна была мною изслѣдована еще одна мѣстность близъ усадьбы Пуне, гдѣ раскопки обнаружили могильникъ съ погребеніемъ, относящійся, судя по найденнымъ при костякахъ, монетамъ къ XVI — XVII вв. Въ им. Шлекъ (на правомъ берегу р. Виндавы) мнѣ удалось обнаружить 2 могилы, весьма интересныхъ по своей связи съ могильникомъ въ Пассильнѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу рѣки.

Дальнѣйшія изысканія въ Варвенѣ, въ 10 верст. отъ г. Виндавы на лѣвомъ берегу р. Виндавы, въ имѣніи бар. Фелькерзама, весьма любезно содѣйствовавшему раскопкамъ, обнаружили остатки могильника съ трупосожженіемъ того же культурнаго типа, какъ и въ Пассильнѣ. Изъ Виндавы мною была предпринята экскурсія къ давно уже извѣ-

стному въ археологической литературѣ могильнику въ Хазавѣ, лежащему между р. Хазавой и морскимъ берегомъ, въ 2-хъ верстахъ отъ послѣдняго. Раскопки этого могильника, весьма испорченнаго картофельными ямами, тѣмъ не менѣе дали много вещей, совершенно сходныхъ съ вещами изъ Пассильна; также сходнымъ оказался и самъ похоронный обрядъ — трупосожженіе. Далѣе, на самой р. Хазавѣ, въ 3-хъ верст. отъ изслѣдованнаго могильника, на правомъ, крутомъ берегу рѣки, былъ найденъ могильникъ съ погребеніемъ, судя по найденнымъ монетамъ, XV—XVI вв.; затѣмъ въ 35 верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, у истоковъ р. Хазавы, надъ озеромъ, въ мѣстности Альтшвангенъ мной изслѣдованъ могильникъ съ трупосожженіемъ, относящійся къ той-же культурѣ, какъ и могильникъ въ Пассильнѣ.

Кромѣ того мною были изслѣдованы окрестности г. Виндавы, и совершена развѣдочная поѣздка въ Попенъ и Ангермюнде. Изслѣдованіе окрестностей г. Виндавы дали отрицательные результаты. Окончивъ работы въ этомъ районѣ я переправился на пароходѣ въ Либаву, съ цѣлью сдѣлать оттуда побережную экскурсію до Полангена. Эта экскурсія дала возможность констатировать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, близъ берега, факты погребенія сравнительно новаго—XVI—XVII вв.; изслѣдованіямъ на р. Свентѣ препятствовали дожди и отсутствіе гр. Тышкевича, владѣльца сосѣднихъ лѣсовъ, въ Полангенѣ. Переѣздомъ въ Либаву черезъ Папензе, Вурцаву и Нижнюю Бартаву закончилась моя длившаяся 2¹/₂ мѣсяца поѣздка въ Курляндской губ.

Закончивъ свой краткій обзоръ путешествія я считаю теперь удобнымъ перейти къ описанію коллекцій, найденныхъ въ Пассильнѣ и въ Хазавѣ (извѣстной у латышей подъ названіемъ “Ужава“). Наиболѣе богатый и научный матеріалъ оказался въ могильникѣ въ Пассильнѣ, впервые подвергнутаго мною научнымъ раскопкамъ. Могильникъ представляетъ небольшую плоскость, примыкающую къ современному сельскому кладбищу и возвышенную нѣсколько надъ ближайшимъ берегомъ рѣки Виндавы, которая однако во время разлива доходитъ до самаго могильника. Ровная поверхность не представляетъ никакихъ особенныхъ примѣтъ могильника, только въ одномъ мѣстѣ снятый дернъ указывалъ на случайную раскопку двухъ туристовъ изъ Риги. Отъ этого небольшого углубленія работа была начата траншеями, глубиной до двухъ метровъ. Разрѣзъ представлялъ вслѣдъ за дерномъ песчаный слой, смѣшанный съ мелкимъ углемъ и золой. Болѣе низкій слой, весьма мощный, состоялъ изъ сплошнаго угля, смѣшаннаго съ золой и бывшими въ огнѣ предметами. Этотъ черный слой покоился на слоѣ желтаго песку, имѣвшаго уже характеръ грунта. На этомъ грунтѣ попа-

дались груды предметовъ, заботливо сложенные, состоящія преимущественно изъ оружія, земледѣльческихъ орудій и конской сбруи. Такъ, напр., въ такой грудѣ почти всегда можно было встрѣтить мечъ, косу (иногда двѣ), серпы, наконечники копій и дротиковъ, шпоры, стремена и бляхи отъ сбруи, а иногда и складные вѣсы. Вблизи такихъ группъ находилось небольшое количество жженныхъ костей, предметы женскаго украшенія какъ, напр., гривны, браслеты, большей частію поломанные и испорченные огнемъ. Скопленіе подобныхъ предметовъ обозначалось пониженіемъ чернаго слоя, образующимъ въ разрѣзѣ подобіе очертанія ямы; такихъ грудъ было найдено до 12-ти. Разстояніе между ними было до 2-хъ аршинъ.

Обращаясь къ инвентарю могильника, отмѣчаю прежде всего большое количество оружія весьма характернаго по техникѣ и стилю. Первое впечатлѣніе, полученное отъ найденнаго оружія, заставляло невольно вспоминать изображеніе на извѣстномъ коврѣ Матильды (*tapisserie de Bayeux*), изготовленіе котораго можно отнести ко времени послѣ 1066 г. Такъ изъ предметовъ

вооруженія найденный мною шлемъ представлялъ собой совершенно норманскую шапку конической формы, составленную изъ 4-хъ треугольниковъ, прикрытыхъ у основанія вѣнцомъ съ наносникомъ, отъ котораго, впрочемъ, сохранилась только часть (рис. 5). Плохая сохранность шлема объясняется

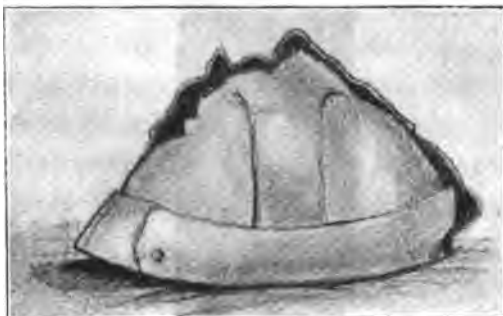

Рис. 5.

тѣмъ, что онъ былъ намѣренно сплюснутъ ударомъ, какъ и многіе другіе предметы, найденные при этомъ погребальномъ ритуалѣ. Найденные мечи представляли три формы: одни, наиболѣе длинные, относятся къ типу скандинавскихъ мечей, изображенныхъ на упомянутомъ коврѣ и весьма близкихъ по размѣрамъ и формамъ, къ находимымъ въ русскихъ могильникахъ, напр., въ Гнѣздовѣ и изъ раскопокъ г. Бранненбурга въ южномъ Приладожьѣ ¹⁾. Сходство это выражалось въ слѣдующемъ: широкій длинный клинокъ, имѣвшій посрединѣ ложбину, заканчивался рѣзко къ концу остриемъ, съ другого конца представлялъ широкій стебель или пятку клинка, на которую насаживались части рукояти, а именно: нижняя крестовина, по отношенію къ ширинѣ клинка

¹⁾ Колл. Историч. Музея.

Рис. 6.

Рис. 7.

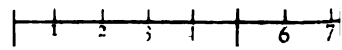
очень небольших размѣровъ, верхняя крестовина меньшаго размѣра, на которой покоилось уже закругленное навершье (рис. 7). Всѣ эти

части рукояти украшались серебряной насѣчкой и даже накладнымъ или наварнымъ серебромъ съ черневымъ орнаментомъ. Широкий стebelъ клинка заставляетъ предполагать, что деревянной рукояти здѣсь не могло быть, а скорѣе стebelъ былъ обтянутъ кожей или тонкой серебряной проволокой, которая могла и не сохраниться при сожженіи, но сохранилась на одномъ экземплярѣ меча, найденномъ г. Бранденбургомъ при обыкновенномъ погребеніи. (*Мат. по Археологiи Россiи. Курганы юж. Приладожья, стр. 60*). Разумѣется, ножны отъ мечей не могли сохраниться, но найдено много наконечниковъ, отлитыхъ изъ бронзы и украшенныхъ рельефнымъ орнаментомъ того-же скандинавскаго стиля. Вообще мечи эти, повидимому, служили больше рубящимъ, чѣмъ колющимъ оружіемъ. Клинки, ограниченные почти параллельными линиями рѣзко отличаются отъ клинковъ XIII в., примѣры которыхъ мы видимъ въ мечахъ Довмонта и Всеволода - Гавриила псковскихъ, гдѣ клинокъ заостряется постепенно. Весьма возможно, что эти мечи являются здѣсь издѣліемъ завознымъ, хотя орнаменты рукоятей весьма просты и сближаются съ орнаментами другихъ предметовъ этого стиля. Только мечъ, найденный въ Хазавѣ, хотя и относится къ этому-же типу, представляетъ разновидность въ томъ отношеніи, что, сохраняя тѣ-же формы, онъ отличается болѣе деликатными размѣрами и имѣетъ рукоять также какъ и наконечникъ отлитые изъ бронзы съ весьма изящнымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля, съ характерными головками драконовъ на перекрестѣ (рис. 6). Второго типа мечи, можно думать, судя по простотѣ техники, относятся къ издѣліямъ мѣстнымъ: рукоятка состоитъ изъ весьма простаго желѣзнаго перекрестья, а верхушка — изъ выгнутой кверху и сплющенной пластинки. Третьяго типа мечи въ цѣльномъ видѣ не найдены, но ихъ отличительная черта заключается въ навершьѣ, состоящемъ изъ весьма массивнаго желѣзнаго шара, лишь слегка сплющеннаго съ боковъ, и представляетъ собою зачатокъ той чечевицеобразной верхушки, которая составляетъ характерное украшеніе западныхъ мечей XII — XIII столѣтiя. Цѣльныхъ мечей найдено 10, клинковъ безъ рукоятокъ такое-же количество и, кромѣ того, нѣсколько обломковъ отъ мечей. На одномъ клинкѣ сохранилось инкрустированное серебромъ клеймо, представляющее три знака, напоминающихъ букву Т. Возлѣ мечей неизмѣнно находились сѣкиры, весьма характерной скандинавской формы, встрѣчаемой въ изобиліи на изображенiяхъ ковра Матильды. Сѣкиры этого типа встрѣчались нерѣдко при раскопкахъ покойнаго г. Ивановскаго въ курганахъ въ бывшей Вотской пятинѣ ¹⁾. Въ особенности интересенъ экземпляръ одной сѣкиры, весьма

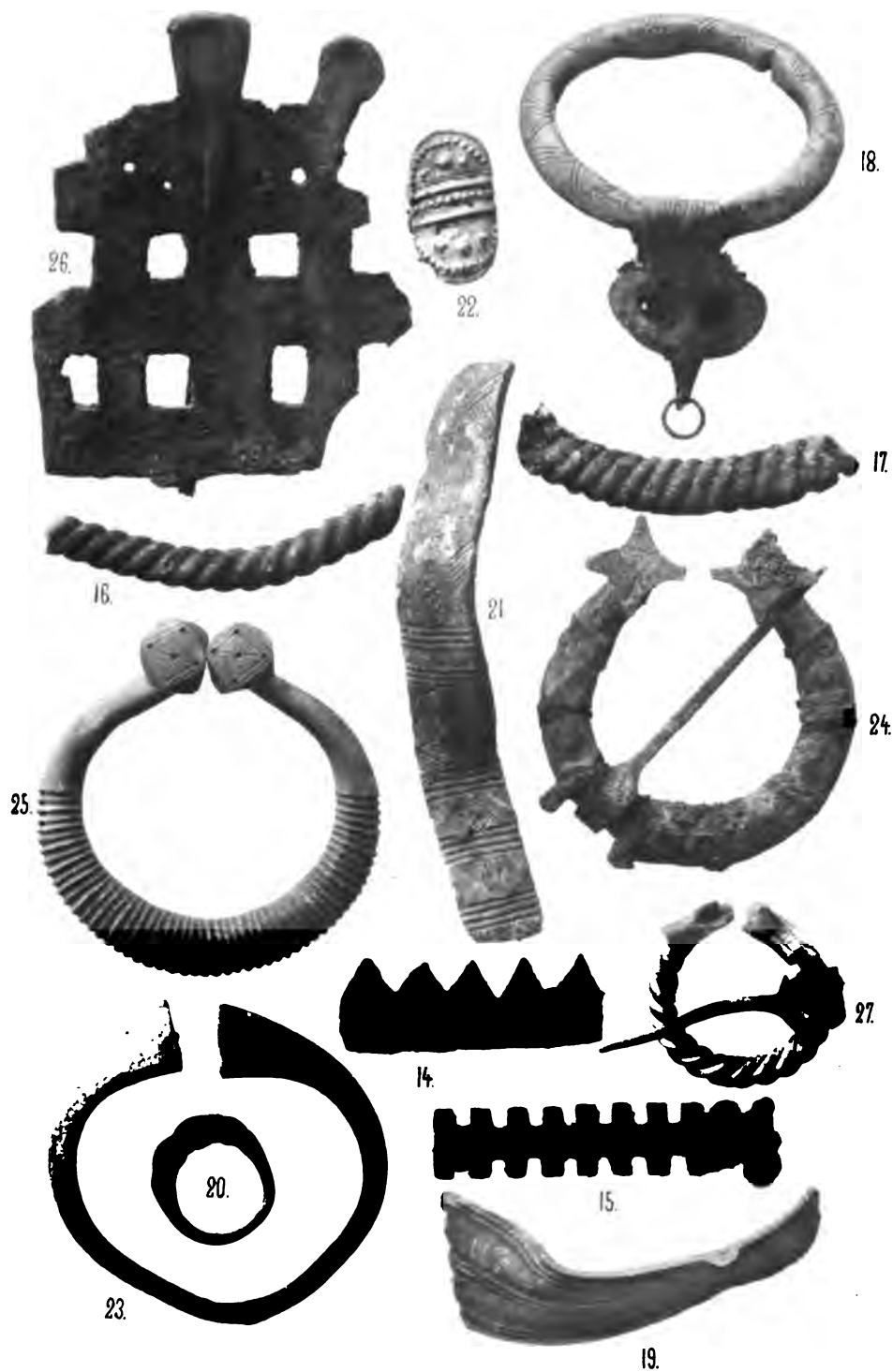
¹⁾ Подобнаго рода топоры употребляются въ настоящее время крестьянами всей центральной Россiи.

большихъ размѣровъ, поверхность которой съ обѣихъ сторонъ была сплошь украшена углубленнымъ рисункомъ изъ завитковъ, инкрустированныхъ прежде серебромъ; но отъ дѣйствія огня серебро сохранилось въ видѣ слившихся капель, которыми усѣяна поверхность (Табл. I рис. 1). Кромѣ этихъ боевыхъ сѣкиръ найдено нѣсколько т. н. вотивныхъ топориковъ, миниатюрныхъ, повторяющихъ форму или описанныхъ выше сѣкиръ, или форму тѣхъ сѣкиръ, которыя обычны въ курганныхъ находкахъ центральной Россіи (Табл. I рис. 2 и 3).

Изъ числа многочисленныхъ наконечниковъ копій, найденныхъ въ Пассильнѣ и Хазавѣ, можно отмѣтить типы весьма изящныхъ, длинныхъ наконечниковъ (Табл. I. рис. 4) и болѣе короткихъ, широкихъ листовидной формы, напоминающихъ типъ La-Tène (Табл. I. рис. 5); встрѣчаются также копья ромбидныя, вытянутыя кверху (Табл. I. рис. 6). Кромѣ копій, найдено немало наконечниковъ отъ метательныхъ копій или дротиковъ, представляющихъ болѣею частью листовидную форму растенія дрока, на длинномъ стержнѣ, который заканчивается обыкновенно загибомъ, приспособленнымъ для болѣе неподвижнаго утвержденія стержня въ древкѣ (Табл. I. рис. 7 и 8). Подобнаго рода дротики замѣчаются въ рукахъ воиновъ, изображенныхъ на коврѣ Матильды. Въ группѣ оружія встрѣчались неизмѣнно и шпоры, нерѣдко въ одномъ экземплярѣ; найденныя шпоры представляютъ два типа: болѣе древній—шпоры съ шипомъ, болѣе поздній—шпоры съ подвижнымъ зубчатымъ колесикомъ; судя по отверстиямъ на концахъ, шпоры прикрѣплялись при помощи ремня къ ногѣ, какъ это изображено на упомянутомъ коврѣ (Табл. I. рис. 9 и 10). Особенно характерными предметами могильника можно считать большое и разнообразное количество предметовъ, относящихся къ конской сбруѣ. Такъ кромѣ стремянъ обычной формы за исключеніемъ, впрочемъ, одного стремени, весьма своеобразнаго по формѣ (Табл. I рис. 11) къ числу предметовъ конской сбруи можно отнести плоскія, круглыя желѣзныя бляхи съ полушарообразной серединой и тремя ушками, къ которымъ посредствомъ загибовъ прикрѣплялись красиво-вырѣзныя желѣзныя пластинки, составлявшія часть набора уздечки (Табл. I рис. 12 и 13); иногда впрочемъ одна изъ пластинокъ замѣнялась цѣпью. Къ набору уздечки можно также отнести множество пластинокъ, зубчатыхъ съ одной стороны (Табл. II рис. 14 и 15). Всѣ упомянутые предметы, сдѣланные изъ желѣза, украшены были сплошь густо наложеннымъ серебромъ (наварнымъ) съ тонкимъ черневымъ узоромъ. Слѣды серебра на этихъ бляхахъ мѣстами сохранились весьма явственно. Въ особенности красивымъ узоромъ отличается бляха (рис. 8), весьма характерная для помянутой культуры, стилемъ своимъ напоми-

наючая вмѣстѣ съ другими подобными бляхами вырѣзную работу изъ дерева. Весьма вѣроятно, что къ числу сбури слѣдуетъ отнести также крестообразныя желѣзныя фибулы, и квадратной формы большую желѣз-

Рис. 8

ную фибулу, представляющую собой вариантъ бронзовыхъ фибулъ, найденныхъ въ Пассильнѣ.

Вмѣстѣ съ грудами оружія всегда находимы были и орудія земледѣлія: косы и серпы. Косы весьма большихъ размѣровъ, прикрѣплялись къ древку посредствомъ загиба, приспособленнаго для укрѣпленія обоймица или кольца. Такимъ-же способомъ прикрѣплялись въ большинствѣ

Рис. 9

случаевъ и серпы, хотя у нѣкоторыхъ экземпляровъ встрѣчаются уже сверлины для гвоздей. Какъ при грудахъ оружія, такъ и въ сторонѣ найдено большое количество бронзовыхъ оправъ отъ роговъ для питья (болѣе 100 экземпляровъ). Въ цѣльномъ видѣ сохранился только одинъ экземпляръ (рис. 9); эти сосуды сдѣланы изъ бычачьихъ роговъ, оправлены съ широкаго конца бронзовымъ кольцомъ съ вырѣзными бронзовыми пла-

стинками, къ которымъ иногда прикрѣплялись колючки (Табл. II рис. 18). Весьма интересно отмѣтить здѣсь, что большое количество найденныхъ роговъ, въ сравненіи съ количествомъ другихъ предметовъ, напр., мечей, указываетъ на тотъ фактъ, что присутствовавшіе бросали рога къ останкамъ покойника и это тѣмъ вѣроятнѣе, что рога не сохранили ни малѣйшихъ признаковъ огня.

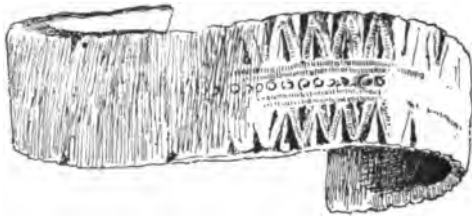

Рис. 10.

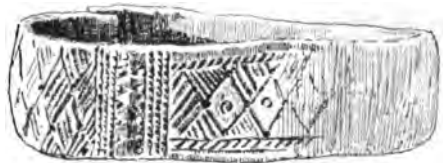

Рис. 11.

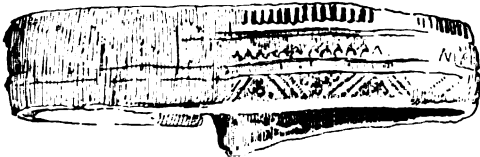

Рис. 12.

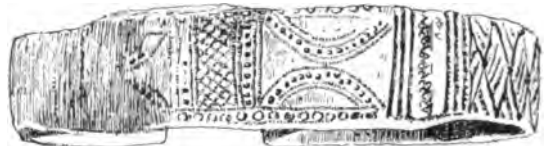

Рис. 13.

Рис. 14.

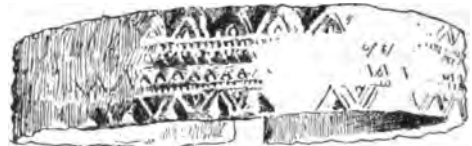

Рис. 15.

Бронзовые складные вѣски также находимы были часто при грудахъ оружія, нерѣдко съ двустороннимъ бронзовымъ футляромъ, а вблизи находились и разновѣски.

Переходя къ украшеніямъ (гривнамъ и браслетамъ) слѣдуетъ замѣтить, что они находились часто невдалекѣ отъ груди оружія и представляли изъ себя сцѣпленную въ комъ и сплавленную массу предметовъ, при чемъ нужно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что почти всѣ найденныя гривны, за немногими исключеніями, представляютъ видъ жгута находимаго большей частью въ мелкихъ обломкахъ (Табл. II, рис. 16 и 17). Браслеты вообще не сомкнуты массивные, неширокіе (Табл. II рис. 23). Въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ по отношенію къ орнаменту они представляютъ не много вариантовъ (рис. 10—15, Табл. II рис. 21); лишь немногіе экземпляры напоминаютъ форму выгнутого листа, указывающую на уцѣлѣвшія традиціи гораздо болѣе древняго времени (Табл. II, рис. 19).

Въ найденныхъ перстняхъ замѣчаются двѣ основныя формы: перстни въ формѣ жгутика, расширеннаго въ одной части и перстни въ формѣ простаго кольца, расширенная середина котораго представляетъ видъ овальнаго щитка, украшеннаго орнаментомъ (Табл. II. рис. 20 и 22). Къ женскимъ украшениямъ должно отнести остатки бусъ, пощаженныхъ случайно огнемъ; бусы по большей части желтыя изъ пасты и изъ стекловидной массы темнаго цвѣта; онѣ укрѣплялись различнымъ способомъ: болѣе крупныя нанизывались на толстый желѣзный стержень или гривну, что ясно указываютъ сохранившіеся остатки; болѣе мелкія, желтыя, нанизывались на тонкія бронзовыя проволоки, которыя въ нѣсколько рядовъ лежали на верхней части груди и придерживались въ порядкѣ поперечными бронзовыми бляхами, съ отверстиями для проволоки; эти бляхи поддерживали низки бусъ въ постоянномъ порядкѣ¹⁾. Къ числу привѣсокъ можно отнести ромбической формы медальоны на цѣпочкахъ съ горошчатымъ орнаментомъ и такого-же типа медальоны круглой формы; литые изъ бронзы маленькіе четырехконечные крестики т. наз. корсунскаго типа, находимые часто въ могильникахъ средней Россіи и относящихся къ XI—XII вв. Въ числѣ привѣсокъ найдено также 11 серебряныхъ монетъ, западныхъ, относимыхъ къ XIII в., и одинъ брактеевъ, отнесенный къ началу XIV в.¹⁾.

Изъ числа найденныхъ фибулъ, особенно характерными для изслѣдованной мѣстности, можно считать фибулы небольшого размѣра, витыя жгутикомъ, концы которыхъ приподняты и напоминаютъ форму драконовыхъ головокъ (Табл. II рис. 27). Другого рода подковообразныя фибулы отличаются болѣе массивнымъ характеромъ, гладкой поверхностью, украшенной рельефными перехватами, напоминающими издѣлія т. н. готскаго стиля (Табл. II рис. 24). Наиболѣе массивныя подковообразныя фибулы имѣютъ рубчатую поверхность (Табл. II рис. 25). Особый типъ представляютъ весьма крупныя плоскія квадратной формы фибулы съ квадратными прорѣзками на поверхности (Табл. II рис. 26) слѣдуетъ замѣтить, что подобныя фибулы хотя и встрѣчаются въ другихъ могильникахъ, какъ, напр., въ Люценскомъ, но встрѣчаются лишь спорадически, что указываетъ тамъ на ихъ заносный характеръ.

Къ предметамъ домашняго хозяйства и промысловъ можно отнести большую коллекцію желѣзныхъ ножей, различной формы съ орнаментомъ на клинкахъ, и также шила, мелкое долото и огнива двухъ обычныхъ типовъ, встрѣчаемыхъ въ курганахъ средней Россіи, висячіе замки

¹⁾ Подобный способъ прикрѣпленія рядовъ бусъ посредствомъ поперечныхъ пластинокъ встрѣчается еще въ весьма древнее время.

²⁾ Монеты были любезно опредѣлены А. В. Орешниковымъ и г. Иверсеномъ.

и фрагменты отъ сосудовъ. Последніе находились всегда разбросанными на большомъ пространствѣ; въ большинствѣ случаевъ поверхность имѣли гладкую, причемъ только по краю отверстія находился рубчатый вдавленный орнаментъ. Только два фрагмента сохранили орнаментъ на поверхности (рис. 16 и 17). Одинъ изъ фрагментовъ (рис. 17) можно отнести смѣло къ волнообразнымъ (Wellenornament), представляющій специ-

Рис. 16

Рис. 17

ческий признакъ славянскихъ гончарныхъ издѣлій. Какъ ни мелки найденные черепки посуды, они даютъ однако полную возможность утверждать, что это были сосуды удлиненной формы, расширены кверху съ небольшими загнутыми бережками. Составъ глины весьма грубый, съ большой примѣсью кварца, темнубураго цвѣта. По расположенію черепковъ и по ихъ дробности должно предположить, что сосуды эти при погребеніи разбивались и никогда не ставились цѣлыми. Грубый составъ глины быть можетъ указываетъ на тотъ фактъ, что сосуды изготовлялись специально для упомянутаго обряда.

Культура могильника Пассильна путемъ раскопокъ была обнаружена мною не только въ Хазавѣ (Ужавѣ), но также въ Альтшвангенѣ и Варвенѣ. Сходство заключается не только въ предметахъ но и въ обрядахъ погребенія; принесенная Историческому Музею въ даръ г. Кобленцомъ коллекція древнихъ вещей изъ могильника въ Капсентенѣ, по нашему мнѣнію, указываетъ также на родственный характеръ этихъ вещей съ культурой Пассильна, хотя въ данномъ случаѣ мы не можемъ касаться вопроса о сходствѣ въ погребальномъ обрядѣ. Такимъ образомъ, культура Пассильна захватываетъ мѣстность приблизительно отъ г. Виндавы, такъ какъ разстояніе между городомъ и могильникомъ въ Варвенѣ-Пассекстенѣ всего 7 верстъ, далѣе вверхъ по р. Виндавѣ на 35 верстъ, т. е. до Пассильна, и отсюда линия культуры по моимъ изслѣ-

дованіямъ идетъ до истоковъ р. Хазавы (Ужавы) у мѣстечка Альтшвангена и, наконецъ, по р. Хазавѣ, внизъ почти до самаго устья въ двухъ верстахъ отъ моря.

Если предположить родственную связь съ могильникомъ въ Капсетенѣ, то линія эта по берегу моря на югъ можетъ дойти почти до Либавы или точнѣе до Гробина, вблизи котораго находится Капсетенъ.

Обращаемся теперь къ фактамъ, представляющимъ обыкновенное погребеніе. Вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились изслѣдованные мною могильники съ сожженіемъ мнѣ приходилось встрѣчать и могильники съ обыкновеннымъ погребеніемъ. Такъ, въ Пассильнѣ верхній слой могильника былъ занятъ вставленными туда въ выкопанныхъ ямахъ погребенными скелетами; уже по самому характеру устройства этихъ могилъ, вставленныхъ въ чужомъ слоѣ пережженныхъ костей, зола и угля, можно ясно опредѣлить болѣе поздній характеръ этого погребенія, прикрывшій собою болѣе древній могильникъ съ трупосожженіемъ и находящійся въ живой непосредственной связи съ современнымъ кладбищемъ латышей. Характеръ найденныхъ при этихъ скелетахъ вещей точно также указываетъ на различіе времени и въ особенности на различіе культуры обитателей этихъ мѣстъ, сжигавшихъ своихъ покойниковъ, съ обитателями, погребавшими ихъ. Изъ числа предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на тѣ, которые представляютъ сходство съ вещами и до настоящаго времени встрѣчающимися у латышей, какъ, напр., сакты (т. е. пряжки въ формѣ плоскаго кольца съ булавкой), бронзовые пояса въ формѣ цѣпей, которые до настоящаго времени составляютъ старинный нарядъ латышской женщины; вѣнчики изъ бересты съ бронзовыми пластинками; наконецъ щетки изъ пучковъ жесткихъ волоконъ до сихъ поръ существующіе у латышей взамѣнъ гребней. Наконецъ, слѣдуетъ обратить также вниманіе на положеніе скелетовъ, весьма опредѣленное съ востока западъ (головой на западъ). Монеты указываютъ также на болѣе поздній характеръ этихъ могилъ. Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, нѣтъ сомнѣнія что погребенные покойники относятся къ латышскому населенію и ко времени ихъ первоначальной колонизаціи этихъ мѣстъ. Въ Шлекѣ, по правую сторону рѣки Виндавы, въ трехъ верстахъ отъ Пассильна вверхъ по теченію, найдены скелеты относящіеся къ той-же латышской культурѣ, но болѣе древняго времени.

Связь могилъ въ Шлекѣ съ могилами съ погребеніемъ Пассильнѣ, устанавливается найденными совершенно сходными наконечниками своеобразной формы и орнамента отъ ноженъ кинжаловъ, поясомъ въ формѣ цѣпи, сактами и, наконецъ, самимъ положеніемъ скелета головой на западъ.

Подобнаго рода могилы съ погребеніемъ встрѣчены мною внизъ по Виндавѣ верстахъ въ 2-хъ отъ Пассильна, на землѣ крестьянина Пуне, а также вблизи отъ берега Виндавы, въ 3-хъ верстахъ отъ могильника съ сожженіемъ въ Варвенѣ, и въ 3-хъ верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, на крутомъ правомъ берегу рѣки.

Указанные факты заставляютъ предполагать, что культура могильника съ сожженіемъ въ Пассильнѣ и другихъ сходныхъ съ нимъ могильникахъ предшествовала во всей означенной мѣстности болѣе поздней латышской культурѣ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ опредѣленіи національнаго характера пассильнскаго могильника съ трупосожженіемъ, мы считаемъ пока преждевременнымъ относить этотъ могильникъ къ той или другой народности, но считаемъ умѣстнымъ теперь-же указать на черты культурнаго сродства и различія съ древностями сосѣднихъ странъ. Такъ нельзя не отмѣнить, что замѣченное мною съ самаго начала сродство съ скандинавской культурой ограничивается исключительно предметами вооруженія; но въ украшеніяхъ и земледѣльческихъ орудіяхъ уже нельзя найти связи съ этой культурой; сродство-же въ оружіи не даетъ рѣшающаго значенія этому факту, такъ какъ этого типа оружіе было весьма распространеннымъ по всему побережью Балтійскаго моря. Здѣсь-же слѣдуетъ отмѣтить только тотъ характерный фактъ, что типы найденнаго оружія отличаются весьма большимъ архаизмомъ по отношенію ко времени могильника, опредѣляемому найденными монетами. Нельзя также не указать, на ту характерную особенность могильника, что среди найденныхъ тамъ вещей большое количество относится къ украшеніямъ конской сбруи, отдѣланнымъ весьма богато накладнымъ серебромъ и чернью, но по орнаменту не имѣющимъ большаго родства съ Скандинавіей. Это богатство украшеній, относящихся, безъ сомнѣнія къ боевому коню, заставляеть невольно вспоминать о священномъ значеніи боеваго коня у язычниковъ Рюгена и Штетина; даже гаданье по средствомъ коня, какъ и въ упомянутыхъ святилищахъ, существовало еще въ среди туземцевъ Прибалтійскаго края во время Генриха Латышскаго, что по нашему мнѣнію, указываетъ на живую культурную связь между упомянутыми мѣстностями и святилищами Рюгена и Штетина. Переходя затѣмъ къ орнаментации вещей, напр., браслетовъ и привѣсокъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ элементами простаго геометрическаго орнамента, но по тонкости выполненія и разнообразію комбинацій основныхъ формъ представляющаго весьма оригинальную и достигшую извѣстной степени совершенства стадію развитію (рис. 10—15).

По нашему мнѣнію, наибольшее сродство вещей пассильнскаго

могильника мы находимъ съ вещами, добытыми изъ раскопокъ въ мѣстностяхъ восточной Пруссіи, Бранденбурга и Помераніи. Такъ, сравнивая найденныя вещи съ вещами, изображенными на фотографіяхъ въ Photographisches Album der prähistorischen und anthropologischen Ausstellung zu Berlin 1880 г. мы находимъ полное тождество въ слѣдующихъ предметахъ: наконечники дротиковъ (Табл. I рис. 7 и 8), копій всѣхъ типовъ (Табл. I рис. 4—5), отчасти меча (различіе въ этомъ случаѣ лишь въ томъ, что мечъ изъ Бранденбурга при сохраненіи той-же техники представляетъ болѣе яркій примѣръ скандинавской орнаментации); особенно замѣтно сходство въ фибулахъ и въ черепкахъ сосудовъ, которые по надписямъ въ названномъ изданіи опредѣляются терминомъ „jüngstes heidnisches Zeitalter“. Указанный нами архаизмъ не ограничивается только оружіемъ, но обнаруживается по сравненіи съ коллекціями въ Пруссіи и въ другихъ предметахъ; такъ, напр., упомянутыя нами выше низки бусъ на проволокахъ, перехваченныя бронзовыми пряжками имѣютъ своимъ прототипомъ перехваты для бронзовыхъ гривнъ уложенныхъ въ нѣсколько рядовъ и относящихся въ Пруссіи къ концу бронзоваго вѣка. Что касается погребенія безъ урнъ, безъ насыпки кургановъ, то подобные факты встрѣчаются на побережьѣ Пруссіи (Beschreib. d. vaterland. Alterthümer im Neustettiner und Schlochauer kreise v. Kasizki). Такимъ образомъ вообще связь изслѣдованнаго нами могильника въ Пассильнѣ, какъ главнаго среди ему подобныхъ, является для насъ весьма вѣроятной съ побережьемъ Пруссіи не только на основаніи сходства вещей, но и на основаніи самого обряда погребенія; съ другой стороны нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ культурѣ могильника въ Пассильнѣ съ культурой того-же прибалтійскаго края, но относящейся къ тѣмъ насельникамъ, которые не сожигали а хоронили своихъ покойниковъ. По нашему мнѣнію сходство *нѣкоторыхъ* предметовъ *въ отдельности* съ предметами изъ того или другого могильника не могутъ нарушить или ослабить общаго впечатлѣнія несходства. Въ настоящее время мы ограничимся этими лишь указаніями, оставляя пока болѣе сложные историческіе и національные вопросы въ сторонѣ—до болѣе благоприятнаго времени.

В. И. Сизовъ.

III.

Видъ г. Смоленска временъ Петра I.

Считаю своею пріятною обязанностію препроводить на разсмотрѣніе Общества весьма рѣдкій видъ г. Смоленска (центральной его части) временъ императора Петра I. Видъ этотъ снятъ мною при содѣйствіи мѣстнаго смоленскаго археолога и историка С. П. Писарева чрезъ кальку съ образа препод. Авраамія и св. Меркурія, смоленскихъ чудотворцевъ, находящагося нынѣ въ церкви с. Свирякова (оно же и Сверчково) Смоленскаго уѣзда (въ 28 вер. отъ города Смоленска), и входившаго ранѣе въ составъ иконостаса теплаго Смоленскаго собора. Съ устройствомъ въ этомъ соборѣ новаго иконостаса прежній иконостасъ переданъ былъ въ 1850-хъ гг. по просьбѣ мѣстнаго помѣщика въ приходскую церковь с. Свиряково, гдѣ онъ и находился до 1893 г. Въ 1893 году церковь отъ грозы сгорѣла, но благодаря тому, что пожаръ начался съ верхней части храма и произошелъ днемъ, вся внутренняя обстановка ея, въ томъ числѣ и иконостасъ, были спасены.

Образъ, съ котораго снятъ видъ г. Смоленска, около 2-хъ аршинъ вышины и 1½ аршина ширины. Преп. Авраамій и св. Меркурій изображены во весь ростъ: преп. Авраамій въ монашеской одежѣ, съ открытой головой; волосы на головѣ и бородѣ длинные, темные съ просѣдью; лицо довольно полное. Св. Меркурій изображенъ въ видѣ молодого воина въ кольчугѣ, хорошо, отчетливо выписанной, съ епанчей на плечахъ, съ открытою головой, безъ вооруженія—копье и щитъ лежатъ на землѣ у его ногъ. Лица святыхъ и ихъ одѣянія выписаны тщательно; краски довольно яркія, контуры отчетливы. Фонъ образа золотой съ тисненными цвѣтами.

Видъ г. Смоленска изображенъ между пр. Аврааміемъ и св. Меркуріемъ у ногъ ихъ, при чемъ плащъ св. Меркурія прикрываетъ половину круглой башни; величина вида вполне соответствуетъ посылаемому изображенію (см. табл. III.).

Время написанія образа не означено на немъ; но судя по письму его, виду иконостаса, часть котораго онъ составлялъ, и рѣзнымъ украшеніямъ иконостаса (вѣтви и листья винограда), время написанія его слѣдуетъ отнести къ прошлому столѣтію, а если допустить, что изображенный на немъ видъ г. Смоленска современенъ написанію образа (если только онъ не скопированъ съ болѣе древняго образа), то можно заключить, что образъ написанъ въ царствованіе Петра I-го, такъ какъ

изображенный на немъ видъ г. Смоленска несомнѣнно относится къ означенному времени.

Мнѣніе что посылаемый видъ г. Смоленска относится къ началу прошлаго столѣтія, основано на слѣдующемъ: на первомъ планѣ вида, въ самомъ центрѣ его, изображены б. *Днѣпровская башня* или *Фроловскія ворота*, отъ нея направо и налѣво тянется стѣна, заканчивающаяся башнями, съ лѣвой стороны четырехугольной (отъ нея виденъ только уголъ), существующею и по нынѣшнее время (въ ней помѣщенъ сосредоточенный архивъ окр. суда), а съ правой — круглой (3.), нынѣ уже не существующей. Фроловскія ворота разобраны въ прошломъ столѣтіи (въ концѣ) за ветхостію, вмѣсто ихъ выстроены такъ называемыя Днѣпровскія ворота съ каменною церковью надъ ними, существующія и по настоящее время. Круглая башня, называвшаяся прежде „*Городецкою*“, какъ сказано выше, въ настоящее время не существуетъ: она въ 1722 году взорвана по неосторожности канонира („Г. Смоленскъ и его исторія“ С. П. Писарева, стр. 116). Изображеніе этой башни на видѣ, какъ существующей, указываетъ на то, что онъ относится ко времени, предшествующему 1722 году. Далѣе, за стѣной виднѣтся рядъ церквей и домовъ. Среди церквей одна (1.) только каменная съ такою же колокольнею при ней (она изображается вверху праваго угла вида): это и нынѣ существующая главная *церковь Вознесенскаго женскаго монастыря* съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что колокольня изображена почему-то съ восточной стороны церкви, а не съ западной, какъ въ дѣйствительности она стоитъ, и что на церкви изображенъ малый (самый верхній) фонарь, нынѣ не существующій, вслѣдствіе чего церковь теперь ниже колокольни (монастырская церковь, главнымъ образомъ верхняя часть ея была повреждена бурей въ 1697 г.: съ нея сорвана была глава «Описаніе Смоленскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго Монастыря», 1894 г.). Заложена была эта церковь въ 1693 г., а окончена въ 1695—6 г. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что видъ относится ко времени не ранѣе означеннаго года. Разсматривая, далѣе, остальные изображенныя на рисункѣ деревянныя церкви и опредѣляя время постройки нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно еще болѣе точно определить время написанія вида. Въ средней части вида за стѣной виднѣтся глава и крыша церкви — это *Фроловская церковь* (6.), отъ нея и ближайшія ворота получили свое названіе; ее теперь нѣтъ, но она несомнѣнно существовала и находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нарисована. Выше ея съ лѣвой стороны у самага края вида изображено восьмиугольное каменное зданіе, увѣнчанное по боковымъ фронтонамъ главами: это по всей вѣроятности, *старая соборная колокольня*, су-

ществовавшая еще до взятія г. Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III въ 1611 году. Въ этомъ убѣждаетъ изображеніе такой же башни въ планѣ г. Смоленска 1609—1611 г. (или скорѣе 1627 г. какъ объясняетъ г. Писаревъ въ своемъ сочиненіи). Въ настоящее время этой колокольни нѣтъ, ее замѣнила нынѣ существующая колокольня, выстроенная въ 1765—72 г. Правѣ башни или колокольни видна деревянная пятиглавая съ „опоясаньемъ“ церковь (5.): это *старый теплый соборъ*, построенный на вратахъ, ведущихъ во дворъ архіерейскаго дома, епископомъ Сильвестромъ Крайскимъ между 1708—1712 г. (въ 1712 году епископомъ былъ уже Дорофей Короткевичъ). Церковь эта въ 1781 году была разобрана при епископѣ Порфиріи и замѣнена каменною, существующею и по настоящее время. Сопоставивъ время постройки теплаго собора со временемъ взрыва круглой Городецкой башни слѣдуетъ заключить, что видъ города относится скорѣе всего къ 1710—1721 г.

Остальныя, виднѣющіяся на рисункѣ церкви и зданія слѣдующія: выше собора виднѣющаяся одноглавая деревянная церковь (4.)—старая *Одигитрѣвская церковь*, замѣненная въ 1764 году каменною, которая и нынѣ существуетъ. Ниже Вознесенской церкви видна деревянная одноглавая съ „опоясаньемъ“ церковь (на горѣ)—это старая *Воскресенская церковь* (2.), взамѣнъ которой въ 1765 году выстроена новая каменная, существующая и теперь. Почти въ центрѣ картины виднѣется каменное зданіе съ башней (7.)—это *старая Ратуша*, нынѣ не существующая, выстроенная при Сигизмундѣ III. У самаго Вознесенскаго монастыря видно какое-то оригинальное зданіе съ небольшою главой безъ креста. Что это за зданіе, трудно опредѣлить: судя по положенію, можно полагать, что это или старая Вознесенская церковь, оставшаяся отъ временъ польскихъ, или домъ воеводы.

Мѣстоположеніе центра города Смоленска изображено на картинѣ вѣрно. Если смотрѣть на г. Смоленскъ изъ-за Днѣпра, то центральная часть вида соотвѣтствуетъ современному положенію города. Такъ, городъ Смоленскъ и теперь, какъ и прежде, за стѣной поднимается вверхъ по склонамъ трехъ главныхъ горъ, которыя изображены на картинѣ, *Соборной, Вознесенской и Воскресенской*; между ними видны тѣ самые овраги, которые и теперь существуютъ и вдоль которыхъ и теперь расположены постройки, какъ и въ началѣ XVIII в. Если же мѣстоположеніе центральной части города изображено на картинѣ вѣрно, то отсюда можно заключить, что и архитектура виднѣющихся на ней зданій передана вѣрно, соотвѣтственно современному ихъ виду. Подтверженіемъ этому можетъ служить изображенная на картинѣ крѣпостная стѣна и

Р. Дніпро.

Археол. Иав. и Зам. 1896 г.

Видъ Смоленска на иконѣ с. Свирыякова.

Фототипія Шереръ, Наспльчъ и П. въ Н. С. С. С. В. С.

Вознесенская церковь, вполне соответствующія современному ихъ виду. По всей вѣроятности, и архитектура главной башни Фроловскихъ воротъ передана на рисунокъ вѣрно, потому что такъ же, какъ и на упомянутомъ выше планѣ г. Смоленска 1609—1611 г. (или 1627 г.), она выдѣляется вышиной своей противъ другихъ башенъ, окружавшихъ городъ; архитектура ея въ нижнихъ и среднихъ частяхъ соответствуетъ сохранившимся четырехугольнымъ смоленскимъ башнямъ; верхъ, ея по всей вѣроятности, тоже соответствовалъ дѣйствительности, потому что нѣкоторыя средневѣковыя башни нѣмецкихъ городовъ, отъ которыхъ несомнѣнно позаимствована архитектура стѣнъ и башенъ г. Смоленска, заканчивались такъ же, какъ изображенныя на картинѣ Фроловскія ворота, — на примѣръ, главная башня Кейзерсвертскаго замка на Рейнѣ (она между прочимъ изображена въ 2-мъ томѣ Всеобщей исторіи О. Йегера, изд. Маркса, стр. 377). Изображенная на картинѣ круглая башня (Городецкая) существующаго и теперь вида, только въ настоящее время башня эта не имѣетъ остроконечной крыши. Видящіяся на картинѣ деревянныя церкви несомнѣнно той самой архитектуры, которая господствовала въ началѣ XVIII и въ XVII вв. въ г. Смоленскѣ и области его. Подтверженіемъ этому можетъ служить то, что такого точно типа церкви съ „опоясаніемъ“ (наружнымъ корридормъ вокругъ церкви, служившимъ для крестныхъ ходовъ въ дурную погоду и предохранявшимъ нижніе вѣнцы церкви отъ гніенія, чѣмъ и можно объяснить долговѣчность церквей такого типа) существуютъ и въ настоящее время въ южной части Смоленской губ.; таковы, на примѣръ, деревянная церковь въ г. Красномъ и въ селѣ Бобыряхъ, Смоленскаго у., постройки прошлаго столѣтія. Наконецъ, подтверженіемъ этому можетъ служить описаніе г. Писаревымъ въ своей исторіи г. Смоленска одной смоленской (Всесвятской) церкви, существовавшей до 1812 г., сдѣланное со словъ сторожика Якова Снитко (стр. 258, въ выносѣ).

Все это взятое вмѣстѣ даетъ полное основаніе утверждать, что посылаемый видъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ изображеніи перспективы, впрочемъ, обычныхъ для того времени, довольно вѣрно представляетъ центральную часть г. Смоленска начала XVIII в.

Изъ другихъ образовъ иконостаса церкви с. Свирыкова представляютъ интересъ образъ *Спасителя* и *Успеніе Пресвятой Богородицы*, бывшіе намѣстными. Оба они такихъ же размѣровъ, какъ и описанный ранѣе, написаны на золотомъ фонѣ, въ томъ же стилѣ (фряжскомъ). Спаситель изображенъ съ распростертыми руками и развѣвающейся верхнею одеждою; у ногъ Его съ одной стороны — правой — пр. Авраамій, припадающій съ мольбою къ ногамъ Спасителя, а съ

другой—лѣвой—св. Меркурій въ видѣ молодого война безъ вооруженія однако въ стоячемъ видѣ; оба они изображены въ небольшомъ видѣ (св. Меркурій, напримѣръ, достигаетъ только колѣна Спасителя). Успеніе Пр. Богородицы изображено довольно сложно: въ нижней половинѣ образа изображено самое успеніе: носилки, покрытыя богатой пеленой съ узоромъ XVII в., съ покоящимся на нихъ тѣломъ Богоматери. Сзади носилокъ посрединѣ Спаситель съ спеленутымъ ребенкомъ (душой Богоматери), а вокругъ носилокъ апостолы. Спереди носилокъ на первомъ планѣ ангелъ съ мечемъ и Арія въ черномъ костюмѣ средневѣковаго ученаго (съ четырехугольною шапочкой на головѣ) съ отсѣченными кистями, которыя висятъ на носилкахъ. Надъ носилками съ предстоящими помѣщены поясныя изображенія апостоловъ, несущихся на облакахъ къ мѣсту погребенія. Въ самомъ верху образа по срединѣ его изображенъ Богъ Отецъ, воссѣдающій на облакахъ; къ нему шествуетъ Богоматерь въ длинной одеждѣ съ распущенными волосами и короной на головѣ: къ Ней на встрѣчу идетъ Спаситель. У изголовья почивающей Богоматери нарисовано подобіе Евангелія довольно большихъ размѣровъ, на верхней доскѣ котораго означено, что въ этомъ мѣстѣ (изображеніе Евангелія) были помѣщены части мощей разныхъ святыхъ.

Григорій Богуславскій.

IV.

Археологическая хроника.

— По слухамъ, въ Москвѣ въ ближайшемъ будущемъ учреждается Ученая Архивная Коммиссія. По примѣру другихъ губернскихъ коммиссій, Московская коммиссія предполагаетъ сконцентрировать подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣ старыя дѣла архива мѣстнаго губернскаго правленія. Учредителями коммиссій называютъ московскаго губернатора А. Г. Булыгина, князя В. П. Урусова, барона Н. В. Дризена и др. (Нов. Вр. 1896, № 7142).

— Въ Ферганской области, по словамъ „Закаспійскаго Обзорнія“, организуется областной музей, въ которомъ будутъ сосредоточиваться предметы, относящіеся къ археологіи, исторіи и этнографіи области (Нов. Вр. 1896. № 7143).

— Въ „Новомъ Времени“ (1896 г., № 7155) мы находимъ

слѣдующую замѣтку по вопросу объ охраненіи древнихъ памятниковъ Крыма: „Въ Крыму охрана историческихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, не идетъ далѣе поверхностнаго полицейскаго наблюденія. На южномъ берегу есть много развалинъ древне-христіанскихъ церквей, находящихся въ полномъ забвеніи или обращенныхъ въ хлѣвы для животныхъ. Одна изъ такихъ церквей у горы Демерджи по распоряженію преосвященнаго Мартиніана недавно очищена отъ мусора и загорожена заборомъ. Но помимо религіозныхъ памятниковъ, есть и свѣтско-историческіе, находящіеся также въ полномъ забвеніи. Таковы, напримѣръ, развалины единственнаго подлиннаго дворца, время хановъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симферополя, по Алуштинскому шоссе. Развалины эти извѣстны подъ именемъ Эски-Сарай (т. е. старый дворецъ), находятся на частно-владѣльческой землѣ и представляютъ куполообразное зданіе, окруженное стѣной. Называемъ мы эти развалины остатками единственнаго подлиннаго ханскаго дворца потому, что бахчисарайскій дворецъ есть собственно исторически-архитектурная фальсификація, такъ какъ онъ заново устроенъ уже во времена русскія по старымъ слѣдамъ сгорѣвшаго дворца, при чемъ руководились разсказами современниковъ и характеромъ восточной архитектуры. Намъ кажется, что слѣдовало бы тѣмъ или другимъ путемъ изъять развалины Эски-Сарай изъ частной собственности и передать въ вѣдѣніе губернскаго строительнаго отдѣленія; еще лучше, если бы какое-нибудь Археологическое Общество приобрѣло эти развалины; не то нельзя поручиться, что не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ рухнетъ куполь Эски-Сарая и вообще эти развалины будутъ уничтожены на камень, какъ уничтожено уже не мало старинныхъ памятниковъ въ Тавридѣ“.

— *Херсонской губ. музей; обзоръ древностей, найденныхъ въ Херсонской губ. въ 1895 г. ; поступившіе въ Музей Памятники Старины.* „Херсонская губ., какъ извѣстно, богата древностями разныхъ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ: въ почвѣ ея находятъ памятники быта разныхъ народовъ, со временъ первыхъ обитателей Европы до новѣйшаго, сравнительно, времени иноземнаго здѣсь владычества. Къ сожалѣнію, не мало весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ древности погибло отъ неумѣлыхъ, а иногда недобросовѣстныхъ приемовъ кладочискателей, и много вещей, имѣющихъ большое археологическое значеніе, увезено за границу“.

Съ такимъ воззваніемъ обратился херсонскій губернаторъ, годъ тому назадъ, ко всѣмъ просвѣщеннымъ жителямъ губерніи, приглашая ихъ посильно помогать мѣстному статистическому комитету въ дѣлѣ охраненія, описанія и собиранія уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ старины.

На слова начальника губерніи сочувственно откликнулись во всѣхъ ея уголкахъ: отовсюду начали стекаться въ Херсонъ интересныя сообщенія о находкахъ древностей вмѣстѣ съ описаніями мѣстностей въ археологическомъ отношеніи—цѣнный матеріалъ для будущихъ изслѣдованій; самыя находки, прежде расхоронившіяся по рукамъ и безслѣдно исчезавшія для науки, начали теперь сосредоточиваться въ „губернскомъ музеѣ“.

Императорская Археологическая Коммиссія весьма сочувственно отнеслась къ юному музею и снабжаетъ его для храненія древностями, находимыми на территоріи Херсонской губерніи.

Пробудившійся интересъ къ археологическимъ изысканіямъ вызвалъ у многихъ землевладѣльцевъ желаніе предпринять раскопки въ своихъ имѣніяхъ; но такъ какъ производство правильныхъ раскопокъ требуетъ не мало опытности, то Императорская Археологическая Коммиссія въ концѣ 1895 года вошла въ соглашеніе съ хранителемъ херсонскаго музея, В. И. Гошкевичемъ, прося его слѣдить по возможности за раскопками на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніи и направлять ихъ къ научнымъ цѣлямъ.

Въ ряду древностей, извлеченныхъ за 1895 годъ изъ нѣдръ земли въ предѣлахъ Херсонской губерніи, наибольшую научную цѣнность представляютъ памятники греко-скиѣскаго періода южной Россіи, современнаго древней Элладѣ.

Три кургана этой эпохи вскрыты В. И. Гошкевичемъ въ восточной части Херсонскаго уѣзда, вблизи села Архангельскаго (см. Арх. Изв. и Зап., 1896, № 1). Результаты этихъ раскопокъ доставлены въ Императорскую археологическую комиссію.

Два небольшихъ кургана, вскрытые тѣмъ же археологомъ въ имѣніи Н. И. Блажкова Каменкѣ, верстахъ въ 100 отъ Херсона вверхъ по Днѣпру, дали сходные результаты. Въ одномъ покойникъ лежалъ на спинѣ, головою къ сѣверо-востоку; у черепа его найдены двѣ известковыя гальки. Въ другомъ покойникъ найденъ былъ въ сидячемъ положеніи; за спиной его оказалась лошадиная лопатка и ножная кость лошади.

Къ глубокой-же древности должно отнести курганъ, раскопанный землевладѣльцемъ В. И. Станилевичемъ въ собственномъ имѣніи, Тираспольскаго уѣзда, вблизи ст. ж. д. Затишье. Найденные въ этомъ курганѣ три покойника были погребены весьма оригинально. Одинъ скелетъ оказался безъ головы, вмѣсто которой лежали заднія ноги коня. Видимо, при погребеніи трупъ швырнули въ яму какъ попало: одна рука мертвеца была отброшена въ сторону, другая поднята вверхъ;

одна нога звернута подь спину. Тутъ-же найденъ горшокъ съ толстыми стѣнками и кремень. Другому покойнику, лежавшему головою на востокъ, при погребеніи наваленъ былъ на верхнюю часть туловища тяжелый камень, а на немъ установлена пирамида изъ камней, высотой до полусажени, — такъ что черепъ оказался совершенно раздавленнымъ; подь черепомъ лежали заднія ноги коня, а рядомъ небольшой горшочекъ и нѣсколько камней, видимо, обдѣланныхъ рукою человѣка. Третій скелетъ, прекрасно сохранившійся, лежалъ головою къ западу, а бокъ-о-бокъ съ черепомъ — конская голова съ выдернутыми зубами, которые были уложены тутъ-же въ два ряда. При этомъ покойникъ найдена вазочка съ прямолинейнымъ орнаментомъ, плоскій точильный камень, и свѣтло-желтая краска. Въ томъ же курганѣ найдены разбросанныя дѣтскія кости, двѣ каменные головки: быка или козла и волка или собаки, просверленные: передній зубъ лошади, два осколка кабаньяго клыка, далѣе остатки алой краски, перержавленные удила и пряжка. Вся насыпь кургана переполнена золой и остатками обгорѣлыхъ костей, между которыми попадались и человѣческія, что даетъ основаніе видѣть здѣсь трупосоженіе, хотя и не полное.

На самомъ сѣверѣ Херсонской губерніи, близъ сел. Андрусовки, Александрійскаго уѣзда, у Тясмина, крестьянами разрытъ курганъ, въ которомъ при покойникѣ найдены характерные предметы быта греко-скиѣской эпохи: античная чернолаковая вазочка, серебряный браслетъ, два желѣзныхъ копья, 36 бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ и небольшой костяной съ рѣзьбою полый цилиндрикъ. находка эта поступила въ Херсонскій музей.

У с. Троицкаго, на Днѣстрѣ, въ Одесскомъ уѣздѣ, компанія крестьянъ вскрыла небольшой курганъ, въ которомъ оказался обширный склепъ съ гладкообтесанными стѣнами. При скелетѣ стояла большая глиняная амфора (остродонный кувшинъ съ двумя массивными ухами) и глиняная лампочка, — предметы того-же греко-скиѣскаго быта. Въ самомъ селѣ, на улицѣ, образовался провалъ, который былъ разслѣдованъ крестьянами: оказалось, что здѣсь также склепъ, подобный первому; въ немъ нашли скелетъ человѣка и амфору. Найденныя вещи доставлены въ Херсонскій музей.

Вблизи с. Привольнаго, въ Херсонскомъ уѣздѣ, одинъ крестьянинъ вскрылъ маленькую могилу: (см. Арх. Изв. 1895, стр. 371) въ ней оказался скелетъ, а при немъ два глиняныхъ горшка и куча камней. Въ другой подобной могилѣ, въ самомъ селѣ, найдены при покойникѣ: бронзовый наконечникъ стрѣлы и зеркальная бляха отъ конскаго убора, — вещи того же древняго періода. Вещи эти доставлены въ Херсонскій музей.

Въ хуторахъ Запазахъ, недалеко отъ г. Ананьева, крестьянинъ копалъ погребъ и наткнулся на могилу. Погребенный въ ней покойникъ былъ обставленъ посудой: горшками, мисками, чашками; всего сосудовъ было 9; между ними интересна чернолаковая чашечка, античной, несомнѣнно, работы. Отъ убранства покойника сохранились: двѣ пряжки и, повидимому, браслетъ (утеранъ). Сосуды поступили въ Херсонскій музей.

Изъ единичныхъ находокъ памятниковъ греко-скиѣской эпохи обращаетъ на себя вниманіе мраморное надгробіе, найденное въ с. Парутиѣ, Одесскаго уѣзда, на берегу Бугскаго лимана, на мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла Оливія. Это четырехугольная плита, на одной сторонѣ которой высѣчена типичная фигура скиѣа, въ профиль, съ наилучшемъ при бедрѣ, а на другой сторонѣ — торсъ юноши en face. По краю плиты идетъ греческая надпись: „... Калейодоту вдали отъ города. Филеоксъ сынъ Молпагора.....“ (поставилъ). (См. „Арх. Изв. и Зам.“ 1895 г., стр. 376).

Между другими отдѣльными находками той же эпохи заслуживаютъ вниманія: бронзовое копье, найденное въ р. Бугѣ, у с. Мигей, Елисаветградскаго уѣзда; нѣсколько десятковъ мѣдныхъ круглыхъ выпуклыхъ бляхъ, составлявшихъ, вѣроятно, панцырь, выкопанный случайно въ с. Трифоновкѣ, Херсонскаго уѣзда; женская головка отъ терракотовой статуэтки — изъ с. Кисляковки, Херсонскаго уѣзда.

Изъ предметовъ средневѣковой эпохи слѣдуетъ отмѣтить кладъ серебряныхъ монетъ XIV столѣтія: случайно найденный двумя крестьянами въ р. Синюхѣ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, и переданный въ Херсонскій музей Императорской археологической комиссіей. Въ числѣ 173 монетъ находятся: 10 монетъ хана Золотой Орды Токтогу (1310—1311 гг.), чеканенныхъ въ Сараѣ: „богохранимомъ“; 22 монеты хана Узбека (1313—1340 гг.); 102 монеты хана Джанибека (1341—1355 гг.), чеканенныя въ Новомъ Сараѣ и Гюлистанѣ; 26 монетъ хана Бирдибека (1357—1359 гг.), чеканенныя въ Азакѣ, Гюлистанѣ и Новомъ Сараѣ; одна монета хана Кульни (1359—1360 гг.), чеканенная въ Новомъ Сараѣ; 6 монетъ хана Неуруза (1359—1360 гг.), чеканенныхъ въ Гюлистанѣ и Новомъ Сараѣ; 6 монетъ чешскихъ королей: Венцеслава II (1278—1283 гг.), Иоанна (1310—1346 гг.) и Карла I (1346—1378 гг.) (см. „Арх. Изв.“ 1895 г., стр. 371).

Къ той-же эпохѣ должно отнести массивное мраморное изваяніе въ формѣ усѣченной пирамиды, найденное вблизи с. Козацкаго, въ 70 верстахъ вверхъ по Днѣпру отъ Херсона, въ имѣніи кн. Трубецкаго. Барельефы на этомъ камнѣ изображаютъ: букетъ ирисовъ, два кипа-

риса и два равноконечныхъ креста (см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1895 г., стр. 370).

Любопытная находка обнаружена въ д. Христофоровкѣ, Александрійскаго уѣзда, въ имѣніи Н. и Д. Шедевровъ. Въ одномъ изъ лѣсковъ здѣсь былъ спилень старый берестъ, имѣвшій въ діаметрѣ отъ 20 до 22 вершковъ, возрастъ котораго опредѣляется въ 120—150 лѣтъ. на высотѣ 12 вершкомъ отъ земли, внутри ствола, на разстояніи $4\frac{1}{2}$ вершковъ отъ поверхности коры, находился четвероконечный крестъ съ расширенными концами: длина его 6 вершковъ, а ширина— $3\frac{1}{4}$ вер. Къ сожалѣнію, самый крестъ не разысканъ. Присутствіе креста въ стволѣ береста не представляетъ ничего страннаго: факты такого „пожиранія“ деревьями предметовъ, вѣдренныхъ въ ихъ кору, давно извѣстно въ ботанической литературѣ; жаль только, что подробности этого случая ускользнули отъ внимательнаго изслѣдованія людьми науки. Куски ствола береста съ отпечаткомъ креста хранятся у владѣльца имѣнія, Н. Н. Шедевра: на отпечаткѣ ясно видно, что крестъ имѣлъ по лицевой сторонѣ выпуклый бордюръ, въ 4 линіи шириною, и по всему бордюру остались рельефные слѣды какихъ-то выпуклыхъ украшеній.

Раскопки, обнаружившія слѣды поселеній недавняго, сравнительно, времени, произведены были въ с. Фалѣвкѣ, Херсонскаго уѣзда, лежащемъ при впаденіи въ Днѣпръ р. Ингульца. Владѣльцемъ имѣнія, Н. Н. Комстадіусомъ, изслѣдованы были здѣсь остатки какого-то поселенія, при чемъ, найдены въ землѣ: часть кирпичной стѣны, черепки отъ посуды и нѣсколько желѣзныхъ вещей не древняго происхожденія.

Въ томъ-же имѣніи компанія кладовискателей занялась поисками въ двухъ пещерахъ на берегу р. Ингульца. Они выгребли немало камней, вѣками обвалившихся со сводовъ пещеръ; сдвинули съ мѣста гигантскую каменную глыбу, лежавшую передъ входомъ въ одно изъ подземелій, прорыли подъ нею землю, и тамъ оказалось пепелище, не очень давняго происхожденія, если судить по найденнымъ въ немъ черепкамъ и желѣзному ножу.

Столь же безуспѣшными оказались розыски клада, будто-бы зарытаго въ имѣніи М. А. Цицильяни, при с. Арнаутскомъ, Одесскаго уѣзда. Предпринятая съ этою цѣлью раскопки привели къ находкѣ ложиментовъ, турецкихъ, видимо, временъ.

Случайная находка клада имѣла мѣсто вблизи с. Дубчино, Херсонскаго уѣзда, на берегу притока Днѣпра р. Подпильной, въ имѣніи г. Дурилина: здѣсь въ илѣ пастухомъ найдено нѣсколько десятковъ русскихъ мѣдныхъ монетъ второй половины XVIII столѣтія.

Другой кладъ, состоявшій изъ 150 такихъ-же монетъ, случайно найденъ въ имѣніи г. Альбрандта, с. Каирахъ, Одесскаго уѣзда.

Коллекція Херсонскаго Губернскаго Археологическаго Музея, въ которомъ начинаютъ сосредоточиваться находимыя въ губерніи древности, хранятся пока при Статистическомъ Комитетѣ; но уже въ близкомъ будущемъ для нихъ отыщется просторное и вполне доступное для публики помѣщеніе. Есть два предположенія. Херсонская общественная библіотека въ наступившемъ году выстроить собственное зданіе, въ которомъ предположено отвести залъ для музея мѣстныхъ древностей; съ другой стороны—и въ городскомъ управленіи возникла мысль о постройкѣ для музея отдѣльнаго зданія. (Од. Н. № 3518, 1896).

— В. З. Завитневичъ произвелъ археологическія изысканія м. пр. въ сл. Покровскѣ (Купянскаго у., Харьковской губ.). Слобода была основана лѣтъ 100 съ небольшимъ тому назадъ; при разрастаніи поселка и планированіи усадебныхъ площадей, былъ обнаруженъ могильникъ, при чемъ при человѣческихъ остовахъ были находимы кости животныхъ, посуда, бусы, браслеты и т. п. Въ теченіе 30 лѣтъ могильникъ, на которомъ построена болѣе новая часть Покровска, подвергался разоренію, а найденные въ немъ предметы уничтожались. Весною 1894 г., послѣ сильнаго проливнаго дожда, края раскапываемой возвышенности обвалились, при чемъ обнаружались слѣды новыхъ могилъ, изслѣдованіе которыхъ и было предпринято г. Завитневичемъ по порученію Имп. Археол. комиссіи. Могила (числомъ 6), которая удалось открыть нашему извѣстному археологу, повидимому, представляли лишь послѣдніе остатки нѣкогда обширнаго могильника. Впрочемъ, изслѣдователь допускаетъ возможность, что и внѣ этой площади еще находятся скрытыя въ землѣ могилы, открытіе которыхъ, въ виду полного отсутствія внѣшнихъ признаковъ, однако, крайне затруднительно. Покойники были положены въ ямахъ, головою на западъ, руки вытянуты были вдоль туловища: только въ одной могилѣ оказались слѣды деревянныхъ досокъ, которыми по бокамъ былъ обложенъ покойникъ. Въ могилахъ были обнаружены: приземистая, глиняная (черная и красная) посуда съ ушками, съ широкими основаніями внизу, съ сравнительно узкими шейками вверху и съ отвороченными наружу краями (высота такой кубышки $2\frac{1}{2}$ верш., окружность самой выпуклой части—11 верш., шейка возлѣ вѣнчика—6 верш.); на отворотахъ вѣнчика, въ одномъ случаѣ, оказались слѣды орнамента—ямочки; посуда равно и кости животныхъ (козы или барана) всегда находились у головы. Далѣе, были найдены: привѣски, родъ ушныхъ серегъ, состоявшія изъ 4 маленькихъ бусъ, раздѣленныхъ тонкими металлическими колечками и надѣтыхъ на проволоку, которая внизу завязывалась узелкомъ, а вверху загнута была въ колечко; поясная желѣзная пряжка (удлиненное кольцо съ язычкомъ),

серебряный перстень, кусочек золотой бляхи, пряслица, желѣзный ножикъ въ мѣдныхъ ножнахъ, кинжалъ, удила и т. п. Измѣренія черепа, наиболѣе сохранившагося, дали головной указатель=0,85. По мнѣнію г. Завитневича, населеніе, оставившее могильникъ, принадлежало къ монголо-татарской расѣ и находилось подъ воздѣйствіемъ восточной культуры; относительно времени, къ которому могильникъ относится, сказать что-нибудь опредѣленное, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, не представляется возможнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ возникъ въ періодъ, предшествовавшій распространенію русской колонизаціи въ область верхняго Донца (Чтенія въ Историч. Общ. Нест. Лѣт., IX).

— Недавно, возлѣ существующей въ Умани „Европейской гостиницы“, произошелъ обвалъ, и когда его раскопали на 4 квадр. аршина, то обнаружилось четыре развѣтвленія подземнаго хода. Главная вѣтвь идетъ къ бывшему дворцу Потоцкаго, вторая — къ бывшему концертному залу, который въ прошломъ году передѣланъ въ православную церковь, третья — направляется черезъ проулокъ между домами Фишмана и Мошдовича къ старому кладбищу, гдѣ въ 1825 г. былъ построенъ костель, а четвертая идетъ къ сосѣднему съ церковью одноэтажному домику. По словамъ одного изъ служащихъ въ названной гостиницѣ, спускавшагося внизъ съ запасомъ свѣчей и спичекъ и ходившаго въ подземельѣ около 40 минутъ; стѣны и крыша подземнаго хода совершенно ровныя и гладкія, точно цементированныя; въ одномъ мѣстѣ хода оказалась дверь. Раньше, года два тому назадъ, во второй части города рабочіе при постройкѣ открыли подземный ходъ, по которому ходили версты двѣ, по направленію къ Грекову лѣсу, а въ зданіи окружнаго суда, гдѣ раньше была базилианская коллегія, имѣется начало тоннеля, идущаго по направленію Царицина сада. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ подземныхъ ходовъ могло бы дать много интереснаго археологическаго матеріала (Кіев. Ст. 1896, I).

— По сообщенію газеты „Одесскія Новости“ въ зданіи одесскаго Общества Исторіи и Древностей недавно разрѣшенъ вопросъ о новомъ изданіи подъ названіемъ „Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“. Изданіе это будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, отдѣльными выпусками, въ которыхъ, кромѣ текста, будутъ помѣщаться изображенія предметовъ, какъ находящихся въ музеѣ Общества, такъ и другихъ имѣющихъ значеніе для археологіи вообще. Первый выпускъ будетъ посвященъ терракотѣ (Кіевск. Ст. 1896, I).

— *О курганахъ и древнихъ могильникахъ, находящихся по берегу р. Луи.* Въ Новгородскомъ и Лужскомъ уѣздахъ, прежнихъ патинахъ Новгородскихъ — Вотской и Шелонской, къ единственному

памятникамъ жизни ея древнѣйшихъ обитателей слѣдуетъ отнести курганы, могильники и городища. Памятники эти расположены исключительно по берегамъ рѣкъ; въ особенности ихъ много вдоль рѣки Луги. Курганы въ народѣ называются „сопками“, а большіе изъ нихъ носятъ даже названіе „горъ“, такъ, напр., одинъ курганъ близъ с. Передольска Лужскаго уѣзда называется „Шумъ-гора“. Обыкновенно курганы помѣщаются въ серединѣ древняго могильника; расположены они другъ отъ друга довольно далеко—на нѣсколько верстъ; иногда же они, находясь другъ отъ друга лишь въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень, образуютъ цѣлую цѣпь, такъ напр., отъ кургана „Шумъ-гора“, близъ с. Передольска, находятся, по направленію къ р. Лугѣ, еще три кургана, но гораздо меньшихъ чѣмъ „Шумъ-гора“.

Мѣстонахожденіе кургановъ на открытыхъ мѣстахъ, среди пашень заставляеть думать, что нынѣ существующія селенія, лежащія близъ нихъ, либо современны курганамъ, либо построены близъ современныхъ курганамъ пепелищъ. Намъ извѣстенъ только одинъ курганъ (недалеко отъ слиянія рѣкъ Мойки и Луги, близъ с. Чернаго, Новгородскаго уѣзда), находящійся въ лѣсу.

По народной молвѣ курганы—это общія могилы, воздвигавшіяся надъ павшими въ битвахъ въ тѣ времена „когда Литва приходила“. Тутъ не лишне указать, что народъ отождествляетъ всѣ нашествія царскаго періода нашей исторіи съ нашествіемъ литовскимъ, изъ новѣйшихъ же знаетъ французское.

Крестьяне думаютъ, что курганы содержатъ въ себѣ большія богатства: неоднократно дѣлались ими попытки къ добытію таковыхъ, но эти раскопки бывали всегда лишь слабыми попытками отдѣльныхъ лицъ и никогда не доводились до конца.

Относительно „Шумъ-горы“ намъ извѣстно, что ежегодно въ Успенскій заговень ¹⁾ на этомъ курганѣ служится молебствіе, привлекающее много народа, но къ сожалѣнію пока мы совершенно не знаемъ, что послужило поводомъ для установленія этого обычая, и какъ давно онъ возникъ ²⁾.

Лежащія отдѣльно, но чаще всего кругомъ кургановъ, могильники могутъ служить болѣе богатымъ, чѣмъ курганы, матеріаломъ для научныхъ изысканій. Могильники представляютъ изъ себя болѣе или менѣе большую группу маленькихъ холмиковъ, обложенныхъ довольно глубоко

¹⁾ По существующему повѣрью въ ночь съ 23 на 24 мая глухіе или тугіе на ухо могутъ излѣчиться, если будутъ прислушиваться къ тому, что дѣлается въ курганѣ—они должны услышать звонъ.

²⁾ Временами находили близъ „Шумъ-горы“ старинное оружіе („штыки“).

сидящими въ землѣ камнями (гранитомъ). Каждый холмикъ представляетъ могилу, содержащую одинъ или два костяка (въ послѣднемъ случаѣ они лежатъ не рядомъ, а другъ на другѣ, но на нѣкоторомъ разстояніи). Камни, которыми обложены могилы, образуютъ какъ бы ея стѣны и обращены болѣе плоскими (гладкими) своими сторонами во внутрь могилы. Костяки всегда обращены головой къ западу и ногами къ востоку, черепа ихъ повернуты на лѣвый бокъ (сами же костяки лежатъ на спинѣ, а не на боку), кости рукъ сложены на животѣ.

При производившихся нами раскопкахъ, на ручныхъ и ножныхъ костяхъ костяковъ иногда находились бронзовые, витые браслеты и совершенно плоскія кольца, а близъ ушныхъ отверстій серьги. Въ одной могилѣ, въ ногахъ костяка, найдены осколки не глазурованнаго, синей глины горшка, на нѣкоторыхъ черепкахъ котораго уцѣлѣлъ узоръ. При раскопкахъ (мы производили раскопки только одного могильника, окружающаго Теревонскую сопку, близъ усадьбы Большія Теревони, Новгородскаго уѣзда) мы никогда не находили оружія, а также крестовъ; (кстати отмѣтимъ, что древніе Новгородцы весьма упорно держались вѣры своихъ предковъ и еще въ XV в. были христіанами только по имени). Интересенъ тотъ фактъ, что весьма часто современные кладбища расположены не вдалекѣ отъ древнихъ могильниковъ, а иногда даже на нихъ.

Что же касается древнихъ городищъ, то намъ по теченію р. Луги извѣстно только одно, подъ с. Косицкомъ, Новгородскаго уѣзда. Оно представляетъ изъ себя нѣкоторую возвышенность съ довольно большою площадкою наверху и съ очень круглымъ, почти отвѣснымъ спускомъ къ рѣкѣ, близъ которой оно расположено. Народъ называетъ его „городкомъ“: оно служитъ мѣстомъ для праздничныхъ гуляній. Относительно изслѣдованія этихъ памятниковъ новгородской старины слѣдуетъ сказать, что по теченію р. Луги до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, и наврядъ-ли, возникшее недавно въ Новгородѣ археологическое Общество скоро приступитъ къ этому; частнымъ же лицамъ такое изслѣдованіе весьма затруднительно.

Отмѣчаю извѣстные мнѣ курганы и городища по теченію рѣки Луги: 1) при впаденіи р. Мойки въ р. Лугу, въ лѣсу, маленькій (Черновской вол. Новгор. у.); 2) между дд. Обколи и Подборовье, очень маленькій (Самократской вол. Нов. г.); 3) близъ усадьбы Большія Теревони, средній, кругомъ могильникъ (Косицкой вол., Новг. у.); 4) близъ д. Островъ, средній (Косицкой вол., Новг. у.); 5) между дд. Подберезье и Передольскъ 5 кургановъ, одинъ изъ нихъ „Шумъ-гора“, очень большой (Передольской вол., Лужскаго уѣзда); 6) кромѣ того, городище близъ

села Косицка и тамъ же, недалеко, могильникъ, и 7) курганъ между д. Зміевой горой и с. Самократска, средній (Самократской вол. Новгородскаго уѣзда).

М. Муравьевъ.

— *Ефаевскій могильникъ.* По порученію пензенскаго губернскаго Статистическаго Комитета, истекшимъ лѣтомъ, при нѣсколькихъ рабочихъ и многихъ дѣтяхъ изъ крестьянскаго населенія, нами былъ неоднократно тщательно осмотрѣнъ извѣстный Ефаевскій могильникъ ¹⁾. Площадь его занимаетъ довольно значительную часть распаханной земли и небольшую полосу подъ общественнымъ кирпичнымъ заводомъ. По прибытіи на мѣсто, я узналъ, что одна половина этого могильника была засѣяна яровымъ хлѣбомъ, другая же оставалась подъ паромъ. Вотъ на этой-то послѣдней земляной открытой части намъ и пришлось производить упомянутый выше осмотръ. На вышеозначенной поверхности, какъ видно отъ сильной распашки, валялись обломки отъ человѣческихъ костей и череповъ, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ, во время тщательнѣйшаго осмотра, были находимы по большей части уже поломанные предметы изъ желѣза, бронзы, серебра, стекла и камня, составлявшіе нѣкогда орудія и украшенія древняго человѣка.

На разспросы у рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ с. Ефаева, относительно того, какъ давно на этомъ самомъ мѣстѣ стали выпахивать человѣческія кости и давно-ли распаханъ могильникъ, нѣтъ-ли въ окрестностяхъ могильника какихъ-либо остатковъ древности, напримѣръ, валовъ, городищъ, кургановъ и проч.,—на первый вопросъ, рабочіе отвѣтили: человѣческія кости стали здѣсь появляться не очень давно—назадъ тому года два—три, и при этомъ добавили, что они сами за послѣднее время при распашкѣ, отъ поверхности только на $1\frac{1}{2}$ четверти, находили цѣлыя человѣческія остовы, похороненные лежа головою на югъ, и подъ нѣкоторыми изъ нихъ была береста и лубокъ; на второй же вопросъ мы получили категорически отрицательные отвѣты.

13 іюля 1895 г., чрезъ краснослободскаго уѣзднаго исправника П. Н. Ломоносова, въ пензенскій губернскій статистическій комитетъ нами было доставлено болѣе 300 древнихъ вещей, какъ собранныхъ во время осмотра Ефаевскаго могильника, такъ и приобрѣтенныхъ у мѣстныхъ крестьянъ (случайно нашедшихъ древніе предметы во время производимой ими распашки на вышепоименованномъ могильникѣ),

¹⁾ Ефаевскій могильникъ находится въ пятнадцати верстахъ отъ города Краснослободска, по направлевію на Ю.-З., близъ с. Ефаева, на полугоріи (или отрогѣ) такъ называемой «Шаверской врутой горы»; объ этомъ нами уже было сообщено неоднократно (См. наши ст. Пам. Книги Пенз. губ., 1889 г.; Пенз. Губ. Вѣд. 1894—95 г., №№ 272, 274 9, 13 и Сборн. Пенз. ст. ком., 1893 г., в. 1).

какъ-то: бронзовыя головныя украшенія, шейныя проволочныя гривны; ожерелья изъ пластинокъ съ привѣсками, браслеты, кольца (нѣкоторыя серебряныя), пряжки, поясныя украшенія, застежки, цѣпочки, бубенчики, подвѣски, бляшки и пр., равно и желѣзные наконечники копій и стрѣлъ, топоры, ножи, удила, стремена, огниво съ кремнями, кольцо, скобели и пряжки, осколки отъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ грубой работы, остатки тканей, лубка, бересты, разноцвѣтныя бусы изъ стекла и пасты и нѣсколько человѣческихъ и животныхъ ¹⁾ костей.

Смѣемъ указать здѣсь ниже представляющее разительное сходство древностей изъ нѣкоторыхъ другихъ могильниковъ нашего отечества и отчасти западной Европы съ древностями Ефаевского могильника, какъ доставляемыхъ нами въ вышеупомянутый комитетъ прежде ²⁾, такъ и въ 1895 году. Напримѣръ: а) коса, навитая на деревянную палочку и потомъ обвитая снуромъ, который украшенъ плоскими мѣдными или же бронзовыми проволоками, перегнутыми поперекъ его. Подобное убранство косъ найдено въ слѣдующихъ могильникахъ: въ Лядинскимъ и Пичпандинскомъ Тамбовской губер., Курманскомъ—Рязанской, Муранковскомъ—Симбирской, Казбекскомъ—Пензенской и въ древнихъ могилахъ Курляндской губерніи ³⁾).

б) Серебряныя серьги, состоящія изъ стержня, обмотаннаго проволокой, съ верхнимъ тонкимъ концомъ, согнутымъ спиралью подъ прямымъ угломъ и съ расширеннымъ многогранной формы нижнимъ концомъ. Подобными ушными или височными украшеніями изобиловалъ нѣкогда также и Лядинскій могильникъ ⁴⁾).

в) Бронзовыя пряжки разной величины въ видѣ кольца или подковы съ круглымъ или плоскимъ ободкомъ, съ размкнутыми концами, которые снабжены двумя прямыми придатками въ видѣ хвостовъ и съ подвижной иглой. Такой точно формы пряжки попадались до сихъ поръ только въ Болгарахъ, въ Курманскомъ могильникѣ (Рязан. губ.) и близъ Моршанска, Тамбовской губ. ⁵⁾, пряжки жгутообразныя и спиральныя, но безъ хвостовидныхъ придатковъ, какъ въ Борковскомъ могильникѣ, Рязанской губ., и пряжки въ видѣ сустуговъ или такъ называемыхъ „сюльгомовъ“, (нѣкоторые сюльгомы на широкихъ концахъ своего треугольнаго придатка имѣли по шести небольшихъ цилиндрическихъ при-

¹⁾ Преимущественно половинныя части отъ медвѣжьихъ клыковъ.

²⁾ Въ Пенз. Губ. Ст. Ком. изъ этого могильника раньше нами было доставлено до 100 древн. предметовъ.

³⁾ Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Темниковскій мог., табл. IV, рис. 13, стр. 19.

⁴⁾ Ibid. Табл. V, рис. 3 и 5.

⁵⁾ Ibid. Таб. VIII, рис. 1, 3, 4, 7 и 8, стр. 26.

вѣсокъ съ маленькими колечками вверху). Сустуги или скульгомы находимы были въ Пичпандинскомъ и Кавбекскомъ могильникахъ ¹⁾).

d) Бронзовые браслеты разной величины и разныхъ видовъ: жгутообразные, спиральные, гладкіе желѣзные, литые бронзовые безъ украшеній и съ украшениями. Бронзовые браслеты жгутообразные или же затѣйливо переплетенные и перевитые изъ бронзовой проволоки, съ широкими петлями на концахъ, столь распространенные въ русскихъ курганныхъ древностяхъ; подобныя также встрѣчались въ Казбекскомъ, Пензенской губ., и Пичпандинскомъ, Тамбовской; бронзовые спиральные браслеты были находимы въ Лядинскомъ мог. и близъ Моршанска, Тамбовской губ., въ Муромскомъ клад., въ Финляндіи, въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Витебской. (Золотые спиральные браслеты были въ употребленіи въ классической древности ²⁾). Бронзовые браслеты въ видѣ круглаго обручика, расплюснутые концы котораго украшены рядами кружочковъ съ точками въ срединѣ. Подобный узоръ встрѣчался въ древностяхъ Болгарь, Билярска и Сарая (сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

e) Бронзовые спиральные и жгутообразные перстни и кольца и перстни съ гладкимъ овальнымъ щиткомъ для печати. Бронзовые перстни, представляющіе спиральное кольцо, средніе обороты котораго спереди расплющены и слиты въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посрединѣ. Подобныя находимы были среди древностей лядинскихъ, муромскихъ, мерянскихъ и др. Бр. кольца изъ спирально согнутой проволоки. Такія найдены въ Пермской г., въ Лядинскомъ, Тамбовской, Курманскомъ мог., Рязанской г., въ Финляндіи, въ Курляндіи, въ Ашераденѣ, Лифляндской губ., на о. въ Эзелѣ, въ Дрогичинѣ (Бѣльскаго у., Гродненской г.), въ Динабургскомъ у., Витебской губ., въ Пруссіи. Золотыя спиральныя кольца были въ употребленіи и у обитателей Киммерійскаго Босфора. ³⁾).

f) Стекланныя бусы цвѣтныя (преимущественно зеленыя) и полосатыя. Подобныя встрѣчались въ Лядинскомъ мог., также въ мерянскихъ могилахъ въ Болгарахъ и въ могильникахъ Кавказа. ⁴⁾

g) Желѣзные топоры съ очень широкимъ лезвіемъ и съ срѣзаннымъ нижнимъ концомъ. Такіе топоры принято называть датскими боевыми сѣкирами. Они очень распространены на балтійскихъ побережьяхъ, на

¹⁾ Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1892 г., стр. 48.

²⁾ Матеріалы по арх. Россіи, Лядинскій и Толишковскій могильн. Таб. IV, рис. 6 и 9, стр. 36.

³⁾ Ibid. Таб. II, рис. 4, 5, 13 и 14, и таб. IX, р. 8, стр. 37.

⁴⁾ Ibid. Таб. XII, рис. 6, 11, 14, 16, 17 и 22, стр. 48.

островахъ и въ Бѣлоруссіи. Подобныя находили на Аландскихъ островахъ, въ Финляндіи, въ Лифляндской губ.; въ Новоладожскомъ, Петерб. губ., въ Минской губ. и въ Дрогичинѣ, Гродненской губ. Но районъ распространенія ихъ не ограничивается сѣверо-западомъ Россіи, — ихъ находили также въ средней и восточной Россіи, а именно: въ Тамбовской губ. (Лядинскій мог.), во Владимірской губ. (Кобанское, Васильки), въ Рыбинскомъ у., Ярославской губ., въ Билярскѣ и въ Пермскомъ краѣ ¹⁾.

h) Желѣзные ромбовидные наконечники стрѣлъ, нижнимъ концомъ вставлявшіеся въ древко. Встрѣчались въ Болгарахъ, въ Тамбовской губ., въ Вятской губ., во Владимірской губ., въ частности — въ курганѣ на Юрьевской горѣ, на мѣстѣ Липецкой битвы 1216 г. и среди древностей Сарая ²⁾.

и i) Желѣзные листовидные наконечники копій съ прямыми краями и съ продольной выпуклостью, служащей продолженіемъ втулки. Походятъ на бронзовые наконечники изъ Томской и Вятской губ. и изъ Ананьянскаго могильника. Подобныя найдены въ Лядинскомъ и Курманскомъ могильникахъ и въ Курляндской губ. ³⁾

с) Изъ вышеописанныхъ нами древнихъ предметовъ, найденныхъ въ Ефаевскомъ могильникѣ, видно то, что этотъ могильникъ своими древностями близко подходитъ къ Лядинскому и Курманскому могильникамъ. Не отрицаетъ важности находокъ изъ вышеозначеннаго могильника и извѣстный археологъ А. А. Спицынъ, который лично осматривалъ этотъ могильникъ въ 1892 году. По мнѣнію г. Спицына, Ефаевскій могильникъ составляетъ переходную ступень между древностями Лядинскаго или близкаго къ нему типа и мордовскими могильниками XIV вѣка ⁴⁾.

Судя изъ упомянутого нами выше заявленія ефаевскихъ рабочихъ крестьянъ, какъ относительно многолѣтней распашки Ефаевскаго могильника, такъ и за послѣднее время по обнаруженнымъ въ немъ обильнымъ находкамъ можно заключить то, что онъ, по всей вѣроятности, въ одну или много двѣ распашки совсѣмъ долженъ пропасть безслѣдно для науки. Вообще было-бы желательнымъ, чтобы на Ефаевскій могильникъ обратила свое серьезное вниманіе Императорская Археологическая Коммиссія, которая можетъ для его подробнаго изслѣдованія и раскопки командировать своего члена или же поручить это мѣстному изслѣдова-

1) Ibid. Таб. X, рис. 4, 7, и 14, стр. 50—51.

2) Ibid. Таб. X, рис. 18 и 24, стр. 53.

3) Ibid. Таб. X, рис. 8, 29 и 33, стр. 53.

4) См. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1892 г., стр. 48.

телю края ³⁾). Какъ мы слышали, что вся распаханная земля на мѣстѣ Ефаевского могильника должна пролежать незасѣянной осень и буд. весну, то поэтому недурно бы воспользоваться, кому слѣдуетъ, означеннымъ временемъ для изслѣдованія и раскопки вышепоименованнаго могильника, такъ какъ этотъ могильникъ въ настоящее время при специальной раскопкѣ, думаемъ, можетъ дать и не одно цѣльное погребеніе, которое, несомнѣнно, будетъ имѣть немалый интересъ въ археологическомъ отношеніи. *Д. ч. пенз. губ. Статист. Ком. В. М. Терехинъ. (Пенз. Губ. Вѣд. 1895 г. № 168—170).*

— Общество для изученія Исторіи и Древностей въ Балтійскихъ губ. занято въ настоящее время собираніемъ коллекцій для устройства выставки къ X-му археологическому съѣзду въ Ригѣ (1896 г.). Имѣя въ виду этимъ путемъ освѣтить многіе неясные вопросы археологіи Балтійскихъ губ., Общество озабочено составленіемъ наиболѣе подробныхъ коллекцій по доисторической археологіи края, равно и собираніемъ художественныхъ предметовъ изъ золота, найденныхъ при изслѣдованіяхъ древностей названныхъ губерній. Не только остальные ученые Общества Балтійскихъ губ., но и частныя лица заявили о своемъ желаніи принять участіе въ предполагаемой выставкѣ, путемъ доставленія на нее своихъ коллекцій.

— Эстляндское Литературное Общество рѣшило выдѣлить особую секцію для сохраненія памятниковъ древности: цѣль новой секціи будетъ заключаться въ охраненіи памятниковъ отъ порчи какъ путемъ собиранія ихъ, такъ и реставраціи древнихъ зданій; въ задачи секціи

³⁾ Въ случаѣ назначенія кого-либо отъ Императорской Археологической Комиссіи для изслѣдованія Ефаевского могильника, то вообще также было бы желательно этому лицу поручить кстати и осмотръ нѣкоторыхъ мѣстностей Пензенской губерніи, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Напримѣръ: 1) Городище или древнее поселеніе въ засурскомъ лѣсу (въ 7 вер. отъ г. Пензы), гдѣ неразъ были находимы костяныя иглы, медвѣжьи клыки, каменные молоты и масса осколковъ отъ весьма грубой посуды. 2) Нѣсколько древнихъ кургановъ недалеко отъ д. Марьевки (въ 38 вер. отъ гор.), вывѣшшимъ лѣтомъ рабочими вновь стр. разанско-уральской ж. д. случайно при вскрытіи одного изъ вышеозначенныхъ кургановъ найдено: одинъ небольшой горшечекъ, мѣдный ножъ (кинжалъ) и какія-то кости. Благодаря любезности начал. 1-го участка Об. ряз.-уральск. ж. д. инженера С. С. Багрова, найденный ножъ и горшечекъ 3 іюня с. г. были доставлены въ мѣстный пензенскій губ. статистическій комитетъ. 3) Такъ называемый «Государевъ курганъ» (небол. насыпной холмикъ) недалеко отъ ст. Шаверокъ (въ 10 вер. отъ гор. Краснослободска), по преданію, здѣсь схороненъ какой-то богатырь. 4) Древніе могильники: при д. Шенино, въ 8 вер. отъ гор., сс. Старога Синдоровка (древне-мордовское селеніе), въ 22 вер. отъ гор. и Авсела, въ 35 вер. отъ гор. Въ вышепоименованныхъ трехъ могильникахъ неразъ были находимы: серебряные обручи, браслеты и какія-то металлическія плитки; и 5) древнія городища Кичатовское (35 вер. отъ гор.) и Ковыляевское (въ 30 вер. отъ гор.), гдѣ неоднажды находимо было каменное и бронзовое орудіе древняго человѣка.

входить между прочимъ и забота о распространеніи правильныхъ взглядовъ на значеніе памятниковъ старины среди населенія.

— Преподователь Митавской гимназіи г. Бой сообщилъ въ Курляндскомъ литературно-художественномъ Обществѣ (въ засѣд. 2-го ноября 1895 г.) о произведенныхъ имъ истекшимъ лѣтомъ археологическихкихъ раскопкахъ въ Оглей, Мезотенѣ и Семальденѣ, при чемъ, въ послѣдней мѣстности было раскопано 28 могилъ, обнаружившихъ погребеніе и давшихъ большое количество предметовъ древности, какъ-то: оружія, бронзовыхъ украшеній новыхъ типовъ, съ звѣринимъ орнаментомъ, хорошей сохранности посуды и прекрасной выдѣлки ключей; послѣдніе, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу сравнительно рѣдкихъ находокъ въ могильникахъ Курляндской губ. Хронологически г. Бой склоненъ относить могильникъ къ X—XI вв. нашей эры на основаніи найденной арабской монеты въ качествѣ привѣски на гривнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Бой сдѣлалъ краткій очеркъ произведенныхъ г. Сизовымъ истекшимъ лѣтомъ археологическихкихъ изысканіямъ въ Попенѣ, Пассильнѣ, Хазавѣ и др., отмѣтилъ богатые научные результаты, достигнутые этими изысканіями и отмѣнилъ, что еще много сокровищъ древности остаются неизслѣдованными, при чемъ предлагалъ Обществу взять по возможности инициативу раскопокъ на себя.

— Намъ сообщаютъ, что г. Довнаръ-Запольскій сдѣлалъ среди документовъ Метрики Литовской въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи любопытную находку: имъ найдены сеймовыя постановленія вальныхъ сеймовъ 1565, 1566, 1577 и 1568 гг., неизвѣстныя до настоящаго времени наукѣ. Находка эта должна дать не мало интересныхъ разъясненій: это годы редактированія и изданія 2-го Литовскаго статута; въ эти же годы готовилась унія. Г. Довнаръ-Запольскій готовится издать ихъ къ печати. Тѣмъ же г. Довнаромъ-Запольскимъ печатается въ настоящее время при Общ. Исторіи и Древностей Росс. обширный сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ книги Метрики Литовской. Матеріалы относятся къ XIV—XVI вв.; цѣль сборника — собрать все, что относится къ финансовому устройству и управленію Литовско-русскаго государства. Среди отдѣльныхъ документовъ обращаютъ вниманіе древнѣйшія пожалованія на магдебургское право (Ягайла, Витовта, Свидригайла и др.), рядъ отчетовъ подскарбіевъ земскихъ, окладные листы и пр.

— Намъ сообщаютъ, что Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи слѣдующій томъ (XI) архивнаго изданія предназначенъ для печатанія описи и нѣкоторыхъ документовъ Метрики Литовской. Въ настоящее время печатается поактная опись нѣсколькихъ книгъ

Записей Литовскихъ, инвентари королевскихъ мѣнъ первой половины XVI в., записи земельныхъ дачъ кор. Казимира (около полов. XV в.) и отдѣльные документы XIV—XVI ст., характеризующіе поземельныя и сословныя отношенія въ Литовско-русскомъ государствѣ. Среди описанія имѣній важное значеніе имѣетъ Ревизія Берестейскаго Староства 1566, едвали не лучший памятникъ въ этомъ родѣ по полнотѣ данныхъ. Среди отдѣльныхъ грамотъ многія дополняютъ наши свѣдѣнія о внутренней политикѣ первыхъ русско-литовскихъ князей и объ участіи въ управленіи страной земскихъ элементовъ. Печатаніе ведется М. Довнар-Запольскимъ; имъ же собраны документы и сдѣлана опись. Сборникъ будетъ имѣть значеніе и для филологовъ, такъ какъ издается съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія.

— *Новый домъ въ Помпѣ.* Раскопки въ Помпѣ представляютъ неизсякающій интересъ, а новый способъ сохраненія ихъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ значеніе. Этотъ методъ, введенный опытными и знающими руководителями, испробованъ на послѣднемъ домѣ, открытомъ въ погибшемъ городѣ, исторія котораго такъ хорошо извѣстна всѣмъ. Теперь уже статуи, картины и прочая движимость не отвозится, какъ это дѣлалось прежде, въ Неаполитанскій музей, но всѣ отрытые предметы остаются на мѣстѣ и большею частью реставрируются настолько, чтобы дать понятіе о своемъ первоначальномъ видѣ. Раскопка этого послѣдняго дома началась въ августѣ 1894 г.; но неблагоприятная погода, а главнымъ образомъ недостатокъ средствъ замедлили ходъ работъ. Въ ноябрѣ дошли до атриума; но зимой работа подвигалась медленно, такъ что послѣднія комнаты отрыты были лишь въ іюнѣ 1895 г., а расчистка и реставрированіе были окончены лишь въ августѣ, т. е. ровно годъ послѣ того, какъ удаленъ былъ первый слой земли, покрывавшей домъ. Главный входъ ведетъ на улицу, все еще засыпанную мусоромъ. Входъ этотъ состоитъ изъ остіума или прохода, по правую сторону котораго сидѣлъ привратникъ за деревянной перегородкой; нынѣ она исчезла совсѣмъ. Напротивъ его сидѣнья находилась картина „полурелигіознаго“ содержанія, которую вслѣдствіе ея неприличія пришлось закрыть. Въ этомъ проходѣ были двѣ большія двери. Въ наружной стѣнѣ дома видны остатки желѣзныхъ скобы и болта, посредствомъ которыхъ былъ запертъ снаружи домъ, когда хозяйева оставили его. Въ комнатѣ направо отъ остіума находятся двѣ маленькія, заурядныя картины: одна представляетъ Леандра, переплывающаго Геллеспонтъ для свиданія съ Геро, другая—Тезея, покидающаго Аріадну. За этой комнатой находится другая, полъ которой покрытъ на два фута обломками (garilli). Поэтому нижнюю часть стѣнъ видѣть нельзя; видны только

средняя и верхняя часть стѣнъ, покрытыхъ живописью, а также фризы изящнаго рисунка съ мелкой орнаментаціей и прелестными фигурами. Посреди одной изъ стѣнъ картина, изображающая Вакха и Ариадну, смотрящихъ на борьбу Пана и Эрота. На противоположной стѣнѣ также картина; на ней изображены Цефалъ и его вѣрная жена Прокрида, въ образѣ раненой лани; ее же, вѣроятно, представляетъ и женщина вверху картины, задумчиво смотрящая на мужа. Эти картины вдѣланы въ стѣну. Гипсовый пласть, на которомъ онѣ написаны, былъ, вѣроятно, для удобства художника положенъ на доску; затѣмъ, когда картина высохла, ее вложили въ вырѣзанное въ штукатуркѣ стѣны пространство; рамка, сдѣланная коричневой, желтой или черной краской, покрываетъ соединительныя линіи. Въ фризѣ видны Леда съ лебедемъ, сатиръ съ тирсомъ и вакханка съ тамбуриномъ. На самомъ верху два центавра. На другихъ частяхъ фриза изображены великолѣпныя павлины и юный Зевсъ на тронѣ, съ молніями въ рукахъ. Гирлянды цвѣтовъ, написанныя на бѣлой стѣнѣ, архитектурныя части, оканчивающіяся наверху крылатыми драконами, карнизы изъ красныхъ, бѣлыхъ и синихъ лѣпныхъ украшеній сверху и снизу фриза и отдѣляющія его отъ полукруглаго свода потолка—все это ярче заставляеть выступать краски. Этотъ искусно расписанный покой кажется еще красивѣе вслѣдствіе ярко-красной киновари, которая употреблялась для окраски стѣнъ и дѣлала ихъ необыкновенно эффектными. То же самое можно сказать и о другихъ комнатахъ дома. Когда всѣ эти краски, въ особенности ярко-красная киноварь, только что очищены отъ покрывавшей ихъ земли, онѣ поражаютъ своей яркостью и блескомъ; но онѣ быстро тускнѣютъ и темнѣютъ, если ихъ тотчасъ же не покрыть смѣсью воска съ бензиномъ.

Далѣе, со стороны атриума есть боковой входъ, ведущій въ маленькую улицу, которую Фюрелли назвалъ „Nicolo di Mercurio“; здѣсь есть маленькая лѣстница. Близъ входа въ атриумъ находятся остатки казнохранилища, прикрѣпленнаго къ тяжелому каменному основанію. Желѣзныя части подлинныя, но деревянный ящикъ, на которомъ онѣ прикрѣплены, новый. Близъ этого казнохранилища были найдены бронзовое кольцо и двѣ желѣзныя печати, которыя хранятся въ домѣ „помпейской администраціи“, а затѣмъ будутъ препровождены или въ Неаполитанскій, или въ мѣстный музей. На одной изъ этихъ печатей вырѣзано: „VETTI. RES. V.“, отчего домъ и получилъ названіе: „Casa di Vetti“. На противоположной сторонѣ атриума—другое, также реставрированное, казнохранилище бѣльшихъ размѣровъ. Это послѣднее казнохранилище откопали при мнѣ и при нѣкоторыхъ художникахъ, но въ немъ не было найдено ничего. Оба казнохранилища были, очевидно,

вломаны или тѣми, которые бѣжали изъ дома, или ворами, воспользовавшимися темнотою ночи и смятеніемъ, произведеннымъ страшною катастрофой.

Изящная золотая цѣпочка съ жемчугомъ и нѣсколькими монетами была найдена вмѣстѣ съ бронзовой печатью, на которой вырѣзано имя P. CRVST. FAVSTI, въ верхнемъ слоѣ земли, покрывавшемъ комнаты направо отъ атриума; но эти вещи могли принадлежать владѣльцу другого дома, а не тому, кому принадлежали казнохранилища. Близъ большаго изъ нихъ находится неправильной формы покой, содержащій „лараріумъ“ или алтарь. Онъ выступаетъ изъ стѣны дюймовъ на восемь и по бокамъ его находятся колонны. Между колоннами, въ глубинѣ ниши, углубленной въ стѣну, нарисованы фигуры двухъ пенатовъ; между ними фигура женщины, изображающей Лару или, какъ нѣкоторые полагаютъ, Весту. У ногъ ихъ геній-покровитель въ образѣ змѣи, символа возрожденія къ новой жизни, принимающій приношенія плодовъ на маленькомъ жертвенникѣ. Краски удивительно свѣжи; преобладающіе тона — красный, коричневый и желтый. Надъ картиной — фронтонъ, обрамленный красными, бѣлыми и коричневыми лѣпными украшеніями и заключающій рельефныя изображенія жертвеннаго ножа, блюда (patella) и головы жертвеннаго животнаго, убранной лентами. Стѣны атриума украшены изображеніями громадныхъ золотыхъ канделябровъ на ярко-красномъ фонѣ. Маленькія картины занимаютъ верхнюю часть „дадо“ (нижней части стѣнъ): купидонъ на колѣняхъ предлагаетъ сосудъ воды пантерѣ, везущей колесницу съ вазой; другой купидонъ ѣдетъ въ колесницѣ, запряженной дельфинами; третій сидитъ верхомъ на лангустѣ или краббѣ. Всѣ эти картины и стѣны были весьма тщательно закрыты досками и парусиной, чтобы предохранить ихъ отъ дождя и мороза; но я получилъ разрѣшеніе открыть и видѣть ихъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ эти картины еще разъ, при чудной іюньской погодѣ, и ихъ уже покрывало стекло въ желѣзныхъ рамкахъ. Этотъ способъ употребляется въ первый разъ. Стѣны же были покрыты, по обыкновенію, воскомъ.

Все это требуетъ большихъ издержекъ, но за то, по всей вѣроятности, предохранить свѣжесть красокъ отъ дѣйствія дождя и жары. Этотъ atrium Tuscanicum, безъ колоннъ, имѣетъ въ серединѣ обширный impluvium, съ котораго мраморъ содранъ уже въ древнія времена или владѣльцемъ дома, или искателями кладовъ во времена Римской имперіи. Дыры въ стѣнахъ дома показываютъ, что уже и въ древности здѣсь дѣлали раскопки и проломили стѣны. Последняя комнатаhalbво страннымъ образомъ отдѣлена отъ атриума двумя ступень-

ками, построенными, очевидно, послѣ перваго землетрясенія въ 63 г. по Р. Х. Комната тогда, можетъ быть, обращена была въ *viridarium*, нѣчто въ родѣ зимняго сада. Полы, окружающіе *atrium* и *peristylum*, состоятъ изъ черной массы, сдѣланной изъ пепла, съ большими бѣлыми мраморными кубами, вставленными на разстояніи шести дюймовъ одинъ отъ другого прямыми линиями, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ.

Здѣсь нѣтъ ни *tablinum*'а, ни *fauces* (корридора) между *atrium*омъ и *peristylum*'омъ: ихъ раздѣляетъ лишь стѣна съ дверьми. Перистиліумъ имѣетъ 18 большихъ бѣлыхъ колоннъ съ желобками; ихъ капители и фризы были мѣстами раскрашены. Колонны эти окружаютъ садъ, слѣды клумбъ котораго еще замѣтны; видны также мѣста, гдѣ были деревья, растенія въ кадкахъ или миртовые кусты. Я посовѣтовалъ распорядителямъ посадить на эти мѣста вѣчно-зеленыя растенія, мирты; а ихъ мысль украсить садъ цвѣтами—прекрасна.

Здѣсь находится одиннадцать мраморныхъ бассейновъ различныхъ формъ. Всѣ они стоятъ на своихъ мѣстахъ; есть также двѣ бронзовыя статуэтки мальчиковъ съ серебряными глазами; они держатъ гусей. Кромѣ того одиннадцать маленькихъ мраморныхъ статуэтокъ—всѣ оставлены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ найдены. Въ саду находятся два фонтана, другіе два фонтана на обѣихъ концахъ перистиліума; вода чрезъ свинцовыя трубки выливалась изъ-подъ рукъ статуэтокъ, стоящихъ по сторонамъ бассейна, назначеннаго для приѣма освѣжающей струи. Переполняющая бассейнъ вода выливалась въ канавку изъ краснаго цемента, идущую кругомъ, между садомъ и колоннадой плоской крыши, простравшейся отъ стѣны до колоннъ. Рядомъ съ канавкой проходятъ свинцовыя трубы. Другіе мраморные бассейны и статуэтки расположены такимъ же образомъ по краямъ сада. Въ каждомъ углу перистиліума было тоже по небольшому бассейну, въ которые также лилась вода изъ рукъ украшенныхъ цвѣтами фигуръ. На одномъ концѣ сада, близъ бронзовыхъ статуэтокъ находятся два мраморные столба (*cipri*) съ искусно высѣченными, будто обвивающими ихъ листьями. Столбы эти оканчиваются наверху головой съ двумя лицами (*hermes*). Можетъ быть, эти лица представляютъ портреты, хотя правая изъ головъ напоминаетъ типичныя черты лицъ Бахуса и Аріадны, а лѣвая—лица Силена и вакханки. Глаза ихъ выкрашены краснымъ, волосы и бороды коричневой охрой, а обвивающіе головы листья плюща и винограда были желто-зеленаго цвѣта; слѣды этихъ красокъ сохранились и до сихъ поръ. Этотъ перистиліумъ богаче мраморными украшениями, нежели всѣ открытыя до сихъ поръ. На нѣкоторыхъ обширныхъ квадратахъ окружающихъ стѣнъ изображены рыбы, между которыми особенно привле-

каютъ двѣ, изъ породы извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ scorfano: онѣ съ большими головами, красноватаго цвѣта, и современные неаполитанцы варятъ изъ нихъ отличный супъ, называемый Zuppa di Magenago. Чтобы предохранить эти рисунки, положена отъ стѣнъ къ колоннамъ покатая крыша, а сами колонны, гдѣ оказалось нужнымъ, доведены до высоты колоннъ, сохранившихся въ цѣлости; къ нимъ придѣланы новыя капители, хотя и безъ орнаментовъ, и стѣны также во многихъ мѣстахъ реставрированы.

Крыша эта, однако, не есть подражаніе первоначальной крышѣ, которая, по всей вѣроятности, была плоская и имѣла, можетъ быть, еще другой этажъ надъ собой, такъ какъ въ другихъ частяхъ дома видны слѣды второго этажа; это очевидно не только по лѣстницѣ, но и по знакамъ въ стѣнахъ, поддерживавшихъ балки второго пола. Обширный *vestus* налѣво отъ перистиліума имѣетъ стѣны, украшенныя въ стилѣ четвертаго періода, введенномъ лишь за нѣсколько лѣтъ до разрушенія дома. Онъ содержитъ три прекрасныя картины, каждая въ 1,11 метра высоты и 1,03 метра ширины. Картина на лѣвой стѣнѣ комнаты представляетъ Юпитера, съ удивленіемъзирающаго на Геркулеса, убивающаго двухъ змѣй, посланныхъ Юноной, чтобы уничтожить его. Мать ребенка Алкмена, смотритъ также на него, стоя позади трона Юпитера. Фигура на лѣвой сторонѣ картины представляетъ, вѣроятно, Амфитріона, отца Ификла, другого изъ близнецовъ. Картина средней стѣны представляетъ смерть Пентея, молодого царя еивскаго, сына Эхіона и Агавы. Его убиваютъ мать, сестры и тетка за то, что онъ не хотѣлъ вводить культъ Бахуса въ своемъ царствѣ. Краски этой картины очень нѣжны. Прозрачная, развѣвающаяся одежда женщины, держащей поднятый надъ головой тирсъ блѣдно-голубаго цвѣта; одежда женщины съ камнемъ свѣтлаго, желтоватаго цвѣта и вообще, всѣ краски картины поражаютъ удивительною гармоніей тоновъ, на которой особенно рельефно выступаетъ смуглое обнаженное тѣло Пентея. Но рисунокъ нельзя назвать безукоризненнымъ, хотя композиція эффектна; между прочимъ, правая рука женщины налѣво отъ Пентея безформенна; зато группировка и экспрессія фигуръ замѣчательны.

То же самое можно сказать о картинѣ на правой стѣнѣ комнаты и представляющей Дирцею, привязываемую къ быку. Цетъ, младшій изъ братьевъ держитъ ее лѣвою рукой, правой же накидываетъ веревку на быка, между тѣмъ, какъ старшій братъ, Амфіонъ, стоитъ по лѣвую сторону разъяреннаго животнаго и держитъ другой конецъ веревки. Мать ихъ, Антіопа была женою Лика, царя Фибъ, но отцомъ ихъ былъ Юпитеръ, „отецъ боговъ и людей“. Дирцея приобрѣла лю-

бовъ Лика и заняла мѣсто Антиопы, заключивъ ее въ тюрьму и прогнавъ обоихъ сыновей ея въ лѣсъ. Здѣсь нашелъ ихъ пастухъ и воспитывалъ въ своей хижинѣ до тѣхъ поръ, пока Антиопа, бѣжавшая изъ тюрьмы, не присоединилась къ нимъ. Однажды Дирцея ея и свита встрѣтили въ лѣсу Антиопу и стали оскорблять ее. Тогда явились Амфiонъ и Цетъ; они разогнали свиту Дирцеи, а ее привязали къ разъяренному быку. Выполненiе обѣихъ этихъ картинъ чрезвычайно эффектно и смѣло. Профессоръ Солиано, директоръ помпейскихъ раскопокъ, напечаталъ интересную монографiю подъ заглавiемъ: „Казнь Дирцеи на помпейской картинѣ и Фарнезскiй быкъ“. Брошюра содержитъ великолѣпное воспроизведенiе этой картины, а также и очертанiя мраморнаго шедевра Аполлонiя и Тавриска, съ которыми онъ сравниваетъ ее. Проф. Солиано говоритъ: „Если искать связи между сюжетами этихъ трехъ картинъ, то я сказалъ бы, что она заключается въ идеѣ мести, выразившейся въ *наказанiи*. Такъ, Гераклъ наказываетъ змѣй, женщины наказываютъ Пентея, Амфiонъ и Цетъ совершаютъ казнь надъ своей мачихой, Дирцеей. Сюжеты двухъ послѣднихъ картинъ никогда еще не находились прежде въ картинахъ Помпей. Картины повидимому—настоящiе фрески, за исключенiемъ нѣсколькихъ верхнихъ штриховъ, и тона ихъ необыкновенно мягки. Что касается орнаментовъ стѣнъ, то это не настоящiя фрески, а толстый слой краски, наложенный на фрескѣ. Разные морскiе звѣри, дельфины и головы Нептуна украшаютъ нижнюю часть стѣнъ. Маленькая комната, рядомъ съ *vestus*'омъ была снабжена полками. Назначенiе ихъ неизвѣстно, да и не въ интересахъ археологiи заниматься отысканiемъ именъ предметовъ, единственно для удовлетворенiя празднаго любопытства. Соотвѣтственно этимъ комнатамъ, по правую сторону отъ входа въ перистилiумъ находится великолѣпный покой съ окномъ, выходящимъ во дворъ, и съ дверью, ведущей въ другой *vestus*, съ прекрасно раскрашенными стѣнами. Нижняя часть стѣны послѣдняго представляетъ хорошую имитацию мраморныхъ плитъ и дисковъ; стереотипные цвѣты голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ и другихъ тоновъ поднимаются по сторонамъ большихъ бѣлыхъ панно; на маленькихъ боковыхъ панно находятся еще другiе, меньшiе, удивительнаго и чрезвычайно рѣдкаго голубовато-стальнаго цвѣта.

Прекрасная картина въ 1,11 на 1,19 метр. занимаетъ середину каждой стѣны. Картина на лѣвой сторонѣ представляетъ Дедала, спиною къ зрителю; онъ положилъ руку на деревянную корову, поставленную на деревянную доску съ колесами, и предлагаетъ ее Пазифаѣ, супругѣ царя Миноса; на лѣвой сторонѣ картины изображенъ одинъ изъ его учениковъ, по всей вѣроятности сынъ его, Икаръ.

Картина средней стѣны представляетъ казнь Иксіона, царя Тесалійскаго, который по велѣнію Юпитера, былъ привязанъ къ колесу Меркуріемъ, который и держитъ въ рукѣ это орудіе пытки. Юнона, въ которую влюбился Иксіонъ, сидитъ справа. Картина на правой стѣнѣ изображаетъ Аріадну, найденную Бахусомъ и его свитой вакханокъ и сатировъ. На концѣ перистиліума съ этой стороны еще нѣсколько великолѣпно украшенныхъ комнатъ. Въ проходѣ, ведущемъ къ двумъ изъ этихъ комнатъ, былъ родъ врытаго въ землю корыта съ мраморными краями; въ немъ, вѣроятно, были посажены растенія, такъ какъ дно и боковыя стѣнки корыта не могли держать воды. Но красивѣйшая комната, выходящая на этотъ конецъ перистиліума—это „экседра“, стѣны которой роскошно разукрашены. Въ этой комнатѣ были три большія картины, но отъ нихъ остались только мѣста, гдѣ онѣ находились, а слои, на которомъ онѣ были написаны, вырѣзанъ изъ стѣны. Возможно также, что мѣста эти приготовлены были для принятія картинъ въ то время, когда случилась катастрофа. Однако, убранство этой комнаты не принадлежитъ къ послѣдней варіаціи четвертаго періода, но къ средней варіаціи послѣдней эпохи упадка. Краски сохранили всю свою свѣжесть. Бордюры четвертаго періода замѣчательно изящны, а большое количество красной киновари, употребившейся въ фрескахъ стѣнъ, придаетъ комнатѣ чрезвычайно яркій колоритъ и заставляетъ выступать нѣжные рисунки и мелкіе орнаменты.

Когда садъ въ мраморномъ перистиліумѣ будетъ зеленѣть кустами, а клумбы его украсятся душистыми и яркими цвѣтами, домъ приметъ (за исключеніемъ предохраняющей крыши) такой видъ, какъ будто обитатели только что покинули его, а землетрясеніе случилось очень недавно. Но нельзя не пожалѣть, что итальянское правительство выдаетъ ежегодно на продолженіе раскопокъ лишь ничтожную сумму въ 8,000 итальянскихъ лиръ. Сборъ за входъ въ Помпею идетъ въ центральное управленіе раскопокъ въ Римѣ, а оттуда управленіе распределяетъ эту сумму по всеѣмъ мѣстамъ государства, гдѣ производятся раскопки. Это очень несправедливо относительно Помпей и ея директоровъ. Несмотря на эту нищенскую субсидію, профессоръ Соліано и его помощники дѣлаютъ очень много, и вмѣсто празднаго критиканства со стороны туристовъ, желательно было бы, чтобы журналы выражали одобреніе и тѣмъ оказывали имъ поддержку въ ихъ трудной задачѣ (Ф. Марріотъ. СПб. Вѣд., № 38, 1896 г.).

— Археологическая находка на днѣ Немейскаго озера въ Италіи ¹⁾, о которой сообщалось въ газетахъ за текущій годъ, оказа-

¹⁾ См. Археол. Изв. 1895 г., стр. 336.

лась, при ближайшемъ изслѣдованіи, не затонувшимъ судномъ, какъ это полагали ранѣе, а развалинами древняго величественнаго зданія. Ошибка произошла оттого, что, при осмотрѣ водолазами dna озера, продолговатое зданіе было покрыто толстымъ слоемъ ила; кромѣ того, заблужденію немало способствовало сохранившееся среди приозернаго населенія повѣрье о томъ, будто въ этомъ озерѣ нѣкогда затонуло судно Императора Тиверія. Зданіе имѣетъ въ длину 74 метра, въ ширину 15 метр. и, такимъ образомъ, формами и размѣрами напоминаетъ современные броненосцы. Огромный научный интересъ представляютъ извлеченные изъ ила, съ глубины 30 метровъ, предметы, замѣчательно хорошо сохранившіеся; между ними обращаетъ особенное вниманіе бронзовая колонна, высотой въ $1\frac{1}{2}$ метра и вѣсомъ 160 килогр. (10 пуд.) съ рельефнымъ изображеніемъ львиной головы, въ пасти которой находится подвижное бронзовое кольцо; за эту находку итальянское правительство предлагаетъ владѣльцу озера, князю Орсини, 30.000 лиръ. Затѣмъ, найдена полуколонна съ изображеніемъ волчьей головы, точно такой же формы и того же металла, только меньшихъ размѣровъ, вѣсомъ всего 74 килогр. Наконецъ, третья находка, самая изящная по исполненію, — колонна, вѣсомъ въ 69 килогр., съ изображеніемъ головы медузы, поразительно изящной работы, время процвѣтанія искусства въ Греціи. Всѣ колонны—въ нижней части поля—служили, очевидно, для причаливанія лодокъ. Въ числѣ другихъ находокъ имѣются: двѣ свинцовыя водопроводныя трубы, діаметромъ въ 20 сантиметровъ и длиной 1,20—2,40 метра каждая съ надписями: „CKES. Aug. Germ.“ („Caesar Augustus Germaniae“); бронзовые гвозди, отъ 20 до 50 сантиметровъ длиной; остатки эмали на порфирѣ, серпантинѣ и зеленомъ камнѣ, служившихъ украшеніемъ комнатъ, сочетаніе которыхъ страннымъ образомъ представляетъ современные національные цвѣта Италіи: зеленый, бѣлый и красный, и, наконецъ, бронзирванныя балки, служащія доказательствомъ того, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда возвышалась вилла, что подтверждаютъ также остатки древняго мола и выложенный камнемъ бассейнъ озера. Дальнѣйшія изысканія дѣятельно продолжаются при помощи водолазовъ.

— Гг. George и Chauvet издали подъ заглавіемъ *Cachette d'objets en bronze découverte à Venat près Angoulême* (Angoul. 1895) интересную работу о кладѣ предметовъ бронзовой культуры, найденномъ въ 1893 г. около Вена въ глиняномъ сосудѣ и вѣсящемъ 75 килогр.; кладъ состоитъ изъ топоровъ, мечей, дровиковъ, кинжаловъ, умбоновъ, браслетовъ, серегъ, колець, бусъ и пр. Интересъ клада заключается въ томъ, что составляющіе его предметы имѣютъ наибольшее

сходство съ культурой швейцарскихъ свайныхъ построекъ, и свидѣтельствуя о живой культурной связи, существовавшей въ концѣ бронзового вѣка между обитателями западной части современной Франціи (долины Шаранты) и населеніемъ швейцарскихъ озеръ. „Объ области, замѣчаютъ авторы, поддерживали, вѣроятно, постоянно взаимныя сношенія и когда, во времена Цезаря, Гельветы сожгли свои города для того, чтобы эмигрировать къ океану, они несомнѣнно направились въ область, уже извѣстную имъ, хотя бы по традиціи“ (Rev. arch., 1895).

— Первый, вышедшій въ 1895 г., выпускъ изданія *Inscriptiopes graecae insularum* состоитъ изъ 964 №№ разныхъ надписей Родоса, Сароса и др., содержащихъ посвященія Аѳинѣ, Артемидѣ, Зевсу, Діоскурамъ и пр., далѣе памятникъ, въ которомъ упоминается о посольствѣ къ Цезарю, подписи скульпторовъ: аѳинскаго—Архестрата и аѳесскаго—Ариста и т. п., представляющіе серьезный научный какъ историческій, такъ и археологическій интересъ (Rev. arch., 1895).

— Профессоръ парижской *École des mines* г. de Launay издалъ въ *Revue archéologique* (1895 sept.—oct.) интересную замѣтку о некрополяхъ на о-вѣ Родосѣ. Авторъ совершилъ поѣздку на Родосъ съ цѣлью геологическаго изученія извѣстнаго Камейросскаго могильника, но въ своей статьѣ не ограничивается изложеніемъ результатовъ геологическаго изслѣдованія и помѣщеніемъ интересныхъ въ этомъ отношеніи картъ; г. de Launay даетъ описаніе могильниковъ и обзоръ хода, какъ болѣе раннихъ, такъ и новѣйшихъ изслѣдованій древнихъ могильниковъ камейросскаго, іализосскаго и линдосскаго, изученіе которыхъ началось: перваго—въ 1858 г., втораго—главнымъ образомъ съ 1868 г. и, наконецъ, третьяго—почти еще совершенно не разработаннаго. Кромѣ того, авторъ сообщаетъ о новѣйшихъ открытіяхъ обширныхъ могильныхъ склеповъ, высѣченныхъ въ скалахъ, въ камейросскомъ могильникѣ, сопровождаетъ свое изложеніе рисунками и старается отыскать аналогіи между названными могилами и могилами въ Микенахъ (т. наз. сокровищница ц. Атрея), на Кипрѣ, этрусскими въ Орвіето и пр. Чрезвычайно интересны изображенныя авторомъ: черепокъ глиняной посуды съ спиральнымъ орнаментомъ и приобрѣтенный въ Линдосѣ глиняный сосудъ (*Bügelkappe*) микенскаго типа.

— Въ *Bullet. de Congres. Hellénique* за 1894 г. г. Потье, издавая нѣсколько terra-cottовыхъ финикійскихъ издѣлій, представляющихъ точное подражаніе египетскимъ деревяннымъ издѣліямъ, возобновляетъ вопросъ о вліяніи Египта на первоначальное искусство грековъ: по мнѣнію автора это вліяніе проникало черезъ посредство греческихъ скульптуровъ, жившихъ въ Египтѣ, равно и путемъ занесенія копій съ египет-

скихъ издѣлій, приготовляемыхъ финикіянами; это послѣднее вліяніе начинается, однако, лишь съ VII в. (Rev. Arch. 1895).

— Изслѣдованіе Дельфъ, равно и изученіе обнаруженныхъ находокъ продолжаютъ доставлять интересные научные результаты. Такъ количество извѣстныхъ до настоящаго времени гимновъ, найденныхъ при изслѣдованіяхъ, обогатилось еще однимъ (4-мъ), посвященнымъ Діонису; гимнъ относится къ послѣдней трети IV в. до Р. X. и такимъ образомъ, оказывается древнѣе всѣхъ, прежде найденныхъ; къ сожалѣнію, потныхъ знаковъ къ нему нѣтъ. Особенный интересъ гимнъ имѣетъ въ историческомъ отношеніи: первыя строфы касаются жизни божества, а остальные посвящены современности; въ это время отстраивался дельфійскій храмъ, и поэтъ предвидитъ день окончанія постройки великолѣпнаго храма, называетъ счастливымъ поколѣніе, которое завершитъ постройку и поддерживаетъ идею панэлленизма и политику тогдашнихъ властителей Греціи—македонянъ. Другіе открытые эпиграфическіе памятники и изданные въ *Bullet. de Congres. Hellénique* проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія къ Дельфамъ Селевкидовъ, Птолемеевъ и др., оказывавшихъ знаки почитанія святилищу, путемъ присылки даровъ, просьбъ о дарованіи привилегій городамъ и храмамъ (напр., Селевкъ II, сынъ Антиоха II, испрашиваетъ для г. Смирны и храма Афродиты привилегіи *ἰερά* и *ἄσυλος*). Въ этомъ же изданіи (іюль 1895 г.) г. Вейль издалъ гимнъ Аполлону съ музыкальными нотами: гимнъ состоитъ изъ воззванія къ музамъ, рассказываетъ о рожденіи Аполлона, приходѣ его въ Аттику, побѣдѣ въ Дельфахъ и оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ богу, въ которомъ говорится и о славѣ римлянъ. Наконецъ, для исторіи построенія дельфійскаго храма собрано не мало данныхъ, позволившихъ г. Homolle опредѣлить дату построенія и представить въ засѣданіи *Académie des Inscriptions* (16 авг. 1895 г.) планъ реставраціи храма, разрушеннаго въ концѣ V или въ началѣ IV в. и вновь построеннаго между 350 и 330 гг. до Р. X. (Rev. Arch., 1895).

— При раскопкахъ, производимыхъ греческимъ археологическимъ Обществомъ въ Микенахъ, найденъ недавно кладъ, состоящій изъ 3.500 древнихъ монетъ, по большей части серебряныхъ, превосходно сохранившихся. Національный Музей въ Афинахъ поручилъ одному изъ служащихъ въ немъ специалисту - нумизмату разобрать этотъ кладъ и представить точный отчетъ. (*Chronique des arts*, 1896, № 1).

— Въ засѣданіяхъ той же Академіи отъ 29 марта и 6 апрѣля, г. С. Ренакъ прочелъ свой рефератъ о „Нагихъ богиняхъ въ восточномъ и въ греческомъ искусствѣ“, который напечатанъ въ *Revue archéologique*, 1895 г., t. XXVI (mai-juin). Ренакъ опровергаетъ общепри-

нятое мнѣніе, что греческая Афродита — восточнаго происхожденія и доказываетъ слѣдующее: 1) типъ нагой богини совершенно неизвѣстенъ архаическому ассиро-вавилонскому искусству; 2) типъ нагой богини принадлежитъ искусству народовъ, населявшихъ берега и острова Эгейскаго моря между XXX и X вѣками до Р. Х.; 3) когда въ какомъ-либо произведеніи ассиро-вавилонскаго искусства является этотъ типъ, то всегда можно доказать, что онъ заимствованъ, и т. д. Правда, Астарта является иногда совершенно нагой, но это всегда указываетъ, что она либо находится въ печали, либо въ униженіи. Рефератъ сопровождается снимками съ разныхъ статуэтокъ и изображеній на цилиндрахъ.

— Въ *Revue archéologique* (XXVI, 1895 г.) помѣщена статья г. Димье (Dimmier) „о раскрашиваніи статуй въ древнемъ искусствѣ“ (*la polychromie dans la sculpture antique*), направленная противъ статьи Collignon въ *Revue des Deux Mondes*. Collignon разбираетъ свидѣтельства древнихъ писателей и приходитъ къ заключенію, что статуи въ древности *постоянно* раскрашивались. Димье подвергаетъ эти свидѣтельства разбору и приходитъ къ выводу, что лишь *нѣкоторыя* статуи и, притомъ, лишь „нѣкоторыхъ, весьма неизвѣстныхъ, скульпторовъ иногда раскрашивались, но что это нельзя считать общимъ правиломъ“. Димье приводитъ какъ примѣръ, что и теперь, во Франціи, статуэтки святыхъ раскрашиваются и разукрашиваются. Можно ли, спрашиваетъ онъ, на семъ основаніи утверждать, что наши скульпторы артисты раскрашиваютъ свои произведенія? Авторъ полагаетъ, что раскраска статуй производилась лишь до временъ Перикла; послѣ него она встрѣчается, но какъ исключеніе. Весьма интересны еще помѣщенная тамъ же статья г. Tannery о „подраздѣленіяхъ часа въ древности“ (*subdivisions de l'heure dans l'antiquité*), и сообщеніе г. Le-Blant о найденномъ имъ въ одной могилѣ въ Даніи кремневомъ наконечникѣ копья, зашитомъ въ тонкую кожу и, повидимому, служившемъ предохранительнымъ амулетомъ.

— При рытьѣ фундамента подъ новую церковь, въ Изѣрѣ (Yzeures) въ департаментѣ Луары и Эндры, рабочіе наткнулись на остатки галло-римскаго святилища (*sanctum*), посвященнаго Минервѣ. Остатки эти сильно испорчены, но все-таки на нихъ можно разобрать, на одномъ— Минерву со щитомъ на лѣвой рукѣ и около нея, мужчину и женщину, на другомъ обломкѣ, похожемъ на подножіе алтаря или статуи, видна Леда съ лебедемъ. Еще на другихъ изображены разныя фигуры съ человѣческимъ торсомъ и головою скорпіона, пѣтуха и т. п. На одномъ обломкѣ сохранились остатки надписи: . . . Augustorum . . . Minervae. . . milli filii. По стилю изображеній и начертанію буквъ, на-

ходку эту должно отнести къ эпохѣ Флавіевъ или Антониновъ. Надѣются, что дальнѣйшія раскопки доставятъ еще много новыхъ интересныхъ данныхъ (*Chronique des arts*, 1895, № 41).

— Въ засѣданіи Académie des inscriptions отъ 1 февраля 1895 г. Г. Шлумберже предъявилъ чрезвычайно рѣдкую серебряную монету византійской императрицы Теодоры, дочери Константина VIII и сестры знаменитой Зои. Судя по тому, что на этой монетѣ Теодора названа Despoïna и Porphyrogenete, чеканъ монеты должно отнести къ тѣмъ годамъ, когда она царствовала вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Константиномъ Мономахомъ, т. е. къ 1051—1055 гг. Справа отъ изображенія Теодоры находится изображеніе Влахернской Божьей Матери.

— Въ *Gazette des beaux-arts* за 1895 г. напечатана статья Шлумберже о двухъ боковыхъ дощечкахъ византійскаго триптиха изъ слоновой кости, работы XI вѣка. Обѣ онѣ были уже раньше изданы въ трудѣ *Gori-Thesaurus veterum diptychorum*, но крайне неудовлетворительно. Одна изъ нихъ съ тѣхъ поръ попала въ извѣстный Münz und Antiken-Cabinet въ Вѣнѣ, другая же, находившаяся прежде въ ризницѣ церкви San-Giovanni in Verdura, во Флоренціи, считалась неизвѣстно куда исчезнувшей. Г. Шлумберже удалось найти ее въ археологическомъ музеѣ, устроенномъ съ 1846 года въ Венеціи, въ бывшемъ помѣщеніи дожей. Дощечки представляютъ собою великолѣпный образчикъ византійской рѣзной работы XI в. На нихъ изображены апостолы—Петръ и Андрей—на одной (Вѣнской) и Павелъ и Іоаннъ Богословъ на другой (Венеціанской). Фигуры апостоловъ превосходно задрапированы; лица ихъ строги и прекрасны. Первые два держатъ въ лѣвой рукѣ по свитку, а правую благословляютъ; два другіе держатъ обѣими руками по книгѣ въ роскошномъ переплетѣ. Ноги апостоловъ, обутыя въ сандалии помѣщены на крышѣ базилики, поддерживаемой 18 парными колонками, изображающей, вѣроятно, ту церковь, для которой предназначался триптихъ. Надъ фигурами апостоловъ на каждой дощечкѣ находится надпись, ямбическими стихами, указывающая на нѣкоего „деспота Константина“, принесшаго въ даръ сей триптихъ. Кто былъ этотъ деспотъ Константинъ? По мнѣнію Гори, это Константинъ Багрянородный, по мнѣнію же автора статьи, это могъ быть либо Константинъ, братъ Василія II (1025—1028), или Константинъ Мономахъ, третій супругъ Зои (1042—1058), или, наконецъ, Константинъ Дука (1059—1067).

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 8-го декабря 1895 г. В. Θ. Миллеръ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ „Былина объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ“. Сдѣлавъ замѣчанія о незначительной распространенности былинъ объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и указавъ, что съ именемъ этого эпического героя дошли до насъ два былинныя сюжета, референтъ остановился на разборѣ былинъ того и другого сюжета. Одинъ изъ нихъ имѣетъ своимъ содержаніемъ состязаніе Ивана Г-го с. съ княземъ Владиміромъ въ скачкѣ на коняхъ. Сгруппировавъ тѣ подробности, на основаніи которыхъ прежніе изслѣдователи относили былинку къ Кіевскому циклу (дѣйствіе въ Кіевѣ при дворѣ кн. Владиміра, извѣстность Чернигова и его отношеній къ Кіеву, указаніе на разстояніе Чернигова отъ Кіева, появленіе на сценѣ черниговскаго владыки въ качествѣ поручителя Ивана Г. с.), докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько этотъ взглядъ выдерживаетъ критику, отмѣтилъ неопредѣленность нѣкоторыхъ географическихъ указаній и обратилъ особенное вниманіе на роль черниговскаго владыки: послѣдній является въ былинѣ протестующимъ противъ князя и его сторонниковъ. Такой типъ владыки всего скорѣе слѣдуетъ искать на сѣверѣ въ новгородскихъ отношеніяхъ. На Новгородъ указываютъ и нѣкоторыя бытовые черты: герой былины—сынъ богатаго купца, щеголяющій драгоцѣнной собольей шубой, дорогимъ купленнымъ за моремъ конемъ; за столомъ кн. Владиміра сидятъ торговые гости, въ пристани стоятъ корабли съ заморскими товарами; пари согласно съ обычаемъ новгородскихъ дѣльцовъ скрѣпляются рукоприкладствомъ, подробность, указывающая на распространенность грамотности въ Новгородѣ—всѣ новгородскіе эпическіе герои грамотны; далѣе, развитіе личнаго начала въ отношеніяхъ героя къ обществу и наконецъ фактъ, что сама былина записана въ Новгородской губ. указываетъ также на новгородское ея происхожденіе. Перейдя къ разбору былины 2-го сюжета, героемъ которой является распространенный у насъ типъ добраго молодца, гибнущаго отъ зеленѣ вина, референтъ указалъ, что идея этой былины та же, что и въ Горѣ Злосчастіи — печальная судьба молодца безумнаго, не слушающаго родительскаго наставленія. Въ отличіе отъ мнѣнія акад. А. Н. Веселовскаго, полагающаго, что эта былина представляетъ лишь фрагментъ болѣе обширной не дошедшей до насъ былины, источникомъ которой слѣдуетъ считать старофранцузскій романъ объ Иракліи, референтъ отмѣтилъ, что пѣсня объ Иванѣ, проданномъ за пьянство, представляетъ вполне законченное цѣлое, восприняла только нѣкоторые эпическіе образы и имена, но не введена въ былевой эпосъ и не имѣетъ другой связи, кромѣ имени дѣйствующаго лица, съ былиной объ Иванѣ Гостинномъ; указавъ на

бытовья черты, приурочивающія былинѣ къ Новгороду, докладчикъ съ подробностію остановился на разборѣ мнѣнія А. Н. Веселовскаго о старо-французскомъ романѣ объ Иракліи, какъ источникѣ былинныя объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ. Второй докладъ П. А. Лаврова былъ посвященъ вопросу, можно-ли Александрію Псевдокаллистеена въ архив. спискѣ считать трудомъ русскаго переводчика. Основываясь на нѣкоторыхъ слѣдахъ звуковыхъ особенностей языка архив. списка, главнымъ образомъ на удареніяхъ, несвойственныхъ русскому языку и совпадающихъ съ удареніями болгарскихъ рукописей, а отчасти и на нѣкоторыхъ словахъ изъ лексическаго запаса памятника, референтъ пришелъ къ заключенію, что указанный памятникъ слѣдуетъ признать переведеннымъ въ Болгаріи и только впоследствии перенесеннымъ въ нашу древнюю литературу, при чемъ русскій переписчикъ весьма удачно сгладилъ юго-славянскія особенности оригинала, такъ что на первый взглядъ можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ трудомъ русскаго переводчика. Третье сообщеніе М. В. Довнаръ-Запольскаго „Къ исторіи польско-литовской борьбы за Волинь (договоры 1366 г.)“ было посвящено выясненію взаимнаго соотношенія договора Казимира Вел. со всѣми литовскими князьями (извѣстенъ по выдержкѣ въ „Исторіи“ Нарушевича, въ „Skarbiec“ Даниловича и въ послѣднее время изданъ въ „Kwart. Histor.“ 1890 г.), относимому къ 1366 г., съ договоромъ его же съ Любартомъ (напечатанъ въ I т. „Arch. Sang.“). Указавъ на важное значеніе обоихъ договоровъ въ исторіи польско-литовской борьбы, референтъ остановился на мнѣніи ученыхъ, высказавшихся за подложность договора Казимира со всѣми князьями. Референтъ высказался противъ подложности договора, а также и противъ того, что договоръ Любарта предшествовалъ договору со всѣми князьями. Докладчикъ доказывалъ, что договоръ Любарта съ Казиміромъ заключенъ послѣ договора со всѣми князьями. Послѣдній договоръ касался всей Литвы; договоръ Любарта касается чисто волинскихъ дѣлъ, заключенъ послѣ договора со всѣми князьями и является дополненіемъ къ нему. Въ немъ пояснены лишь тѣ статьи договора со всѣми князьями, которыя остались въ немъ неясными: проведена болѣе точная граница между Владиміромъ и Луцкомъ и пр. Колебанія, встрѣчающіяся въ ученыхъ трудахъ относительно договоровъ, референтъ объясняетъ невѣрнымъ толкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ договора Любарта и невѣрнымъ опредѣленіемъ географическихъ названій. Референтъ сообщил свои замѣчанія по послѣднимъ двумъ вопросамъ.

15-го января, въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, докладчиками явились Я. И. Смирновъ („О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Фессалии, Солуни и Кипра“) и С. А. Жебелевъ („Алжирскіе и тунисскіе музеи“). Я. И. Смирновъ представилъ обширную коллекцію произведенныхъ имъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ византійскаго искусства, извѣстныхъ доселѣ лишь по описаніямъ и по очень неточнымъ воспроизведеніямъ. Осо-

бенно интересны памятники Кипра, гдѣ византийское искусство столкнулось съ романскимъ стилемъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда на Кипрѣ утвердилась династія Лузиньяновъ. С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ роскошнымъ альбомомъ античныхъ древностей сѣверной Африки, издание котораго предпринято французскимъ правительствомъ, подъ редакціей г. R. de la Blanchère („Musées et collections archéologiques de l'Alger et de la Tunisie“). (Нов. Вр. 1896, № 7144).

30-го января, въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества доклады читали Н. И. Веселовскій — „О погребеніяхъ съ конемъ на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму“ и С. А. Адриановъ — „О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермскаго племени“. Н. И. Веселовскій сообщилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ имъ въ 1894 г. въ Кубанской области, около города Анапы. Конь погребенъ осѣдланнымъ; сѣдло отдѣлено орнаментированной костью; при костякѣ всадника сохранилось оружіе; кромѣ того, въ могилѣ найденъ деревянный колъ, побуждающій докладчика вспомнить, что обычай зарывать въ могилу деревянный колъ сохранился у якутовъ и понывѣ. Въ сказанной мѣстности Н. И. Веселовскій открылъ цѣлый рядъ такихъ погребеній. Равнымъ образомъ, имъ обнаружены погребенія съ конемъ и въ Крыму. Докладчикъ полагаетъ, что въ этихъ погребеніяхъ сказывается культура тюркскаго кочевого народа. С. А. Адриановъ исторически прослѣдилъ вопросъ о томъ, гдѣ жила первоначально Пермь, и какая народность обитала въ нынѣшней Пермской губерніи. Докладчикъ поясняетъ надлежащими данными извѣстіе норманскаго мореплавателя IX вѣка Отара, что при устьѣ Сѣверной Двины онъ нашелъ беармовъ и утверждаетъ, что это и были пермяки, которые затѣмъ двинулись отъ Бѣлаго моря къ Вычегдѣ и только въ XIV вѣкѣ поселяются на Камѣ, а до того времени здѣсь жила югра. Археологическія находки, какъ сообщилъ по поводу прочитаннаго доклада А. А. Спицынъ, подтверждаютъ, что бассейнъ Камы въ X вѣкѣ былъ населенъ югорскимъ племенемъ. (Нов. Вр. 1896 № 7158).

31-го января, въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго археологическаго общества Г. Д. Кудрявскій прочелъ на тему „Грихья-Сутра, какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры“. Грихья-Сутра, какъ и другіе такого рода памятники санскритской литературы древнѣйшаго, до буддійскаго времени, заключаетъ въ себѣ правила домашняго ритуала, предписывающія опредѣленный порядокъ соблюденія обычаевъ, сопровождающихъ такіе моменты жизни человѣка, какъ отдача въ ученіе брахманамъ, первое бритье бороды на 16-мъ году и, наконецъ, свадьба. Въ тотъ же сводъ правилъ входятъ порядокъ жертвоприношеній, тщательно регламентированныхъ брахманами, которые, видимо, заботились обезпечить за собой руководящую роль во всѣхъ случаяхъ жизни и соответственно этому всякій древній патриархальный обычай освѣщали съ

своей точки зрѣнія, съ чѣмъ изслѣдователю и приходится считаться, доискиваясь начальныхъ чертъ древняго быта. (Нов. Вр. 1896, № 7159).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, въ собраніи 26-го января, Н. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ исторіи изданія пушкинскаго (лаврентьевскаго) списка лѣтописи преподобнаго Нестора“. Упомянувъ о первой попыткѣ издать Несторову лѣтопись по списку мниха Лаврентія, предпринятой Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1804 г. и сказавъ затѣмъ о преобразованіи этого Общества въ 1811 г., совершившемся въ бытность попечителемъ П. И. Голенищева-Кутузова (племянника полководца), г. Барсуковъ остановился на отношеніи попечителя къ Карамзину и привелъ любопытное письмо перваго къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому. Въ этомъ письмѣ Кутузовъ изображаетъ нашего исторіографа, какъ яраго революціонера; онъ пишетъ, что сочиненія Карамзина „исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда...“, что Карамзинъ „явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе“, и что „давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а сжечь ихъ“, и совѣтуетъ министру „открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага всякаго блага и яко орудіе тьмы...“ Приведа далѣе отзывы о Кутузовѣ графа Ѳ. В. Ростопчина, видѣвшаго, съ своей стороны, въ Карамзинѣ опаснаго революціонера, мечтавшаго о низверженіи трона, а также слѣдующія замѣчанія Погодина по поводу этого доноса „... какой осторожности требуетъ судъ о дѣлахъ печати, за который у насъ часто принимаются многіе не приготовленные“, Н. П. Барсуковъ перешелъ собственно къ исторіи изданія Несторовой лѣтописи. Оно было поручено знаменитому филологу своего времени Р. Ѳ. Тимковскому; къ сожалѣнію, отечественная война прервала этотъ трудъ, и лишь въ 1824 г., уже по смерти Тимковскаго, вышли въ свѣтъ нѣсколько отпечатанныхъ имъ листовъ Лаврентьевскаго списка. Второе сообщеніе „Объ апокрифическомъ пророченіи о Христѣ въ кумирницѣ бога Аполлона“ было сдѣлано В. Н. Перетцомъ. Апокрифъ этотъ возникъ по образцу „Сказанія Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ“, въ которомъ идола прорицають о рожденіи Христа. Пророченіе о Христѣ является памятникомъ, доселѣ неизвѣстнымъ русскимъ ученымъ: впервые оно издано Хр. М. Лопаревымъ по рукописи XVII вѣка въ описаніи рукописей Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Г. Перетцъ нашелъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ болѣе древній списокъ пророченія, около 1400 г., новгородскаго происхожденія, дающій болѣе исправное чтеніе, безъ замѣтныхъ пропусковъ и сокращеній. Въ томъ же засѣданіи было заявлено о принесеніи въ даръ Обществу С. А. Бахрушинимъ роскошнаго изданія „Ризница Симонова монастыря“ и о нѣкоторыхъ другихъ новыхъ приобрѣтеніяхъ Общества (Нов. Вр. 1896, № 7155).

VI.

Библиографія.

В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Киевской губернии. (Приложение къ XV т. „Древностей“). Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1895. Весьма большой научный интерес представляет названное выше изданіе археологической карты Киевской губернии. Кромѣ самой карты съ нанесеніемъ на нее археологическихъ изслѣдованій и находокъ—богатый археологическій матеріалъ, распредѣленный систематично по уѣздамъ и рѣкамъ, занимаетъ 138 стр. большого формата и сопровождается, кромѣ того, алфавитнымъ указателемъ именъ географическихъ и указателемъ предметнымъ составленнымъ въ послѣдовательной хронологической системѣ. За точность и научный характеръ этого почтеннаго труда ручается самое имя автора.

А. И. Черепнинъ. Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края Рязань, 1896 г. Поводомъ къ составленію и изданію въ свѣтъ названнаго „очерка“ было совершившееся недавно въ Рязани празднованіе истекшаго 800-лѣтняго существованія этого города. Статья почтеннаго дѣятеля Рязанской Архивной Коммисіи не отличается обычнымъ шаблоннымъ характеромъ юбилейныхъ статей, а представляетъ собою, какъ мы думаемъ, результаты его продолжительнаго изученія старины родного края и потому заслуживаетъ во всякомъ случаѣ полного вниманія. Къ сожалѣнію, обиліе выводовъ и обобщеній автора лишаютъ насъ возможности слѣдить за ними съ достаточной полнотой, неудобной для предположенныхъ размѣровъ нашей замѣтки: мы должны будемъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу тѣхъ возрѣвій автора, съ которыми мы не можемъ согласиться.

Мы уже ставимъ въ большую заслугу автору его попытку, во всякомъ случаѣ весьма полезную и интересную, въ сжатой формѣ брошюры, имѣющей всего 44 страницы, изобразить послѣдовательно на основаніи существующаго археологическаго матеріала и своихъ собственныхъ соображеній наиболѣе характерныя черты изъ жизни древнѣйшихъ насельниковъ рязанскаго края, приурочивая этихъ насельниковъ преимущественно къ среднему теченію р. Оки. Работу эту почтенный авторъ выполнилъ, по нашему мнѣнію, съ большой любовью и съ прекраснымъ знаніемъ мѣстнаго археологическаго матеріала; но авторъ въ особенности является знатокомъ дѣла въ области нумизматическихъ фактовъ. Бѣдностью археологическаго матеріала можно объяснить иногда произвольность нѣкоторыхъ возрѣвій и обобщеній автора, въ чемъ авторъ и самъ не разъ сознается; такъ, напр., г. Черепнинъ раздѣляетъ всю доисторическую эпоху своего края на три періода: 1) періодъ каменнаго вѣка, 2) періодъ употребленія металловъ и 3) періодъ торговыхъ

сношеній съ арабами;—въ данномъ случаѣ онъ самъ избавляетъ насъ отъ необходимости подробно обсуждать принятыя имъ рубрики: на стр. 3, жалуясь на скудость изслѣдованій въ области антропологии и лингвистики по отношенію къ рязанскому краю, авторъ говоритъ— „при такомъ положеніи нашихъ свѣдѣній названные три періода имѣютъ условное значеніе, соотвѣтствующее качеству и количеству имѣющагося матеріала“. Мы должны замѣтить, что условность эта или даже искусственность въ особенности сознается нами по отношенію къ третьему періоду, гдѣ единственной основой этой стадіи жизни являются находки арабскихъ монетъ - диргемъ, доказывающихъ тотъ фактъ, что вывозъ товаровъ превышалъ ввозъ; притомъ эта торговля происходила не непосредственно съ самими арабами, а съ ихъ посредниками въ торговлѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ характера изученныхъ могильниковъ, эта отправка старья мало измѣняла характерное еще для 2-го періода теченіе жизни, о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ и самъ авторъ. Мы однако нисколько не желаемъ умалить значенія разившейся торговли, болѣе яственно засвидѣтельствованной находками монетныхъ кладовъ, — мы только возражаемъ противъ *исключительнаго* значенія этого фактора, заслонившаго собою другія событія, какъ, напр., колонизацію края съ сѣвера и съ запада, обозначенную курганами. Авторъ между прочимъ даетъ въ описаніи 3-го періода много цѣнныхъ указаній по отношенію къ торговымъ сношеніямъ, къ монетнымъ системамъ и къ вѣсу; основательное знакомство его съ этими вопросами заставляетъ насъ сожалѣть, что авторъ не посвятилъ имъ особой главы, а заключилъ ихъ въ тѣсныя рамки 3-го періода.

Начиная свое описаніе жизни съ періода каменнаго вѣка, авторъ на основаніи археологическаго матеріала даетъ намъ въ общихъ чертахъ картины жизни того времени, при чемъ однако весьма часто придаетъ этимъ картинамъ характеръ идилліи, какъ намъ кажется, весьма субъективный въ данномъ случаѣ. Замѣтимъ кстати, что для изученія этого періода въ послѣднее время весьма много сдѣлано г. Городцовымъ. Переходя къ періоду употребленія металловъ, авторъ, весьма естественно, останавливается прежде всего на вопросѣ, откуда появилось въ первый разъ желѣзо въ окскомъ краѣ, такъ какъ по мнѣнію автора, собственно бронзоваго вѣка здѣсь не было. Для рѣшенія этого вопроса г. Черепнинъ объясняетъ географическое положеніе рязанскаго края и приходитъ къ заключенію, что знакомству съ желѣзомъ жители окской долины обязаны скинамъ—паралатамъ, а появленіе скиновъ въ Европѣ произошло въ VIII ст. до Р. X. При этомъ авторъ древнѣйшимъ памятникомъ металлической эпохи считаетъ могильники Курманскій, Барковскій и Кузьминскій. Но, безспорно, самый древній изъ нихъ Курманскій могильникъ представляетъ намъ культуру металлическаго вѣка уже въ полномъ расцвѣтѣ. Является такимъ образомъ необходимый вопросъ, когда же успѣла эта культура расцвѣсть въ такой степени и гдѣ слѣды той подготовительной работы, которая могла бы объяснить прогрессъ металлическаго дѣла отъ самой первой стадіи его. Этихъ слѣдовъ нѣтъ,—заявляетъ самъ авторъ, и очевидно

-самъ смущается такимъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ населеніе этого края исконнымъ и осѣдлымъ, а потому переходъ отъ конца каменнаго вѣка или перваго знакомства съ желѣзомъ прямо хотя бы къ Курманскому могильнику образуетъ по скромному расчету періодъ около 1000 лѣтъ, не оставившій однако никакихъ слѣдовъ знакомства съ металлами! Мы позволимъ себѣ замѣтить, что если бы знакомство съ металлами происходило такъ, какъ рассказываетъ авторъ, то слѣды промежуточнаго періода непременно сохранились бы и даже, по теоріи автора, вблизи этихъ самыхъ могильниковъ. Къ сожалѣнію, г. Черепнинъ, увлекаясь съ одной стороны скинами, а съ другой автохтонствомъ современниковъ Курманскаго могильника поставилъ свою теорію въ безвыходное противорѣчіе съ наличными археологическими фактами. Намъ кажется, что, обращая свое вниманіе на югъ отъ Рязани,—онъ слишкомъ мало выдвинулъ значеніе Ананьевскаго могильника, Сибири, Пермскаго края, а между тѣмъ съ тѣхъ сторонъ могли, намъ кажется, являться въ разное время новые насельники съ полнымъ знаніемъ металлическаго дѣла и, заселивши окскую страну, закончить тутъ эпоху каменнаго вѣка. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его характеристикахъ погребеній и вещей Борковскаго могильника, и гдѣ въ виду встрѣтить изображенія этихъ вещей въ изданіи, которое готовится къ выпуску въ свѣтъ Имп. Археологической Коммиссіей. Но мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей на слѣдующія соображенія автора о курганныхъ могильникахъ, входящихъ въ Рязанскую губернію изъ Тульской и Московской губерній, но не заходящихъ на востокъ далѣе Рязани. Во всѣхъ этихъ курганахъ находятся костяки, въ большинствѣ случаевъ обращенныя головами на западъ; инвентарь курганныхъ погребеній совершенно отличается отъ инвентаря Борковскаго и другихъ подобныхъ могильниковъ; такъ, между прочимъ, въ курганахъ встрѣчаются семилопастныя височныя кольца т. н. московскаго типа, сердоликовыя бусы и другія вещи, весьма характерныя для кургановъ Московской и Тульской губ. Несмотря на эти различія авторъ на стр. 30 говоритъ: „форма погребеній указываетъ на финскую народность населенія, оставившаго описанные нами курганы“. Опредѣливши такимъ образомъ народность погребенныхъ въ курганахъ, авторъ обращается съ упрекомъ къ тѣмъ археологамъ, которые считаютъ височныя кольца признакомъ славянства и думаютъ опредѣлить народность на основаніи всего археологическаго матеріала, найденнаго при погребеніи. По мнѣнію автора, несостоятельность мнѣній этихъ археологовъ доказывается настоящимъ случаемъ противорѣчія между финской формой погребенія и quasi-славянскимъ инвентаремъ.

Нельзя не замѣтить почтенному автору, что въ данномъ случаѣ форма погребенія не можетъ говорить въ пользу его мнѣнія, такъ какъ и славяне совершали погребеніе и обыкновеннымъ образомъ; для знакомства съ такими общезвѣстными фактами автору нужно было ознакомиться только съ археологическими изслѣдованіями гг. Антоновича, Завитневича, Галиченки, Само-

квасова. Мы же твердо увѣрены, что означенные курганы означаютъ колонизацію Рязанскаго края русскими славянами, заходившими сюда изъ нынѣшнихъ губерній Тульской и Московской, и въ періодъ язычества не успѣвшими зайти восточнѣе Рязани.

В. И. Сизовъ.

П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка (Одесса. 1895 г.). Книга г. Иванова составлена по схемѣ подобныхъ описаній древне-русскихъ земель, усвоенной кievскою школою. Въ ней есть главы, посвященныя физическому очерку Волынской земли, первобытному ея населенію, древней политической географіи, политической исторіи и экономическому быту. Цѣль труда г. Иванова, какъ заявляетъ предисловіе, — изображеніе экономическаго быта страны. Глава о природѣ страны составлена г. Ивановымъ на основаніи уже устарѣлыхъ компиляцій и потому не представляетъ свода новѣйшихъ географическихъ данныхъ (авторъ трактуетъ еще объ отрогахъ Карпатъ на Волини). Глава о первобытномъ населеніи Волини (стр. 12—27) представляетъ сводъ данныхъ о каменномъ вѣкѣ на Волини. Авторъ, къ сожалѣнію, не расширилъ своихъ данныхъ изученіемъ сосѣднихъ племенъ — дреговичей и древлянъ: на стр. 19 онъ утверждаетъ, что населеніе каменнаго вѣка не шло сѣвернѣе г. Ковеля въ Полѣсьѣ, что навѣрно, въ виду раскопокъ г. Авенариуса и др. Въ слѣд. главѣ авторъ разсматриваетъ древнѣйшія извѣстія о славянскомъ населеніи Волини — о дулѣбахъ, бужанахъ, валинана и др., снова возвращается къ археологическимъ даннымъ — къ курганнымъ раскопкамъ, но обзоръ этихъ данныхъ слишкомъ поверхностенъ. Желая дать картину первобытныхъ нравовъ и обычаевъ, г. Ив. приписываетъ др. воляныямъ весь современный обрядовый ритуалъ крестьянъ Волынской губ. и отчасти обще-славянскій, что, разумѣется, очень рисковано. Любопытнѣе всего, что г. Ив. на стр. 45 утверждаетъ о существованіи у воляныя божества Урая (*у рай*), на основаніи опечатки или невѣрной записи у Чубинскаго. Вообще, эта глава слаба. Не менѣе ея слаба глава о географическихъ данныхъ: многія географическія названія у него оставлены вовсе безъ опредѣленія; опредѣленіе другихъ онъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ. Это происходитъ отъ того, что г. Ив. ищетъ древнихъ поселеній прямо на современныхъ картахъ, а не слѣдитъ за судьбою ихъ по историческимъ даннымъ. Лучше другихъ обработаны главы, трактующія о политической исторіи страны, хотя онѣ представляютъ собственно сводъ того, что уже сдѣлано въ монографіяхъ. Но и здѣсь, напр., мать Витовта у него Іуліанія (стр. 253, со ссылкой на „Исторію“ Брянцева, но у Брянцева такой ошибки нѣтъ). Эпоха литовскаго завоеванія — очерчена слабо; на причинахъ послѣдняго — авторъ совсѣмъ не останавливается, пропускаетъ иногда важные вопросы (напр., о договорахъ 1366 г. — нѣсколько словъ) и пр. Г. Ив. избралъ предметомъ своей работы область, о которой уже написано нѣсколько общихъ трудовъ и рядъ отдѣльныхъ монографій, а потому отъ новой работы слѣдовало бы ожидать разъ-

ясненія спорныхъ вопросовъ, постановки новыхъ и др. Но въ этомъ отношеніи книга г. Ив. даетъ мало интереснаго.

Г. Оссовскій. *Отчетъ (4-й) объ археологической экскурсіи въ Галицію*, въ 1892 г. („Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej“, t. XVIII. Krakow, 1895). Съ 21 рис. и планомъ. Членъ Московскаго Археологическаго Общества Готфридъ Оссовскій, польскій археологъ, принимавшій участіе и въ русскихъ археологическихъ съѣздахъ, давно приобрѣлъ себѣ солидную извѣстность своими археологическими изслѣдованіями не только въ Галицію, но и въ русской Польшѣ и въ Малороссіи. Цѣлый рядъ научныхъ отчетовъ о произведенныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ археологическихъ раскопкахъ достаточно свидѣлствуютъ на страницахъ почти cadaго тома означеннаго изданія Краковской Академіи о необыкновенной пунктуальности и добросовѣстности этого почтеннаго изслѣдователя, и было бы очень желательно, чтобы его цѣнные труды по археологіи были собраны воедино и выпущены отдѣльнымъ изданіемъ и такимъ образомъ сдѣлались болѣе доступными и для русскихъ археологовъ.

Въ означенномъ отчетѣ г. Оссовскій заканчиваетъ начатое въ XVI томѣ „Zbioga“ описаніе своихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ 1891—1892 гг. въ мѣстности Bilcze-Złote, въ имѣніи кн. Льва Сапѣги, въ восточной Галиціи, гдѣ имъ открыты два могильника съ такъ названными имъ „кирпичными могилами“ подобными имъ же изслѣдованнымъ могильникамъ въ мѣстностяхъ Wasylkowce и Wugpanka, описанными имъ въ тт. XIV и XV того же изданія. Названіе „кирпичныхъ могилъ“ заимствовано отъ способа ихъ устройства, а именно, такія могилы бывають сложены изъ безформенныхъ кирпичей, вѣрнѣе глыбъ пережженной глины, и всегда заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія, а также большое количество керамическихъ издѣлій (посуда, иногда теракотовыя фигурки), каменные орудія и издѣлія изъ кости, преимущественно оленя и серны, при полномъ отсутствіи издѣлій изъ металла. Не останавливаясь подробно на ходѣ раскопокъ и на описаніи найденныхъ вещей, мы резюмируемъ только одни общія данныя, какими заключаетъ свой отчетъ г. Оссовскій. Въ исторіи этого рода могилъ онъ различаетъ двѣ эпохи: болѣе раннюю и болѣе позднюю, при чемъ обѣ эпохи различаются только устройствомъ самыхъ могилъ, но не находками, которыя остаются одинаково характерными для тѣхъ и другихъ.

Типъ кирпичной могилы болѣе *ранняго періода* представляетъ собою яму до 2—2½ метр. глубины, куда складывались прямо на землю пережженные остатки умершаго вмѣстѣ съ принадлежавшими ему вещами. Все это обкладывалось известковой массою и покрывалось глиняной посудою или хоть черепкомъ, а затѣмъ засыпалось слоемъ пепла, оставшагося отъ сожженія покойника. Все это мѣсто обставлялось въ ямѣ нѣсколькими глыбами пережженной глины, и, наконецъ, вся яма засыпалась землею. Иногда вмѣсто того, чтобы класть останки на землѣ и покрывать посудою, ихъ складывали въ самой посудѣ, присыпали ее пепломъ и засыпали землей; въ этомъ слу-

чаѣ подъ посудину для ея устойчивости обыкновенно подкладывалась плитка такой же обожженной глины.

Эта простѣйшая форма могилъ съ теченіемъ времени въ *позднѣйшемъ періодѣ* развилась въ болѣе сложную, съ развитіемъ культа и техники. Останки сожженного покойника уже не складывались въ кучу на землѣ, а собирались въ горшокъ или въ нѣсколько посудинъ вмѣстѣ съ вещами и пепломъ, и уже не посуду обставляли кирпичами, а старательно обкладывали, вѣрнѣе обставляли ими всѣ стѣнки могилы и сверху клали большія глыбы въ качествѣ крышки. Такая могила, устроенная болѣе прочно, не превышаетъ уже глубины 1 метра подъ поверхностью земли. Могилы этого послѣдняго типа обыкновенно, благодаря своему устройству, тѣсно примыкаютъ одна къ другой, между тѣмъ какъ могильники болѣе ранняго періода состоятъ изъ разрозненныхъ могилъ.

Какъ тѣ, такъ и другія одинаково относятся къ неолитическому вѣку, судя по находкамъ, ихъ характеризующимъ. Это именно кремневые нешлифованные ножи, гроты, стрѣлки, кремневые же гладкіе топорики; дагѣ шилья, лопатки и др. издѣлія изъ рога оленя и сѣрны; наконецъ, различныя гончарныя издѣлія примитивной ручной лѣпки. Эти послѣднія издѣлія въ такихъ могилахъ обращаютъ на себя особенное вниманіе и по матеріалу, и по способу выдѣлки, и по орнаментикѣ. Глиняная масса для нихъ готовилась на подобіе массы древнегреческихъ издѣлій; типичная ихъ форма и способъ обжиганія также напоминаютъ древнегреческіе приемы; наконецъ, орнаментация *красками* и мотивы рисунковъ какъ будто указываютъ на связь съ греческимъ міромъ. Г. Оссовскій заключаетъ отсюда, что народъ, которому принадлежали эти издѣлія, уже въ древнюю эпоху неолитическаго періода имѣлъ сношенія съ греческимъ востокомъ и воспринималъ вліяніе высшей культуры, сказавшееся въ особенности въ болѣе легкой и узкой области керамики. Эта культурная связь могла начаться уже въ очень отдаленныя времена греческой колонизаціи, простиравшейся до прибрежій Чернаго Моря и дагѣ до береговъ Днѣстра, въ періодъ до VII вѣка до Р. Хр. Вся область бассейна Днѣстра, или такъ называемое Подольское Покутье, по своимъ археологическимъ находкамъ носить на себѣ всѣ характеристическія черты той особенной культуры, которая такъ ясно сказывается въ такъ называемыхъ „кирпичныхъ могилахъ“.

Остаются на нашъ взглядъ невыясненными два вопроса по отношенію къ этому способу погребенія. Во-первыхъ: что это за кирпичи? готовились ли они для этой цѣли специально, т. е. обжигались отдѣльно, или же скорѣе это тѣ глыбы земли и глины, которыя клались въ основаніе костра и при сжиганіи покойника сами собою обжигались, а затѣмъ онѣ же брались для устройства могилы. Во-вторыхъ, въ какомъ отношеніи находятся этого рода могилы, съ примѣненіемъ кирпичей, къ такъ называемымъ „каменнымъ могиламъ“, которыя находятся въ изобиліи и у насъ въ западной Россіи и въ Галиціи, и въ которыхъ вмѣсто кирпича совершенно такую же роль

играють большія каменные плиты въ устройствѣ стѣнокъ и покрытія могилы. Можетъ быть, къ землянымъ и глинянымъ глыбамъ по необходимости прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда камня не было подъ рукою; въ такомъ случаѣ „кирпичныя могилы“ слѣдуетъ признать лишь за варіаціи „каменныхъ могилъ“, и хотя очень возможно, что оба эти типа, судя по находкамъ, относятся къ разнымъ временамъ, но во всякомъ случаѣ между ними, вѣроятно, существуетъ извѣстная генетическая связь.

Н. Янчукъ.

И. Н. Смирновъ. *Мордва (историко-этнографическій очеркъ)*. Казань. 1895 г. (8°, стр. VI+291+5). „Мордва“ г. Смирнова представляетъ какъ и предшествующіе очерки его „Черемисы“, „Вотяки“ и „Пермяки“ сводъ данныхъ, касающихся описываемой народности, критическую оцѣнку и сведеніе ихъ въ научную систему. На страницахъ „Археологическихъ Извѣстій“ едва ли умѣстно говорить объ общемъ значеніи для финновѣдѣнія названнаго труда казанскаго профессора, такъ какъ „Мордва“ обогащаетъ крупнымъ вкладомъ нашу *этнографическую* литературу. Но гл. 1-ая „Очеркъ исторіи“ (стр. 1—113) касается вопросовъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ археологіи—именно опредѣленія какъ первоначальныхъ мѣстъ жительства различныхъ народностей, такъ и основной культуры ихъ, насколько она является самобытной или заимствованной, равно и вліянія разнообразныхъ сосѣдей на бытъ народности (въ данномъ случаѣ мордвы). Авторъ приступаетъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ, пользуясь матеріалами, которые даетъ языковѣдѣніе, исторія и археологія, и на основаніи ихъ начерчиваетъ какъ историческія судьбы мордвы, такъ и ея культуру. Менѣе всего однако оказываютъ автору поддержку археологическія данныя, которыя должны были бы стоять въ этомъ отношеніи одними изъ первыхъ, что объясняется крайней недостаточностью нашихъ археологическихъ изслѣдованій въ районѣ обитанія мордвы. Обзоръ археологической литературы приводитъ автора къ справедливому, но крайне печальному выводу: „обширная территория, намѣченная нами на основаніи мѣстныхъ названій (древняя территория мордвы), представляетъ въ отношеніи археологическомъ почти нетронутое поле. Раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь 3—4 пунктахъ; весь остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ или черезъ третьи-четвертыя руки отъ хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ. Мы не имѣемъ даже права сказать, что располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ археологическому изслѣдованію въ будущемъ“. При такомъ состояніи нашей литературы о древностяхъ края мы не можемъ осуждать автора за то, что попытки его освѣтить вопросы о древней культурѣ мордвы на основаніи археологіи не могутъ быть признаны вполнѣ удачными. Авторъ приписываетъ, напр., Рыбквинскій могильникъ (Краснослободск. у.) мордвѣ-мокшѣ, а извѣст-

ный Лядинскій могильникъ — мордвѣ-эрзѣ, при чемъ случаи похороннаго обряда посредствомъ сожиганія покойника, которые встрѣчаются въ послѣднемъ могильникѣ, онъ приписываетъ буртасамъ. Естественно, что для опредѣленія съ такою точностью національности, оставившей слѣды въ могильникахъ, требуется болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, которымъ располагаетъ авторъ, и прежде всего, конечно, сравненіе находокъ изъ указанныхъ могильниковъ съ другими аналогичными, изслѣдованными и не на предполагаемой г. Смирновымъ древней территоріи мордвы; такое сравненіе прежде всего воспрепятствовало бы автору вводить въ Лядинскій могильникъ новую народность (буртасы), такъ какъ одновременное господство обоихъ погребальныхъ обычаевъ (погребеніе и сожженіе) извѣстны и изъ другихъ могильниковъ, аналогичныхъ Лядинскому. Далѣе, вслѣдствіе того, что трудъ г. Смирнова печатался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Изв. Казанск. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи (съ 1892 г.), ему остались, повидимому, неизвѣстными нѣкоторыя работы, дающія немаловажные результаты для изученія археологіи интересующаго его края: г. Смирновъ не пришелъ бы къ утвержденію, что, напр., въ немъ не было найдено бронзовыхъ орудій. Недостатки, которыми страдаетъ археологическая часть труда г. Смирнова, не умаляютъ, конечно, значенія его работы въ цѣломъ, къ тому же указанные недостатки объясняются главнымъ образомъ недостаточностью самого матеріала. Нельзя однако не отгнѣнить, что сводки археологическаго матеріала, подобныя принятой авторомъ „Мордвы“, полезны уже въ томъ отношеніи, что, если ими и не достигается положительныхъ результатовъ — онѣ нагляднѣе всего доказываютъ, какая большая работа предстоитъ еще русской археологіи, прежде чѣмъ собранныя ею данныя позволятъ идти при рѣшеніи кардинальныхъ вопросовъ о русскихъ древностяхъ дальше простыхъ догадокъ. Н. Х.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присвячене науці і письменству українсько-рускою народоу. Впорядкував Михайло Грушевський (У Львові, 1895 г.), т. V—VIII. Въ прошлогоднихъ книжкахъ галицкаго ученаго органа помѣщенъ рядъ замѣтокъ и нѣсколько статей, имѣющихъ связь съ археологіей. Въ V т. г. Грушевскій помѣстилъ документъ 1473 г. — дарственную (на русскомъ яз.) Данилы Дамбоговича нѣкому Шандырю на дворище по р. Сукиль съ обязательствомъ службы военной (стр. 2, Miscellanea). Въ VI т. г. Грушевскій помѣстилъ небольшое описаніе недавно открытаго Архива при Варшавской Казенной Палатѣ. Замѣтка эта, хотя и очень коротенькая, но имѣетъ большое значеніе: объ этомъ архивѣ до сихъ поръ въ наукѣ нѣтъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ отдѣлѣ Miscellanea того же тома — нѣсколько замѣтокъ того же автора: „Статутъ друкований“ (небезполезное разъясненіе: на основаніи плохо напечатаннаго Новицкимъ въ Арх. Юго-Зап. Р. текста „статутъ друкований“ вм. „децькований“ г. Леонтовичъ построилъ предположеніе о появленіи печатнаго Статута до 1568 г.; г. Грушевскій свѣрилъ это мѣсто

съ метрикой), „Київський каштелянъ и козаки“ (грамота 1570 г.), „Слобода Полтава в 1630 г.“ Въ VII т. г. Грушевскій помѣстилъ любопытное описаніе Подольскихъ замковъ 1494 г.—самый древній документъ въ этомъ родѣ (стр. 1—18). Здѣсь же замѣтка г. Шуровскаго о началѣ Почаевской печати. Въ VIII т. д-ръ Ив. Франко помѣстилъ начало изслѣдованія о Варлаамѣ и Юсафѣ съ приложеніемъ неизданныхъ текстовъ. Здѣсь же статья г. Грушевскаго „Похвала в. кн. Витовта“: сопоставленіе извѣстной похвалы Витовту въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ съ недавно изданной проф. Соболевскимъ въ IX т. „Чтеній“ Истор. Общ. Нестора Лѣт. записью изъ рукописнаго сборника словъ Исаака Сярина, содержащей тоже эту похвалу. Авторъ приходитъ къ заключенію, что „Похвала Витовту“—отдѣльное сказаніе. Въ отд. Miscell. замѣтки того же автора: „Примітки до тексту Галицько-волинської лѣтописи“ (конъектуры нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ) и „Надане Оришевському Копистерина та Гайсина“ (документъ 1577 г.). Къ вещественной археологии относится въ настоящемъ изданіи ст. г. Грушевскаго „Похоронне поле каменнаго вѣку в с. Чехах (пов. Брідський)“ (въ VI и VII томахъ). Раскопки производилъ д-ръ Шараневичъ. Похоронное поле находится на дорогѣ изъ с. Чеховъ въ Олеско (недалеко отъ жел. дор. изъ Львова въ Броды) на небольшомъ возвышеніи въ 30 — 40 метровъ въ діаметрѣ. Здѣсь найдены: глиняные кувшины съ широкими горлышками, бронзовый спиральный браслетъ (на рукѣ), бронзовая фибула, шпилька, кремневый ножикъ, каменная стрѣлка, пилочка. На полѣ найдено нѣсколько костяковъ. Д-ръ Шараневичъ раскопалъ 5 костяковъ; нѣсколько раскопано самимъ г. Грушевскимъ. Положеніе ихъ—головою на сѣв.-западъ; при костякахъ встрѣчаются глиняные сосуды, иногда вставленные одинъ въ одинъ; орнаментъ — линіи и дырочки; при двухъ костякахъ встрѣтились кремневый ножикъ и кремневый фрагментъ. Въ раскопкѣ г. Грушевскаго встрѣтилась также и желѣзная шпилька и даже ножикъ. Впрочемъ, замѣтка объ этихъ раскопкахъ очень кратка, безъ рисунковъ. Въ заключеніе нашего обзора содержанія журнала нельзя не отмѣтить, что въ журналѣ ведется подробная научная хроника (обзоръ журналовъ) и библіографія. Содержаніе журнала разнообразно и интересно. М. Д.-З.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлиси. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894, Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 8 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1870 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска, 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Томъ I, Ц. 12 р.

Отдѣльно Т. I, 1 выпускъ 1889 г. Ц. 4 р.

„ Т. I, 2 выпускъ 1891 г. Ц. 4 р.

„ Т. I, 3 выпускъ 1893 г. Ц. 4 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова.

Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихомирова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20⁰/₀, библиотечкамъ учебныхъ заведеній — 25⁰/₀, книгопродавцамъ — 30⁰/₀.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меране и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (вътъ въ продажѣ).

Каталогъ собраній древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Веспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, паходившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Оршиниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византийскій Альбомъ — посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотечкамъ учебныхъ заведеній 25⁰/₀.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Кавказъ. 2 тома. Ц. 3 р.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные три рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко **всѣмъ** прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко **всѣмъ** любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльнымъ №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1896 г.

№ 4

ИЗДАВАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИЯ

МОСКОВСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЯ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№ 4.

МОСКВА

ТОВАРИШЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

СОДЕРЖАНИЕ № 4.

	<i>Стр.</i>
I. Графъ А. С. Уваровъ. Рисунокъ символической школы XVII вѣка (табл. IV).	93
II. М. В. Никольскій. Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губерніи (табл. V).	99
III. М. Н. Сперанскій. Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ.	105
IV. Археологическая хроника.	107
V. Засѣданія Обществъ	117
VI. Библиографія	120
VII. Некрологи.	128

ИЗДАВЛЯЮЩАЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I.

Рисунокъ символической школы XVII вѣка.

(Изъ бумагъ покойнаго графа А. С. Уварова).

Н. В. Киселевъ между разными старинными бумагами, приобретенными случайно, нашель рисунокъ, который мнѣ сообщилъ, по явному символическому характеру этого рисунка (см. табл. IV). Писанный акварелью на бѣлой бумагѣ, онъ не только по манерѣ письма напоминаетъ работу нашихъ иконописцевъ, но въ особенности выказываетъ ихъ кисть въ накладкѣ золота на одежды и въ позолотѣ вѣнцевъ. Г-ну Киселеву хотѣлось узнать объясненіе содержанія этого рисунка. Долго я объ немъ думалъ, и все-таки значеніе его оставалось для меня загадочнымъ; и долго, вѣроятно, я не дошелъ бы до объясненія, если бы нечаянно не нашель въ одной изъ своихъ рукописей точное его толкованіе. Рѣдко случается найти вещественный памятникъ и вмѣстѣ тутъ же открытъ письменный памятникъ, вполне объясняющій его. Между тѣмъ объясненіе это тѣмъ въ особенности важно, что раскрываетъ намъ способъ толкованія нашихъ символиковъ XVII вѣка и доказываетъ, какъ можно заключить изъ сохранившагося рисунка, что они и живописью передавали свои словесныя толкованія. Вся картина раздѣлена

тремя большими деревьями, занимающими всю ее вышину, на двѣ части. На одномъ деревѣ, помѣщенномъ направо отъ другихъ, написано „кедръ“, на двухъ другихъ—„грезнъ“. Изображенія этихъ деревьевъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ естественному виду; художникъ хорошо сдѣлалъ, что снабдилъ ихъ объяснительными надписями. Кедръ отличается отъ грезна, или винограда, чернымъ стволомъ, а виноградъ нарисованъ толстоствольными деревьями, съ густою обширною листвою. Такое подраздѣленіе картины на двѣ части вызвало художника на систематическое распредѣленіе остальныхъ предметовъ между этими двумя частями и сверхъ того заставило его подчиниться символическому правилу о значеніи правой и лѣвой стороны. На той и другой размѣстилъ онъ горы, объяснивъ ихъ надписями: „хольми (sic) горы“. Главныя горы опредѣлялъ онъ подробными надписями: на правой, или хорошей сторонѣ находится „гора Синайская“; на лѣвой, или дурной сторонѣ— „гора Ливанъ“. При этомъ любопытно замѣтить, что на правой, или хорошей сторонѣ имена написаны преимущественно золотомъ, а на лѣвой сторонѣ—черною краскою. Разныя деревья и растенія самаго причудливаго вида украшаютъ скалистые склоны этихъ горъ; а на горѣ Ливанской русскій художникъ вмѣстѣ съ пальмами помѣстилъ и родную ёлку. На вершинѣ горы Синайской представлена Неопалимая Купина, въ видѣ Знаменія Пр. Богородицы на серединѣ огненнаго круга. Надъ горою Ливанъ, въ небесной средѣ, представлены соборы и церкви, обнесенные высокою стѣною. На серединѣ, между этими церквями, сидитъ мужчина, съ вѣнцемъ вокругъ головы и въ бѣлыхъ ризахъ, отбѣенныхъ красною краскою. Лѣвою рукою онъ упирается на посохъ. Снаружи стѣны осаждаютъ воины, вооруженные копьями и мечами. Одни приставляютъ лѣстницу, другіе подвозятъ пушку. Надъ ними начальствуетъ царь, въ золотой коронѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ и также вооруженный мечемъ и копьемъ. На доличной части этой картины нарисованы двѣ женскія фигуры, уже по величинѣ своей показывающія, что онѣ—главные предметы всей картины. На правой сторонѣ стоитъ молодая женщина въ бѣлой одеждѣ, съ обнаженнымъ лѣвымъ плечомъ. Приподнятая лѣвая рука закинута такъ на правое плечо, что видна часть груди. Русые волосы прядями спускаются на шею. Вокругъ головы золотой вѣнецъ. Ноги въ золотыхъ сандаляхъ. Надъ этою фигурою написано: „Гависага“. На другой сторонѣ картины, на лѣвой, стоитъ также женщина, но безъ вѣнца вокругъ главы. Длинные ея волосы увязаны бѣлымъ платомъ вродѣ чалмы. На исподней одеждѣ, болѣе мужской, чѣмъ женской, бѣлаго цвѣта, накинута корзно, или плащъ, краснаго цвѣта съ золотыми рисунками. На ногахъ—вы-

КЕА Гзо

ТРЕЗ

ГОЯ СНН АНКСИМ

САВНАЯ ГА

ГОЯ

ГОРЯ

АНВАНЪ

ЯМННА
ДМВА

сокіе сапоги. На лѣвую руку она упираетъ голову, а правою рукою придерживаетъ красный плащъ. Надъ головою надпись: „Аминадава“. Вотъ все, что изображено на рисункѣ Н. В. Киселева, смыслъ котораго, по однѣмъ скуднымъ надписямъ, остается непонятнымъ безъ толкованія нашихъ символистовъ XVII вѣка. Одинъ изъ сборниковъ (№ 158 въ 4-ку) моего собранія *), писанный полууставомъ конца XVII вѣка, содержитъ драгоценный матеріалъ для изученія состоянія символики въ этомъ столѣтіи. Онъ раздѣленъ по днямъ, начиная съ недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ, и составленъ почти весь или изъ апокрифическихъ поученій, приписанныхъ разнымъ отцамъ Церкви, или изъ толкованій на книги Священнаго Писанія. Эти толкованія, не заимствованныя изъ церковныхъ писателей, составляютъ самостоятельный трудъ, вѣроятно, нѣсколькихъ лицъ, писавшихъ въ раскольничьемъ направленіи. Недостаточно развитые настоящимъ основательнымъ ученіемъ, они знали преданія древней символики, но не всегда умѣли примѣнить эти преданія. Въ этомъ именно сборникѣ подъ заглавіемъ „въ среду цвѣтной недѣли“ находится слѣдующее толкованіе, которое передаю такъ, какъ оно находится въ рукописи. (№ $\frac{158}{4}$ об. 372).

И сѣ. цвѣтѣ нли Бѣмѣ истолковано. Кѣлви Сѣ.

Посла Новосарь (Иовасъ) цѣрь ко Амесию цѣрю Иудинѣ гла: грезнь глѣмый что ѣ?

Ⓐ) Рече Месимъ (Амесимъ) цѣрь грезнь есть Хѣзъ, кѣдръ — права вѣра новыхъ людій а посланѣи двѣ женѣ рѣмѣнага (въ красной одеждѣ) есть законъ вѣтхый подложившама лѣнивоюю рѣкоюу пѣ главою рекше начало вывше, первый законъ.

А вѣлага жена (въ бѣлой одеждѣ) охупившиа десницею (на рисункѣ шуею) — новага стѣга правага вѣра лѣнага и чѣнага, иже возвѣститъ горамъ и холмамъ да сѣмъ шевивають.

Ⓑ) Горы сѣтъ пророцы, а холми апѣли, иже велитъ Хѣзъ пророкомъ и апѣломъ проповѣдати новый законъ а вѣтхый штавлати а иже да сѣмъ обвиняють да сѣмъ оставляють пророцы бо проповѣдаша прѣшествіе его апѣли же оучение апѣльское и еуѣльское науучиша.

Ⓒ) Роумѣнага же жена имоуше брови висоцѣ и главою високоюу?

Оувѣзена ѣ глава—вѣтво иже прѣвнѣ вѣровахоу во единого Бѣга.

А вѣлага имоуше нозѣ висоцѣ востѣ?

*) По «Систем. описанію слав.-росс. рук. собр. гр. Уварова», сост. архим. Леонидомъ—№ 314 (158), стр. «Описанія» 342-я. Сравни и другіе Златоусты, №№ 213, 316, 318, 319, 321, 323, 325 (страницы «Описанія» 337, 347, 370—1, 378, 388, 404, 419).

Ⓐ Възлѣвчине слова Бѣига и бысть вкоупѣ Бѣз и члкъ.

Гависага?

Ⓐ Гависага есть заповѣди иже принише вѣрнѣи съвершаются вжизнь вѣчнѣй. И съсца же есть новый законъ, а стекшесѣ млеко — оучение стѣхъ книгъ, и еще ѿ съсцю тою напившисѣ истекающаго млека — рекше наоучившисѣ ѿ стѣхъ книгъ дѣшеполезнѣ оученню и приимъ заповѣди вращени поуть вѣдоуще тѣ в жизнь вѣчноую.

Аминадава же имзирѣ нозѣ в сапозѣхъ?

Ⓐ Вѣра во оучнии еуѣтѣмъ хрѣтианыхъ азыхъ.

Грѣ же ти есть великъ но мнѣ малъ?

Ⓐ Великъ градъ есть весь миръ (миръ), а малый цркви.

Мало же в ней моужии преде злый црѣ шьстѣпи градъ хотѣ его взати?

Ⓐ То есть диваволъ хотѣ люди соблазнити и ввести въ моужоу вѣчноу, идеже самому емоу моужимоу быти.

Моужъ есть нищѣ и мрѣ спасага градъ и люди?

Ⓐ Хрѣсъ сѣтель всемоу мируу.

Гора же есть Синайская?

Ⓐ Стѣга Бѣа а коупина—оутрова дѣига.

А шгнь нешпаливый коупинны?

Ⓐ Шедше слово Бѣне нешпалившие дѣига оутробы но причтосѣ плоти и бысть вкоупѣ Бѣз и члкъ.

Лива (Ливанъ) же гора жрѣвище идольское преже было нѣнѣ же стѣмъ жилище праведныхъ дѣшз и множество стѣхъ тако финики процвѣтоша бѣгоуѣханно пророкъ же рече: прѣданиз тако финикъ процвѣте тако кѣдръ иже в Ливанѣ оумножитъ Хрѣъ во процвѣтѣ тако финикъ а стѣи оумножатсѣ тако кѣдри.

Приведенное тутъ толкованіе весьма ловко обставлено историческою рамкою; оно начинается посольствомъ Іоаса, царя израильскаго къ Амасіи, царю іудейскому. О подобномъ посольствѣ говорится въ четвертой книгѣ Царствъ (XIV, 9) и во второй книгѣ Паралипомонъ (XXV, 18): „И посла Іоасъ, царь Исраилевъ къ Амасіи, царю „Іудину, глаголя: Тернъ (*αχρωδχ, carduus*) иже въ Ливанѣ посла ко „кедру Ливанску, глаголя: даждь дщерь твою сыну моему въ жену, и „се приидуть звѣріе, иже въ дубравѣ Ливанстѣй. И приидоша звѣріе „и потопташа тернъ“. Описанныя сношенія обоихъ царей, даже можетъ быть и символическое содержаніе самого посольства побудили

нашего автора представить, что Иоасъ посылаетъ къ Амасіи спросить объясненіе загадочнаго для него символа. Онъ въ этомъ подражалъ уже общепринятому обыкновенію. Изъ лицъ ветхаго завѣта мы видимъ Соломона, рѣшающаго загадки царицы Савской, и въ средневѣковой, но преимущественно въ скандинавской литературѣ, мы встрѣчаемъ много тому примѣровъ: Одинъ и Вафтрудниръ, Торъ и карло Алвисъ и др. Вообще искони вѣку считали загадку, какъ способъ испытанія умственныхъ способностей другихъ. Въ нашемъ толкованіи загадка замѣнена символомъ; объяснить его авторъ считаетъ также труднымъ, какъ отгадать загадку. По первому вопросу: „грезнь глаголемый что есть?“ предложенному Иоасомъ, видно, что авторъ имѣлъ передъ глазами рисунокъ, подобный нашему, и что прежде всего обратилъ вниманіе на виноградъ, какъ на главное растеніе, раздѣляющее всю картину на двѣ части. Въ отвѣтъ, послѣ объясненія значенія винограда, говорится о кедрѣ, стоящемъ возлѣ винограда, потомъ уже обращаются къ двумъ главнымъ фигурамъ на правой и лѣвой сторонѣ картины. Ависага олицетворяетъ новозавѣтную Церковь и въ противоположность къ ней Аминадава олицетворяетъ ветхозавѣтный законъ и Синагогу. *Ависага*, по всему, что мы про нея знаемъ изъ 3 Царствъ гл. 1 и 2, можетъ дѣйствительно служить олицетвореніемъ чистоты тѣлесной. Избранная между всѣми дочерами израилевыми, Ависага была родомъ изъ Сумана. „И бѣ „отроковица добра видѣніемъ зѣло: и бысть грѣбущи царя и служаше „ему: царь же не позна ея“. По смерти Давида, сынъ его Адонія просилъ себѣ въ жены Ависагу, но Соломонъ, подозрѣвая, что Адонія хочетъ жениться на Ависагѣ, чтобы потомъ искать для себя царства, отвѣтилъ матери своей: „вскую ты просиши Ависаги сумантаньни Адоніи, еще проси ему и царства“, и велѣлъ убить Адонію. Ависага, какъ идеаль дѣвственной чистоты, въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными, длинными волосами, по обыкновенію дѣвичьему, имѣетъ вокругъ главы вѣнецъ святости, служить олицетвореніемъ Церкви; отсюда молоко ея есть ученіе новозавѣтныхъ книгъ на томъ основаніи, что даже вода принималась всегда за символъ ученія и вѣры. Принявъ Ависагу за олицетвореніе христіанской Церкви, наши символисты хотѣли прискаты въ ветхомъ завѣтѣ другую женщину для олицетворенія Синагоги. На картинѣ написано: „Аминадава“, и въ толкованіи постоянно говорится, какъ о женщинѣ, а между тѣмъ во всемъ ветхомъ завѣтѣ не встрѣчается ни одна женщина этого имени. Наоборотъ, мы видимъ много мужчинъ, называющихся Аминадавомъ, а именно слѣдующіе:

1) Аминадавъ, изъ колѣна Іудина былъ сынъ Аарама и отецъ Наассона и Елизаветы, жены первосвященника Аарона. (2 Моис. VI, 23).

2) Аминадавъ упоминается также въ Пѣсни Пѣсней (VI, 12): „положи мя на колесницѣ Аминадавли“.

3) Аминадавъ, по первой книгѣ Паралипоменомъ (VI, 22) былъ сынъ Кааѳа и братъ Корея.

4) Аминадавъ былъ сынъ царя Саула (1 Парал. VIII, 33) и погибъ съ двумя своими братьями послѣ пораженія на горѣ Гелвуѣ (1 Парал. X, 2; 1 Царствъ XXXI, 2).

5) Аминадавъ сохранилъ въ домѣ своемъ кивотъ завѣта по возвращеніи его изъ земли Филистимской и сына его Елизара посвятили на хранение кивота (1 Царствъ VII, 1).

Изъ одного изъ этихъ Аминадавовъ, наши символисты сдѣлали женщину Аминадаву, хотя сохранили ей мужское одѣяніе и высокіе сапоги. Воспоминаніе о послѣднемъ этомъ Аминадавѣ, связанное съ храненіемъ кивота завѣта, побудило ихъ, можетъ быть, принять это имя для олицетворенія ветхозавѣтнаго закона или синагоги. При этомъ, всѣ части ея одѣянія получаютъ особое символическое значеніе, иногда не совсѣмъ удачно объясненное. Бѣлая чалма, которою увязана голова, должна означать вѣру во единого Бога. Это объясненіе такъ непонятно, что надо предположить тутъ какой-нибудь пропускъ писца. То же самое должно предположить и при объясненіи высокіхъ сапогъ, которые означаютъ вѣру въ евангельское ученіе; хотя при этомъ послѣднемъ толкованіи можно припомнить, что нога часто была употребляема въ христіанской символикѣ и что даже сапогъ имѣлъ важное значеніе у древнихъ евреевъ¹⁾, но въ томъ именно смыслѣ, какъ понимаетъ его самъ авторъ, я нигдѣ его не встрѣчалъ. Самое положеніе рукъ синагоги объясняется символически: „положившая лѣнвивую руку подъ главу, рекше: „начало бывше, первый законъ“. Это положеніе — подпирать рукою голову съ древнѣйшихъ временъ означало грусть и печаль, и тутъ оно очень удачно примѣнено къ синагогѣ. Въ одинаковомъ положеніи представлены на монетахъ олицетворенія побѣжденныхъ странъ или городовъ, скорбящихъ о своемъ пораженіи.

Двѣ горы означаютъ вообще у западныхъ символиковъ ветхій и новый завѣтъ. „Item montes, sanctos viros sive libros divinos significavit in illo psalmista“ говоритъ Рабанусъ Маурусъ. Къ чему Брунонъ прибавляетъ: „Duos montes excelsos habemus, novum videlicet, vetus. Testamentum, ad hos autem cervi Ecclesiae refugium habent²⁾“.

Горы также распределены на нашей картинѣ по символическому ихъ значенію. На лѣвой сторонѣ помѣщена гора Ливанъ, потому что

¹⁾ *Martigny. Dict. Plantes des pieds. Menzel. Christl. Symb. Fuss.*

²⁾ *Revue de l'art chrét. 1864. VIII pag. 589.*

она: „жертвище идольское преже было“. Напротивъ того гора Синайская, одна изъ священныхъ горъ ветхаго завѣта, представлена на правой сторонѣ; на вершинѣ ея Неопалимая Купина, а въ символическомъ толкованіи авторъ принимаетъ самую гору за символъ Богородицы. Въ нашей иконографіи и теперь извѣстны иконы Пр. Богородицы, называемыя „камень нерукосѣчныхъ горы“. Кромѣ этихъ двухъ, слабо обозначенныхъ горъ, всѣ остальные холмы и горы, объясняются, по общепринятому толкованію, тѣмъ, что „горы суть пророцы, холмы—апостоли“. Въ символикѣ на такомъ же основаніи двѣ горы вообще означаютъ ветхій и новый завѣтъ; тутъ же гора Синайская съ Неопалимой Купиною есть надежда новаго завѣта, между тѣмъ какъ Ливанъ представляетъ завѣтъ ветхій. Наконецъ надъ горою Ливанскою, въ небесной средѣ, мы видимъ олицетворенія Церкви, обнесенной стѣною. Діаволь осаждаетъ крѣпость, а Христось на серединѣ основанной—спасаетъ ее и вѣрующихъ въ Него. Роскошный зеленый лугъ, съ различными растеніями, разстилающійся между бѣлокаменными церквами, напоминаетъ слова Іоанна Златоустаго о церкви: „Невѣста преубранная, Царица всѣми прелестями преукрашенная, рай растеній, лугъ богатый плодородностью“¹⁾. Этимъ заканчивается символическая картина, которая во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ намъ судьбу ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. Синагога стоитъ грустно, между тѣмъ, какъ новозавѣтная Церковь видитъ на горѣ Синайской въ Неопалимой Купинѣ предзнаменованія своего спасенія, а на небесахъ самого Христа, защищающаго основанную имъ христіанскую церковь отъ нападенія бѣсовскихъ силъ.

II.

Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губерніи.

Фальсификація древностей на Востокѣ, въ Персіи и Турціи, давно уже обратила на себя вниманіе ученыхъ, которые принуждены считаться съ этимъ печальнымъ фактомъ. Преимущественно предметомъ контрафакціи являются ассиро-вавилонскія древности. Чтобы предупредить собирателей древностей и самихъ специалистовъ объ опасно-

¹⁾ Chrisost. in homil. XVIII tom V: *Νύμφη ἐστολισμένη, βασιλὶς κεκαλλωπισμένη, παράδεισος κομῶν, λειμῶν βοῦν τὴν ἐξαρπίαν.*

сти, которой они могут подвергнуться отъ злонамѣренныхъ людей, фабрикующихъ древности и наполняющихъ ими рынки на Востокѣ, французскій ассиріологъ J. Ménant написалъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *Les fausses antiquités de l'Assyrie et de la Chaldée*, Paris, 1888. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти предметы представляютъ крайне грубое, рассчитанное на полное невѣжество покупателей, подражаніе ассирійскимъ образцамъ; обличить подобный обманъ не трудно и для неспециалиста при внимательномъ разсмотрѣніи: вмѣсто наивности рисунка, отражающаго младенческое состояніе техники, фальсификаторы обыкновенно сообщаютъ своимъ произведеніямъ крайне уродливыя, бессмысленныя формы, и при этомъ настолько обнаруживаютъ недостатокъ техники, что не въ состояніи справиться даже съ самымъ мягкимъ матеріаломъ, въ родѣ гипса. Центромъ этого страннаго фабричнаго производства оказался, по даннымъ, добытымъ г. Менаномъ, персидскій городъ *Кербела*, гдѣ находилась мастерская, распространявшая свои издѣлія по Востоку, Европѣ и Америкѣ. Появились и у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ произведенія этой фирмы, но они были тотчасъ же обличаемы (см. мой докладъ въ Восточной Комиссіи 15 дек. 1887 г. „Труды Восточной Комиссіи“, т. I, вып. I, стр. 21—23, а также на VIII-мъ Археолог. Съѣздѣ въ Москвѣ).

Не смотря однако на такую борьбу съ фальсификаціей, гнусное ремесло это, повидимому, не прекращается, и отъ времени до времени намъ приходится встрѣчать новыя издѣлія персидской фабрики съ новыми рисунками и съ нѣсколько повышенной техникой. Очевидно, фабрика старается совершенствовать свои издѣлія.

Къ несчастью, фабрикація клинообразныхъ надписей возникла и у насъ на Кавказѣ. Мѣстные герои легкой наживы не могли не замѣтить, какое вниманіе привлекаютъ къ себѣ клинообразныя надписи, собранныя въ Эчміадзинѣ, и попадающіяся тамъ и сямъ на скалахъ, со стороны какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ ученыхъ, которые, не жалѣя силъ и средствъ, старались ихъ изучить, сфотографировать, какую огромную цѣнность придаютъ открытію новыхъ подобныхъ памятниковъ. Но здѣсь для фальсификаціи представилось особое затрудненіе, которое нужно было преодолѣть въ самомъ началѣ. Клинообразныя надписи на Кавказѣ находятся только на скалахъ и небольшихъ (сравнительно) камняхъ, входившихъ въ составъ построекъ, какъ строительный матеріалъ; всѣ онѣ имѣютъ, слѣдовательно, монументальный характеръ. Поддѣлка такихъ надписей весьма затруднительна, почти невозможна; не менѣе труденъ и сбытъ такихъ монументовъ, если они вѣсятъ отъ 5 до 50 пудовъ. Предметовъ искусства и домашняго быта, имѣющихъ клино-

Археол. Изв. и Зам. 1896 г.

«ИЗВЕСТИЯ ИМПЕР. АКАДЕМ. НАУК»

Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губ.

образныя надписи ванскаго (урартскаго) происхожденія, равно какъ книжной литературы въ формѣ табличекъ въ родѣ ассирійскихъ, до сего времени не было найдено ни въ Русской, ни въ Турецкой Арменіи, между тѣмъ только такого рода предметы, мелкіе и удобно переносимые, легко могутъ сдѣлаться предметомъ поддѣлки и сбыта. Фальсификаторамъ нужно было выдумать какой нибудь новый родъ памятниковъ, до сего времени не найденный, болѣе портативный, чѣмъ глыбы камней, и украсить ихъ клинообразными надписями кавказскаго происхожденія, точно также имъ нужно было утилизовать для своей цѣли и другой матеріалъ, менѣе твердый, чѣмъ камни, образовавшіеся изъ базальтовой лавы системы Алагёза или Арарата. Эти затрудненія были устранены при помощи нѣкоторыхъ соображеній довольно ученаго характера. Фальсификаторамъ, конечно, извѣстно, что большая часть ассиро-вавилонской литературы написана на глиняныхъ дощечкахъ, что глина была единственнымъ письменнымъ матеріаломъ и замѣняла нашу бумагу; а такъ какъ народъ ванскій (урартскій) имѣлъ систему письма одинаковую съ ассирійскою, то литературные памятники его должны быть написаны также на глинѣ. Последнее соображеніе болѣе чѣмъ вѣроятно. Въ Палестинѣ писали же донесенія египетскому фараону его намѣстники на глинѣ, равно какъ царь неизвѣстной пока страны *Митани* писалъ на своемъ языкѣ клинообразными письменами на глинѣ. Почему же и ванскому народу; если онъ имѣлъ свою письменность, а что онъ имѣлъ, за это говорятъ надписи его царей, — не писать на глинѣ, какъ это дѣлали ассирійцы и другіе народы? Итакъ; вмѣсто каменной глыбы фальсификаторы избираютъ матеріаломъ глиняную дощечку, употребленіе которой до сего времени у ванскаго народа еще не засвидѣтельствовано ни однимъ памятникомъ. Сооружая свой памятникъ изъ глины, они хотѣли сразу убить двухъ зайцевъ: освободиться отъ непреодолимой трудности писать на камнѣ и представить ученому миру новинку, имѣющую значеніе научнаго открытія, документальное доказательство того, что у ванскаго народа была литература, какъ у ассирійцевъ, и также глиняная. Ихъ произведеніе есть первый образецъ этой литературы. Повторяю, продѣлка кавказскихъ фальсификаторовъ не лишена ученаго характера, такъ какъ направлена прямо къ тому, чтобы дать отвѣтъ на нѣкоторыя desiderata науки.

Эта глиняная контрафакція ванской эпиграфіи получена нами изъ Эчмиадзина. Жертвою обмана явился прежде всего почтенный архіепископъ Месропъ, которому принадлежать честь открытія большой части клинообразныхъ надписей въ Закавказьѣ. Изъ селенія Молла-базетъ,

находящагося въ верстахъ 5 отъ такъ называемаго армавирскаго холма, ему доставленъ былъ кирпичъ съ клинообразною надписью, яко-бы найденный въ развалинахъ холма. Эстампажъ съ этого кирпича онъ доставилъ Импер. Моск. Археол. Обществу, при чемъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „Въ теченіе 33 лѣтъ я въ первый разъ встрѣчаюсь съ клинообразными буквами на кирпичѣ“. Другой нашъ сочленъ, почтенный о. Галустъ-тер-Миртчянъ, поражаясь также этой находкой, выражаетъ (въ письмѣ ко мнѣ) надежду, что, быть можетъ, теперь намъ удастся открыть въ Эриванской губ. „кирпичную бібліотеку“. Однакоже по эстампу, доставленному архіеп. Месропомъ, я тотчасъ же узналъ поддѣлку. Тѣмъ печальнѣе было для меня убѣдиться въ этомъ, что жертвою обмана явились два весьма заслуженныхъ армениста, съ энтузіазмомъ преслѣдовавшіе цѣль привести въ извѣстность и сохранить всѣ находящіяся въ предѣлахъ Эриванской губерніи клинообразныя надписи. Жертвуя для этой цѣли, — что мнѣ хорошо извѣстно, — своими личными средствами, безъ сомнѣнія, крайне ограниченными, оба лица эти въ концѣ концовъ не избѣгли безсовѣстной эксплуатаціи. Архіеп. Месропъ послѣшилъ, конечно, издать эту надпись въ армянскомъ эчмиадзинскомъ изданіи „Араратъ“ (1895, № 21), и оттискъ текста надписи прислалъ въ Общество. Какъ въ засѣланіи Общества, такъ и въ засѣданіи Восточной Комиссіи я выразилъ свое рѣшительное мнѣніе, основанное на фактахъ, что эта надпись есть контрафакція, но Общество, заинтересовавшись этимъ предметомъ и желая нагляднымъ образомъ провѣрить высказанное мною заключеніе, просило архіеп. Месропа прислать кирпичъ въ Общество, что онъ любезно и исполнилъ.

Вотъ данныя, обнаруженныя изслѣдованіемъ матеріала и способа обработки кирпича, въ Восточной Комиссіи, причемъ въ этомъ дѣлѣ принималъ ближайшее участіе и мой почтенный коллега по экспедиціи въ Эриванскую губернію въ 1893 г., А. А. Ивановскій, хорошо знакомый съ древними памятниками того края и въ частности съ выдѣлкою кирпичей, находимыхъ въ древнихъ постройкахъ Эриванской губ. Размѣръ кирпича: 29,5 сант. длины, 22 сант. высоты и 5 сант. толщ. Глина, изъ которой слѣпленъ кирпичъ, обыкновенная аракская самой послѣдней формации, плохо обожжена и обладаетъ ничтожною плотностію, благодаря чему кирпичъ этотъ, несмотря на хорошую укупорку, разбился въ дорогѣ. При сильномъ давленіи, онъ долженъ превратиться скоро въ порошокъ, а отъ дѣйствія сырости — разложиться. Подобный матеріалъ не могъ быть въ употребленіи въ то время, когда кирпичи употреблялись вмѣсто бумаги; ассирійскія кирпичныя таблички имѣютъ поразительную плотность, онѣ не могутъ

идти въ сравненіе съ нашими современными кирпичами въ этомъ отношеніи. Точно также кирпичи, добытые А. А. Ивановскимъ изъ старинныхъ армянскихъ построекъ, неизмѣримо плотнѣе этого, и могутъ противостоять разрушительному дѣйствию времени и стихій, между тѣмъ разсматриваемый кирпичъ крошится отъ ничтожнаго давленія или тренія.

Обратимся къ самой надписи (табл. V). Впечатлѣніе, которое производитъ надпись при первомъ взглядѣ, въ особенности для неспециалиста, безъ сомнѣнія, должно быть въ ея пользу. Клинообразные знаки идутъ по опредѣленному направленію, имѣютъ каждый свою индивидуальную фигуру, при чемъ для знакомаго съ ванскою системою письма ясно съ перваго раза, что эта надпись не ассирійская, а именно ванская. Затѣмъ ясно также, что 7 строкъ надписи заключаютъ начало и конецъ текста, но правая его сторона отбита, такимъ образомъ иллюзія древности еще болѣе усиливается. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эта иллюзія тотчасъ же исчезаетъ, и на мѣсто ея являются несомнѣнныя и самыя убѣдительныя признаки неумѣлой фабрикаціи нынѣшняго времени. Утилизуя глину для своей поддѣлки, фальсификаторы имѣли цѣлью, какъ мы предполагали, показать, что у ванскаго народа была кирпичная литература въ родѣ ассирійской. Но для изобрѣтеннаго ими *сресіеп'а* этой литературы текстъ они могли взять изъ той же монументальной литературы, такъ какъ другой мы не имѣемъ. И дѣйствительно, не нужно было большого труда, чтобы констатировать съ полною точностію, что оригиналомъ для этой контрафакціи послужила одна изъ давно уже извѣстныхъ надписей, находящихся въ Эчмѣадзинѣ. Эта именно надпись № X по моему изданію (*Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи*, Труды Восточ. Ком., томъ I, вып. 3); она была первою найдена въ Эриванской губ. еще въ 1862 году. Фотографія съ этой надписи до сего времени еще не была издана; но мною былъ снятъ эстампажъ съ нея, находящійся въ настоящее время въ Обществѣ (фотографія съ эстампажа появится въ печатающемся въ настоящее время отчетѣ объ экспедиціи въ Эриванскую губ. 1893 года). Для всѣхъ 7-ми строкъ фальсификаторы взяли оригиналомъ текстъ изъ этой надписи, причемъ въ первыхъ 6 строкахъ частію вполнѣ, частію съ нѣкоторыми видоизмѣненіями онъ идетъ параллельно съ оригиналомъ, т. е. 1-я строка соотвѣтствуетъ 1-й строкѣ оригинала, 2-й—2-й и т. д. Нужно замѣтить, что оригинальная надпись состоитъ изъ 13 строкъ, вполнѣ сохранившихся, но принадлежитъ по своему содержанію къ числу такихъ, которыя отступаютъ отъ обыкновеннаго, такъ сказать, шаблоннаго типа: большая часть словъ и

выраженій находятся только въ ней одной и не могутъ быть объяснены съ точностію. Эта одна изъ самыхъ трудныхъ для толкованія надписей. Такая оригинальность, характерность надписи № X дала возможность установить самымъ точнымъ образомъ источникъ разсматриваемой контрафакціи. Сличая текстъ послѣдней съ оригиналомъ, мы наглядно слѣдимъ за всѣми махинаціями, къ которымъ прибѣгали фальсификаторы, чтобы съ одной стороны соблюсти подобіе съ оригинальными надписями, съ другой скрыть контрафакцію. Сдѣлавъ изъ 13-ти-строчной надписи 7-строчную и изъ цѣльнаго текста фрагментъ, они тѣмъ самымъ сократили для себя площадь обмана и трудъ поддѣлки. Въ оригинальной надписи помѣщаются 10 — 12 знаковъ (среднимъ числомъ) на строкѣ, они оставили только половину, т. е. отъ 5 до 7. Но и въ этихъ предѣлахъ они нашли нужнымъ придать своему издѣлію нѣкоторую оригинальность, отступить отъ рабскаго копированія надписи № X. Такъ въ 3-й строкѣ между 2-мъ и 3-мъ знакомъ оригинала они вставили два знака, изъ коихъ одинъ есть произведеніе ихъ собственной фантазіи съ невозможнымъ въ клинообразной системѣ направленіемъ клиньевъ (справа налѣво), другой (идеограмма человѣка) взяли изъ текста оригинала, и тѣмъ самымъ разбили по поламъ цѣлое слово. На строкѣ 6-й между 2-мъ и 3-мъ знакомъ они вставили одинъ знакъ, взявши его изъ другого мѣста оригинала и искаживши его форму. Послѣдняя 7-я строка, заканчивающая текстъ, за исключеніемъ второго знака *e*, состоитъ изъ крайне уродливыхъ, бессмысленныхъ искаженій фигуръ ванской системы; въ этой строкѣ болѣе, чѣмъ въ какойнибудь другой, выразилась самодѣтельность виновниковъ поддѣлки, при чемъ матеріаль для искаженія былъ взятъ ими частью изъ 12, частью изъ 13 строки оригинала.

Было бы слишкомъ долго и излишне входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ искаженій, перестановокъ и другихъ ухищреній, къ которымъ прибѣгали фальсификаторы, чтобы выдать свое издѣліе за оригинальную надпись. Ограничусь указаніями несомнѣнныхъ признаковъ поддѣлки, по которымъ и неспеціалисты могутъ ее обличить: такъ въ ассирійской и ванской системѣ знаковъ нѣтъ клиньевъ съ такимъ направленіемъ \leftarrow или \blacktriangle , между тѣмъ клинья первой категоріи, въ нашей надписи постоянно встрѣчаются, второй же по крайней мѣрѣ одинъ разъ, именно въ строкѣ 5-й въ 4-мъ знакѣ. Далѣе, идеограмма божества, которою начинается надпись, имѣетъ вездѣ въ ванскихъ надписяхъ такую форму $\blacktriangleright\blacktriangleright$ т. е. состоитъ изъ четырехъ клиньевъ, между тѣмъ въ разбираемой надписи всего изъ трехъ $\blacktriangleright\blacktriangleright$, слѣдующія же два клинья $\blacktriangleright\blacktriangleright$ составляютъ уже особый знакъ *hal* — начало слова *Haldi*.

Столь грубое нарушение системы письма въ столь важномъ, стоящемъ на первомъ мѣстѣ словѣ, есть лучшее доказательство того, что эта надпись есть фабрикація. Обращу вниманіе еще на самый послѣдній знакъ надписи; онъ имѣеть форму $\nabla \triangleright \nabla$, здѣсь фальсификаторы упустили, наоборотъ, въ началѣ одинъ клинъ, а именно \triangleleft , полная фигура $\triangleleft \nabla \triangleright \nabla$ *di*. Отсюда можно видѣть, съ какою свободою эти герои поддѣлки отнимали головы и хвосты у дѣйствительныхъ знаковъ ванской системы и уродовали ихъ форму.

Въ заключеніе могу только выразить пожеланіе, чтобы нашимъ эчмиадзинскимъ коллегамъ удалось напасть на слѣдъ дерзкихъ злоумышленниковъ, и прекратить гнусное ремесло обмана въ самомъ началѣ. Было бы печально, если бы по сосѣдству съ Эчмиадиномъ прочно водворилась мастерская на подобіе персидской (въ Кербелѣ). Обманщиковъ въ Кербелѣ нельзя привлечь къ уголовной отвѣтственности; можетъ быть, для нашихъ доморощенныхъ поддѣльвателей страхъ этой отвѣтственности былъ бы дѣйствителенъ.

М. Никольскій.

III.

Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ.

Уже по окончаніи своей замѣтки о придорожныхъ крестахъ чешскихъ, напечатанной въ № 12 Арх. Изв. и Зам. прошлаго года, я получилъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ по этого рода памятникамъ. Эти матеріалы показали, что какъ разъ въ настоящее время вопросъ о „кирилло-меодіевской“ традиціи въ крестахъ опять оживился на страницахъ чешскихъ научныхъ и научно-популярныхъ журналовъ. Въ то же время въ обзора ставшаго мнѣ теперь извѣстнымъ матеріала я убѣдился въ правильности моихъ нѣсколько скептическихъ взглядовъ на кирилло-меодіевскую традицію въ чешскихъ крестахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ возникшій въ послѣднее время споръ по поводу этого между чешскими учеными окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что именно мѣстный моравскій патріотизмъ былъ поводомъ къ такой энергичной защитѣ „кирилловской“ старины, какую проявилъ г. Гавелька: защитники „кирилловской“ традиціи въ крестахъ, оказывается, защищаютъ, собственно говоря, память покойнаго И. Гавельки, оскорбляемой якобы скептическимъ отношеніемъ къ „кирилло-меодіевской“ традиціи со стороны проф. I. Калоуска. При такой постановкѣ дѣла, понятно, о

какомъ бы то ни было научномъ рѣшеніи вопроса и рѣчи быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ представляется не лишнимъ изложить съ одной стороны взгляды І. Калоуска, а съ другой—опубликованный за послѣднее время матеріалъ: это еще болѣе подтвердитъ высказанныя мною предположенія. Еще въ 1885 г. проф. І. Калоусекъ высказался такъ: „Мысль христіанъ *всегда и вездѣ* проявлялась одинаково при постановкѣ крестовъ у дороги; это—выраженіе простаго благочестія или, особенно часто, *воспоминаніе* о несчастномъ случаѣ, о какомъ-либо памятномъ событіи, и межи бывали иногда обозначаемы поставленными на нихъ крестами“ ¹⁾. Это свидѣтельство чешскаго историка подтверждаетъ сказанное мною о Луковицкомъ крестѣ (V), а также опровергаетъ утвержденіе И. Гавельки, будто въ Чехіи крестъ въ качествѣ межеваго знака неизвѣстенъ; т. е. въ употребленіи креста въ качествѣ межеваго знака сближаетъ чешскіе кресты съ подобными остальными (см. *Арх. Изв.* 1895, стр. 406).

Изъ изданныхъ или описанныхъ за послѣднее время придорожныхъ крестовъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: 1) Около *Вамберка* (Bamberg) стоитъ крестъ, который за его форму готовы мораване признать кирилло-меѳодіевскимъ; на немъ однако высѣченъ старинный рыцарскій мечъ, подобно тому, какъ мы то замѣтили на кр. Велико-Слатеныцкомъ (XXI) ²⁾. „Кирилловское“ происхожденіе его отрицаетъ мораванинъ Вик. Брандль, а за нимъ и проф. І. Калоусекъ ³⁾. 2) Изъ трехъ крестовъ около *Хрудима* ⁴⁾ интересенъ одинъ, низкій, около дер. Тополе: онъ почти по плечи ушелъ въ землю; на лицевой сторонѣ грубо высѣченъ удлинненный крестъ и дата—1655 г.; на оборотной сторонѣ—грубое же изображеніе трехконечныхъ вилъ; преданіе гласитъ, что поставленъ этотъ крестъ по требованію родственниковъ крестьяниномъ, убившимъ на этомъ мѣстѣ вилами своего сосѣда. Преданіе это, указывающее на существовавшій обычай ставить крестъ на мѣстѣ убійства (это обязанъ былъ дѣлать убійца въ видѣ возмездія за проступокъ), находитъ себѣ и документальное подтвержденіе: по свидѣтельству актовъ въ XV, XVI и даже XVII в., широко практиковался обычай, въ силу котораго убійца не только долженъ былъ поставить крестъ на мѣстѣ преступленія, но и заказать рядъ заупокойныхъ обѣдъ на поминъ души имъ убитаго ⁵⁾. Опять, какъ видимъ, „кирил-

¹⁾ Atheneum, III, 7—8.

²⁾ *Česky Lid.* 1895 г., стр. 271—272.

³⁾ *Časop. Mat. Morav.* 1882 г., стр. 184.—*Č. L.* 1895 г., стр. 371—372.

⁴⁾ Изданы съ изображеніями въ *C. L.* 1892 г., стр. 137—140.

⁵⁾ Такъ, напр., въ 1503 г. долженъ былъ поступить Янъ изъ Швамберка (около Пльзена), убившій у сосѣда сына (Pamatky Archeolog. XIV, 450); такой же случай извѣстенъ

ловская“ традиція здѣсь не при чемъ. Другой изъ хрудимскихъ крестовъ любопытенъ развѣ только потому, что въ народѣ слыветъ подѣ именемъ «каменной бабы», хотя форма креста выражена въ немъ ясно. 3) Въ западной Чехіи, теперь уже почти исключительно занятой нѣмцами, также извѣстны придорожные кресты; одинъ изъ нихъ, высѣченный на плоской скалѣ, грубо обрубленной, любопытенъ по украшеніямъ, напоминающимъ отмѣченный у насъ крестъ Стебеницкій (XV) и по округленіямъ лопастей, напоминающимъ крестъ Мальмержвицкій (XVI) крестъ, гдѣ я склоненъ былъ допустить вліяніе византійской традиціи (стр. 409). Другой, также западно-чешскій, крестъ носитъ дату—1548 г.; недалеко еще крестъ, вытесанный на четырехгранномъ камнѣ; оба креста, по преданію, поставлены въ память несчастнаго случая: первый въ память поединка, кончившагося смертію обоихъ поединщиковъ, второй на память о невѣстѣ, упавшей съ повозки и убившейся до смерти при возвращеніи отъ вѣнца ⁶⁾. 4) Обычай ставить кресты на мѣстѣ несчастнаго случая практиковался и недавно: *Дубленскій* крестъ поставленъ въ 1859 году на мѣстѣ, гдѣ женщину убило молніей ⁷⁾. Наконецъ замѣтимъ, что по формѣ, которую считаютъ защитники преданія „кирилло-меоодіевской“, весьма близко подходятъ къ чешскимъ кресты, ровно ничего общаго съ кирилловскимъ преданіемъ имѣть не могущіе; это—кресты эстонскіе съ датами 1544 г., 1629 г., 1668 г. ⁸⁾.

М. Сперанскій.

IV.

Археологическая хроника.

— Государь Императоръ Всемиловѣйше соизволилъ благодарить Императорское Московское Археологическое Общество за тѣ услуги, которыя оказалъ членъ отъ Общества А. Л. Оберъ, своимъ участіемъ въ трудахъ Высочайше учрежденнаго Комитета для наблюденія за ремонтомъ Московскаго Большаго Успенскаго собора.

въ Моравіи въ нач. XVII в. (1619 г.) (С. Л. 1895 г., стр. 372—373). Подобные кресты съ прозвищемъ—«у убитаго» (u zabitého) встрѣчаются довольно часто, напр., въ дер. Храставицѣ (у Домазлици, Рам. Arch. Ibid.).

⁶⁾ С. Л. 1895 г., стр. 270—271.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁸⁾ Это кресты могильные. См. тамъ же.

— И. А. Вахрамѣевъ, уже прежде пожертвовавшій 1,000 р. на изданіе „Трудовъ Ярославскаго Археологическаго Съѣзда“, нынѣ прислалъ еще 1,075 р. въ возмѣщеніе издержекъ, сдѣланныхъ Обществомъ изъ своихъ средствъ на это изданіе.

— В. И. Сизовъ по порученію Моск. Археол. Общ. ѣздилъ въ Кутаисъ для изслѣдованія вновь открытой, по свѣдѣніямъ газетъ и частнымъ сообщеніямъ, пещеры съ остатками фресокъ. По самомъ тщательномъ осмотрѣ, произведенномъ В. И. — чемъ, въ указанной мѣстности на дѣлѣ оказалась лишь сталактитовая пещера.

— Императорская Петербургская Публичная Библиотека сдѣлала весьма цѣнное приобрѣтеніе. Года три тому назадъ распространились слухи о томъ, что въ эфоріи одного села близъ Кесаріи находится рукопись св. Евангелія, относящаяся къ VI или началу VII вѣка. Видѣвшіе ее ученые высказывали предположеніе, что рукопись эта составляетъ часть такъ называемаго Codex N, шесть листовъ котораго, находятся въ Ватиканской библиотекѣ, четыре въ Британскомъ Музеѣ, два въ Вѣнѣ и 33 на о. Патмосѣ. Подобно этимъ листамъ, рукопись писана на красивомъ, тонкомъ, окрашенномъ въ пурпуровый цвѣтъ пергаментѣ. Текстъ писанъ серебромъ, а священныя имена золотомъ, въ 2 столбца, длиною въ 32 и шириною въ 26 сантиметровъ. Рукопись желали приобрѣсти одинъ англійскій и одинъ американскій университетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объ ней получило свѣдѣнія и наше посольство въ Константинополь, которое немедленно сообщило объ ней Публичной Библиотекѣ. Въ виду недостаточности средствъ Библиотеки на приобрѣтеніе ея (по слухамъ, цѣна назначена была въ 1,000 ф. стерл.), начальство Библиотеки обратилось къ Государю Императору ходатайствуя объ экстренномъ кредитѣ, но Его Величество соизволилъ лично приобрѣсти цѣнный памятникъ и пожаловать его Библиотекѣ.

— Раскопки Херсонскаго городища и некрополя въ прошломъ году продолжались Императорскою Археологическою Коммиссіею, стоявъ 4 т. р. изъ средствъ Министерства Императорскаго Двора.

Обнаружена часть береговой оборонительной стѣны съ башней, вблизи которой найдена очень цѣнная для исторіи Тавриды надпись на мраморной плитѣ съ 1059 годомъ христіанской эры, гласящая о восстановленіи городскихъ воротъ Львомъ Аліатомъ, стратигомъ Херсонеса и Сукдеи (нынѣшняго Судака), въ царствованіе Исаака Комнина.

Въ сѣверо-западномъ углу городища открыты городскія ворота, при чемъ установлено, что и въ этой части Херсонеса древняя оборонительная стѣна была обшита съ обѣихъ сторонъ старательно обтесанными плитами и что у моря начинался некрополь, подходя къ стѣнѣ.

При раскопкѣ этого некрополя разслѣдованы двѣ катакомбы, 3 гробницы, сложенные изъ большихъ черепицъ, 9 гробницъ изъ каменныхъ плитъ, а въ нихъ 18 глиняныхъ урнъ съ прахомъ, 10 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, 30 гробницъ земляныхъ и 9 урнъ съ прахомъ, помѣщавшихся въ насыпи некрополя. Особенный интересъ представляетъ большая красивая гробница, сложенная изъ каменныхъ плитъ, съ крышею на два ската и съ 11 нишами, въ которыхъ помѣщались глиняныя и свинцовыя урны. Гробница относится въ I в. послѣ Р. X.; на ея устройство употреблено 67 каменныхъ плитъ, а въ числѣ находокъ оказалось много художественныхъ золотыхъ украшеній. (Южанинъ).

— Близъ Херсона, по дорогѣ въ Рожновы хутора, въ началѣ марта кладочискателями было разрыто три кургана, въ коихъ найдены золотое ожерелье и три золотые перстня, бронзовая античная статуэтка и, повидимому нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ вещей. Золото было продано и сплавлено, статуэтка же послѣ долгихъ странствованій поступила теперь въ Херсонскій Музей. Она изображаетъ Кибелу, въ хитонѣ и короткомъ плащѣ. На головѣ ея два льва, терзающіе быка; двое четвероногихъ, стоя на плечахъ богини, поддерживаютъ ихъ.

По полученіи извѣстія о раскопкѣ, хранитель Херсонскаго Музея, В. И. Гошкевичъ, выѣхалъ на мѣсто и, пересѣявъ землю изъ раскопанныхъ могилъ, нашелъ: разломанныя человѣческія кости, пращные камни, желѣзныя и бронзовыя стрѣлки, обломки двухъ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудовъ, кусочки алой краски, бронзовый перстень и золотыя венци: кольцо, свернутое изъ толстой золотой проволоки, и тяжеловѣсное украшеніе, полумѣсяцемъ, въ треугольникахъ изъ мелкихъ золотыхъ шариковъ.

По вскрытіи одного изъ двухъ початыхъ кладочискателями кургановъ, оказался въ немъ скелетъ женщины, въ рукѣ которой было круглое металлическое зеркало, на пальцѣ серебряный перстень, со вставкой мозаики, а по сторонамъ черепа — серьги изъ серебряной проволоки. Въ другомъ курганѣ оказался зарытымъ въ насыпи скелетъ ребенка, а глубже, подъ огромными камнями, открылись двѣ могилы. Въ одной найденъ человѣческій скелетъ и два черепа, лежавшіе теменемъ внизъ, а затылочными дырами кверху; въ другой — человѣческій скелетъ безъ головы. (Одесск. Новости и Нов. Дня, 4627).

— Въ „Романовскій Отдѣлъ Древностей“, вновь учреждаемый при Костромской Ученой Архивной Комиссіи, поступило до десяти рукописей, касающихся подвига Ив. Сусанина. Всѣ эти рукописи найдены въ селѣ Домнинѣ и его окрестностяхъ. (Нов. Вр. № 7184).

— „Приам. Вѣд.“ сообщаютъ, что на предстоящей Нижегородской выставкѣ будетъ выставлена коллекція разныхъ предметовъ,

относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ Сибири. Владѣлецъ, священникъ южно - енисейскихъ золотыхъ промысловъ о. Александръ Масленниковъ, подноситъ ее Томскому университету. (Нов. Вр. № 7185).

— 6 ноября исполнится сто лѣтъ со дня кончины Императрицы Екатерины Великой. Эту годовщину Московское Общество Любителей Россійской Словесности рѣшило отмѣтить устройствомъ въ Москвѣ „Екатерининской выставки“. На этой выставкѣ предположено показать: портреты Императрицы, гравюры, картины и медали, изображающія важныя событія ея царствованія; портреты ея современниковъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и писателей; всѣ изданія ея собственныхъ сочиненій и наиболѣ важныхъ сочиненій ея времени.

— Въ Одесское Общ. Ист. и Др., В. В. Шкорпина сообщалъ о катакомбѣ, открытой на Глиницѣ въ Керчи:

„Спѣшу сообщить вамъ о новомъ открытіи, которое было сдѣлано еще въ февралѣ прошлаго года, но только теперь стало извѣстнымъ здѣшнимъ археологамъ. Хозяинъ двора, гдѣ была открыта новая катакомба, не хотѣлъ показывать ея никому, даже директору Керченскаго музея, дожидаясь, что, можетъ быть, пріѣдетъ графъ Бобринскій и заплатитъ ему хорошія деньги за право снять фрески, которыми украшены стѣны и своды склепа. Теперь керченскій мѣщанинъ Зайцевъ (vulgo Зайчикъ), проживающій на Глиницѣ, недалеко отъ Мелекъ-Чесменскаго кургана, самъ пригласилъ меня осмотрѣть замѣчательную катакомбу. Сегодня же я отправился къ нему и, осмотрѣвъ склепъ, находящійся приблизительно 1¹/₂ сажени подъ землею.

Катакомба состоитъ изъ одной комнаты, въ которую съ сѣверной стороны ведетъ входъ, бока и верхъ котораго построены изъ плотнаго известняка; надъ входомъ положена высокая плита, но безъ всякой надписи и безъ украшеній. Въ дверь можетъ свободно пройти челоувѣкъ средняго роста, не сгибаясь. Ширина склепа около трехъ шаговъ, длина четыре шага. Вся катакомба украшена живописью, изображающей птицъ, цвѣты, яблоки, виноградныя кисти, листья и вѣтки, но главный интересъ заключается въ фигурахъ, здѣсь изображенныхъ.

Центръ цилиндрическаго свода занятъ громаднымъ кругомъ (медальономъ), гдѣ на темномъ фонѣ изображена красивая голова богини; все лицо богини, роскошныя волосы, окаймляющіе благородный ликъ богини, ожерелье на шеѣ, состоящее изъ копьевидныхъ подвѣсокъ, все это прекрасно сохранилось, отвалилась только съ лѣвой стороны часть темнаго фона и вмѣстѣ съ ней первая буква имени [Δ]НМНТНР; которое распредѣлено такимъ образомъ, что съ лѣвой стороны чернаго фона было вырыто [Δ]Н, а съ правой МНТНР. На остальной части свода симметрично написаны плоды, цвѣты и четыре птицы.

Противъ входа, въ серединѣ сегмента, заключающагося между дугою свода и раскрашеною полосою, которая проходитъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ склепа, отдѣляя сводъ отъ стѣнъ, изображенъ грозный богъ подземнаго царства. На колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, изъ которыхъ первая и третья чернаго, а вторая и четвертая бѣлаго цвѣта, стоитъ богъ и держитъ руками стоящую передъ нимъ дѣвушку, фигура которой почти вдвое меньше фигуры Плутона. Лицо Аида, одѣтаго въ черный, развѣвающийся отъ быстрой ѣзды плащъ, окаймлено мощными волосами и бородою. Надъ четверкой изображенъ мальчикъ безъ крыльевъ, кнутомъ погоняющій лошадей. Надъ головой бога начертана надпись ΠΛΟΥΤΩΝ. Присутствіе Деметры, которая какъ-бы заглядываетъ въ подземное царство, убѣждаетъ меня, что въ дѣвушкѣ не нужно видѣть вообще душу, похищаемую Плутономъ, а Прозерпину, какъ и въ другихъ этого рода рисункахъ и статуяхъ (срав., напр., вазный рисунокъ, изданный въ сочиненіи I. Лангла: Griechische Götter-und Heldengestalten. Wien. 1887, стр. 104; I. Overbeck, Geschichte der griech. Plastik. Leipzig. 1869 II, 28. и др.).

На простѣнкахъ возлѣ входа въ склепъ изображены двѣ фигуры: на лѣвой сторонѣ мчится Гермесъ съ обычными крыльями на ногахъ и съ кадуцеемъ въ рукѣ, а направо изображена Калипсо съ выраженіемъ глубокой грусти на лицѣ. Надъ фигурой Меркурія написано ΕΡΜΗΣ, а надъ головою нимфы ΚΑΛΥΨΟ. Интересно рѣшить вопросъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь Калипсо. Мнѣ кажется, что эта дочь Атланта является здѣсь или какъ олицетвореніе грусти, которую испытываемъ послѣ вѣчной совершаемой противъ нашей воли разлуки съ дорогимъ человѣкомъ (срав. пятую книгу Одиссеи), или какъ символъ полного уединенія и удаленія отъ всего міра (Ном. Od. 7, 247: θεῖνῃ θεός οὐδέ τις αὐτῇ | μισοῦται οὔτε θεῶν οὔτε θνητῶν ἀνθρώπων). Можно допустить также болѣе простое объясненіе: стремясь къ симметріи, живописецъ изобразилъ противъ фигуры Гермеса одну изъ подругъ Персефоны, имя которой встрѣчается въ гомеровскомъ гимнѣ, составленномъ въ честь Деметры (Нупп. in Ser. 422: ἰμερόσσα Καλυψώ).

Во всѣхъ трехъ стѣнахъ по серединѣ сдѣланы небольшіе ниши; надъ нишей въ правой стѣнѣ (отъ входа) сдѣланъ маленькій выступъ, на которомъ могла помѣщаться небольшая лампадка.

По словамъ хозяина, которымъ, впрочемъ, нельзя много вѣрить, въ катакомбѣ найдены слѣдующія вещи: два кольца, одинъ сосудъ зеленого и одинъ синяго стекла, затѣмъ бронзовый канделябръ (ставникъ) на трехъ львиныхъ ножкахъ. Но куда всѣ эти вещи дѣвались, кому онѣ были проданы, нельзя было никоимъ образомъ узнать.

Остается еще сообщить вамъ, что директоръ Керченскаго Музея К. Е. Думберъ хлопочетъ купить у Зайцева право снять и срисовать всѣ фрески, чтобы Археологическая Комиссія могла издать эти замѣчательные остатки древней живописи“. (Протоколъ 294 засѣд.).

— Въ Варшавѣ оригинально открытъ кладъ. На площади св. Александра новый владѣлецъ склада винъ подъ фирмою „Б. Грабицкій“, приобрѣта магазинъ и подвалы, рѣшилъ привести эти послѣдніе въ порядокъ и отремонтировать ихъ. Когда рабочіе очистили подвалы отъ винныхъ бочекъ, то подъ мусоромъ, сваленнымъ въ углу, нашли большой, герметически замазанный жбанъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ вѣсомъ и поставленнымъ на немъ числомъ „1809“. Когда онъ былъ вскрытъ, то въ немъ оказалось старое венгерское вино, при переливкѣ котораго въ другой сосудъ изъ жбана посыпались золотыя и серебряныя монеты старопольской чеканки, бывшія на днѣ жбана въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ штукъ. Для опредѣленія ихъ цѣнности хозяинъ склада переслалъ ихъ къ одному изъ извѣстныхъ археологовъ. Что-же касается происхожденія клада, то объ этомъ узнать ничего не удалось, такъ какъ подвалы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ сохранялись въ одномъ и томъ-же видѣ. (Нов. Дн. 1896 г., № 4610).

— Въ Одессѣ, при земляныхъ работахъ на мѣстѣ бывшаго товарнаго квартала, рабочіе нашли въ землѣ металлическую тяжелую плитку, какія обыкновенно кладутся при закладкѣ общ. зданій. Плитка имѣетъ около 5 верш. длины и около 3 верш. ширины, довольно толстая и массивная (около $\frac{3}{8}$ верш. толщины). Въ виду того, что плитка отъ долгаго лежанія въ землѣ потемнѣла, трудно сразу было опредѣлить, изъ какого она металла, хотя отсутствіе ржавчины и тяжесть ея указываютъ на то, что она сдѣлана изъ благороднаго металла. На одной сторонѣ плитки хорошо сохранилась надпись на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія; „1804 года мая 10 дня 4-го Царствованія Императора Александра Перваго Эммануилъ Дюкъ де Ришелье Военный губернаторъ въ Одессѣ зданію сему Общему благу посвященному основаніе положилъ“. На обратной сторонѣ плитки также хорошо сохранилась слѣдующая латинская надпись: *Anno Domini MDCCCIV et quarto optimi Imperatoris Alexandri Primi Emanuel Dux de Richelieu Praefectus militaris Odessae his aedibus salutі publicae sacratis die 10 Maji primum lapidem posuit*“. На томъ же мѣстѣ въ землѣ рабочіе нашли жетонъ; очевидно золотой, хотя также потемнѣвшій, величиною въ большую шейную медаль. На одной сторонѣ жетона ясно сохранился бюстъ императора Александра I съ надписью кругомъ: „Б. М. Александръ I-й Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“, на другой сторонѣ жетона изображена эмблема

законъ съ надписью: „Залогъ блаженства всѣхъ и каждаго“ и внизу „Коронованъ въ Москвѣ сентября 15 дня 1801 г.“. Найденныя вещи отправлены управляющему одесской таможенной. (Нов. Дня, 1896, № 4583).

— Шлюпка императора Петра Великаго, хранящаяся въ Астраханскомъ портѣ, осматривалась особой комиссіей, въ виду предстоящей отправки на Всероссийскую Выставку въ Нижній - Новгородъ. Въ особомъ помѣщеніи, называемомъ „домикомъ Петра Великаго“ по словамъ „Астрах. Вѣстн.“, хранятся два судна, на которыхъ, по преданію, императоръ Петръ Великій, будучи въ Астрахани, предъ походомъ въ Персію, совершалъ поѣздки по окрестностямъ города, знакомясь съ ними. Суда построены въ Казани въ 1722 году. Одно изъ нихъ называется „Плезиръ-яхта“ и имѣетъ 24 фут. длины и 5 фут. ширины, построено изъ дубоваго лѣса; корма украшена рѣзными изъ дерева фигурами, которыя, по преданію, сдѣланы самимъ Петромъ Великимъ. Другое судно — „Верейка“, длиною въ 38 фут. и 5 фут. ширины. Комиссія нашла, что тревожить суда опасно. (Нов. Вр. № 7204).

— Изъ Елисаветпольскаго уѣзда сообщаютъ о любопытной археологической находкѣ, сдѣланной недавно въ Болчинской казенной дачѣ, въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, однимъ горнопромышленникомъ при развѣдкахъ на мѣдныя руды. На томъ мѣстѣ, гдѣ оказались выходы руды, приступили къ рытью землянокъ для временнаго помѣщенія въ нихъ рабочихъ, и на глубинѣ 4 аршинъ нашли массивный бронзовый браслетъ и хорошо сохранившееся мѣдное копье, наконечникъ котораго заостренъ, какъ у четырехграннаго штыка, только нѣсколько шире, съ трубкою для насадки на деревко; длина наконечника почти поларшина. Вещи покрыты слоемъ мѣдной зелени. Въ той же дачѣ, на рѣкѣ Чавдаръ, обнаружены также старыя выработки мѣдныхъ рудъ.

— Витебское епархіальное Св.-Владимірское Братство открываетъ въ архіерейскомъ домѣ церковно-археологическій музей полоцкой епархіи. Кромѣ старинныхъ церковныхъ сосудовъ, иконъ, облачений, книгъ, рукописей, надгробныхъ плитъ, колоколовъ и проч., довольно интересный отдѣлъ составляютъ уцѣлѣвшіе памятники мѣстныхъ церковныхъ братствъ XVI вѣка (вертепы, звѣзды и т. п.), а также предметы религіознаго характера, въ разное время конфискованные и хранящіеся нынѣ въ кладовыхъ Полоцкаго кафедральнаго собора. Для обозрѣнія предметовъ послѣдняго рода будутъ допускаемы, съ особаго всякій разъ разрѣшенія предсѣдателя братства посѣтители лишь съ научными цѣлями. (Нов. Вр. № 7192, 1896 г.).

— Корреспондентъ газеты „Ардзаганъ“ сообщаетъ изъ Эчміад-

зина, что при раскопѣ недалеко отъ эчміадзинскаго монастыря найдено подземное помѣщеніе, въ которомъ оказалось 1320 древнихъ вещей: жѣдныхъ тарелокъ, котловъ, цѣпей, вѣсовъ и громаднхъ кусковъ желѣза. Ежедневно массами народъ приходитъ на осмотръ этой находки. (Кавказъ).

— Въ Люблинѣ на Яточной улицѣ понадобилось срыть часть холма, называемаго Замковою горой. При раскопѣ наткнулись на кирпичную кладку, которая оказалась стѣной сводчатаго подземнаго хода, идущаго одною вѣтвью наклонно по направленію къ предмѣстью Чвартекъ, а другою — къ Любартовской улицѣ. До сихъ поръ осмотрѣли только эту послѣднюю вѣтвь; подземелье это оказалось сухимъ, но спертымъ воздухомъ. Въ немъ нашли цѣлыя и разбитыя глиняныя сосуды такихъ формъ, какія нынѣ не встрѣчаются, и желѣзныя вещи, сильно поѣденныя ржавчиной. Кромѣ того, нашли безпорядочно разбросанную груду человѣческихъ костей, надъ которою стоитъ нѣсколькко опирающихся на стѣны человѣческихъ костяковъ. До конца подземелья при первомъ осмотрѣ еще не дошли. Полагаютъ, что найденныя въ немъ кости—остатки несчастныхъ укрывшихся въ подземельѣ при нападении Татаръ. (Спб. Вѣд. № 90, 1896 г.).

— Въ эстскихъ газетахъ появился 117-й отчетъ д-ра Гурта по собранію эстскихъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ и матеріаловъ по археологій Прибалтійскаго края. Судя по этому отчету, число сотрудниковъ неутомимаго собирателя эстонской старины мало по-малу возрастаетъ. Къ ихъ числу принадлежатъ преимущественно народные учителя, а также нерѣдко и тѣ изъ крестьянъ, которые получили нѣкоторое образованіе, и студенты изъ эстовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ: такъ г. Айтсамъ, изъ Фикеля, отправилъ уже д-ру Гурту сороковую посылку собранныхъ имъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ. Все число сотрудниковъ почтеннаго собирателя достигло уже внушительной цифры — 800 человекъ. Д-ръ Гуртъ намѣренъ обнародовать добытые имъ матеріалы на X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ. Здѣсь не лишне замѣтить, что часть собранныхъ г. Гуртомъ пѣсенъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ печати, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Однако печатаніе, по нѣкоторымъ причинамъ, остановилось. Какъ слышно, дальнѣйшее изданіе ихъ возьметъ на себя находящееся въ Гельсингфорсѣ Финское Литературное Общество. (Риж. Вѣстн. 1896, № 34).

— Въ Орлѣ, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ открылась первая Художественная Выставка, съ историческимъ отдѣломъ. Главнымъ представителемъ въ этомъ отдѣлѣ несомнѣнно слѣдуетъ признать Орловскую Ученую Архивную Коммиссію, въ витринѣ которой обра-

щаютъ на себя вниманіе два подлинныхъ автографа Петра Великаго, одинъ на шифрованной его депешѣ къ князю Куракину, а другой на частномъ письмѣ. Здѣсь же находится собственноручный автографъ на русскомъ языкѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги императора Павла I, автографы императрицы Александры Ѳеодоровны супруги императора Николая I, а также Суворова, Потемкина, Ермолова; извѣстнаго композитора русскаго народнаго гимна — Львова, Греча и президента Императорской Россійской Академіи, что нынѣ Академія Наукъ, извѣстнаго составителя историческихъ манифестовъ въ 1812 г. — А. С. Шишкова, портретъ котораго, принадлежащій Ѳ. Ѳ. Похвалинскому, помѣщенъ здѣсь же наверху витрины.

Не лишено интереса также хронологическое дерево дома Рюрика и нынѣ царствующаго въ Россіи Дома Романовыхъ, а также стулъ царя Алексѣя Михайловича, принесенный въ даръ Архивной Коммиссіи орловскимъ губернаторомъ А. Н. Трубниковымъ, и кресло императрицы Екатерины II. Г. Ферро выставилъ большое собраніе древнихъ греческихъ, римскихъ и иныхъ монетъ и собраніе сочиненій по нумизматикѣ. А. М. Болховитинымъ доставленъ черепъ, найденный при раскопкахъ въ катакомбахъ близъ г. Керчи. Судя по найденнымъ вмѣстѣ съ черепомъ: слезницѣ и древней греческой монетѣ, черепъ долженъ быть отнесенъ къ IV вѣку до Р. Х. (Нов. Вр. 1896 г., № 7201).

— По сообщенію лондонской „Daily Chronicle“, греческое правительство предоставило американской Школѣ Классическихъ Исслѣдованій въ Афинахъ исключительное право производить раскопки въ Коринѣ, право считающееся очень драгоценнымъ. Мѣстоположеніе древняго города покрыто пашнями, но имѣются слѣды лежащихъ подлѣ ними зданій. (Спб. Вѣд. № 88, 1896 г.).

— Лондонская «Times» сообщаетъ объ интересныхъ результатахъ, добытыхъ англійскими археологами Гогартомъ и Гренфелемъ, производившими раскопки въ Египтѣ, близъ Фаюма. Находки, по качеству и древности, не могутъ идти въ сравненіе съ относящимися ко временамъ фараоновъ, но дополняютъ наши познанія о не менѣ интересномъ періодѣ исторіи Египта. Найдена масса рукописей и отрывковъ таковыхъ, во многихъ случаяхъ относящихся къ первому столѣтію до Р. Х., между ними большой отрывокъ императорскаго рескрипта на греческомъ языкѣ. Между ними есть масса юридическихъ документовъ, записокъ, писемъ и т. д., бросающихъ много свѣта на жизнь тѣхъ временъ. Повидимому, она мало чѣмъ отличалась отъ жизни современнаго Египта. Нѣкто Петевухосъ пишетъ своей матери о сборѣ винограда съ его виноградника, при чемъ семь восьмыхъ письма заполняетъ

поклонами и прощаніями, точно такъ же, какъ дѣлаетъ теперь Ахметъ. Встрѣчаются квитанціи въ уплатѣ государственныхъ налоговъ, прошенія о пособіи, а чаще всего контракты и арендныя условія. Найдены также инструменты и домашняя утварь, замѣчательно сохранившіеся, затѣмъ покрытыя воскомъ таблицы для письма (на одной изъ нихъ осталась данная школьнику пропись), дудки, веретена, игральныя кости, и монеты. Послѣднихъ найдено три клада, въ одномъ изъ нихъ болѣе 4,000 римскихъ бронзовыхъ монетъ, хорошо сохранившихся и относящихся ко многимъ царствованіямъ. (Спб. Вѣд. № 90, 1896 г.).

— Могилы Аннибала, по свидѣтельству древнихъ, находилась въ мѣстности Либисса, близъ Никомедійскаго залива. До сихъ поръ эта мѣстность не была подробно изучена, а самое свидѣтельство древнихъ о существованіи здѣсь могилы великаго полководца не признавалось достовѣрнымъ. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ „Allg. Zeitung“, секретарь нѣмецкаго Археологическаго Института въ Римѣ, д-ръ Кристианъ Гюльденъ, случайно нашелъ въ одномъ мало извѣстномъ сочиненіи византійскаго писателя Іоанна Цецеса (I. Tzetzes) упоминаніе о томъ, что римскій императоръ Септимій Северъ соорудилъ Аннибалу въ Либиссѣ надгробный памятникъ, на которомъ были вырѣзаны слова: „Hannibal hic situs est“. Свидѣтельство Цецеса обратило на себя вниманіе ученыхъ и въ настоящее время нѣсколько археологовъ отправились на розыски на желѣзнодорожную станцію Диль, мѣстность которой извѣстный англійскій ученый, полковникъ Мартинъ Ликъ, въ 1822 году признавалъ древней Либиссой. (Пр. Вѣстн., № 49, 1896 г.).

— Въ апрѣльскомъ засѣданіи прусской академіи наукъ проф. Эрманъ сдѣлалъ докладъ объ открытой Л. Борхардтомъ при раскопкахъ на о. Филѣ надписи временъ перваго римскаго намѣстника въ Египтѣ *praef. Alexandriae et Aegypti, C. Cornelius Cn. F. Gallus*. Надпись изображена іероглифами, на латинскомъ и на греческомъ языкахъ и касается военныхъ подвиговъ Корнелія Галла, подавленія въ 15 дней возстанія въ верхнемъ Египтѣ, взятія нѣсколькихъ городовъ, принятія эеіопскаго посольства на о. Филѣ и перехода римскаго войска черезъ Нильскіе пороги.

— Берлинскій Музей Изащныхъ Искусствъ издаетъ альбомъ фототипическихъ снимковъ съ рисунковъ римской колонны Марка Аврелія. Альбомъ будетъ состоять изъ 124 таблицъ (248 рисунковъ) *in folio*. Текстъ къ нему написанъ Моммзеномъ, Кальдерини, Петерсеномъ и Домашевскимъ. Заказаны и гипсы съ лучшихъ рельефовъ колонны.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 28 ноября 1895 г. баронъ Р. Р. Штапельбергъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о своей экспедиціи въ Прибалтійскій край, совершенной имъ на средства Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, согласно ранѣе сообщенному Обществу плану (см. Арх. Изв. и Зам. 1895 г., № 9—10, стр. 337). Бар. Штапельбергъ привезъ цѣнный запасъ вещей изъ произведенныхъ имъ раскопокъ и рядъ фотографій, и обрабатываетъ этотъ матеріалъ къ Рижскому Съѣзду.

12 декабря 1895 года въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, въ залахъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея состоялось засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ которомъ сдѣлано было два сообщенія: проф. К. М. Быковскимъ „о реставраціи Московскаго Большаго Успенскаго Собора“ (см. Арх. Изв. и Зам., 1896 г., № 2—3) и В. И. Сизовымъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Курляндскую губ.“ (см. *ibid.*).

Въ засѣданіи И. М. А. Общ. 9 декабря, свѣц. І. І. Кузнецовъ прочелъ докладъ: „Новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) Собора“. Занимаясь этимъ вопросомъ, референтъ наткнулся въ одной изъ рукописей Румянцевскаго Музея (№ 611), первой половины XVII ст. на сообщеніе о томъ, что „7068 (1560 г.)... повелѣніемъ царя и государя и великаго князя *Ивана зачата дѣлати церковь обѣтная, еже обѣщаная въ взятіе козанское Троицу и Покровъ и семь придѣловъ, еже имянуется на рѣу, а мастеръ былъ Барма съ товарищи и приде царь на окладъ той церкви съ царицею Настасьею и со отцемъ богомольцемъ Макаріемъ митрополитомъ и принесоша образа чудотворная многая и Николу чудотворца, кой приде с Вятки и стали молебны совершати и воду святити и первое основаніе самъ царь касается своими руками и разсмотрѣша мастера, что лишней престолъ обрѣтется и сказали царю и царь и митрополитъ и весь синклитъ царскій во удивленіе приде о томъ, что обрѣтется лишней престолъ и поволѣ ту быти престолу Николину и изволи де Богъ и полюби то мѣсто Никола, а у меня де не было въ помышленіи того“.*

Такимъ образомъ получило новое указаніе на дату построенія собора и на исторію сооружеія Никольскаго предѣла и совершенно новыя свѣдѣнія о мастерѣ-строителѣ собора. Докладъ оживленно обсуждался при участіи С. А. Бѣлокурова, А. И. Кирпичникова, А. М. Павлипова и др. (напечатанъ въ Чт. Общ. Люб. Ист. и Др. Росс. 1896 г., вып. 1).

Затѣмъ С. О. Долговъ прочелъ о „Синодикѣ Воронинской пустыни 1662 г.“, копія съ котораго прислана была Обществу изъ Новгорода Н. А. Лашковымъ. Гр. П. С. Уварова доложила сообщеніе Х. И. Попова, изъ Новочеркасска, о находкѣ близъ ст. Великокняжеской стариннаго кувшина и статью Г. К. Богуславскаго изъ Смоленска о „Видѣ г. Смоленска временъ Петра I на иконѣ св. Меркурія и преп. Авраамія, Смоленскихъ чудотворцевъ“ (см. *Арх. Из. и З.* 1896 г., № 2—3).

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 13 февраля 1896 г. Проф. И. Н. Корсунскій прочелъ очеркъ: „Гр. М. В. Толстой и его значеніе для археологій“.

20 февраля 1896 г. состоялось засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Августѣйшемъ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, при чемъ прочтено было три доклада. Первый изъ нихъ принадлежалъ В. А. Грингмуту и носилъ заглавіе: „Дипломатическій Архивъ XIV в. до Р. Х.“ Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ. Въ 1887 г. въ м. Тель-эль-Амарна, въ Египтѣ, были осмотрѣны развалины древней столицы фараона XVIII династіи, Аменхотепа IV, царствовавшаго въ XIV в. до Р. Х. и въ нихъ найдено свыше 300 плитъ съ клинописью, оказавшихся перепиской фараона съ сосѣдними дружественными государями, его вассалами и намѣстниками. Это переписка, касавшаяся различныхъ вопросовъ, политическихъ, административныхъ, брачныхъ и д. и послужила предметомъ изложенія референта, яркими красками очертившаго интереснѣйшую личность Аменхотепа IV—религіознаго реформатора, проповѣдывавшаго религію Единого Бога, отвергшаго египетскій циклъ боговъ и оставившаго во главѣ религіозныхъ воззрѣній одного Бога Солнце. Онъ покинулъ даже древнюю столицу фараоновъ Фивы и построилъ новую на мѣстѣ нынѣшняго Тель-эль-Амарна, куда и переѣхалъ съ своей семьей, дворомъ и богатой библіотекой. Какъ эта новая столица, такъ и сама религія, созданная Аменхотепомъ существовали лишь пока онъ былъ живъ. Изложивъ подробно найденную переписку, среди которой оказалось не мало документовъ и эпохи отца Аменхотепа IV—Аменхотепа III, референтъ пытался объяснить странный фактъ составленія официальныхъ бумагъ въ Египтѣ въ XV—XIV вв. до Р. Х. на ассиро-вавилонскомъ языкѣ (на немъ написаны почти всѣ плиты), главнымъ образомъ предшествовавшимъ этой эпохѣ могуществомъ Ассиро-вавилонской монархіи. Кромѣ того онъ отмѣтилъ тутъ же интереснѣйшій фактъ, впрочемъ указанный Обществу еще раньше М. В. Никольскимъ, что Іерусалимъ уже существовалъ за XV в. до Р. Х., какъ о томъ свидѣтельствуетъ переписка градоначальника этого города съ фараономъ (Докладъ г., Грингмута напечатанъ въ *Русск. Обзор.* 1896 г. апрѣль).

Г. А. Муркосъ прочелъ введеніе къ сдѣланному имъ переводу путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. (съ

арабской рукописи Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ). Г. А. указалъ на особый интересъ, представляемый этимъ „Путешествіемъ“, которое принадлежитъ перу архидіакана Павла Алепскаго, сына и спутника Макаріева. Известныхъ дошедшихъ до насъ описаній древней Россіи, сдѣланныхъ иностранцами, лишь это принадлежитъ православному человѣку, понимавшему нашу церковную жизнь и имѣвшему свободный доступъ къ ней. Изъ пяти рукописей „Путешествія“, которыя были извѣстны въ половинѣ нашего вѣка, одна находится въ Лондонѣ, и по ней издалъ свой англійскій переводъ Бельфуръ; три въ Россіи—всѣ снятыя съ одной дамасской рукописи 1700 г.; одну видѣлъ Сенковский на Ливанѣ. Въ рукописи Моск. Архива Ин. Дѣлъ интересенъ, отсутствующій у Бельфура, списокъ антиохійскихъ патріарховъ, составленный Павломъ, съ указаніемъ, что „исторія антиохійскихъ патріарховъ“, вошедшая въ одноименный трудъ свящ. Брека (переведенный преосв. Порфиріемъ Успенскимъ) написана имъ же, Павломъ (а не Макаріемъ, которому приписываетъ ее Брекъ и преосв. Порфирій), за исключеніемъ 1539—1648 гг., принадлежащихъ Макарію. Далѣе Павелъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о Макаріи въ бытность его митрополитомъ алепскимъ, и рассказываетъ подробно объ избраніи его на патріаршій престолъ. Ничего этого нѣтъ ни въ изданіи Бельфура, ни въ исторіи Брека, и нынѣ обнародывается въ первый разъ, какъ и всѣ литургическія описанія и т. п., пропущенныя въ переводѣ Бельфура. Въ заключеніе Г. А. прочелъ два отрывка изъ своего перевода: о пребываніи Макарія, тогда еще Мелетія митрополита алепскаго, въ Іерусалимѣ и о куріозной встрѣчѣ въ Алепѣ привезенной турками изъ Персіи чудодѣйственной воды птицы самармаръ. (Полный переводъ, съ предисловіемъ Г. А., началъ печатаніемъ съ фѣвр. книжки „Русскаго Обзор.“, 1896 г.).

Третьимъ референтомъ выступилъ проф. Р. Θ. Брандтъ, съ докладомъ „Черты доисторическаго быта Славянъ по даннымъ языка“. Исходя изъ того положенія, что существованіе однихъ и тѣхъ же словъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же понятій въ нарѣчіяхъ какого либо языка даетъ поводъ заключить о состояніи быта народа, владѣвшаго пра-языкомъ тѣхъ нарѣчій, докладчикъ собралъ подобныя обозначенія въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и по этимъ даннымъ пра-славянскаго языка пытался начертить картину быта древнихъ Славянъ, причемъ пришелъ къ выводу, что бытъ этотъ былъ бытомъ осѣдлымъ. Докладъ этотъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей между проф. Брандтомъ и членами Общества, причемъ Д. И. Иловайскій, находилъ, что приведенныхъ референтомъ данныхъ очень недостаточно для подобнаго вывода, что они одинаково могутъ относиться къ осѣдлому и кочевому быту, а отсутствіе такихъ словъ, какъ *поля*, *потолокъ*, *дымовая труба*, прямо говорятъ въ пользу кочеваго быта древнихъ Славянъ.

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 февраля 1896 г., кромѣ текущихъ дѣлъ, обсуждался вопросъ новой редакціи „Археол. Изв. и Замѣтокъ“, въ виду отъѣзда

изъ Москвы И. А. Линниченко и отказа В. М. Михайловскаго. Рѣшено было выразивъ гг. Линниченко и Михайловскому искреннее сожалѣніе о невозможности имъ далѣе редактировать журналъ и глубокую благодарность за труды ихъ по этому редактированію, просить предсѣдателя Общества гр. П. С. Уварову взять на себя это дѣло, на что графиня и выразила свое согласіе. Кромѣ того были выработаны desiderata для Самаркандскаго Музея и предьявленъ только что вышедшій въ свѣтъ 1 вып. Трудовъ Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда, въ г. Ригѣ, печатавшійся подъ редакціей секретаря Комитета В. К. Трутовскаго.

VI.

Библиографія.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. VII, вып. 3—4, съ 17 таблицами. Спб. 1895. Стр. 1—6. Памяти Императора Александра III (съ портретомъ)—IX. Сибирскія древности. Изъ путевыхъ записокъ В. В. Радлова (пер. съ нѣм. изд. Aus Sibirien, сдѣланный графомъ А. А. Бобринскимъ): могилы долины Енисея, на Алтаѣ, бронзовый и мѣдный періодъ въ этихъ могилахъ (кинжалы, стрѣлы, сбруя, пряжки, зеркала, серьги, украшенія въ видѣ животныхъ; есть остатки и золота), раскопки въ Барнауль и Барабинской степи (съ предметами изъ желѣза (стр. 147—216)—X. Описаніе монетъ, поступившихъ въ мое собраніе въ 1892 и 1893 гг.—X. X. *Гилл*: издано въ снимкахъ и описано монетъ Ольвиі 30, Тири 11, Херсониса 77; наиболѣе замѣчательны монеты: золотой статиръ Миеридата Евпатора, безъ имени ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, девять тетрадрахмъ того же царя и золотой статиръ Миеридата, сына Аспурга, (стр. 217—229).—XI. Бронзовый коптскій сосудъ. В. Г. Бока: сосудъ найденъ въ 1891 г. въ Луксорѣ и приобрѣтенъ В. С. Голенищевымъ; найденъ онъ въ храмѣ египетскомъ Мединетъ-Абу, обращенномъ въ христіанскій, почему здѣсь находки христіанскаго характера не рѣдки; относится къ раннему періоду развитія самостоятельнаго коптскаго искусства (IV—VIII в.), создававшегося болѣе или менѣе независимо отъ вліянія Византіи; по орнаменту его можно сближать съ тканями Сиріи и Персіи. Описаніе сосуда предшествуется очеркомъ взглядовъ на коптское искусство, которое „слѣдуетъ выдѣлать въ самостоятельную научную и художественную область“, и заключается библиографіей по исторіи коптскаго искусства (стр. 230—246)—XII. Археологическая находка конца X в. въ Глазовскомъ у. Вятской губерніи, А. А. Спицына: находка сдѣлана въ 1883 г. и состояла: изъ серебряной гривны обычнаго типа, бляхи серебряной съ изображеніемъ сцены охоты, двухъ мѣдныхъ изображеній всадниковъ, трехъ

серебряныхъ серегъ, перстня, двухъ серебряныхъ бляхъ и семи диргемовъ второй половины X в. (стр. 247—248).—*Протоколы* Общества 1893 г. (стр. I—LXXIX). Въ приложеніяхъ отзывы о сочиненіяхъ: 1) В. К. Мальмберга „Метопы древнегреческихъ храмовъ“. Рецензентомъ (А. Н. Щукаревымъ) изложено содержаніе труда Мальмберга, капитальнаго „вклада не только въ русскую, но и въ общую археологическую науку“ (стр. LXXX—LXXXIII). 2) „Памятники древнерусскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи“ М. Т. Преображенскаго; въ числѣ недостатковъ работы отмѣчено (В. В. Сусловымъ) невѣрное опредѣленіе первоначальнаго типа пятиглавыхъ церквей, какъ прямоугольныхъ (а не квадратныхъ) въ основаніи, недостаточно ясно показанное соответствіе между внутреннимъ и наружнымъ перекрытіями церквей (LXXXIV—LXXXVII). 3) „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“ Н. В. Покровскаго: А. И. Кирпичниковъ, изложивъ содержаніе разбираемаго имъ сочиненія, дополнилъ матеріалъ по иконографіи разобранныхъ Н. В. Покровскимъ сюжетовъ преимущ. западными параллелями (LXXXVIII—CXL). Далѣе слѣдуютъ: указатель географич. и личныхъ именъ въ томѣ, списокъ членовъ Общества. Въ приложеніяхъ продолженіе изданія В. В. Латышева—тексты греческихъ писателей, касающихся Черноморскаго побережья, съ переводомъ на русскій (стр. 377—552).

М. Сп.

Sitzungsberichte d. Gesellschaft für Geschichte u. Alterthumskunde d. Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1895. Riga, 1896, 8°, 180.

Годовыя „Извѣстія“ рижскаго Общества Исторіи и Древностей представляютъ книжку небольшую и компактную, изданную дешево и аккуратно и богатую интереснымъ матеріаломъ. Главную часть составляютъ протоколы 9 засѣданій за 1895 г., при чемъ главные доклады напечатаны цѣликомъ, какъ приложенія, а содержаніе другихъ изложено въ протоколахъ. Въ концѣ книги—списокъ докладовъ со ссылками на страницы книги.

И въ этомъ, какъ въ 1894 г., Общество оживленно готовилось къ Рижскому Археологическому Съѣзду: докладами, раскопками, заботами о выставкѣ. Въ мартѣ, подъ предсѣдательствомъ графини Уваровой состоялось собраніе по Съѣзду, учредившее Предварительный Комитетъ съ г. Веттихеромъ во главѣ.

Проф. Розенбергъ копалъ у *Буртнесскаго озера*, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ уже находками каменнаго вѣка ¹⁾: у хутора Свейнеке (найлены теперь каменные: кельтъ, ножъ, буса; затѣмъ кремни, глиняный черепокъ) и на богатомъ кухонными отбросами холмѣ Риннекальнъ, на р. Салисѣ. Риннекалькъ раскапывали уже: гр. Сиверсъ, одинъ и съ Вирховомъ, и Зоммеръ; теперь найденны: каменный конецъ копья, точильный брусокъ, 17 отдѣланныхъ костей (ножи, пилы, шила, стрѣлы, копья), 12 отдѣланныхъ зубовъ (лось, *bos*

¹⁾ Н. Н. Харузинъ. *Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губ. по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей*. Ревель, 1894 г., стр. 15—19.

primigenius, кабанъ, медвѣдь, малые хищники, жвачнос); въ массѣ кухонныхъ отбросовъ представлены: bos primigenius, бобръ, кабанъ (т. е. три вымершіе вида), лось, медвѣдь, барсукъ, заяцъ; корова, овца, свинья, собака; утки, гуси, лебеди; рыбы (щучьи челюсти) и особенное множество раковинъ, отъ которыхъ и земля стала сѣрватою.

Въ Кремонскомъ приходѣ, у *Нейюфа*, проф. Хаусманнъ съ товарищами добылъ при раскопкахъ бронзовое копьё—первое на материкѣ Лифляндіи ¹⁾; могилы были и съ сожженіемъ, и съ погребеніемъ; два изъ кургановъ послѣдняго рода были окружены каждый валомъ. Въ *Кремонъ*, гдѣ всѣ курганы были уже раскопаны или тронуты, теперь копалъ г. Якшъ. Открыты бусы стеклянныя (округлыя, позолоченныя и посеребренныя); бусы золотыя и серебряныя (цилиндрическія); у лѣваго плеча кусочекъ дерева, обвитый бронзовою спиралью, и въ томъ же направленіи, у живота, кусочекъ дерева же (какъ полагаетъ г. Якшъ, остатки жезла; ср. *Bähr. Die Gräber d. Livon*, табл. XV, 14); бронзовая спираль, сант. въ 8, лежала, вздѣтая на ремешокъ, на овальномъ кусочкѣ кожи въ $11\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ стм. (по мнѣнію г. Якша, сохранившаяся часть ожерелья); наконецъ открытъ желѣзный топоръ, похожій на рис. 5 табл. XVIII Осборна въ „*Das Beil u. seine Typen in Vorhistor. Zeit*“ и на рис. 5 табл. XV „*Люцинскаго могильника*“. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ находимы были отдѣльные кремни. Могильникъ въ *Кайпенъ* разрытъ г. Бухгольцомъ съ товарищами. Вещи оказались родственными съ Люцинскими; особенно типична фибула (ср. „*Люцинскій могильникъ*“, табл. VI, 17) — „свиная“, какъ предлагаетъ назвать ее Бухгольць; Кайпенскій экземпляръ былъ изъ трехъ металловъ: основа—жѣдная, окладка—серебряная, игла — желѣзная. Кромѣ одной, найденной у Либавы (*Necrolivonica*, табл. 35, d.), въ Ливоніи фибулъ этой формы доселѣ не находили. Бухгольць приписываетъ могильникъ латышамъ, основываясь на выводахъ Билленштейна о расселеніи латышей ²⁾ и на родствѣ вещей съ вещами въ Ашераденѣ, Кукенхузенѣ, Дюнгофѣ, Одсенѣ, и отмѣчаетъ отсутствіе орнамента „волчьимъ укусомъ“, столь частаго у ливовъ и эстовъ, и рѣдкаго у латышей. Въ *Кардисъ* (извѣстному по мирному договору Россіи со Швеціей въ 1661 г.) гг. Шредеръ и Думбергъ раскопали еще въ 1889 г. каменный общественный могильникъ съ сожженіемъ (*Steinreihen-Brandgrab*) ³⁾ и среди интересныхъ вещей нашли круглую фибулу съ красной, зеленой, бѣлой и синей эмалью. Нынѣ гг. Хаусманнъ и Левисъ-офъ-Менаръ раскрыли другой такой же могильникъ. Среди поля было необработанное (указаніе на камни) пространство въ 25 × 15 метровъ, заросшее дерномъ и кустами. На уровнѣ почвы лежали

¹⁾ Предметы бронзоваго вѣка крайне рѣдки въ Прибалт. краѣ: въ 1894 году ихъ было извѣстно, повидимому, не болѣе пяти счетовъ. *Харузинъ*, 32.

²⁾ *A. Bielenstein. Die Grenzen d. lettischen Sprache in d. Gegenwart u. im XIII. Jahrhundert.*

³⁾ О могилахъ этого рода, которыя прежде назывались «корабельными», которыя Хаусманнъ назвалъ «*Steinreihengräber*», а Висковатовъ и Харузинъ называютъ «общественными могильниками съ сожженіемъ», см. *Харузинъ*, с. 62 стр.

близко другъ отъ друга или вплотную камни, длиною съ метръ, порой какъ бы правильными рядами, но не давая опредѣленной фигуры; среди нихъ гнѣздами остатки жженныхъ костей и вещи; до половины высоты большихъ каменной земля была покрыта въ промежуткахъ слоемъ камней съ кулакъ величиною. Въ юго-западномъ концѣ могильника найдены вещи бронзовыя (фибулы, спирали, цѣпи, перстни, браслеты), въ сѣверо-восточномъ—железныя (кельтъ съ ушкомъ, ножъ, кольца, игла), въ промежуткѣ не было металлическихъ вещей. Железныя вещи лежали внутри овальнаго двора, образованнаго большими камнями. Доселѣ въ Лифляндіи найдены были лишь одинъ кельтъ съ ушкомъ — въ Тарвастѣ (хранится въ Гельсингфорсѣ и изданъ Аспелиномъ). Могила докладчикъ относитъ къ раннему железнному вѣку II—V вв. по Р. Х. ¹⁾.

Прибалтійскій край очень богатъ *городищами*, и изслѣдованіе ихъ представляло бы большой интересъ; но оно не по средствамъ для мѣстныхъ Обществъ ²⁾. Въ 1895 г., вслѣдствіе постройки плотины было разрушено Монское городище (значительная эстская крѣпость, завоеванная нѣмцами въ 1227 г.—Генр. Лат. ХХХ, 4). По просьбѣ Общества, лифляндскій губернаторъ приказалъ сдѣлать чертежи городища, составить списокъ находокъ и передать вещи въ аренбургское Общество Изученія о. Эзеля; это большею частью железное оружіе и нѣмецкія монеты конца XII и нач. XIII в. Г. Кейслеръ, возражая Билленштейну, отождествлявшему древнюю латышскую Аутину съ Володимерцемъ—Вольмаромъ, указывалъ, что въ виду Генр. Лат. XVI, 7; XVII, 4 и 6; XVIII, 2,—medium identificationis Б—на, *Метимну* никакъ нельзя отождествлять съ Аутиной. Наконецъ К. Левисъ-офъ-Менаръ далъ статью о бывшемъ нѣмецкомъ замкѣ Фределандѣ, или Трейденѣ, построенномъ въ 1214 г., близъ разрушенной въ 1212 г. латышской Торейды. Д-ръ Транзе-Розенекъ прочелъ отрывки своего сочиненія „о до-нѣмецкой эпохѣ“—политической и культурной исторіи туземнаго населенія до XIII в.

Чтобы покончить съ временемъ древнимъ, упомянемъ, наконецъ, о докладѣ г. Хакманна, сообщившаго о способѣ, примѣняемомъ въ Гельсингфорсскомъ музеѣ для сохраненія железныхъ ископаемыхъ вещей: для вещей лежавшихъ въ песокъ и обратившихся въ массу ржавчины—погруженіе нѣсколько разъ въ 3 — 4% растворъ камеди въ обыкновенномъ ламповомъ спиртѣ; для вещей лучше сохранившихся, но не доступныхъ болѣе старательной очисткѣ—варка (минутъ 15, или пока идутъ пузыри, пока, слѣдовательно растворъ еще проникаетъ въ ржавчину) въ растворѣ одной части копаловой олифы на три части льнянаго масла; растворъ этотъ, до опусканія вещей долженъ согрѣться, при варкѣ ихъ не доходить до температуры кипѣнія (75°C); вещи погружаются завязанными въ тюрлѣ, а по вынутіи сушатся день на сѣткѣ, чтобъ стекало масло, а потомъ недѣли двѣ просто, будучи переворачиваемы каждые три дня.

¹⁾ О двухъ железныхъ періодахъ въ краѣ см. *Харузина* съ 83 стр.

²⁾ *Харузинъ*, 34—35.

Присланный по ходатайству графини Уваровой экземпляр „Описи Московской Оружейной Палаты“ далъ поводъ къ докладу знатока серебрянаго прибалтійскаго дѣла, г. А. Бухгольца (автора „Goldschmiedearbeiten“) — о серебряныхъ вещахъ рижскаго дѣла въ Оружейной Палатѣ. Сокращенно передавая изъ „Описи“ описаніе №№ 841, 988, 1591, 2076, 2164 (и указывая на большаго орла табл. 304) г. Бухголецъ прибавляетъ имена мастеровъ и даты. Замѣтимъ, что кромѣ этихъ пяти №№ Опись указываетъ рижскія марки въ №№: 842, 1167 и 2198; въ послѣднемъ клейма совсѣмъ тверды, и Ю. Д. Филимоновъ („Опись“, ч. 10) даетъ имя мастера (Андрей Беккеръ, мастеръ въ 1663 г.). Бухголецъ же сообщилъ о новой датѣ, какую даетъ Menadier, въ 3 т. „Deutsche Münzen“, мѣдной чашѣ съ медальонами имп. Оттона, найденной у Феллина въ 1886 г.; онъ относитъ ее не къ XI, а къ XII в. (дѣло, вѣроятно, магдебургское) и опредѣляетъ какъ *patenam chrismalem* — чашку, въ которой держали муро при муропомазаніяхъ. Тогда возможно, говорить Бухголецъ, что чашка эта употреблялась первыми нѣмецкими проповѣдниками при крещеніи туземцевъ. Онъ же, возражая Сапунову (*Рѣка Западная Двина*. Витебскъ 1893 г.), приводитъ документы Рижскаго городского Архива, свидѣтельствующія о *трехъ* серьезныхъ работахъ по очисткѣ Двины: въ 1597—1606, 1619 и 1639 гг. Интересны здѣсь названія камней, подлежащихъ устраненію: русскіе всѣхъ ихъ называли *болванами* (Bollowan, Bolwan — „большой болван“, „малый болван“ просто „болван“), у туземцевъ же (die Undeutschen) они именовались описательно: *Батюшка* (lieber Vater), *Батюткинъ смуга*, *Жаба*, *Злой отъстникъ*, *Ежъ*, *Беремъ большою*. Д-ръ Нейманнъ сообщилъ, по Mittheil. f. Geschichte d. Deutschen in Böhmen, 1870, содержаніе дневника торговца богемскимъ стекломъ, Крейбиха, ѣздившаго съ 1683 года семь разъ въ Прибалтійскій край, Польшу и Россію (гдѣ ему покровительствовалъ кн. В. В. Голицынъ). Далѣе отмѣтимъ доклады: о счетахъ купца Hinkeldau въ 1654—59 гг.; объ актахъ капитуляціи Юрьева (Дерпта) въ 1656 г.; о спискѣ рижскихъ ремесленниковъ изъ XVII в., о дневникѣ рижскаго городского ревизора Толькса въ 1700 — 1710 гг. (гг. Бушъ, Метгахъ, онъ-же, Винеманъ). — По просьбѣ предсѣдателя Общества бар. Бруйнингга, военно-историческое Отдѣленіе шведскаго Архива Генер. Штаба любезно дало справки о Іоганнѣ Крузе, antecessor matrimonii Петра Великаго. въ дополненіе къ справкамъ изъ бывшей ливонской оберъ-консисторіи (Sitzungsber. 1894, 117): дѣйствительно, нашлись свѣдѣнія о прохожденіи имъ службы въ шведскихъ войскахъ, въ дружинѣ эстляндскаго дворянства, съ 5 іюля 1702 г. по 2 мая 1710 г.; дальше свѣдѣній нѣтъ, что заставляетъ думать, что при капитуляціи Ревеля въ сентябрѣ 1710 г., онъ раздѣлилъ участь своего полка (полкъ Нирота), т. е. попалъ въ русскій плѣнъ. — Остальные доклады имѣютъ преимущественно мѣстное историческое значеніе.

Кончая обзоръ нашъ, не скроемъ, что намъ отрадно было убѣдиться, что не безплодно посылаются въ Ригу русскія ученые изданія: ихъ читаютъ,

по нимъ занимаются, и черезъ посредство ихъ мѣстные ученые входятъ въ общую жизнь русской науки.

Въ библиотекѣ Общества гг. Бинеманнъ младшій и Бушъ размѣщали систематично книги и составляли систематичный же карточный каталогъ; упорядочены отдѣлы: русскій, изданія рижскаго городского управленія и правительственный курляндскій, и образованъ вновь отдѣлъ археологii. Среди этихъ работъ въ библиотекѣ сдѣланы были оригинальныя находки: внутри *переплета* книги, изданной въ 1607 г. въ Лейпцигѣ найдены три листа игральныхъ картъ: двѣ одинаковыя колоды, въ 36 картъ каждая, принадлежащія концу XVI в. Вслѣдъ затѣмъ въ переплетѣ книги, изд. 1673 г. въ Нейссе, найдены три игральныя карты, которыя г. Уоллстонъ Франкъ (Британскаго Музея, знатокъ старинныхъ картъ) отнесъ къ концу XVII в.—Такъ, т. е. внутри переплета, была уже найдена одна изъ колодъ нюрнбергскаго Германскаго Музея.

С. С.

Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1895 (Юрьевъ, 1896 г.).—Мал. 8° (16°), 175 стр. Ц. 80 к.

„Извѣстiя“ Эстонскаго Ученаго Общества издаются по той же программѣ, какъ „Извѣстiя“ рижскаго Общ. Ист. и Древн. Но бюджетъ Эст. Общ. втрое меньше (ок. 1100—1200 р.), и книжка почти втрое меньше: слѣдовательно приходится часто ограничиваться сжатымъ указанiемъ на докладъ, вмѣсто подробнаго изложенiя. Пробѣлъ этотъ пополняется изданiемъ „Трудовъ“ (Verhandlungen) Общества, послѣднiй, 16-й томикъ которыхъ вышелъ тремя выпусками въ 1891—94 гг.

Въ отчетѣ истекшiй годъ названъ наиболѣе богатымъ работою за все, болѣе чѣмъ полулѣтнее существованiе Общества: въ этотъ годъ приведены въ порядокъ богатыя коллекцiи Общества, неосцѣнимыя для археологii края (въ томъ числѣ собранiе графа Сиверса), и шла оживленная подготовительная работа къ Рижскому Сѣзду. Знакомый Москвѣ проф. Рих. Хаусманнъ, окруженный своими помощниками, являлся тутъ не только главнымъ, но почти титаническимъ дѣятелемъ. Онъ велъ трудъ устройства музея Общества; объѣздивъ важнѣйшiя собранiя края, выбиралъ вещи для выставки; произвелъ раскопки: въ Кардисѣ (см. Sitzungsber. рижскаго Общ. Ист. и Др.), Аллацкиви, у Валька, Кремона, Iеве, Кукерса, Тюрпсаля, Вайвары, въ Феллинѣ, Хеймталѣ и Паюсѣ. Можно безъ преувеличенiя сказать, что выставка при Сѣздѣ будетъ болѣе всего его личнымъ созданиемъ.

Въ книжкѣ подробно описаны раскопки гг. Хаусманна и Кёрбера въ Вайварѣ. Въ сотнѣ шаговъ отъ моря и въ 30 шагахъ другъ отъ друга, было три кургана, поросшихъ елями и покрытыхъ мхомъ, изъ котораго торчали камни. Устройство всѣхъ трехъ оказалось одинаковымъ и типичнымъ: въ прибрежномъ пескѣ вырыта яма, глубиною съ метръ, и дно ея выравнено горизонтально; туда положены трупы, на спинѣ, съ СЗ на ЮВ (головой къ

С) на подстилкѣ изъ крупнаго хряща, простирающагося на такое же пространство, какъ кости. Въ одной могилѣ лежало два труна параллельно, (одинъ—лѣтъ 20-ти), въ другой—одинъ, въ третьей было одно регулярное погребеніе и одно беспорядочное, выше перваго. Возлѣ костей лежали кости животныхъ (опредѣлялись: кости коровы, лошадиный зубъ); одна кость была просверлена, другая обработана ножемъ. Рядомъ со скелетами, на матерой землѣ, оказывались угли и зола: тризна совершалась, когда трупъ еще не былъ зарытъ, и кости животныхъ, зола и уголь, вѣроятно, намѣренно сыпались въ яму. Вещей найдено не было. Послѣ тризны трупъ засыпался землею, а затѣмъ (въ ямѣ и поверхъ ея) камнями, иногда больше головы, иногда больше метра величиною, и получались „каменные курганы“ (Steinhügelgräber). Снаружи поперечникъ кургана былъ 6—7 м., что было необходимо, какъ указываетъ г. Кёрберъ, при рытвѣ въ морскомъ пескѣ ямы, въ метръ глубиною; высота кургановъ была 0,50 — 1,10 м. Всѣ три кургана были, вообще говоря, цѣлы. Тѣмъ страннѣе то обстоятельство, что въ одномъ изъ нихъ (во 2-омъ) внизу оказались только нижнія копечности, но лежавшія правильно въ порядкѣ, и съ подстилкой хряща только въ ихъ мѣру; выше, приблизительно на горизонтѣ почвы, лежали перепутанныя, но защищенныя камнями собственно кургана кости, несомнѣнно, другого чловека, такъ какъ среди нихъ были опять оба бедра; между тѣмъ каменное сооруженіе казалось нетронутымъ. Указавъ, что тризна и направленіе головой къ сѣверу *) говорятъ о языческомъ погребеніи, г. Хаусманнъ замѣчаетъ, что мы доселѣ знаемъ очень мало объ этскомъ курганномъ погребеніи; несомнѣнно извѣстна, какъ этская, только одна могила: Иннисъ при Везенбергѣ, гдѣ найденъ красивый уборъ X в. (собраніе Эст. Учен. Общ.). Въ 1894 г. д-ръ Шредеръ вскрылъ у Вирдскаго озера, въ Ранденѣ, могилу, похожую на вайварскія: и въ Ранденѣ несоженные кости лежали подъ каменной кучей, и не было вещей; но тамъ не было костей животныхъ, а покойники (ихъ было не менѣе двухъ: одинъ—взрослый, другой—ребенокъ) лежали на каменной настилкѣ, подъ которой былъ еще песокъ, а затѣмъ только матерая земля. И такъ, вайварскіе курганы представляютъ пока особый типъ, черты котораго: положеніе покойника на матерой землѣ, безъ вещей, подъ большой кучей камней, и находженіе въ могилѣ костей животныхъ.

О раскопкахъ пр. Хаусманна у Кремона (въ Нейгофѣ), гдѣ найдено бронзовое копьё, и въ Кардасѣ, гдѣ разрытъ каменный общественный могильникъ, см. Sitzungsber. рижскаго Общ. Ист. и Др.

Г. Биленштейнъ раскопалъ два кургана въ Ней - Койкюллѣ (приходъ Пельве, въ Лифляндіи). Они были вышиною въ 1,40 и въ 1 м., близъ вершины оказались обожженныя людскія кости и съ ними: украшеніе изъ медвѣжьей кости, бронзовая спираль съ узоромъ волчьимъ укусомъ, бронзовая бляха; ниже, на уровнѣ почвы — погребенія (въ одномъ случаѣ скелетъ

*) Харузинъ, 135.

старика, длиною 1,74 м., головою на востокъ) и при нихъ желѣзные: сѣкира, наконечники копій и кольцо, бронзовая фибула подковой, отчасти посеребренная (такая фибула была найдена въ Везенбергѣ съ арабской монетою X в.), бронзовыя спирали (такія же, какъ упомянутая спираль въ верхнемъ сожженіи), орѣховая съ бронзовой проволокой рукоятка желѣзнаго ножа, остатки серебрянаго головного убора и (м. б. къ нему же) бронзовая цѣпь и наконецъ, глиняные сосуды: въ ногахъ у старика стоялъ горшокъ въ 11 см. выш. и рассыпавшаяся чашка около 21 см. въ поперечникѣ; въ другой могилѣ стояло по горшку на З и на В, въ разстояніи 7—8 футовъ другъ отъ друга. Обстановка эта обычная въ курганахъ этскаго края, и пр. Хаусманнъ готовъ предположить эти курганы этскими и относить ихъ къ XI в. (и нижнее погребеніе, и верхнее сожженіе).

Общество живо интересуется этской стариной. Такъ, маститый предсѣдатель его, проф. Лео Мейеръ, изъ своихъ двухъ докладовъ одинъ посвятилъ лифляндскому нѣмецкому словарю Гутцейта, а другой—источникамъ этскаго языка; далѣе Общество заботилось о расширеніи своего этнографическаго собранія, а г. Юнгъ, учитель въ Абіа, черезъ воззваніе въ этскихъ газетахъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ, отмѣченныхъ археологическими памятниками и народными преданіями, и въ 70 отвѣтахъ изъ разныхъ мѣстностей получилъ богатый матеріалъ для археологической карты. Кстати отмѣтимъ любопытный рассказъ г. Хаусманна о старомъ крестьянинѣ, приходившемъ изъ-подъ Феллина въ Вайвару посмотрѣть могилу Калевича, мѣстоположеніе которой (на среднемъ изъ трехъ кургановъ) онъ описалъ, а затѣмъ легко нашель, хотя самъ прежде не былъ тамъ и хотя въ Вайварѣ этого преданія не знали, а изслѣдователи также не знали преданія о подвигахъ Калевича въ восточной части Вирландіи.

По поводу вопроса о библіотекѣ Іоанна Грознаго пр. Хаусманнъ, вообще интересуясь пропавшей рукописью Дабелова, напечаталъ воззваніе съ описаніемъ сборника и съ просьбой сообщить, если онъ гдѣ найдется. Вар. Толль прочелъ о пасторѣ Веттерманѣ въ 1547—1555 г., по актамъ Юрьевской Думы (тотъ же источникъ у Клоссиуса, *Dorpaten Jahrbücher*, III, 1834 г.).

Г. Штильмаркъ прислалъ изъ Твери фотографію серебрянаго потира, принадлежащаго Тверскому Музею; самая чаша—русскаго дѣла, а низъ—искуснаго нѣмецкаго, съ головками ангеловъ и съ надписями, на стоянѣ: „Gott help“ и ниже „Maria“, а на поддонѣ: „Dieser Kelch gehört zu Sanct Katharinen den jungfrauen“, т. е., какъ объясняетъ г. Хаусманнъ, бывшему нѣкогда въ Юрьевѣ дѣвичьему Екатерининскому монастырю, относясь не позднѣе какъ къ XV в.

С. С.

VII.

Некрологи.

† А. П. Богдановъ.

Ученый миръ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 16 марта Анатоля Петровича Богданова, человѣка, который въ 60 лѣтъ своей жизни „проработалъ два столѣтія“, какъ говорилъ про него Вирховъ.

Не касаясь ни высокихъ заслугъ Анатоля Петровича передъ русской зоологіей, ни выдающагося значенія его, какъ международнаго ученаго, мы помянемъ здѣсь, что для антропологіи въ Россіи онъ былъ глашатаемъ, водворителемъ, передовымъ и главнымъ дѣятелемъ; что, благодаря ему, въ Моск. унив. создана въ 1872 г. кафедра антропологіи; что имъ основаны въ Москвѣ музеи: Политехническій, Этнографическій и Антропологическій и Общество Любителей Естественнаго, Антропологіи и Этнографіи; что онъ организовалъ московскіе съезды: Этнографическій въ 1867 г. и Международный Антрополого-археологическій въ 1892 г. и устроилъ выставки при этихъ съездахъ и Антропологическую Выставку 1879 года.

Въ составъ Моск. Археол. Общ. А. П-чъ вошелъ въ первый же годъ основанія Общества, когда, побуждаемый раскопками А. А. Гатцука, онъ приступилъ къ систематическому и обширному изслѣдованію кургановъ Московской губерніи, и графъ А. С. Уваровъ, въ первомъ годовомъ собраніи Общества, привѣтствовалъ трудъ А. П-ча: „*Курганное племя Московской губерніи*“ *), и указывалъ на важность для науки такихъ изслѣдованій. Раскопки продолжались и въ 1866 г., и плодомъ ихъ появились „*Матеріалы для археологическаго изслѣдованія кургановъ Моск. губ.*“ (въ „Извѣстіяхъ Общ. Люб. Естествозн.“, т. IV, 1867 г.).

Затѣмъ въ изданіи „Антропологическая Выставка“, въ т. III—V („Изв. Общ. Люб. Естествозн.“, т. XXXI, XXXV и XLIX, 1879—1882 г.), Богдановымъ помѣщены 28 статей, заключающихъ изслѣдованія имъ череповъ: каменнаго вѣка въ Россіи; курганныхъ: изъ Черниговской губерніи (сѣверяне—двѣ статьи), Курской (Суджане на Пселѣ), Полтавской (скиво-сарматской эпохи), Смоленской (2 статьи), Тверской; древнихъ Болгаръ; кургановъ: Приуральскихъ, Тарскаго округа, Тобольской губерніи, Мордовской земли и Касимова; Крымскихъ могилъ, Херсонеса, Инкермана и кургановъ Войска Донскаго; кавказскихъ дольменовъ, кургановъ и могилъ; древнихъ киевлянъ, древнихъ новгородцевъ; московскихъ кладбищъ XVI—XVIII вѣка.

Кромѣ того, въ трудахъ С.-Петербургскаго Съезда Естествоиспытателей въ 1879 г. (и въ книгѣ Иностранцева: „До-историческій человѣкъ по-

*) Въ „Извѣстіяхъ Моск. Унив.“ 1865 г. и отдѣльно.

бережья Ладожскаго озера“) имъ помѣщена статья „Человѣкъ каменную эпоку“, а въ „Путешествіи въ Туркестанъ“ А. П. Федченка (Изв. Общ. Л. Естеств., т. XXXIV)—антропологическія замѣчанія.

Въ 1892 году А. П. подвелъ итоги этимъ 27-лѣтнимъ работамъ въ замѣчательномъ докладѣ на Международномъ Сѣздѣ въ Москвѣ: „*Quelle est la race la plus ancienne de la Russie Centrale?*“ (Congrès International d'Archéologie préhistorique et d'Anthropologie, 11-me session, à Moscou, 1892). Здѣсь онъ обозрѣлъ свои предшествовавшія работы и постепенные выводы ихъ и свелъ ихъ въ одно цѣлое.

Въ 1888 г., когда праздновалось 30-лѣтіе ученой дѣятельности Анатолія Петровича, Московское Археологическое Общество поднесло ему адресъ и избрало въ свои почетные члены. Нынѣ, на основаніи предложенія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, Моск. Археол. Общ. постановило и у себя открыть подписку на памятникъ А. П. Богданову и на стипендію его имени.

† А. К. Жизневскій.

Едва прошло три дня со смерти А. П. Богданова, какъ новая утрата постигла русскую археологическую семью: 19 марта скончался въ Твери А. К. Жизневскій, самоотверженный основатель и ревностный хранитель и глава Тверскаго Музея и Тверской Архивной Комиссіи.

А. К., уже будучи 52 лѣтъ отъ роду, принялъ въ 1872 г. въ свое завѣдываніе коллекцію тверскихъ древностей (собранную губернаторомъ кн. Багратиономъ по случаю проѣзда наследника цесаревича Александра Александровича въ 1866 г.), въ которой было въ то время едва 5—6 сколько-нибудь интересныхъ предметовъ, не считая горшка древнихъ денегъ. Средства у Музея ни тогда, ни доселѣ не было никакихъ, кромѣ (въ послѣднее время) пособія въ 120 р. Но А. К. отдавалъ и свой трудъ, и свои средства Музею, прибрѣталъ для него вещи, привлекалъ пожертвованія древностей, изучилъ ради Музея русскую археологию, составилъ описаніе Музея, и до конца жизни не переставалъ горячо заботиться о немъ. Въ послѣднее время ему удалось исходатайствовать для Музея помѣщеніе отъ дворцоваго Вѣдомства, въ сѣверномъ флигелѣ Тверскаго Дворца (прежнее помѣщеніе было и тѣсно, и отбирается нынѣ владѣльцемъ), приспособилъ его для помѣщенія Музея и обратился въ Моск. Археол. Общ. съ просьбой помочь и при устройствѣ Музея въ новомъ помѣщеніи, и въ заботахъ о дальнѣйшемъ упроченіи судьбы его. Во время предсмертной болѣзни А. К. отложилъ 1000 р. изъ своихъ денегъ, назначивъ ихъ на переносъ Музея, и за часъ до кончины послалъ ихъ губернатору съ собственноручной запиской, гдѣ просилъ употребить ихъ для этой цѣли.

Моск. Археол. Общ. съ искреннимъ сочувствіемъ отнеслось къ забо-
археолог. изв. и зам. 1896 г. № 4.

тамъ и просьбѣ А. К-ча, обсуждало дѣло о Музеѣ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и не перестаетъ заниматься имъ. А около 20-хъ чиселъ апрѣля председатель Общества графиня П. С. Уварова ѣздила въ Тверь для переговоровъ съ Тверской Архивной Коммиссіей, губернаторомъ и высокопреосвященнымъ архіепископомъ Саввой. Графиня встрѣтила у всѣхъ самое теплое отношеніе къ памяти почившаго и самую искреннюю готовность поддержать и упрочить его просвѣтительное дѣло. На мѣстѣ были обсуждены основанія, на которыхъ могъ бы быть упроченъ Музей, и въ непродолжительномъ времени Архивная Коммиссія внесетъ въ Общество подробно разработанный проектъ по этому предмету.

Тверская Архивная Коммиссія основана въ 1884 году. Дѣятельность А. К. Жизневскаго въ качествѣ председателя ея; его заботливость о занимающихся, его дѣятельная помощь въ занятіяхъ, въ добываніи ученыхъ пособій и т. п.; тактъ, широта взгляда и внимательность къ потребностямъ и обстоятельствамъ—высоко оцѣнены всѣми, кто знакомъ съ ходомъ занятій въ Коммиссіи.

Въ „Древностяхъ“ М. А. О. напечатанъ рядъ статей и замѣтокъ А. К-ча. Такъ, въ IV т., 1874 помѣщены статьи „Объ иконѣ Спасителя, хранящейся въ Новоторжскомъ Борисоглебскомъ монастырѣ“ — предполагаемое „моленіе Іоанна IV“; въ т. VI, 1876 г.—„Село Пречистое-Каменка, Новоторжскаго уѣзда“; въ VIII т., 1880 г.—„Древній Архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря“; въ тт. VII, IX — XII, 1877 — 1888 печатался главный трудъ А. К-ча: „Описаніе Тверскаго Музея“, въ которое вошла большая часть мелкихъ замѣтокъ А. К-ча, напечатанныхъ въ „Древностяхъ“.—Въ „Трудахъ Моск. Нумизмат. Общ.“, вып. I, 1893 г. изданы „Монеты Городецкія, или Городецкія“.

С. С.

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описание Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлиси. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съезда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Матеріалы по археологій Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894, Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологій восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 71 и 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм.

Т. I, три выпуска по 4 р.

Т. II, вып. I Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Комиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочтанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25 лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памати Н. С. Тихомирова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200/0, библиотекамъ учебныхъ заведеній - 250/0, книгопродавцамъ—300/0.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VІІ. Монеты Восторскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова, Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой. 2 тома. II. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ учебныхъ заведеній 250/0.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневакая набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневакая набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневакая набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замятокъ“.

ИЗДАВЛЯЕМА

НА ИМПЕРАТОРСКИЯ

МОСКОВСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЯ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 5—6.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 5 — 6.

	<i>Стр.</i>
I. Н. Н. Харузинъ. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккеиху-зена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мня. Юстиціи	131
II. В. Виттыгъ. Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы.	134
III. В. А. Гамбурцевъ. Забѣтки о ремонтѣ Старога Печатнаго Двора при Московской Синодальной Типографіи	141
IV. Археологическая хроника.	145
V. Засѣданія ученыхъ Обществъ	164
VI. Библиографія	182
VII. Некрологи.	201

ПЯТЯЯЯЯ

НА ПЕРГАМЕНАХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I.

О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи.

Коккенхузенъ (Коккенойсъ, русс. Куkenосъ, Кокешоусъ) представлялъ, какъ извѣстно, передовой оплотъ русскаго владычества по теченію р. Зап. Двины въ моментъ появленія въ современныхъ балтійскихъ губ. нѣмецкихъ завоевателей. Естественно, что онъ при поступательномъ движеніи на востокъ новыхъ покорителей края долженъ былъ первымъ пасть подъ ихъ натискомъ. Русскій князь Вячко (Вячеславъ) сжегъ городъ, чтобы не отдать его нѣмцамъ, ушелъ въ Россію, но черезъ 1½ десятка лѣтъ мы его снова видимъ на балтійской окраинѣ, гдѣ онъ укрѣпляетъ г. Юрьевъ, дѣлаетъ его центромъ борьбы съ нѣмцами и, наконецъ, въ 1224 г. погибаетъ геройскою смертію при взятіи Юрьева рижскимъ епископомъ и Орденомъ. Стратегическое положеніе Коккенхузена дѣлаетъ его операционнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій Нѣмцевъ противъ другого русскаго города Герцике, а послѣ паденія его Коккенхузенъ является крѣпкой защитой для Риги на случай нападенія

на нея съ востока. Такимъ образомъ, роль Коккенхузена по переходѣ его въ руки Нѣмцевъ совершенно видозмѣняется: изъ передового оплота русскаго владычества на Двинѣ онъ становится послѣдней твердыней съ востока, назначеніе которой задержать враговъ передъ наступленіемъ на Ригу. Его снабжаютъ значительными укрѣпленіями, окружаютъ высокими стѣнами съ крѣпкими башнями, однимъ словомъ небольшой, вѣроятнѣе всего земляной и деревянный городъ русскаго князя удѣльнаго періода, вырастаетъ въ могущественный замокъ среднихъ вѣковъ.

Исторія Коккенхузена до начала большихъ войнъ Россіи съ Ливонскимъ Орденомъ, а впоследствии съ Польшей и Швеціей не имѣетъ непосредственнаго, большаго интереса для русской исторіи, въ узкомъ значеніи этого слова. Совершенно наоборотъ, значеніе его ярко выступаетъ во время военныхъ походовъ Русскихъ на балтійскія окраины въ XVI и XVII в.в. Намъ сравнительно мало извѣстно, что представлялъ изъ себя въ то время Коккенхузенъ и чѣмъ выражалось краткое господство въ немъ Русскихъ.

Съ этой точки зрѣнія нѣкоторый интересъ представляютъ найденные среди документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи М. В., Довнаромъ-Запольскимъ и мною данныя, обрисовывающія положеніе городовъ въ два различныхъ періода его исторіи.

Ливонская война Ивана Грознаго привела къ уничтоженію Ордена, какъ самостоятельной государственной единицы, и вынудила тогдашнихъ представителей Ордена отдаться подъ власть могущественной въ то время Польши. Вскорѣ послѣ этого производится неизвѣстная еще въ печати, въ цѣломъ видѣ по крайней мѣрѣ, подробная опись королевскихъ замковъ, въ числѣ которыхъ находился Коккенхузенъ. Документы, найденные М. В. Довнаромъ-Запольскимъ, относятся къ концу XVI в. и содержатъ подробное внѣшнее описаніе замка, количество жителей, привилегій, полученныхъ послѣдними, равно и количество угодій; приписанныхъ къ замку, повинностей, лежащихъ на крестьянахъ и пр., однимъ словомъ, даетъ цѣльное представленіе о томъ, чѣмъ былъ Коккенхузенъ вскорѣ послѣ перехода его къ Польшѣ. Оставляя въ настоящее время въ сторонѣ подробное изложеніе, какъ другихъ, такъ и послѣдующихъ документовъ, изложеніе которое мы имѣемъ въ виду сдѣлать соединенными съ г. Довнаръ-Запольскимъ силами, мы не можемъ не указать, что открытыя г. Д.-Запольскимъ данныя, кромѣ интереса новизны, важности, благодаря полнотѣ и цѣльности свѣдѣній, представляютъ между прочимъ и тотъ интересъ, что обрисовываютъ намъ, съ какой твердыней должны были встрѣтиться русскія войска при походѣ царя Алексѣя Михайловича: слова царя Алексѣя Михайловича,

написанныя имъ въ письмѣ въ Москву послѣ взятія Коккенхузена, и полныя сознанія совершеннаго войскомъ взятіемъ города труднаго подвига, получаютъ вполне понятное значеніе, благодаря открытымъ г. Довнаръ-Запольскимъ документамъ.

Найденныя мною свѣдѣнія касаются отчасти взятія города русскими, отчасти эпохи пребыванія въ немъ русскихъ войскъ. Коккенхузенъ, переименованный въ *Новый царевичевъ Дмитріевъ городъ*, играетъ немаловажную роль въ исторіи войны: онъ служитъ также важнымъ пунктомъ для военныхъ операций Русскихъ. Стратегическое значеніе города объясняетъ, почему послѣ взятія его Русскими дѣлается Шведами рядъ попытокъ къ возвращенію крѣпости въ свои руки. Документы, относящіеся къ этому періоду, состоятъ преимущественно изъ грамотъ, находящихся въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ воеводамъ, отписокъ этихъ послѣднихъ о состояніи города, о мѣрахъ управленія, о военныхъ дѣйствіяхъ и пр. Они въ связи съ опубликованными уже во 2-мъ томѣ „*Актовъ Московскаго Государства*“ свѣдѣніями бросаютъ свѣтъ какъ на дѣятельность Русскихъ во вновь покоренномъ городѣ, такъ и на нѣкоторыя стороны хода войны и представляютъ такимъ образомъ въ известной степени интересъ какъ для исторіи самого Царевичева-Дмитріева города, такъ и для исторіи этой войны вообще.

Не имѣя возможности въ настоящій моментъ въ виду краткости времени излагать подробнѣе содержаніе документовъ и надѣясь, какъ я уже указывалъ, представить результаты нашей совмѣстной работы въ полномъ видѣ въ недалекомъ будущемъ, мы вынуждены были ограничиться лишь краткимъ указаніемъ на значеніе найденныхъ документовъ. Коккенхузенъ сохраняетъ до настоящаго времени развалины своихъ нѣкогда грозныхъ укрѣпленій; его историческая роль закончилась съ покореніемъ балтійской окраины Русскими, и едва ли этому бывшему въ началѣ XIII в. оплоту Русскихъ противъ нѣмецкаго владычества края и въ послѣдующіе вѣка, наоборотъ, оплоту нѣмецкаго господства противъ завоеваній Русскихъ, предстоитъ когда-нибудь подняться изъ своихъ развалинъ. Тѣмъ интереснѣе его многовѣковая исторія, исторія города, переходившаго изъ рукъ въ руки, бывшаго долгое время предметомъ стяжаній различныхъ національностей, часто чуждыхъ другъ другу по происхожденію и культурѣ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сражались между собой изъ-за обладанія восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря. Эти соображенія и заставили г. Довнара-Запольскаго и меня отнестись съ особымъ вниманіемъ къ документамъ, освѣщающимъ хотя бы и краткіе періоды жизни именно этого города.

Конечно Коккенхузенъ въ своихъ историческихъ судьбахъ не явля-

ется единичнымъ: многимъ другимъ какъ болѣе, такъ и менѣе важнымъ древнимъ укрѣпленнымъ пунктамъ въ современныхъ балтійскихъ губ. выпадала тревожная судьба. Частью исторія ихъ уже подвергалась изученію, частью еще ждетъ изслѣдователей. Среди сокровищъ, которыя хранитъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи для современныхъ и будущихъ изслѣдователей русской исторіи, находится масса документовъ, имѣющихъ специальное значеніе для изученія прошлаго современныхъ балтійскихъ губ., какъ въ допетровскій періодъ, такъ и въ эпоху, послѣдовавшую послѣ покоренія, документовъ, освѣщающихъ исторію какъ управленія, такъ и быта населенія края. Мы считаемъ особеннымъ долгомъ обратить вниманіе на нихъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ содержаніемъ документовъ Архива Министерства Юстиціи, посвящая свои силы на детальную разработку прошлаго края и отдѣльныхъ городовъ, входившихъ въ составъ древней Ливоніи, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, упускали изъ вида источникъ, одинъ изъ наиболее богатыхъ новыми и цѣнными данными для интересовавшихся ихъ вопросовъ: только соединенное разработываніе богатыхъ данныхъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, съ важными свѣдѣніями, которыя можно почерпнуть изъ документовъ столичныхъ архивовъ, въ частности и Моск. Архива Мин. Юстиціи, можетъ привести къ подробной, обстоятельной и всесторонней „Исторіи Балтійскаго края“.

Н. Харузинъ.

II.

Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы ¹⁾).

(Археологическая повѣдка въ Ленчицу осенью 1895 года В. М. Виттыга и В. Я. Криваксина).

Доисторическія поселенія и городища въ Польшѣ, въ странѣ, представляющей равнину, располагались въ мѣстахъ недоступныхъ, чтобы такимъ образомъ защитить себя отъ нападеній непріятелей. Такими недоступными мѣстами въ прежней Лехіи (Lechia) были берега рѣкъ, топи или озера; въ такихъ мѣстахъ образовались доисторическія посе-

¹⁾ *Balinski M. i Lipinski T. Starożyta Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. Warszawa (1893, 4, 6, 8°, T-w 3). T. I. str. 257—267.*

Zuszczykowski W. Kościół kolegiacki łeczycki we wsi Tumie, zabyten architektury XII wieku. Kraków 1879, 4° str. 26, tabl. 8

ленія: Тржемешно, Крушвица, Гвѣзно и другія (Trzemeszno, Kruszwica, Gniezno), а также положено и основаніе доисторическому поселенію Ленчиць (Lenzusa, Lanciscia), названіе котораго показываетъ, что оно расположено на Legu, т. е. мѣстѣ низкомъ, на топяхъ, образованныхъ рѣкою Бзурою. Ленчица оказывается существующей уже во времена Мечислава I. Изъ достовѣрныхъ указавій можно видѣть, что послѣ принятія христіанской вѣры здѣсь строится костель Мечиславомъ I. Такъ какъ введеніе христіанства въ Польшѣ встрѣчало отпоръ въ народѣ, то вслѣдствіе этого первоначальныя святини строились въ мѣстахъ укрѣпленныхъ. Такимъ образомъ во времена Мечислава I Ленчица была укрѣпленнымъ замкомъ (castellum), т. е. мѣстомъ расположеннымъ среди непроходимыхъ болотъ, который обладалъ насыпными валами, деревяннымъ частоколомъ и внутри котораго стоялъ деревянный замокъ. Костель, выстроенный Мечиславомъ I, былъ деревянный; по всей вѣроятности это былъ монастырь и именно тотъ деревянный монастырь, о которомъ упоминается въ 1136 г. въ буллѣ папы Иннокентія II. Первое свидѣтельство гѣтописи о замкѣ Ленчицеомъ находится подъ 1107 г., т. е. во время войны между Болеславомъ III Кривоустымъ и его незаконнымъ братомъ Збигнѣвомъ. Галлюсъ (Gallus), описывая эту войну, называетъ замокъ Ленчицкій стариннымъ (vetus castellum); булла же папы Иннокентія II называется монастырь Ленчицкій деревяннымъ. По всей вѣроятности, въ эту эпоху замокъ и валы разрушаются, а такимъ образомъ мало-по-малу замокъ уступаетъ мѣсто костелу.

Въ 1161 г. совершается посвященіе костела-коллегіаты, который существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Тума (Dum—Dom) и который, очевидно, выстроенъ на развалинахъ прежняго деревяннаго монастыря. Эта гранитная базилика безъ сводовъ, съ двумя башнями по бокамъ, имѣетъ чисто романскій стиль. Названіе свое—Тумъ онъ пріобрѣлъ отъ имѣвшихся у костела привилегій, такъ какъ вообще въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ старыя соборныя костелы, имѣющіе извѣстныя привилегіи, назывались тумами; отъ названія костела и деревня, образовавшаяся впослѣдствіи около него, тоже получила названіе Тумъ. Около коллегіаты, съ южной стороны выстроенъ былъ дворецъ для архіепископа которому была подчинена Ленчицкая коллегіата. Въ правленіе Казимира II Справедливаго, въ 1180 году здѣсь былъ съѣздъ духовенства и дворянъ (rapdów) на которомъ былъ постановленъ законъ противъ расхитителей духовныхъ имѣній; постановленіе этого закона указываетъ, что въ то время Ленчица была уже богатымъ и большимъ городомъ. Послѣ этого съѣзда въ коллегіатѣ совершались съѣзды

духовенства (synodu) которыхъ насчитывается 12 (последній отбылся въ 1507 году). Собранія духовенства именно здѣсь служатъ доказательствомъ, что первоначальная Ленчица была именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится деревня Тумъ, потому что съѣзды духовенства того времени только и бывали тамъ, гдѣ находились кромѣ соборнаго костела коллегіаты, еще укрѣпленный замокъ (castellum).

Въ 1241 г. около Ленчицы прошли Татары, не затронувъ однако ни города, ни коллегіаты. Причина этому, по всей вѣроятности, была та, что Ленчица была хорошо защищена, стоя между болотами, совершенно непроходимыми. Что Татары не разграбили Ленчицу, этому доказательствомъ служить то, что въ 1244 г. т. е. три года спустя послѣ набѣга Татаръ, въ Ленчицы собирается синодъ, а такой большой съѣздъ могъ только быть тамъ, гдѣ дома и постройки были нетронуты.

Въ 1256 г. Ленчица уже не представляется городомъ укрѣпленнымъ; въ этомъ году Болеславъ V (Wstydlivy) строитъ недалеко отъ костела новый замокъ и отдаетъ его Земовиту, князю Мазовецкому. Этотъ замокъ выстроенъ на 400 или 500 шаговъ отъ Тума, т. е. отъ г. Ленчицы на болотахъ; слѣды замка остались до сихъ поръ, валы, окружавшіе его, теперь уже распаханы. Народъ, привыкшій называть всѣ насыпи шведскими, далъ и этой насыпи то же имя, однако, эта насыпь не могла быть шведской потому, что расстояние ее отъ нынѣшней Ленчицы такъ велико (болѣе 3-хъ верстъ), что ядра съ нея не могли бы попадать въ нынѣшнюю Ленчицу, а такимъ образомъ нѣтъ причины предполагать, что у Шведовъ была какая нибудь цѣль устраивать подобную круглую насыпь.

Нападеніе въ 1304 г. Литвиновъ подъ начальствомъ Витенеса, въ четвергъ послѣ Троицы, наноситъ ударъ городу. Витенесъ перебилъ собравшійся на богослуженіе народъ, перебилъ также и духовенство. Историческія хроники описываютъ, что коллегіата, т. е. собственно костель, долго и упорно защищался пока непріятель не важегъ на немъ крышу. Что касается до того какъ велъ себя гарнизонъ сосѣднаго замка, объ этомъ хроники умалчиваютъ. Въ 1331 г. совершается опять нападеніе на Ленчицу рыцарей Тевтонскаго Ордена, однако ограничивается только разграбленіемъ города. Изъ слѣдствія произведеннаго послѣ этого въ 1339 г. папскимъ нунціемъ Гальгардомъ (Galhard de Carceribus) мы узнаемъ, что коллегіата не была разграблена а только разрушенъ замокъ, самъ же гарнизонъ замка подъ предводительствомъ Павла Огона укрѣпился въ коллегіатѣ.

Вслѣдствіе разрушенія замка Казимиръ Великій предпринимаетъ постройку города и замка на новомъ мѣстѣ и окружаетъ ихъ стѣнами;

на этомъ то мѣстѣ какъ остатки замка, такъ и стѣны существуютъ и до сихъ поръ; и это мѣсто и есть нынѣшній городъ Ленчица.

Со времени Казимира Великаго Тумъ остается исключительно во владѣніи духовенства и здѣсь архіепископъ строить свой новый дворецъ. Около этого времени въ 20 шагахъ отъ Тума строится донныѣ существующій деревянный маленькій костель св. Николая съ замѣчательнымъ главнымъ образомъ св. Николая, написаннымъ въ чисто византійскомъ стилѣ, со славянскими надписями—кириллицей. Этотъ костель до 1731 г. былъ приходскимъ, такъ какъ коллегіата прихода своего никогда не имѣла. Въ 1473 г. пожаръ уничтожилъ коллегіатскія постройки, а также крышу Тума, но костель св. Николая остался цѣлымъ; съ тѣхъ поръ постройки коллегіаты не возобновлялись, а духовенство строилось за стѣной, окружающей костель.

Въ 1370 г. Казимиръ Великій завѣщалъ Ленчицу—городъ, построенный на его теперешнемъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ замкомъ Казимиру князю Штетинскому. Людовикъ же Венгерскій наслѣдникъ Казимира промѣнялъ это наслѣдство на землю Добржинскую. Въ 1400 г. Владиславъ Ягелло даритъ городъ законами хелминскими (нѣмецкими) и сравниваетъ его во всѣхъ другихъ правахъ съ г. Калишемъ (давняя столица цѣльнаго княжества Калишскаго). Кажется, что въ эту эпоху или незадолго передъ тѣмъ, Ленчица получаетъ гербъ представленный у Балинскаго въ *Starożytna Polska*, гдѣ онъ взятъ изъ документа XIV вѣка. Я имѣю въ своей коллекціи нѣсколько иной гербъ, взятый съ печати XVIII вѣка.

Во времена Казимира Ягелло Ленчица играетъ въ исторіи Польши важную роль. Такъ, въ 1448 г. здѣсь былъ большой съѣздъ, на которомъ постановленъ статутъ, такъ называемый Ленчицкій. Здѣсь въ 1454 г. съѣзжаются обыватели прусскихъ городовъ, недавно присоединенныхъ къ Польшѣ. Здѣсь Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, проситъ короля о безпрепятственномъ устройствѣ маркграфства, отошедшаго отъ Тевтонцевъ. Здѣсь же князь Стопенскій умоляетъ о помощи въ возвращеніи своего маркграфства, захваченнаго тевтонцами, за то боюется быть вассаломъ Польши. Въ 1474 г. Казимиръ принимаетъ пословъ баварскихъ, добывающихся руки старшей королевны Ядвиги для князя Георгія;—а въ 1507 г. здѣсь происходитъ 12-ый и послѣдній синодъ, созванный примасомъ Польши, архіепископомъ Гнѣзненскимъ Николаемъ Держговскимъ.

Что въ XV вѣкѣ Ленчица, столичный городъ воеводства того же времени, принадлежитъ къ числу большихъ городовъ Польши: на это указываетъ тотъ фактъ, что, Ленчица даетъ во время прусской войны 25 вооруженныхъ пѣшихъ воиновъ. Въ XVI вѣкѣ Ленчица уже кло-

нится къ упадку, и конечный ударъ ей наноситъ нападеніе Шведовъ въ XVII столѣтіи. Занятая Шведами въ 1655 г., Ленчица опять переходитъ 14 октября къ полякамъ, добывавшимъ ее втеченіе 11 дней; занявъ Ленчицу, Поляки уничтожили все еврейское населеніе въ наказаніе за то, что Евреи кидали камнями въ штурмующихъ Поляковъ.

Восточная башня Ленчицкаго замка.

Окончательно замокъ разрушается во времена Августа II., въ Сѣверную войну когда черезъ нее постоянно проходили войска различныхъ національностей. Пруссаки занявъ Польшу, возобновили стѣны и башни и насыпали шанцы; въ 1807 г. австрійцы уничтожили шанцы и разрушили стѣны. Въ 1836 же году мѣстный бургомистръ разбираетъ стѣны для постройки новыхъ домовъ. О состояніи развалинъ замка въ настоящее время даетъ понятіе прилагаемый рисунокъ башни.

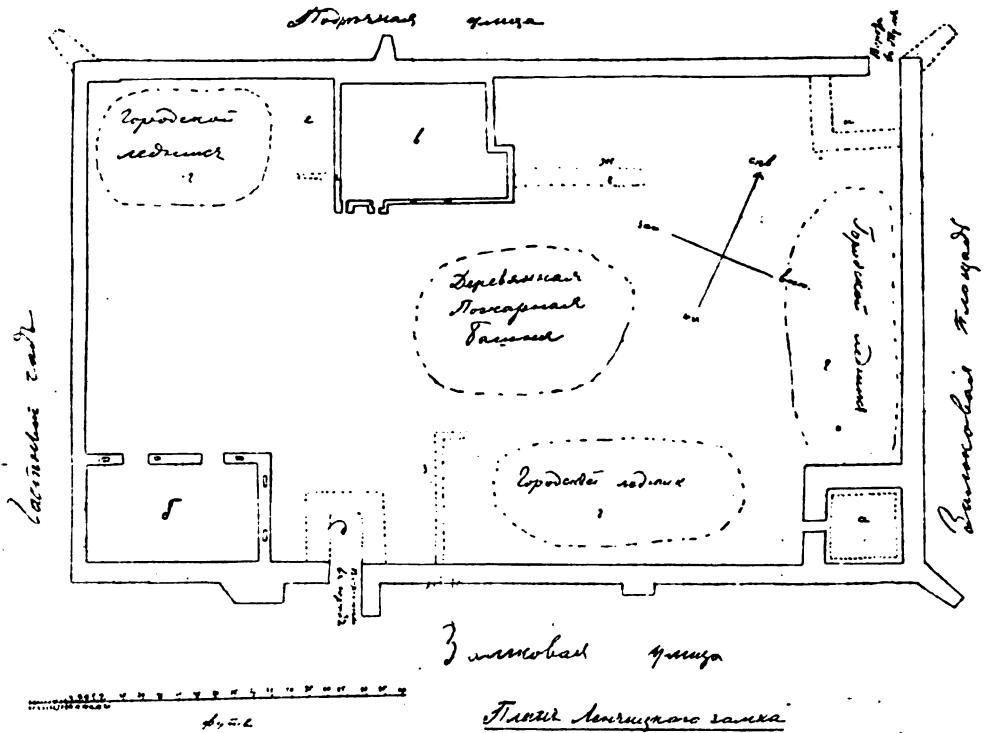
Главная цѣль нашей поѣздки составляла изслѣдовать, нѣтъ ли въ предѣлахъ нынѣшней Ленчицы и Тума слѣдовъ обитанія доисторическаго человѣка, а также убѣдиться, соединенъ ли на самомъ дѣлѣ Тумъ съ Ленчицкимъ замкомъ подземнымъ ходомъ, какъ объ этомъ говорятъ

мѣстныхъ легенды. Легендъ этихъ очень много; всѣ онѣ несмотря на разнообразныя варианты, сводятся къ тому, что въ подземельяхъ замка и въ подземномъ ходѣ, идущемъ изъ замка въ Тумъ, живетъ дьяволъ Борута, который когда-то былъ большой охотникъ дѣлать разнообразныя шутки надъ окрестными жителями. Такъ напримѣръ и теперь показываютъ въ Тумѣ на камиѣ сѣверной угольной башни углубленные слѣды какъ бы отъ пяти пальцевъ руки: народъ толкуетъ, что это слѣды когтей и лапы Боруты, который хотѣлъ когда-то перевернуть всю коллегіату. Не будучи въ силахъ этого сдѣлать онъ только сорвалъ себѣ когти, оставивъ слѣды на камиѣ. Рана, происшедшая отъ этого, не можетъ у него зажить и понынѣ, и Борута до сихъ поръ, сидя на бочкахъ въ подземельѣ замка, сосетъ себѣ лапу, желая заживить ее.

По прибытіи на мѣсто и первоначальномъ изслѣдованіи оказалось: что какъ городъ, такъ и Тумъ окружены мокрыми лугами, которые въ прежнее время очевидно представляли непроходимыя болота, такъ что подземный ходъ соединяющій Тумъ съ замкомъ никогда не могъ существовать по причинѣ того, что и теперь еще мокрые луга, представляя прежде непроходимыя болота, служили неодолимымъ препятствіемъ для постройки какого-либо тунеля. Что же касается до того, жилъ ли на мѣстахъ, занимающихъ мѣстность Ленчицы и Тума, доисторическій человекъ, то лишь только въ семи верстахъ на сѣверъ отъ города встрѣчаются на берегахъ рѣки Бзуры пески, гдѣ на пространствѣ 3—4 квадратныхъ верствъ находятъ остатки тесаного кремня, что приводитъ къ заключенію, что Ленчица, какъ поселеніе, уже образовалась въ болѣе позднѣйшую эпоху, когда вышли изъ употребленія кремень и бронза. Такъ что мы ограничились только осмотромъ Тума и изслѣдованіемъ самого замка.

Стѣны, окружающія замокъ, еще до сихъ поръ достаточно крѣпки. Изъ угольныхъ башенъ осталась только одна восточная (на планѣ буква *a*) отъ остальныхъ же нѣтъ и слѣдовъ. Изъ построекъ осталось только двѣ (буква *b* и *e*), и онѣ (въ особенности *e*) носятъ на себѣ характеръ старыхъ строеній XV вѣка. Западный уголъ замка занятъ теперь городскими ледниками, такъ что тутъ нельзя было совершить никакихъ изслѣдованій. Мы занялись главнымъ образомъ отысканіемъ фундаментовъ прежнихъ строеній, теперь не существующихъ, а также изслѣдованіемъ уцѣлѣвшей угловой башни. Намъ удалось отыскать части фундаментовъ въ разныхъ мѣстахъ замка, обозначенныхъ на планѣ пунктиромъ (*d*, *e*, *ж*, *з*, *и*), и опредѣлить при этомъ (*d*) мѣсто входныхъ главныхъ воротъ, въ юго-западной стѣнѣ близъ южной башни. Откапывая здѣсь фундаменты, мы нашли множество маленькихъ пулъ,

сдѣланныхъ изъ обожженной глины (нѣсколько изъ этихъ пуль переслано нами въ московскій Историческій Музей). Эти пули, вѣроятно, были употребляемы какъ нынѣшняя картечь, для защиты отъ штурмующихъ и такая защита была въ то время достаточной, такъ какъ на штурмъ

воины шли только въ однихъ шлемахъ, называемыхъ папенгеймеровскими, и не употребляли вовсе латы. Подобныя пули находятся довольно часто въ велико-польскихъ замкахъ. — Затѣмъ нами были найдены три изрѣзка со стилизовымъ орнаментомъ; два мы относимъ на основаніи орнамента къ XV в., а третій къ XVII. По ширинѣ фундаментовъ можно заключить, что ворота были съ верхнимъ этажемъ, вродѣ четырехугольной башни и обладали весьма толстыми стѣнами. Въ другомъ мѣстѣ при раскопкѣ фундаментовъ нами было найдено большое каменное ядро вѣсомъ въ 14 фунтовъ; далѣе ничего замѣчательнаго при раскопкахъ найдено не было. По всей вѣроятности, всякіе остатки утратились вслѣдствіе безнаказаннаго разбирания стѣнъ кѣмъ угодно.

Затѣмъ приступили мы къ изслѣдованію восточной башни. Входъ въ нее оказался чрезвычайно узкимъ; стѣны имѣютъ толщину въ 5 футовъ. Снабжены онѣ узкими амбразурами на высотѣ 20 футовъ отъ земли. При копаніи земли внутри башни оказалось, что фундаменты

постепенно расширяются, а на глубинѣ 11 футовъ отъ порога фунда-
ментъ выступомъ расширяется на 1 футъ и при такой толщинѣ тя-
нется въ глубину еще на 7 футовъ. Снаружи стѣны тоже постепенно
утолщаются книзу при чемъ уголь укрѣпленъ контрафорсомъ. Никакихъ
слѣдовъ подземнаго хода изъ этой башни не было найдено.

Вообще Ленчица сама по себѣ, имѣя, по свидѣтельству исторіи,
стѣны, отъ которыхъ теперь нѣтъ и слѣдовъ, могла хорошо обороняться.
Очевидно, что замокъ, а также монастырь бернардинскій, находящійся
неподалеку отъ замка, и составляли ее главнѣйшую защиту; они-то и
представляли тѣ большія затрудненія, которыя приходилось испытывать
непріятелю, желавшему овладѣть и удержаться въ самомъ городѣ.

В. Виттыгъ.

III.

Замѣтка о ремонтѣ Старога Печатнаго Двора при Москов- ской Синодальной Типографіи.

Слѣдящимъ за подробностями русской архитектуры извѣстно, что
исслѣдованія о древнемъ видѣ сохранившихся палатъ Московскаго Пе-
чатнаго Двора начались еще въ шестидесятыхъ годахъ и что Москов-
ское Археологическое Общество принимало живое участіе въ этомъ
дѣлѣ. Ранѣе приступа къ реставраціи зданія, одного изъ немногихъ
памятниковъ древней русской гражданской архитектуры, въ трудахъ
Общества была напечатана обстоятельная статья В. Е. Румянцова:
„Древнія зданія Московскаго Печатнаго Двора“ (Древности, т. II, в.
I, 1869 г.). Въ статьѣ вложены подробно свѣдѣнія добытыя исслѣ-
дованіемъ до реставраціи и приложены таблицы (представляющія планы,
фасады и разрѣзы) уцѣлѣвшихъ въ документахъ снимковъ съ рисун-
ковъ XVIII вѣка, а также хромолитографія съ древней росписи.

Въ 1871 году, дѣло реставраціи было принято Археологическимъ
Обществомъ въ свое вѣдѣніе и чрезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря неу-
томимой дѣятельности перваго предѣдателя Общества и его сотрудни-
ковъ, палаты древняго печатнаго двора возстановлены въ 1875 г., и
открыты въ томъ видѣ, въ какомъ вотъ уже болѣе 20 лѣтъ онѣ при-
влекаютъ вниманіе любителей русской старины. Архитектурная часть

этой реставраціи, одной изъ раннихъ по времени, связана съ именемъ архитектора Н. А. Артлебена.

Ремонтъ, потребовавшійся недавно въ реставрированномъ зданіи Печатнаго Двора, былъ вызванъ неправильной осадкой въ наружной стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади и въ стѣнѣ внутренней поперечной, надъ которой во 2-мъ этажѣ имѣется деревянная штукатурная перегородка, отдѣляющая прихожую отъ книгохранительной палаты. Въ этихъ стѣнахъ и въ примыкающемъ къ нимъ сводикѣ 1-го этажа обнаруживались трещины, замѣтно увеличивающіяся; такія же трещины были замѣтны въ одной изъ верхнихъ печей стариннаго образца, служащей футляромъ для провода душниковъ, слѣдствіемъ чего являлась копотъ, покрывавшая стѣнную роспись.

Для постоянного наблюденія за работами была назначена коммиссія изъ служащихъ въ типографіи, въ составъ коей входилъ архитекторъ, производитель работъ; съ своей стороны Императорское Московское Археологическое Общество командировало своего члена архитектора В. А. Гамбурцева. Послѣ тщательнаго осмотра и раскопокъ обнаружено, что подъ среднюю часть зданія, подъ поперечнымъ проходомъ 1-го этажа, находится проходъ такой же ширины, засыпанный землею почти до основанія свода; рядомъ съ нимъ оказался другой проходъ, также засыпанный землей, при чемъ черезъ него проложены три сточныя трубы. Оба поперечные прохода покрыты коробовыми сводиками, давшими сильныя трещины и частью осыпавшимися. Далѣе было обнаружено, что поперечная стѣна, поддерживающая сводики находится въ плохомъ состояніи. По удаленіи земли оказалось, что стѣна поставлена на насыпи съ фундаментомъ изъ бута менѣе аршина толщины и не достигающемъ глубины фундамента продольныхъ стѣнъ. Эта обнаруженная раскопками часть постройки соответствуетъ описаніямъ, приведеннымъ въ статьѣ Румянцева, выписей изъ расходныхъ книгъ, гдѣ говорится: о *восточной лѣстницѣ* и рундукѣ, о *сводикѣ* и *кіотѣ*, что подъ входомъ правильной палаты (Древности, т. II в. I стр. 34 и прим. 81, 82).

При реставраціи семидесятыхъ годовъ восточная лѣстница сдѣлана въ новой, выступающей во дворъ, пристройкѣ съ фигурной башенкой и шатровымъ верхомъ, и новая постройка загородила мѣсто древняго кіота.

Въ продольной стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади, какъ разъ противъ двухъ проходовъ, обнаружена арка, съ пробитою въ ней ¹⁾ брешью въ самой пятѣ, для сточныхъ водъ и ничѣмъ не укрѣплен-

¹⁾ После 1875 года — *Примѣч. редакци.*

ною. Далѣе при раскопкахъ внѣ зданія, на глубинѣ 2½ ар. отъ поверхности теперешняго двора были найдены какіе-то столбы изъ тесаннаго бѣлаго камня, толщиною до 2-хъ аршинъ въ каждомъ столбѣ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо примыкаютъ къ фундаменту зданія, другіе находятся на небольшемъ разстояніи и затѣмъ подъ прямымъ угломъ идутъ къ Китайской стѣнѣ. Почти на всѣхъ столбахъ остались слѣды покрытія ихъ арками, совершенно сходными съ тою, какая оказалась въ стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади. То были, очевидно, остатки приспособленій, упоминаемыхъ въ описи Китая-города 1629 года. Въ то время съ типографскаго и смежныхъ дворовъ были на городскую стѣну *взлазы*, а въ самой стѣнѣ внизу кружала или арки, теперь засыпанные землею. По выписямъ изъ расходныхъ книгъ значится: „1622 г., деньги взялъ Гришка, задѣлывалъ онъ въ городской стѣнѣ дыру, гдѣ поставлена кузница... 1636 г. плотнику дано 3 алтына 2 деньги, дѣлалъ на печатномъ дворѣ, городилъ въ городской стѣнѣ печюру, гдѣ на книжныя чернила руда коптитъ“.—На всей мѣстности, составляющей лѣвый берегъ рѣчки Неглинной, почва рыхлая и сырая и каменные постройки на типографскомъ дворѣ издревле были возводимы на сваяхъ и лежняхъ. Удостоившись въ прочности открытыхъ фундаментовъ не было нужды дорываться до ихъ основанія. Зато когда приступили къ разборкѣ части наружной стѣны, давшей трещины, то она оказалась имѣющею въ себѣ пустоты значительной ширины, до 9 вершковъ—старые дымовые ходы, поднимавшіеся отъ нинѣ подвального этажа; въ одномъ изъ такихъ ходовъ была найдена серебряная монета 1789 года.

Юго-западная часть зданія, имѣющая глубокой подвальный этажъ, въ которомъ уцѣлѣли слѣды оконъ бывшаго здѣсь прежде подклѣта, составляющаго остатокъ отъ древнѣйшихъ построекъ еще до 1620 года, оказалась очень прочною и не возбуждала никакихъ опасеній. Слѣды оконъ, видимыхъ внутри, показываютъ, что теперешній подвалъ окруженъ позднѣйшей насыпью земли до 3-хъ аршинъ. Послѣ осмотра приступлено къ перекладкѣ наружной стѣны въ мѣстѣ, давшемъ трещины, сохранивъ древнюю арку и разрушивъ лежащую на ней тяжесть съ помощію желѣзныхъ балокъ; такія же балки подведены и въ поперечныхъ стѣнахъ подъ коробовыми сводиками, переложенными вновь; кладка стѣнъ и сводиковъ произведена на цементѣ. Затѣмъ было приступлено къ устройству одной большой печной духовой камеры въ подвальномъ этажѣ вмѣсто двухъ, стоящихъ рядомъ и уже прогорѣвшихъ малыхъ духовыхъ камеръ. Новая камера попрежнему соединена съ футлярами печей 2-го этажа, сдѣланными подъ старинный образецъ и скрывающими въ себѣ проводы духового отопленія.

Духовыя печи уже были устроены съ проводкою, въ футлярахъ изъ старинныхъ изразцовъ, духовыхъ душижковъ во 2-мъ этажѣ; при ремонтѣ 1895 г. не было другого выбора, какъ повторить то же самое устройство, сдѣлавъ въ немъ возможное улучшеніе, т. е. соединивъ двѣ камеры въ одну ¹⁾).

При настоящемъ ремонтѣ, кромѣ описанныхъ выше исправленій, предстояло возобновленіе внутренней стѣнописи въ палатахъ 2-го этажа и наружнаго вида реставрированнаго зданія. Для чего съ существующихъ на стѣнахъ и сводахъ орнаментовъ въ книгохранительной палатѣ и передней комнатѣ были сняты кальки въ натуральную величину, тщательно провѣрены въ линіяхъ и тонахъ и по этимъ калькамъ исполнена стѣнопись съ сохраненіемъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей; при чемъ вмѣсто клеевой краски употреблена масляная, подъ мать. Возобновленъ также слѣпокъ съ надгробной плиты первопечатника Ивана Федорова (даръ графа А. С. Уварова). Этотъ слѣпокъ съ варварски уничтоженнаго подлиннаго надгробія въ городѣ Львовѣ вставленъ въ витринѣ съ книгами и представляетъ гербъ или знакъ, печатавшійся на изданіяхъ „друкаря москвитина“ съ инициалами І. Ф. и славянскою надписью по краямъ, рѣзанною вглубь; размѣръ надгробія: 2¹/₂ арш. длины и около 1 арш. ширины.

Въ Справной палатѣ былъ перекрытъ масляной краской сводъ, изображающій звѣздное небо съ солнцемъ и мѣсяцемъ. Стѣны палаты были лишь промыты, такъ какъ онѣ окрашены масляною краскою и потребовала только подправки частей орнаментовъ, включительно съ удачно подобранной надписью эпитафиа къ назначенію палаты: „*Добро есть, братіе, почитаніе книжное*“.

Окончившійся въ апрѣлѣ 1896 г. вполне успѣшно ремонтъ возвратилъ реставрированному зданію тотъ веселенькій, уютный видъ старины, которымъ привыкли любоваться посѣщающіе бібліотеку при Синодальной Типографіи.

Ограничиваемся пока этой краткой замѣткой, надѣясь впоследствии сдѣлать къ ней дополненіе, извлеченное изъ дѣла по реставраціи, и приложивъ пояснительные рисунки.

В. Гамбургеръ.

¹⁾ Духовое отопленіе устроено послѣ реставраціи 1870-хъ гг. *Прим. редакціи.*

IV.

Археологическая хроника.

— Общество Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память императора Александра III открылось въ Петербургѣ.

Императорское Московское Археологическое Общество, столь много обязанное и столь глубоко благодарное великому Государю, любителю и знатоку родной старины и первому Покровителю нашего Общества, съ особенной теплотой привѣтствуетъ возникновеніе историческаго Общества, посвященнаго Его возлюбленной памяти, незабвенной въ лѣтописяхъ русской науки.

Новое просвѣтительное дѣло, которымъ чтится нынѣ эта священная память, предпринято лицами, засвидѣтельствовавшими свою искреннюю преданность просвѣщенію. Въ этомъ—залогъ успѣха и право на вниманіе и поддержку въ ученыхъ кругахъ.

Приводимъ воззваніе, изданное вновь основаннымъ Александровскимъ Обществомъ:

„Советъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, имѣя въ виду одну изъ главныхъ, поставляемыхъ себѣ Обществомъ цѣлей — собирать и обрабатывать свѣдѣнія о жизни и царствованіи Императора Александра III, обращается къ лицамъ и учреждениямъ, располагающимъ по сему предмету какими-либо свѣдѣніями, документами и проч., съ покорнѣйшею просьбой не отказать въ сообщеніи: таковыхъ Обществу, адресуя прилагаемые матеріалы на имя предсѣдателя Общества, графа Сергѣя Димитріевича Шереметева (С.-Петербургъ, Фонтанка, 34) или товарища предсѣдателя, графа Арсенія Аркадьевича Голеницева-Кутузова (СПБ., Фонтанка, 50)“.

— Рижскій Археологическій Съѣздъ продолжится съ 1 по 15 августа, а дни 15—20 августа будутъ посвящены поѣздкамъ. Предполагаются раскопки мѣстныхъ и поѣздка въ Кенигсбергъ, куда члены Съѣзда приглашаются на три дня. Въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстные ученые дѣятельно работаютъ для Съѣзда. Московскій Предварительный Комитетъ со своей стороны и этимъ лѣтомъ занимается разработкой балтійскихъ древностей. Каталогъ выставки печатается въ Ригѣ по-нѣмецки и въ Москвѣ по-русски. На выставку отправлены между прочимъ, предметы: Историческимъ Музеемъ (Люцинскія раскопки), Тверскимъ и Виленскимъ Музеями, Псковскимъ Археологическимъ Обществомъ и Моск. Археологическимъ Обществомъ. Коллекціи Рязанскаго музея и

Л. К. Ивановскаго, которыя было бы цѣнно выставить для полноты представленія погребеній, нельзя было имѣть для выставки, ибо эти коллекціи готовятся нынѣ къ изданію.

Богатыя коллекціи, собранныя для съѣзда раскопками: отъ Московскаго комитета: В. И. Сизова, барона Р. Р. Штакельберга, С. Н. Богоявленскаго и Ѳ. В. Покровскаго и отъ Рижскаго комитета раскопками гг.: Хаусмана, Бухгольца, Биленштейна, Думберга и Шредера, Левисъ офъ Менара, Якша (см. стр. 33—47, 117, 121—127)—по-явятся на выставкѣ.

Прибалтійскими учеными учрежденіями былъ возбужденъ вопросъ о желательности оставленія въ мѣстныхъ музеяхъ, всего, что будетъ добыто раскопками, произведенными на средства Высочайше дарованныхъ Съѣзду. Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ, Почетный Предсѣдатель Съѣзда, въ принципѣ нашель, со своей стороны, возможнымъ согласиться съ этимъ желаніемъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы рѣдкія и особенно интересныя коллекціи поступили въ Историческій Музей въ Москвѣ, который въ свою очередь можетъ воротить мѣстнымъ музеямъ дублеты.

Для Этнографической выставки, устраиваемой къ Съѣзду Латышскимъ Литературнымъ Обществомъ, изготавливается между прочимъ сорокъ манекеновъ въ ростъ человѣка, изображающихъ типы, наряды и занятія мѣстныхъ крестьянъ. При каждомъ манекенѣ выставляется фотографія, послужившая ей образцомъ.

Г. Юнгъ, учитель изъ Абія, готовитъ къ Съѣзду свой списокъ древнихъ могилъ, городищъ, мѣстъ сраженій, мѣстъ отмѣченныхъ легендами и т. п.—свѣдѣнія, собранныя при усердномъ содѣйствіи эстонскаго народа. Къ Съѣзду же спѣшитъ пополнить и д-ръ Гуртъ величавый трудъ свой и своихъ 800 сотрудниковъ—собраніе произведеній эстонской народной поэзіи.

— Выставка собранія Н. А. Шабельской. Въ теченіе мая въ верхнихъ залахъ Историческаго Музея была открыта выставка собранія Н. Л. Шабельской — богатѣйшіе образцы старинныхъ русскихъ: шитья, матерій и нарядовъ. Со времени выставки при Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1890 г., собраніе значительно увеличилось, особенно разрослись отдѣлы тканей и шитья. Въ общемъ, выставка вмѣщала въ себѣ 4,000 номеровъ и состояла изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) старинныя женскія одежды и головные уборы, 2) старинныя ткани, 3) шитье и кружева, 4) золотыя и серебряныя украшенія, 5) обрядовые и бытовые предметы, 6) русскія этнографическія одежды и 7) современныя работы по стариннымъ образцамъ.

— Въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ была открыта на три коронаціонные дня выставка гравюръ, картинъ, фотографій, медалей, изданій и т. д., относящихся къ вѣнчаніямъ русскихъ самодержцевъ на царство. Кромѣ Музея, въ выставкѣ участвовали и частныя лица: собиратель гравюръ и рѣдкостей М. И. Паренаго, любитель-нумизматъ Б. И. Бухановъ и мѣстный антикварій П. Г. Бѣлчевъ. Выставка устроена въ двѣ недѣли, по почину о. Звѣрева, законоучителя кадетскаго корпуса. Здѣсь возбуждали особый интересъ: фототипіи императорскихъ регалій (изъ „Описи Оружейной Палаты“), снимки съ „Книги избранія Михаила Ѳеодоровича на царство“, альбомъ коронаціи императрицы Елисаветы, собраніе медалей г. Буханова, присоединенный къ выставкѣ рукописный экземпляръ „Книги о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича“ и т. д. Въ три дня на выставкѣ перебывало свыше 1,500 посѣтителей, и губернаторъ В. З. Коленко, весьма сочувственно отнесшійся къ выставкѣ, распорядился о продолженіи ее еще на нѣсколько времени въ виду интереса, который проявили къ ней воронежцы.

— 200 - лѣтіе со времени освященія тверскаго кафедральнаго собора исполнилось 18-го минувшаго мая. Настоящій соборъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ изстари, почти съ самаго основанія Твери, стоялъ соборный храмъ, въ тверскомъ кремлѣ, разрушенномъ окончательно только при Екатеринѣ Великой; онъ находится рядомъ съ владычнымъ дворомъ, съ домами соборнаго духовенства, княжескими палатами, Аванасьевскимъ монастыремъ, монастырскими подворьями и нѣсколькими церквами. Соборъ неоднократно перестраивался по ветхости или по случаю пожаровъ, нѣсколько разъ возобновлялся и въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ 200 лѣтъ. Мѣсто, занимаемое имъ, искони „святое“ мѣсто для всей Твери и для всего Тверскаго края. Основатель собора архіепископъ Сергій (1682—1703 г.) выстроилъ соборъ на собственные средства изъ бѣлаго старицкаго камня, по плану Московскаго Успенскаго собора, въ русско-византійскомъ стилѣ, и самъ освятилъ его 18-го мая 1696 года. Длина храма внутри стѣнъ съ алтаремъ 13¹/₂ сажень, ширина 10¹/₂ сажени, а въ вышину до свода онъ имѣетъ 10 сажень. Храмъ пятиглавый, съ тремя входами, — съ западной, южной и сѣверной сторонъ. Предъ юбилейнымъ торжествомъ въ соборѣ была промыта живопись, возобновлена позолота, и храмъ принялъ величественный видъ. Торжества по случаю двухсотлѣтія храма начались 16-го мая заупокойною всеюнощю по храмоздателѣ архіепископѣ Сергій, и другихъ тверскихъ архипастыряхъ, служившихъ въ этомъ храмѣ. Службу совершалъ тверской викарій,

преосвященный Гавриилъ, епископъ старицкій, съ соборнымъ духовенствомъ и священниками, служившими прежде въ соборѣ, при пѣніи архіерейскаго хора пѣвчихъ; въ служеніи же всенощной 17 - го мая принялъ участіе высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. Имъ же совершена 18 - го мая литургія. По окончаніи литургіи отслуженъ молебень, на который вышло духовенство всѣхъ тверскихъ церквей. Предъ молебномъ на средину храма были вынесены всѣ древнія иконы и хоругви, и при пѣніи молебна совершенъ вокругъ собора крестный ходъ. Во время многолѣтія высокопреосвященный Савва осѣнялъ народъ крестомъ архіепископа Сергія, строителя собора. По окончаніи молебствія, когда высокопреосвященный вышелъ на амвонъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, къ нему приблизились члены Ученой Архивной Коммиссіи, во главѣ съ тверскимъ губернаторомъ (непремѣннымъ попечителемъ, а нынѣ и избраннымъ предсѣдателемъ Коммиссіи), который прочелъ архипастырю привѣтственный адресъ отъ Коммиссіи. Ко дню 200-лѣтія собора членомъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи Н. Н. Овсяниковымъ составленъ историческій очеркъ собора. Редакція наша почтительно привѣтствуетъ маститаго высокопреосвященнаго любителя и изслѣдователя старины съ паствою, дорожащихъ и вещественнымъ памятникомъ и на немъ поучающихъ и поучающихся въ поминаніи дней древнихъ.

— 26 апрѣля пятисотлѣтіе со дня кончины св. Стефана просвѣтителя Пермскаго, чествовалось засѣданіемъ въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; читаль о св. Стефанѣ предсѣдатель Общества, В. О. Ключевскій. Церковныя торжества совершены были, по извѣстіямъ газетнымъ: въ Устюгѣ Великомъ, гдѣ родился св. Стефанъ; въ Ростовѣ, гдѣ въ Григоріе-богословскомъ монастырѣ (нынѣ приходской церкви) онъ принялъ постриженіе и учился въ школѣ; въ Перми и, наконецъ, въ Москвѣ, гдѣ онъ скончался и гдѣ покоятся, у Спаса на Бору, его мощи.

— Совѣтъ Костромской Ученой Архивной Коммиссіи въ засѣд. 30 мая обсуждалъ вопросъ о собираніи матеріаловъ о предкахъ царя Михайла Ѳеодоровича и намѣтилъ программу общаго засѣданія Коммиссіи 12 іюля, для чествованія трехсотлѣтія со дня рожденія Михайла Ѳеодоровича. — Музей Коммиссіи, значительно пополнившійся за послѣднее время, рѣшено открыть для публики.

— Харьковское Историко-Филологическое Общество, съ цѣлью содѣйствовать собиранію матеріаловъ по исторіи Харьковскаго университета, просить: 1) присылать ему портреты дѣателей Харьковскаго

университета для снятія съ нихъ фотографій и 2) указывать, гдѣ и у кого можно найти портреты ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ, секретарей совѣта и бібліотекарей. Сообщенія просятъ адресовать въ Харьковскій университетъ, проф. Н. Θ. Сумцову или проф. Д. И. Багалію.

— Комитетъ по устройству церковно-археологическаго Музея въ гор. Ригѣ обратился ко всѣмъ смежнымъ съ Прибалтійскимъ краемъ губерніямъ съ просьбою не отказать въ пожертвованіи въ Музей древнихъ церковныхъ вещей, книгъ, рукописей и другихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Прибалтійскаго края. (Нов. Вр., № 7226).

— Въ Якутскѣ, при братствѣ Христа Спасителя, учреждается епархіальное церковное древлехранилище (Нов. Вр., № 7279).

— Въ предсѣдатели Тверской Ученой Архивной Комиссіи избранъ тверской губернаторъ А. П. Ахлестышевъ, непремѣнный попечитель Комиссіи.

— Моск. Общ. Люб. Естеств. Антроп. и Этн. предполагаетъ въ союзѣ съ другими учеными Обществами почтить память А. В. Потаниной постановкой памятника на ея могилѣ и основаніемъ преміи за ученые труды.

— Въ газетахъ писали за послѣднее время объ уничтоженіи старинныхъ фресокъ въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры. Дѣйствительность заключается въ слѣдующемъ.

Древній храмъ былъ разрушенъ татарами въ 1418 г.; теперешній, возведенный вновь кн. Симеономъ Олельковичемъ въ 1470 г. и тогда же расписанный, обгорѣлъ въ началѣ XVIII вѣка, былъ возобновленъ къ 1730 году и затѣмъ расписанъ вновь, — вѣроятно, отчасти около 1760 г., итальянцемъ Веніаміномъ Фредериче, который до того работалъ въ бердическомъ кармелитскомъ монастырѣ для Радзивилловъ, а около 1760 г. былъ призванъ въ Лавру и основалъ здѣсь школу живописи. Эта стѣнопись 1730 — 1760 г., хотя и поновленная, но съ сохраненіемъ стараго образца, въ концѣ XVIII в., сохранялась вся до 1840 г., когда митрополитъ Филаретъ, старецъ святой жизни, но простице въ вопросахъ искусства, поручилъ расписать храмъ заново лаврскому инокъ Иринуарху. Какъ скоро императоръ Николай I узналъ о обновленіи, на двѣ трети уже завершенномъ, работы были, по именному повелѣнію, остановлены и запрошено объясненіе у митрополита. Митрополитъ объяснилъ то, что объясняютъ и теперь въ защиту новой росписи: указалъ на темноту старой стѣнописи отъ времени и на плохое достоинство ея. Командированный въ Кіевъ академикъ Солнцевъ нашелъ необходимымъ: исправить, въ чемъ можно, новую роспись (на

что онъ давалъ указанія), „оставшуюся старую живопись: портреты, царей, великихъ князей“ (тутъ были также портреты князей — храмоздателей: Радзивилловъ, Константина Острожскаго, Сангушковъ) „и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить; раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ предѣловъ“ (при исполненіи избрано было первое), „черезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“. Это мнѣніе, Высочайше утвержденное, было приведено въ исполненіе.

Такимъ образомъ до прошлаго года въ великой церкви сохранялась нетронутая Иринархомъ часть стѣнописи половины XVIII столѣтія, стѣнописи, традиція которой могла восходить и ранѣе (слѣдовъ же болѣе старой живописи ни подъ нею, ни подъ штукатуркою не нашли въ наше время акад. Праховъ и прот. Лебединцевъ). Именно сохранилась она: 1) на южной и сѣверной стѣнѣ подъ хорами и 2) подлѣ гробницы кн. Константина Острожскаго.

Въ прошломъ году и неискusstная роспись Иринарха, и удѣлѣвшая дотолѣ старая стѣнопись были соскоблены, и стѣны выбѣлены для новой росписи. При этомъ не сняли даже копій со старыхъ изображеній: ихъ нашли слишкомъ потемнѣвшими и плохими, а „потому“ неинтересными.

Такъ уничтоженъ былъ въ стѣнописи Лавры послѣдній остатокъ старины.

— Когда Московское Археологическое Общ. наводило справки въ Кіевѣ объ уничтоженіи старинной стѣнописи, ему сообщили о другомъ случаѣ того же разряда. Въ прошломъ же году находившіяся подлѣ лаврской трапезной могилы Кочубея и Искры вошли въ черту новой, расширенной трапезной. Надгробныя плиты сохранены и вставлены въ стѣну новой постройки, но самыя могилы исчезли безъ слѣда.

— „Русское Слово“ обратило вниманіе на колоколъ 1702 г. голландскаго дѣла, висящій на гауптвахтѣ у Краснаго крыльца, въ Кремлѣ. По осмотру этого колокола двумя изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества оказалось: колоколъ около поларшина вышины, ушко въ видѣ двухъ орлиныхъ головъ, врозь клювами; на самомъ колоколѣ двѣ каймы чрезвычайно тонко и изящно исполненнаго мелкаго убора: въ верхней каймѣ виноградная лоза и геніи со свирѣлями, въ въ нижней—виноградная лоза и головы ангеловъ съ длинными крыльями. На колоколѣ четкая надпись отличной, какъ и самъ колоколъ, сохранности: +C:NOORDEN. ET J:A:DE GRAVE:ME FECER:

AMSTMELODAM: A° 1702. (К. Норденъ и I. А. де Граве сдѣлали меня. Амстердамъ, г. 1702). Типъ буквъ—эльзвиръ. Языкъ у колокола—съ отбитымъ концомъ, довольно грубъ и, повидимому, взятъ отъ другого колокола.

Въ статьѣ А. А. Мартынова „Московскіе колокола“ (Русск. Архивъ 1896 г., №№ 1—4) колоколъ этотъ не былъ указанъ.

— 13 апрѣля въ Петербургѣ въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммисіи были выставлены наиболѣ замѣчательные предметы древности изъ числа поступившихъ въ Коммисію въ теченіе 1895 г. На первый планъ выступаютъ предметы изъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго въ курганахъ ст. Псебайской, Бесленѣвской и Крымской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области. Раскопанныя Н. И. Веселовскимъ курганы относятся къ тремъ эпохамъ. Древнѣйшіе принадлежатъ къ мѣдному вѣку. Въ нихъ были найдены: большое копье съ насадомъ, клинъ, топоръ, вилообразное орудіе, оригинальная булава съ выступами къ верхнему краю, золотыя и сердоликовыя бусы. Большинство другихъ кургановъ, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, могутъ быть отнесены ко времени Рождества Христова или къ нѣскольکو позднѣйшей порѣ ¹⁾. Въ курганахъ этой категоріи найдены: золотыя — фибула ромбической формы, тисненныя бляшки съ изображеніемъ грифоновъ и овцы, сборныя розетки въ нѣскольکو бляшекъ, маленькіе подвѣски съ изображеніемъ сокола, птичекъ и съ подвѣсками — шариками, розетки, бляшки, напоминающія форму лошадиной головы, бусы и др.; изъ мѣдныхъ вещей—зеркальце; изъ желѣзныхъ—ножницы. Независимо отъ того въ тѣхъ же курганахъ встрѣчается много мозаичныхъ и другихъ бусъ и въ числѣ ихъ разной формы бусы цвѣта морской воды. Въ одной изъ курганныхъ насыпей найденъ обломокъ ручки съ клеймомъ, повидимому, III вѣка до Рождества Христова. Интересны расположенныя на подставкѣ различныя золотыя вещи — подлинники и гальванопластическіе снимки. Таковъ золотой ажурный конической формы предметъ, украшенный въ три пояса изображеніями грифоновъ и рѣдкими небольшими гранатами, большой предметъ неизвѣстнаго назначенія, колоколообразной формы. По бокамъ его помѣщены сцены изъ битвъ степныхъ варваровъ двухъ различныхъ племенъ. Одинъ изъ побѣжденных на землѣ, и съ него снимаютъ голову, другой изображенъ въ моментъ бѣгства. Побѣдители изображены въ латахъ и броневыхъ на ножьяхъ, вооружены мечами и дротиками, на головахъ повязки; побѣжденные вооружены мечами, щитами, стрѣлами и изображены въ

¹⁾ См. Археол. Извѣст. и Зам. 1895 г. 413—416.

такой же бронѣ и на груди и поножьяхъ на ногахъ. Орнаментъ предмета и другіе признаки указываютъ на то, что находка эта относится ко времени послѣ Рождества Христова. Особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ золотыя оковки съ изображеніями грифоновъ, сцены охоты на оленя и отправленія на войну болѣе грубой работы. Подлинники всѣхъ этихъ предметовъ и также выставленной рядомъ на средней полкѣ золотой ажурной пластинки съ изображеніемъ варваровъ найдены при хищническихъ раскопкахъ въ псебайской станицѣ и находятся въ въ частной коллекціи. Далѣе интересны золотыя спиральныя кольца, найденныя на могилѣ станицы Суворовской, Баталпашинскаго уѣзда, Кубанской области, коллекціи золотыхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ ст. Курджинской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области, и въ числѣ ихъ медальонъ съ изображеніемъ женской фигуры и Эрота, бляшки съ орнаментомъ и изображеніемъ грифоновъ, сокола, розетокъ, ожерелье изъ бляшекъ въ видѣ узловъ, головка коня, кусочекъ самороднаго золота и предметъ въ видѣ колокольчика, украшенный парнымъ изображеніемъ двухъ воиновъ, взявшихся за одно копьё¹⁾. Въ коллекціи изъ трехъ кургановъ близъ Ярославской и Кужорской Майкопскаго отдѣла, Кубанской же области, выдѣляются покрытыя золотомъ спиральныя кольца, гранчатая позолоченная пуговица, пражки, золотыя и серебряныя серьги; золотой перстень, филигранныя бусы, золотыя бляшки съ изображеніемъ розетокъ и головъ, круглыя, выпуклыя, позолоченныя серебряныя бляхи, оригинальныя нагрудныя подвѣски въ видѣ круглой коробочки, треугольника, лунницы, флакончика, великолѣпный поясной наборъ изъ ажурныхъ бляшекъ съ орнаментомъ и проч. вмѣстѣ съ вещами найдены монеты XIV вѣка. Важными въ научномъ отношеніи являются также предметы изъ раскопокъ въ Херсонесѣ, коллекціи вещей, добытыхъ раскопками могильниковъ рѣки Оки изъ которыхъ одинъ (Кошибѣлевскій) долженъ быть признанъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ могильниковъ этого района, коллекціи изъ кургановъ Шущинскаго уѣзда, предметы изъ кургановъ Томской губерніи, оказавшихся вполне тождественными съ керченскими древностями первыхъ вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ; вещи изъ кургановъ крымскихъ, саратовскихъ и пермскихъ и изъ стариннаго жертвеннаго мѣста Пермской губерніи; интересна также довольно обширная коллекціи изъ раскопокъ на Афросіабовомъ городищѣ, близъ Самарканда. Отдѣлъ предметовъ, доставленныхъ изъ различныхъ мѣстностей имперіи, принесенныхъ Археологической Коммиссіи въ даръ и приобретенныхъ ею, многочисленъ,

¹⁾ Тамъ же, 414—416.

разнообразенъ и заключаетъ въ себѣ не мало вещей, имѣющихъ важное значеніе въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ. Особенно выдѣляются: серебряное античное блюдо изъ Закавказья, коллекція кавказскихъ древностей г. Семенова, золотыя вещи готскаго типа изъ Шадринскаго уѣзда, золотыя серьги изъ Перми, терракотовыя фігуры изъ Θεодосіи, находки изъ Воронежской губерніи, вещи изъ кургановъ Полтавской губерніи, коллекція Минусинскихъ древностей, находки серебряныхъ вещей на островѣ Моонъ, глиняные сосуды изъ кургановъ Кіевской губерніи, вещи изъ Ефаевского могильника Пензенской губерніи, изъ развалинъ города Увека, изъ Уральской области (нѣсколько предметовъ типа Ананьинскаго могильника) и значительная коллекція вещей, прибрѣтенныхъ въ 1895 г. Минусинскимъ музеемъ. Вообще на выставкѣ собраны предметы изъ 42 областей и губерній Россіи. Особый отдѣлъ выставки составило большое собраніе чертежей, рисунковъ, калекъ, фотографическихъ снимковъ и предметовъ, исполненныхъ экспедиціей, снаряженною Императорскою Археологическою Комиссіей въ Самаркандъ на средства отпущенныя министромъ финансовъ. Между ними первое мѣсто безспорно занимаютъ выполненныя художественною рѣзбой двери изъ мечети Тамерлана. Къ сожалѣнію, онѣ попорчены; но съ достовѣрностію можно сказать, что современная рѣзба блѣднѣетъ какъ передъ техникой выполненія этой рѣзбы, такъ и предъ художественной композиціей рисунка.

— Въ Томскѣ, вблизи военныхъ лагерей, въ обрывѣ берега р. Томи обнаружены 14 апрѣля каменщикомъ, бравшимъ песокъ для работъ, кости мамонта. Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ этомъ среди томичей, то не замедлили появиться и любители раскопокъ; нѣкоторые тотчасъ же принялись за раскопку, и кости такимъ образомъ стали исчезать. Только на другой день было сообщено о находкѣ университету. Явились на мѣсто открытія проф. Кащенко и экзекуторъ университета В. И. Ржеускій, которыми и произведена правильная раскопка, закончившаяся лишь 20 числа. Кости мамонта оказались разбросанными въ безпорядкѣ на площади въ 8 метр. длины и $3\frac{1}{2}$ ширины: черепъ, позвонки, лопатки, ребра, цѣлмя и колотыя кости переднихъ и заднихъ конечностей; кромѣ этихъ костей двѣ оказались повидимому человѣческими. Рядомъ съ костями попадались кремневые осколки и скребки, а также куски дерева. Кромѣ того, на площади раскопокъ оказались слѣды огромнаго огня (2 $\frac{1}{2}$ ар. въ діам.), и уголь попадался на всей площади нахождения костей. Сдѣланъ фотографическій снимокъ съ костей въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ были при раскопкахъ. Часть костей унесенныхъ до прибытія проф. Кащенко уже найдена, отобраана и до-

ставлена въ университетъ, и есть надежда восстановить скелетъ въ цѣлости. Эта находка костей мамонта вмѣстѣ со слѣдами человѣка—первая въ Сибири, несмотря на то, что Сибирь чрезвычайно богата остатками мамонта, что ископаемая кость мамонта (его бивни) извѣстна уже съ IV в. до Р. X. и съ покореніемъ Сибири въ огромномъ количествѣ вывозилась отсюда русскими.

Въ „Сиб. Вѣстн.“ отъ 23 и 26 апрѣля С. К. Кузнецовъ помѣстилъ прекрасную статью о находкѣ, выяснилъ значеніе ея и далъ очеркъ важнѣйшихъ находокъ мамонта въ Сибири (цѣльные скелеты), во Западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Можно лишь пожалѣть, что ни С. К. Кузнецовъ, отлично изучившій литературу предмета, ни Г. О. Оссовскій, находившійся въ то время въ Томскѣ, не получили возможности участвовать въ раскопкѣ, представлявшей столь глубокой научный интересъ.

Томская находка возбудила интересъ и за границей, и д-ръ Оппенгеймъ возражалъ уже въ „Фоссовой газетѣ“ противъ преувеличиванія ея значенія, именно противъ мнѣнія, что это древнѣйшіе слѣды человѣка и доказательство расселенія человѣческаго рода изъ Азіи.

— Въ докладѣ завѣдующаго севастопольской біологической станціей д-ра А. А. Остроумова Имп. Академіи Наукъ о поѣздкѣ его и студ. Моск. Унив. Л. Л. Конкевича (въ 1895 г., на „Атманѣ“ Н. А. Филибера, для научныхъ изслѣдованій въ Азовское море, по порученію Черноморскаго Отдѣла Общ. Рыболовства и Рыбоводства, указываетъ между прочимъ, что у Елизаветинской станицы, т. е. выше раздѣленія Дона на рукава, на днѣ рѣки существуетъ своеобразная фауна изъ смѣшенія формъ лиманныхъ (*Cardium coloratum* Eichw., *Pseudocuma* и др.) съ прѣсноводными (*Unio* и др.), и неводами извлекаются кости постпліоценовыхъ животныхъ—мамонта и зубра. Также интересны замѣчанія о наводненіяхъ въ Кубанской дельтѣ и вообще о продолжающейся въ ней дѣятельности и нештуническихъ, и вулканическихъ силъ. (Изв. Ак. Н., апрѣль).

— Въ дер. Лисевиды, Ловичскаго уѣзда, крест. Андрей Павлата, паша землю на песчаномъ пригоркѣ, вынулъ урну, наполненную пепломъ и костяками. Крышка была уже разбита, и край самой урны былъ поврежденъ. На стѣнкахъ видны слѣды пальцевъ; украшеній нѣтъ никакихъ; высота доходитъ до 10 дюймовъ, діаметръ верхней окружности около 22 дюймовъ, въ срединѣ — 33 дюйма, а дно—18 дюймовъ въ діаметрѣ. Въ той же деревнѣ, по словамъ „Вѣка“, нѣсколько лѣтъ назадъ на пастбищѣ найдены были случайно бронзовые перстни и булавки безъ всякихъ украшеній (СПБ. Вѣд., 151).

— Раскопки кургановъ и могильниковъ близъ деревни Васильевской и Руболдиной Гридинской волости Костромскаго уѣзда произведены 18 и 19 мая четырьмя членами Костромской Ученой Архивной Комисіи. Начало раскопокъ въ нынѣшнемъ году было удачное: разрыто 27 кургановъ, и изъ 20 вынуты старинныя вещи. Кромѣ обычныхъ для этихъ и всѣхъ мерянскихъ кургановъ: браслетовъ, колецъ височныхъ и ручныхъ, разныхъ поясныхъ и шейныхъ подвѣсокъ, серегъ и пр., — найдены разнovidныя бусы, въ числѣ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе бусы мозаичныя и золотистаго цвѣта (стекляныя). Въ одномъ изъ кургановъ близъ дер. Васильевской найдена серебряная монета восточнаго типа съ неразобранными еще надписями; по положенію монеты на костякѣ видно, что она носилась какъ украшеніе на шеѣ. Въ могильникѣ близъ д. Руболдиной, состоящемъ всего изъ трехъ кургановъ, привлекла вниманіе изслѣдователей рѣдко замѣчавшаяся прежде особенность погребенія: въ двухъ курганахъ оказалось по два костяка (мужской и женскій) не на поверхности почвы, а внутри курганной насыпи. Всѣ курганы по основанію обложены крупными валунами (Прав. Вѣстн. 121).

— Статуетка Кибелы, добытая изъ кургана близъ Херсона (см. стр. 109) направлена въ Императорскій Эрмитажъ (Н. В. № 7258).

— По свѣдѣніямъ „Нов. Вр.“ церковь въ м. Смольянахъ Могилевской губ. запущена до крайности. Церковь эта построена княземъ Андреемъ Курбскимъ, которому Сигизмундъ подарилъ роскошный Смольянский замокъ. Она была соединена съ замкомъ подземнымъ ходомъ. Деревянный верхъ церкви надстроенъ позднѣе; каменный подземный низъ остался отъ древняго времени (Н. Вр. 7263).

— Суда Петра Великаго изъ Астрахани (см. стр. 113) отправлены на Нижегородскую выставку.

— Туда же послана принадлежащая проф. Поздѣву коллекція бурятскихъ идоловъ и вообще предметовъ бурятскаго религіознаго культа.

— Въ іюнѣ 1886 г. Иванъ Желтовъ помѣстилъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ замѣтку: „*Герцике-Ярчикъ и древнее русское городище на берегу Авикиты*“; здѣсь онъ доказывалъ, что названный городъ находился на мѣстѣ Крейцбургскаго полумызка Рушендорфъ, полатынски Креевудеемъ, и объяснялъ слово *Герцике* русскимъ *Ярчикъ*, уменьшительною формою отъ *Яръ*, приводя въ примѣръ имена: Черный Яръ, Красный Яръ въ Астраханской губерніи и Красноярскъ въ Сибири. Въ нынѣшнемъ году г. Желтовъ издалъ тамъ же замѣтку: *Ярчикъ, Кукинъ, Носъ и Волокъ Ливонскій* (Рижскій Вѣстн. № 63), гдѣ, упоминая о прежнихъ своихъ выводахъ, доказываетъ: а) что имя Куке-

нойсь, Кукенгаузенъ, есть искаженное русское *Кукинъ Носъ*, отъ существительнаго *Кука*, которое первоначально, вѣроятно, обозначало кукушку; это названіе г. Желтовъ сближаетъ съ названіемъ *Канинъ Носъ* отъ существительнаго *Каня*—ястребъ; б) что имя городка Лифляндской губерніи Валкъ есть искаженное же слово *волокъ*: старинное имя этого города было Педель, и онъ лишь впоследствии сталъ называться нынѣшнимъ именемъ, которое первоначально имѣло значеніе имени нарицательнаго, служившаго точнѣйшимъ обозначеніемъ мѣстоположенія, какъ видно изъ оборота, сохранившагося въ одномъ памятникѣ, писанномъ на нижненѣмецкомъ языкѣ: *Peddel utr dem Walke*, т. е. *Педель на „валкъ“*. Волокъ, о которомъ идетъ рѣчь, проходитъ между рѣчкой Педель, текущей въ Малый Эмбахъ и рѣчкой Шварцбахъ изливающейся, въ Гавью (лифляндскую Аа). Такой знатокъ русскаго языка, какъ покойный Потебня названіе г. Валки Харьковской губерніи также приурочивалъ къ глаголу *влачить*, *волочить*, въ смыслѣ передвиженія товарныхъ обозовъ, хотя и въ нѣсколько другой обстановкѣ.

— Въ „Виленскомъ Вѣстн.“ (1896 г. № 62) г. А-чъ сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія о с. Половцахъ Брестскаго у. Гродненской губ. (въ 6 верстахъ отъ ст. Высоко-Литовскъ). „Подъ именемъ „Половцовъ“ здѣсь извѣстна мѣстность, гдѣ расположена церковь, усадьба священника и сосѣднее имѣніе; „Половцами“ слывуть всѣ прихожане этой церкви. Въ окрестностяхъ „Половцовъ“ находится лугъ „Бонякъ“: онъ представляетъ собою небольшую болотистую площадку, съ двухъ сторонъ котораго течетъ незначительная теперъ рѣченка. Посрединѣ луга находится возвышеніе, по всѣмъ признакамъ, насыпное, искусственное. Оно называется „ганокъ“ При раскопкѣ этого возвышенія были найдены кости лошади и человѣка“. Недалеко отъ луга „Бонякъ“ находятся деревня „Голя“, поля „Кровавый лугъ“ и „Битва“, „Туровщина“—болотистый лугъ и дер. Озериско. При постройкѣ въ Озерискѣ вѣтряной мельницы, наткнулись на „очень древній“ могильникъ: „Всего найдено семь могилъ; шесть расположены вокругъ одной, костяки лежали головой къ югу. Замѣчательно, что могила, помѣщавшаяся на глубинѣ одного фута, имѣла *сводъ* и стѣнки изъ крупнаго булыжника. Въ средней могилѣ было найдено два костяка: мужской и женскій; первый поражаетъ своею величиной—3 арш. 2 верш., нижняя челюсть такъ велика, что въ нее свободно входило лицо рабочаго крупнаго роста (?). Подъ мужскимъ костякомъ помѣщался женскій, сохранившій космы сѣдыхъ волосъ. Рядомъ съ костяками, въ могилѣ, сохранились на землѣ полосы ржавчины, на которыхъ были размяты небольшіе

кровяно-красные шарики (?); въ этой же могилѣ найдены остатки истлѣвшей ткани, перегнившія зерна, пепель. Мужской костякъ, судя по загнутому отростку спинного хребта, четырехугольной формѣ черепа и остаткамъ оружія (ржавыя полосы) принадлежалъ конному воину—монголу. Въ другой могилѣ найдены бронзовыя украшенія: улиткообразныя привѣски, кольца и зубчатые обломки неизвѣстнаго назначенія; все сдѣлано изъ бронзовой проволоки или пластинки въ 2—4 линіи шириною. Между дер. Песчанкой и им. Половцы расположенъ небольшой лѣсъ, въ сосновой части котораго разбросано въ беспорядкѣ до десятка кургановъ: „послѣ раскопки одного изъ нихъ, говоритъ авторъ замѣтки, приходится думать, что это песчанна насыпь“ (?). Въ сожалѣнію, въ газетной замѣткѣ нѣтъ свѣдѣній о судьбѣ предметовъ череповъ, найденныхъ при раскопкѣ. Г. А-чъ на основаніи названія мѣстностей, „Половцы“ и „Бонякъ“ („Голя“ состоитъ въ связи съ *Голядью*“) считаетъ, что въ этой мѣстности нѣкогда поселились разбѣжавшіеся изъ южно—русскихъ степей Половцы. Онъ даже указываетъ на нѣкот. этнографическія особенности гродненскихъ „Половцовъ“, отличающія ихъ отъ окрестнаго населенія. Жители Половецкаго прихода отличаются высокимъ ростомъ, по большей части брюнеты съ неправильными, грубыми чертами лица; мужчины носятъ родъ женской кацавейки краснаго цвѣта, что у окрестныхъ жителей считается неприличнымъ; послѣдніе избѣгаютъ даже вступать въ браки съ „Половцами“. Они отличаются вороватостью, нахальствомъ и внѣшнюю религіозностью.—Разумѣется; приведенныя данныя, интересныя сами по себѣ, не даютъ права для вывода о связи гродненскихъ Половцовъ съ древними кочевниками. Но можно напомнить, что не мы знаемъ собственно, въ какой части Даниловой державы были поселены бѣжавшіе отъ татаръ Половцы; есть преданіе, впрочемъ позднѣйшее, о томъ, что часть Половцовъ была поселена на бер. р. Роси съ Черными Клобуками. ¹⁾ Между тѣмъ Половцы неоднократно участвовали въ походахъ Данила на Литву и Ятвяговъ ²⁾ и могли быть поселены Даниломъ на границѣ съ послѣдними. Нѣкоторые польскіе историки давно уже высказывали мысль о передвиженіи части Половецкаго народа въ нын. Гродненскую губ. ³⁾

М. Д. З.

— Въ январѣ А. А. Куникъ ходатайствовалъ передъ Академіей Наукъ о выдачѣ въ распоряженіе Историко-филологическаго Отдѣленія 300 рублей, на опытъ обработки русско-татарской хронографіи

¹⁾ См. *Голубовскій*, Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ, въ VI главѣ.

²⁾ Ипат., 538, 542, 543.

³⁾ *Iaroszkevicz*, *Obraz Litwy etc.*, t. 1, p. 31.

до конца XIII или первых десятилѣтій XIV в. Обработка произойдетъ подъ надзоромъ докладчика и по программѣ, которая была установлена для русско-ливонской хронографіи, составленной Боннелемъ. Подобнымъ же образомъ Погодинъ обработалъ первые 90 лѣтъ удѣльнаго періода. Въ майскомъ засѣданіи А. А. Куникъ хотѣлъ представить часть изготовленныхъ имъ матеріаловъ. (Изв. Имп. Ак. Н., мартъ 1896 г.).

— Подъ наблюдениемъ С. Н. Северянова Академія Наукъ воспроизводитъ фотографіей Супрасльскую рукопись (по предложенію И. В. Ягича); негативы поступаютъ пользу Академіи (Изв. Ак., Н. мартъ).

— В. П. Васильевъ доложилъ Академіи Наукъ о надписяхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. Онѣ говорятъ о постройкѣ двухъ кумиренъ, въ 1413 и въ 1433 г. въ странѣ Нургань, обитаемой народомъ Цзи-мэ-ли, куда мирнымъ путемъ и дарами только что распространили свое вліяніе китайцы. Памятники эти важны тѣмъ, что къ китайскому тексту присоединенъ „вѣроятный переводъ его на монгольскомъ и чжурчженскомъ языкахъ“: что чжурчженскіе іероглифы, несмотря на свою вычурность, сохранились 200 лѣтъ послѣ паденія введшей его манчжурской династіи Чжурчжень (послѣ искажено въ Нюйчжень, Ниучи), между тѣмъ какъ въ Монголіи съ VIII в. извѣстно было алфавитное письмо (уйгурскіе памятники)— фактъ совершенно новый и неожиданный (Изв. Имп. Ак. Наукъ, апрѣль 1896 г.).

— Способъ, г. Буринскаго для чтенія неясныхъ рукописей (Арх. Изв. 1895, № 14) состоялъ въ томъ, что съ рукописи снималось нѣсколько негативовъ, и пленки накладывались точно одна на другую, чтобъ тѣни рисунка сгустились и выдѣлилось ясно для глаза различіе цвѣтовъ, т. е. чтобы буквы выдѣлились ясно на полѣ. Но для фотографіи съ пергамента приходилось смачивать и расправлять кожу, и при ссыханіи ея было въ лучшемъ случаѣ чрезвычайно трудно, часто невозможно добиться, чтобы оригиналъ въ теченіе нѣсколькихъ дней (что было необходимо) не измѣнялъ своего положенія относительно аппарата и, слѣдовательно, не мѣнялся въ размѣрѣ; такое же затрудненіе являлось при снимкахъ астрономическихъ. Въ январѣ г. Буринскій прочелъ въ Ак. Наукъ записку о новыхъ трудахъ своихъ по изученію условій цвѣтодѣленія въ фотографіи, а 31 марта прочелъ докладъ того же содержанія на фотографическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Исходя изъ положенія, что на каждомъ негативѣ выходятъ всѣ подробности, но только глазъ со своимъ слабымъ цвѣтодѣленіемъ не отличаетъ многихъ изъ нихъ на негативѣ, какъ и на подлинникѣ, онъ рѣшилъ дѣлать

последовательные снимки не съ подлинника, а съ негатива, сдѣланнаго на сухой желатинной пластинкѣ. Результаты богаты и въ высшей степени знаменательны: получается полная возможность добыть точные цвѣтодѣляющіе снимки, при чемъ напримѣръ, вмѣсто бесплодной четырехмѣсячной работы надъ однимъ документомъ, дѣло сдѣлано въ четыре дня; оказывается, что, дѣйствительно, во всякомъ негативѣ есть масса подробностей невидимыхъ нами, но доступныхъ выдѣленію цвѣтодѣлительнымъ способомъ. Для астрономіи, фивіологіи и т. д. данъ тутъ ключъ къ неизмѣримому ряду открытій; для эпиграфики — предѣлы раздвинуты широко. Въ „Запискѣ“ г. Буринскаго (Изв. Имп. Ак. Наукъ, мартъ 1896 г.) сообщены подробныя свѣдѣнія о приѣмахъ цвѣтодѣлительной фотографіи, примѣняемыхъ докладчикомъ.

— Цѣнный историческій матеріалъ доставленъ въ Кіевскій Центральній Архивъ, находящійся при университетѣ, изъ черниговской казенной палаты. Онъ состоитъ, между прочимъ, изъ собранія гетманскихъ универсаловъ, всѣхъ распоряженій русскаго правительства, судебныхъ рѣшеній и всякаго рода частныхъ актовъ (завѣщаній, пожертвованій), касающихся монастырей черниговской епархіи. Документы обнимаютъ періодъ времени отъ присоединенія края (1654 г.) и до начала текущаго столѣтія. Кромѣ того, въ числѣ переданныхъ Архиву бумагъ находятся: собраніе картъ, указывающихъ границы черниговскаго намѣстничества въ 1782 г., и собраніе плановъ и чертежей, относящихся ко времени путешествія императрицы Екатерины II по югу Россіи въ 1786 г. На планахъ изображены строенія, которыя возводились по пути слѣдованія императрицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она останавливалась. Зданія возводились деревянные, оклеивались внутри бумагою и украшались ситцевыми занавѣсками и портъерами.

— Въ Имп. Публичн. Библ. поступило изъ архива бывшаго главнаго управленія намѣстничества Кавказскаго десять дарственныхъ записей на грузинскомъ языкѣ, изъ коихъ старшая восходитъ къ 1440 г. и однадцать фирмановъ на арабскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ 1583—1750 годовъ (S. Pet. Her., 143).

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія командированъ въ Эчміадзинъ и въ Венецію проф. Лазаревскаго Института Г. А. Халатьянцъ для изученія армянскихъ рукописей, хранящихся въ этихъ городахъ.

— На соисканіе преміи имени покойнаго Д. Г. Кананова со-вѣтомъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ объявлена тема: „Армяне въ Византіи до эпохи Крестовыхъ походовъ“ (преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ). Сочиненіе можетъ быть пред-

ставлено на одномъ изъ слѣдующихъ языковъ: армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Срокъ представленія сочиненій назначенъ 1 января 1898 г. За лучшее сочиненіе присуждена будетъ премія въ размѣрѣ 700 р.

— Л. Аѳ. Коробовъ, совершившій въ 1894 г. смѣлое двухмѣсячное путешествіе по южнымъ предѣламъ Палестины, за Мертвымъ моремъ, предпринялъ въ 1895 г. большое путешествіе по Палестинѣ и Сиріи, продолжавшееся восемь мѣсяцевъ. Изъ Іерусалима черезъ Іерихонъ онъ направился въ дикое Заіорданье, желая пробраться въ Уади-Муса, въ мѣсто, гдѣ ранѣе находился городъ Петра Аравійская. Но въ Керакѣ онъ вынужденъ былъ свернуть на востокъ, прошелъ къ устьямъ Армона (Уади-Муджебъ) и среди разбойничьихъ кочевій бедуиновъ, въ сопровожденіи одного проводника, благополучно осмотрѣлъ развалины Леджуна, Ксуръ-Бшера, Аммосаса и др. Когда затѣмъ въ Мадабѣ онъ вызвалъ смѣльчаковъ проводить его на осмотръ развалинъ къ востоку отъ Мадабы до дороги Хаджей, согласился лишь одинъ съ условіемъ, что къ развалинамъ г. Коробовъ будетъ подходить одинъ, а онъ останется съ лошадьми въ нѣкоторомъ отдаленіи. За Мадабой г. Коробовъ осмотрѣлъ до 50 развалинъ. Далѣе путешественникъ проѣхалъ всю заіорданскую мѣстность до Дамаска, посѣтивъ на пути: Аманъ (древнюю Филадельфію), Сальтъ, Джерашъ, Хусунъ съ окружающими ихъ развалинами и со всѣми городками; отъ Хусуна онъ пересѣкъ Палестину до Средиземнаго моря, черезъ Тиверіаду, Өаворъ, Назаретъ, Кайфу и, вернувшись обратно въ Хусунъ, направился въ Дамаскъ. Въ Хауранѣ, на востокъ отъ Генисаретскаго озера, онъ былъ арестованъ турецкими властями и подъ конвоемъ отправленъ въ Дамаскъ, гдѣ былъ освобожденъ по заступничеству русскаго консула А. П. Бѣляева. Изъ Дамаска Л. А. проѣхалъ въ древнѣйшую православную женскую обитель—Сейданскій монастырь, оттуда къ Маалюлю и, наконецъ, черезъ Небокъ, Деръ Атье и Каритемъ, къ развалинамъ Пальмиры, все безъ конвоя; одинъ же совершилъ и крайне опасную поѣздку въ Хомсъ (Ешесъ), въ трехъ дняхъ пути отъ Пальмиры. Откуда черезъ Баальбекъ и Дамаскъ на Ливанскія горы, гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль, посѣщая православныя деревни и монастыри, черезъ Бейрутъ прибылъ въ Триполи, оттуда совершилъ поѣздку въ сѣверную Сирію, проѣхавъ черезъ древній монастырь св. Георгія въ Хаму и въ Алеппо. Митрополитъ трипольскій Григорій и вообще православное населеніе посѣщенныхъ г. Коробовымъ мѣстъ очень радушно принимали русскаго путешественника. Не владѣя достаточно арабской рѣчью, г. Коробовъ обращался къ мѣстнымъ православнымъ учителямъ и учительницамъ и просто къ грамот-

нымъ людямъ съ просьбою письменно поарабски излагать отвѣты на задаваемые имъ вопросы о мѣстномъ бытѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, пѣсняхъ и такимъ образомъ привезъ съ собою интересный письменный матеріалъ.

— Въ теченіе мая въ Москвѣ жила мис. Zelia Nutall, присланная Археологическимъ Обществомъ при Пенсильванскомъ университетѣ. Цѣль поѣздки ея была—ознакомившись съ главными русскими собраниями, заказать для Музея Пенсильванскаго Общества снимки съ предметовъ наиболѣе типичныхъ изъ доисторической и курганной эпохи Россіи. Г-жею Нуталль отмѣчены для этой цѣли характерные типы погребеній (модели), типичныя вещи изъ раскопокъ, каменные бабы и т. д. Замѣтимъ, что на родинѣ. Общество купило тотъ участокъ земли, на которомъ лежитъ знаменитая большая змѣеобразная насыпь. О богатой мессопотамской экспедиціи Общества 1888—91 гг. см. А. И. и З. 1894, 409.

— Въ Бельгій, близъ Монса, найденъ остовъ мамонта. Огромный костякъ лежалъ на глубинѣ трехъ сажень въ пластѣ желтаго песчаника; длина плечевыхъ костей до 1 $\frac{1}{2}$ метра. Одинъ изъ консерваторовъ Брюссельскаго Музея прибылъ на мѣсто находки; при немъ былъ откопанъ весь остовъ, каждая частица обмотана проволокой, весь костякъ, наскоро собранный, залитъ алебастромъ и въ такомъ видѣ перевезенъ въ Брюссель (Пр. В., 51).

— Въ Contemporary Review, май 1896, Флиндерсъ Петри издалъ переводъ обширной надписью изъ открытыхъ имъ (въ зап. части древнихъ Оивъ) развалинъ храма фараона Меремптаха, жившаго за 1200 л. до Р. Х.; въ надписи, при повѣствованіи о подвигахъ фараона въ Сириі, говорится между прочимъ: „взата силою Асканди (по мнѣнію Петри, Аскалонъ)... стертъ съ лица земли Іену (Янохъ) сирійцевъ, народъ израильскій разграбленъ, и въ немъ не осталось ни сѣмени; Сириа стала какъ пустыня египетская“. Изъ этого мѣста Петри выводитъ, что часть израильскаго народа уже жила въ Ханаанѣ до библейскаго исхода изъ Египта. Въ майскомъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ отнеслись гораздо сдержаннѣе къ новымъ свѣдѣніямъ: указывали на трудность сдѣлать изъ нихъ теперь опредѣленные выводы и вообще на противорѣчія въ надписи Меремптаха другимъ достовѣрнымъ источникамъ.

— Р. Reinicke въ статьѣ подъ заглавіемъ Die skythischen Alterthümer im mittleren Europa (въ Z. f. Ethnol. 1896 г.) описываетъ предметы, извѣстные подъ общимъ названіемъ скиѣскихъ древностей, найденныхъ между прочимъ въ Германіи (Феттерсфельдъ въ нижнелужицкомъ окр. Губенъ, и въ Галльской могилѣ въ Дюренѣ, ок.

Зинсгейма въ Баденѣ). Последняя находка оказывается наиболѣе западной, известной въ настоящее время по крайней мѣрѣ, границей распространения этого типа древностей. Найдены скинскихъ древностей въ Венгрии не представляетъ рѣдкости; онѣ изложены и систематизированы въ работѣ Hampe'я: „Ueber skythische Denkmäler aus Ungarn“. Въ Германіи онѣ крайне рѣдки, и потому вполне понятенъ интересъ, который возбуждаютъ среди археологовъ Запада эти совершенно чуждыя среди типовъ древностей зап. Европы находки, занесенныя съ Востока и отчасти изъ Сибири. Авторъ относитъ ихъ приблизительно къ вѣкамъ, предшествовавшимъ нашей эрѣ, называетъ ихъ скиео-сарматскими. Появленіе на Западѣ издѣлій этого рода составляетъ еще загадку, разрѣшить которую удастся только по накопленіи большаго количества данныхъ.

— Производя раскопки на островѣ Мелосѣ директоръ и студенты Британской Археолог. школы въ Афинахъ сдѣлали нѣсколько интересныхъ археологическихъ открытій. Наиболѣе важную находку составляетъ мозаика, самая красивая изъ найденныхъ въ Греціи. Первоначально она, повидимому, была въ сорокъ метровъ длиною и разбита на пять панелей, изъ которыхъ три украшены геометрическими узорами; остальные же двѣ украшены изображеніями, замѣчательными какъ по рисунку, такъ и по окраскѣ. На одной представлены двѣ виноградныя лозы, съ кистями и гроздьями; вокругъ нихъ расположены птицы и животныя. Другая панель представляетъ кругообразный рисунокъ, состоящій изъ разнаго рода рыбы, а по угламъ выступаютъ прекрасно исполненныя трагическія маски. Разныя оттѣнки окраски воспроизведены стеклянными пластинками; черный же фонъ мѣстами выложенъ блестящимъ обсидіаномъ, что придаетъ всей мозаикѣ необыкновенно яркій видъ. Кромѣ того при раскопкахъ найденъ рядъ гробницъ, относящихся къ шестому столѣтію до Р. Х., въ одной изъ которыхъ находилось множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Въ другой гробницѣ, римскаго періода, нашли множество золотыхъ листьевъ, очевидно, принадлежавшихъ когда-то золотому вѣнку, и золотой перстень съ прекрасно исполненною камеей (СПБ. Вѣд., 151).

— *Антикварная выставка въ Лондонѣ.*— Лондонскимъ Антикварнымъ Обществомъ была устроена выставка предметовъ найденныхъ при раскопкахъ близъ англійскаго города Сильчестера, гдѣ нѣкогда былъ расположенъ большой римскій городъ. За послѣднія шесть лѣтъ удалось изслѣдовать приблизительно половину этой мѣстности, около сорока десятинъ. На окончаніе раскопокъ потребуется еще нѣсколько лѣтъ и около тридцати тысячъ рублей на наши деньги. Результаты

прошлогоднихъ раскопокъ необыкновенно интересны. Найдены у западныхъ воротъ древняго города кварталъ красильщиковаго, ремесло которыхъ, повидимому, получило здѣсь громадное развитіе. Открыто два большихъ дома, въ одномъ изъ которыхъ имѣется маленькій домовый храмикъ, съ отдѣльной часовенькой для семейныхъ боговъ, составляющіе первую находку этого рода въ Англіи; мозаичные полы этихъ домовъ, тщательно восстановленные, отличаются замѣчательною красотой какъ рисунка, такъ и окраски. Въ рисункѣ художникъ особенно часто воспроизводитъ контуры дубоваго листа и ячменнаго колоса. Найдено также нѣсколько хорошо сохранившихся самосскихъ гончарныхъ издѣлій и замѣчательный наборъ хирургическихъ инструментовъ. Но самую интересною находкою слѣдуетъ считать маленькую чашу прекраснаго синяго стекла съ бѣлыми и желтыми инкрустациями. Она была разбита на шестнадцать кусковъ, которые удалось искусно склеить. Такіе образчики ввозныхъ стеклянныхъ издѣлій очень рѣдко встрѣчаются при раскопкахъ въ Англіи, что въ связи съ красотой находки придаетъ ей особенный антикварный интерес (Сиб. Вѣд. № 111, 1896 г.).

— На время Венгерской юбилейной выставки, которая продлится полгода, редакция журнала: *Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn* въ Пештѣ дружелюбно пригласила своихъ международныхъ товарищей—этнографовъ останавливаться по 4—6 человекъ въ ея помѣщеніи и предложила имъ содѣйствіе личное и письменное и въ Пештѣ, и при поѣздкахъ въ провинціи. Такое циркулярное приглашеніе получено было и Моск. Археол. Обществомъ.

— Лѣтомъ 1897 г. въ Португаліи и особенно въ Лиссабонѣ готовятся, по почину Королевскаго Географическаго Общества національныя и международныя торжества по случаю четырехсотлѣтія съ того дня (8 іюля 1497 г.), какъ отплыла изъ Лиссабона экспедиція Васко-да-Гама, открывшая морской путь въ Индію. Предполагаются праздники народные и ученые, выставки и сѣзды.

Подробныя программы празднествъ вырабатываются въ настоящее время особой Юбилейной Коммиссіей, во главѣ которой стоитъ Королевское Географическое Общество. Его величество король португальскій Карлъ I изволилъ принять юбилейныя торжества подъ свое покровительство.

— Восточный Сѣздъ, засѣдавшій въ Женевѣ въ 1894 г., выбралъ мѣстомъ слѣдующаго собранія Парижъ въ 1897 г. Нынѣ предварительный комитетъ Сѣзда остановился на дняхъ 5—12 сентября (24—31 августа стараго стиля) 1897 года. Сѣздъ состоитъ подъ

покровительствомъ президента Французской республики. Въ составъ комитета входятъ: предсѣдатель Ш. Шефферъ, тов. предсѣдателя Барбье де Мейнаръ; секретари: Масперо и Бордые; члены: Аймонье, Гимэ, Жюль Опперъ, Шлумберже, Сенаръ, де Воюэ. Намѣчены семь отдѣленій съ подраздѣленіями: 1 Языки и археологія арійскихъ странъ: а) языки и археологія Индіи, б) Иранъ, в) лингвистика.—2. Языки и археологія дальняго востока: а) Китай и Японія, б) Индо-Китай, Меланезія и Полинезія.—3. Языки и археологія масульманскіе.—4. Языки и археологія семитскіе: а) Арамея, Евреи, Финикія и Эіопія, б) Ассирія.—5. Египеть и африканскіе языки.—6. Востокъ, Греція; отношенія эллинизма къ Востоку; Византія.—7. Этнографія и народная поэзія Востока.

Взнось, 20 франковъ, высылается казначею и издателью съѣзда М. Ernest Lesoux, rue Bonaparte, 28, Paris. Имѣются въ виду льготы по желѣзнымъ дорогамъ.

— Городское управленіе Майнца предположило организовать торжественное чествованіе пятисотлѣтія рожденія Гутенберга. Точныхъ данныхъ о годѣ рожденія изобрѣтателя книгопечатанія не имѣется; извѣстно лишь, что онъ родился въ послѣднихъ годахъ XIV столѣтія. Въ виду этого возникла мысль, что указанное чествованіе лучше всего было бы приурочить къ 1900 году. Майнцскій бургомистръ, для рѣшенія вопроса, обратился къ нѣсколькимъ выдающимся ученымъ Германіи и Франціи съ просьбою высказать мнѣнія о томъ, когда они полагаютъ наиболѣе удобнымъ устроить чествованіе Гутенберга. Полученныя отъ нихъ письма онъ сообщилъ собранію Journalisten Verein, и члены его единодушно рѣшили чествовать пятисотлѣтіе рожденія Гутенберга въ 1900 году. (Русск. Вѣд. 149).

V.

Заосѣданія ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество.

Въ *голичномъ засѣданіи* 27 февраля 1896 г., секретаремъ Общества В. К. Трутовскимъ былъ прочтенъ отчетъ за 1895 годъ. Въ истекшемъ году Государь Императоръ соизволилъ принять Общество подъ Свое покров-

вительство. Изъ средствъ государств. казначейства отпущено 10,000 рублей на продолженіе изслѣдованій: Кавказа и восточныхъ губерній Россіи и 6,000 р. на устройство Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Совершены въ виду Съѣзда, поѣздки: В. И. Сизовымъ и бар. Р. Р. Штапельбергомъ въ Прибалтійскій край и Ѡ. В. Покровскаго пор. Вислѣ. Графиня Уварова ѣздила въ Пшавію, Хевсурію и Сванетію. Въ трудахъ Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ видное мѣсто занимали занятія по вопросамъ реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго собора. Въ 1895 году Обществомъ изданы: „Труды Предвар. Комитета X Съѣзда въ Римѣ“ вып. I; „Древности восточныя. Труды Восточной Комиссіи“ т. II, вып 1; „Древности. Труды Славянской Комиссіи“, т. I; „Труды VIII Археолог. Съѣзда въ Москвѣ“, т. II; „Труды IX Археолог. Съѣзда въ Вильнѣ“, т. I; „Арх. Изв. и Зам.“ (годъ 3-й).

Въ томъ же засѣданіи сообщены предварительныя свѣдѣнія о раскопкахъ Ф. Д. Нефедова въ Екатеринбургской губерніи.—В. А. Городцовъ изложилъ выводы изъ своихъ наблюденій надъ дюнами бассейна рѣки Оки въ Тульской и Рязанской губерніяхъ и надъ слѣдами доисторической культуры, въ нихъ находимыми.—Свящ. І. І. Кузнецовъ сообщилъ „Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго, Василя Блаженнаго, собора“,—въ дополненіе жъ докладу, читанному имъ 19 декабря 1895 г. (см. стр. 117). Эти новыя свѣдѣнія найдены съ тѣхъ поръ докладчикомъ въ рукописи Румянцевскаго собранія № 364 (конца XVII—нач. XVIII в.) и содержатся въ статьѣ о перенесеніи въ Москву великорѣцкой чудотворной иконы св. Николая, причемъ они представляютъ выдержку изъ какой-то повѣсти о св. митрополитѣ Іонѣ, Московскомъ чудотворцѣ. По этому источнику, Іоаннъ Грозный, вернувшись послѣ взятія Казани въ Москву, сообщилъ митрополиту Макарію и всему освященному собору о своемъ обѣтѣ поставить храмы во имя тѣхъ святыхъ и праздниковъ, въ дни коихъ было взятіе Казани и другія побѣды надъ татарами,—и *вскорѣ* поставилъ эти храмы у Фроловскихъ воротъ надо рвомъ: семь деревянныхъ вокругъ одного каменнаго. „И потомъ дарова ему Богъ дву мастеровъ русскихъ, по реклу Постника и Барму, и быша премудри и удобни таковому чудному дѣлу. И по совѣту святительску повелѣ имъ здати церкви каменны завѣтныя, 8 престоловъ; мастера жъ Божиимъ промысломъ основаша 9 престоловъ, не яко же повелѣно имъ, но яко по Бозѣ разумъ даровася имъ въ размѣреніи основанія“,—руководясь художественными соображеніями. Имена свв. престоловъ были: Покрова—большій, средній, а вокругъ: Троицы, Входа во Іерусалимъ, Кипріана и Устины (2 октября), престолъ „его же имя Богъ изводитъ“, патріарховъ: Александра, Іоанна и Павла Новаго *) Александра Свирскаго (30 августа), Григорія Армянскаго (30 сент., побѣда на Арскомъ полѣ) и Варлаама Хутынскаго (26 ноября). Образъ Великорѣцкій св. Николая былъ принесенъ, когда стройка уже была воздвигнута „отъ земли яко мало мнѣ сажени“, и тогда царь и

*) 2-го іюля? Редакція.

митрополитъ нарекли безименитый храмъ во имя св. Николая, „яко самому св. Николаю себѣ уготовавашу храмъ той“. — Такимъ образомъ нашлось подтвержденіе и дополненіе къ прежде доложенному. При этомъ: 1) зодчіе, Постникъ и Барма, прямо названы *русскими*, 2) разъясняются недоразумѣнія въ хронологическихъ данныхъ о сооруженіи собора. Именно, вскорѣ по возвращеніи изъ Казани, вѣроятно всею весною 1553 г., царь повелѣлъ строить обѣтныи храмъ — Троицкій, не Покровскій; Покровскаго предѣла при первоначальномъ построеніи не было, какъ доказываетъ докладчикъ. Въ 1554 царь повелѣлъ воздвигнуть „церковь Покровъ съ предѣлы“ — т. е. „заѣтныя“ каменные храмы на мѣстѣ „обѣтныхъ“ деревянныхъ; тогда на время поставлена деревянная Покровская церковь, и при освященіи этой-то „Покровской церкви“, какъ думаетъ докладчикъ и присутствовалъ царь 1 октября 1554 г. Въ 1555 г., когда постройка уже подвинулась значительно, царь повелѣлъ совершить закладку самыхъ храмовъ и при этомъ случаѣ наречено имя 9-му предѣлу во имя св. Николая, образъ котораго принесенъ съ Вятки въ іюнѣ 1855 года. Затѣмъ пошло построеніе собственно самыхъ храмовъ. (Докладъ напечатанъ въ Чт. Общ. Люб. Ист. и Древн., 1896 г. кн. 2). При обсужденіи К. М. Быковскій, (какъ А. М. Павлиновъ въ предшествовавшемъ засѣданіи) отмѣчалъ тотъ несомнѣнный для архитектора фактъ, что всѣ девять предѣловъ собора заложены одновременно, сразу представляли одно цѣлое. Указаніе на русское происхожденіе зодчихъ — весьма интересно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно неожиданно. Ранѣе были построены подходящіе по стилю: соборъ въ Коломенскомъ (итальянскими мастерами) и церковь въ Дьяковѣ. Постоянно у насъ, когда послѣ иностранцевъ брались за постройку русскіе, зодчество выигрывало въ оригинальности, но тотчасъ падала техника. Это законъ — неизбѣжный. Но тутъ именно и техника, манера работать, манера *рисунка* деталей — превосходна и свидѣтельствуетъ о традиціяхъ развитого искусства многихъ поколѣній, т. е., казалось бы, именно не о русской, а объ итальянской работѣ.

Въ *распорядительномъ засѣданіи 5 марта* А. С. Павловъ устно сообщилъ догадку свою объ источникѣ, изъ котораго произошло древне-русское преданіе о первомъ русскомъ митрополитѣ Михайлѣ. Сказаніе начальной лѣтописи о крещеніи Владиміра оканчивается, какъ извѣстно, обширнымъ исповѣданіемъ вѣры, которое будто бы преподавалъ было новообращенному князю крестившимъ его корсунскимъ епископомъ, не названнымъ въ лѣтописи по имени. Но имя автора самаго исповѣданія несомнѣнно было извѣстно, какъ самому кievскому лѣтописцу, такъ и другимъ книжнымъ людямъ XI—XII ст. Это исповѣданіе лѣтописецъ нашелъ въ Изборникѣ, переведенномъ еще до крещенія Владиміра, для болгарскаго царя Симеона-книголюбца, а поздѣе въ 1072 г. переписанномъ для русскаго князя Святослава. Здѣсь авторомъ исповѣданія названъ Михайлъ, синкель іерусалимскій. Самъ лѣтописецъ, признающій мѣстомъ крещенія Владиміра Корсунъ, могъ думать, что тамошній епископъ преподавалъ

новокрещенному *чужое* исповѣданіе вѣры, какъ наиболѣе употребительное тогда у Гречей; но позднѣйшіе читатели лѣтописи, именно тѣ, которые, по ея же свидѣтельству, держались преданія о крещеніи Владиміра не въ Корсуни, а въ Кіевѣ или Василевѣ, — замѣтивъ тожество исповѣданія вѣры, внесеннаго въ лѣтопись, съ тѣмъ, которое въ Изборникѣ Святослава подписано именемъ Михаила Синкела, заключили, что этотъ Михаилъ и былъ крестителемъ Владиміра и первымъ русскимъ митрополитомъ. Древнѣйшее письменное упоминаніе о Михаилѣ, какъ первомъ русскомъ митрополитѣ, находимъ въ южно-русской редакціи Владимірова церковнаго устава, дошедшей до насъ въ составѣ Кормчей, написанной въ 1286 г. для Волынскаго князя Владиміра Васильковича. Эта Кормчая извѣстна лишь въ копіяхъ не старше XVI в.; но уставъ Владиміра несомнѣнно входитъ въ составъ и оригинала этихъ копій, какъ указываетъ самое положеніе его въ копіяхъ: не только впереди послѣсловія подлинной Кормчей Владиміра, но и впереди многихъ важныхъ источниковъ византійскаго каноническаго права, именно — вслѣдъ за правилами VII вселенскаго собора: такого своевольнаго отступленія отъ традиціоннаго порядка русскихъ Кормчихъ не могли позволить себѣ писцы XVI вѣка. Устное преданіе о Михаилѣ, какъ о первомъ русскомъ митрополитѣ, разсѣлавшись письменнымъ, повторялось затѣмъ въ позднѣйшихъ литературныхъ памятникахъ: въ Степенной книгѣ, въ Синодикѣ Кіево-Печерской Лавры, въ Палиодіи Копыстенскаго, въ Густынской лѣтописи и т. д. Что касается вопроса о мощахъ русскаго митрополита Михаила, покоящихся въ соборѣ Лавры, то теперь доказано, что это — священные останки другаго соименнаго митрополита Кіевскаго, жившаго въ XII в. (см. *Утѣки въ Истор. Общ. Цестора лѣтописца*, 1895, X).

Въ засѣданіи 15 марта, предсѣдатель Общества, графиня П. С. Уварова доложила кратко о вещахъ полученныхъ для Историческаго музея отъ священника Слассегальсовой Маріи-Магдалинской церкви, о. І. І. Лійцѣ. Вещи эти изъ могильника, на правомъ берегу р. Огеръ (впадающей въ Двину), въ имѣніи г. Левиса-офъ-Менаръ. Онѣ одного типа съ люцинскими. Здѣсь двѣ шейныя гривны, витыя изъ трехъ бронзовыхъ проволокъ, оканчивающіяся петлями съ обѣихъ сторонъ; витая же изъ трехъ проволокъ гривна, но съ острыми гвоздеобразными концами; гривна литая бронзовая рубчатая, одинъ конецъ завитъ бантомъ, на другомъ запоръ; браслеты: одинъ витой, другой тяжелый литой; двѣ фибулы съ накладной петлей и гвоздеобразными концами; бронзовыя спиральи разныхъ размѣровъ, пряжка отъ пояса, бубенчикъ, рѣзанныя изъ бронзоваго листа привѣски; желѣзный топоръ.

Въ томъ же засѣданіи С. С. Слудскій прочелъ о „Крестахъ въ Прибалтійскихъ раскопкахъ“, возражая противъ воззрѣнія, будто кресты эти или не являются памятниками христіанства въ Прибалтійскомъ краѣ, или вообще не имѣютъ ничего общаго съ христіанствомъ. Воззрѣніе это сложилось въ послѣднія два-три десятилѣтія, безъ провѣрки фактическимъ матеріаломъ, вопреки прежнимъ сужденіямъ (Крузе), противорѣчить и археологическимъ и

историческимъ даннымъ. Въ доказательство того, что кресты, находимые въ курганахъ Прибалтійскаго края сами по себѣ—христіанскіе и при томъ византійскіе кресты, докладчикъ представилъ рядъ рисунковъ ихъ (кресты Апераденскаго могильника, Ревельскаго музея, Аренсбургскаго музея, изъ книги Аспелина) отчасти по печатнымъ источникамъ, отчасти по собственнымъ зарисовкамъ. Далѣе торговые пути съ востока на западъ черезъ край, засвидѣтельствованные монетами арабскими, византійскими, англо-саксонскими, англо-датскими съ VIII по XII в., и рядъ историческихъ свѣдѣній за XI и XII вѣкъ свидѣтельствуютъ, что не только во время прихода Альберта Буксгевдена въ эту „Regio Ruthenorum“ здѣсь были уже христіанскія селенія, города, церкви, монастыри, основанные двумя сильными сосѣдними христіанскими народами—русскими и датчанами, но были и до этого долѣе 150 лѣтъ, когда черезъ край, по проторенныхъ торговымъ дорогамъ, шли живыя сношенія скандинавовъ и русскихъ, совершались ихъ походы въ страну, и большая часть края платила дань или русскимъ, или датчанамъ. При этихъ условіяхъ въ край не могли не оказаться погребенными хоть бы пришлые христіане,—и мудро было бы, чтобы христіанство не затронуло и туземцевъ. И дѣйствительно, мѣстные языки свидѣтельствуютъ, что христіанство проникло къ туземцамъ еще въ русскую эпоху. Въ эстонскомъ языкѣ съ русскаго взято не только слово *крестъ*—*rist*, но самое слово *крестить*, *креститься* и имена *крестнаго родства*: *ristima*, *risti-isa*,—*ema*,—*poeg*; яз. латышскій, кромѣ „*bajniņa*“ = *церковь*, имѣетъ опять таки: *kristit*, *kristihtes* *креститься*, *kristi-tehus*,—*mahte*,—*detis*—*крестный отецъ*, *мать*, *сынъ*.—При обсужденіи доклада Н. Н. Харузинъ признавая, что рисунки, собранные докладчикомъ, устанавливають христіанскій, и именно византійскій, характеръ данныхъ крестовъ самихъ по себѣ,—считалъ недоказанною принадлежность ихъ и въ Прибалтійскомъ край христіанамъ. Д. И. Иловайскій находилъ возможнымъ, съ исторической точки зрѣнія, поддержать докладчика. В. Θ. Миллеръ не признавалъ достаточно убѣдительными выводовъ докладчика изъ данныхъ языка, а В. И. Сизовъ рѣшительно сомнѣвался въ возможности христіанскаго погребенія въ курганной обстановкѣ.

Въ *засѣданіи 24 апрѣля* Хр. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ объ армянскихъ рукописяхъ, любезно присланныхъ на разсмотрѣніе Общества г. Оханджаньяномъ изъ г. Кипинева. Всѣхъ рукописей четыре: 1) Евангеліе на плотной бомбицигѣ, писанное убористымъ круглымъ почеркомъ, въ два столбца; 330 листовъ, 25 × 18 сант., по 18 строкъ на страницѣ. Въ началѣ рукописи, въ замкахъ, каноны Евсевія, сверху цвѣточный узоръ, по сторонамъ двѣ куропатки; далѣе колонады съ вазами и узорами, изображеніями птицъ и изображеніями животныхъ, стоящихъ на заднихъ лапахъ и держащихъ свѣчу. Миниатюры евангелистовъ вырваны. Заставки обыкновеннаго типа; между мелкими украшеніями часто попадаются птицы-сирины въ остроконечныхъ шапкахъ, кресты и шатровыя башни. Рукопись, повидимому, относится къ XV в. и недодѣланность ея украшеній объясняется тревожными обстоятельствами

эпохи. По записи въ концѣ рукописи видно, что она была обновлена и переплетена въ 1106 г. армянской эры (1657 отъ Р. Х.). 2) Евангеліе на толстой бомбинѣ, круглымъ почеркомъ, въ 2 столбца, 282 л.; 18×13 сант., на страницѣ 23 строки. Миниатюры евангелистовъ, за исключеніемъ Марка, занимаютъ всю страницу; другія мелкія украшенія сдѣланы правильно, но не отличаются изяществомъ. Рукопись, повидимому, XVI вѣка. 3) Евангеліе, писанное красивымъ, круглымъ почеркомъ, въ 2 столбца, 326 листовъ, $10\frac{1}{2} \times 8$ сант. Въ началѣ 19 пергаментныхъ листовъ: девять миниатюръ изъ земной жизни Христа, древняго, византійскаго типа, и изящнаго исполненія, и 10 колонадъ съ канонами Евсевія, надъ которыми вазы, узоры, птицы, животныя. Всѣ 19 листовъ взяты изъ несравненно древнѣйшей рукописи и присоединены къ писанному на бумагѣ евангелію, въ которомъ изображенія типа новаго и краски свѣжѣе и которое писано, какъ видно по записи, въ 1641 г. въ Персіи, въ Исфаганской области Шотъ, на берегу Нарымъ-Кала, называемаго Тарасканъ, подъ покровительствомъ св. Богородицы. Писцомъ былъ іерей Гаспаръ. 4) Св. Литургія, писана на толстой бумагѣ, круглымъ почеркомъ, 20 листовъ, 28×20 сант., на страницѣ 23 строки. Въ началѣ сложная миниатюра, представляющая внутренность церкви, далѣе красивая заставка съ цвѣточными узорами, всѣ страницы окаймлены. Запись гласитъ, что рукопись писана въ 1160 г. арм. эры (1711 г.) августа 1 дня рукою писца Иліи изъ Марована (въ Малой Азіи) въ г. Тохатъ (тамъ же), при церкви св. Барсамы.

Въ *засѣданіи 8 мая* прочтенъ отчетъ В. М. Сысоева объ его поѣздкѣ лѣтомъ 1895 г. въ верховья рр. Б. Зеленчука, Кубани и Теберды. На основаніи археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ указанной мѣстности, г. Сысоевъ различаетъ слѣдующіе погребальныя типы: а) погребеніе въ могильникахъ и разсѣлинахъ скалъ въ горахъ, съ берестой; найдены кувшинчики, золотистыя бусы, стеклянные браслеты, — близъ Зеленчукскаго монастыря; б) погребеніе въ четырехугольной, почти квадратной, каменной гробницѣ, съ полукруглымъ отверстіемъ на ю.-в.; найдено много бусъ, мѣдныя пряжки, обломки желѣзнаго ножа, — близъ Хумаринской церкви; б') погребеніе въ четырехугольной продолговатой каменной гробницѣ, съ четырехугольнымъ отверстіемъ на ю.-в.; найдены кости, кувшинчики, — близъ Сентинской церкви; б") погребеніе въ четырехугольной каменной гробницѣ, съ конусообразной крышей и четырехугольнымъ отверстіемъ на ю., — на вершинѣ Сентинской горы; в) погребеніе въ четырехугольной продолговатой каменной гробницѣ; безъ отверстія, съ глиняной обмазкой; найдены кости, мелкія мѣдныя пластинки и т. д., — близъ Хумаринской церкви; г) два погребенія въ небольшихъ продолговатыхъ каменныхъ ящикахъ; найдены кувшины, мѣдная ложечка и деформированные черепа, — близъ осетинскаго Георгіевскаго поселка (Хумара); д) погребенія въ маленькихъ гробкахъ изъ тонкихъ каменныхъ плитъ; находокъ никакихъ, кромѣ костяковъ, — близъ Зеленчукскаго монастыря, Хумаринской церкви и пос. Каменноостскаго; е) погребенія въ каменныхъ небольшихъ гробкахъ; найдены однѣ кости, — близъ 2-й Зеленчукской церкви;

ж) погребенія въ склепахъ при Хумаринской и Семтинской церквахъ; з) погребенія въ гробахъ изъ каменныхъ плитъ у сѣверной стѣны Семтинскаго храма; и) погребенія (новѣйшія) въ пещерахъ Подорвановой балки близъ Зеленчукскаго монастыря. Четырехугольныя гробницы съ отверстиями и безъ нихъ относятся, по мнѣнію г. Сысоева, ко времени около X в., а гробницы малыя каменныя еще болѣе поздняго времени. Погребенія въ пещерахъ въ Подорвановой балкѣ близъ Зеленчукскаго монастыря должны быть отнесены, повидимому, къ двумъ эпохамъ: древнѣйшія были погребеніями X—XII вв., а новѣйшія—не древнѣе XVIII вѣка.

Въ Восточной Комиссіи Общества 25 декабря 1895 г. М. В. Никольскій прочелъ „О новыхъ трудахъ по ассириологии и библейской наукѣ“. Указавъ на значеніе халдейской магіи внутри и вѣгъ Халдеи и на знаменитый трудъ по этому предмету Ленормана, доселѣ не потерявшій своего значенія, докладчикъ познакомилъ собраніе съ книгой молодого гельсингфоргскаго ученаго Тальквиста „*Die assyrische Beschwörungsserie Maglu*“, Leipzig, 1895, книгой, представляющей выдающееся явленіе по ассириологии. Г. Тальквисту посчастливилось собрать въ Британскомъ музеѣ изъ 54 фрагментовъ почти цѣльный текстъ, состоящій изъ серіи заклинаній, подъ названіемъ maglu, раздѣленный на восемь отдѣловъ, каждый на особой таблицѣ. Въ изданіи даны: текстъ въ оригинальномъ и реставрированномъ видѣ, транскрипція, переводъ и комментарий. Все это исполнено съ рѣдкой основательностью и дѣлаетъ честь финляндскому ученому. Представляемый книгой матеріалъ имѣетъ большую важность, давая возможность съ гораздо большею ясностью и полнотою судить о халдейской магіи и, тѣсно съ ней связанной, халдейской религіи. Другой докладъ М. В.—ча касался новыхъ выпусковъ коллективнаго труда европейскихъ и американскихъ ученыхъ, издаваемого подъ редакціей ассириолога Гаупта,—*The sacred books of the Old Testament*, именно: *C. Siegfried*, *The book of Job*; *S. R. Driver and U. A. White*, *The book of Leviticus* и *K. Budde*, *The book of Samuel*. Издатели прибѣгли къ оригинальному способу обозначать различные источники, предполагаемые для библейскихъ книгъ, различными цвѣтами типографской краски, чѣмъ значительно облегчается усвоеніе приѣмовъ и выводовъ новѣйшей литературной критики. Особенное значеніе придаетъ изданію обширный критическій аппаратъ, представляющій результатъ сличенія масоретскаго текста съ переводомъ LXX (научное значеніе котораго все болѣе цѣнится теперь) и съ другими древними переводами. Трудъ этотъ, несмотря на безпочвенность и гипотетичность многихъ выводовъ, представляетъ первую попытку реконструкціи библейскаго текста и, благодаря основательному исполненію въ цѣломъ, въ состояніи подвинуть впередъ научное изслѣдованіе Библии В. Завѣта, а также внести интересъ къ этому изслѣдованію въ болѣе обширный кругъ ученыхъ.

Въ засѣданіи Вост. Комм. 15 февраля читали: А. Е. Крымскій — Кар-

тины из исторіи суфизма въ IV. свѣтъ иджери и М. О. Аттая—О рукописномъ арабскомъ переводѣ псалтири въ стихахъ.

Въ Славянской Коммисіи Общества, въ засѣданіи 4 января въ домѣ графини Уваровой, И. А. Линниченко прочелъ докладъ: „Князья и бояре Гурко“. Князья Гурко, вѣроятно Ольгердовичи, не были замѣтны въ исторіи, и къ концу XV в. ихъ родъ угасъ. Отъ сыновей волынскаго боярина Теодора: Костюшки и Гурко, въ XVI вѣкѣ пошли роды: Костюшекъ (откуда и знаменитый Ѳаддей Костюшко) и Гурокъ; послѣдній родъ въ XVI—XVII вв. распался на нѣсколько вѣтвей, изъ коей къ Витебской принадлежать именитѣе Гурко, съ фельдмаршаломъ во главѣ, а изъ Черниговской былъ извѣстный въ казацкой исторіи Семенъ Палій. Имя „Гурко“ докладчикъ объяснялъ уменьшительнымъ отъ „Георгій“, „Юрій“,—а Р. Ѳ. Брандтъ—отъ „Гурій“.—А. Е. Крымскій прочелъ „О похоронныхъ причитаніяхъ сѣвернаго края“, происхожденіе коихъ относилъ къ времени до-христіанскому. Онъ же и И. А. Линниченко сообщили свѣдѣнія о приглашенной въ засѣданіе вопленицѣ Иринѣ Андреевнѣ Ѳедосовой, а затѣмъ И. А. прочла нѣсколько свадебныхъ пѣсень и похоронныхъ причтаній и одинъ духовный стихъ и сверхъ того провела время въ оживленной бесѣдѣ съ присутствовавшими, давъ образцы живой, образной и мѣткой рѣчи, рассказывая объ обычаяхъ и бытѣ своей стороны, предлагая загадки, приводя прибаутки и присловья и т. п.

Въ засѣданіи Коммисіи 1 марта С. О. Долговъ прочелъ о „Второмъ хожденіи Варсонофія въ Св. Землю“, совершенномъ черезъ пять лѣтъ (въ рѣписи неточно высчитано черезъ шесть) послѣ перваго, о коемъ сообщилъ Н. С. Тихонравовъ въ засѣданіи 19 мая 1893 г. Выйдя изъ Кіева или ближнихъ мѣстъ, Варсонофій направился на Молдавію и Валахію, Бѣлградъ, Константинополь, Критъ, Родосъ, Кипръ (гдѣ посѣтилъ гору, на которой св. Елена поставила крестъ благоразумнаго разбойника, и монастырь св. Маманта); оттуда на Даміетту и вверхъ по Нилу въ Каиръ, гдѣ пробылъ шесть недѣль. Въ природѣ Египта В. отмѣтилъ только „лжатаго звѣря“ (крокодила?) и деревья, на которыхъ растутъ дивій медъ. Но за то онъ подробнѣйшимъ образомъ останавливается на святыняхъ Египта и мѣстахъ освященныхъ христіанскими легендами. И полнотой, и точностью въ перечисленіи церквей Каира онъ превосходитъ всѣхъ и западныхъ, и греческихъ паломниковъ, давая не мало свѣдѣній совершенно новыхъ. Послѣ Рождества 1462 г., В. посѣтилъ Синайскую гору—первый изъ русскихъ и даль единственное по полнотѣ описаніе ея: западные паломники, интересовались только мощами св. Екатерины, и не интересовались православнымъ монастыремъ; греческія же свѣдѣнія много позднѣе. В. подробно говоритъ о храмахъ и предѣлахъ монастыря, службахъ, правилахъ. Рассказъ его объ обрѣтеніи мощей св. Екатерины отличается отъ разсказа Фабри безыскусственностью, и, вѣроятно, записанъ со словъ братіи; рассказъ о явленіи Богородицы старцамъ переданъ въ старшей версіи: Богородица общается сама бытъ келаремъ монастыря, оттуда и

перковъ—*παρὰ τὴν οἰκονομίαν* (позднѣ это названіе объясняется тѣмъ, что Богородица явилась эконому).—А. И. Яцимирскій, рассмотрѣвъ „Литературныя произведенія приписываемыя Павлу Митроп. Сарскому и Подонскому“ (пять, въ томъ числѣ два посланія и два слова) пришелъ къ выводу, что они написаны Симеономъ Полоцкимъ и Епифаніемъ Славенецкимъ по порученію Павла, который, впрочемъ, во всякомъ случаѣ и самъ былъ любителемъ просвѣщенія. С. О. Долговъ указалъ на подобные же въ свое время труды Каріона Истомина, писавшаго по заказу другихъ.

Въ *засѣданіи Славянской Комиссіи 13 апрѣля* М. Н. Сперанскимъ сдѣлано сообщеніе подъ заглав.: „Гадательныя псалтири“. Изложивъ въ общихъ чертахъ свѣдѣнія о гаданіяхъ по книгамъ вообще и по Свящ. Писанію въ частности, и особенно обративъ вниманіе на извѣстія западныхъ и византійскія по псалтири, референтъ указалъ на дошедшіе до нашего времени, какъ извѣстія о гаданіи по псалтири въ Россіи (гаданіе Владиміра Мономаха), такъ и на тексты гадательныхъ псалтирей. Древнѣйшіе тексты относятся къ концу XIII в. (Сербскій) и XIV в. (Русскій), представляютъ рядъ гадательныхъ приписокъ къ обыкновенной псалтири. Позднѣйшіе тексты—спеціально для гаданія составленные памятники. По своему происхожденію эти послѣдніе есть результатъ компиляціи текстовъ, родственныхъ древнѣйшимъ и памятниковъ, сходныхъ съ византійскими *βιβλίου τοῦ εὐαγγελίου* и извѣстными въ русскихъ текстахъ „Гаданіями Соломона“ (или Давида). Въ связи съ анализомъ текстовъ указаны способы гаданія по этимъ гадательнымъ псалтирямъ, при чемъ приведенъ сербскій текстъ руководства для гаданія по псалтири (изъ рук. П. І. Шафарика), и указаны переживанія обычая гадать по псалтири сохранившіяся до сихъ поръ. Въ связи съ гадательными псалтирями подвергнуть рассмотрѣнію вопросъ о „рафляхъ“, какъ о памятникѣ, стоящемъ въ родствѣ съ гадательными псалтирями. Вопреки принимаемому въ наукѣ мнѣнію, референтъ отрицалъ связь „рафлей“ (по происхожденію) съ тѣми текстами, которымъ приписываютъ имя рафлей, а наоборотъ ставилъ эти тексты въ связь съ гадательной псалтирью. Наконецъ референтомъ были указаны возможные источники, на основаніи которыхъ гадательная поздняя псалтирь развивалась и становилась народной книгой. М. М. Соколовымъ было по поводу доклада М. Н. Сперанскаго сдѣлано нѣсколько дополненій къ византійскимъ извѣстіямъ о гаданіяхъ по Библии и псалтири.

Императорское Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Въ *засѣданіи 27 января 1896 г.* В. О. Эйнгорнъ сдѣлалъ сообщеніе о „Заказѣ московскаго правительства кіевопечерской типографіи въ 1896 г.“ Какъ видно изъ Записныхъ Книгъ Московскаго Печатнаго Двора, вслѣдствіе все увеличивавшагося спроса на книги, московская типографія была въ шестидесятихъ годахъ XVII в. завалена работой. Поэтому не только не удалась попытка

Лазаря Барановича напечатать въ Москвѣ „Трубы словесъ проповѣдныхъ“, но даже московское правительство рѣшило дать типографіи Кіево-печерской Лавры заказъ на исполненіе типографской работы и предложило архимандриту кіево-печерскаго монастыря Иннокентію Гизелю напечатать въ лаврской типографіи двѣ книги: „Бесѣды на Дѣянія Апостольскія“ и „Бесѣды на посланія“. Но кіевляне подъ разными предлогами отклонили отъ себя печатаніе книгъ для Москвы, а предложили московскому правительству приобрести въ книжномъ складѣ Печерской Лавры залежавшіеся экземпляры лаврскаго изданія „Бесѣдъ“. Хотя Гизель предлагалъ купить у него книги въ казну „дешевою цѣною“, однако правительство московское не согласилось на это, разрѣшивъ, впрочемъ, продавать книги въ Москвѣ по вольной цѣнѣ; проектъ же печатать для Москвы книги въ печерской типографіи подъ надзоромъ московскихъ чиновниковъ, оказался въ 1669 г. неосуществимымъ. По поводу сообщенныхъ докладчикомъ свѣдѣній о размѣрѣ платы „типографскимъ художнымъ мастерамъ“ въ 1669 г. Москвѣ и въ Кіевѣ сдѣлали замѣчанія В. О. Ключевскій и Д. И. Иловайскій, при чемъ В. О. Ключевскій сдѣлалъ также замѣчаніе о стараніяхъ кіевлянъ распространять въ Москвѣ въ XVII в. свои изданія.

С. М. Сироткинъ, въ сообщеніи „Къ исторіи канонизаціи въ русской церкви“, изложивъ свѣдѣнія, какія имѣются въ лѣтописяхъ, родословной книгѣ, и житіи благовѣрнаго князя Феодора Ростиславича Чернаго, о князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, его матери княгинѣ Анастасіи и бабкѣ княгинѣ Ксении Ярославскихъ, передалъ содержаніе слѣдственнаго дѣла о ихъ чудесахъ и мощахъ, произведеннаго въ 1692-мъ г. по порученію патріарха Адріана. Документъ этотъ состоитъ: 1) изъ прошенія ярославскихъ посадскихъ людей къ Іосафу митрополиту Ростовскому и Ярославскому о разсмотрѣнію чудесъ отъ новоявленныхъ чудотворцевъ; 2) изъ ряда записей о совершившихся отъ гробовъ князя и княгини чудесахъ съ подписями тѣхъ лицъ, надъ которыми они совершились; и въ 3) самаго слѣдственнаго акта, въ которомъ слѣдователь записалъ, какъ чествовались предполагаемые святые духовенствомъ и народомъ, и подвергъ своей критикѣ вопросъ о ихъ святости. Разбирая показанія лицъ, давшихъ свои записки о случившихся съ ними чудотвореніяхъ, С. М. указывалъ, что, не смотря на ихъ документальную форму, показанія эти вовсе не очень точны по содержанію и допускаютъ иное представленіе о дѣлѣ, чѣмъ даютъ сами. Съ другой стороны, судя по необычайному чину чествованія усопшихъ князя и княгини, мѣстное духовенство практически было, повидимому, заинтересовано въ дѣлѣ ихъ канонизаціи. Наконецъ, критика слѣдователя и отказъ въ канонизаціи со стороны высшей церковной власти объясняются, помимо внутренней несостоятельности самого дѣла, усилившеюся въ Русской церкви въ половинѣ XVII-го в. строгостью по отношенію къ канонизаціи святыхъ вообще.

Въ *засѣданіи 24 февраля*, М. К. Любавскій сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи литовско-русскаго сейма“. На первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ былъ простымъ расширеніемъ великокняжеской думы,

или рады, распространением политической деятельности ея на болѣе широкій кругъ литовской знати, при особо важныхъ случаяхъ, какъ при рѣшеніи вопросовъ объ уніи съ Польшей, при выборѣ новаго короля. Будучи являемъ болѣе или менѣе случайнымъ, сеймъ не былъ тогда учрежденіемъ съ определеннымъ составомъ и съ определенной компетенціей, тѣмъ болѣе, что и сама рада того времени не сформировалась еще, какъ учрежденіе. Сеймъ этой эпохи почти невозможно отдѣлить отъ рады. Съ начала XVI в. сеймъ формируется какъ учрежденіе съ определеннымъ составомъ и компетенціей. Рыцарство на сеймѣ сначала представляется всѣми желающими; но въ 1511 г. имѣемъ первый случай выборныхъ представителей отъ хорунжества, а съ 1566 г. кослы выбираются отъ каждаго судебного повѣта на повѣтовыхъ сеймикахъ, и притомъ отъ всего шляхетства, въ томъ числѣ князей и пановъ. Сближившись такимъ образомъ съ польскимъ сеймомъ по составу, литовскій сеймъ обливается съ нимъ и по компетенціи. При Сигизмундѣ I сеймъ созывается для „ухвалы“ сбора серебрины (подать на военныя цѣли), но дѣлаетъ постановленія и объ оборонѣ земской, о количествѣ поставляемыхъ ратниковъ. Дѣлать постановленія о серебринѣ и объ оборонѣ земской признано правомъ сейма. Съ послѣднихъ же лѣтъ Сигизмунда-Августа сеймъ уже просить о нуждахъ, указываетъ на непорядки, добивается новыхъ вольностей и законовъ, становится органомъ государственной инициативы. Наконецъ, закономъ 1566 г. господарь обязанъ „новыхъ уставъ безъ сейма вальнаго не вставлять“. Послѣ этого литовскій сеймъ такъ близко подошелъ къ польскому, что легко могъ слиться съ нимъ. Парламентская уніа 1599 г. была подготовлена въ великомъ княжествѣ Литовскомъ внутреннимъ процессомъ, нагляднымъ выраженіемъ котораго является литовскій сеймъ.

Въ *засѣданіи 18 марта* В. О. Ключевскій читалъ: „О нѣмецкихъ шюлахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.“, сообщая въ этомъ докладѣ содержаніе новыхъ документовъ по этому вопросу, собранныхъ въ московскихъ архивахъ С. А. Бѣлокуровымъ и А. Н. Зерцаловымъ. (Нынѣ эти документы закончены печатаніемъ для *Чтеній* О. Л. И. и Др.).

Въ *засѣд. 24 апр.* онъ же прочелъ о „Св. Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ“.

Императорское Русское Археологическое Общество.

12 марта въ годовомъ засѣданіи Общества прочтенъ отчетъ за 1895 годъ. Изданы: VII т. „Записокъ“ Общества и IX т. „Записокъ Восточнаго Отдѣленія“. Собираніе матеріаловъ для III тома *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* почти завершено (недостаетъ еще матеріала, хранящагося въ Эрмитажѣ). Золотая медаль Общества присуждена В. А. Жуковскому за „Древности Закаспійскаго края. Развалины Мерва“ (по рецензіи В. Г. Тизенгаузена; Импер. Ак. Наукъ присудила за эту же книгу первую медаль графа Д. А. Толстого, Изв. И. А. Н., мартъ); серебряныя: М. И. Соколову за „Новый матеріалъ“

для объяснения амулетовъ зѣбевиковъ“ (редакт. гр. И. И. Толстого) и А. Б. Нижитскому за „Дельфійскіе эпиграфическіе этюды“ (редакт. Ѳ. Ѳ. Соколова).

5 февраля въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія Я. И. Смирновъ доложилъ о своей археологической поѣздкѣ по Малой Азій, показавъ одѣланныя имъ фотографіи съ памятниковъ, частью впервые святыхъ, частью исправляющія сообщенія прежнихъ путешественниковъ. Въ древней Каппадокіи докладчикъ изслѣдовалъ пещерныя церкви, высѣченныя въ высокихъ утесахъ и, судя по внутренней отдѣлкѣ этихъ церквей, пришелъ къ заключенію, что время возникновенія ихъ не раньше XI вѣка. Интересенъ также открытый докладчикомъ хеттѣйскій рельефъ на скалѣ, изображающій какое-то божество. В. В. Латышевъ представилъ текстъ вновь открытой въ Аналѣ, въ мѣстоположеніи греческой колоніи Горгиншіи, надписи на большой, въ два метра вышиной, мраморной плитѣ, оскрашенной отъ гибели мѣстнымъ податнымъ инспекторомъ; при содѣйствіи Н. И. Веселовскаго мраморная плита поступила въ собственность Императорской Археологической Комиссіи и помѣщена теперь въ Керченскомъ музеѣ. Надпись заключаетъ въ себѣ четыре списка, изъ которыхъ первый есть списокъ побѣдителей въ бѣгѣ на праздникъ Гермеса. Въсѣхъ именъ 225, и все это имена чисто греческія, за исключеніемъ ограниченного числа развѣтрѣчающихся именъ Скиевъ и Синдѣ, т. е., обращенныхъ въ личныя, именъ сосѣднихъ народовъ. По даннымъ палеографическимъ, надпись эта относится къ III вѣку до Р. Х.—С. А. Жебелевъ представилъ новый выпускъ роскошно издаваемыхъ Королевскимъ музеемъ въ Берлинѣ „Древностей“ (Alterthümer). Въ этой второй части V тома художественно воспроизведены результаты раскопокъ и изслѣдованій въ Пергамѣ, опредѣлившихъ мѣстоположеніе и конструкцію храма въ честь императора Траяна (Нов. Вр., № 7163, 1896).

19-ю февраля въ засѣданіи того же Отдѣленія предметомъ обсужденія были доклады С. А. Жебелева („Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова“) и М. И. Ростовцева („Пошпен за 1893—1895 гг.“). С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ законченнымъ въ прошломъ году изданіемъ германскаго археологическаго института въ Римѣ: „Архитектурныя изслѣдованія Сергѣя Андреевича Иванова“. Братъ знаменитаго нашего художника, архитекторъ Ивановъ умеръ въ 1877 г. и завѣщалъ все свое состояніе (значительный капиталъ и домъ въ Римѣ) названному учрежденію, съ тѣмъ, чтобы институтъ озаботился достойно издать труды жертвователя по археологіи, преимущественно въ области опредѣленія цифровыхъ отношеній и изученія деталей античнаго зодчества. Къ изданію этому приложенъ русскій переводъ нѣмецкаго текста. Чертежи и рисунки отличаются изяществомъ выполненія и живостью воспроизведенія. (Нов. Вр., № 7177, 1896).

Въ *Класс. Отд.* 11 марта Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочелъ „О Софоклѣ-врачѣ“. Въ 1892—94 гг. германскіе раскопки обнаружили на зап. склонѣ афинскаго акрополя святилище *Ἄφροδίτου*, и французская школа въ Афинахъ издала по этому поводу (Bull. de congrès. hell. 1894) принадлежащую ей надпись коллегіи оргеоновъ *Ἄρβου* (что, повидимому, слѣдуетъ отождествлять съ *Ἄλκων*) жи

Ἀσκληπίου καὶ Δεξίωνος. Эта надпись доказываетъ, что Софокль, котораго по смерти чтли подъ именемъ Дексіона, и который былъ жрецомъ Алкона, соученика Асклепіева, былъ по профессіи врачомъ. Это подтверждается патологическими описаніями въ его трагедіяхъ, при чемъ сравненіе съ Эврипидомъ приводитъ къ заключенію, что натурализмъ Софокла является его личной, а не общеэллинской чертой (Исслѣдованіе г. Эвлинскаго напечатано въ Ж. М. Н. П., апрѣль—май 1896 г.).

16 апреля въ засѣданіи *Классич. Отд.* Р. Х. Лешперъ читалъ о „Тридцати тиранахъ“, видя въ нихъ коллегію представителей тридцати тритоній, на которыя подраздѣлялись аѳинскія филы (докладъ напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр.); М. И. Ростовцевъ доложилъ о „Двухъ новыхъ надписяхъ изъ Филиппополя“, изъ коихъ одна свидѣтельствуетъ о посвященіи Гераклу атрибутовъ Аполлона и сооружена, повидимому, имп. Коммодомъ (Ж. М. Н. Пр., май); П. А. Сырку сообщилъ о двухъ христіанскихъ рельефахъ, найденныхъ въ Чешинѣ, въ Болгаріи.

Въ засѣданіи *Классическаго Отдѣленія* 10 мая А. Н. Шукаревъ представилъ обзоръ изданнаго Берлинской Академіей Наукъ свода *Inscriptiones Graecae Insularum Maris Aegaei*, подъ редакціей Фр. Гетрингена. Сюда вошло 1000 надписей (въ томъ числѣ на вазахъ и на ручкахъ амфоръ). Нѣкоторыя важны для исторіи искусства: такъ возникновеніе знаменитой группы Лаокоона слѣдуетъ, на основаніи данныхъ свода, отнести къ началу I в. до Р. Хр. Знакомыя далѣе собраніе съ наиболѣе интересными надписями изъ II т. прибавленія къ *Corpus Inscr. Atticarum*, г. Шукаревъ обратилъ вниманіе на обширныя надписи 323 и 318 гг. до Р. Хр., проливающія новый свѣтъ на борьбу Аѳинъ съ Македонцами. С. А. Жебелевъ далъ обзоръ 2-й части VIII тома *Alterthümer von Pergamon*, издаваемыхъ прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Это—1093 пергамскія надписи.—К. Н. Липинъ сообщилъ нѣкоторыя подробности о вновь открытомъ греческомъ евангеліи VI—VII вѣка. Я. И. Смирновъ, во время своей поѣздки по Малой Азій напелъ это евангеліе въ г. Сармусаклы близъ развалинъ Кесаріи Каппадокійской, въ Ангорскомъ вилайетѣ. Евангеліе писано серебряными буквами на пурпуровомъ пергаментѣ, сохранилось его 184 листа; часть остальныхъ листовъ имѣется въ Вѣнской Государственной Библиотекѣ, въ Британскомъ Музеѣ и въ Ватиканѣ. Россійскій посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ озабочился доставленіемъ этого замѣчательнаго памятника въ К—поль, и, по ознакомленію съ нимъ Русскаго Археологическаго Института въ К—поль, Императорской Публичной Библиотеки и Имп. Академіи Наукъ, евангеліе приобрѣтено для Публ. Библ. Государемъ Императоромъ за 10.000 р. (Н. Вр., 7262).

27-го февраля въ засѣданіи *Русскаго Отдѣленія* Н. П. Павловъ - Сильванскій читалъ „О закладничествѣ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ“. Большинство русскихъ ученыхъ, начиная съ Карамзина, видѣли въ закладничествѣ обезпеченіе долга личной свободой. Но Соловьевъ усматриваетъ въ этомъ установленіи начало покровительства сильнаго надъ слабымъ, посту-

пающимъ за то, въ пользу своего покровителя, частью своей свободы. Докладчикъ поддерживаетъ и развиваетъ мнѣніе Соловьева, видя въ закладничествѣ замѣну подданства государству подданствомъ частному лицу, вызывавшую поисками общественной безопасности, которой еще не давало государство. Въ грамотахъ изслѣдуемаго времени замѣтно рѣзкое различіе между закладчиками и заемщиками: только послѣдніе стояли къ своимъ заимодавцамъ въ отношеніяхъ должниковъ, обезпечившихъ возвратъ долга закладной на свое имущество или даже на свою свободу на началахъ кабальной зависимости. Гр. Лаппо-Данилевскій и Рождественскій оспаривали точку зрѣнія докладчика и отрицали убѣдительность его доводовъ. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій представилъ собранію мѣдный котель съ пробитымъ отверстіемъ, присланный въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ Туруханска однимъ мѣстнымъ обывателемъ, который, цѣною двухъ оленей, приобрѣлъ этотъ предметъ у тунгузовъ, поклонявшихся вотлу, какъ богу, творившему чудесное и совершавшему исцѣленія. Тунгузы были убѣждены, что простой человѣкъ, не шаманъ, не можетъ поднять этого котла подъ опасностью собственной гибели, но, допустивъ русскаго къ этому опасному опыту, были смущены тѣмъ, что онъ взялъ этотъ небольшой котель и поставилъ къ себѣ на сани. (Нов. Вр., № 7185, 1896).

29-го февраля въ засѣданіи *Восточнаго Отдѣленія*, читали: В. Д. Смирновъ („Иносказательная апологія дервишизма“) и Б. А. Тураевъ („Неизданный поэтический памятникъ коптской эпитафики“). В. Д. Смирновъ нашелъ въ библиотекѣ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ неизданную турецкую рукопись прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ „Булбубльміе“, съ именемъ автора Бюрри-эффенди. Это аллегорическій рассказъ о соловьѣ, судимомъ на основаніи показаній всѣхъ другихъ птицъ. Надпись, сообщаемая Б. А. Тураевымъ, представляетъ переработку библейскаго текста. (Нов. Вр., № 7188, 1896).

14 марта въ засѣданіи *Вост. Отд.* А. Я. Гаркави читалъ о „Новыхъ находкахъ въ собраніи рукописей Фирковича“ (переводъ изъ арабскаго писателя XII в. Ибнъ-Эзра). Н. И. Веселовскій представилъ фотографіи самаркандской надгробной мечети, построенной Тимуромъ, а нынѣ взорванной при сооруженіи крѣпостныхъ построекъ. Бар. В. Р. Розенъ сообщилъ, что персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ оказалась отпечатанной въ одномъ сборникѣ, изданномъ въ Тегеранѣ въ первой половинѣ этого вѣка.

9 мая въ засѣданіи *Восточнаго Отдѣленія* сообщенія сдѣлали А. К. Марковъ „О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда“, Н. Я. Марръ „О грузинскомъ изводѣ повѣсти о Варлаамѣ“ и А. О. Ивановскій „О молитвенныхъ знаменахъ“. А. К. Марковъ представилъ на разсмотрѣніе собранія шесть серебряныхъ монетъ, поступившихъ въ Императорскій Эрмитажъ, и одну мѣдную изъ коллекціи К. Н. Липина. Всѣ эти монеты относятся ко времени владычества въ Персіи монгольской династіи Гулагайдовъ, первый представитель которой вступилъ на престолъ въ 1256 году по Р. Хр. Одинъ изъ предста-

вителей той же династии, Аргунь, в 1288 году объявил своим наследником, вопреки обычаю, не старшего в родѣ, а сына своего Газань-Махмуда и, чтобы закрепить этот свой актъ въ сознаниі народа, велѣлъ выбить монеты, на которыхъ было и его имя, и имя Газана. Таковы шесть монетъ, поступившія въ Эрмитажъ и представляющія чрезвычайную нумизматическую рѣдкость. Такая же единственная въ своемъ родѣ монета К. Н. Липина, выбитая въ 703 годѣ геджры, послѣдній годъ царствования того же Газань-Махмуда. Н. Я. Марръ познакомилъ собраніе съ вышедшимъ въ свѣтъ изданіемъ грузинскаго извода повѣсти о Варлаамѣ. Изданіе сдѣлано по шести рукописямъ Е. С. Такай-Швили. Въ энциклопедической библиотекѣ, въ рукописи XIII вѣка, найденъ армянскій изводъ той же повѣсти. Сообщение А. О. Ивановскаго вызвано просьбой Туркестанскаго Кружка любителей Археологій рассмотреть и опредѣлить присланное кружкомъ знамя съ изображеніемъ воздушной лоснади и различными надписями. Это одно изъ тѣхъ молитвенныхъ знаменъ ламаистовъ Тибета въ Монголіи, которыя вывѣшиваются надъ домами для предотвращения опасности.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Въ засѣданіи 16 февраля В. В. Стасовъ сообщилъ о представленныхъ имъ въ копіяхъ красками, миниатюрахъ греческихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вв. Тутъ были: 1) изображеніе Болгарина изъ Менологіи Василія II Ватиканской Библиотеки, X в.; болгаринъ изображенъ въ кожухѣ желтоватаго цвѣта, ниспадающемъ до колѣнъ и перетянутомъ узкимъ ремешкомъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ до щиколотки, въ черныхъ башмакахъ и въ красной шапкѣ, опушенной чернымъ бараньимъ мѣхомъ; по мнѣнію г. Стасова, костюмъ болгарина X в. напоминаетъ костюмъ Петра Великаго въ его первое заграничное путешествіе въ 1697 г.; 2) изображенія тоже изъ рукописи Ватиканской Библиотеки „Лѣтописи Манассія“, переведенной съ греческаго на болгарскій языкъ и разрисованной въ XIV в. для болгарскаго царя Іоанна-Александра; изображенія эти касаются болгарской исторіи, и, между прочимъ, представляютъ сцены изъ войны болгаръ съ русскими, и 3) изображенія князя Бориса, въ рукописи XIII в., хранящейся въ московской Синодальной Библиотекѣ (№ 163) и содержащей въ себѣ „Бесѣды Іоанна Златоустаго“; по всей вѣроятности, это есть изображеніе болгарскаго царя Бориса-Михаила; крестившаго свой народъ; доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что миниатюра не даетъ ни одной сколько-нибудь характерной русской черты. Выводы г. Стасова вызвали возраженія и замѣчанія со стороны г. Шляпкина и другихъ лицъ. Въ заключеніе г. Стасовъ представилъ нѣсколько фотографій съ миниатюръ, которыя находятся въ одной джагатайской рукописи XVI в., хранящейся въ Британскомъ Музеѣ. Эти миниатюры касаются исторіи походовъ Чингисъ-хана и его преемниковъ и представляютъ особенную важность тѣмъ, что впервые даютъ бытовыя подробности о тюркскихъ племенахъ.

Второе сообщеніе—о сектѣ бѣгуновъ или скрытниковъ—было прочтено С. В. Максимовымъ. Г. Максимовъ изложилъ исторію возникновенія этой секты, происшедшей изъ филипповскаго толка, и главные ея признаки: второе крещеніе, покаяніе предъ всѣми своими, полное отреченіе отъ мірскихъ заботъ и трудовъ, молитва и проповѣдь; стремленія уединяться, скрываться въ лѣсныхъ трупцобахъ и дало этой сектѣ названіе скрытниковъ. За тунеядство, сознательное житіе на чужой счетъ, скрытники были презираемы не только православными, но и среди единомышленныхъ имъ филипповцевъ, которое выразилось въ сатирическихъ и полемическихъ противъ нихъ статьяхъ; съ нѣкоторыми изъ этихъ сочиненій и познакомилъ собраніе С. В. Максимовъ, а рукописи ихъ принесъ въ даръ Обществу (Нов. Вр. № 7176).

Въ засѣданіи 1 марта А. Н. Петровъ сообщилъ объ „Азбуковникахъ по Аванасьевскому сборнику конца XVII в.“. Основываясь на одномъ мѣстѣ посланія Геннадія новгородскаго къ митрополиту Симону, гдѣ новгородскій архіепископъ совѣтуетъ учить по азбукѣ-границъ съ толкованіемъ, г. Петровъ полагаетъ, что „граница“ происходитъ отъ слова „грано“, „гранъ“—стихъ и стоитъ въ связи съ извѣстнымъ словомъ „краестранесіе“, и что „граница“—стихотворная азбука; эта азбука составляетъ существенную часть старинныхъ прописей; въ началѣ XVII вѣка она появляется въ букваряхъ и, наконецъ, развивается въ особый видъ школьнаго руководства, извѣстнаго подъ названіемъ азбуковниковъ. Азбуковники намъ извѣстны лишь по одному сборнику пресвященнаго Аванасія, епископа саратовскаго, нынѣ принадлежащему библиотекѣ Каванской духовной академіи. Въ этомъ сборникѣ находится 6 азбуковниковъ, писанныхъ виршами на каждую почти букву, изъ которыхъ 2-й и 3-й писаны однимъ лицомъ „на Костромѣ“, какижъ то „первостранникомъ“, что, по мнѣнію г. Петрова, соответствуетъ имени Прохора (Нов. Вр. № 7190).

Въ засѣданіи 15 марта А. К. Бороздинъ познакомилъ собраніе съ нѣкоторыми сочиненіями Андрея Денисова, изъ собранія Богданова, приобретеннаго Импер. Пуб. Библиотекой. Эти сочиненія замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ особенно сильно сказывается вліяніе на Денисова Кіевской духовной академіи; такъ, Денисовъ прибѣгаетъ не только къ доказательствамъ начетческаго характера, но и къ доказательствамъ отъ разума, да и отъ паствы своей требуетъ для основательныхъ разсужденій о чемъ-нибудь извѣстнаго образованія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить посланіе Денисова о написаніи иконъ, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что люди не ученые, не умѣющіе даже правильно писать, не могутъ судить объ иконномъ изображеніи, „кое хитро и по существу“... Еще характернѣе вліяніе это сказывается въ другомъ сочиненіи Денисова „Толкованіе Россійскаго реченія „благочестіе“, гдѣ путемъ грамматическаго анализа слова „благочестіе“ доказывается возможность для раскольниковъ царемоленія. Въ заключеніе своего сообщенія г. Бороздинъ указалъ на „Посланіе въ паствѣ“, которое было написано Денисовымъ при посылкѣ своимъ единовѣрцамъ на обсужденіе какого-то сочиненія, представляющаго изложеніе всей догматики секты и апологію ея; по

миѣнію г. Бороздина, это есть, вѣроятно, „Поморскіе отвѣты“. Второе сообщеніе Н. А. Смирнова „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси XVII в.“ касалось сочиненія Симеона Полоцкаго, подъ заглавіемъ „Книжица вопросовъ и отвѣтомъ, иже въ юности сущимъ зѣло потребни“; въ предисловіи къ книжицѣ Симеонъ говоритъ о значеніи семи свободныхъ искусствъ, т. е. затрогиваетъ вопросъ, опасный для того времени на Москвѣ; текстъ книжицы представляетъ отвѣты на рядъ вопросовъ о составѣ человѣческомъ и о сотвореніи міра, о граматѣ и ея строеніи, о вѣрѣ и преестественномъ богословіи; по увѣренію г. Смирнова, отвѣты эти были взяты по преимуществу изъ сочиненій отцовъ церкви: Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. Последнее сообщеніе было сдѣлано Хр. М. Лопаревымъ о посланіи русскихъ людей къ папѣ Сиксту IV въ XV в., сохранившемся въ рукописи XV в. Московской Синодальной Библиотеки. Г. Лопаревъ занялся вопросомъ, имѣтъ ли это посланіе связь съ исторіей бракосочетанія Ивана III, и пришелъ къ тому выводу, что по времени о подобной связи не можетъ быть и рѣчи, и что посланіе не что иное, какъ лишь первая часть епископіи епископа смоленскаго Мисаила къ папѣ Сиксту 1476 г., изданной Игнатіемъ Поцѣмъ на русскомъ и польскомъ языкахъ; при всемъ томъ всѣ три текста, по замѣчанію г. Лопарева, разнятся другъ отъ друга (Нов. Вр. № 7204).

Въ годовомъ засѣданіи 5 апрѣля были доложены: некрологъ А. К. Живневскаго, годової отчетъ и отчетъ о первомъ присужденіи преміи А. М. Коженикова (отзывъ А. И. Пыпина о трудѣ Х. М. Лопарева „Отрагительное писаніе противъ самоубійственныхъ смертей“, удостоенномъ этой преміи). Затѣмъ Д. Θ. Кобеко доложилъ о „Посланіи іерусалимскаго патріарха Іоакима къ в. кн. Василю Васильевичу“.

Это посланіе прибыло въ Москву съ протосингеломъ Іосифомъ, который, вѣроятно, привезъ и прощеную грамоту в. кн. Василю Васильевичу (Акты Ист., I, 72). Онъ былъ братомъ (по другимъ указаніямъ, братаничемъ) патріарха Іоакима, нареченъ отъ него въ митрополиты Кесаріи Филипповъ, а поставленъ на эту митрополію въ Москвѣ въ 1464 г. митрополитомъ Θεодосіемъ—фактъ весьма знаменательный. Въ печати извѣстны: настольная грамота ему отъ митр. Θεодосія (Русск. Ист. Библ., VI, 925) и посланіе Θεодосія къ новгородцамъ о милостынѣ Іосифу. Въ посланіи говорится, что въ Іерусалимѣ землетрясеніемъ попорчена церковь Воскресенія, куполь обрушился, а египетскій султанъ требуетъ выкупа, а не то хочетъ обратить церковь въ мечеть; патріархъ Іоакимъ поѣхалъ въ Россію просить на эти нужды милостыни, но заболѣлъ и скончался въ Кафѣ; въ Москву пріѣхалъ одинъ Іосифъ. Что касается самаго посланія Іоакимова, то оно любопытно, какъ старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ писемъ іерусалимскихъ патріарховъ въ Москву. Докладчикъ остановился на признакахъ достовѣрности его и, отмѣтивъ слова посланія: „Іосифъ... да дастъ прощеніе грѣхомъ требующимъ отъ него и грамоту отпустную еже о грѣсѣхъ человѣкомъ“, указалъ на извѣстные случаи полученія такихъ грамотъ изъ Іерусалима въ Россіи въ послѣдующее

время. (Напечатано въ Ж. М. Н. Пр., июнь: „Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ“. Тутъ напечатано цѣликомъ и посланіе, по рукописи первой половины XVI в. Спб. Дух. Акад.).

Секретарь представилъ описаніе сборника рукописнаго 1707 г., религіозно-нравственнаго содержанія. Сборникъ, нынѣ принадлежащій графу С. Д. Шереметеву, былъ написанъ для фельдмаршала Б. П. Шереметева іеромонахомъ Златоустова монастыря въ Москвѣ Іезекіилемъ; текстъ его украшенъ 25 гравюрами съ монограммой Альбрехта Дюрера и одной—работы Захаріи Самуїловича; этой послѣдней гравюры нѣтъ въ перечисленіи Ровинскимъ работъ Самуїловича; всѣ гравюры относятся къ новозавѣтнымъ событіямъ, преимущественно къ страданіямъ Иисуса Христа. Рукопись въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, на верхней доскѣ котораго—чеканное изображеніе западноевропейскаго типа Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на задней доскѣ изображены преподобные печерскіе угодники Антоній и Феодосій, одной рукой поддерживающіе икону Знаменія, а въ другой держащіе по свитку.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополь. Первый торжественный актъ открытаго въ Константинополь русскаго археологическаго института происходилъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Императорскаго Россійскаго посла А. И. Нелидова. Почетный президентъ выразилъ признательность опытному руководителю Института за быстрое развитіе юнаго учрежденія, которое явилось достойнымъ членомъ въ ряду болѣе раннихъ подобныхъ учрежденій другихъ націй и уже во многихъ отношеніяхъ заявило о своей плодотворной дѣятельности. Это даетъ право надѣяться и на дальнѣйшіе успѣхи въ области археологическихъ изслѣдованій, въ особенности касательно исторіи Византіи. Въ то же время, по словамъ г. Нелидова, Институтъ внесъ оживленіе въ сферу умственныхъ интересовъ здѣшней русской колоніи. О. И. Успенскій, директоръ Института, произнесъ рѣчь о причинахъ раздѣленія Римской Имперіи и о томъ, почему западная часть ея погибла, тогда какъ восточная сохранилась. Первоначальная противоположность между романизмомъ и эллинизмомъ никогда не сглаживалась и по перенесеніи центра имперіи на востокъ привела къ помянутому раздѣленію, вслѣдствіе различія внутреннихъ условій. На Западѣ междоусобицы повлекли за собой исчезновеніе аристократическаго класса, но и низшіе слои населенія изводились непрерывными военными наборами. Это облегчило доступъ варварамъ, а попытки колонизировать ихъ въ качествѣ защитниковъ государства, привела, въ концѣ—концовъ, къ образованію новыхъ государствъ. Политика Востока относительно варварскихъ народностей была болѣе правильная, и тамъ дѣйствительно организовалось новое войско. Но особое значенія представляли здѣсь лучшія экономическія условія, такъ какъ мелкое землевладѣніе не было уничтожено. Вообще на Востокѣ сохранились своеобразныя условія жизни и романизованіе тамъ не имѣло мѣста. Ораторъ сослался, между прочимъ, на существованіе сирійскаго законодательства въ 70-хъ годахъ V столѣтія, которое не было вытѣснено

юстиниановичъ кодексомъ. Наконецъ, организаторскимъ и животворящимъ факторомъ явилось христіанство. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ Византийская Имперія доказала свою способность къ развитію и дальнѣйшей жизнениости. Секретарь Института П. Д. Погодинъ прочелъ отчетъ за истекшій годъ. Директоръ Института весной совершилъ экскурсію по берегамъ Чернаго моря, а осенью—на Афонъ, гдѣ производилъ изысканія въ монастырскихъ бібліотекахъ и нашелъ не мало новыхъ литературныхъ источниковъ по исторіи Византии. Въ журналъ Института, первый выпускъ котораго долженъ появиться вскорѣ, будетъ напечатано археологически вѣрное описаніе Константинополя въ стихахъ X вѣка священника Константина Родіоса. Секретарь Института, командированный прошлымъ лѣтомъ въ Афины, завязалъ сношенія съ археологическими институтами: французскимъ, нѣмецкимъ, английскимъ и американскимъ. Извѣстія изъ другихъ областей доставляются Институту русскими консулами. Не мало труда потребовала организація бібліотеки, въ которой уже насчитывается 6,112 томовъ. Также положено начало активарному кабинету. Въ засѣданіяхъ Института принимали участіе многіе представители русской колоніи, а также посланники Сербіи, Греціи и Черногоріи. Въ число членовъ института избраны княгиня Хилкова, г-жа Нелидова и многія другія дамы русскаго посольства, посланникъ Черногоріи, князь Долгорукій, г. Саламонъ изъ Петербурга. (Нов. Вр., № 7205).

VI.

Библиографія.

Каталогъ выставки типовъ Христа. Москва, тип. Мамонтова, 1896 г., 8°, 61 стр.

Въ память выставки изображеній Христа, организованной Моск. Обществомъ Любителей Художествъ, 29 апрѣля 1896 года. Изданіе художественной фототипіи К. А. Фишеръ въ Москвѣ. Москва, тип. Мамонтова 1896 г., 8°, 46 фототипій. Ц. 1 р.

Выставка была открыта въ Москвѣ, въ помѣщеніи Общ. Любителей Художествъ, въ продолженіе апрѣля. Статья о ней будетъ помѣщена въ ближайшей книжкѣ „Археол. Изв. и Запѣтокъ“.

П. И. Щукинъ. Краткое описаніе Щукинскаго Музея въ Москвѣ. Съ 9 фотот. Москва, у Мамонтова, 1895 г., 111 стр. въ большую 4-ку, 200 экз.

П. И. Щукинъ и Е. В. Федорова. Опись старинныхъ вещей собранія Щукина, часть 1-я, съ 11 фотот. Москва, у Снегиревой, 1895 г., 264 стр. въ 4-ку, 300 экз.

А. И. Димитриевский. *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина*. Изд. П. И. Щукина. Москва, у Снегиревой, 1896 г., 367 стр. в 4-ху, 200 экз.

П. И. Щукин начал собирать образцы русской старины в 1890 г., через 2—3 года построил для своего музея домъ, а в 1895 г., издал уже общій обзоръ и два первые *) тома подробной описи этого музея, ставшаго красой частныхъ археологическихъ собраний Москвы.

„Краткое описание“ составлено интересно, издано изящно и безукоризненно. Вслѣдъ за описаніемъ самаго дома (стр. 1—3)—красиваго русскаго терема, построеннаго и убранаго архитекторомъ Б. В. Фрейденбергомъ по мотивамъ Дома бояръ Романовыхъ, ярославскихъ церквей, Саввина монастыря, рисунковъ и вещей Щукинскаго собрания и т. п.—идетъ обзоръ музея: перечень родовъ вещей (иногда одной строкой обозначенъ цѣлый отдѣлъ) и указаніе на наиболѣе любопытные изъ нихъ уже со внѣшней стороны (мастеръ, лѣтопись, отношеніе къ историческимъ событіямъ, бытовая оригинальность и т. п.). При сообщеніи о бумагахъ архивныхъ изданы наиболѣе изъ нихъ интересныя.

Позволяемъ себѣ кратко перечислить содержаніе музея. Тутъ собраны: иконы (одна, новгородская, съ лѣтописью 1560 г.), образки, складни, кресты и крестики; церковные сосуды, покровы и вообще всевозможные церковные предметы (одинъ воздухъ, $3 \times 1\frac{3}{4}$ арш., съ лѣтописью вел. княг. Марьи Семеновны, вдовы Симеона Гордаго 1389 г., другой 1606 г.); облаченья, вериги, голосники. Далѣе гоблены шпалерной фабрики (одинъ времени имп. Елизаветы; отъ другого, изображавшаго Полтавскую битву, имѣются коймы съ лѣтописью), восточныя ковры; литовскіе шелковыя кушаки и облаченья изъ нихъ, шелковыя ткани и одежды русскія, бархатныя парчи персидскія и итальянскія, камки, полотна и набивныя ткани; женскіе головныя уборы, кружева, полотенца. Посуда для вина (см. ниже „Опись“); посуда обѣденная и всѣ столовыя и чайныя принадлежности (фарфоръ Императорской фабрики всѣхъ царствованій отъ Елисаветы до Александра II; заводы Гарднера, А. Попова, Поскочина, Сипягина и др., много стекла). Пряжки, гребни, швейки, вальки, рубели, дѣтскіе рожки, часы, компасы, мѣры, чернильницы, подсвѣчники, щипцы, пряничныя доски, утюги, ключи, наразцы, мебель и короба, рукомойки, туалетныя принадлежности, серьги, подвѣски, пуговицы, перстни, печатки, цѣпочки, трости, трубки, табакерки, игры. Оружіе XVII—XIX вв. и военныя уборы: ордена, медали, пряжки, пояса. Конская сбруя и упряжь, телѣги, сани. Монеты греческія, римскія, русскія (есть серебряная молдаво-валахская 1773 г.), и польскія (есть осада Замостья); медали съ конца XVIII в., бородовыя пошлинныя знаки, ассигнаціи Екатерины II, Александра I и Николая I. Скульптурныя и живописныя портреты, картины, рисунки, гравюры, литографіи. Доски для печатанія, указки, закладки. Старопечатныя и старыя книги (апостоль Івана Федорова 1564 и 1574 гг., Ос-

*) Печатаются и два слѣдующіе тома.

трожская библия, Московскія евангелія 1606, 1627 гг. мѣстами золотомъ) и т. д., славянское учительное евангеліе типографіи Станислава Августа; ми-нея 1610, печатанная въ Москвѣ „при благородномъ государѣ царѣ и в. кн. Владиславѣ Жигимонтовичѣ Московскомъ и всея Руси въ первое лѣто царства его“; псалтирь 1787 г., клинцовской типографіи Рукавишниковъ, апо-столь походной типографіи Потемкина, въ Яссахъ, 1791 г.; глаголитское евангеліе и катехизисъ (Тюбингенъ) 1562 г., кievскія изданія XVII в., бук-вари Баріона Истомина, книги петровскія; среди календарей—первое изданіе Брюса; Спб. и Моск. вѣдомости и період. изданія XVIII и начала XIX в., (въ томъ числѣ Сіонскій вѣстникъ 1806 г.). Иностранныя старопечатныя изданія: Нюрнбергская хроника 1493 г., апокалипсисъ А. Дюрера 1498 г.; среди Московца: Герберштейнъ 1550, 1551 и 1660 гг., Вреха описаніе плѣна Шведовъ въ Тобольскѣ, 1725 г., Атласы до 1737 г., книги по Москвѣ, Пе-тербургу и другимъ городамъ; книги о Петрѣ Великомъ, о Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи, вообще исторія, археологія, нумизматика, геральдика, бытъ, ка-талогіи музеевъ и выставокъ (съ 1829 г.); объявленія, афиши, билеты.

Въ архивномъ отдѣлѣ музея находится собраніе автографовъ русскихъ государей съ Петра и русскихъ дѣятелей (есть, и подпись Антона Ульриха); въ книгѣ изданы между прочимъ: любопытная записка Екатерины II къ ве-ликому князю Павлу, вслѣдъ за свадьбой его, съ поясненіемъ о причинѣ на-значенія къ нему Салтыкова, и рядъ записокъ ея же къ полиціймейстеру Чи-черину и резолюцій на его докладахъ. Далѣе идутъ жалованныя грамоты, со временъ Михаила Ѳеодоровича, при чемъ одна изъ Петровскихъ дана Брюсу на вотчины въ 1710 г. („но токмо въ монастыри и по душѣ тѣхъ вотчинъ ничего не отдавать“); двѣ грамоты 1697 и 1708 г. — посылаемымъ „во ев-ропскіе государства“ для обученія (одна изъ нихъ—преображенцу Муханову); дорожныя: 1629, 1721, 1797 (за подписью наслѣдника престола, Але-ксандра, и Аракчеева) и 1816 г.; синодальныя грамоты, родословныя, собра-нія манифестовъ, указовъ, церемоналовъ. Далѣе бумаги изъ архивовъ: кн. С. М. Голицына, кн. А. Б. Куракина, братьевъ Алябьевыхъ, братьевъ Му-хановыхъ, епископа Угличскаго Амфилохія, И. Н. Розанова и др. Между ними: письмо кн. А. Хилкова изъ шведскаго плѣна въ 1705 г.; въ алябьев-скомъ архивѣ, среди столбцовъ XVII и начала XVIII в.: списокъ съ гра-моты царя Василя Шуйскаго въ 1609 г. Андрѣю Сем. Алябеву, указъ 1692 г. воеводѣ Леонтьеву о переводѣ князей Василя и Алексѣя Голицы-ныхъ изъ Мезени въ Пустозерскій острогъ, описаніе Углича въ 1700 г. От-мѣтимъ даты: копію съ крѣпости 1582 г. о принятіи въ домъ „вобья“ (прі-емный членъ дома); договоръ на нѣмецк. яз. съ нѣмцемъ-украинцемъ, посту-пающимъ въ голштинскія войска 1 мая 1762 г.; длинное донесеніе Государю объ актрисѣ Колосовой меньшей въ 1824 г., письма Платова и Аракчеева, Крутицкій синодикъ XVII в., окладная сибирскимъ городамъ 1697 г. Въ числѣ мемуаровъ находятся: записки А. О. Смирновой (напечатаны въ „Рус-скомъ Архивѣ“ 1895 г.), академика Ступина 1847 г., письма изъ Персіи,

ериванскаго военнаго губернатора Колобакина, описаніе поѣздки Михаила Каменева-Любавскаго въ 1819 г., изъ Петербурга въ Астрахань, журналъ путешествія наследника цесаревича заграницей въ 1838—9 году; памятная книжка съ 1740 г., гдѣ перечислены присяги 1740—1742 г. и храмы Москвы, въ которыхъ онѣ принесены. На бѣлыхъ страницахъ отъ русскихъ донесеній конца XVIII в. шутливые приказы французскаго солдата въ Москвѣ въ 1812 г.; современныя письма очевидцевъ о Москвѣ въ 1812 г.—Большая часть перечисленныхъ здѣсь бумагъ (кромѣ мемуаровъ и журналовъ) издана въ книгѣ. Къ русскому архиву присоединенъ небольшой западный архивъ: грамота Стефана Баторія 1576 г., Петра Молдавскаго 1528 г., шведскія XIV—XVII вв., автографы шведскихъ королей (Юаннъ III, Густавъ Адольфъ, Карлъ XII и др.) и другихъ шведскихъ дѣятелей, грамоты барону Горну отъ французскихъ королей: Людовика XIV и Людовика XV.

Таковы предметы „Краткаго описанія Щукинскаго музея“. Затѣмъ въ первую часть подробной „Описи старинныхъ вещей собранія Щукина“ вошли сосуды для вина: ковши, братины, чаши, ендовы, стаканы, кружки, кубки, чарки, рюмки, четвертины, всего 525 сосудовъ, изъ коихъ болѣе половины серебряныхъ, остальные: стеклянные, фарфоровые, кокосовые, деревянные, мѣдные, оловянные, финифтяные, двѣ перламутровыя чарки и одна золотая. Всѣ вещи—русской работы (сполна или отчасти) или имѣютъ прямое отношеніе къ Россіи *). Очень поучительно собраніе серебра конца XVII—начала XVIII в.; весьма интересны сибирскія серебряныя вещи, принадлежавшія сибирскому губернатору (въ первые годы царствованія Екатерины II) Денису Ивановичу Чичерину: здѣсь особенно любопытны серебряныя чарки, подражающія нефритнымъ китайскимъ чашкамъ; хорошо стекло, въ количествѣ 76 предметовъ. Кромѣ жалованныхъ серебряныхъ ковшей, есть нѣсколько деревянныхъ съ надписями (имя хозяина и застольныя присказки). Отмѣтимъ далѣе братины: царицы Елены Петровны (жены царя Василія Шуйскаго), княгини Марѣи Михайловны Сулешовой (жены кн. Юрія Янкѣвича), Іоны Сысоевича митр. ростовскаго; стаканъ гравированный Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аванасія Трухменскаго; стаканъ амстердамскаго дѣла именитаго челоуѣка Григорія Строганова; стаканы съ надписями по „Символу и Эмблемата“; жалованный кубокъ 1711 г. отъ Петра I Теодору Истошникову за торгъ въ Китаѣ; кружку (Louis XVI) жалованную въ 1769 г. Екатериной II Костромину за добродѣтель оказанную надъ механикомъ Кулибинымъ; вещи съ надписями изъ времени семилѣтней войны, наполеоновскихъ войнъ. И „Краткое описаніе“ и „Опись вещей“ снабжены прекрасными фототипіями Фишера.

Въ „Опись старинныхъ рукописей“ вошло 297 рукописей (Св. Писаніе и толкованія его, книги богослужебныя, книги нотныя, духовныя сборники,

*) При описанія работъ иноземныхъ, особенно нѣмецкихъ, полезна была бы прекрасная книга Марка Розенберга: Goldschmiedezeichen, Leipzig 1888.

житія, подлинники, святцы, синодики, азбуковники, травники и т. д.). Среди рукописей духовнаго содержанія нѣкоторыя принадлежали собранію архим. Амфилохія. Есть не мало отрывковъ XIII и XIV вв., есть полное четвероевангеліе 1442 года, молдавскій апостоль XV—XVI в., апостоль 1542 г.; большая часть рукописей принадлежитъ къ XVII и XVIII, часть къ XIX вѣку. А. И. Яцимирскій описалъ рукописи весьма подробно съ вѣшной стороны: размѣры, число листовъ, почеркъ, заглавныя буквы, заставки, миниатюры, содержаніе по листамъ, начала статей, записи; мѣстами даетъ выписки (въ синодикахъ перечислены роды древнихъ записей); указываетъ кратко родъ правописанія; гдѣ есть случай, —прежняго владѣльца рукописи и литературу; описываетъ переплетъ. Многія рукописи выдаются красотой.

„Описи“ изданы не менѣе изящно, чѣмъ „Краткое описаніе“; опечатокъ въ нихъ очень мало и всѣ указаны. Вообще какъ превосходныя изданія П. И. Щукина, такъ и музей имъ созданный, стоятъ другъ друга.

Разница ставропигиальнаго Симонова монастыря въ Москвѣ. — Изданіе А. П. Бахрушина. М. 1895 г. Изданіе это представляетъ альбомъ изъ 64 большихъ фотографій; текстъ (въ листъ; въ его величину и фотографіи) составляютъ: краткое предисловіе А. А. Мартынова, и составленная въ монастырѣ опись. Въ предисловіи отмѣчено, что сокровища нашихъ разницъ, за исключеніемъ Синодальной (патріаршей), доселѣ остаются неизданными, и привѣтствуется починъ А. П. Бахрушина. Опись — болѣе инвентарная, не претендуетъ удовлетворить археолога. Отсюда понятны кое-гдѣ и недоразумѣнія: напримѣръ, противорѣчіе въ чтеніи надписей на №№ 2 и 60 и неразъясненность этой послѣдней надписи; ссылка на преданіе о принадлежности къ XIV в. иконы, на которой изображенъ св. Кирилль Бѣлозерскій. Но и для археолога есть интересныя указанія, какъ надписи на вещахъ и цѣны вещей „по старымъ описямъ“. На таблицахъ изображены: кресты напостольные, иконы и складни, артосная панагія, потиры, тарелки, водосвятныя чаши, ковши, евангелія (оклады и рисунки), митры, фелони, епитрахили, палицы и набедренники, воздухи, пелены и одна фреска (поздняя). Датированныя вещи относятся къ XVI—XIX вв. Древнѣйшая изъ нихъ — гравированная на серебрѣ икона Успенія (велич. $4\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ в.), принесенная бывшимъ постельничимъ Матвѣемъ Θεодоровичемъ Бурухинымъ, въ инокахъ Макаріемъ, въ 1552 году. Изъ недатированныхъ иконъ одну (икона Вседержителя въ складнѣ) можно отнести къ XV вѣку. Есть ковшъ конца 1599 г., кресты, потиры, митра, пелена XVII в. Евангелія всѣ печатныя, конца XVII в.; два изъ нихъ (изданіе 1681 г., вкладъ въ 1683 г. царевны Маріи Алексѣевны по царѣ Θεодорѣ и изданіе 1689 г., монастырскій вкладъ 1692—1701 гг.) съ рукописными рисунками (первое — съ рисунками Репьевыхъ); третье, изданное и вложенное въ 1677 г. — съ рисунками печатными.

Древнія иконы въ фотографіи большею частью не удались, но серебро и одежды вышли хорошо, и даютъ матеріалъ для изученія. На нѣкоторыхъ

иконахъ интересны и привѣски (напр., серьги на № 10). Есть множество чудныхъ дробницъ; многія изъ нихъ по малымъ размѣрамъ воспроизведенія пропадаютъ въ фотографіи, но интересно самое указаніе на нихъ. Пелену № 60 слѣдовало бы сфотографировать такъ, чтобы доступна была чтенію вся надпись, т. е. не перегибать пелену. Интересно бы знать клейма на чашѣ № 61, во французскомъ стилѣ *contorsé* XVII в. Можно пожалѣть, что изданіе сдѣлано фотографіей, а не фототипіей: вмѣсто громоздкаго, непрочнаго (выщѣтающаго), изданнаго въ ограниченномъ числѣ и дорого стоящаго альбома, могло за ту же сумму получиться изданіе помѣстительное, прочное, столь же точное, не менѣе изящное, и въ которомъ свободно можно было бы умножить и число экземпляровъ, и сдѣлать ихъ общедоступными по цѣнѣ. Таково превосходное изданіе Оружейной Палаты, въ 500 фототипныхъ снимка Пагова, стоящее, вмѣстѣ съ десятью выпусками описи *in folio*, 30 р., или отличная фототипія Фишера, изданная въ память недавней Выставки изображеній Христа, причемъ книжка въ 46 фототипій стоитъ рубль. Но прежде всего нельзя не присоединиться къ А. А. Мартынову въ выраженіи глубокой благодарности Алексѣю Петровичу Бахрушину за это роскошное изданіе и въ пожеланіи, чтобы поучительный примѣръ щедратаго любителя старины нашель себѣ подражателей.

П. В. Симицкаго. — Преображенское и окружающія его мѣста, изъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ П. В. Симицкаго. Рисунки художника М. В. Нестерова, грав. А. С. Яновъ. Москва, 1895 г., тип. Книжнерева, 4-ка, 195 стр. Въ книгѣ, роскошной по внѣшности, и весьма богатой по содержанію, описываются: Преображенское, Красное Село, Сокольники, Богородское, Черкизово, Измайлово, Семёновское, Покровское-Рубцово (улица Покровка), Преображенское кладбище, Никольскій единовѣрческій монастырь. Сводъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ такъ полно, что трудно бы указать недочетъ въ нихъ: здѣсь приведены и свѣдѣнія печатныхъ источниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ, порой малодоступнымъ изданіямъ, и устные преданія, и рассказы старожиловъ (между прочимъ отца и дѣда автора), и личные осмотры мѣстностей. Приводитъ авторъ эти свѣдѣнія съ любовью, участіемъ и волненіемъ, и его воодушевленіе то здѣсь, то тамъ отразится и на читателѣ. Рамки книги онъ беретъ широко: рассказано о Преображенскомъ и его окрестностяхъ при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ, о театрѣ въ Преображенскомъ, сельскихъ машинахъ въ Измайловѣ, о дѣтскихъ годахъ и молодости Петра, о началѣ его новшествъ, о Преображенскомъ приказѣ, о царицѣ Евдокии, — а далѣе о ея несчастной судьбѣ, ссылкѣ, исторіи съ Глѣбовымъ и т. д.; о царевичѣ Алексѣѣ. Позднѣе рассказывается о пиратхъ въ частныхъ домахъ на Покровской улицѣ, перечисляются смѣявшіеся владѣльцы, даются свѣдѣнія о торговыхъ домахъ. Для оживленія картины приводятся черты быта и мимоходомъ разсѣивается по книгѣ немало побочныхъ указаній: о повивальныхъ бабкахъ въ старой Москвѣ, о докторахъ, началѣ аптекъ, прививкѣ оспы, карантинныхъ;

о пыткахъ; о старыхъ мостовыхъ; объ инославныхъ церквахъ, ихъ штатахъ и обычаяхъ и т. д. Источники большею частью указаны въ сноскахъ. Ученый съ интересомъ прочтетъ эту книгу, благодаря полнотѣ и богатству свѣдѣній, сведенныхъ о главномъ ея предметѣ: Преображенскомъ и окрестныхъ селахъ. Читатель со среднимъ и ниже средняго образованіемъ прочтетъ съ увлеченіемъ эти живыя и для него во многомъ новыя, а нерѣдко поразительно смѣлыя картины старины.

Въ книгѣ прекрасныя, въ русскомъ стилѣ, заставки и заглавныя буквы, рисованныя М. В. Нестеровымъ. Обратимъ вниманіе на заглавный листъ, заставку на стр. 237 и буквы *О* и *С* (въ началѣ *X* и *XV* главы). Всѣ эти украшенія — вкладъ въ наше типографское дѣло, столь подавленное шаблонностью. Картинки вѣ текста также хороши. Отмѣтимъ ошибку при изображеніи появленія старообрядцевъ передъ Наполеономъ: Наполеонъ представленъ „первымъ консуломъ“, — молодой, худошавый, въ штатскомъ платьѣ. Печать книги красивая и вѣншній видъ вообще очень изящень.

Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи. Н. И. Петровъ. Кіевъ. 1896 г. (изъ Трудовъ К. Д. А.).

Въ 1895 г. Общество имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ читали: А. е. И. Булгаковъ — *Новый опытъ сближенія древнеклассическихъ свидѣтельствъ съ библейскими ветхозавѣтными относительно исторіи древняго Востока*; С. Т. Голубевъ — *Спорные вопросы относительно древней топографіи г. Кіева*; А. А. Дмитріевскій — *Завѣщаніе Феодора Студита и его отношеніе къ завѣщанью Аванасія Аванасіа*; *О византійскихъ монастыряхъ Пандократорскомъ и Евретитскомъ*; *О студійскихъ и ктиторскихъ типиконахъ въ западныхъ библіотекахъ*; П. А. Лашкаревъ — *Къ вопросу о мѣстоположеніи древняго Боричева взвоза и теремнаго двора великія княгини Ольги*; Н. И. Петровъ — *Объ основаніи Екатерининской церкви въ Кіевѣ и переименованія ея въ монастырь*; *Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіевской Андреевской церкви*; *Древнѣйшій планъ Кіева*; Ф. И. Титовъ — *Моск. митрополитъ Макарій какъ канонистъ*; *О матеріалахъ для біографіи высокопр. Иннокентія Херсонскаго*; *Митр. Макарій (Булгаковъ) и архіепископъ Димитрій Муретовъ какъ богословы.*

При съемкѣ землянаго вала на погостѣ кіевской Вознесенской церкви, В. З. Завитневичъ и о. Пл. Контраневичъ имѣли, по порученію Общества, археологическое наблюденіе за работами.

Въ Музеѣ Общества главнымъ приобрѣтеніемъ было собраніе Н. А. Леопардова, частью пожертвованное имъ при жизни, частью перешедшее по завѣщанію его. Тутъ находятся: священные предметы и иконы, мѣдные образа, кресты, крестики, 15 рукописей и въ томъ числѣ: напрестольное евангеліе *XV* в., пергаминая псалтирь 1437 г., врюковой обихоль *XVI* в., типикъ 1599 г. Нектарія сербскаго, въ копіи *XVII* в., 35 рѣдкихъ книгъ старой и новой печати; портреты, картины, виды, греческія древности изъ Крыма и

предметы изъ раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи; восточныя украшенія и домашняя утварь; медали, жетоны, монеты. Всего въ собраніи 717 нумеровъ. (См. брошюру Н. И. Петрова: *Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя церковно-археологическому Музею Н. А. Леопардовскаго, Киевъ, 1895 г.*). Изъ другихъ поступленій отмѣтимъ: мѣдную монету императора Анастасія (491—518 г.).

Отчетъ о дѣятельности Симбирской Ученой Архивной Комиссіи за 1895 г., съ 30 іюня 1895 г. по 1 января 1896 г. Симбирскъ, 1896 г.

Симбирская Архивная Комиссія открылась 30 іюня 1895 г., въ присутствіи нарочно прибывшихъ къ открытію: А. Н. Труворова, хлопотавшаго объ открытіи ея, и А. К. Жизневскаго. Въ предсѣдатели были избраны В. Н. Поливановъ. За отчетное полугодіе Комиссія разобрала архивы: Симбирской контрольной палаты, Ардатоваго уѣзднаго полицейскаго управленія, Петрякинскаго волостного правленія (не восходяще далѣе 1829 г.), и осмотрѣла симбирскіе архивы: Губерскій Межевой и Духовной Консисторіи. Архивы самаго города Симбирска, за исключеніемъ двухъ (Удѣльной Конторы и мужскаго Покровскаго монастыря) не старше 1865 г.; прежнія дѣла погибли въ пожарѣ 1864 г. Большой потерей для исторіи Симбирска является и пожаръ въ 1701 г. Приказа Казанскаго Дворца, вѣдавшаго Симбирскъ и его пригороды. Поэтому, особенно цѣнна была находка А. Н. Зерцаловымъ въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи *Приходо-расходной книги Симбирской Приказной Избы* за 1665—1667 гг., изданіемъ коей и озаботилась Комиссія. Предполагается къ изданію рядъ владѣнныхъ записей, важныхъ для исторіи колонизаціи края, бумаги семейныхъ архивовъ: кн. Ю. С. Хованскаго и другихъ лицъ; имѣется въ виду разборъ богатаго собранія рукописей, столбцовъ и другихъ документовъ Карамзинской бібліотеки, лишь отчасти разобранныхъ покойнымъ И. Я. Христофоровымъ къ Казанскому Археологическому Съѣзду.

Въ четырехъ засѣданіяхъ Комиссіи за полгода, заслушаны сообщенія о выдающихся мѣстныхъ древностяхъ: Алатырскомъ соборѣ, селѣ Промзинѣ-Городищѣ, могильникахъ: Муранскомъ и Старо-Тимошинскомъ, Симбирскомъ городищѣ у с. Кайбель, Самарской губерніи, масонскихъ древностяхъ, с. Баратаевки и т. п.

П. Л. Мартыновъ составилъ обзоръ остатковъ старины Симбирской губерніи для сборника трудовъ Комиссіи, а В. Н. Поливановъ и А. А. Леонтьевъ предприняли составленіе археологической карты губерніи; карту эту они надѣялись изготвить ко времени Рижскаго Съѣзда.

Въ Губернскомъ Историческомъ Архивѣ при Комиссіи собралось 48 актовъ и рукописей, изъ коихъ особенно замѣчательными были: подлинныя грамоты князей Д. Т. Трубецкаго и Д. М. Пожарскаго 1613 г. и царя Михаила Феодоровича 1618 г. Въ трехъ разобранныхъ архивахъ отобрано для Историческаго Архива, но еще не успѣло поступить въ него, 230 дѣлъ.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣлось 430 нумеровъ древностей и 322 мо-

веты. Тутъ интересны: царскія двери XVI в., предметы изъ Муранскаго могольничка и изъ другихъ раскопокъ въ губерніи. Императорская Археологическая Коммиссія прислала монеты Золотой Орды, Симбирское губернское правленіе—медали и коллекціи: палеонтологическую и мѣстныхъ минераловъ; поступаютъ пожертвованія и частныхъ лицъ, и въ томъ числѣ портреты извѣстныхъ симбирскихъ уроженцевъ, нѣсколько маемскихъ знаковъ и т. д.

Музей былъ открытъ для посѣтителей по воскреснымъ и табельнымъ днямъ. Въ Библіотеку входило 113 названій. Мечта Коммисіи собрать полный экземпляръ единственнаго въ губерніи періодическаго изданія, *Губернскихъ Вѣдомостей* съ 1838 г., пока не могла осуществиться, ибо запасы типографскіе сгорѣли въ 1864 г. Коммиссія надѣется на содѣйствіе правительственныхъ учреждений и частныхъ лицъ для возстановленія пробѣловъ. Пожертвованія книгами поступали: изъ Археологическаго Института, Моск. Археол. Общ., Моск. Архива Мин. Юстиціи, отъ высокопреосвященнаго Саввы тверскаго, граф. П. С. Уваровой, А. И. Труворова, Д. Я. Самоквасова и др. Въ числѣ рукописныхъ библиографическихъ рѣдкостей Библіотеки интересны Синодикъ Спасо-Преображенскаго монастыря 1715 г.; Уложеніе Алексѣя Михайловича въ спискѣ 1718 г., съ дополненіями и измѣненіями по указамъ Петра I; руководство, съ чертежами, по геометріи, тригонометріи и навигаціи 1709 г. Изъ печатныхъ изданій—„Вѣстникъ Европы“ изданіе Карамзина въ 1813 г., Московская Хроника Павла Ювія въ нѣм. изданіи 1579 г., Симбирскій сборникъ 1845 г.

Описаніе рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895 г. XVII + 34 + 144, in. 4°. До сихъ поръ наукѣ была извѣстна только та часть собранія рукописей Виленской Публичной Библіотеки, которая заключаетъ въ себѣ церковно-славянскія и русскія книги, благодаря прекрасному описанію г. Добрянскаго. Въ настоящее время Вил. Публ. Библ. приступаетъ къ описанію той части хранящихся въ ней рукописей, которая написана на иностранныхъ языкахъ. Настоящимъ изданіемъ положено начало этому описанію. Первый выпускъ состоитъ изъ описанія 1387 книгъ и „Приложенія“. Въ „Описаніи“ вошли документы, касающіеся костеловъ и нѣкоторыхъ римско-католическихъ учреждений гор. Вильны и визиты костеловъ Виленской епархіи (1—6 стр.), инвентари имѣній, принадлежавшихъ Виленской семинаріи (стр. 6—7), инвентари имѣній Виленской епископіи (7 стр.), капитулы (стр. 8) и Виленской Іезуитской коллегіи (стр. 8), инвентари костеловъ Упитскаго и Вилькомирскаго повѣтовъ, составленные въ 1796 г. (стр. 32), визиты Дрогичинскаго благочинія (стр. 33) за 1839 г., рапорты о нѣкоторыхъ францисканскихъ монастыряхъ Виленской епархіи за 1834 г. (стр. 33), инвентари костеловъ Побойскаго деканата за 1726 г. (стр. 34) и нѣкот. др. Такимъ образомъ, районъ, обнимаемый описанными документами,—Виленская епископія. Среди документовъ древнихъ подлинныхъ грамотъ нѣтъ, потому что онѣ погибли во время пожаровъ; но

за это есть двѣсколько книгъ, въ которыхъ сохранились копии древнихъ документовъ. — Въ „Приложеніи“ помѣщено (стр. 1—145) нѣсколько извлеченій изъ описанныхъ документовъ: историческія свѣдѣнія о кафедральномъ римско-католическомъ соборѣ въ Вильнѣ, составленныя во время визиты въ 1828 г. (стр. 1—9); свѣдѣнія о домахъ Виленской капитулы и ея юрисдикціи (10—14); двѣ визиты 1828 г., описывающія архивъ Виленской капитулы (стр. 15—32) и архивъ Виленской епархіи (стр. 33—51) и краткая выпись изъ протоколовъ Виленской капитулы за 1501—1783 гг., сдѣланная въ 1828 г. (стр. 52—145). Архивы Виленской епархіи находились въ образцовомъ порядкѣ: книги хранились въ ящикахъ, были переплетены, закумерованы и описаны; въ зданіяхъ принимались мѣры противъ сырости и пожара. Составленное описаніе въ 1828 г. имѣетъ большое значеніе: многие документы не сохранились, но крайней мѣрѣ до сихъ поръ неизвѣстны. Выписки изъ протоколовъ капитулы представляютъ также большой интересъ, потому что позволяютъ заглянуть во внутреннюю жизнь капитулы; подлинныя протоколы, къ сожалѣнію, наукѣ неизвѣстны. Вообще, этотъ выпускъ „Описанія“ представляетъ крупный историческій интересъ; къ сожалѣнію только, описаны рукописи нискогда съ желательной и возможной полнотой. М. Д.—3.

Каталогъ русской исторической и археологической библиотеки Н. Бокачева. Томъ второй, выд. II—III. Исторія русскихъ земель и городовъ. С.-Петербургъ, 1896. 8°. 384 стр. Подъ такимъ заглавіемъ вышло недавно продолженіе Каталога частной бібліотеки извѣстнаго петербургскаго любителя и собирателя книгъ Н. Бокачева. Въ предисловіи къ первому тому, вышедшему еще въ 1890 году, г. Бокачевъ самъ говоритъ, что его предпріятіе „есть лишь попытка устроить историко-археологическую бібліотеку, или, другими словами, небольшое хранилище извѣстій о русской древности, попытка—новая и притомъ ограниченная потребностями и склонностями одного только предпринимателя“. Составлять свою бібліотеку г. Бокачевъ началъ съ 1868 г. и оя руководился главнымъ образомъ каталогами А. Д. Черткова, а также совѣтами болѣе или менѣе извѣстныхъ бібліофиловъ и букинистовъ. „Послѣдніе годы, продолжаетъ г. Бокачевъ, прошли въ поискахъ желательныхъ для бібліотеки: а) древнихъ картъ, видовъ городовъ и описаній путешествій по Россіи XVII—XVIII в., изданныхъ за-границею, и б) труднонаходимыхъ книгъ изданій Г. Ф. Миллера, А. Н. Оленина, К. Я. Тромонина (московского художника и литографа), типографическихъ описаній тульского, курскаго и харьковскаго намѣстничествъ, издан. въ 1781, 1786 и 1788 гг., таковаго же описанія города Казани съ его уѣздомъ, издан. въ 1788 г., каталога картъ и чертежей Россійской Имперіи, хранившихся въ Академіи Наукъ въ 1748 г., краткой Россійской Имперіи географіи 1773 г. (съ атласомъ), описанія Холопья города, издан. въ 1810 г., и многихъ другихъ книгъ, не оказавшихся ни въ одной изъ предыдущихъ распродажъ“.

Вся бібліотека теперь раздѣлена на отдѣлы: богословскій, историческій,

археологическій и библиографическій, содержащіе въ себѣ 800 томовъ, избранныхъ печатныхъ книгъ, 1800 брошюръ, отдѣльныхъ оттисковъ и вырѣзокъ журнальныхъ статей, 3000 листовъ гравюръ, литографій и хромо-литографій, 700 фотографическихъ и фототипическихъ снимковъ, 500 картъ, плановъ и чертежей. Почти всѣ составляющія библиотеку книги — на русскомъ языкѣ; немногія иноязычныя книги изданы всѣ въ Россіи. Среди рисунковъ, картъ, плановъ и другихъ листовъ очень много иностранныхъ.

Вышедшіе до сихъ поръ томы „Каталога“ обнимаютъ: I-й — библиографію, 1-й выпускъ II-го тома — географическія карты и планы и, наконецъ, лежащіе передъ нами 2-й и 3-й выпуски II-го тома — исторію русскихъ земель и городовъ.

Выше мы видѣли, что скромный собиратель самъ называетъ свою коллекцію любительской, безъ претензій на особую полноту и научную серьезность, тѣмъ не менѣе вышедшіе томы, особенно послѣдній, представляютъ несомнѣнный интересъ и могутъ оказаться весьма полезнымъ пособіемъ для справокъ. Разсматриваемые нами два послѣдніе выпуска заключаютъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія о матеріалахъ по исторіи мѣстъ и городовъ Россіи. Первые извѣстія, сообщенныя греческими, римскими и арабскими классиками о землѣ, впоследствии ставшей Россіей, и о народахъ, издревле на ней обитавшихъ. Указанія на мѣста первыхъ поселеній на русской землѣ и на путь, по которому шла колонизація ея. Границы древнихъ княжествъ и дѣленіе Россіи на такъ называемыя земли (земля Киевская, земля Новгородская, земля Псковская, земли: Вятская, Двинская, Важская и др.). Историческія, географическія, топографическія и статистическія описанія губерній, областей и городовъ. Мѣстныя, сохранившіяся между старожилами, извѣстія объ основателяхъ городовъ и поселеній, а также и рассказы о лицахъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, чѣмъ-либо себя прославившихъ. Свѣдѣнія: а) о прежнихъ названіяхъ мѣстъ, нынѣ переименованныхъ; б) о мѣстностяхъ, достопамятныхъ по событіямъ, битвамъ и какимъ-либо чрезвычайнымъ происшествіямъ, или же обращающихъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, зарыты клады, есть подземелья и древнія могилы; что здѣсь случалось видать призраки, огни и другія необъяснимыя явленія, или приходилось слышать иногда стоны, звонъ невѣдомыхъ колоколовъ и т. п.; в) о заповѣдныхъ лѣсахъ, рощахъ, лугахъ, урочищахъ и т. д., которые почитаются или прежде почитались священными; г) о такихъ мѣстностяхъ, по которымъ протекали рѣки, давно уже высохшія и заросшія, или пролегалы большія дороги, и д) о мѣстностяхъ, богатыхъ археологическими памятниками: древними церквами, дворцами, палатами, крѣпостями, валами, башнями съ тайниками, — какъ сохранившимися до нынѣ въ цѣлости, такъ равно и оставившими одни только слѣды и развалины. Путешествія по Россіи, совершенныя русскими и иностранцами, дневники и записки ихъ о видѣнномъ и слышанномъ въ это время. Указатели нынѣшнихъ дорогъ и разстояній, дорожники и путеводители съ описаніями, изданными по случаю путешествій

Высочайшихъ Особъ по Россіи. Карты цѣлыхъ губерній, отдѣльныхъ уѣздовъ и мѣстъ. Среди отдѣльныхъ листовъ, въ собраніи г. Бокачева, находится планъ древняго Новгорода съ его окрестностями, изданный Н. Н. Муравьевымъ; видъ Новгорода въ XII в., скопированный съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, находящейся въ новгородскомъ Знаменскомъ Соборѣ; планъ кремлевской ограды въ Новгородѣ, снятый въ 1701 г.; видъ Новгорода въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изданный въ Парижѣ; нѣсколько другихъ старыхъ и новыхъ видовъ того же города. Видъ Пскова въ 1581 г., представленный на образѣ Срѣтенія Пресвятыя Богородицы, находящемся въ часовнѣ близъ Пскова; планъ городскихъ стѣнъ Пскова въ 1706 г.; виды Пскова и его окрестностей въ 1837 и 1871 гг., изд. Ивановымъ и Камирадомъ. Планы и виды стараго Кіева, изданные г. Закревскимъ; планы кіевскихъ укрѣпленій въ 1715 и 1723 гг.; планъ Кіева конца тридцатыхъ годовъ, на которомъ показаны зданія, подлежащія сломкѣ и замѣнѣ новыми; литографированные виды Кіева. Планъ Казани съ окрестностями въ 1552 году, планъ крѣпости въ 1773 году и виды Казани 1834 и 1839 гг., снятые и изданные Туриннымъ и Турнерелли.

Видъ Смоленска во время осады его въ 1609—1610 гг., гравированный А. Хондіусомъ; два вида этого города, взятые изъ географическихъ атласовъ XVII в., и одинъ—изданный въ Лондонѣ, въ 1814 г.; планъ стѣнъ Смоленска въ 1706 г. Виды Владиміра на Клязьмѣ, рисованные Дмитриевымъ. Два чертежа Архангельска, сдѣланные въ XVII в. Виды Соловецкаго монастыря, фасады и планы каменныхъ стѣнъ вокругъ него и башенъ. Виды и планъ дворца царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ; виды церкви Ипатьевскаго монастыря. Виды и планы многихъ другихъ городовъ Россіи, преимущественно старыхъ.

Изъ приведеннаго краткаго перечня, выбраннаго на-удачу, видно, какой богатый разнообразный матеріалъ даетъ разбираемая книга. Но особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на отдѣлъ, посвященный старой Москвѣ.

Здѣсь есть видъ Москвы, взятый изъ книги Брауна и Гогенберга. „Civitates orbis terrarum“ 1572 г.; видъ Москвы 1605 года изъ книги „Сказанія Массы и Геркмана“, изданной Археографическою Коммиссіею; fac-simile вида Москвы, гравированнаго Лукой Киліаномъ въ 1610 году; видъ московскаго Кремля въ началѣ XVII в., гравированный въ Амстердамѣ и посвященный парю Алексѣю Михайловичу; виды Москвы, изданные въ 1614 и 1629 гг. Гесселемъ Герардомъ и М. Готофредомъ; виды Москвы въ XVII в., приложенные къ путешествіямъ Олеарія, Мейерберга и Лебрюня; видъ Кремля и части Москвы, гравированный Пикаромъ въ началѣ XVIII вѣка; планъ укрѣпленій московскаго Кремля и Китая-города въ 1707—1708 гг., составленный Шперейтеромъ; планы и виды Москвы XVIII в., снятые Мичуринимъ, Махаевымъ, Кампорези и др.; виды Москвы, изданные въ новое и новѣйшее время: Де-лабарта, Рихтера и Дурфельдта, Гаммера, Аккермана, Лаврова, Кадоля, Леребура, Струкова, Дадіаро, Фельтена, Найденова и др.—Также много мате-

риаловъ, касающихся Троицкой Лавры, села Коломенскаго и другихъ окрестностей Москвы. Среди—изданій, относящихся до Москвы, отмѣтимъ, какъ особенно любопытныя:

№ 369. *Виды Москвы, выгравированные въ 1809 году съ рисунковъ Франца Кампорези* и приложенныя къ I части *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa*, by E. D. Clarke. London, 1810: 1) церковь Василя Блаженнаго, 2) Иванъ Великій съ пристройкою для самыхъ большихъ колоколовъ и гауптвахтою, выходящею къ Грановитой Палатѣ, 3) древній царскій дворецъ (терема) и церковь Спаса на Бору, 4) пляжъ Кремля. Къ книгѣ приложены еще московскіе виды, снятые другими художниками: 1) Царь-колоколь, 2) Царь-пушка, 3) Москва со стороны церкви св. Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, и 4) домъ Пашкова, построенный архитекторомъ Казаковымъ (Баженовымъ?) („Каталогъ“, стр. 65).

№ 375. *Ansichten von Moskwa. G illuminirten kupfern von Feg. Durfeldt*. Лейпцигъ, 1811. Въ листъ. Содержаніе: 1) видъ Кремля со стороны Москвы-рѣки, 2) видъ теремовъ, 3) видъ дома Пашкова, 4) видъ Красныхъ воротъ, 5) видъ Петровскаго дворца, 6) видъ Троице-Сергіевой Лавры, 7) видъ заставы, 8) видъ улицы и 9) видъ церкви св. Василя Блаженнаго. (Кат. ст. 66).

Въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ интересны между прочимъ виды бывшаго дома Пашкова, нынѣ Румяндовскаго Музея. Снятые до пожара, бывшаго во время нашествія непріятеля въ 1812 г., эти виды могли бы послужить хорошимъ пособіемъ для желательной реставраціи въ прежнемъ видѣ Музейскаго зданія—одного изъ красивѣйшихъ не только въ Москвѣ, но пожалуй даже и въ цѣлой Европѣ.

Интересно было бы знать, не найдется ли у кого изъ московскихъ любителей альбомъ рисунковъ Кампорези къ путешествію Кларка? — Что касается альбома Дурфельдта, онъ имѣется въ библиотекѣ маститаго библіофила, П. А. Ефремова, который однажды уже любезно предоставлялъ эти виды Москвы въ пользованіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

С. Щуровъ.

A., Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów Szujskich. Krakow, 1894, 8°, 29 стр. (А., Изъ исторіи Варшавы: Мавзолей царей Шуйскихъ).

Какъ извѣстно, въ Варшавѣ въ саду бывшаго дворца Сталица (нынѣ гимназіи) донныя сохранилась круглая небольшая каменная постройка, вродѣ часовни, бывшая нѣкогда мавзолеемъ надъ останками царя Василя Шуйскаго, брата его Димитрія и его жены, захваченныхъ въ плѣнъ Поляками послѣ сраженія 1611 года подъ Клушинымъ. Эта часовня, носившая названіе *capella moscovitica*, приписана была впоследствии къ доминиканскому костелу св. Маріи, построенному королемъ Яномъ Казиміромъ въ Краковскомъ предмѣстіи. Шуйскіе умерли въ плѣну въ Гостынинскомъ замкѣ и погребены были въ Варшавѣ; въ 1635 г. правительство царя Михаила Ѳеодоровича выхлопотало у Поляковъ возвращеніе останковъ Шуйскихъ, которые и были при-

везены въ Москву и вновь погребены въ Архангельскомъ соборѣ. Авторъ разсматриваемой нами брошюры собралъ сохранившіяся въ польскихъ архивахъ извѣстія о пребываніи Шуйскихъ въ польскомъ плѣну. Къ ней приложены также фототипическіе и фотоцинковые снимки: съ извѣстной картины Далабелли „Торжество Жолкевскаго 1611 г.“, съ бывшаго костела св. Маріи по гравюрѣ 1800 года, съ мавзолея Шуйскихъ и, наконецъ, съ бывшаго дворца Сташица.

В. У.

Bemerkungen auf Anlass einer Wissenschaftlichen Reise in dem Kaukasus und den Südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres in den Jahren 1860—1861. Von. B. Dorn. Reise nach Masanderan. St.-Petersburg. 1895.

Путешествіе академика Дорна, нынѣ изданное Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, было совершено въ 1860—61 г. и охватило восточную часть Кавказа и южное побережье Каспійскаго моря. По возвращеніи изъ Персіи авторъ сталъ приводить свои замѣтки въ порядокъ и работа уже была приготовлена къ печати, какъ пожаръ въ 1864 г. уничтожилъ его рукопись—плодъ продолжительныхъ изысканій, и черезъ нѣсколько лѣтъ только явилась возможность снова приступить къ обработкѣ собранныхъ свѣдѣній. По отчету объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря, задача академика заключалась въ изслѣдованіи на Кавказѣ языковъ иранской вѣтви, въ географическомъ и археологическомъ изученіи Мазандерана и Гиляна и въ собираніи снимковъ съ надписей и письменныхъ памятниковъ. Географическую часть экспедиціи обработалъ и издалъ спутникъ академ. Дорна г. Мельгуновъ. Что касается мазандеранской литературы, то она ограничивается главнымъ образомъ собраніемъ стихотвореній эмира Пассевари, изданнымъ самимъ авторомъ путешествія на персидскомъ языкѣ еще въ 1866 г. Это собраніе важно съ точки зрѣнія изученія кавказскихъ языковъ — татскаго и шалышинскаго. Однимъ изъ побужденій издать описаніе южнаго побережья Каспійскаго моря служило автору желаніе дать русскимъ чиновникамъ или туристамъ чрезъ Мазандеранъ представленіе объ исторіи, географіи и древностяхъ названныхъ странъ.

Въ этомъ отношеніи, если не вполне, то въ извѣстной степени книга академика Дорна также можетъ считаться полезнымъ приобрѣтеніемъ. Авторъ описываетъ свое путешествіе отъ Петербурга до Астрахани и Баку, а отсюда черезъ Ленкорань переправляется въ Персію. По пути сообщаетъ свѣдѣнія историческія, этнографическія, приводитъ отрывки изъ различныхъ сочиненій и предлагаетъ рядъ лингвистическихъ замѣчаній. Раззореніе Табаристана арабами въ книгѣ академика можетъ представлять особый интересъ. Любопытной представляется также глава „объ установленіи траурнаго шествія въ память мученика Гуссейна въ Багдадѣ въ 352 (968) г.“, для сопоставленія съ современнымъ порядкомъ воспоминанія Гуссейна въ Закавказьѣ.

А. Хахановъ.

Repertorium für Kunstwissenschaft, XVIII Bd., 5 Heft (1895).

Большую часть указанного номера журнала занимает изслѣдованіе *Добберта о тайной вечери въ искусствѣ*, составляющее продолженіе уже ранѣе появившихся первыхъ его статей на ту же тему. Авторъ съ обычной полнотой и всесторонне трактуетъ объ изображеніяхъ тайной вечери въ западномъ искусствѣ. Укажемъ, какъ на особенно интересныя, на страницы, посвященныя Іудѣ Искаріотскому (стр. 373—379). Отмѣтимъ также, что авторъ говоритъ о миниатюрахъ пурпурнаго кодекса Мюнхенской библіотеки, какъ о копіяхъ оригинала V—VI в., созданнаго въ Италіи ¹⁾. Миниатюра, представляющая Христа съ двумя учениками у стола, на которомъ чаша и хлѣбъ, неправильно отнесена имъ въ качествѣ иллюстраціи къ евангельскому тексту, рассказывающему о трапезѣ Христа въ Еммаусѣ (стр. 339). *Е. Рьдинг.*

Byzantinische Zeitschrift, V B., 1 Heft (1896).

Въ данной книжкѣ нѣмецкаго журнала, посвященнаго византиновѣднію, находится нѣсколько статей и замѣтокъ о византийскомъ искусствѣ. Наибольшихъ размѣровъ и наиболѣе важной представляется статья Стржиговскаго посвященная замѣчательнымъ древностямъ монастыря на островѣ Хиосѣ. Этотъ монастырь самъ по себѣ представляетъ любопытной памятникъ византийской архитектуры XI в. (1042—1056), и въ немъ кромѣ того заключается богатая мозаичная роспись того же времени, идущая въ сравненіе съ извѣстными уже современными росписями. Роспись теперь становится впервые извѣстной, такъ какъ болѣе древнія описанія монастыря на греческомъ языкѣ мало доступны; но послѣднія весьма вѣрны, такъ какъ по нимъ возстановляется вся роспись, сильно пострадавшая при землетрясеніи 1881 года. Такимъ образомъ, въ куполѣ храма былъ изображенъ Христосъ Пантократоръ, а вокругъ него девять чиновъ ангельскихъ, въ аркахъ нишъ 12 апостоловъ, серафимъ и херувимъ; среди апостоловъ были сидящіе евангелисты, въ нишахъ стѣнъ храма: в—Рождество Христа; юв—Принесеніе въ храмъ, ю—Крещеніе Христа, юз—Преображеніе, з—Распятіе, сз—Снятіе со креста, с—Сошествіе Христа въ адъ; св—начало цѣлаго цикла—Благовѣщеніе. Въ главной абсидѣ—Богородица Оранта, въ боковыхъ абсидахъ—арх. Михаилъ (и Гавріилъ); въ куполахъ этихъ боковыхъ предѣловъ—монограмма.

Въ алтарѣ надъ входомъ въ церковь—былъ образъ Христа; въ куполѣ нартекса Богородица Оранта; въ восьми образованныхъ мозаикой аркадахъ святыя войны: Сергій, Феодоръ, Стратилать, Вахъ и др.; далѣе Іоакимъ и Анна, свв. Стефанъ и Пантелеймонъ; тутъ же въ нартексѣ, кромѣ различныхъ святыхъ и пророковъ: Сошествіе Св. Духа, Вознесеніе, Входъ Христа въ Іерусалимъ, Умовеніе ногъ Христомъ, Воскрешеніе Лазаря.

Къ статьѣ приложены фотографическія снимки съ наружнаго вида церкви, внутренняго (облицовка мраморомъ) и изображенія Крещенія Христа (Taf. II), Распятіе Христа и Сошествіе въ адъ (Taf. III).

¹⁾ Ср. нашу статью объ этомъ кодексѣ въ *Арх. Изв. и Замѣт.*, 1894 г., № 6.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала помѣщена критическая замѣтка Байе объ извѣстномъ трудѣ проф. Н. П. Кондакова, посвященномъ исторіи византійскаго искусства по миниатюрамъ, вышедшемъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1886, 1891) въ переводѣ, съ дополненіями, на французскомъ языкѣ. „Среди ученыхъ, которые во второй половинѣ этого вѣка, говоритъ рецензентъ, работали съ честью въ области византиновѣдѣнія, г. Кондаковъ — одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и убѣжденныхъ. Чтобы знать хорошо памятники греческаго средневѣковья онъ былъ щедръ и въ чтеніи, и въ путешествіяхъ, и всѣ его труды свидѣтельствуютъ о непосредственномъ и серьезномъ знакомствѣ съ памятниками. Произведеніе, становящееся нынѣ, благодаря переводу, доступнымъ весьма большому количеству читателей, не уступаетъ въ этомъ отношеніи предшествующимъ, и прежде критическаго разсмотрѣнія его, справедливо выразить автору всю нашу признательность. Никто, я полагаю, не видѣлъ и не изучалъ болѣе рукописей съ византійскими миниатюрами, никто не можетъ говорить о нихъ съ болѣею компетенціей, и многія изъ главъ двухъ томовъ бросятъ новый свѣтъ на исторію развитія византійской живописи“ (стр. 191—192).

Мозаики Дафни. Въ *Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, fasc. 1896—Gabr. Millet издаетъ рядъ прекрасныхъ фототипій съ изображеній Поклоненія волхвовъ и Сошествія Христа въ адъ.
Е. Рудинъ.

Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Herzogovina (Red. M. Hoernes). B. III (Wien, 1895). Gr. 8°, стр. 660, 16 табл., 1178 рис. въ текстѣ. Первая, большая часть тома (стр. 1—532) посвящена археології и исторіи края. Изъ статей этой части заслуживаютъ упоминанія: *Franz Fiala*, Die Ergebnissen der Untersuchung prähistorischer Grabhügel auf den Glasinac im Jahre 1893. Раскопано и изслѣдовано до 140 кургановъ, изъ коихъ 34 съ трупосожженіемъ, 66 съ погребеніемъ и 12 смѣшаннаго типа; судя по вещамъ и монетѣ Лицинія (+ 307) курганы относятся къ римскому времени, часть къ болѣе позднему времени—къ среднимъ вѣкамъ; между вещами преобладаетъ бронза; желѣзо только въ оружіи (стр. 1—38).—*W. Radimsky*. Die Nekropole von Seserine in Pritoka. Монетъ найдено не было; надписи даютъ рядъ варварскихъ именъ изъ римскаго времени (частью относятся къ иллирійскимъ, частью къ кельтскимъ по звукамъ). Кладбище могло возникнуть около IV ст. до Р. X., кельтская его эпоха начинается около 1/2 IV ст. по Р. X., когда кельты ворвались въ Иллирію; этимъ объясняется масса предметовъ галльштадскаго типа; представителей кельтскаго типа очень немного, главная масса предметовъ эпохи римской, почему заключаетъ авторъ статьи, что кладбище было наполняемо и играло свою роль въ теченіе пяти столѣтій—съ IV в. до Р. X. по I в. по Р. X. (стр. 34—218).—*W. Radimsky*, Der prähistorische Pfahlbau von Kipač bei Bihač.—Предварительное сообщеніе: найдено много черепковъ сосудовъ съ любопытнымъ орнаментомъ и клеймами,

вмѣстѣ съ тѣмъ очень немного бронзовыхъ или мѣдныхъ бляхъ, глиняныя грузила и рогъ. Отъ болѣе точнаго опредѣленія времени свайнаго поселенія авторъ уклоняется (стр. 219—226). — *C. Truhelka, C. Patsch, A. Hoffer, Römische Funde im Saävathale, 1893.* Найденные предметы (фибулы, мечи, топоры, ножницы, ключъ) датируются римскими монетами III—IV в.; найденная (около мѣст. Vagošluk) базилика относится къ раннимъ христіанскимъ временамъ. Тѣмъ же временемъ опредѣляются и римскія надписи, болѣею частью ферагментарныя (стр. 227—247). — *W. Radimsky, Die römische Ansiedlung von Majdan bei Vagcar Vakuf:* найдены остатки римскаго богатаго дома съ остатками фресокъ, обломковъ колоннъ и мраморныхъ украшеній; изъ вещей найдены желѣзныя части плуга, серебряныя иглы (*stilus*) (стр. 248—256). — *F. Fiala, C. Patsch. Untersuchungen römischer Fundarte in der Herzogovina.* Археологическое изслѣдованіе въ мѣстностяхъ: Gradac bei Košulje, Stolac, Ljubuški; при раскопкахъ фундамента дома найдены рельефныя украшенія въ большомъ количествѣ; украшенія, отлично сохранившійся мраморный мозаичный полъ, рядъ надписей, обломки статуи, бронзовая статуэтка и т. п. Относятся все предметы къ позднему времени римскому (стр. 257—283). — *W. Radimsky Archeolog. Tagebuchblätter.* Забѣтки о разныхъ мелкихъ археологическихъ предметахъ; описаны преим. предметы римской эпохи (фибулы, оружіе, черепки старшей эпохи) (стр. 284—297). — *L. Thallócsu, Bruchstücke aus der Geschichte der nordwestlichen Balkanländer.* Историческія изслѣдованія по Босніи въ XIII, XIV, по исторіи рода Бранковичей, по ереси Богомиловъ въ Босніи (греч. тексты изъ рук. Вѣнск. библіотеки) (стр. 298—371). — *J. Ruvaraó, Zwei bosnische Königinnen.* Забѣтка о Катеринѣ, вдовѣ Омы Остоича, умершей въ Римѣ (1478), гдѣ ея могила съ славянской надписью, и Маріи, послѣдней королевѣ Босніи († 1476) (стр. 372—387). — *M. Faber, Zur Entstehung von Farlati's „Illyricum Sacrum“.* О матеріалахъ, сохранившихся у наслѣдниковъ Фарлати для исторіи Босніи (стр. 388—396). — *V. Jagić, Einige Worte über bosnische Inschriften auf Grabsteinen.* Забѣтка о важности боснійскихъ надгробныхъ надписей для исторіи сербскаго народнаго языка и поправки къ изданнымъ текстамъ (стр. 396—402). — *C. Truhelka, Die bosnische Grabdenkmäler des Mittelalters.* Послѣ описанія разнообразныхъ типовъ надгробій, ихъ орнаментовъ и изображеній на надгробіяхъ, изданы въ факсимиле и транскрипціи надгробныя надписи изъ 33 мѣстностей; старшая надпись XIII или XIV в. (Владислава I или II); матеріалъ важенъ для палеографіи боснійско-славянской письменности; въ концѣ прибавленъ словарь словъ и указатель именъ изъ надписей (стр. 403—473). — *C. Jireček, Die Edelleute von Hum auf der Inschrift in Veličani.* Изслѣдованіе по надписи времени боснійскаго краля Твртка (1377—1391) о дворянскихъ родахъ Босніи (стр. 474—480). — *C. Hörmann, Epigraphische Denkmäler aus dem Mittelalter.* Надгробія (рисунки и тексты) XIV в. (стр. 481—502). — *C. Truhelka, Eine arosgruppe Inschrift des Herzogs Stephan an der Kirche zu Gorazda.* Надпись поддѣльная, помѣченная 1448 г. (стр. 504—509). — *Notizen.* Собраны мелкія извѣстія (съ

рисунками) о разных предметах: бронзовые фибулы, кельты, иглы, грузила глиняныя стараго типа, свѣдѣнія о мелкихъ раскопкахъ, изданъ надгробный камень изъ Езерина до—римской эпохи, амулетъ (абраха) съ любопытной надписью и т. д.

Вторая часть тома посвящена фольклору и природѣ края. *М. Сп.*

Jahrbuch des Kaiserlich deutschen archäologisch. Instituts. Band XI, Erstes Heft (Berlin 1896).

P. Wolters. Eine spartanische Apollostatue (S. 1—10 и три рисунка). Бронзовая статуя въ ростъ человѣка, прекрасно сохранившаяся съ великолѣпной патиной найдена въ одномъ домѣ въ Помпеѣ въ 1853 г.; это одно изъ замѣчательныхъ произведеній не только въ Неаполитанскомъ музеѣ, но и вообще въ ряду памятниковъ греческой пластики; къ сожалѣнію, статуя мало еще оцѣнена въ области исторіи искусства. По типу божества статуя должна восходить къ первымъ десятилѣтіямъ V в. до Р. X., по технике принадлежитъ школѣ Пасителеса (современника Помпея), стремившейся возстановить старыя архаическіе типы въ греческой скульптурѣ. Появленіе типа обнаженнаго Аполлона кноероида (каковъ долженъ былъ быть, по предположенію автора, помпейскій) ставится въ связь съ праздникомъ гимнопедіевъ въ Спартѣ.

G. Körte. Die statue von Subiaco (11—10 и два рисунка). Находка сдѣлана на Villa Neronis около Subiaco, находится теперь въ Римѣ въ Музеѣ delle Terme, представляетъ юношу съ нѣжными формами тѣла; поза указываетъ на сильное, стремительное движеніе. Возстановивъ отломанныя части мраморной статуи, авторъ находитъ въ ней изображеніе Гила, спасающагося отъ нимфъ; изображеніе Гила одного, безъ нимфъ, извѣстно въ литературѣ искусства; по композиціи статуя едва ли старше 3 в. до Р. X., по работѣ должна быть отнесена къ нероновскимъ временамъ.

A. Kalkmann. Zur Tracht archaischer Gewandfiguren (19—52, 21 рисунокъ). Главная цѣль автора — изслѣдованіе стилиа одежды на архаическихъ фигурахъ акрополя Аѣинъ, соединяемое авторомъ съ общимъ представленіемъ изображенія одежды въ греческомъ искусствѣ. Большая часть фигуръ, входящихъ къ эпохѣ персидскихъ нашествій (въ т. н. Perserschutt) одѣта въ іонійскую одежду (хитонъ льняной, державшійся безъ помощи пряжекъ, рубашка (безъ рукавовъ, чаще съ короткими рукавами, также сшитая и потому безъ пряжки или шпильки державшаяся на плечахъ); характерную особенность іонійскаго костюма составляетъ накидка (нѣчто въ родѣ плаща), надѣвавшаяся поверхъ плаща. Позднѣе рядомъ съ этой накидкой появляется дорійскій пеплосъ (*πέπλος*), какъ это мы видимъ, напр., уже на пареенонскихъ метопахъ. Это постепенное проникновеніе дорійской моды наблюдается позднѣе все чаще и чаще въ преобладаніи пеплоса въ одѣянїяхъ.

E. Petersen. Die Marcussäule auf Piazza Colonna in Rom. (1—18 съ рисунками). Въ виду готовящагося новаго изданія сценъ колонны Марка Аврелія (С. Sichorius) авторъ излагаетъ исторію какъ самой колонны до ея по-

мѣщенія на настоящемъ мѣстѣ, такъ и ея возникновенія, а также сюжеты изображеній, покрывающихъ колонну. *М. Сп.*

Sitzungsberichte der archäol. Gesellschaft zu Berlin. Отчетъ съ ноября 1895 по февраль 1896 г. Въ засѣданіяхъ за это время между прочимъ доложены рефераты—Dörpfeld'a о Епнеа-Kruposproblem, и возраженія ему Pelger'a, А. Körte—о раскопкахъ нѣмецкаго археолог. института въ зап. части Акрополя (храмъ Аминоса и Асклепія). Въ декабрь (9 ч. по н. с.) былъ отпразднованъ обычный Винкельмановскій праздникъ, при чемъ Курціусъ читалъ по исторіи Олимпіи во время Ахейскаго владычества, Пухштейнъ — о помпейской стѣнной живописи.

Въ концѣ тома—библіографич. указатель новѣйшихъ работъ по археологіи древняго міра. *М. Сп.*

Mittheilungen des kaiserlich deutschen archäol. Instituts. Römische Abtheilung B. X. (Rom. 1896), 3. 4.

I. Six. Iconographische Studien (179—192). Извѣстная капитолійская голова т. н. Александра Македонскаго, по мнѣнію автора, есть изображеніе не Александра, а Митридата Евпатора; основаніе этому даютъ монеты. Въ знаменитой Герфъ Людовизи авторъ на основаніи прически, характерной для времени Каллигулы, находитъ возможнымъ видѣть идеализированный портретъ римлянки, принадлежавшей къ царственной семьѣ; онъ останавливается на Друзиллѣ, сестрѣ Каллигулы, замѣчательной красавицѣ, удостоенной послѣ смерти причтенія къ божествамъ.

I. Führer. Ein Fund im Staatsgebiet des alten Syrakus (193—209). Открыты подземныя водохранилища (цистерны), соединенныя между собой каналами; построеніе относится, вѣроятно, къ греческой (до Діонисія) эпохѣ Сиракузъ, вполнѣдствіи передѣлывалось, послѣднія передѣлки, вѣроятно, времямъ византійскихъ.

H. Dragendorff. Heracles und die Hydra. Замѣтка о типѣ гидры, по поводу изображенія битвы Геракла съ гидрой, помѣщеннаго на днѣ сосуда (calceus Schale): полуженщины съ змѣями вмѣсто ногъ и въ головѣ съ змѣями вмѣсто волосъ (какъ на издаваемомъ изображеніи). Оба типа восходятъ къ греческой эпохѣ, второй, точнѣе къ эллинистической. Сосудъ относится къ III—II в. до Р. X.

A. Mau. Bibliografia pompejana. Пересмотръ изданій касающихся такъ или иначе Помпеи; въ числѣ ихъ отмѣчены и изложены: работа *М. И. Ростовцева*—Послѣднія изслѣдованія Помпеи (Ж. М. Н. П. 1894 г. № 4), изданіе *) извѣстной вѣнской лицевой библии IV в. съ рисунками по стилю стоящими въ связи съ помпейскими (illusionismus).

L. Pollak. Inserizione archaica di Girgenti (236—239). Надпись грече-

*) Hartel'a и Wickhof'a.

ская относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ VI в. до Р. X. касается культа Аѳины въ гор. Akragas.

O. Rossbach. Athamas und Learechos (240—243). Описание и опредѣленіе мраморной группы Неаполитанскаго музея, также поправка къ реставраціи.

E. Petersen. Due pezzi di rilievo giuniti. (244—251). Составныя части рельефа хранились, какъ отдѣльные памятники, въ разныхъ музеяхъ Рима: одинъ въ Museo delle Terme, другой въ Museo Lateranese. Рельефъ относится ко временамъ Траяна.

Ch. Hülsen. Untersuchungen zur Topographie des Palatins (252—283). Возстановленіе по раскопкамъ разныхъ временъ плановъ палатинскихъ дворцовъ. (Статья не кончена).

E. Petersen. Laokoon in Reggio (284—288). Въ Reggio по словамъ газеты L'Ellade Italica, найдена группа Лоокоона въ 91 с. вышины изъ мрамора, якобы оригиналъ ватиканской группы; группа, якобы старше ватиканскаго Лаокоона, работы греческой. На дѣлѣ же это поздняя плохая копія, едва-ли съ ватиканскаго оригинала, скорѣе же всего по рисунку.

Ch. Hülsen. Miscellanea epigrafica (289—301).—Продолженіе; статья не кончена. Статья посвящена—Falsificazioni lapidarie Ligorianae, сдѣланнымъ въ XVI в. неаполитанцемъ Ligorio. M. Sn.

VII.

Некрологъ.

† **Ө. А. Бюлеръ.**

9 мая скончался въ Москвѣ на 76 году жизни баронъ **Ө. А. Бюлеръ**. Онъ былъ директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 1873 г. При немъ Архивъ перенесенъ въ новое зданіе, и введены значительныя облегченія и удобства для занимающихся въ Архивѣ. Въ этой заботѣ о фактической доступности Архива для изслѣдователей—большая заслуга барона Бюлера. Въ связи съ этимъ баронъ **Ө. А.** заботился объ увеличеніи архивной библіотеки, самъ дарилъ туда помногу книгъ и отдавалъ въ библіотеку всѣ получавшіяся имъ научныя изданія.

Ограниченность средствъ Коммисіи по Печатанію Госуд. Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Архивѣ, мѣшала придать желательные размѣры ея издательской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе переизданы были (въ 1878 г.): *Законы Иоанна III и Судебникъ Иоанна IV* съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, и *Сборникъ Кириши Данилова* съ предисловіемъ Калайдовича; изданы: *Снимки древнихъ русскихъ печатей, вып. 1*, написанный кн. М. А. Оболенскимъ (изд. 1880 г.), *Очеркъ дѣятельности Коммисіи Печатанія Г. Г.*

и Д., Предисловіе къ V тому Собр. Гос. Грам. и Дог., Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, Бантыша-Каменскаго, части 1 и 2 (1894—95 гг.), и съ 1880 по 1893 гг. изданы 1—5 выпуски *Сборника Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ*, гдѣ помѣщались труды служащихъ въ Архивѣ. Въ 1895 г. барону удалось, наконецъ, исходатайствовать пособіе Коммиссіи, хотя одновременное, на изданіе актовъ.

Баронъ Бюлеръ состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и членомъ почти всѣхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ Обществъ и Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій. Съ большимъ участіемъ относясь къ дѣламъ и начинаніямъ Московскаго Археологическаго Общества, онъ неуклонно участвовалъ вмѣстѣ со своимъ Архивомъ въ археологическихъ сѣздахъ, причѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, отправлялъ на выставки при этихъ сѣздахъ документы, планы, картины изъ хранящихся въ Архивѣ, представлявшіе особый интересъ для края, гдѣ собирався сѣздъ. Такъ Архивъ, почину и хлопотамъ барона, участвовалъ въ сѣздахъ: Казанскомъ, Тифлискомъ, Одесскомъ, Ярославскомъ, Виленскомъ и будетъ участвовать въ Рижскомъ. А для Московскаго археологическаго сѣзда 1890 г. бар. Бюлеръ устроилъ въ Архивѣ цѣлую особую выставку какъ памятникъ, имѣющихъ общегосударственный интересъ, такъ и отдѣла по Москвѣ. Барону Ф. А. Бюлеру принадлежитъ нѣсколько научныхъ статей въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“ (1846, объ ивородахъ Астраханской губерніи и 1849 г. о ламализмѣ и шаманствѣ) и въ историческихъ изданіяхъ (преимущественно свѣдѣнія по Архиву): въ *Русскомъ Архивѣ*, *Русской Старинѣ* (въ сборникѣ „Мои знакомые“ помѣщена и автобіографія барона), въ *Чтеніяхъ Общ. Люб. Ист. и Др.*, и въ архивномъ *Сборникѣ*, гдѣ особенно слѣдуетъ отмѣтить статью (въ вып. 3—4): „*Московский Главный Архивъ*“.

С. С.

† Н. И. Суворовъ.

11 мая скончался Николай Ивановичъ Суворовъ—научный дѣятель, незабвенный для Вологодскаго края и достойный признательной памяти вообще въ русскихъ ученыхъ кругахъ. Вологодскому краю онъ отдалъ свою дѣятельность; тамъ и прожилъ всю свою жизнь, кромѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Московской Академіи: тамъ родился въ 1816 г., въ Никольскомъ уѣздѣ, въ семьѣ сельскаго священника; тамъ учился въ Устюгѣ и въ Вологдѣ; тамъ служилъ 41 годъ учителемъ въ Вологодской семинаріи, оставивъ трогательную память своей кротости и доброты въ цѣломъ рядѣ поколѣній духовенства Вологодской епархіи—все бывшихъ учениковъ его; тамъ проработалъ и послѣдніе 14 лѣтъ своей жизни.

Археологическіе труды Н. И. начались въ 1856 г. „*Описаніемъ монетъ и медалей, хранящихся въ Вологодской семинаріи*“.

Тогда завязались его сношенія съ Имп. Обществами: Русскимъ Археоло-

логическимъ, Географическимъ, Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ Академіей Наукъ, съ Археографической Коммиссіей. Такъ, въ тт. 2—3 *Извѣстій Имп. Археол. Общ.* (Спб., 1861—64 гг.), имъ изданъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ (17) о вологодскихъ церковныхъ древностяхъ: вещественныхъ, бытовыхъ и археографическихъ (одна замѣтка о конькахъ на крышахъ въ Волог. и Новгор. губ.): все это новый и характерный матеріалъ. Въ первые годы этой своей дѣятельности Н. И. сотрудничалъ и въ *Архивъ* Калачева, во *Дни* Аксакова, *Домашней Бесѣдѣ* Аскоченскаго, *Памятныхъ книжкахъ Волог. губ.* (изд. Волог. Стат. Ком.), *Вологодск. Губ. Вѣд.*, *Яросл. Епархіальн.* и *Вятскихъ Епарх. Вѣд.*; издалъ труды „*Волода въ началѣ XVIII стол.*“ и „*Устюгъ Великій въ концѣ XVII ст.*“. Но далѣе явилось дѣло, которому онъ всецѣло отдалъ свои научные труды. „*Вологодскія Епарх. Вѣд.*“ такъ говорятъ объ этомъ въ его некрологѣ:

„Со времени основанія имъ въ 1864 году Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, по ходатайству предъ преосвящ. Христофоромъ, епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, ученая дѣятельность Н. Ив. сосредоточилась въ этомъ любимомъ его дѣтищѣ. Продолжая труды епископа Евгенія Болховитина по исторіи Волог. епархіи, Н. И. прежде всего издалъ хранящіяся въ ризницѣ Волог. Каѳедр. собора въ рукописи сочиненія этого епископа по іерархіи Вологодской, снабжая ихъ обширными своими примѣчаніями, такъ что небольшая рукопись епископа Евгенія о древне-пермскихъ и вологодскихъ іерархахъ составила въ отдѣльномъ изданіи съ примѣчаніями Н. И. томъ болѣе 400 страницъ. Въ „Епарх. Вѣдомостяхъ“ Н. И. печаталъ свои церковно-историческія изслѣдованія по всѣмъ періодамъ исторіи Вологодской епархіи; имъ самимъ составлены или имъ изданы сдѣланныя другими историко-статистическія описанія почти всѣхъ монастырей епархіи и многихъ замѣчательныхъ приходскихъ церквей, особенно городовъ Вологды и Устюга. Множество матеріаловъ отыскано имъ и напечатано относительно Вологодской и бывшей Устюжской семинаріи и бывшей Великоустюжской епархіи, а также относительно быта духовенства. Въ 1869 году имъ изданъ „Вологодскій сборникъ статей церковно-историко-статистическаго содержанія“; въ 1873—74 гг. — Вологодскій и Устюжскій лѣтописцы; въ 1881—82 гг. — исторіи города Соливычегодской, составл. А. Соскинымъ въ 1789 г. Въ 1869 году составлено описаніе Вологодскаго архіерейскаго дома. Въ 1891 году составлено „Описаніе Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора“. Въ 1887 году составлена монографія о бывшей Великоустюжской семинаріи и современныхъ ей малыхъ духовныхъ училищахъ въ Тотмѣ, Лальскѣ, Сольвычегодскѣ и Яренскѣ“. Труды Н. И. основывались на первоисточникахъ, и ими вносились богатые вклады новыхъ свѣдѣній въ исторіографію края. „Такъ какъ монографіи Н. И. были печатаемы по недостатку средствъ въ небольшомъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Вѣдомостей, то въ продажѣ ихъ нынѣ почти нигдѣ не имѣется. „Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости“ подъ его редакцію съ начала ихъ изданія являются для всякаго, желающаго ознакомиться съ исто-

рією Вологодскаго края, необходимою бібліотекою, и поэтому-то всѣ, писавшіе о Вологодской губерніи, полною рукою черпали и черпаютъ всегда изъ этого кладезя, иногда даже забывая указать на источникъ“.

Въ 1860 г. Н. И. избранъ въ члены Русск. Археол. Общ. и получилъ медаль Геогр. Общ., въ 1861 г.—въ члены Волог. Стат. Ком., въ 1875 г.—въ члены Моск. Археол. Общ., въ 1880 г.—въ члены Общ. Люб. Др. Письм., а въ 1885 г., въ первомъ же засѣданіи совѣта Ростовскаго музея,—въ члены этого музея. Въ житейскихъ же благахъ покойный, со своей скромностью, кротостью и безкорыстіемъ—не сдѣлалъ большихъ стяжаній. Поступивъ, по окончаніи академическаго курса учителемъ исторіи въ Вологодскую секинарію, онъ затѣмъ, послѣ 35-лѣтней „отлично усердной“ службы, въ 1876 г. получилъ первый чинъ, слѣдовавшій ему еще въ 1843 г.; въ 1877 г., во вниманіе этой усердной службы и стѣсненныхъ, по семейному положенію, обстоятельствъ, Св. Синодъ пожаловалъ ему въ единовременное пособіе 300 руб.; а въ 1883 г., уволясь по болѣзни отъ учительства, Н. И. за 41-лѣтнюю службу награжденъ былъ пенсіей въ 550 р. Неудивительно, что у археолога и историка вологодскаго сказывался „недостатокъ средствъ“ для отдѣльнаго изданія работъ своихъ.

Но Н. И. былъ богатъ любовью и уваженіемъ знавшихъ его. Въ рѣчахъ при его погребеніи отчетливо звучало то глубокое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ за свою многолѣтнюю дѣятельность на многочисленныхъ учениковъ и любвеобильнымъ примѣромъ кроткаго учительства, и плодотворнымъ научнымъ трудомъ. Въ послѣднемъ отношеніи одинъ изъ ораторовъ сравнивалъ почившаго съ А. В. Горскимъ: „Чѣмъ онъ былъ для Академіи, тѣмъ ты былъ и будешь для Вологодскаго края—труженикомъ, работа котораго не видна, но разнообразна и плодотворна... оба вы—чернорабочіе въ наукѣ, но такіе, безъ которыхъ не построишь научнаго зданія“.

Въ тѣхъ же рѣчахъ, начиная съ рѣчи преосв. Алексія вологодскаго, неуклонно указывалось на желательность собранія и изданія почитателями Н. И. трудовъ его. Нельзя не привѣтствовать этой мысли, и да позволено будетъ пожелать, чтобы во осуществленіе ея пришло на помощь вологжанамъ и содѣйствіе изъ научныхъ центровъ Россіи для почтенія памяти вологодскаго научнаго труженика.

С. С.

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министрствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описание Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославль. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.

Тоже, томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съезда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Ком. X Археол. Съезда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894, Ц. 8 р. 50 к.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Ком. Т. I, три выпуска по 4 р.

Т. II, вып. I Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Комиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихомирова. М. 1894 г. Ц. 2 р. Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200/0, библиотечкамъ учебныхъ заведеній—250/0, книгопродавцамъ—300/0.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома, 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (вѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Восточнаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославль, ц. 9 р. 50 к.

Византийскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова, Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уварова 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотечкамъ учебныхъ заведеній 250/0.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные три рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

ИЗДАВЛЯЕМА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 7—8.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. П. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 7—8.

	<i>Стр.</i>
I. Къ открытію Рижскаго Създа	205
II. Рижская Археологическая Выставка	207
III. Памяти Николая I	211
IV. Московская Выставка Изображеній Христа	213
V. Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи.	215
VI. Древности Иссыкъ-Кульской котловины	216
VII. Археологическая хроника	223
VIII. Засѣданія ученыхъ Обществъ	241
IX. Библиографія	244
X. Некрологъ	268

ИЗДАВЛЯЮЩАЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I.

Къ открытію Рижскаго Съѣзда.

1-го августа откроется въ Ригѣ Десятый русскій Археологическій Съѣздъ. Съ 1869 г. Съѣзды собирались въ сердцѣ Россіи (два раза въ Москвѣ и разъ въ Ярославлѣ), на сѣверѣ ея (въ Петербургѣ), на востокѣ Европейской Россіи (въ Казани) и на югѣ (въ Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ), а въ послѣднее время подвинулись и къ западнымъ предѣламъ: послѣ Виленскаго Съѣзда 1893 г., новый собирается, по желанію въ Божѣ почившаго Императора Александра III,—въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Ригѣ.

Этотъ край, до котораго дошла теперь очередь Съѣзда, полонъ для насъ интереса во многихъ отношеніяхъ: полонъ интереса какъ по своей связи съ нашимъ прошлымъ предъ самой зарей и въ первые вѣка нашей исторіи — и языческаго, и уже христіанскаго періода, такъ и по многоразличной исторической памяти послѣдующихъ вѣковъ; полонъ интереса и по тому, что сдѣлано для археологіи края мѣстными учеными силами, въ тщательномъ собраніи коллекцій, въ рядѣ изысканій и изслѣдованій, въ трудахъ ученыхъ Обществъ, въ созданіи Музеевъ; полонъ интереса и по тѣмъ вопросамъ, которые до позднѣйшаго времени не

были затронуты вовсе или были лишь слабо разрабатываемы мѣстными учеными, и разработки коихъ наука вправѣ ожидать отъ насъ по бѣльшимъ ли матерьяльнымъ средствамъ нашимъ (какъ изслѣдованіе городищъ), по большому ли интересу нашему къ самимъ вопросамъ (культурныя связи края до XIII вѣка и особенно культурныя связи его съ Русью до этого времени и въ послѣдующіе вѣка).

Балтійскій край тепло и дѣятельно отозвался на намѣреніе Съѣзда посѣтить его. Всѣ лучшія научныя силы края, работающія на нивѣ исторіи, археологіи, этнографіи, участвуютъ въ Съѣздѣ и въ подготовительныхъ работахъ къ нему. Послѣдніе два года археологическая дѣятельность по изысканіямъ, по раскопкамъ, по упорядоченію собраній кипитъ въ краѣ, и мѣстныя ученые Общества за десятилѣтія своего существованія не помнятъ такого оживленія.

Московскій Комитетъ Съѣзда со своей стороны предпринялъ рядъ поѣздокъ и раскопокъ, значительно подвинувшій знаніе мѣстной старины.

Въ то же время готовились выставки: богатая археологическая выставка, организуемая Рижскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, которая раскроетъ передъ нами сокровища края и по ископаемымъ предметамъ древности какъ каменнаго вѣка, такъ и курганной эпохи, и по изящнымъ памятникамъ европейскаго искусства; выставка этнографическая, созданная Латышскимъ Литературнымъ Обществомъ, которая представитъ бытъ туземныхъ племенъ края. Этими работами, этимъ оживленіемъ возбужденъ интересъ къ Съѣзду и среди свѣтскаго общества: Съѣздомъ живо интересуются образованные и начитанные люди по всему краю, о немъ говорятъ, его ждутъ повсюду, и мѣстныя газеты посвящаютъ ему рядъ статей и замѣтокъ.

Въ ученой встрѣчѣ Съѣзду участвуютъ представители всѣхъ племенъ, населяющихъ эту окраину русской земли: нѣмцы, латыши, эсты, русскіе — всѣ несутъ, что могутъ, на этотъ научный праздникъ. Остается пожелать, чтобъ и гости изъ внутреннихъ губерній пришли въ достаточномъ числѣ, отвѣчая радушіемъ на радушіе, раскрыли бы и передъ хозяевами тѣ богатства знаній, внесли бы то научное оживленіе, какъ раскрывали и вносили они на прежнихъ Съѣздахъ, а также и сами поучились и насладились бы отъ плодовъ мѣстной работы.

Для оживленія археологическаго интереса въ краѣ, для подъема въ археологическомъ изученіи Балтійскихъ губерній уже сдѣлано многое подготовительными къ Съѣзду трудами. Для взаимнаго сближенія ученыхъ силъ и знаній, для сближенія края съ русской наукой, для дружнаго выясненія археологическихъ вопросовъ, да дѣйствуетъ предстоящій Съѣздъ.

II.

Рижская Археологическая Выставка.

Археологическая Выставка, устроенная къ Съѣзду трудами и на средства Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній, состоитъ изъ пяти отдѣловъ: I.—Археологія (раскопки и находки); II.—Акты и рукописныя книги; III.—Печати; IV.—Монеты и медали; V.—Серебряное дѣло.

Цѣль перваго отдѣла—представить весь матеріалъ добытый до сего дня раскопками и находками въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ этомъ отдѣлѣ приняли участіе всѣ ученныя Общества края: Рижское Общество Исторіи и Древностей со своимъ Музеемъ, Курляндское Общество Литературы и Искусства (Курляндскій Провинціальный Музей) въ Митавѣ, Эстляндское Литературное Общество (Эстляндскій Провинціальный Музей) въ Ревелѣ, Ученое Эстонское Общество въ Юрьевѣ (Центральный Музей древностей края въ Юрьевѣ) и, со своими музеями: Общество для изученія острова Эзеля въ Аренсбургѣ, Ученая Коммиссія Латышскаго Литературнаго Общества въ Ригѣ, Фелинское Литературное Общество. Кромѣ того присланы вещи отъ Археологическихъ Обществъ: Императорскаго Московскаго и Псковскаго; отъ Музеевъ: Императорскаго Историческаго въ Москвѣ, Виленскаго и Западно-Прусскаго (въ Данцигѣ).

Въ отдѣлѣ I первое мѣсто принадлежитъ мѣстнымъ древностямъ: лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ. Ихъ 793 номера, причемъ вся раскопка или находка занесена подъ одинъ номеръ. Подраздѣленія мѣстной части: древнѣйшее время—300 номеровъ (находки кухонныхъ отбросовъ, вещей и костей каменнаго вѣка); предметы бронзоваго вѣка—весьма рѣдкіе въ краѣ—№№ 301—308; клады 309—318; могилы древнѣйшаго періода, до VIII вѣка, 319—392; могилы втораго періода, съ VIII вѣка, 393—753; находки съ XV вѣка 754—793. Изъ этихъ подраздѣленій пятое, могилы втораго періода,—раздѣлено по областямъ, и раздѣленіе это представляетъ большой интересъ для рѣшенія назрѣвшаго вопроса о національности прибалтійскихъ могилъ разнаго типа. Именно, могилы раздѣлены такъ: а) область Латышско-Ливская: Курляндія 393—485; ЮЗ. Лифляндія („около 1200 г. Ливская область“) 486—581; ЮВ. Лифляндія „около 1200 г. уже Латышская область“) 582—654; Польскія Лифлянты („около 1200 г. Латышская область“) 655—657; б) Эстская область: сѣверная Лифляндія 658—699; Эстляндія 700—720; острова: Эзель, Монъ, Даг-

день 721—753. Наконецъ, отдѣлъ 6-й, находки съ XV в., раздѣлены на находки въ Латышской области 754—761, въ Эстской области 762—787 и отливныя формы и штемпеля 788—793.

Далѣе въ первомъ отдѣлѣ идетъ Литва 794—797 и присылки: изъ Москвы 798—840—Люценъ и раскопки въ Прибалтійскомъ краѣ къ Сьвзду; изъ Пскова, 851—856—раскопки въ Псковской губерніи; изъ Вильны 1352—1383—на 7 таблицахъ характерныя вещи Виленскаго Музея: каменные (топоры, сверла, бруски, клинья), бронзоваго вѣка и желѣзнаго вѣка, и на 30 таблицахъ раскопки О. В. Покровскаго въ 1895 г. въ Свенцяномъ уѣздѣ, Виленской губерніи; изъ Данцига 857—8.

Устроителями I отдѣла были гг. Хаусманъ и Бухгольцъ.

Для отдѣла II, архивнаго, матеріалъ дали главнымъ образомъ Городскіе Архивы: Рижскій и Ревельскій: гг. Шварцъ (рижскій городской архивариусъ) и Бушъ выбрали для него изъ названныхъ Архивовъ, а отчасти и изъ Архивовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, а также и изъ библіотеки Рижскаго Общ. Ист. и Древн. акты, „наиболѣе выдающіеся и назидательныя въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ“. Несомнѣнные акты двухъ первыхъ Архивовъ восходятъ къ 20-мъ годамъ XIII столѣтія, оспариваемый актъ основанія госпиталя въ Ригѣ—къ 1220 г., а помѣченный въ каталогѣ Выставки какъ поддѣлка, актъ основанія Эрихомъ Датскимъ Михайловскаго монастыря въ Ревелѣ, носитъ дату 1093 г. Богатство актовъ XIII—XIV вѣка, латинскихъ и нѣмецкихъ—замѣчательное, и сравнимо лишь съ актами Ватиканскаго Архива, относящимися къ Ливоніи (Акты иностр. архивовъ относ. къ Россіи, изд. Археогр. Комм.)

Вообще латинскимъ и нѣмецкимъ актамъ (XI и) XIII—XVI в. принадлежитъ на выставкѣ №№. 859—922. Далѣе идетъ собраніе русскихъ актовъ 923—949, начиная со знаменитаго договора Мстислава Давидовича съ Ригой и Готскимъ берегомъ въ 1229 г., представленнаго въ трехъ спискахъ. Русскіе акты относятся преимущественно къ XIII и XIV в. (При грамотѣ Александра Невскаго 1259 г. копія договора Ярослава Владиміровича, изъ Новгорода съ нѣмцами и Готскимъ берегомъ, заключеннаго въ 1195 г.). Мы пожалѣли объ отсутствіи на выставкѣ двухъ весьма интересныхъ: одного по содержанію, другого по формѣ, актовъ Рижскаго Архива; разумѣемъ договоръ князя Витебскаго и Полоцкаго Герденя съ Орденомъ въ 1214 г. о раздѣлѣ (Летгольская земля, отданная уже прежде за печатью князя Константина, — за Орденомъ; Русская, Полоцкая, земля—за Герденемъ) и грамоту архіеп. Рижскаго къ кн. Θεодору Рост. Смоленскому, конца XIII в.

(См. Грамоты, касающіяся сношеній СЗ. Россіи съ Рилою, № II и III). Затѣмъ на выставкѣ слѣдуетъ небольшое собраніе рукописныхъ книгъ: 950—956: ниже-нѣмецкій сводъ Любекскаго права для Ревеля 1282 г., Рижская долговая книга 1286—1352 г.; Скра для Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ 1296 г.; Рифмованная хроника „Альнпеке“, серед. XIV вѣка; Латинскій псалтирь съ глоссами XIII—XIV в.; книги Соломона, Сираха, Іовъ XIV в.; Missale XV в. Эти книги взяты изъ Рижскаго и Ревельскаго Гор. Архивовъ, изъ Рижской Гор. Библ. и (Хроника) изъ Библиотеки лифляндскаго дворянства.—Отдѣлъ II заключается актами изъ Литовской метрики, касающимися Ливоніи и присланными съ Высочайшаго соизволенія Московскимъ Главнымъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Старѣйшій изъ этихъ 23 актовъ (957—979), восходитъ къ 1239, младшій къ 1395 г.; они писаны по-латыни и по-нѣмецки и относятся къ поземельнымъ дѣламъ—главнымъ образомъ рижскаго архіепископства и соборнаго капитула (въ послѣднее время, по просьбѣ проф. Хаусмана, состоящій при Архивѣ В. П. Вульфіусъ снялъ новыя копии съ этихъ актовъ и тщательнѣйшимъ образомъ описалъ ихъ).

Отдѣлъ III—печати состоитъ изъ двухъ частей. Въ первую (980—1170) входятъ печати (съ XIII в.) сюзереновъ въ краѣ, городовъ, савновниковъ и должностныхъ лицъ,—въ гальванопластическихъ снимкахъ (большею частью изъ собранія г. Саксендаля въ Іеве, который, между прочимъ, благодаря особой составленной имъ массѣ, получилъ весьма отчетливыя изображенія даже съ развалившихся восковыхъ печатей; остальные изъ Музея Рижск. Общ. Ист. и Др.). Вторую часть (1171—1204) составляютъ почти всѣ извѣстныя до сихъ поръ древне-ливонскіе оригинальные штемпеля печатей городовъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, а также нѣсколько оказавшихся въ краѣ иностранныхъ штемпелей. Мѣстные штемпеля относятся къ XIV и XVI вв.; изъ иностранныхъ одинъ XIII в.; между послѣдними есть штемпель Эриха, короля Датскаго, по типу печатей первой половины XIV в., но не извѣстный въ оттискахъ. Въ собраніе включено и нѣсколько штемпелей, въ которыхъ видятъ (особенно въ виду формы ихъ) скорѣе торговые штемпеля, чѣмъ печати для актовъ. Этотъ отдѣлъ выставки устроенъ барономъ Бруинингомъ и г. Бушемъ.

Отдѣлъ IV составляютъ монеты. По I отдѣлу выставки можно видѣть уже въ курганахъ, дата которыхъ опредѣляется монетами 1000—1070 гг., слитки серебра, служившіе деньгами (по мѣрѣ надобности отъ нихъ кусокъ откалывался); эти слитки сохраняются до половины XVI в., соблюдая съ 1300 г. приблизительно все ту же пробу ($15/16$).

серебра, т. е. наша 90) и постоянный вѣсъ: это — рижская марка, равная $\frac{3}{4}$ кельнской марки, т. е. 207—208 граммовъ. Форма ихъ не германская (лепешкой), а русскихъ рублей; но штемпелями они отличаются отъ рублей русскихъ. Подъ № 1205—1212 выставлено 21 такихъ слитковъ (при чемъ 5 изъ 9 найденныхъ въ 1852 г. въ Ригѣ, 7 изъ найденныхъ въ 1882 г. въ Бюрценбергѣ, Лифл. губ.), а въ каталогѣ приведены свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ находкахъ этого рода. Затѣмъ выставлены (1213—1218) всѣ 95 сохранившихся въ Рижскомъ Городскомъ Архивѣ штемпелей монетъ съ первой четверти и до конца XV вѣка и два штемпеля пошлинныхъ. Въ заключеніе отдѣла идутъ монеты и медали. Онѣ распределены по группамъ такъ, что подъ однимъ № выставлены всѣ монеты и медали, имѣющія общаго юридическаго собственника (напр., архіепископство Рижское, Орденъ, епископство Юрьевское, Рига подъ Польшей, Рига подъ Шведами, Нарва подъ Шведами) и общее же мѣсто чекана. Битыя въ Ригѣ монеты извѣстны съ первой четверти XV вѣка, но битыя въ Ревелѣ уже со второй половины XIV в., въ Юрьевѣ ранѣе 1371 (юрьевскія монеты послужили прототипомъ для псковскихъ; см. ихъ подъ № 1224).

Невошедшія въ верхнія рубрики медали приведены особо: медали шведскаго времени, Сѣверной войны, русскаго времени, медали въ честь частныхъ лицъ: бургграфа рижскаго Эке въ 1601 г., старѣйшины ревелскаго Рентелена въ 1654, на смерть Паткуля и Херца.

Весь этотъ отдѣлъ, равно какъ и слѣдующій V-ый, устроенъ г. Бухгольцомъ, извѣстнымъ знатокомъ нумизматики и золотого дѣла въ краѣ.

Въ V отдѣлѣ серебряное и золотое дѣло (1236—1351) представлено съ конца XV вѣка; изъ марокъ большая часть рижскія и ревелскія, и лишь десятка два вещей носятъ марки: Аугсбурга, Любека, Лейпцига, Нюрнберга, Амстердама, Москвы (1274 въ 1751 г., 1284?); есть обломки чаши „русскаго дѣла XVI в., судя по четыремъ неразобраннѣмъ клеймамъ“ (?); чаша найдена подъ камнемъ у села Воронья, на Чудскомъ озерѣ. Есть и двѣ-три восточныя вещи. Выставленъ и нѣмецкій (юрьевскій?) потиръ Тверскаго музея (см. А. И. и З., стр. 127). Главный интересъ этого отдѣла, понятно, составляютъ мѣстныя издѣлія, и они представлены богато и отлично сгруппированы. Тутъ выставлены лучшія сокровища городскихъ корпорацій и Черноголовыхъ въ Ригѣ и Ревелѣ и вещи изъ собраній цѣлаго ряда общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ.

III.

Памяти Николая I.

Обозрѣвая на I Археологическомъ Сѣздѣ, въ 1869 г., „Судьбы Археологій въ Россіи“ и переходя къ царствованію императора Николая Павловича, Погодинъ говорилъ: „Съ чувствомъ благодарности должно сознаться, что во все предшествовавшее время не было издано столько древнихъ источниковъ и документовъ разнаго рода, не было представлено столько рисунковъ съ древнихъ памятниковъ, какъ въ это царствованіе. Большая часть работъ археологическихъ производилась зачиномъ и на иждивеніи правительства“.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были въ другихъ случаяхъ отношенія Николая I къ развитію науки и къ ея дѣтелямъ, несомнѣнно, что по личнымъ склонностямъ Николай Павловичъ и былъ истиннымъ любителемъ художествъ, и искренно любилъ все родное. И въ томъ, и въ другомъ качествѣ онъ не могъ не цѣнить науки о старинѣ, и русскіе археологи могли справедливо признавать въ своемъ самодержавномъ владыкѣ „благоговѣйнаго читателя родной древности“¹⁾.

На судьбахъ русской археологій благотворно отразился организационный трудъ царствованія императора Николая I. Мѣропріятія правительства на пользу археологій и родственной съ нею археографіи, переставъ быть случайными и разрозненными, приняли характеръ систематической организаціи, характеръ самостоятельныхъ учрежденій, созданныхъ для новыхъ областей науки, за которыми отнынѣ признано было государственное самостоятельное значеніе.

Особенно ровно пошла правительственная дѣятельность археографическая, для которой готовы были труженики Румянцевскаго кружка. Въ 1829 г. началась знаменитая археографическая экспедиція П. М. Строева. Основанная въ 1834 году, Археографическая Коммиссія въ теченіе 20 лѣтъ издала 30 томовъ грамотъ и семь томовъ лѣтописей (Акты Археографич. Экспед. 4 т., Акты Историч. 5+5 т., Акты Зап. Росс. 5 т., собранія актовъ о Россіи изъ иностранныхъ архивовъ, Акты Юридическіе и т. д.; Полное Собр. Русск. Лѣтописей и др.). Съ 40-хъ годовъ Кіевская Коммиссія издаетъ свои три громадныя тома „Памятниковъ“. Въ 50-хъ годахъ къ дѣятельности обѣихъ Коммиссій присоединяетъ свою II Отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, издавъ Дворцовые Разряды, Разрядныя книги, Памятники дипломат. сношеній.

¹⁾ См. предисловіе къ „Русской Старинѣ“ Мартынова и Снегирева.

Но не забыта была и собственно археологія. Въ 30-хъ годахъ Государь повелѣлъ, „чтобы все, заслуживающее вниманія и составляющее матеріалъ исторіи и предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостью, описано и издано въ свѣтъ“²⁾. Въ силу этого Высочайшаго повелѣнія начались поѣздки Солнцева, и наконецъ вышли въ свѣтъ монументальныя „Древности Россійскаго Государства“ (1849—53).

Въ 30-хъ годахъ на Высочайше дарованныя средства Крузе произвелъ свои извѣстныя изслѣдованія балтійскихъ древностей и издалъ свою книгу, и его Necrolivonica стали краеугольнымъ камнемъ прибалтійской археологіи.

Въ 40-хъ годахъ вслѣдствіе неумѣстнаго обновленія стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ изданъ законъ, воспрещавшій какія бы то ни было обновленія въ древнихъ церквахъ и другихъ подобныхъ памятниковъ, безъ Высочайшаго разрѣшенія (Строит. Уст. ст. 207). Этотъ законъ, возложившій на Св. Синодъ отвѣтственность за малѣйшее возобновленіе древнихъ церковныхъ памятниковъ, сталъ основаніемъ дѣятельности археологическихъ Обществъ по сохраненію такихъ памятниковъ.

Въ 1850 г. началась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго дѣятельность Археологической Коммиссіи, слѣдящей за находками древностей въ Россіи, приобретающей ихъ для Эрмитажа, производящей раскопки и изслѣдованія, хотя формально учреждена Коммиссія лишь послѣ девятилѣтняго опыта, въ 1859 г. Одинъ изъ первыхъ докладовъ о дѣятельности ея представленъ государю юнымъ тогда графомъ А. С. Уваровымъ; съ 1850 г. начинаются раскопки графа, по порученію графа Перовскаго, на югѣ Россіи и въ Мераанской области, — начинается новая эпоха въ русской археологіи.

Наконецъ, кромѣ правительственныхъ археологическихъ учрежденій, подъ покровительствомъ Государя возникли и ученые Общества: Одесское Исторіи и Древностей (1839 г.) и старѣйшее изъ русскихъ специально археологическихъ Обществъ, Археолого - нумизматическое (1846 г.), переименованное въ 1849 году въ Императорское Археологическое Общество.

Такъ, въ царствованіе Николая Павловича какъ въ вѣдѣніи правительства, такъ и подъ покровительствомъ его, организованы или приведены въ дѣйствіе всѣ главныя учрежденія или виды учреждений, въ коихъ и въ наше время разрабатывается русская археологія.

²⁾ Предисловіе къ „Древн. Росс. Гос.“

Изъ многочисленной и блестящей плеяды археологовъ, начавшихъ славную дѣятельность свою при императорѣ Николаѣ, и отчасти въ его учрежденіяхъ, многіе здравствуютъ доселѣ. Назовемъ имена **Θ. И. Буслаева, А. Θ. Бычкова, И. Е. Забѣлина, А. А. Куника, А. А. Мартынова, высокопреосвященнаго Саввы.**

Вспоминая археологическіе труды Николаевского царствованія, благодарной памятью поминая почившихъ, мы позволяемъ себѣ принести тѣмъ, кого мы счастливы видѣть среди себя, выраженіе глубокой и почтительной признательности и пожеланія еще долгихъ трудовъ на пользу дорогой имъ науки, на свѣтлое поученіе новымъ поколѣніямъ.

IV.

Московская Выставка изображеній Христа.

Выставка изображеній Христа (А. И. и Зам., стр. 182) состояла изъ двухъ отдѣловъ: I.—Изображенія древняго періода: Катакомбы, Византія, Западное искусство до Возрожденія; II.—Западныя изображенія Христа съ XIV по XVIII в.: Возрожденіе и послѣ Возрожденія.

Въ древнемъ отдѣлѣ, символическое изображеніе Спасителя — Добрый Пастырь, Орфей—было представлено 16 нумерами (фрески, статуи, рельефы на саркофагахъ, изображенія на лампахъ). Затѣмъ слѣдовалъ типъ переходный къ историческому: божественно-юный Христосъ—типъ, изъ коего создалось и наше изображеніе Эммануила (см. табл. VI),—между прочимъ съ чудныхъ равенскихъ мозаикъ въ снимкахъ, сдѣланныхъ по заказу и подъ наблюденіемъ графа А. С. Уварова. Историческій типъ изображеній Христа можно прослѣдить съ VI в. Сюда относится мозаика изъ катакомбъ св. Калликста, нынѣ хранящаяся въ Ватиканскомъ Музеѣ (табл. VII). Спаситель изображенъ на ней въ профиль, въ чертахъ тѣлесной красоты, какія установились на основаніи мнѣній Григорія Нисскаго, Амвросія Медиоланскаго, Иеронима и Іоанна Златоуста. Власы и брада его русые, очи—голубыя; синій гиматіонъ покрываетъ плечи. Затѣмъ, VI же вѣка: извѣстная фреска, изъ катакомбъ св. Калликста, изданная Бозио, и неаполитанская фреска, терракота изъ катакомбъ св. Агніи (гдѣ голова Христа изображена въ профиль, какъ и на упомянутой мозаикѣ, съ которой можно уловить нѣкоторое сходство), колоссальныя фрески крещальни св. Понціана, рядъ фресокъ и мозаикъ итальянскихъ и византійскихъ

и наконецъ миниатюры Евангелія Рабулы. Это типъ—установившійся съ тѣхъ поръ въ христіанской иконописи.

Далѣе, были представлены изображенія византійскаго характера, западнаго и восточнаго происхожденія, IX—XII вв.; кромѣ фресокъ и мозаики, сюда вошли: скульптура, финифть (ризица св. Марка) и миниатюры (Проповѣди Григ. Назіанзинна по знаменитой рук. IX в. Парижской Націон. Библ. въ снимкахъ гр. А. С. Уварова). Для искусства западныхъ стилей до Возрожденія, особенно интересны были миниатюры рукописей (такъ юный Христосъ на престолѣ изъ *Livre d'heures de Charlemagne*, VIII в.), лиможская финифть, образцы серебрянаго дѣла и рѣзьбы на кости. Изъ 140 номеровъ I отдѣла 110 принадлежало Порѣчскому собранію графовъ Уваровыхъ.

Во II отдѣлѣ, эпохи Возрожденія, XIII и XIV вѣковъ были представлены фотографіями съ произведеній: Чимабуэ, Дуччо, съ 13 картинъ Джотто и съ картинъ его школы (собранія С. С. Шайкевича, П. В. Жуковскаго, графини Уваровой, Д. В. Айналова). Изъ XV—XVI вѣка въ Италиі отмѣтимъ особенно рядъ воспроизведеній съ картинъ Беато Анджелико, Перуджино, Леонардо да Винчи (Принцесса Евгенія Максимиліановна, Е. Г. Мамонтова, граф. Уварова и П. В. Жуковский), Рафаэля, Беллини, Тиціана; мало извѣстный доселѣ, но отмѣченный особой печатію духовности и страданія, м. б. нѣсколько нервный, ликъ Христа, работы Андре адель Сарте, изъ церкви св. Анунціаты во Флоренціи (копія масляными красками Великаго Князя Сергія Александровича и фотографія съ подлинника М. П. Степанова); снимки съ Филиппо Липпи, Андреа Мантенья, Мазаччо, Бартоломео, Кореджо и т. д.

Среди воспроизведеній созданий итальянскаго Возрожденія особенно выдавалось богатое собраніе акварелей Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской.

Испанская школа была представлена лишь 6-ю номерами изъ собранія Принцессы Евгеніи Максимиліановны, М. П. Степанова и Г. А. Брокера. Здѣсь были два Веласкеца и было три Мурильо, исполненные обычныхъ силы и глубокаго благоговѣнія.

Далѣе шли Микель-Анджело (А. П. Усовой и С. С. Шайкевича), Караччи (Августинъ въ гравюрѣ С. С. Шайкевича „Се человекъ“, Аннибаль въ рядѣ гравюръ), Гвидо Рени, Гверчино (графини А. А. Олсуфьевой), Рибейра и т. д.

Въ ряду сѣверныхъ школъ, представленныхъ особенно гравюрами изъ прекраснаго собранія С. С. Шайкевича, выдавался Гансъ Мемлингъ (преимущественно собраніе граф. Уваровой), Шонгауеръ,

Фотот. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.
Съ акварельной копіи изъ собранія графини П. С. Уваровой

Фотот. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика, перенесенная изъ катакомбъ св. Каликста
въ Христіанскій музей Ватикана.
Съ копій изъ собраній Графини П. С. Уваровой.

Фотог. К. А. Фишеръ, Москва.

Мозаика въ церкви св. Аполлинарія Нуово въ Равеннѣ.
Фотогр. копія изъ собранія графини П. С. Уваровой.

16 гравюръ А. Дюрера (изъ копъ 15 С. С. Шайкевича), Базельскій „Умершій Христосъ“, Гольбейна младшаго (фотогр. П. В. Жуковскаго), гравюры Луки Лейденскаго и Рубенсъ въ гравюрахъ Больверта (С. С. Шайкевичъ), Ванъ-Дикъ, гравюры Рембрандта (гр. Уварова и С. С. Шайкевичъ) и т. д.

Вся выставка заключала въ себѣ болѣе 300 номеровъ,—художественныя воспроизведенія акварелью, гравюрой, скульптурой, масляными красками классическихъ произведеній древняго искусства, а отчасти и подлинники. Кромѣ названныхъ уже нами лицъ цѣнные вклады для Выставки дали: г-жа Е. Н. Козлянинова, о. Благоволинъ и гг. Г. А. Броккаръ, С. К. Говоровъ, Н. Н. Гордѣевъ, Н. П. Вишняковъ, М. М. Леонтьевъ, Л. М. Метцль, Н. С. Мосоловъ, И. С. Остроуховъ, В. Н. Полѣновъ, А. П. Поповъ и Д. А. Хомяковъ, а также Историческій Музей и Московскій Университетъ. При этой теплой поддержкѣ просвѣщенныхъ силъ только и могла организоваться въ короткий срокъ великаго поста эта поучительная Выставка, которой слѣдуетъ горячо пожелать повторенія и расширенія по намѣчаемымъ уже программамъ, куда должна войти и русская иконопись. Устройство Выставки дѣятельно вели: Предсѣдатель Общества Любителей Художествъ К. М. Быковский, Секретарь Общества Д. В. Грушецкій и графиня П. С. Уварова.

К. А. Фишеръ издалъ Альбомъ „Въ память Выставки изображеній Христа“, гдѣ воспроизвелъ въ превосходныхъ фототипіяхъ 46 номеровъ Выставки. Изъ этого изданія заимствованы таблицы, приложенныя къ настоящей статьѣ.

На Выставкѣ были прочтены двѣ публичныя лекціи: Д. В. Айналовымъ—о древнѣйшихъ изображеніяхъ Христа, и А. И. Кирпичниковымъ—о композиціи нѣкоторыхъ изображеній, представленныхъ на Выставкѣ.

С. С.

У.

Благовѣщенская церковь въ с. Турчасовѣ, Архангельской губерніи.

Приводимъ, изъ дѣлъ Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, фотографію, снятую въ мартѣ нынѣшняго года съ Благовѣщенской церкви с. Тур-

часова, Посадной волости, Онежскаго уѣзда, Архангельской губернии. Въ засѣданіи 15-го апрѣля 1896 г. Коммиссія не нашла возможнымъ

согласиться на разрушеніе этой церкви, о чемъ представитель сельскаго общества с. Турчасова и былъ увѣдомленъ отношеніемъ отъ 18 апрѣля.

VI.

Древности Исыкъ-Кульской котловины.

(А. В. Селивановъ).

Приводимая ниже статья напечатана А. В. Селивановымъ въ Омскѣ и экземпляръ любезно присланъ въ Моск. Археол. Общество. Въ виду интереса представляемаго статьей, и малой доступности ея по самому мѣсту изданія, позволяемъ себѣ перепечатать ее здѣсь почти цѣликомъ.

Въ Семирѣченской области наибольшій интересъ въ археологическомъ отношеніи несомнѣнно представляетъ озеро Исыкъ-Куль съ его окрестностями.

Давно уже существуетъ предположеніе, что подъ волнами этого озера сохранились остатки цѣлаго города, упоминаемаго въ китайскихъ лѣтописяхъ, подъ названіемъ Чигу или Чигучина. Полагали, что бе-

режь озера, на которомъ находился этотъ городъ, внезапно опустился и, такимъ образомъ, былъ затопленъ водою. Что дѣйствительно у береговъ озера похоронены остатки бывшихъ здѣсь древнихъ поселеній, служить доказательствомъ, помимо множества находимыхъ предметовъ, выбрасываемыхъ на берегъ изъ воды, какъ то: костей, череповъ, кирпичей, гончарныхъ издѣлій, мѣдныхъ и бронзовыхъ вещей, монетъ и т. п. также и то, что около самой береговой коймы многими любителями изъ мѣстныхъ жителей удавалось видѣть въ тихую погоду подъ водою явственные слѣды стѣнъ и каменныхъ построекъ. Такихъ пунктовъ, гдѣ сохранились остатки затопленныхъ городовъ, извѣстно два: Койсара на юго-восточномъ берегу озера, и Турайгырь на сѣверо-западномъ. Кромѣ того, по берегамъ озера и въ его окрестностяхъ встрѣчается много въ высшей степени интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

Самое озеро Иссыкъ-Куль, по-китайски Же-хай, теплое озеро, названное такъ, вѣроятно, по присутствію въ немъ теплыхъ и горячихъ ключей, благодаря которымъ озеро, несмотря на возвышенное положеніе надъ уровнемъ моря (5300 ф., не замерзаетъ зимою—составляетъ средину котловины, окруженной со всѣхъ сторонъ снѣговыми хребтами горъ Алатау, Александровскаго хребта и Тянь-Шаня. Озеро замѣтно мелѣетъ. Около ст. Кутемалды на сѣверо-западномъ берегу озеро отступило въ теченіи 23 лѣтъ на 300 саж. и воды убавилось на 3 арш., стало быть, ежегодно около 2 верш. Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ озеро впадаетъ множество горныхъ рѣкъ и ручьевъ, тогда какъ не вытекаетъ изъ него ни одной рѣчки, то слѣдуетъ признать существованіе какого-нибудь подземнаго стока который регулируетъ сравнительно постоянный уровеньъ воды въ озерѣ. Весьма возможно, что въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху озеро имѣло значительно меньшіе размѣры, но, затѣмъ, вслѣдствіе происшедшей катастрофы, слѣды которой обнаруживаются многими оползнями и обвалами, покрывающими берега, произошло подземное крушеніе, засорившее каналы, по коимъ стекалъ изъ озера избытокъ воды, почему уровеньъ его поднялся, и вода затопила берега вмѣстѣ съ находившимися на немъ населенными пунктами.

Долгое время—можетъ быть, цѣлый рядъ столѣтій—эти погребенныя въ озерѣ селенія или города находились глубоко подъ водой, но съ опусканіемъ уровня озера и обмелѣніемъ его, стали мало по малу вновь выступать на свѣтъ Божій, при чемъ чаще выбрасываются волнами и различнаго рода предметы древней культуры.

Описаніе осмотрѣнныхъ мною лѣтомъ прошлаго года пунктовъ, имѣ-

ющихъ археологическое значеніе, начну съ Тарайгыра, находящагося въ сѣверо-западной части Иссыкъ-Кульской котловины около самаго берега. Слѣды потопленнаго города, по словамъ мѣстныхъ жителей, находятся въ 15 саженьяхъ отъ берега и представляютъ собою остатки жилыхъ строеній, построенныхъ изъ очень твердаго кирпича. Къ сожалѣнію, почти постоянная зыбь въ озерѣ не даетъ возможности изслѣдывать сохранившіеся подъ водою памятники. Приходится пока довольствоваться тѣми предметами, которые выбрасываются случайно на берегъ. Я видѣлъ нѣсколько кирпичей, добытыхъ изъ озера. Нерѣдко выкидываются прибоемъ волны въ бурную погоду и различные другіе предметы: черепа, кости, горшки и проч. Кирпичи имѣютъ видъ большихъ плитъ, квадратной или удлиненной формы. Въ одномъ изъ станціонныхъ зданій мнѣ показали полъ, выстланный голубыми глазированными кирпичами. По словамъ смотрителя станціи, эти голубые кирпичи добыты не въ озерѣ, но изъ находящагося въ двухъ верстахъ отъ станціи, ближе къ горамъ, древняго кирпичнаго завода. Изъ этого завода киргизы уже много лѣтъ таскаютъ кирпичи, на постройку своихъ могилъ (муловокъ). Свѣдѣнія эти меня настолько заинтересовали, что я рѣшился осмотрѣть этотъ заводъ, оказавшійся, какъ слѣдовало предполагать, развалинами древняго зданія. Вслѣдствіе расхищеніе кирпичей, вся постройка представляетъ въ настоящее время груды мусора, или вѣрнѣе, цѣлый мусорный бугоръ. Систематическое изслѣдованіе и раскопки этого бугра потребовало бы значительнаго времени, почему я долженъ былъ ограничиться незначительной раскопкой въ томъ мѣстѣ, откуда, повидимому, добывались голубыя кафели, судя по находящимся въ одной изъ ямъ осколкамъ ихъ. По расчисткѣ верхняго слоя мусора, обнаружилась нетронутая каменная кладка изъ большихъ кирпичныхъ плитъ квадратной формы, по 9 верш. съ каждой стороны и $1\frac{1}{2}$ верш. толщиною. Надъ этой кладкой находится слой извести и обломки голубыхъ кафелей, которыми, очевидно, была выстлана поверхность кладки изъ кирпичныхъ плитъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило присутствіе стѣны, выложенной изъ кирпичей, также квадратной формы, по 6 верш. въ каждой сторонѣ и толщиною 1 верш. Ширина стѣны около $1\frac{1}{2}$ арш. Стѣна огибала съ наружной стороны кладку изъ большихъ кирпичныхъ плитъ, которая, повидимому, выполняла внутреннее пространство зданія. Направленіе стѣны представляло прямой уголъ съ отрѣзанной вершиной, обращенной къ востоку. Надо думать, что въ этомъ мѣстѣ находился входъ въ зданіе или окно, такъ какъ въ самой вершинѣ углового выступа стѣны, сверхъ кирпичей, изъ которыхъ была выложена стѣна, найдена облицовка изъ голубыхъ прелестнаго цвѣта

кафелей. Двѣ кафели оказались совершенно цѣлыми въ своемъ настоящемъ видѣ. Кладка внутренняго пространства сестояла изъ разной величины кирпичныхъ плитъ больш. частью квадратной формы, хотя попадались и удлиненной формы кирпичи. Чаще попадались квадратныя плиты двухъ размѣровъ: въ 9 верш. и въ 6 верш. въ каждой сторонѣ. Кладка шла въ нѣсколько рядовъ на глинѣ. Нижній рядъ оказался лежащимъ на грунтѣ. Вся постройка, представлявшая собою по всей вѣроятности храмъ, имѣла размѣры весьма значительныя. Было бы излишнимъ произвести правильныя раскопки въ этомъ мѣстѣ, чтобы выяснитъ форму, планъ и точныя размѣры зданія. Весьма возможно, что здѣсь будетъ найдено много интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

На станціи Турайгырь мною были измѣрены древніе кирпичи, добытые, вѣроятно, изъ той же постройки. Всѣ они сводились къ тремъ типамъ: I — квадр. по 6 верш. въ каждой сторонѣ, II — удлинен. формы—8 верш. длин. и 5 шир., III — также удлинен. — 6 в. дл. Толщиною около 1 вер.. Кромѣ того одинъ попался круглый кирпичъ въ діаметрѣ $6\frac{3}{4}$ вер.

Между Челпань-Атинской и Курамдинской станціями, на узкой береговой полосѣ между горами и Иссыкъ-Кулемъ, обращаетъ на себя вниманіе большой священный камень, пользующійся у киргизъ особымъ почитаніемъ. Это мѣсто называется Пришибомъ. Камень этотъ, вышиною около 2 и 3 саж., по всей вѣроятности свалился съ горъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ меньшей величины камней, представляющихъ собою послѣдствія бывшаго здѣсь когда то землетрясенія. На священномъ камнѣ, какъ равно и около него, разбросаны кости животныхъ, рога, доскучки и т. п. остатки приношеній киргизъ. Осматривая камни, раскиданные по всему оползю, который тянется отъ самаго горнаго хребта и спускается въ этомъ мѣстѣ къ озеру, я нашелъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ полустертыя изображенія козловъ, выскобленныхъ на темной, какъ-бы лакированной поверхности камней. Послѣднія находятся только съ одной стороны ихъ, всѣ же прочіе стороны носятъ на себѣ слѣды свѣжихъ обломовъ. Несомнѣнно, что самыя изображенія относятся ко временамъ, предшествовавшимъ той катастрофѣ послѣдствіемъ которой былъ обвалъ цѣлой скалы, покрытой загадочными надписями. Такія же фигуры козловъ были найдены и срисованы мною и въ другихъ мѣстахъ, какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ берегу озера. Размѣръ фигуръ въ длину 4—6 вершковъ. На одномъ камнѣ близъ Тепло-ключенскихъ минеральныхъ водъ я нашелъ рядомъ съ фигурой козла изображеніе, напоминающее человѣка.

Близъ дер. Сазоновки, на сѣверо-восточномъ берегу озера, въ 8 вер.

отъ деревни находится мечеть, около которой собрано мѣстнымъ муллой значительное количество древнихъ могильныхъ камней съ восточными надписями частью арабскими, частью, вѣроятно, сирскими, судя по сходству этихъ надписей съ тѣми, которыя находились на камняхъ, найденныхъ на древнемъ несторіанскомъ кладбищѣ близъ г. Пишпека и изданы г. Слущеемъ въ трудахъ Восточной Коммиссіи. Три камня съ надписями мною привезены въ Омскъ, а въ настоящее время отправлены на Нижегородскую выставку.

Кромѣ могильныхъ камней съ надписями, нерѣдко встрѣчающихся въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куля, мнѣ часто попадались каменные бабы. Этихъ памятниковъ такъ много въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ, да и вообще въ Семирѣченской области, что въ одной деревнѣ Теплоключенской и по дорогѣ изъ Пржевальска къ этой деревнѣ я насчиталъ 12 каменныхъ бабъ. Всѣ онѣ большею частью принадлежатъ къ двумъ типамъ: воина съ усами, который держитъ въ правой рукѣ сосудъ, а въ лѣвой мечъ, и женщины, держащей въ обѣихъ рукахъ сосудъ. Попадаютъ также просто однѣ головы безъ рукъ, съ усами или безъ усовъ. Небрежность, съ которой мѣстное населеніе обращается съ этими памятниками (крестьяне, привозя ихъ съ поля въ деревню, ставятъ ихъ къ воротамъ вмѣсто столбовъ, причемъ просверливаютъ въ нихъ отверстіе для запора), заставила меня обратиться съ просьбой къ уѣздному начальнику о томъ, чтобы онъ распорядился отобрать отъ крестьянъ и отъ другихъ лицъ находящіяся у нихъ каменные бабы и всѣхъ ихъ сосредоточить въ городскомъ саду г. Пржевальска, гдѣ онѣ должны быть внесены въ инвентарь и сохраняться въ качествѣ государственной собственности. Такая мѣра помѣшаетъ и расхищенію этихъ памятниковъ, такъ какъ рѣдкій изъ путешественниковъ-любителей, при случаѣ, если только представится возможность, не воспользуется увести какую-нибудь бабу или камень съ надписью, что и бывало неоднократно.

Наиболѣе интересный въ археологическомъ отношеніи въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ пунктъ представляетъ собою безспорно Койсара, находящаяся въ 30 вер. отъ города Пржевальска, на южномъ берегу оз. Иссыкъ-Куля. Койсара, что по киргизски означаетъ «рыжій баранъ», есть ничто иное, какъ песчаная полоса берега, длиною въ полторы версты, усѣянная обломками костей, черенками глиняной посуды, мусоромъ и т. п. остатками былой культурной жизни. Вслѣдствіе постоянного пониженія уровня воды въ озерѣ, на берегу образовались лужи болотины и трясины, покрытыя солончаковою растительностью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осматривалъ эту мѣстность докторъ Зеландъ, который видѣлъ тамъ остатки глиняной изгороди, идущей отъ самаго

берега въ глубь озера, исподоволь и несовсѣмъ правильной дугой. По словамъ его, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, въ водѣ находились остатки стѣнъ отъ строеній въ видѣ четырехугольника, имѣющаго ярш. 8 въ поперечникѣ, изъ жженого кирпича. Впрочемъ, докторъ Зеландъ самъ этихъ строеній не видѣлъ. Ему только удалось добыть изъ воды нѣсколько кирпичей продолговатой формы. По всей вѣроятности со времени посѣщенія Койсары докторомъ Зеландомъ берегъ обмелѣлъ значительно, такъ какъ слѣды глиняной изгороди, а можетъ быть и каменныхъ построекъ, въ настоящее время оказались едва покрытыми водой, почему можно было безъ труда разыскивать руками въ илисто-песчаной отмели различнаго рода культурные остатки. Съ помощью киргизовъ, я занялся усердно поисками различныхъ вещей, мѣстами производя, гдѣ было возможно, пробныя раскопки. Впрочемъ, раскопки представлялись чрезвычайно затруднительными, вслѣдствіе просачиванія воды, которая быстро наполняла разрытое пространство, что, разумѣется, мѣшало дальнѣйшимъ работамъ. Тѣмъ не менѣе, я попалъ очень счастливо на одно мѣсто, гдѣ стали попадаться монеты и различныя мелкія вещи. Киргизы, копансь руками подъ водой въ илистомъ днѣ лужи, изъ которой кое гдѣ выдавалась куча мусора, въ короткое время набрали множество всякой мелочи въ видѣ обломковъ мѣдныхъ вещей, черепковъ (впрочемъ очень однообразнаго типа) и монетъ, весьма плохой сохранности. Только на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ можно было съ трудомъ разобрать восточныя надписи. По опредѣленію А. П. Черепнина, которому я послалъ монеты, онѣ относятся къ VI—XIII в.

Кромѣ этихъ вещей мнѣ принесли, немного далѣе, но въ этой же мѣстности найденныя, двѣ мѣдныхъ подставки (вѣроятно для свѣчей) на трехъ ножкахъ, чугунный на трехъ-же ножкахъ котелъ и горшокъ. Взятъ былъ мною также одинъ кирпичъ.

Находка монетъ имѣетъ значеніе не только въ смыслѣ точнаго указанія времени, къ которому должны относиться всѣ предметы, находимые въ Койсарѣ, но и разрѣшаютъ, какъ мнѣ кажется, вопросъ о характерѣ катастрофы, слѣдствіемъ которой было поглощеніе водою древняго города. Нѣкоторые полагаютъ, что самый городъ находился выше, но землетрясеніемъ былъ снесенъ въ озеро, откуда и выбрасываются отдѣльные предметы, случайно попавшіе въ воду. Это мнѣніе опровергается находками монетъ, которыя оказались сосредоточенными на очень небольшомъ пространствѣ (не болѣе 4—5 сажень въ поперечникѣ). Трудно предположить возможность такого скопленія монетъ на тѣсномъ пространствѣ, если допустить, что онѣ попали случайно въ воду изъ болѣе или менѣе отдаленнаго пункта и затѣмъ, такъ же

случайно, были выброшены волнами на берегъ. Несомнѣнно, что обнаруженныя нынѣ культурные памятники всегда находились на томъ же мѣстѣ, гдѣ они находятся теперь, что вся эта мѣстность дѣйствительно была затоплена, вслѣдствіе поднятія воды въ озерѣ, какъ я указывалъ выше, и, такимъ образомъ, нахожденіе въ одномъ мѣстѣ множества монетъ объясняется тѣмъ, что эти монеты вмѣстѣ съ другими мелкими предметами сохранились здѣсь съ эпохи существованія древняго города.

Въ заключеніе А. В. приводитъ свѣдѣнія о находкахъ, сдѣланныхъ въ Иссыкъ-Куль разными лицами, извлеченныя имъ изъ дѣла Пржевальскаго полиц. управленія о находкахъ равнаго рода древностей.

Въ 1873 году найдены: близъ дер. Сазоновки, на сѣверо-восточномъ берегу озера, два казана красной мѣди о трехъ ножкахъ съ двумя большими и двумя малыми ручками. Въ Тюпскомъ заливѣ (восточный берегъ) мѣдный серпъ. (Находится въ Ташкентскомъ музеѣ). Въ Койсарѣ 20 мѣдныхъ монетъ и разныхъ мелкихъ глиняныхъ издѣлій.

Въ 1883 г. въ Койсарѣ найдены каменный ковшъ, мѣдный шарикъ, двѣ глиняныхъ кубышки и кусочекъ цвѣтнаго стекла.

Въ Тюпскомъ заливѣ найденъ мѣдный серпъ и др. неизвѣстнаго назначенія мѣдныя вещи.

Въ 1884 г. въ дер. Преображенской, на восточномъ берегу найдены: мѣдный молотокъ, 3 мѣдныхъ иглы, мѣдный ножъ, мѣдный кружокъ, серебряная монета и въ томъ же году близъ монастыря, на сѣв.-вост. берегу озера, найденъ мѣдный сѣдельный приборъ изъ 20 литыхъ бляхъ.

Въ 1888 г. въ Койсарѣ найдена мѣдная подставка на 3 ножкахъ вѣроятно, того же типа, какъ названна на стр. 211.

Въ 1890 г. въ Койсарѣ найденъ кувшинъ съ 20 сереб. и болѣе 250 мѣдными монетами и тутъ же 10 цѣлыхъ кирпичей.

Съ 1883 г. находки направлялись полиціей къ Н. Н. Пантусову, который описывалъ ихъ и препровождалъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а о нѣкоторыхъ извѣщалъ и Москов. Археолог. Общество.

„Кромѣ означенныхъ находокъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ дѣлахъ полицейскаго управленія, неоднократно находимы были различныя вещи, о коихъ официально никому не сообщалось. Такъ мы говорили о находкахъ гончарныхъ издѣлій въ видѣ высокихъ амфоръ или кувшиновъ. Два такихъ кувшина съ отбитыми горлышками я видѣлъ въ дер. Сазоновкѣ. Много подобнаго рода вещей передано пріѣзжимъ лицамъ мѣстными собирателями. Въ Омскомъ музеѣ имѣется два

кувшина съ ручками, форма коихъ напоминаетъ найденную мною ручку отъ сосуда. Эти кувшины отправлены на Нижегородскую выставку.

VI.

Археологическая хроника.

— 12 іюля минуло 300 лѣтъ со дня рожденія перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича. Въ Москвѣ празднованіе ограничилось торжествами во многихъ церквахъ Москвы, между прочимъ: въ Знаменскомъ монастырѣ, на мѣстѣ колыбели Михаила Ѳеодоровича; въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ панихида совершена передъ гробницей его и висящими надъ нею иконами Михаила Маленна: въ мѣру рожденія будущаго царя и заупокойнымъ; въ Вознесенскомъ монастырѣ, во храмѣ св. Михаила Маленна, сооруженномъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; въ храмахъ, созданныхъ въ то же время: Николы-Явленнаго на Арбатѣ (сохранилась превосходная колокольня, но къ сожалѣнію, замазаны штукатуркой изразцы) и Успенія въ Таганкѣ.

Въ засѣданіи Костромской Архив. Ком. Н. Н. Селифонтовъ читалъ о значеніи дня и о мѣстѣ рожденія Михаила Ѳеодоровича по архіеп. Сергію.

Въ газетахъ статьи, посвященныя Михаилу Ѳеодоровичу, имѣли компилятивный характеръ. Ниже, въ отдѣлѣ бібліографіи, мы даемъ отчетъ объ изданныхъ къ этому дню двухъ брошюрахъ, высокопр. Сергія, архіеп. Владимірскаго (одна—оттискъ изъ „Странника“ 1895 г.), и двухъ генеалогическихъ замѣтокъ г. Г. М. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г. Труды обоихъ авторовъ представляютъ новый вкладъ въ научную литературу о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и домѣ его.

— 25 іюня совершилось въ Нижнемъ Новгородѣ открытіе Историческаго и Художественнаго Музея. Музей этотъ возникъ въ качествѣ Губернскаго (этнографическаго, археографическаго, естественно-историческаго и промышленнаго) по мысли членовъ мѣстнаго Статистическаго Комитета В. А. Ауновскаго и А. П. Смирнова; сталъ быстро развиваться, благодаря энергіи А. С. Гадисскаго; распался было къ концу 70-хъ годовъ, по неимѣнію помѣщенія; возродился въ качествѣ историко-археологическаго, съ основаніемъ въ 1887 г. Нижегородской Архивной Комиссіи, въ вѣдѣніе которой онъ и переданъ, и благодаря энергичной поддержкѣ нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова; открылся для всеобщаго пользованія въ декабрѣ 1894 г., съ именемъ Петровскаго (въ домикѣ Петра Великаго на р. Почайнѣ);

наконецъ, нынѣ соединился съ новымъ Художественнымъ Музеемъ въ возстановленной Дмитровской башнѣ. Изъ рѣчей, сказанныхъ при открытіи Музея, упомянемъ здѣсь рѣчь А. М. Меморскаго, кратко изложившаго исторію башни, и рѣчь А. А. Савельева, предсѣдателя Архивной Коммиссіи, сообщившаго преимущественно по архивнымъ источникамъ: „Что сдѣлано императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Нижняго Новгорода“? Упомянувъ о началѣ города, о началѣ въ немъ ярмарки съ XIV в., о городскихъ постройкахъ XIV, XVI и XVII вѣковъ (старѣйшая изъ нихъ, Дмитровская башня, сооружена въ 1372 или 1374 г.), о состояніи города при Екатеринѣ II, которая писала въ 1767 г.: „сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ“, ораторъ перешелъ къ дѣятельности императора Николая Павловича, совершенно преобразившему внѣшній видъ города. Изъ этой части рѣчи мы отмѣтимъ обновленіе старыхъ кремлевскихъ стѣнъ и башенъ.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣются: предметы доисторическіе (32 номера, — каменные: топоры, ножи, стрѣлки и наконечникъ копья, точила, бруски; глиняные черепки; желѣзное тесло); памятники историческаго быта: церковнаго (315), домашняго (655), военнаго (65) и юридическаго (13 орудій казни); нумизматическое собраніе (168, — монеты восточныя, рубли—слитки, клады серебряныхъ копѣекъ, русскія монеты императорскаго времени, медали, жетоны, также должностные знаки); картины, портреты, планы и разные предметы (54).

— Возстановленіе башенъ Вейсенштейнскаго замка, въ Эстляндской губерніи, успѣшно подвигается и можетъ считаться обезпеченнымъ матеріально. Эстляндское дворянство въ послѣдней сессіи постановило отпускать на реставрацію втеченіе трехъ лѣтъ по 300 рублей; Вейсенштейнская ссудо-сберегательная касса, по случаю своего 25-лѣтняго юбилея, пожертвовала около 300 р. на обновленіе башни Langer Нертапп, а баронъ Унгернъ-Штернбергъ пожертвовалъ массу матеріала. Внѣшнія стѣны башни уже отчасти возстановлены, стѣны сведены вверху, не хватаетъ лишь обороннаго хода и крыши. Крышу хотѣли сдѣлать черепичную, какая была въ старину, но пришлось отказаться отъ этой мысли и по денежнымъ, и по техническимъ затрудненіямъ: ее дѣлаютъ теперь изъ осмоленныхъ досокъ, которыя съ годами будутъ покрыты желѣзомъ. Къ осени надѣются поставить деревянную крышу.

— Этнографическая Латышская выставка устроенная въ Ригѣ къ Археологическому Съѣзду, имѣетъ цѣлью представить по возможности полную картину современнаго быта латышей. Устройство ея обошлось Латышскому Литературному Обществу до 20,000 р. Основ-

нымъ матеріаломъ для нея послужили предметы, собранные этнографическими поѣздками отъ Общества въ латышскую часть края, фотографіи съ латышскихъ жилищъ, одежду и типичныхъ представителей народа и т. д. На выставкѣ стоятъ между прочимъ три латышскія жилища: два—прошлаго вѣка, соединенныя съ ригой и съ сараемъ, а третье—домъ современнаго зажиточнаго дворохозяина.

— Во время Съѣзда будетъ въ Ригѣ открыта и фотографическая выставка, на которой фотографами-любителями будетъ выставленъ рядъ снимковъ съ мѣстныхъ древностей.

— Близъ слободы Подгорной Богучарскаго уѣзда Воронеж. губ., въ размытомъ водою берегѣ степнаго озера обнажились кости мамонта.

— Въ Ярославлѣ, при работахъ по проведенію Рыбинской жел. дор., найдены, близъ Московскаго вокзала, въ песчанномъ грунтѣ, на глубинѣ 3 сажень почти полный скелетъ мамонта.

— Въ январѣ „Кіевское Слово“ напечатало о мѣстности „Замковище“ въ с. Малой Сквиркѣ (Сквирскаго уѣзда) и о могилахъ среди этого селенія. Нынѣшнимъ лѣтомъ здѣсь произведены раскопки. Всѣхъ могилъ среди села можно было насчитать до 160; нѣкоторыя были уже тронуты кладовщиками. Въ могилахъ разрытыхъ оказалось по одному скелету, головой на сѣверо-западъ, съ руками вытянутыми вдоль тѣла „или лежащими на боку“, при нихъ бронзовыя кольца, а въ одной — серебряное, и довольно много ржавыхъ гвоздей. Слѣдовъ дерева, отъ гроба не видно. Глубина могилъ не болѣе аршина. (К. Сл.).

— Секретаремъ Псковскаго Археологическаго Общества Ф. А. Ушаковымъ произведена раскопка кургана близъ погоста Камна, въ 7 верстахъ отъ Пскова. Высота кургана была около сажени, въ основаніи было около 30 саженей. Въ первый день по прорытіи насыпи крестообразно лишь къ вечеру найдено было нѣсколько предметовъ: точильный брусокъ, вершка въ 2, съ отверстіемъ, каменные бусы, черепки изъ бурой глины съ украшеніями и безъ нихъ и куриная кость съ дырой для привѣшиванія. На второй день открыто свыше 30 отдѣльныхъ очаговъ съ сосновымъ углемъ, рыбьей чешуей, человѣческими (?) костями и у одного скелетомъ зайца. На третій день открытъ скелетъ въ 2 арш. 5 в. длины. Возлѣ него остатки угля, чешуи, человѣческихъ костей, черепковъ и т. п. Скелетъ лежалъ въ нарочито сдѣланномъ изъ плиты помѣщеніи съ каменныхъ возглавіемъ. Ниже скелета нашли пластъ извести; на извести — груды сосноваго угля. Дальше шла природная почва. Всѣ найденные предметы, числомъ до 60-ти, пронумерованы и переданы на храненіе въ музей Псковскаго Общества. (Сынъ От., 178).

— „Грод. Губ. Вѣд.“ пишутъ: Древній могильникъ заслуживающій серьезнаго вниманія археологовъ, находится въ 3-хъ верстахъ отъ гор. Гродны, на лѣвомъ берегу Нѣмана, между деревнями Лососною и Пышками, неподалеку отъ Августовскаго шоссе. Берегъ Нѣмана въ этой мѣстности довольно далеко отстоитъ отъ ложа рѣки, приблизительно, сажень на 50—60, и весь изрытъ глубокими оврагами. Часть этого берега, возвышающаяся надъ уровнемъ Нѣмана сажень на 6—7, совершенно отрѣзана оврагами, такъ что кажется отдѣльнымъ холмомъ. Это и есть могильникъ. Со стороны, обращенной къ дер. Лососнѣ, берегъ сильно размътъ весеннею водою и потому осыпается, сползаетъ. Вся эта сторона откоса усыяна человѣческими костями. Судя по положенію этихъ остатковъ костяковъ, можно заключить, что всѣ они были похоронены головою на западъ, неглубоко подъ поверхностью земли, на аршинъ съ небольшимъ въ глубину. Около одного костяка найдено 2 сильно заржавленныхъ гвоздя, толстыхъ, весьма грубой работы, по формѣ напоминающихъ подковные. Кости нѣкоторыхъ костяковъ совершенно истлѣли, а у другихъ довольно хорошо сохранились. Черепа всѣ коротко-головаго типа, почти всѣ малой вмѣстимости, съ сильно развитымъ затылкомъ и весьма мало развитою лобною костью. При поверхностномъ осмотрѣ найдено на откосѣ, вблизи описанныхъ костяковъ, кольцо изъ бронзовой проволоки, неспаянное, одинъ конецъ котораго обвитъ болѣе тонкою проволокою; работа самая грубая. Затѣмъ найдено болѣе 10 обломковъ погребальныхъ горшковъ; всѣ они изъ обожженной глины и сдѣланы на гончарномъ колесѣ. На нѣкоторыхъ имѣется рядъ параллельныхъ ободковъ нѣкоторые, изъ тонкой глины, а нѣкоторые съ подмѣсями крупнаго песку. Площадь могильника простирается на 150 шаговъ въ длину и 60 въ ширину, но несомнѣнно, что прежде она была обширнѣе, такъ какъ изъ года въ годъ откосы могильника размываются и земля уносится въ Нѣманъ (Прав. Вѣстн. 145).

— *Гробница съ драгоценнымъ ожерельемъ, найденная въ Херсонисѣ.* Завѣдывающій херсонисскими раскопками г. Косцюшко-Валужиничъ пишетъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“ ¹⁾: 25-го іюня, во время продолженія разслѣдованія херсонисскаго некрополя, но не съ правой, а съ лѣвой стороны балки, которая въ очень отдаленныя времена была, повидимому, однимъ изъ рукавовъ нынѣшней Карантинной бухты, открыта гробница, прилегавшая къ стѣнѣ, которая прошла надъ древне-греческой гробницей, вырубленной въ скалѣ и выложенной большими

¹⁾ № 148.

черепицами, оказавшимися раздавленными, равно какъ и глиняная чернолаковая тарелка. Упомянутая ранѣе гробница была, слѣдовательно, сооружена или одновременно съ стѣной, или даже позже: иначе при проведеніи стѣны ее постигла бы одинаковая участь съ болѣе древней черепичной гробницей, которая находилась даже въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ была углублена въ материкъ, тогда какъ первая была вся наружу. Гробница эта была сложена въ видѣ ящика изъ девяти каменныхъ плитъ, очень старательно пригнанныхъ и облицованныхъ внутри, и закрыта двумя плитами. По снятіи послѣднихъ, легко было убѣдиться, что гробница уцѣлѣла отъ разграбленія, такъ какъ кости не были скучены или разбросаны и одиночный остовъ взрослога человѣка (какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго описанія, женщины) лежалъ правильно въ вытянутомъ положеніи съ руками, сложенными на груди, и съ головой, обращенной на юго-западъ ²⁾). Ни посуды, ни какихъ-либо украшеній не было замѣтно, такъ какъ материковую подошву покрывала земля, которая, благодаря подпочвенной водѣ, сгустилась въ плотную массу. Первыми находками были небольшой, круглодонный флаконъ изъ толстаго, пестраго стекла и длинная, круглая палочка изъ того же матеріала, съ головками по обѣимъ концамъ въ видѣ небольшихъ плоскихъ кружковъ. Повидимому, эта палочка не служила, какъ нынѣшнія аптекарскія стеклянныя палочки, для размѣшиванія, но скорѣе употреблялась для выниманія жидкостей (душистаго масла) изъ флаконовъ съ помощью намотанной матеріи, которой выступающіе на концахъ кружки препятствовали сползать ³⁾). Флаконъ и палочка лежали ниже ногъ, почти у самой поперечной плиты. На ногахъ были серебряныя обручи, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ двухъ полукруглыхъ трубокъ, $\frac{3}{8}$ дюйма въ діаметрѣ, съ одной стороны вращающихся на шпилькѣ, а съ другой вдвигавшихся одна въ другую. Ножные обручи такой формы встрѣчаются впервые. Металлъ потемнѣлъ и сдѣлался хрупкимъ. Подвигаясь къ изголовью, съ правой стороны отъ зрителя, были найдены куски отъ бронзоваго круглаго зеркала, совершенно разрушеннаго окисью. По всей гробницѣ, по обѣимъ сторонамъ, были разсыпаны мелкія бусы изъ разноцвѣтной пасты, стекла, янтара и гагата, при чемъ янтарныя и гагатовыя бусы отъ сырости распались въ рукахъ. Уцѣлѣла только одна большая плоская гагатовая про-

²⁾ Направленіе гробницъ херсонискаго некрополя, а слѣдовательно и положеніе остововъ, самыя разнообразныя и исключительно зависятъ отъ наслоеній и изгибовъ скалы и иныхъ условій почвы.

³⁾ Стеклянные флакончики, находимые исключительно въ гробницахъ съ женскими остовами, служили, конечно, не слезницами, но бальзамаріями и, какъ и сейчасъ, весьма разнообразны по своимъ формамъ.

низъ, украшенная кружками, — признакъ поздне-римской эпохи. Въ херсонисскихъ древне-греческихъ гробницахъ янтарныя и гагатовыя пронизи не встрѣчаются. У правой руки лежали два золотые полные перстня, совершенно гладкіе, изъ коихъ большой, который, повидимому, могъ находиться только на указательномъ пальцѣ, былъ украшенъ овальнымъ аметистомъ съ вырѣзанной головкой воина, а малый, вѣроятно, съ мизинца, овальнымъ, выпуклымъ, гладкимъ восточнымъ гранатомъ. По обѣимъ сторонамъ остова, отъ рукъ до изголовья, собрано 17 золотыхъ круглыхъ бляшекъ съ двумя дырочками для пришиванія и съ вытисненными звѣздочками и 64 составныя части двухъ золотыхъ браслетовъ, а именно: 32, соединенныя между собой, симметрично расположенныя, рубчатые трубочки разной величины, по семи на каждой части, и 32 узкія пластинки, состоящія изъ такихъ же 7 рубчатыхъ трубочекъ, но одинаковой величины. Если расположить рядомъ, попеременно, эти пронизи и соединить ихъ шнурочкомъ черезъ всѣ 7 трубочекъ каждой части, то получится очень оригинальный и изящный браслетъ, который, благодаря легкости, красотѣ и высокому качеству золота ⁴⁾, можетъ соперничать съ любымъ современнымъ браслетомъ. Ежегодно при раскопкахъ некрополя попадались золотыя пронизи, совершенно одинаковой формы и величины съ вышеописанными, но такъ какъ онѣ находились въ незначительномъ количествѣ въ разграбленныхъ гробницахъ ⁵⁾, то невозможно было составить понятія о ихъ назначеніи и приходилось считать ихъ принадлежностями ожерелій. Весьма возможно, что въ римскую эпоху въ Херсонисѣ существовала мода на такіе браслеты, и этимъ возможно было бы объяснить совершенное отсутствіе въ гробницахъ золотыхъ проволочныхъ браслетовъ, подобныхъ серебрянымъ и бронзовымъ. Въ нѣкоторыхъ гробницахъ той же эпохи встрѣчались полукруглыя пронизи изъ гагата и сѣяго стекла, рубчатые съ тремя дырочками. При соединеніи этихъ пронизей получались браслеты, которые по идеѣ напоминаютъ золотые браслеты описываемой гробницы.

Въ изголовьѣ лежали: 11 пронизей изъ горнаго хрустала, изъ нихъ 9 круглыя разной величины и 2 овальныя, плоскія, большія; два кусочка руманъ, которыя и понынѣ не потеряли своего свойства; сосудикъ глиняный безъ ручекъ съ удлиненнымъ горломъ; чашечка гли-

⁴⁾ Почти ежедневно приходится слышать вопросъ, очищены ли мною золотыя украшения, выставленныя въ витринѣ въ складѣ древностей. Могу увѣрить всѣхъ, потерявшихъ вѣру въ возможность существованія издѣлій изъ высокопробнаго золота, что находимыя въ Херсонисѣ золотыя украшения никогда не очищаются, но лишь кладутся на нѣкоторое время въ теплую воду и просушиваются на солнцѣ.

⁵⁾ Разграбленныхъ, конечно, еще въ старину незапамятную, при утилированіи этихъ гробницъ во время погребеній въ инныя эпохи исторіи Херсониса.

наная одноручная, ничѣмъ не отличающаяся отъ тѣхъ, которыя находятся почти въ каждой самой бѣдной гробницѣ римской эпохи; булавка головная серебряная, украшенная сверху рукой, держащей тремя пальцами шарикъ; двѣ серебряныя круглыя бляшки съ вытисненнымъ груднымъ изображеніемъ Афродиты съ двумя эротами по сторонамъ; пара золотыхъ очень большихъ серегъ красивой, впервые встрѣчаемой формы въ видѣ двойнаго шнура, постепенно утончающагося и переходящаго въ гладкую проволоку, изогнутую въ видѣ крючка. Въ толстомъ мѣстѣ шнурокъ оканчивается двумя рысьими головками на каждой серегѣ, къ которымъ приклѣпленъ на шарнирѣ овальный медальонъ съ гладкимъ выпуклымъ гранатомъ и съ ушкомъ, черезъ которое продѣвался крючекъ, и наконецъ, *ожерелье*, состоящее изъ двухъ превосходно сплетенныхъ золотыхъ шнурковъ, $\frac{1}{2}$ дюйма въ окружности и 3 дюйма длины каждый, съ прочными петлями сверху и изъ подвѣшанныхъ къ шнуркамъ соединенныхъ шарнирами одиннадцати золотыхъ гладкихъ овальныхъ медальоновъ разной величины со вставленными девятью драгоценными камнями и двумя стеклами овальной формы. Медальоны симметрично расположены по величинѣ и роду камней, при чемъ самые малые, $\frac{3}{8}$ дюйма длины, помѣщены у шнурковъ, а самый большой, $\frac{5}{8}$ дюйма длины, по срединѣ. Оба стекла и два камня (топазы) гладкіе, остальные 7 камней выпуклые. Камни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, считая слѣва вправо отъ зрителя: восточный гранатъ, стекло, сапфиръ, изумрудъ, топазъ, гранатъ, топазъ, изумрудъ, аметистъ, стекло и алмадинъ. Возможно, что при болѣе точномъ научномъ опредѣленіи, сдѣланномъ въ Петербургѣ, сапфиръ окажется аметистомъ темной воды, а восточные гранаты алмадинами, тогда и симметрія не была бы нарушена. Къ среднему медальону съ выпуклымъ гранатомъ превосходной игры прикрѣплена подвѣска въ видѣ большой *золотой бабочки*, $1\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{8}$ дюйма, украшенной зернью, бордюромъ изъ шариковъ и пятью камнями, а именно: овальнымъ изумрудомъ по срединѣ, сердцевиднымъ гранатомъ на головкѣ и тремя яйцевидными гранатами на крыльяхъ и на брюшкѣ. Къ четвертымъ отъ шнурковъ медальонамъ съ выпуклыми изумрудами подвѣшаны круглыя золотыя медальончики, $\frac{1}{4}$ дюйма въ діаметрѣ, въ которыхъ вставлены: въ лѣвомъ отъ зрителя выпуклый гранатъ, а въ правомъ почему-то гладкое стекло (быть можетъ взамѣнъ утеряннаго граната). Отъ этихъ малыхъ медальоновъ свѣшиваются кисти изъ трехъ тонкихъ, превосходно исполненныхъ цѣпочекъ съ разборчатыми звеньями, подобныхъ нынѣ употребляемыхъ для люстръ и лампъ. Къ каждой цѣпочкѣ подвѣшано по три шарика. Малые медальоны соединены такими же цѣпоч-

ками съ крыльями бабочки. Ожерелье очень эффектно и превосходно сохранилось во всѣхъ самыхъ мелкихъ своихъ частяхъ, только стекла, вставленные въ трехъ медальонахъ, начали разрушаться, что, какъ известно, придаетъ имъ красивый видъ. При вынутіи ожерелья, которое обвивало шею женщины, не оказалось двухъ яйцевидныхъ золотыхъ бляшекъ, украшенныхъ зернью и гранатами и бывшихъ на крыльяхъ бабочки, но онѣ нашлись, когда вся земля, вынутая изъ гробницы, была просѣяна черезъ грохотъ. Кости и черепъ вслѣдствіе сырой почвы сильно разрушились, но въ обѣихъ челюстяхъ уцѣлѣли всѣ зубы. Монеты, которая могла бы дать болѣе точное указаніе на время погребенія, не оказалось; не найдено также ни обычныхъ въ подобныхъ гробницахъ глиняныхъ лампочекъ, ни узкогорлыхъ бальзамаріевъ съ плоскимъ дномъ, ни бронзовыхъ или желѣзныхъ гвоздей отъ гроба.

При почвенныхъ условіяхъ, о которыхъ было говорено выше, доски отъ гроба, конечно, не могли сохраниться; что же касается гвоздей, то ихъ могло и не быть, такъ какъ гробъ могъ быть скрѣпленъ деревянными шпунтами, подобно гробу, найденному въ 1895 г. въ красивомъ склепѣ съ крышею на два ската. Описываемая гробница перевезена на площадь впереди склада древностей и составлена въ томъ же видѣ, въ какомъ она была открыта при разслѣдованіи некрополя...

Продолжаю перечень найденныхъ древностей: монета ольвійская серебряная, сильно потертая, съ клеймомъ, доказывающимъ ея вторичный выпускъ въ обращеніе; бусы твердые прозрачныя; серебряный обронной работы медальонъ съ изображеніями Афродиты и двухъ эротовъ; гладкое круглое бронзовое зеркало; костяная ложечка; глиняная лампочка съ профильнымъ изображеніемъ головы; небольшой сосудъ съ черною поливою (?) и съ рельефнымъ орнаментомъ; глиняный сосудъ въ формѣ сидящаго льва съ раскраскою и, наконецъ, глиняная ваза съ горельефными фигурами и покрытая зеленою глазурью.

Находка золотого ожерелья изъ медальоновъ, съ подвѣской въ видѣ бабочки, является *второй* при раскопкахъ нашего классическаго юга (первая сдѣлана въ Парутинскомъ могильникѣ, въ Ольвіи — см. статью А. В. Орѣшникова въ „Древностяхъ“, т. XV), и *первой* при раскопкахъ Херсониса.

Хотя ожерелье, приобрѣтенное г. Постниковымъ (парутинское), состоитъ лишь изъ пяти медальоновъ, украшено стеклами и только тремя драгоценными камнями (изумрудами), тогда какъ найденное въ Херсонисѣ составлено изъ тринадцати медальоновъ и насчитываетъ 15 драгоценныхъ камней и 3 стекла, тѣмъ на менѣе оба ожерелья какъ

по идеѣ, такъ и по деталямъ, особенно по техникѣ ⁷⁾, имѣютъ такъ много общаго, что ихъ смѣло можно считать если не вышедшими изъ одной мастерской, то принадлежащими одной эпохѣ и, быть можетъ, одному городу, гдѣ преобладала мода на золотыя украшенія съ драгоценными камнями и стеклами. Но и кромѣ ожерелья, какъ видно изъ приведеннаго перечня находокъ, нѣкоторые предметы изъ обѣихъ гробницъ имѣютъ также много общаго, не говоря уже объ устройствѣ самой гробницы изъ каменныхъ внутри облицованныхъ плитъ. Медальонъ съ Афродитой и двумя эротами, бронзовое зеркало, ожерелье изъ твердыхъ прозрачныхъ бусъ (несомнѣнно, изъ горнаго хрусталя, такъ какъ стекло теряетъ свою прозрачность) и, наконецъ, поразительное сходство рысьихъ головокъ на цѣпочкахъ ольвійскаго ожерелья и на серьгахъ изъ херсонисской гробницы. Все это невольно наводитъ на мысль: не были ли обѣ богатыя женщины, погребенныя одна въ Ольвіи, а другая въ Херсонисѣ ⁸⁾, гражданками одного и того же города, гдѣ въ волютѣ не было недостатка, но вкусъ былъ уже испорченъ и классическая простота была замѣнена восточной пестротой?

Ссылаясь на то, что въ Парутинской гробницѣ нашлись на лицѣ покойницы золотыя пластинки съ очертаніями глазъ, рта и ушей, какихъ съ 1891 г. найдено двадцать въ херсонисскомъ некрополѣ, г. Косцюшко-Валюжиничъ полагаетъ, что въ Парутинской гробницѣ была погребена богатая херсонитянка, захватившая въ Ольвію, и что Херсонисъ служилъ разсадникомъ издѣлій даннаго типа.

— Намъ указываютъ на древности Каменца-Литовскаго, древней „Бѣлой Каменецкой Вѣжи“: 1) каменную башню въ 17 сажень, которую относятъ ко времени Владиміра Васильковича (1268—1288 г.), и которая во всякомъ случаѣ требуетъ изученія и охраны; 2) на курганы которыми усыяны окрестности города и которыхъ пока никто не раскапывалъ; 3) на каменное зданіе въ им. Капустичи, бывшую молельню, обращенную на востокъ, съ изображеніями святыхъ на восточной стѣнѣ, просвѣчивающими сквозъ известъ; зданіе это построено прямоугольникомъ въ 15×12 аршинъ, съ сѣвера и съ юга по два окна, съ запада пристроена красивая деревянная галлерея; внутри зданія своды съ кра-

7) Врѣсается въ глаза сходство двухъ цѣпочекъ въ видѣ шнурка, поддерживающихъ медальоны. Цѣпочки эти имѣютъ также одинаковыя прочныя петли, а крючки или иные соединенія (замочки) одинаково отсутствуютъ. На ольвійскомъ ожерельѣ по обѣимъ сторонамъ бабочекъ уцѣвли обрывки тонкихъ цѣпочекъ, состоящихъ изъ вынимающихся звеньевъ, одинаковаго устройства съ цѣпочками херсонисскаго ожерелья.

8) Оба города находились въ дружественныхъ сношеніяхъ, что подтверждается эпиграфическими памятниками и множествомъ амфорныхъ ручекъ съ именами херсонисскихъ астиномовъ, находимыхъ въ Ольвіи.

сивыми арками; въ деревянныхъ частяхъ (ушакахъ, полахъ) совсѣмъ нѣтъ желѣза: доски пола прибиты къ подвалинамъ толстыми деревянными гвоздями. Имѣніе Капустичи принадлежало въ XVI в. князю Тимоѣю Капустѣ, старостѣ Каневскому, внука котораго, Александра, была въ замужествѣ за княземъ Вишневецкимъ; въ актахъ Брестскаго градскаго суда сохранилась дарственная запись ея на сосѣдную Войскую церковь.

— Лѣтъ 6—7 назадъ проливные дожди стали выносить изъ подъ земли на горѣ возлѣ с. Домницы, Балтскаго у. Подольской губ., небольшія серебряныя римскія монеты. Особенно много такихъ монетъ было вымыто дождями въ 1891 году. Въ этомъ году найдено было также нѣсколько и другихъ мелкихъ предметовъ: цѣпочекъ, пряжекъ и т. п. Къ сожалѣнію, большинство поступило къ евреямъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Въ то же время порядочное количество ихъ было собрано мѣстнымъ священникомъ А. Б., любителемъ старины. Часть этихъ монетъ и нѣкоторые предметы (пряжки, очевидно, отъ одежды, очень оригинальнаго устройства) переданы священникомъ въ Херсонскій археологическій музей. Судя по экземплярамъ монетъ, находящихся въ коллекціи священника, онѣ относятся ко временамъ римскихъ императоровъ, начиная съ Траяна до Констанція Хлора включительно. Въ послѣдніе два года монетъ этихъ найдено нѣсколько штукъ. (Курск. Губ.)

— На Ижевскомъ заводѣ, Вятской губ., найденъ кладъ въ нѣсколько сотенъ серебряныхъ копѣекъ царя Ивана Васильевича. Часть клада распродана на мѣстѣ, часть отправлена въ Петербургъ (Волжск. Вѣстн.).

— Въ селѣ Семейкинѣ, Самарскаго уѣзда, крестьянинъ, копая яму для погреба, вырылъ кладъ, состоящій изъ 100 шт. серебряныхъ рублей Петра I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Кладъ этотъ находился въ глиняномъ горшкѣ. Рубли представлены въ канцелярію г. начальника губерніи, для отправки ихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію. (Пенз. Губ. В.)

— Во Владимірѣ-Волынскомъ работаетъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго протоіерея о. Кл. Андриѣвскаго, строительная коммиссія по возобновленію древняго Мстиславова храма. Пока производится внутренняя очистка храма отъ мусора и землянаго наслоенія и приводятся въ порядокъ каменные склепы и подвалы. Все интересное въ археологическомъ отношеніи, какъ сообщаетъ „Кіевлянинъ“, тщательно охраняется духовенствомъ, которое поочередно дежуритъ при раскопкахъ. Возобновленіе храма поручено архитектору Котову.

— „Новое Вр.“ напоминаетъ, что соборъ Спасо-Мирожскаго монастыря во Псковѣ до сихъ поръ пребываетъ въ томъ видѣ, въ ка-

комъ онъ остался послѣ изслѣдованія его древнихъ, XII вѣка, фресокъ въ 1885 году: штукатурка снаружи и внутри отбита, иконостасъ разобранъ, иконы вынесены, полъ выломанъ (подъ нимъ искали остатковъ древняго пола). Богослуженіе съ 1885 г. совершается только въ теплой церкви, построенной въ 1404 г. игуменомъ Карпомъ. Холодный соборный храмъ сооруженъ въ 1156 г. Аврааміемъ; фрески XII в. открыты были въ 1858 г. и до 1885 ждали изслѣдователя. Изслѣдованія В. В. Сулова показали всю цѣнность этихъ превосходныхъ фресокъ и привлекли заслуженное вниманіе на Археологическихъ Сѣздахъ и въ ученыхъ изданіяхъ. Но о приведеніи соборнаго храма въ порядокъ одиннадцать лѣтъ никто не думаетъ.

— 26 іюня въ Рижскомъ Императорскомъ Саду праздновалось 175-лѣтіе его существованія. Какъ этотъ садъ, такъ и лежащій подъ Ревелемъ паркъ Екатерининталь—созданіе Петра Великаго.

— *Нижегородская выставка.* Въ мануфактурномъ отдѣлѣ экспонируется любопытное собраніе старинныхъ ивановскихъ ситцевъ. Коллекція эта, состоящая изъ 129 нумеровъ, даетъ наглядное представленіе о постепенномъ развитіи ситценабивнаго искусства съ конца XVII столѣтія до 1850 года. До половины прошлаго вѣка означенный промыселъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ находился всецѣло въ рукахъ кустарей. Выставлено около 20 образцовъ, характеризующихъ работу ходобщицковъ-набойщиковъ. Первоначально (съ 1691 г. по 1720 г.) для набивки берется толстый грубый холстъ. Рисунки сдѣланы на деревѣ; узоры ихъ крайне несложны: клѣтка, угольникъ, изрѣдка цвѣтокъ. Работа въ этотъ періодъ производится масляными красками. Дальнѣйшую ступень въ развитіи ситценабивнаго промысла составляетъ переходъ кустарей къ болѣе тонкимъ подотнамъ: для набивки (въ нѣсколько красокъ) берется уже полубумажный холстъ и низкій бухарскій миткаль. Наряду съ масляными въ это время встрѣчаются краски смывныя, а въ концѣ періода начали употреблять даже кубовую краску (индиго). Въ періодъ съ 1750 по 1800 г. въ селѣ, а впослѣдствіи городѣ, Ивановѣ начинаютъ одна за другой возникать фабрики. Въ витринѣ выставлены образцы работы семи фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ этотъ періодъ. Въ IV отдѣлѣ витрины экспонируются образцы издѣлій 12 фабрикъ, основанныхъ за время съ 1800 по 1850 г. и около 15 образцовъ неизвѣстныхъ фабрикъ. Въ витринѣ имѣется, кромѣ того, нѣсколько деревянныхъ и мѣдныхъ клише. (Прав. В. 147).

Коллекція вещей, выставленныхъ въ отдѣлѣ Средней Азіи степнымъ генераль-губернаторствомъ, пополнилась интереснымъ въ археологическомъ отношеніи собраніемъ стариннаго оружія, которое размѣ-

щено на огромномъ щитѣ. Здѣсь выставлены сабли, кинжалы, ружья, пистолеты, щиты, боевые топоры и пр. Интересно длинное ружье съ золотой и серебряной насѣчною, принадлежавшее султану Кенисару Каммову, извѣстному киргизскому мятежнику. Кенисаръ извѣстенъ по всей сибирской степи съ 1836 года, какъ предводитель мятежниковъ съ цѣлью отложенья отъ Россіи. Ружье Кенисара составляетъ принадлежность музея Западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, которому было пожертвовано степнымъ генералъ губернаторомъ Колпаковскимъ. Среди этой же коллекціи оружія интересна также серебряная чаша сартовскаго героя Аминбекова, доставленная изъ музея Семипалатинскаго Статистическаго Комитета (Свѣтъ 163).

Въ Средне-Азіатскомъ-же отдѣлѣ выставлены (и были подмочены знаменитымъ ливнемъ, нѣкоторые документы, относящіеся къ исторіи Киргизской Орды: письмо султана средней Киргизъ-Кайсацкой орды Аблая къ генералъ-маіору Девиць, командовавшему частію войскъ, расположенныхъ на Сибирской пограничной линіи, въ 1767 г.; указъ Императрицы Екатерины II генералу-поручику Шпрингеру; прошеніе Калмыковъ, поданное въ Янышевской крѣпости въ 1757 г.; тамги Киргизъ Средней орды, данныя ими при вступленіи въ началѣ XVIII вѣка въ подданство Россіи; образецъ картографіи середины XVIII столѣтія: карта, коею руководились войска, расположенныя на Сибирской пограничной линіи (карта рисована въ 1757 г.); донесеніе Михельсона о пораженіи Пугачева въ 1774 г., объявленіе А. И. Бибикова о наградѣ за поимку Пугачева въ 1773 г., планъ Петропавловской крѣпости въ 1764 году. (Р. Сл. 171).

О древностяхъ иссыкъ-кульскихъ въ томъ же отдѣлѣ см. стр. 220 и 223.

Въ Сибирскомъ отдѣлѣ Минусинскій Музей выставилъ нѣсколько таблицъ древностей, альбомъ Клеменца и фотографіи Мартина.

Имп. Общ. Люб. Др. Писъм. выставило свои изданія facsimile.

Экспедиція заготовленія государств. бумагъ выставила въ Нижнемъ Новгородѣ діаграмму со свѣдѣніями о возникновеніи и постепенномъ распространеніи выдѣлки бумаги. По діаграммѣ этой, вѣками введенія бумаги были: въ Китаѣ—II по Р. Х., въ Средней Азіи—VIII, въ Испаніи и Португаліи IX, въ Италіи и Алжирѣ—X, въ Аравіи—XI, въ Пруссіи XIII, во Франціи и Великобританіи XV, въ Даніи, Швеціи и Россіи—XVI, въ Соединенныхъ Штатахъ—XVII и въ Австраліи—XIX. (Пр. В. 136).

Въ числѣ вновь прибывшихъ вещей въ павильонѣ кяхтинскихъ чае-торговцевъ имѣются витрины съ китайскими серебряными ювелирными издѣліями, присланными изъ Шанхая и Кантона, чудной работы рѣз-

ныя вещи изъ слоновой кости, какъ-то: вѣера, шкатулки и пр., шелковыя дамскія шали, черепаховыя издѣлія, и разныя деревянныя вещи очень затѣйливыхъ рисунковъ. Въ боковыхъ залахъ павильона разставлена изящной работы китайская мебель изъ чернаго дерева съ инкрустацией, а также и лакированная мебель. Прибыло также нѣсколько альбомовъ съ китайскими акварельными рисунками на рисовой бумагѣ, изображающими бытовыя сцены изъ китайской жизни и виды разнохарактерныхъ лодокъ, плавающихъ по водамъ, омывающимъ Кантонъ. Имѣется также нѣсколько археологическихъ предметовъ: камень изъ великой китайской стѣны, нѣкоторыя украшенія изъ сожженнаго въ шестидесятыхъ годахъ англо-французскими войсками императорскаго дворца близъ Пекина. (Свѣтъ 161).

— Японская коллекція, состоящая изъ моделей: сельскохозяйственныхъ орудій и храма, изъ рыбчихъ одеждъ, изъ книгъ и картинъ привезена В. В. Ливдстремомъ Императорской Академіи Наукъ. (Herold, 173).

— Императорская Публичная Библіотека получила въ даръ отъ г. Васильева 180 актовъ XV—XVIII вѣка, большею частью по дѣламъ владѣннымъ.

— Первый конкурсъ вновь учрежденной при Императорской Академіи Наукъ преміи П. Н. Батюшкова состоится въ 1898 году, а затѣмъ будетъ повторяться черезъ каждыя четыре года. Кромѣ преміи въ 1,000 рублей, въ эти же сроки устанавливается и поощрительная награда въ 500 р. имени Батюшкова за разработку предложенныхъ Академіею задачъ, касающихся изученія Сѣверо-Западнаго края. (Н. В. 7305).

— Учрежденную 13 лѣтъ тому назадъ (въ 1883 году) при Императорской Академіи Наукъ премію А. М. Сибирякова рѣшено передать въ Томскій университетъ, по открытіи въ немъ юридическаго факультета. Премія эта (проценты съ 10.000 р.) будетъ присуждаться черезъ каждыя три года за оригинальныя, на русскомъ языкѣ, историческія сочиненія о Сибири. Къ соисканію преміи допускаются будутъ также и сборники историческихъ документовъ, впервые извлеченные изъ архивовъ. (Русск. Сл. 164).

— Седьмое собраніе Международнаго Геологическаго Съѣзда состоится въ 1897 году въ С.-Петербургѣ (VI-е было въ 1894 г. въ Цюрихѣ, V-е въ 1891 г. въ Вашингтонѣ). Ближайшее руководство по устройству Петербургскаго Съѣзда ввѣрено по Высочайшему повелѣнію Геологическому Комитету. Организованный послѣднимъ Предварительный Комитетъ Съѣзда имѣлъ уже нѣсколько засѣданій и намѣтилъ программу Съѣзда. Занятія съѣзда продолжатся около 8 дней и

состоятся во второй половинѣ августа. Съѣзду будутъ предшествовать поѣздки иностранныхъ ученыхъ (подъ руководствомъ русскихъ ученыхъ, специально знакомыхъ съ мѣстностью): 1) на Уралъ 2) по Волгѣ и по внутренней Россіи; обѣ поѣздки начнутся около 17 іюля и каждая продолжится недѣля три; кромѣ того часть геологовъ отправится до Съѣзда въ Прибалтійскій край и въ Финляндію. Послѣ Съѣзда предполагается путешествіе на Кавказъ и Крымъ, съ боковыми вѣтвями на Волгу, въ Донецкій бассейнъ и въ область древнихъ кристаллическихъ и новѣйшихъ образованій Днѣпровскаго района.

Для подготовленія къ Съѣзду и къ перечисленнымъ поѣздкамъ, рядъ нашихъ геологовъ отправленъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ различныя мѣстности Россіи. Съ интересами археологическими соприкасается въ ряду этихъ командировокъ особенно поѣздка Л. Н. Звегинцева, посланнаго Географическимъ и Минералогическимъ Обществами для изученія древнихъ береговыхъ линій долины р. Невы и озеръ Ладожскаго и Онежскаго. Эти изслѣдованія, въ связи съ изученіемъ ледниковыхъ отложений, имѣютъ цѣлью собрать матеріалы по вопросу о предполагаемомъ соединеніи Балтійскаго моря съ Ледовитымъ океаномъ (Бѣлымъ моремъ) втеченіе ледниковаго періода.

— «Новое Время» (Прилож. 286) пишетъ: Въ Львовѣ вышла на польскомъ языкѣ небольшая историческая монографія, которая должна бы обратить на себя вниманіе русскихъ историковъ и археологовъ, интересующихся судьбою древней московской «царской утвари».

Какъ извѣстно, въ московской Оружейной Палатѣ хранится богатое собраніе этой утвари, но все же въ этомъ собраніи недостаетъ многихъ драгоценностей, перечисленныхъ въ древнихъ описяхъ. Куда же дѣвались эти сокровища? Куда дѣвалась, между прочимъ, усыпанная драгоценными камнями корона царя Василія Ивановича Шуйскаго? Изданная во Львовѣ польская монографія можетъ послужить путеводною нитью для отысканія слѣдовъ этихъ пропавшихъ драгоценностей московской сокровищницы. Упомянутая монографія подписана псевдонимомъ «Алькарь», принадлежащимъ одному изъ извѣстнѣйшихъ теперь польскихъ историковъ и юристовъ, выпустившему уже цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій, касающихся отношеній Рѣчи Посполитой къ Московскому государству. Новая монографія Алькара трактуетъ о «польскихъ коронныхъ клейнодахъ», но, перечисляя, на основаніи древнихъ архивныхъ актовъ и описей (въ особенности на основаніи найденнаго авторомъ въ дрезденской королевской бібліотекѣ рукописнаго «инвентаря» XVII столѣтія), драгоценности польскихъ королей, Алькарь упоминаетъ также о какой-то «московской коронѣ королевича Влади-

слава Сигизмундовича». Между тѣмъ въ Актахъ Археогр. Ком. т. II съ № 95 въ отчетѣ о расходованіи царской казны послѣ разгрома Москвы въ 1611—1612 г. говорится, что, за истощеніемъ денежной казны, Москва вынуждена была назначить въ уплату польскимъ войскамъ церковную утварь, сосуды, потиры, драгоценные камни изъ ризъ, образа въ дорогихъ окладахъ и, наконецъ, два царскихъ вѣнца, изъ которыхъ одинъ (только камни безъ золота) оцѣненъ былъ въ 66,803 польскихъ злотыхъ, а другой 27,341 злотыхъ. Безъ сомнѣнія, «московская корона Владислава», числившаяся въ спискѣ польскихъ клейнодовъ и по духовному завѣщанію того же Владислава, доставшаяся Польской Рѣчи Посполитой, и была одна изъ упомянутыхъ коронъ, составлявшихъ военную контрибуцію московскаго государства. Въ оцѣнкѣ клейнодовъ, «составленной въ 1696 году и хранящейся въ дрезденской королевской библиотекѣ», согласно указанію Алькара, значитя, что московская корона Владислава украшена разными большими камнями и жемчугомъ и имѣеть наверху большой сапфиръ и бриліантовый крестъ». Любопытно, что когда императоръ Николай Павловичъ въ 1829 году заявилъ желаніе быть особо коронованнымъ въ Варшавѣ польскою королевскою короною, то ни упомянутой короны Владислава, ни другой какой-либо короны древнихъ польскихъ королей не нашли, и для вѣнчанія императора на польскій престолъ пришлось изготовить совсѣмъ новую корону. Алькаръ приводитъ въ своей монографіи появившійся тогда таинственный слухъ о томъ, что всѣ польскія царскія регаліи были куда-то нарочно запрятаны, но, къ сожалѣнію, слухъ этотъ, основанный на современной замѣткѣ одной изъ французскихъ газетъ, не разъясненъ польскимъ историкомъ. Вообще, по словамъ газеты, монографія Алькара имѣеть лишь видъ сырого матеріала, который, однако можетъ послужить при разработкѣ хотя и мелкихъ, но все же интересныхъ фактовъ, касающихся и древней Польши, и древней Москвы.

— По поводу назначенія новаго директора Восточнаго Нумизматическаго Музея въ Іенѣ мюнхенская *Allgem. Zeit.* даетъ свѣдѣнія объ этомъ музеѣ. Начало ему было положено покупкой монетъ, собранныхъ Г. А. Цвикомъ за 18-лѣтнее пребываніе его въ Сарептѣ, Саратовской губерніи. Затѣмъ въ теченіе лѣтъ сдѣланы новыя значительныя прикупки и явились пожертвованія. Императоръ Александръ II пожертвовалъ Музею въ 1867 г. 583 дублета изъ русскихъ находокъ; въ 1866 г. великій герцогъ пожертвовалъ собраніе доктора Joret. Особенно замѣчательны пять персидскихъ слитковъ золота, вѣсомъ болѣе двухъ фунтовъ: такими дарить шахъ высшихъ сановниковъ; іенскіе экземпляры входили въ составъ дани уплаченной Персіей Россіи въ 1828 г.

и пожалованы Музею великой герцогиней Маріей Павловной. Въ Музеѣ имѣются также 44 восточныя свинцовыя печати и найденный въ развалинахъ Сарая золотой вѣнецъ Джанибека.

— Членомъ французскаго археологическаго института въ Римѣ („École Française“) г. Грэлло сдѣлано важное археологическое открытіе. Въ началѣ Понтійскихъ болотъ, между Неттуно и Кори, въ разстояніи 10 килом. отъ перваго внутрь материка, у слиянія двухъ ручьевъ стоитъ замокъ Конца. Фундаментъ замка опирается на развалины крѣпости до римскаго періода, обводныя стѣны которой, составленныя изъ туфовыхъ камней, прочно скрѣпленныхъ между собою безъ всякаго цемента, можно ясно различить еще и теперѣ. Путешествуя по Италіи, профессоръ Грэлло заинтересовался названною мѣстностью и предпринялъ раскопки, увѣнчавшіяся съ самаго начала блестящимъ успѣхомъ. При видѣ холма, находящагося на разстояніи двухъ километровъ къ сѣверу отъ замка Конца, ученому пришла въ голову мысль, что здѣсь долженъ былъ находиться древній храмъ, что и оправдалось въ первый же день раскопокъ. Скоро показалась часть верхнихъ обводныхъ стѣнъ,—громадныхъ размѣровъ туфовые камни, нагроможденные другъ на друга безъ всякаго признака цемента, подобно стѣнамъ Ардеи. Мѣстность считается мѣстностью древняго г. Сатрикума, взятаго Коріоланомъ во время войнъ римлянъ съ вольсками. А новооткрытыя развалины храма пр. Бернабей отождествляетъ съ храмомъ *Matris Matutae*, не разъ упоминаемомъ у Ливія. Въ постройкѣ храма видны пять періодовъ: изъ первоначально этрусскаго храма созданъ позднѣе простой небольшой храмъ (*aedicula*, — „часовня“), далѣе греческій *периптеросъ*, далѣе опять *aedicula* и наконецъ *диптеросъ*. Разнообразныя терракотовыя украшенія стѣнъ соотвѣтствуютъ этимъ строительнымъ періодамъ. Къ VI в. до Р. Х. относятся сооруженіе периптера съ прекрасно раскрашенными статуями архаическаго греческаго стиля; послѣдняя перестройка совершена, повидимому, въ IV в. до Р. Х., отъ котораго осталось и множество обѣтныхъ приношеній. Внутри храма открыты *stips votiva*—углубленіе, гдѣ хранились такія приношенія, остатки которыхъ оказались тутъ же на глубинѣ полутора метра подъ землею, прекрасно сохранившимися, и представляютъ настоящій кладъ въ качествѣ памятниковъ изящнаго искусства того времени. Вообще найдено множество сосудовъ всевозможныхъ видовъ, начиная отъ самыхъ маленькихъ мѣстнаго ручнаго издѣлія и кончая этрусскими вазами большаго размѣра, не считая греческихъ сосудовъ въ коринѣскомъ стилѣ; затѣмъ множество маленькихъ просверленныхъ вещицъ изъ разныхъ матеріаловъ, которыя находятъ въ этрусскихъ могильникахъ. Сохрани-

лись бусы изъ стекла и амбры, браслеты, кольца и аграфы изъ серебра и бронзы, короче сказать, цѣлая масса предметовъ, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ характера историческаго памятника. Между упомянутыми уже терракотовыми архитектурными украшеніями, представляющими главный интересъ открытія, находится цѣлый рядъ изображеній женскихъ головъ, долженствовавшихъ украшать собою край кровли, головъ съ типичною улыбкою, свойственною архаической скульптурѣ. Часто встрѣчается группа фавна, обнявшаго нимфу. Найдены также остатки обширной группы, служившей также украшеніемъ кровли или акротеріона, съ изображеніями мужскихъ головъ въ архаическомъ стилѣ, сдѣланной изъ терракоты, тонкая отдѣлка которой сохранила свою красоту еще и по настоящее время. Можно предположить, что храмъ былъ покинутъ въ четвертомъ вѣкѣ вслѣдствіе постепеннаго опусканія и увлаженія почвы. Кромѣ раскопки храма, дальнѣйшими раскопками установлены границы города и некрополя.

— Въ южной части Зеландіи, въ окрестностяхъ Скалерупа, въ могилѣ бронзоваго вѣка найденъ бронзовый котелъ, припаянный къ четырехколеснымъ дрогамъ. Котелъ этотъ признанъ «этрускимъ» произведеніемъ IV вѣка. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: нижней и верхней, съ коей висятъ кольца изъ желтой бронзы; онъ весь орнаментованъ, а по концамъ оси имѣются изображенія птицъ; внутри котла остатки пережженныхъ человѣческихъ костей. Первая такая находка была сдѣлана въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Пеккателѣ (Мекленбургѣ), позднѣе найдены котлы на колесахъ: близъ Лунда въ Швеціи, въ окрестностяхъ Радкесбурга въ Седмиградіи и близъ Сатцвародеръ-Стуля въ Венгріи. Вновь открытый котелъ доставленъ въ Копенгагенскій Національный Музей.

— О приобрѣтенной Лувромъ „тіаръ Сайтафарна“ мы доселѣ не говорили въ виду тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждены были при первыхъ свѣдѣніяхъ въ Россіи объ этой покупкѣ. Но съ апрѣля и до сихъ поръ вопросъ не выяснился, и споръ разгорается все болѣе. Касаясь лишь тѣхъ сообщеній и мнѣній, которыя появились въ печати, исторія этихъ споровъ представится приблизительно такой. — Сначала въ Вѣнѣ, когда русскіе продавцы привезли туда эту тіару, какъ добытую при роскопкахъ въ Керчи, вѣнскіе ученые раздѣлились на двѣ партіи въ вопросѣ о подлинности тіары; верхъ взяли скептики: тіара не была куплена вѣнскими музеями (Neue Freie Presse). Британскій Музей отвергъ ее какъ поддѣлку (ibid.). Лувръ приобрѣлъ, какъ сокровище, за 200,000 фр., и въ Temps появилось описаніе и рисунокъ тіары (до продажи продавцы не дозволяли фотографировать тіары).

Когда рисунокъ явился и въ „Новомъ Времени“, Н. И. Веселовскій выступилъ въ этой же газетѣ (№№ 7263 и 7313) рѣшительнымъ противникомъ подлинности тиары, указывая на извѣстныя ему поддѣлки въ томъ же родѣ, для коихъ существуетъ и особая фабрика. Къ нему примкнулъ и Фуртвенглеръ (Мюнх. Allg. Zeit.). Хранитель Луврскаго Музея Вильфосъ и директоръ французскихъ національныхъ Музеевъ Кемпфенъ горячо защищаютъ тиару, а по сообщенію послѣдняго въ Figaro, и хранитель Музея Древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ г. Кизерицкій, осмотрѣвъ тиару въ Парижѣ, призналъ ее античной и уполномочилъ заявить о томъ. Въ то же время (Нов. Вр.) въ штургартскую Antiquitäten Zeitung пишутъ изъ Кракова, указывая на рядъ золотыхъ поддѣлокъ того же происхожденія, на нѣкоторыя изъ которыхъ попадались и Музею.

Что касается самой тиары, то она имѣетъ видъ сахарной головы, 22 сант. вышиною и 16—18 сант. въ нижнемъ діаметрѣ; вся изъ золота, отличной работы, она дѣлится на три пояса. Въ среднемъ, главномъ, изображены: гнѣвъ Ахилла и погребеніе Патрокла, въ безупречномъ греческомъ стилѣ. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ виноградной вѣтвью, среди маковъ, хлѣба и кустовъ—рядъ скинскихъ сценъ изъ жизни охотничьей, сельской, семейной и изъ мифологіи, сценъ, слишкомъ пестрыхъ по содержанию и живо напоминающихъ нѣсколько разныхъ образцовъ. Въ верхнемъ ярусѣ, между двумя рядами сквозныхъ завитковъ, чешуйчатое поле. На самомъ верху тиары подымается завернувшаяся въ кольца змѣя. Орнаментъ по нижнему ободу тиары, между ярусами и внутри ярусовъ набранъ изъ пальметокъ, оваловъ, шнуровъ, разводовъ. Внизу средняго яруса проведена городская стѣна съ башнями о трехъ зубцахъ, а по ней надпись: *Η ΒΟΥΛΗ ΚΑΙ Ο ΔΗΜΟΣ Ο ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ ΒΑΣΙΛΕΑ ΜΕΓΑΝ ΚΑΙ ΑΝΕΙΚΗΤΟΝ ΣΑΙΤΑΦΑΡΝΗΝ*. Начертанія буквъ совершенно точно соотвѣтствуютъ начертаніямъ извѣстныхъ подлинныхъ надписей (будучи воспроизведены гальваническимъ путемъ, какъ думаетъ Н. И. Веселовскій, указывающій, что эта точность стала теперь обычной у очаковскихъ поддѣлывателей).

„Въ той же гробницѣ“ (Temps) найдена ваза съ краснымъ рисункомъ, а „въ одной сосѣдней гробницѣ“ превосходное ожерелье (un admirable collier), также изъ массивнаго золота. Обѣ вещи приобрѣтены Лувромъ.

VIII.

Засѣданія Ученыхъ Обществъ.

Императорское Русское Археологическое Общество.

Въ предъидущемъ № у насъ не было сообщено объ *общемъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 17 мая*. Читаль С. А. Жебеловъ „О фрескахъ вновь открытой Керченской катакомбы“ (см. „Арх. Изв. и Зам.“, стр. 110). Докладчикъ обращалъ особое вниманіе на сцену Калипсы и Гермеса, ибо сюжетъ этотъ очень рѣдко разрабатывается въ древнемъ искусствѣ и встрѣчается только на геммахъ. Анализъ этихъ изображеній свидѣтельствуетъ, что художникъ точно воспроизвелъ въ нихъ встрѣчу Калипсы съ Гермесомъ, рассказанную въ Одиссеѣ. Судя по стилю фресокъ и сопоставляя ихъ съ открытыми въ 1867 и въ 1873 гг., докладчикъ и вновь открытыя фрески относитъ ко II в. по Р. Х. Въ ПБ. доставлены акварельныя рисунки съ фресокъ.

Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологій.

Въ засѣданіи 11 декабря 1895 года Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологій открылъ свои дѣйствія подъ почетнымъ предсѣдательствомъ барона А. Б. Вревскаго, туркестанскаго генераль-губернатора. Избрано правленіе Кружка: вице-предсѣдатель Н. П. Остроумовъ, секретарь Н. С. Лыкошинъ и казначей С. А. Лидскій, и обсуждалась мѣры по объявленію во всеобщее свѣдѣніе объ открытіи дѣйствій Кружка, по привлеченію въ него всѣхъ лицъ края, интересующихся археологіей, и по сохраненію мѣстныхъ памятниковъ древностей.

Въ засѣданіи 22 января 1896 года Е. Т. Смирновъ прочелъ докладъ: „Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента“. Докладчикъ останавливалъ вниманіе на большихъ буграхъ и насыпяхъ, обильно разсѣянныхъ въ ташкентскомъ культурномъ районѣ, въ долинахъ рѣки Сыра и притоковъ ея. Далѣе докладчикъ отмѣтилъ насыпи, ясно сохранившія слѣды очертанія валовъ или стѣнъ, а иногда и рововъ вокругъ, и наконецъ группы мелкихъ кургановъ, высотой въ $1\frac{1}{2}$ —2 сажени, разсыпанныхъ иногда по нѣскольکو сажень въ одномъ мѣстѣ. У такихъ бугровъ находятъ въ землѣ урны (въ 1886 г. найдено цѣлое кладбище ихъ), овальнымъ коробомъ, съ крышками, на ручкахъ съ изваяніями птицъ съ распростертыми крыльями, на бокахъ и изображеніями людей; внутри урнъ перемѣшанныя человѣческія кости безъ слѣда огня.

Больше бугры лежатъ какъ по притокамъ Сыра, такъ и по сосѣднимъ бугристымъ лесовымъ степямъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда достигала когда-то ирригаціонная вода. Какъ на болѣе могучія сооруженія этого рода можно указать

на слѣдующія: въ русской части г. Ташкента ярмарочный холмъ (который считается почему то развалинами дворца Афрасиаба), остатки укрѣпленія Ханаватъ (верстахъ въ 7 къ югу отъ Ташкента), остатки укрѣпл. Юганъ (близъ сел. Нязбатъ), холмы Султанъ - ймамъ (тамъ же), холмы близъ сел. Той-тюбе— по преданію остатки столичнаго города Джанадиля, занимавшаго площадь нынѣшнихъ селеній Той-тюбе, Пскента и ихъ окрестностей, въ длину будто бы 80 верстъ.

Далѣ докладчикъ подробно остановился на описаніи и выясненіи значика, главныхъ оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Сыръ-Дарьи, Чирченія Ангрена и Келеса. Они носятъ на себѣ слѣды несомнѣнной древности хотя бы только потому, что по ихъ магистральнымъ (отчасти и по разводнымъ) вѣтвямъ расположено наибольшее количество загадочныхъ искусственныхъ насыпей. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ древнія арійскія имена: Сакаръ, Кайкаусъ, Захъ. Въ заключеніе докладчикъ разсматривалъ вопросъ о мѣстонахожденіи въ древности главнаго города нынѣшняго ташкентскаго района. Селеніе Иске-Ташкентъ (Старый Ташкентъ) на р. Чирчикъ у арыка Купкулдака не сохранило теперь развалинъ; но по топографіи весьма правдоподобными представляются преданія, что древній Иске-Ташкентъ смытъ Чирчикомъ. Развалины въ другомъ селеніи того же имени, тоже на правомъ берегу Чирчика, на арыкѣ Джунѣ слишкомъ малы, чтобы представлять большой городъ, и лежатъ при томъ на второстепенной вѣтви канала. Нынѣшній Ташкентъ сталъ центральнымъ городомъ по всей вѣроятности уже послѣ нашествія монголовъ.

Докладчикъ склоненъ видѣть древнѣйшій центръ страны въ возвышенной мѣстности Канка или Канга (по арыку Канъ изъ Ангрена), самое названіе которой онъ сближаетъ съ названіемъ мѣстности Канга въ Авестѣ, Магабхазатѣ, Шах-наме и гдѣ много остатковъ древней культуры въ видѣ бугровъ насыпей и валовъ. Собственно Канка есть большое сомкнутое укрѣпленіе неправильной продолговатой формы съ буграми въ сѣверномъ углу.

Въ застѣданіи 26 февраля были доложены краткія сообщенія: Н. Ѳ. Петровскаго (изъ Кашгара) съ указаніемъ на нѣкоторыя древности близъ Ауліе-ата и въ Старомъ Ташкентѣ; Н. С. Лыкошина— о кварталѣ Парчабабъ въ Ташкентѣ (жители этого квартала, повидимому, позднѣе другихъ приняли исламъ); В. А. Каллаура о киргизскомъ родѣ Китай (Кутай, Ктай), изъ котораго прислано было на осмотръ Общества древнее знамя; М. С. Косцѣвича— о древностяхъ г. Пенджикента и о холмѣ Хан-абадъ близъ Ташкента. И. Т. Пославскій описалъ осмотрѣнные имъ развалины г. Термеда на правомъ берегу Аму: особенно замѣчательны кирпичныя башни, тщательно выложенныя на гидравлическомъ цементѣ и кирпичной кладки стѣны въ толщѣ насыпи.—М. С. Андреевъ прочелъ докладъ: „Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи“ (Средне-Азіатскій Вѣстн., май). Сообщивъ нѣсколько легендъ, связанныхъ съ Ходжентомъ, докладчикъ указалъ на интересный родъ развалинъ вблизи Ходжента, по правую сторону

Сыра, въ цѣпи горъ Моголь-тау. Это—остатки каменныхъ жилищъ, называемыя у туземцевъ *Хана-и-муъ* (жилища хановъ)—невысокія, куполообразныя, слегка продолговатыя сооруженія, около 5 × 2 арш. въ планѣ; входное отверстіе у нихъ около 1 кв. арш.; стѣны, сложенныя изъ неотесанныхъ камней, очень толсты; при постройкѣ не употреблено ни желѣза, ни цемента. Въ Ферганѣ встрѣчаются сооруженія подобнаго же рода и все съ тѣмъ же именемъ *Хана-и-муъ*. Названіе „муъ“ распространено среди туземцевъ, обозначая огнепоклонниковъ, язычниковъ. Напр., выше Ходжента верстахъ въ 25 по Ходжентскому ущелью развалины крѣпости называются *Кала-и-муъ* „крѣпость муговъ“; здѣсь найдена между прочимъ „слезница“ изъ огнеупорной глины, какія у туземцевъ называются „*муъ-кузаксы*“—„кувшинчикъ муговъ“. Далѣе докладчикъ отмѣтилъ мусульманскую надпись на скалѣ въ ущельѣ Битылыкъ, въ тѣхъ же горахъ; надпись писана почеркомъ *насыр*: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ посланникъ Божій. Произведение Амира-Масъ-уда... Ходжиба. Лѣтосчисленіе сафоръ, 624 года“. На окружающихъ скалахъ выбиты изображенія змѣя, гончихъ собакъ и горныхъ козъ, которыми въ старину славилась мѣстность. Отмѣчая обиліе остатковъ древности въ долинѣ р. Ангрена, докладчикъ указалъ между прочимъ на Теляу, гдѣ находили особенно много сосудовъ, монетъ и т. п., и на мѣстность между Карахтаемъ и кишлакомъ Той-тюбе, гдѣ цѣлые ряды холмовъ, повидимому могильныхъ, тянутся на далекое пространство, скрываясь изъ глазъ; туземцы называютъ эту мѣстность „*минъ-тепе*—тысяча холмовъ“ (см. о ней выше, въ докладѣ Е. Т. Смирнова, стр. 242). Наконецъ, очень любопытно было сообщеніе о пещерѣ Кон-и-гутъ (Кокандскій уѣздъ), которой, повидимому, пользовались люди въ весьма давнія времена (лѣстница въ спускѣ), и о письменахъ при входѣ въ нее какъ бы руническихъ, судя одному отмѣченному г. Андреевымъ знаку.

Въ этомъ же засѣданіи съ благодарностью принято предложеніе члена-учредителя Е. Т. Смирнова печатать протоколы Кружка и труды членовъ въ издаваемомъ имъ ежемѣсячномъ журналѣ „Средне-Азіатскій Вѣстникъ“.

Въ засѣданіи 1 апрѣля М. С. Андреевъ доложилъ о совершенной имъ, совмѣстно съ Н. Г. Малицкимъ, по порученію Кружка, поѣздкѣ для осмотра пещеры „Кон-и-гутъ“ и ущелья Варухъ и о снятыхъ имъ надписяхъ у входа въ пещеру и въ ущельѣ. Поѣздка выяснила обширность и интересъ пещеры если не въ археологическомъ, то въ геологическомъ и энтомологическомъ отношеніяхъ, но указано и на необходимость большихъ силъ и приспособленій для изслѣдованія ея: на глубинѣ 30 саж. не доставало аркана и людей. Рѣшено осмотрѣть пещеру лѣтомъ, а надпись изъ ущелья Варухъ доставить въ Ташкентъ.

IX

Библиографія.

Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. Б.— *Мѣсто рожденія Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Теодоровича. Спб. 1895 г. (оттискъ изъ декабрьской книжки „Странника“); 16 д., 33 стр.*

Црен. Михаилъ Маленинъ. Трехсотлѣтіе рожденія Благ. Вел. Гос. Царя и Вел. Кн. Михаила Теодоровича, 12 іюля 1596—1896 г. Вязники, 1896 г. — 16 д., стр. I—II+32+12.

Статья высокопреосвященнаго Сергія написана по случаю исполнившагося трехсотлѣтія со дня рожденія царя Михаила Теодоровича. Мѣститый агиографъ былъ въ 1860-хъ годахъ настоятелемъ Знаменскаго монастыря въ Москвѣ и издалъ (въ 1866 г.) „Историческое описаніе“ этого монастыря, созданнаго на мѣстѣ дома Теод. Ник. Романова. Въ „Описаніи“ онъ занялся и изслѣдованіемъ о семьѣ Теодора Никитича. Въ новой статьѣ, шагъ за шагомъ, осмотрительно, надежно и ясно устанавливается, что и при отсутствіи теперь документальныхъ данныхъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что Михаилъ Теодоровичъ родился въ наследственномъ отъ Никиты Романовича домѣ своего отца, въ Китай-городѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій монастырь. Въ 1594 г. Теодоръ Никитичъ писанъ псковскимъ намѣстникамъ, но жилъ на Москвѣ, участвуя по марту, въ переговорахъ съ Николаемъ Варкочемъ, посланникомъ императора Рудольфа II. Въ сентябрѣ 1594 (не 1595) года выгорѣлъ Китай, и въ 1595 г. Теодоръ Никитичъ, вѣроятно, исправлялъ поврежденія своего дома. 3 апрѣля 1596 г. царь Теодоръ приказалъ ему быть вторымъ воеводою полка правой руки на Окѣ, слѣдовательно, онъ стоялъ или въ Тарусѣ, или Мышегѣ (нынѣ тарусскаго уѣзда), или въ Алексинѣ. Но супруга за нимъ туда не могла слѣдовать, особенно на 6-мъ мѣсяцѣ беременности и имѣя трехъ малолѣтнихъ дѣтей (Татьяну, Іоанна и Льва) въ возрастѣ 1—4 лѣтъ. Архивъ Знаменскаго монастыря (основаннаго паремъ Михаиломъ въ 1631 г.) большею частью погибъ въ 1812 г.; но въ 1760 г. архимандритъ Николай Грузинскій (род. въ 1673 г., настоятель съ 1738 г.), а въ 1775 г. игуменъ Сафроній Младеневичъ, ссылались на жалованную отъ царя и патриарха въ 1631 году монастырю грамоту, по которой значилось, что царь родился въ покояхъ, находящихся „о срединѣ монастыря“. Это свидѣтельство подтверждается заботой царственной земли о Знаменскомъ монастырѣ, и полнымъ единодушіемъ преданія о мѣстѣ рожденія царя, при совершенномъ отсутствіи подобаго почттанія какого либо другого мѣста, между тѣмъ какъ и великой инокой Мареой, и нисходящимъ потомствомъ Михаила Теодоровича такъ свято хранилось все связанное съ первыми годами перваго царя изъ рода Романовыхъ. Несомнѣнно и то, что въ этомъ же домѣ Михаилъ провелъ первые пять лѣтъ своего младенчества (по іюль 1601 года).— Болѣе

половины брошюры составляют набранный мелким шрифтом примѣчания, куда отнесены подробныя доказательства. Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть особо упомянуты. Въ прим. 7 опредѣляются годы рожденія дѣтей Теодора Никитича: Татьяна, Льва и Іоанна, причемъ для выводовъ высокопреосвященный Сергій пользуется и свѣдѣніями агіографическими: святые съ именемъ Льва есть только въ февралѣ; сопоставляя это свѣдѣніе съ указаніями: о рожденіи Татьяны Теодоровны въ январѣ 1594 или 1595 г. и о кончинѣ младенца Льва Теодоровича въ 1597 г., получаемъ выводъ, что Левъ Теодоровичъ родился до Михаила, а именно въ 1595 году, около 18—20 февраля, вскорѣ послѣ кончины дяди своего Льва Никитича (5 февр. 1595 г.). 8 прим.—доказательства, что церковь Знаменія создана еще Никитой Романовичемъ. Прим. 13 — соображенія о времени возвращенія Марѣы Ивановны въ Москву послѣ изгнанія (возвратилась, вѣроятно, осенью 1609 г.). Прим. 14—подробныя доказательства (кратко затронутыя въ Истор. описанія Знамен. монастыря) о созданіи монастыря въ 1631 г. въ память великой инокини Марѣы Ивановны, скончавшейся 27 января 1631 г., а дотогѣ владѣвшей семейнымъ домомъ. Знаменская же церковь на дворѣ Романовскаго дома была поставлена, вѣроятно, Никитой Романовичемъ, который былъ воеводою въ Новгородѣ.

Ко дню 12 іюля, владыка издалъ также, переводя съ греческаго, житіе ангела царскаго, Михаила Маленна. Любопытно, что житіе этого святаго впервые появляется на русскомъ языкѣ. При Михаилѣ Теодоровичѣ было составлено въ честь преподобнаго слово и помѣщено подъ 12 іюля въ прологѣ; но тутъ имѣются лишь немногія свѣдѣнія о жизни св. Михаила Маленна, извлеченныя изъ житія знаменитаго ученика его, Афанасія Афонскаго, во имя котораго въ новозданномъ Знаменскомъ монастырѣ царь и патріархъ и построили теплый каменный храмъ въ 1632 г., такъ какъ въ Кремлѣ уже было (въ Вознесенскомъ монастырѣ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ) два храма во имя преп. Михаила Маленна (нынѣшній монастырскій соборъ на мѣстѣ этого храма воздвигнуть въ 1679—1684 гг.).

Къ „Житію“ присоединена статья, цѣль коей духовное поученіе, а не археологія: „Преподобный Михаилъ Маленнъ, какъ небесный покровитель царя Михаила Теодоровича“; но какъ эта статья, такъ и примѣчанія, которыми снабжены и она и „Житіе“, цѣнны и археологическими, и историческими указаніями (выводъ времени жизни Михаила Маленна: 894—962 гг.; свѣдѣнія о Знаменскомъ монастырѣ, выводъ, что ангеломъ Теодора Никитича былъ не в. м. Теодоръ Стратилать (8 февр. и 8 іюня), а свм. Теодоръ Пергійскій (21 апр.); разборъ вопроса о днѣ вступленія русскихъ въ Кремль въ 1612 г., причемъ высокопр. Сергій, соглашаясь съ Казанскимъ, принимаетъ 22 октября, и т. п.).

О прекрасной ясности изслѣдованій высокопреосвященнаго Сергія, о точности и сжатости его изложенія, гдѣ устранено все сомнительное и не идущее къ дѣлу, о кристальной простотѣ его рѣчи нѣтъ, конечно, надобности распространяться.

Г. М.—*Замѣтка о домѣ Романовыхъ* („Русск. Стар.“ 1896 г., июль, 113—117).

Г. М.—*Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его ветви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ* (тамъ же 118—125).

Редакція „Русской Старины“ сопровождаетъ эти замѣтки примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: „Помѣщаемыя въ родословныхъ сборникахъ росписи членовъ русскихъ родовъ вообще и дома Романовыхъ въ особенности крайне неудовлетворительны въ научномъ отношеніи. На этомъ основаніи Костромская Архивная Коммиссія уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ историческихъ матеріаловъ для воссозданія прошедшаго предковъ царя Михаила Ѳеодоровича, какъ со стороны его матери—великой инокини Марѣы, такъ и со стороны отца—святѣйшаго патріарха Филарета. Собранные Коммиссіею матеріалы на столько обширны и важны, что побудили предсѣдателя Коммиссии, Н. Н. Селифонтова, ходатайствовать объ учрежденіи при Коммиссіи особаго *Романовскаго отдѣла* библіотеки и архива Коммиссии. Сюда войдутъ какъ документы, собранные и собираемые Коммиссіею, такъ и всякаго рода замѣтки, ученныя изслѣдованія и монографіи, касающіяся дома Романовыхъ. Къ числу такихъ замѣтокъ принадлежатъ и двѣ замѣтки, нынѣ издаваемыя“.

Замѣтки Г. М. изданы къ 300-лѣтію со дня рожденія царя Михаила Ѳеодоровича. Первая изъ нихъ устанавливаетъ родство Михаила Ѳеодоровича съ Рюриковымъ домоуъ.

Предокъ цари, Глянда Камбила Дивоновичъ, выѣхавшій въ Россію въ 80-хъ годахъ XIII в. (изъ Пруссіи, какъ думаютъ большею частью, или изъ Литвы, какъ вѣроятнѣе признавать), былъ знатенъ, ибо и сынъ его Андрей Ивановичъ Кобыла, и внукъ Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка стали боярами и занимали высшія должности, были близкими и довѣренными людьми у московскихъ великихъ князей, а дочь Ѳеодора, Анна, вышла замужъ за сына великаго князя Михаила Александровича Тверскаго, Ѳеодора Михайловича Микулинскаго—первое родство Романовыхъ съ Рюриковскимъ домоуъ. Такое родство происходило впоследствии неоднократно: внучка Ѳеодора Кошки, дочь сына его Ѳеодора Голтяя, Марья, была за княземъ Ярославемъ Владиміровичемъ Боровскимъ, правнукомъ Ивана Калиты, а дочь ея, Марья Ярославна, была супругою великаго князя Василя II Темнаго (на этой свадьбѣ произошелъ знаменитый споръ о поясъ); далѣе идетъ бракъ Анастасія Романовны и наконецъ бракъ брата ея Никиты Романовича съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой-Шуйскою (22 колѣно отъ Рюрика), дочерью князя Александра Борисовича, казненаго Іоанномъ 4 февраля 1565 года.

Авторъ замѣтки доказываетъ, что отъ этого, втораго брака Никиты Романовича, а не отъ перваго (съ Варварой Ивановной Ховриной) родился Ѳеодоръ Никитичъ, и что такимъ образомъ въ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ текла Рюриковская кровь. Именно, въ виду того, что Ѳеодоръ Никитичъ вступилъ въ бракъ послѣ 1586 года, что опала 1601 г. застала его въ цвѣтъ лѣтъ,

а скончался онъ въ 1634 г., въ полнотѣ силъ и дѣятельности, Г. М. заключаетъ, что онъ не могъ родиться до 1552 г. (когда скончалась первая супруга Никиты Романовича), а, слѣдовательно, родился отъ втораго брака, состоявшагося между 1555 г. (возвращеніе князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, будущаго тестя Никиты Романовича, съ воеводства въ Астрахани) и, вѣроятно, 1560 г. (кончина царицы Анастасіи) ¹⁾.

Во второй замѣткѣ Г. М. вмѣстѣ съ Соловьевымъ противъ Карамзина, Устрялова и гг. Петрова и Экземпларскаго ведетъ родъ Шуйскихъ отъ Андрея Александровича, сына св. Александра Невскаго, а не отъ брата Александра, Андрея Ярославича. Особенно вѣскимъ доказательствомъ авторъ считаетъ свидѣтельство царя Василя Ивановича Шуйскаго (въ грамотѣ объ избраніи его на царство), что онъ происходитъ отъ Александра Невскаго: при силѣ мѣстническихъ понятій, ни ошибка, ни обманъ тутъ немислимы (вопреки мнѣнію А. В. Экземпларскаго). Бракъ же Андрея Александровича въ 1294 году, то есть, всего за 11 лѣтъ до брака Михаила Андреевича, предка Шуйскихъ, слѣдуетъ признавать, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, вторымъ бракомъ. Далѣе, авторъ замѣтки приводитъ въ пользу своего положенія новое въ литературѣ предмета доказательство, ссылаясь на тотъ фактъ, что князя Суздальскіе, оперничая въ Ордѣ съ Московскими, постоянно ссылались на свое старшинство: а Андрей Ярославичъ былъ моложе брата, между тѣмъ, какъ изъ дѣтей послѣдняго Андрей былъ старше Данила Московскаго. Далѣе, авторъ исправляетъ ошибки въ статьѣ о Шуйскихъ словаря Брокгауза и „Исторіи родовъ русскаго дворянства“, П. Н. Петрова.

Sitzungsberichte d. Kurländischen Gesellschaft f. Literatur u. Kunst, u. Jahresbericht d. Kurl. provinzialmuseums aus d. J. 1895. Mitau. 1896.

Курляндское Общество Литературы и Искусства отдаетъ значительную долю своихъ занятій и археологін. Въ „Извѣстіяхъ“ Общества за 1895 г. отмѣтивъ докладъ г. Арбузова по исторіи замка Бауске (сооруженъ въ 1443 г.) и его окрестностей; сообщенія г. Боя о раскопкахъ его: а) съ (В. И. Сизовымъ—въ Оглей и Мезотенѣ (Курляндія); б) въ Штокмансгофѣ Лифляндія) и в) въ Цеемальденѣ (Курляндія); сообщеніе г. К. Лёвисъ-оф-Менара „Къ исторіи построенія комтурій Нѣмецкаго Ордена въ Курляндія“. Мы остановимся здѣсь на трехъ послѣднихъ докладахъ.

Комтуріи—замки рыцарскихъ меньшихъ общинъ (конвентовъ), съ ихъ настоятелемъ, комтуромъ (comendator, praeseptor), во главѣ каждой, были сборными мѣстами военныхъ силъ Ордена. Полумонашеская, полувоенная жизнь рыцарской братіи отражалась на зданіяхъ комтурій. Это обыкновенно квадратъ, съ галлереей во внутреннемъ дворѣ, соединяющей отдѣльныя помѣщенія. Въ зданіи: обращенная на востокъ церковь для ежедневной общей

1) Послѣдній терминъ, если можетъ быть отодвинуть, то лишь до начала 1565 г., въ которомъ, 4-го апрѣля, былъ казненъ князь Александръ Борисовичъ.

молитвы; рядомъ съ церковью зала совѣта; далѣе общая трапезная (refectorium), и наконецъ, общая спальня (dormitorium). Близъ трапезной помѣщалась и кухня. Снаружи—башни съ обороннымъ ходомъ, передъ замкомъ обыкновенно—форбургъ, передовыя постройки, и система укрѣпленій. Въ Курляндіи, вмѣстѣ съ областью Мемельской, отошедшей въ 1328 г. къ Пруссіи, было пять комтурій: Добленъ, Гольдингенъ; Мемель, Митава и Виндава; далѣе значительная территория отходила къ комтуріямъ, лежавшимъ внѣ Курляндіи: Ашерадену и Дюнабургу; наконецъ, курляндскія комтуріи Хейлигенбергъ, Опемала, Терветенъ, м. б., Мезотенъ (до 1346 г.) — были недолго комтуріями и не имѣли большаго значенія.

Г. Лёвистъ-офъ-Менаръ *) задавался вопросами: съ которыхъ поръ основанъ данный изъ пяти замковъ, созданъ ли онъ сразу для комтуріи и слѣдовательно, можно ли искать въ немъ постройки этого типа? Что осталось или оставалось на археологической памяти отъ стараго зданія комтурій? Устанавливая исторію комтурій, докладчикъ не разъ дополняетъ и поправляетъ списокъ орденскихъ комтуровъ, данный въ 6 томѣ Mittheilungen aus der Livländ. Geschichte.

Добленъ, укрѣпленіе въ Зимголь, считался во власти Ордена съ 1253 г., по дѣлежу произведенному тогда между архіепископомъ, соборнымъ капитуломъ и Орденомъ. Въ дѣйствительности Орденъ лишь спустя нѣсколько десятилѣтій взялъ и разрушилъ туземный Добленъ. Рыцарскій замокъ сооруженъ здѣсь въ 1335—1359 гг., по нѣтъ возможности опредѣлить, сразу ли предназначался онъ для конвента. Отъ рыцарскихъ временъ остались только развалины окружной стѣны, а въ XVII в. сохранялись кромѣ того: круглая башня на 4-ре-угольномъ основаніи, и, м. б., постройки внѣ замка: domus annonae militaris и domus gubernatoris по плану 1661 г. Предположенія объ остаткахъ конвентныхъ зданій въ позднѣйшемъ зданіи церкви — не имѣютъ серіозной опоры.

Гольдингенскій замокъ построенъ не позднѣе лѣта 1244 г., сразу въ качествѣ комтуріи и при томъ столь вѣской, что въ 1290 г. гольдингенскому комтуру, по указу магистра, подчинена была вся Курляндія. Отъ несомнѣнно обширныхъ орденскихъ построекъ нынѣ не уцѣлѣло почти ничего; но на рисункѣ Вейганда 1729 г. видно четырехугольное трехэтажное зданіе конвента, съ обороннымъ ходомъ по верхнему этажу и съ тремя сохранившимися еще тогда угловыми башнями; передъ замкомъ двухэтажное строеніе форбурга; къ форбургу принадлежитъ и замковая мельница, почти постоянное строеніе при замкахъ, для спуска и утилизаціи воды изъ рововъ. Нынѣ мѣсто заровнено и на немъ разбитъ садъ; уцѣлѣлъ одинъ погребъ и часть стѣны.

Укрѣпленіе Мемель (Нѣманъ) построено первоначально въ 1242—1245 г., а замокъ Мемель, и именно какъ комтурія, построенъ въ 1253 г. Въ 1328 г.

*) Издавшій въ прошломъ же году карту средневѣковой Ливляндіи, съ объясненіями (Livland im Mittelalter, Reval, 1895, 80).

двѣ трети Мемеля съ областью отошли къ Пруссіи, а въ 1392 году отошла и остальная треть. Самое зданіе комтуріи и здѣсь было квадратное съ угловыми башнями. Въ 1815 г. послѣднее крыло этого зданія снесено по ветхости но двѣ башни оставались до 1821 года; теперь на мѣстѣ замка куча мусора.

Замокъ митавскій построенъ въ 1265 г. (не въ 1336 г., какъ думали Польманъ и Биленштейнъ), и, по всей вѣроятности, какъ комтурія (извѣстны его комтуры съ 1272 г.). На мѣстѣ орденскихъ построекъ и герцогскихъ зданій XVI в. въ стилѣ Возрожденія, стоятъ нынѣ дворецъ Растрелли. Но докладчикъ представилъ „доселѣ, повидимому неизвѣстный“ планъ новаго замка, сдѣланный въ 1738 г., гдѣ показаны и старыя строенія, и герцогскія и орденскія. Эти части плана находятъ себѣ полное подтвержденіе въ рисункахъ съ 1659 г. по начало XVIII в. На планѣ зданіе конвента—четыреугольное, 30 × 35 метровъ, съ квадратнымъ (въ 7 — 8 метровъ сторона) угловыми башнями; галлерей на планѣ нѣтъ, но первоначально, вѣроятно, была деревянная.

Замокъ виндавскій построенъ въ 1290 г. въ качествѣ комтуріи. Лишь въ немъ, изъ курляндскихъ комтурій, уцѣлѣло зданіе конвента, сохранившееся въ двухъ нижнихъ и отчасти въ верхнемъ этажѣ нынѣшняго замка. Зданіе построено изъ большихъ кирпичей 10 × 16 × 30 сант., отчасти съ добавленіемъ известняка и плитняка. Главныя ворота имѣютъ ширину 3,65 метра, длину 10 метровъ. Старая деревянная галлерей (быть можетъ, на каменной аркадѣ) уничтожена на глазахъ прошлаго поколѣнія. Въ нижнемъ этажѣ сохранилась большая часть древнихъ сводчатыхъ помѣщеній и въ томъ числѣ кладовая съ нишами. Въ главномъ, второмъ этажѣ, особенно замѣчательна церковь, помѣщавшаяся въ восточномъ выступѣ. Романскія формы орнамента на высокихъ консоляхъ ея, указываютъ на древность ея постройки; современную постройку замка (1290 г.). Такой же выступъ съ востока для церкви имѣется въ Венденѣ. Въ 1890—93 г. этотъ выступъ въ Виндавѣ заняли массивной каменной лѣстницей. Рядомъ идетъ зала въ три крестовые свода, которая или составляла часть церкви (она служила затѣмъ евангелической церковью, нынѣ служитъ православной, съ алтаремъ къ югу), или назначалась и для залы совѣта. Въ сѣверномъ крылѣ находился большой залъ 13½ × 8 м., въ два нефа, подъ шестью звѣздчатыми сводами, на двухъ колоннахъ (подобный типъ подъ этимъ и въ нижнемъ этажѣ): изъ каждаго, вѣроятно, осмиграннаго столба, выходило здѣсь, повидимому, не 8, а 12 или 16 реберъ, эффектъ коихъ еще увеличивался раскраскою. Эта зала могла служить или для совѣта, или, скорѣе, была трапезной. Нынѣ изъ нея сдѣланы три жилыя комнаты. Ни въ западномъ крылѣ, гдѣ нынѣ полицейское управленіе, ни въ южномъ, не сохранилось древнихъ помѣщеній. Въ третьемъ этажѣ уцѣлѣла отъ старины небольшая часть обороннаго хода съ сѣвера. Кромѣ того, уцѣлѣла во всѣхъ трехъ этажахъ квадратная юго-восточная башня.

Г. Бой, на раскопкахъ въ Штокмансфьль, при участіи гг. Бухгольца и Якша, разрылъ трех-ярусное кладбище. Верхній ярусъ, почти на поверхности земли, былъ, по словамъ стариковъ, чумнымъ кладбищемъ; въ немъ найдены русскія монеты начала прошлаго вѣка. Затѣмъ, фута на три глубины, лежали могилы, къ которымъ принадлежали высившіеся нѣкогда здѣсь округленные камни, съ высѣченнымъ на нихъ орденскимъ крестомъ, какихъ много въ Лифляндіи (напр., у Кокенкузена); верхнія части камней, съ крестомъ, исчезли, но сохранились подъ землей нижнія части, укрѣпленныя въ четырехугольномъ отверстіи каменныхъ плитъ. Скелеты лежали съ ЮЗ. на СВ.; на груди — бронзовыя пряжки, подковообразныя фибулы, бронзовые кольца и рижскія монеты (сольди) 1663—1665 гг.; эти скелеты погребены были уже въ гробахъ изъ тонкихъ досокъ, съ желѣзными гвоздями. Еще ниже шель новый рядъ погребенія, но все еще безъ характерныхъ признаковъ могилъ языческаго періода. Старѣйшими на кладбищѣ, XIII—XIV в., представлялись двѣ дѣтскія могилы на склонѣ холма, раздѣленныя вертикально стоявшимъ камнемъ, съ грубо высѣченнымъ на немъ крестомъ. Кости почти совсѣмъ разсыпались; на обоихъ скелетахъ было по богатому ожерелью изъ множества раковинъ (*surgae moneta*), янтаря, бѣлыхъ и цвѣтныхъ бусъ, бронзовыхъ ромбоидальныхъ пластинокъ и колокольчиковъ, какъ украшеніе изъ Ронебурга, въ *Necrolivonica* Крузе, табл. 27, 1; найдены и части одежды съ вплетенными кусочками бронзы.

Раскопки г. Боя въ Цеемальденъ. Въ своемъ, очень заботливо составленномъ отчетѣ г. Бой сообщаетъ о предшествовавшихъ случайныхъ раскопкахъ въ томъ же мѣстѣ, даетъ дневникъ своихъ раскопокъ, общій обзоръ ихъ, подробныя измѣренія черепа, сдѣланныя г. Холландеромъ, въ Кенигсбергѣ, и приводитъ свои соображенія о народности и религіи погребенныхъ; при этомъ, руководясь для опредѣленія народности географическими распредѣленіями Билленштейна и Беценбергера, а для опредѣленія религіи отчасти житіемъ Ансгарія, склоненъ приписать могильникъ латышамъ, какъ язычникамъ, такъ и христіанамъ. На девяти фототипіяхъ въ 4-ку изображены въ сильно уменьшенномъ видѣ, съ масштабомъ, всѣ предметы, добытые раскопками, а цинкографіи въ текстѣ изображаютъ: планъ мѣстности и могильника, внутренность одной могилы, интересную сложную (изъ мѣдныхъ пластинокъ и спиралекъ) привязь ножа и т. д. Въ общемъ весь матеріалъ, собранный г. Боемъ, переданъ и читателю, которому предоставлена такимъ образомъ полная возможность дѣлать и свои наблюденія, чѣмъ мы и воспользуемся.

Цеемальденъ лежитъ въ Салльгальнскомъ приходѣ, Баусскаго уѣзда, на возвышенности у лѣваго берега Аа. Могильникъ плоскій: нѣтъ ни камней, ни насыпей, при чемъ послѣднія, можетъ быть, и были, но уничтожены вѣками распашки. Г. Бой раскопалъ 27 могилъ, и одна пришлась уже подъ стѣной смежнаго кладбища, гдѣ поневолѣ остановились раскопки. По разсказамъ, при рытіи новыхъ могилъ на кладбищѣ постоянно натываются на

старыя могилы, которыя, по рассказамъ же, не разъ встрѣчались и въ прилегающихъ къ кладбищу и могильнику поляхъ.

Скелеты находятся на незначительной глубинѣ: въ сѣверной части глубина около 30 сант., въ южной—отъ 50 до 90. Скелеть лежитъ обыкновенно на землѣ, на спинѣ, съ вытянутыми ногами; руки почти всегда, говоритъ г. Бой, были расположены такъ: правая на поясѣ, лѣвая на груди, въ направленіи къ правому плечу. И въ сѣверной, и въ южной половинѣ вскрытаго пространства, однѣ могилы обращены головой, вообще говоря, къ югу, другія, вообще говоря, къ сѣверу (именно: къ ЮЗ.—9 и къ ЮЮЗ.—1, къ Ю.—3, къ ЮВ.—2 (или одна?) ¹⁾; далѣе, къ СВ.—4, къ СЗ.—3 (или 4?), къ С.—2; затѣмъ двѣ — къ западу и одна къ востоку. По находкамъ могилы первой группы (головой къ югу) отличаются отъ второй (голова къ сѣверу): въ первыхъ нѣтъ оружія, а есть мирныя мотыки и есть грудныя цѣпи, и въ большей подгруппѣ—плечевыя булавки съ крестообразной (въ четыре круга) головкой; среди металлическихъ украшеній этой группы (гривны, спиральные цилиндрики, спирали-браслеты, цѣпи, кольца, черепки, фибулы), нѣтъ серебра, кромѣ серебряной накладки съ круговымъ украшеніемъ на крестовидныхъ булавкахъ, названныхъ уже нами, и одной кувшинской монеты; какъ неупомянутые доселѣ предметы, назовемъ рѣдкія желѣзныя: кольца и (въ первой подгруппѣ) булавки съ плоскимъ, стоячимъ кружкомъ вверху; бусы (бронзовыя спирали, синее стекло, янтарь); ножки простые и серповидныя. Въ самой южной части могильника являются могилы (5, которыя мы назовемъ второй подгруппой первой группы), нѣсколько отличныя отъ первыхъ: въ нихъ есть мотыки и цѣпи, нѣтъ оружія и серебра, но въ нихъ нѣтъ булавокъ, зато является изобиліе подвѣсокъ: коньки, птицы, вырѣзные кружечки, ключи, бубенчики и колокольчикъ и, наконецъ, крестики христіанскіе, узорчатыхъ формъ, освоившихся на Западѣ того времени (въ двухъ могилахъ по три, въ одной дѣтской—одинъ); является тонкая витая проволока для подвѣски, и только въ нихъ, изъ обращенныхъ головой къ югу, есть подковообразныя фибулы; наконецъ, строеніе наперстной цѣпи здѣсь иное, чѣмъ въ первой подгруппѣ: тамъ звенья—тройныя, здѣсь—двойныя. Еще рѣзче отличіе могилъ второй группы (головой къ сѣверу) отъ всей первой группы. Лишь въ этихъ, обращенныхъ головой къ сѣверу, могилахъ и въ нихъ почти постоянно ²⁾, встрѣчается оружіе: желѣзные односторонніе мечи, желѣзные копья, гарпунъ, боевыя топоры (т. е. рукоять по направленію лезвія): въ этихъ же могилахъ головки подковообразныхъ фибулъ не круглы, какъ во второй подгруппѣ первой группы, а гранены; въ нихъ найдена прекрасная фибула самопаломъ и плотное по виду (мягкое и растя-

¹⁾ Могила № 1 въ текстѣ указана обращенной съ ЮВ. на СЗ., слѣдовательно, головою на ЮВ. Но на планѣ головой скелеть лежитъ къ СЗ., и это послѣднее направленіе соответствовало бы найденнымъ вещамъ (ножевидный мечъ и копье).

²⁾ Въ одной могилѣ, съ головой, обращенной къ СВ., не найдено ни оружія, ни вообще какихъ либо вещей; о другой, головой на С., см. ниже.

жимое на дѣлѣ) толстое кольцо изъ тѣхъ, что такъ смущали прежде изслѣдователей вопросомъ, какъ надѣть ихъ на руку (почему и рѣшали—было что цѣль ихъ—натягивать тетиву); въ нихъ найдены и красивые поясные наборы и пряжки съ украшеніемъ насѣчкой, есть насѣчка зигзагами и на спиральномъ браслетѣ; есть пряжка кольцомъ о трехъ радіусахъ. Наконецъ, въ этихъ могилахъ нѣтъ ни мотыжъ, ни бронзовыхъ гривенъ, ни булавокъ, ни цѣпочекъ; встрѣчается ожерелье (можетъ быть и головной уборъ, изъ спиральныхъ цилиндриковъ, нити которыхъ бывають и при цѣпяхъ первой группы; есть и обычные ножики. Къ этой же второй группѣ, несомнѣнно, надо отнести могилу, случайно разрытую за нѣсколько дней до поѣздки г. Боя: тамъ найденъ односторонній мечъ съ рукояткой, фибула подковой съ гранеными головками, мягкій массивный браслетъ и серебряная гривна, у которой концы загнуты простыми крючками. Въ одной изъ могилъ этого рода, кромѣ обычныхъ вещей найденъ точильный брусокъ и кусокъ кремня. Въ другой могилѣ, головой также къ СЗ. любопытны остатки досокъ, которыя съ боковъ, поставленныя ребромъ, ограждали трупъ; въ другихъ могилахъ не было слѣда досокъ. Далѣе отличаются особенностями и обѣ могилы, обращенныя головой прямо на С. Въ одной изъ нихъ скелетъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ подогнутыми, какъ въ сидячемъ положеніи, ногами; при немъ найдены: два желѣзные перстня и бусы изъ рыбьихъ позвонковъ, подобныя которымъ есть въ Рижскомъ музеѣ, но изъ южной Франціи (раскопка пещеры въ Ментонѣ). Другая могила съ головой на С., можетъ быть, также имѣетъ отношеніе къ рыбной ловлѣ: ибо въ ней, кромѣ боеваго топора и ножики, найдено то орудіе, которое г. Бой склоненъ признать гарпуномъ (копьеобразный, но односторонній желѣзный наконечникъ, съ загнутымъ противоположнымъ концомъ для прикрѣпленія къ древку). Въ могилѣ, обращенной головой къ В., не найдено вещей. Обѣ могилы, направленныя головой къ З., отличаются отъ другихъ. Въ одной найдены: двѣ бронзовыя гривны, у которыхъ однако концы изогнуты не сѣдлообразной петлей, ни сведены на утонченіе (два способа въ могилахъ первой группы), а плоско обрублены, и пара плечевыхъ булавокъ, но расположенныхъ не по обоимъ плечамъ, какъ въ первой группѣ, а обѣ на правомъ плечѣ, накрестъ, и отличающаея формой головки: это ромбъ, съ маленькими кружочками по краямъ (такъ что здѣсь крестообразной формы, собственно говоря нѣтъ), а въ серединѣ раздѣленный на четыре ромбидальныхъ же гнѣзда для эмали. Другая изъ могилъ съ головой къ З. отличается среди всѣхъ 27 тѣмъ, что скелетъ въ ней лежалъ на каменномъ помостѣ, а не просто на материкѣ; при скелетѣ здѣсь найдены двѣ синія стеклянныя бусы и остатки бронзоваго перстня, но вещи эти тотчасъ рассыпались. Могилу, обращенную головой на ЮВ. мы отнесли къ первой группѣ; но въ ней есть нѣкоторыя отличія: тутъ, на остаткахъ кожанной шапки, найдена круглая бляха, у которой на приподнятомъ среднемъ щиткѣ сквознымъ переплетомъ вырѣзанъ крестъ; три бронзовыя гривны, витыя, съ сѣдлообразными концами, скрѣпленныя вмѣстѣ проволокой; на

плечахъ двѣ крестовыя обычныя булавки, а держась на нихъ цѣпь колѣнчатая, парами бронзовыхъ спиральныхъ цилиндриковъ (сант. въ 5), соединенныхъ желѣзными суставами; въ ржавчинѣ одной изъ этихъ желѣзныхъ связокъ нашлись двѣ свіяя стеклянныя бусы; остатки желѣзнаго ножица и его ноженъ съ мѣдной накладкой; перстень бронзовый спиральный, два желѣзныхъ перстня, треугольная привѣска (парой) бронзовая, остатки спиралей бронзовыхъ, маленькая янтарная буса; наконецъ, на гривнахъ лежалъ серебряный диргеми съ куфической надписью, битый по опредѣленію бар. Тизенгаузена, въ 291 г. гижры (903/4 г. по Р. Х.) въ Шушѣ (Ташкентѣ).

Мы не рѣшаемся опредѣлять племени погребенныхъ, но думаемъ, что тутъ надо различать по крайней мѣрѣ два племени, при чемъ одно племя (могила головой на СВ., СЗ. и С.), можетъ быть, было представлено лишь пришлой военной дружиной.

Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Священника Е. Стѣцинскаго. Кіевъ. 1895 г.

Трудъ священника Е. Стѣцинскаго изданъ на средства каменецкаго городского управленія въ память исполнившагося въ 1893 году столѣтія воссоединенія Подолія съ Россіей. Цѣлью автора было дать русскимъ читателямъ историческія свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ: въ то время, какъ на польскомъ языкѣ существуетъ довольно обширная литература, посвященная специально исторіи этого города, на русскомъ языкѣ есть только одна книга г. Сементовскаго „Каменецъ-Подольскій“, сдѣлавшаяся теперь библиографической рѣдкостью, и кромѣ того уже устарѣвшая (вышла въ 1862 г.). Для составленія своего описанія о Стѣцинскій воспользовался не только всей литературой русской и польской, но и различными сборниками актовъ (Акты Юж. и Зап. Рос., Арх. Ю. З. Р. и другіе) и даже нѣкоторыми ненапечатанными еще документами. Пользуясь главнымъ образомъ польскими пособиями, авторъ старался освѣтить факты съ русской точки зрѣнія. Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой, меньшей по объему, изложенъ краткій историческій очеркъ внѣшнихъ событій, во второй же заключается историческое обозрѣніе внутренней жизни города и описаніе современнаго Каменца. Здѣсь авторъ прежде всего излагаетъ исторію крѣпости, а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію церковно-религіозной жизни трехъ общинъ: русской, польской и армянской, и къ исторіи ихъ самоуправленія, торговли и промышленности. Больше всего вниманія онъ удѣляетъ исторіи русской общины и описанію памятниковъ православія. Сказавъ нѣсколько словъ о просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, авторъ въ заключеніе сообщаетъ свѣдѣнія о населенности города въ различныя времена и о современномъ его состояніи. Книга украшена фототипическимъ портретомъ императрицы Екатерины II, въ царствованіе которой Подолія воссоединилась съ Россіей, и видами города, изъ коихъ гравюры заимствованы изъ изданія П. И. Батюшкова „Подолія“

Н. Чулковъ.

Отчетъ Рязанской Архивной Комиссіи за 1894 г.

Дѣятельность Комиссіи по осуществленію главнѣйшаго ея назначенія—разбора архивовъ и выдѣленія изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію въ Историческомъ архивѣ, была направлена главнымъ образомъ на разборъ архива губернскаго правленія, но дѣло это подвигалось крайне медленно (разобрано 3421 дѣло) вслѣдствіе того, что только немногіе члены Комиссіи являлись на засѣданія, назначенныя для разбора архивныхъ дѣлъ. Систематизація и описаніе дѣлъ, выбранныхъ для храненія въ Историческомъ архивѣ, тоже находились въ печальномъ положеніи за неимѣніемъ средствъ нанять писца для переписи описей. Въ архивъ поступаютъ дѣла не только изъ мѣстныхъ учреждений: изъ сенатскаго архива поступило 25 дѣлъ, имѣющихъ отношеніе до исторіи Рязанскаго края. Сдѣлано нѣсколько пожертвованій частными лицами и нѣсколько прибрѣтеній на средства Комиссіи.—Гораздо успѣшнѣе шла археологическая дѣятельность Комиссіи благодаря ассигнованію денежныхъ средствъ на раскопки Императорской Археологической Комиссіей. На эти средства А. И. Черепнинъ произвелъ раскопки Кузьминскаго могильника (въ 35 в. отъ Рязани на Окѣ); найдено было 70 обыкновенныхъ погребеній и 5 погребеній съ остатками трупосожженія и добыто большое количество бронзовыхъ украшеній, оружія и др. предметовъ, представляющихъ матеріалъ для ознакомленія съ доисторическимъ прошлымъ Рязанскаго края. Раскопки, произведенныя тѣмъ же лицомъ близъ с. Вакина и Окомова, не дали никакихъ результатовъ: два кургана оказались уже разрытыми мѣстными кладонискателями. Совмѣстно съ А. Д. Повалишинымъ А. И. Черепнинъ произвелъ раскопки близъ с. Шагриць, при чемъ рядомъ со старорязанскимъ городищемъ былъ обнаруженъ большой языческой могильникъ, а при раскопкахъ съ проф. А. Я. Кожевниковымъ найдены были 2 погребенія: мужское съ оружіемъ и женское съ бронзовыми украшениями. Затѣмъ А. И. Черепнинъ осмотрѣлъ цѣпь кургановъ близъ г. Спасска, оказавшихся однако естественнаго происхожденія, а не могильными. Въ Зарайскомъ уѣздѣ онъ произвелъ раскопки въ урочищѣ Большой лѣсъ и нашелъ остатки стоянки каменнаго вѣка: найдены были каменные орудія изъ кремня, обломки глиняной посуды и одно погребеніе, въ которомъ костякъ истлѣлъ, черепъ же и кости расплющены тяжестью земли. Древности отправлены въ Императорскую Археологическую Комиссію. Описаніе ихъ будетъ помѣщено въ трудахъ Рязанской арх. Комиссіи. Музей Комиссіи обогатился многими предметами, какъ пожертвованными, такъ и купленными, въ особенности же расширился нумизматическій отдѣлъ; большинство вновь полученныхъ монетъ относится ко времени Іоанна IV. Пожертвованы въ музей между прочимъ зубъ и волосъ архіепископа рязанскаго Гавріила. Музей привлекъ въ отчетномъ году до 1,000 посѣтителей. Помѣщеніе его крайне неудобно, часть коллекцій установлена въ темной комнатѣ. Дѣятельность Комиссіи по наблюденію за сохраненіемъ памятниковъ древности проявилась только въ томъ, что было обращено вниманіе на запущенное состояніе могилы св. Василія

Рязанскаго. Библіотека обогатилась 384 изданіями и книгами, пожертвованными разными лицами, полученными въ обмѣнъ на изданія Коммисіи и приобрѣтенными на собствєнные средства. Изданіе трудовъ Коммисіи затруднялось обремененіемъ губернской типографіи срочной работой. Въ отчетномъ году выпущено было всего 2 выпуска трудовъ: 2-ой за 1893 г. и 1-й за 1894 г., „Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей Рязанскаго края“ и нумизматическій каталогъ. Въ очередныхъ собраніяхъ Коммисіи сдѣлано было нѣсколько сообщеній (о раскопкахъ Борковскаго могильника, первоначальныхъ обитателей Рязанскаго края, расселеніе славянъ по Восточной Европѣ и въ частности Вятчей примѣнительно къ теоріи Д. Я. Самоквасова, о славянскихъ поселеніяхъ въ Западной Европѣ и др.), Кромѣ того, Коммисія выработала программу празднованія 800-лѣтія Рязани. Средства архивной Коммисіи были крайне скудны, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неисправнаго поступленія членскихъ взносов. Годъ пришлось закончить съ дефицитомъ около 250 р., покрытымъ пожертвованіемъ г. Буймистрова и пособіемъ отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ.

Н. Ч.

Труды Рязанской ученой архивной Коммисіи за 1895 г.

Въ 1895 г. вышло по обыкновенію 2 выпуска трудовъ Коммисіи, заключающихъ въ себѣ какъ историческіе матеріалы, такъ и отдѣльныя изслѣдованія по исторіи края. Послѣднія принадлежатъ перу А. Д. Повалишина. Имъ составлены 2 изслѣдованія: о рязанскихъ помѣщикахъ и ихъ крѣпостныхъ въ XIX в., по дѣламъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, и о состояніи Рязанской губерніи за время съ 1848 по 1873 г. по Всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ. Затѣмъ находимъ нѣсколько статей по этнографіи и археологіи. И. И. Проходцевъ написалъ о предбрачныхъ обычаяхъ и убыткахъ (т. е. убыткахъ, понесенныхъ во время сватовствъ, которые взыскиваютъ въ случаѣ отказа отъ брака), по книгамъ рѣшеній волостныхъ судовъ Рязанской губерніи, А. И. Черепнинъ продолжалъ описывать Борковскій могильникъ, а С. Д. Яхонтовъ описалъ братины и кружки Рязанскаго архіерейскаго дома. Историческіе матеріалы, напечатанные въ 2 выпускахъ, касаются преимущественно исторіи Переяславля-Рязанскаго. Такова опись укрѣпленій этого города 1651 г., подлинникъ которой хранится въ бібліотекѣ Петербургскаго Артиллерійскаго музея, и описныя книги 1690 г. изъ Архива Министерства Юстиціи. Изъ мѣстныхъ матеріаловъ напечатана вкладная книга Николо-Радовицкаго монастыря. Къ первому выпуску приложена карта славянскихъ памятниковъ и урочищъ въ Европѣ, составленная ген.-лейт. А. Ф. Риттихомъ по Шафарыку, Гильфердингу и др. Тутъ же находимъ и объясненія къ ней. Составитель полагаетъ, что славяне нѣкогда населяли всю Европу. Южная Англія и испанская Галиція—славянскіе земли. Для примѣра приведемъ нѣсколько словопроизводствъ г. Риттиха: Лионъ — это Ленъ (потому что здѣсь выдѣлывались льняныя произведенія), Русильонъ—Русь изъ Ліона, Хорассанъ—Хорсъ (богъ) рассанъ. Вся статья наполнена подобными филологическими измышленіями автора.

Въ 1896 г. Рязанская Коммиссія выпустила въ свѣтъ брошюру „Празднованіе 800-лѣтія Рязани“. Кромѣ описанія торжества книга заключаетъ въ себѣ и рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Коммиссія и на актѣ въ гимназін. Онѣ посвящены исторіи Рязанскаго края, его святынямъ и замѣчательнымъ дѣятелямъ (вел. кн. Олегъ Ивановичъ, митрополитъ Стефанъ Яворскій). А. И. Черепнинымъ написанъ по случаю юбилея обширный очеркъ о доисторическомъ прошломъ Рязанскаго края. Къ брошюру приложено нѣсколько видовъ города.

Н. Ч.

Дѣйствія Нижегородской губернской архивной Коммиссіи. Т. II, вып. 15.

15-мъ выпускомъ начинается новый томъ. Первый томъ былъ напечатанъ подъ редакціей покойнаго А. С. Гацисскаго. Съ 15 же выпуска начала свою дѣятельность новая редакціонная коммиссія, состоящая изъ председателя архивной Коммиссіи А. А. Савельева и 3 членовъ, въ числѣ которыхъ находится В. Г. Короленко. Планъ изданія измѣненъ новой редакціей: журналы засѣданій выдѣлены въ особое изданіе, „Дѣйствія“ же будутъ заключать въ себѣ статьи и сообщенія членовъ Архивной Коммиссіи, разные историческіе документы, описи архивныхъ дѣлъ и алфавитные указатели, напечатанныхъ уже статей и матеріаловъ. Первый отдѣлъ (т. е. отдѣлъ статей и сообщеній) начинается матеріалами о постройкѣ церкви въ дворцовой Починковской волости за XVII и XVIII столѣтія, извлеченными В. И. Холмогоровымъ изъ документовъ Архива Министерства Юстиціи. В. Г. Короленко напечаталъ обширную переписку знаменитаго механика-самоучки И. П. Кулибина съ дѣтьми, А. И. Звѣздинъ изложилъ исторію основанія нижегородскаго археологическаго музея, а В. И. Снѣжневскій сдѣлалъ извлеченіе изъ дневника раскопокъ Гагинскаго могильника. Могильникъ при с. Гагинѣ, Сергачскаго уѣзда, обнаруженъ весной 1894 г. при рытвѣ ямъ для фундамента: рабочими вырыты были человѣческія кости и металлическія вещи. Раскопки могильника, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, произведены г. Снѣжневскимъ въ началѣ сентября. Раскопки обнаружили 61 погребеніе съ костяками въ разнообразномъ положеніи, но преимущественно головами на сѣверъ и сѣверо-западъ. Найдено 3 случая двойныхъ погребеній. Костяки чаще всего лежали на землѣ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ на подстилкѣ изъ конскаго волоса. Найдено было болѣе 400 предметовъ, значительную часть которыхъ составляли серебряныя и бронзовыя украшенія: бусы, перстни, браслеты, пряжки. Съ мужскими костяками найдены кремни съ огнивомъ, топоры, ножи. Между прочимъ, найдены деревянный гребешокъ съ золотой, повидимому татарской, надписью и 9 серебряныхъ татарскихъ монетъ XIV в. Судя по найденнымъ вещамъ можно предположить, что могильникъ мордовскій. Въ числѣ историческихъ документовъ напечатаны Чинovníкъ Нижегородскаго Спасскаго собора и благословенныя грамоты патріарха Іоанна и митрополита Стефана на построеніе церковей. Остальные документы относятся къ XIX вѣку.

Отдѣлъ описей заключаетъ въ себѣ подробную опись дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Коммиссіи.

Н. Ч.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 24 (годъ десятый). Подъ ред. правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь, 1896; 163 стр. и таблица.

Эта книжка извѣстій кромѣ архивнаго матеріала (Г. К. Киръенко, — „Ордера кн. П. А. Зубова правителю Тавр. обл. за 1795 г.“, продолж.; В. В. Оглобинъ — „Матеріалы для исторіи Крыма въ XVII в. въ расходныхъ книгахъ Сибирскаго приказа; Ѡ. Ѡ. Лашковъ. — „Историч. очеркъ Крымскотатарскаго землевладѣнія“, продолженіе и „Сборн. докум. по ист. Кр.-тат. землевладѣнія“, продолженіе) содержитъ въ себѣ: статью А. О. Кашпара — „Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ Симферополя, произведенныя Н. И. Веселовскимъ въ 1895 г.“ *Отчетъ* Коммиссіи за 1895 г. и *протоколы* ея отъ 21 сентября 1895 г. и 17 января 1896 г.

Отчетъ указываетъ, что 1895 г. былъ въ Коммиссіи менѣе плодотворенъ, чѣмъ предъидущіе. Вслѣдствіе отъѣзда А. Х. Стевена въ началѣ отчетнаго года въ Петербургъ, должность предсѣдателя цѣлый годъ оставалась вакантною, товарищъ предсѣдателя И. И. Казасъ также выбылъ изъ Симферополя; избранный на его мѣсто Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей по дѣламъ службы большею частью былъ въ отъѣздѣ, а теперь получаетъ назначеніе на Кавказъ. Это отсутствіе главаря сказалось на ослабленіи дѣятельности Коммиссіи. Тѣмъ не менѣе Коммиссіею разобраны подлежащія уничтоженію дѣла архива Губернскаго Правленія, разсмотрѣны нѣсколько описей архивовъ Бессарабской и Ставропольской Казенныхъ палатъ и продолжали разсматриваться дѣла Канцеляріи губернатора и Губ. Правленія, касающіяся Бахчисарайскаго дворца и другихъ вопросовъ по исторіи края. Но вообще правительственные архивы края — новы, частныхъ архивовъ нѣтъ вовсе, и въ этомъ отношеніи широтой поля Коммиссія уступаетъ другимъ Архивнымъ Коммиссіямъ. Какъ и прежде Коммиссія изучала и охраняла памятники старины и заботилась о пополненіи своего музея древностей. А. О. Кашпаръ и Ѡ. Ѡ. Лашковъ участвовали въ раскопкахъ Н. И. Веселовскаго. Арс. Ив. Маркевичъ, по порученію Археолог. Ком., сотрудничалъ Ю. А. Кулаковскому въ его поѣздкахъ и трудахъ по составленію археологической карты Крыма. — Изъ пріобрѣтеній музея главные: переснимки съ плановъ Бахчисарайскаго дворца, сдѣланныхъ въ 1798 г., и 100 татарскихъ монетъ изъ г. Старога Крыма. Всего въ музеѣ къ 1896 г. было около 3000 мон. и ок. 2500 разныхъ предметовъ. Въ библіотекѣ получено за годъ 838 названій. Изданы въ свѣтъ выпуски 22 и 23 *Извѣстій*. Денежныя средства свои Коммиссія считаетъ упрочившимися, годовою расходъ ея былъ около 400 р. (ок. 100 на покупки древностей, около 250 на два выпуска „Извѣстій“, листовъ по 8).

— А. О. Кашпаръ заключаетъ такъ докладъ свой о раскопкахъ, про-

изведенныхъ, при его участіи, Н. И. Веселовскимъ въ окрестностяхъ Симферополя въ прошломъ году:

„Въ общемъ большая часть изъ 19 раскопанныхъ проф. Веселовскимъ кургановъ въ 1895 г. оказались разграбленными, а многіе изъ нихъ обильными только красными костями, между тѣмъ какъ раскопанные курганы на той же возвышенности, на земляхъ гг. Талаевыхъ и Пастака, въ 1891 и 1892 гг. дали прекрасныя находки, были богаты даже золотыми предметами весьма изящной работы (Всего въ этой мѣстности, на пространствѣ 16 верстъ въ длину и 6 въ ширину, раскопано по настоящее время 30 кургановъ, и остается нераскопаннымъ не болѣе пяти, и то небольшихъ. Кромѣ того, на противоположной возвышенности, на правомъ берегу Салгира, раскопано 9 кургановъ).

Во всякомъ случаѣ и раскопки истекшаго года нельзя считать безплодными въ научномъ отношеніи. Во первыхъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ оказалось по три и даже четыре различныхъ типа погребенія: нижнія могилы—простыя ямы въ материкъ, съ красными костями; затѣмъ, могилы надъ материкомъ, выложенныя деревянными балками и засыпанныя камнемъ; далѣе могилы въ насыпи, уставленныя со всѣхъ сторонъ большими и неотесанными плитами, и, наконецъ, могилы съ толстыми каменными стѣнами, правильной четырехугольной формы. При этомъ часто встрѣчались впускныя могилы—или изъ тесанныхъ плитъ, обыкновенно пяти, или просто обложенныя разной величины камнями. Во вторыхъ, въ могилахъ съ красными костями найдены были мѣдное копье, серебряныя серьги и пр., что представляетъ значительный интересъ. Наконецъ, въ третьихъ, въ нѣсколькихъ курганахъ въ раскопанныхъ могилахъ обнаружено погребеніе съ лошадей. Въ этихъ могилахъ находилось множество желѣзныхъ предметовъ—все части разнаго рода оружія: панцыри, длинныя сабли, наконечники копій; а возлѣ костяковъ лошадей въ нихъ были удила и стремяна“.

Добавимъ, что въ могилахъ съ каменными стѣнами, стѣна одной представляла собой квадратъ въ $4\frac{1}{4}$ аршина, стѣна другой—квадратъ въ $3\frac{3}{4}$ аршина. Внутри лежало множество костяковъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ. Череповъ въ первой найдено 198, въ другой больше ста. Вещи среди костей: въ первой могилѣ—бусы глиняныя, стеклянныя, изъ массы съ мозаикой, мѣдныя и др.; глиняныя: солонка, бальзамарій, блюдо изъ черной поливы; кувшины и части ихъ, наполненныя круглыми камешками; черепки амфоръ, чашъ горшковъ изъ красной и черной глины, мѣдныя: ухвертка, наконечники стрѣлокъ, проводочные браслеты; мѣдныя кольца, зеркальце; привѣски; серьги (одна съ стеклянной привѣской); золотыя и серебряныя колечки, малый серебряный браслетъ. Такія же вещи найдены и во второй могилѣ.

Въ одной могилѣ, устроенной изъ пяти каменныхъ плитъ, плиты эти внутри были разукрашены штрихами краснаго, голубого и чернаго цвѣта; въ могилѣ этой, при двухъ скелетахъ съ поджатыми ногами, головой на юго-

востокъ, нашлись: горшокъ изъ необожженной глины, каменный прекрасный полировки молотокъ, круглое каменное точило и кусокъ кремня, — повидимому, лишь пережившіе случайно остатки каменнаго вѣка.

Одна изъ могилъ съ красными костями была и сама вся выкрашена красной краской, и довольно большіе куски этой краски были найдены въ могилѣ; въ этой могилѣ найдено мѣдное шило, а подъ спиной много пепла. Другая изъ могилъ съ красными костями (четыреугольная, аккуратная) была по стѣнамъ обмазана глиной.

Обыкновенная форма амы при красныхъ костяхъ—овальная; могилы— въ материкѣ, положеніе согнутое (ноги поджаты) головъ на В или СВ, вещей въ семи случаяхъ не найдено, въ одномъ найдены двѣ серебряныя серьги, въ другомъ—мѣдное шило, въ третьемъ—мѣдное копье (см. выше), въ 4 мъ— у ногъ болѣе 100 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ (этотъ скелетъ лежалъ въ центральной могилѣ (въ материкѣ), головой на З); въ пятой — черепки скиеской посуды изъ черной глины, куски угля, у рукъ два кремневые скребка, мѣдное копье, въ три вершка длины и $1\frac{1}{2}$ ширины, сверху могила была прикрыта деревомъ; кости черепа были вдвое толще обыкновенныхъ; разъ у праваго плеча лежалъ камень; пепелъ подъ костями, въ большомъ количествѣ, отмѣченъ два раза; одинъ скелетъ выдавался величиной: онъ былъ 2 арш. 10 в. длины. Лежалъ онъ въ одномъ изъ кургановъ съ нѣсколькими погребеніями; въ этомъ же курганѣ, во впускной могилѣ, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., покрытой деревомъ, при скелетѣ, головой на З, съ вытянутыми руками и ногами (но колѣни расходились) найдены: въ головахъ отличный нефритовый молотокъ, а въ ногахъ брусокъ, трехугольный, безъ дырочки; подъ этой могилой, на $1\frac{1}{2}$ сажени глубже — могила, обложенная четырехугольными бревнами, покрытая бревнами же и засыпанная мелкими камнями; въ ней было два скелета, опять съ красными костями, очень истлѣвшими, головой на СВ; у головъ было мѣдное плоское копье въ $1\frac{1}{2}$ вершка длиною.

Въ протоколѣ засѣд. 17 января сообщено содержаніе доклада А. В. Новикова о принадлежащей его собранію скиеской глиняной игрушечной телѣжки (сходной съ имѣющейся въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ). Телѣжка эта найдена въ Керчи, на Глинищѣ, въ дѣтской гробницѣ. Верхняя часть ея—башенка или печь, была отбита, въ Керчи на Глинищѣ, въ дѣтской гробницѣ, а площадка надъ ея переднимъ отверстиемъ была втиснута внутрь ея. Подобной площадки или крышечки, выходящей наружу съ противоположной стороны, недостаетъ. Колеса телѣжки, равной величины, были найдено отдѣльно отъ телѣжки и прилажены уже потомъ. Отверстіе для дышла есть и спереди, и сзади повозки. Размѣры повозки слѣдующіе: длина 14 сантиметровъ, ширина 6 сантиметровъ, высота съ вышкой 15 сантиметровъ. На игрушкѣ послѣ ея находки были слѣды ракушекъ или корешковъ, которые лучше всего доказываютъ ея древность.

Письма русских государей и друзей особь царскаго семейства. V — письма царя Алексѣя Михайловича. Изданіе Коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Москва, 1896 г.

Только что вышедшій, пятый выпускъ Писемъ Русскихъ Государей содержитъ въ себѣ 69 писемъ царя Алексѣя Михайловича, къ сестрамъ. Изъ этихъ писемъ 65 писаны въ походахъ Польскомъ и Ливонскомъ 1654—1656 гг.; а остальные 4 въ 1660 и 1670—1675 г. изъ богомольныхъ походовъ въ Троице-Сергіевъ и Саввинъ-Звенигородскій монастыри и изъ села Семеновскаго, гдѣ царь смотрѣлъ войско въ 1674 г. Въ письмахъ 1654—56 гг., царь даетъ вѣсти о прибытіи на новое мѣсто, о предполагаемомъ далѣе движеніи, о ходѣ войны, о побѣдахъ русскихъ и о сдачахъ неприятельскихъ городовъ, и эти письма, вмѣстѣ съ прежде изданными матеріалами, цѣнны какъ матеріаль для исторіи походовъ 1654—56 гг. и завоеванія Бѣлоруссін. Письма интересны и теплотою семейныхъ отношеній и проявленіями благочестія царя. Два письма писаны собственноручно; въ остальныхъ приписки рукою Алексѣя Михайловича. Подлинники хранятся въ С.-Петербургѣ въ Государственномъ Архивѣ (Мин. Ин. Дѣлъ). Почти всѣ письма издаются впервые. Къ изданію присоединено предисловіе, архивныя примѣчанія и двѣ фототипіи съ частей писемъ и съ трехъ печатей (двуглавый орелъ, Георгій Побѣдоносецъ, бѣгущій влѣво левъ надъ пятью розетками).

Въ виду собраннаго нынѣ Рижскаго Съѣзда укажемъ письма 60—62, писанныя царемъ изъ Прибалтійскаго края. Въ первомъ изъ нихъ описывается взятіе Динабурга: царь указалъ приступать къ городу 31 іюля (1656 г.) съ среды на четвергъ, въ ночи за два часа до свѣта. „И милостью Божіею, и Пресвятыя Богородицы заступленіемъ, и великихъ страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба помощью, и отца нашего, гос. святѣйшаго Шикона, архіепископа царствующаго великаго града Москвы и всея В. и М. и Б. Россіи патріарха молитвами, о нашемъ государскомъ и сына нашего благовѣрнаго царевича и вел. кн. Алексѣя Алексѣевича счастьемъ, большой городъ взяли за полчаса до свѣта, а меньшей городокъ зажгли гранатами; и какъ загорѣлися въ верхнемъ городкѣ дворы, и изъ нижняго городка пошли на верхній городокъ, и верхній взяли и высѣкли того жъ часа“. Доселѣ писано рукою писца. Далѣе царь прибавляетъ собственноручно: „А съ сеунчемъ послами къ вамъ Петра Матюшкина. Многочтствуйте, государыни мои и съ нами всѣми, и въ со мною, и съ новоосвященною церковью страстотерпцевъ Бориса и Глѣба въ нововзятомъ городѣ Дивноборкѣ, нареченномъ Борисоглѣбовымъ городомъ, и съ нимъ, новымъ городомъ! Здравствуйте на мноія лѣта!

А на приступъ всѣхъ нашихъ было 3,400 ч., а убито и ранено немного“. Въ концѣ опять рукою писца: „Писано въ нашемъ городѣ преже именованомъ Диноборке, а нынѣ въ нареченномъ Борисоглѣбовѣ городѣ, августа въ 3 день“. Изъ письма № 61, писаннаго цѣликомъ рукою царя приведемъ строки“. Царь пишетъ изъ Куkenойса, отъ 17—18 августа 1656 г. Со-

общивъ, что „вашими, святою моихъ, молитвами и слезами, Господь Богъ сподобилъ грѣшника обновитися святымъ покаяніемъ и приобщитися Пречистому Тѣлу и Крови Своей Пречестнѣй, и люди всѣ ратные и съ служащими имъ обновилися, а иные и причащалися мноіе“, царь продолжаетъ: „Да по явленію мнѣ страстотерпецъ Бориса и Гльба, повелѣвающую мнѣ праздновати новому страдальцу царевичу Дмитрію и церковь во имя его, и я потому и праздновалъ по тотъ день, какъ приступали, и церковь во имя его поставя. И освятился августа въ 17 день, въ недѣлю, Питиримомъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ съ братією. И отсель нарекли сему граду имя Царевиче-Дмитріевъ городокъ. А крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокой, меншій братъ нашему кремлевскому рову; а крѣпостью ованъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ. А побито людей нашихъ 67 чел., да ранено 430 чел.“. Въ третьемъ письмѣ, отъ 22 сентября 1656 г., царь привѣтствуетъ поименно всю семью, взъ „своего государева похода, подъ городомъ Рягою“.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив. 1896 годъ, 3 (178), подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1896 г.

Третья книга „Чтеній“ за нынѣшній годъ содержитъ въ себѣ. А) въ *Матеріалахъ*: Сарайская и Крутицкая епархія, документы Моск. Дух. Консист., вып. 2 (сообщ. о. Н. А. Соловьева); Русское сказаніе о Лоретской Богоматери (сообщилъ А. И. Киричниковъ); Какашъ и Текандеръ, путешествіе въ Персію черезъ Московію въ 1602—1603 г., перевелъ съ нѣмецкаго А. И. Станкевича (окончаніе: указатель, дополненіе и справки). Б) Изслѣдованіе: А. И. Прозоровскаго—Сильвестръ Медвѣдевъ, гл. 4—6. В) Матеріалы: Планъ XVII в., части Москвы (Марсейка, Ильинка, Красная площадь); нѣсколько грамотъ 1606—1658 гг., взъ конхъ отмѣтимъ: жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича, 1613 г., „королевѣ-старицѣ“ Марѣ Владиміровнѣ о невзиманіи поборовъ съ Суздальской вотчины ея; приговоръ третейскаго суда 1621 г. между Суздальскимъ Спасо-Евфиміевымъ монастыремъ и помѣщикомъ Никитинымъ (обрядъ хожденія по межамъ съ образомъ и землею на плечахъ); грамота А. А. Ордыну-Нашокину о пожалованіи его въ думные дворяне и назначеніи въ посольство къ шведамъ; указъ царя Алексѣя Михайловича 1658 г. вдовѣ околничаго княгинѣ Аннѣ Никифоровнѣ Лобановой-Ростовской о дачѣ ей помѣстій и вотчинъ мужа „для службы и многого радѣнія бабки ея Ульяны Степановны“, что она, будучи у царя Алексѣя Михайловича „отъ рожденія и до возраста“ за царемъ „ходила со всякимъ радѣніемъ безъ всякаго пороку“. Далѣе идутъ извѣстія о посылкѣ въ 1716 г. изъ Москвы въ Прагу для перевода книгъ двухъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ; о пожарѣ г. Коломны въ 1739 г.; объ изданіяхъ Акад. Наукъ въ 1736 г. и наконецъ (по копіи въ сборникѣ гр. А. С. Уварова, № 451 (по Опис. арх. Леонида 1555), дѣло 1774—5 гг.; Отказъ рижскаго магистрата въ принятіи бывшаго вяземскаго купца Ив. Фатова въ

мѣщанство 1 гильдіи и высочайшій указъ Императрицы Екатерины II принять его въ мѣщане и купцы 1 гильдіи города Риги. Документы сообщены: А. Н. Зерпаловымъ, С. А. Бѣлокуровымъ, В. И. Холмогоровымъ и И. С. Бѣляевымъ.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VIII, вып. 3 и 4. Труды Отдѣленія Археологій Древне-Классической, Византійской и Западно-Европейской. Книга первая. 1895. Съ таблицей и 116 рисунками въ текстъ. Спб. 1896. стр. 1—448. Цѣна 2 р.

Въ годъ своего 50-лѣтія Императорское Русское Археологическое Общество владеть начало новому отдѣльному ряду томовъ въ своихъ „Запискахъ“. Этотъ новый рядъ—труды Классическаго, Византійской и Западно-Европейскаго Отдѣленія—несомнѣнно будетъ столь же цѣннымъ и поучительнымъ вкладомъ въ нашу науку, какъ и прежде начатыя изданія почтеннаго Общества, и русскіе археологи искренно благодарятъ Общество за это новое начинаніе и пошлютъ по случаю его сердечный привѣтъ Классическому Отдѣленію.

Въ нынѣ вышедшей, 1-й книгѣ трудовъ Отдѣленія, большая часть, 306 страницъ, занята монографіей А. А. Павловскаго — *Скульптура въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ*. Раскопки послѣдняго времени, особенно раскопки аѳинскаго Акрополя въ 1885 — 1889 г., открыли цѣлую область скульптуры въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ, дотолѣ извѣстную лишь по очень немногимъ образцамъ. Трудъ А. А. Павловскаго дорогъ уже тѣмъ, что въ немъ представленъ во всей полнотѣ матеріалъ этотъ, собранный въ залахъ Акропольскаго музея и дополняемый экземплярами Аѳинскаго національнаго и другихъ европейскихъ музеевъ: представленъ въ изложеніи добросовѣстнаго и талантливаго ученаго, который изучалъ матеріалъ на мѣстѣ, съ артистической тонкостью, черту за чертой, предметъ за предметомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старательно изучилъ литературу предмета; представленъ, наконецъ, при помощи многочисленныхъ (110) цинкографій, въ которыхъ дано все сколько нибудь характерное въ разбираемыхъ памятникахъ. Уже внѣшнимъ образомъ монографія А. А. Павловскаго является сводомъ, ясно написаннымъ, систематично расположеннымъ, того матеріала, который рисуетъ скульптуру въ Атикѣ до ея классическаго раздѣла. Но кромѣ того, авторъ самостоятельно перерабатываетъ матеріалъ, и послѣ тонкаго анализа всѣхъ памятниковъ, даетъ имъ новое освѣщеніе, которое и ставитъ (въ заключительныхъ страницахъ труда), въ связь съ общимъ ходомъ аѳинской культурной исторіи.

Предоставляя эту сторону труда г. Павловскаго болѣе компетентной оцѣнкѣ, мы лишь укажемъ кратко содержаніе и выводы его книги. Стройная въ планѣ и въ изложеніи, она раздѣлена на 7 главъ: 1) характеръ скульптуръ, найденныхъ на Акрополѣ и скульпторы работавшіе въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ (декоративныя высоко рельефныя группы изъ

мягкого пороса и мраморныя статуи, преимущественно смертных, вѣроятно жертвователей, изображенныхъ въ актахъ богочтѣнія); 2) скульптуры изъ пороса (преимущественно фронтоны: бой Геракла съ Гидрой, бой Геракла съ Тритономъ, борьба Зевса съ Тифономъ; группа быка, поваленнаго львами ¹⁾; нѣсколько статуэтокъ); 3) мужскія мраморныя статуи („такъ называемый Аполлонъ“; мосхофоръ, храмовые писцы, статуи юношей, мужскія головы); 4) женскія мраморныя статуи (сидячія, ники, стоящія, совершая возліанія, женскія головы); 5) изображенія животныхъ (лошади, теленокъ у мосхофора, собака, гиппалектронъ, сфинксы); 6) барельефы; 7) заключеніе. Особенно развиты главы 3—5. Авторъ разсматриваетъ всѣ извѣстные памятники, съ удивительной тонкостью и подробностью описывая малѣйшую анатомистическую и техническую черту ихъ, и такимъ образомъ получаетъ чрезвычайно точный матеріалъ для сужденія о стилѣ работы и о ходѣ развитія ваянія въ Аттикѣ за время отъ конца VII по начало V вѣка, обнимаемое акропольскими скульпторами.

Выводы А. А. Павловскаго таковы: Атика соединяла въ себѣ и преимущества постепеннаго развитія изнутри, и богатое вліаніе извнѣ, свойства колоніальной страны и мѣстности съ исконнымъ населеніемъ; ея искусство, какъ и ея народность, сложились путемъ вбирания въ себя новаго и переработкой его въ свое; послѣ реформы Солона Атика гигантскими шагами пошла по пути развитія культуры и искусства и въ какое нибудь столѣтіе, переработавъ чужіе элементы, приобрѣла всѣ средства для выраженія своихъ художественныхъ стремленій. Первымъ сказывается вліаніе Іоніи черезъ Коринѣъ, еще съ конца VII в., вѣроятно путемъ личнаго переселенія. Сначала въ Аттикѣ работаютъ на матеріалѣ близкомъ къ прежнему дереву—на мягкомъ поросѣ, но и на этомъ матеріалѣ искусство быстро развивается, повидимому подъ воздѣйствіемъ паросской мраморной скульптуры: аеиняне схватываютъ, усваиваютъ и развиваютъ близкій ихъ духу реализмъ, совершенствуются въ технику и орудіяхъ. Высшаго развитія поросовая скульптура достигла во время Пизистрата (фронтоны Гекатомеда); главнымъ героемъ ихъ является тогда Гераклъ, герой-богъ Атики начала VI в. Уже въ этомъ періодѣ сказывается ясно индивидуалистическій духъ Атики, даже въ идеальномъ изображеніи Тифона. Декоративную условную раскраску статуй авторъ вмѣстѣ съ Потье возводитъ къ египетской традиціи.

Широкое примѣненіе мрамора и полное измѣненіе техники связывается со временемъ Пизистрата и его сыновей, со временемъ высокаго культурнаго подъема Атики и существеннаго измѣненія всего строя ея жизни. Мужскія статуи авторъ дѣлитъ на двѣ группы: въ центрѣ одной стоитъ Мосхофоръ, непосредственно примыкающій къ поросовой скульптурѣ, съ ея мало развитой техникой и условностью въ деталяхъ (мягкій поросъ легко крошился и требовалъ большихъ плоскостей); въ центрѣ второй—Аполлонъ

¹⁾ Эту группу, «скнескаго» типа, авторъ разбираетъ внѣ связи ея съ подобными внѣгреческими произведеніями, и оцѣнка его является поэтому неточной и неполной.

изъ Коливии, древнѣйшее произведеніе, очевидно, еще пришло (изъ Пароса) художника (Аристона?), но дающее тонъ новому направленію аттической скульптуры, реалистичному и развитому технически. Сначала развитіе это идетъ подъ могучимъ вліяніемъ греческаго востока (хіосская школа); среди женскихъ статуй къ этому вліянію относится делосскій типъ Ники и Аирины Козы. Равнѣе, чѣмъ въ статуяхъ, аттическая школа достигаетъ самостоятельности въ барельефѣ, ибо онъ явился изъ живописи, рано развитой въ Атикѣ (и совершенствовался подъ вліяніемъ высокаго рельефа, а не служилъ послѣднему исходнымъ пунктомъ). Послѣ паденія Пизистратидовъ, выступаетъ вліяніе Аргоса и Эгинны, успѣвшихъ уже опередить Іонію, падавшую культурно подъ вліяніемъ персидскаго завоеванія; но аттическая скульптура уже настолько сильна, что вліяніе новыхъ школъ не является подавляющимъ, какимъ было вліяніе школы хіосской. Исполненную по времени естественности статую мальчика въ Акропольскомъ музеѣ № 698 авторъ вмѣстѣ съ Фуртвенглеромъ приписываетъ не школѣ Агеллада, но несомнѣнно аттическому искусству и именно знаменитому Критію, видя въ ней первую попытку новаго типа. Въ школѣ сикіонца Агеллада воспитываются аттическіе скульпторы: Миронъ и, весьма возможно, Эгій, учитель Фидія. Подъ вліяніемъ этой школы изъ іонійско-аттическихъ элементовъ вырабатываются чисто аттическія формы Фидія и его современниковъ. По содержанію скульптуры всего VI вѣка большею частью реально-индивидуальны: это вѣкъ выработки формы, а не идеальныхъ типовъ.

Размѣръ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на интересныхъ статьяхъ *М. И. Ростовцева—Помпеи за 1893—1895 г.* (307—393) и *В. Г. Бока—Мнимый эмалевый (въ дѣйствительности инкрустованный гранатами-кабошонами) аниецъ на костяномъ окладѣ (Евангелія) Миланскаго собора* (394—398).

Въ отдѣлѣ Библиографіи (мелкимъ шрифтомъ, очень убогимъ, 399—429) данъ отчетъ о слѣдующихъ трудахъ: *И. П. Кондаковъ—Византійскія эмалы* (В. Г. Бокъ); *Д. В. Айналовъ—Мозаики IV и V в.* (С. Ж.); *А. В. Никитскій—Дельфійскіе эпиграфическіе этюды I—VI* (С. Ж.); *Н. В. Покровский—Сійскій иконописный подлинникъ* (Д. А.); *Матеріалы по археологій Россіи № 17* (С. Ж.); *Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XVIII* (С. Ж.); *Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова* (русскій переводъ) *Architektonische Studien von S. A. Ivanof* (нѣмецкій текстъ), изданіе Имп. Германскаго Археолог. Инст: вып. I, Греція, вып. II, Помпеи (С. Ж.); *Antike Denkmäler*, II, 1—2, изд. Герм. Археол. Инст. (А. Ш. и С. Ж.); *Congre, Die attischen Grabreliefs*, 1—7. (А. Ш.); *De la Blanchère, Description de l'Afrique du Nord, musées et collections archéol. de l'Algérie et de la Tunisie*, 1—5 (С. Ж.); *Fröhner, La collection Tyszkiewicz*, (въ Парижѣ) *choix de monuments antiques*, 1—4 (С. Ж.); *Rohault de Fleury, Archéologie chrétienne, les saints de la messe et leur monuments*, 1—3 (С. Ж.).

Далѣе идетъ списокъ „Новыя Книги“ (1895 г.) и наконецъ Протоколы

засѣданій отдѣленія за 1895 г. подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ Протоколахъ или указано сноскою, гдѣ напечатанъ данный докладъ, или онъ напечатанъ тутъ же мелкимъ шрифтомъ. Именно въ Протоколахъ изданы доклады: *Б. А. Тураева—Страница изъ исторіи древне-египетской литературы*, 432 — 435; *В. К. Эрнштедта* — сообщеніе о статьѣ датскаго ученаго Уссинга Midtgruppen jaа Parthenonfrisen (Центральная группа Партефона); *Б. В. Фармаковскаго*—Голова Эфеба школы Микона афинскаго въ Афинскомъ національномъ музеѣ 438—441, съ цинкографіей; *А. К. Шукарева—По случаю 70-и лѣтія берлинскаго члена Общества Адольфа Кирхгофа*, 441—443; письмо *Я. Ю. Смирнова* изъ Малой Азіи о *двухъ камняхъ* (повидимому „хеттейскихъ“) изъ деревни Арабиссоъ (греч.), Ярпуть (тур.), съ рисунками, и замѣчанія объ этихъ камняхъ *Б. А. Тураева*.

Цѣна книги очень дешева: 2 р. за 28 листовъ текста съ множествомъ рисунковъ.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ редакціею барона В. Р. Розена. Т. IX, вып. I—IV, съ таблицами. Спб. 1896 г.

Содержаніе этого тома, посвященнаго Отдѣленіемъ „Германскому Восточному Обществу“ ко дню его 50-лѣтняго юбилея, составляютъ *протоколы* Отдѣленія съ 11 января 1894 г. по 13 дек. 1895. Статьи *А. Поздњева—Калмыцкія сказки VII* (40 страницъ текста и переводъ); *Е. Такайшвини—Сигель грузинскаго царя Баурата IV (1027—1072 н.)*, текстъ (съ факсимиле), переводъ и разборъ; *Е. Анчикова—Св. Николай и Артемида Ефесская*, на основаніи сирской рукописи 936 года (текстъ старше) Британскаго музея, изъ коей *Чудеса св. Николая, еп. города Миръ*, переведены рядомъ г. *Кокочевымъ*, съ приведеніемъ въ подлинникъ мѣста, касающагося св. Николая и Артемиды; *К. Остроумова—Пѣсня сатира Викторъ-бай* (сартская пѣсня на одного управляющаго конторы бр. Каменскихъ въ Кокандѣ); *Д. Поздњева—Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ Минской династіи* по поводу труда г. Покотилова: „Исторія восточныхъ монголовъ“ — по китайскимъ источникамъ: Спб. 1893. Авторъ указываетъ на важность пользования китайскими же богатыми сводами матеріаловъ, чѣмъ устраняется сизифовъ трудъ; бар. *Д. Гинцбургъ—Основы арабскаго стихосложенія, VII—X, Н. Петровскаго.—Замѣтки о древностяхъ Кашгара I, Ханъ-Уй*. (Передъ этой статьёй редакція вспоминаетъ пожеланія покойнаго И. П. Минаева, чтобы русскимъ принадлежалъ починъ въ изслѣдованіи обильныхъ древностей „страны отъ Лобъ-нора до Хотана“. Надежды эти оправдались въ трудахъ И. Θ. Петровскаго, русскаго консула въ Кашгарѣ, открывшаго рядъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древнѣйшихъ культуръ Кашгара; памятники эти описываются на стр. Зап. Вост. Отд. и другихъ изданій различными специалистами, а подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ предполагается рядъ статей самого И. Θ. Петровскаго. Первая статья заключаетъ въ себѣ археологическій обзоръ мѣстно-

сти древняго Кашгара и мѣстности Ханъ-уй близъ него и краткое описаніе находокъ, изъ коихъ замѣтны: масса гвоздеобразныхъ, стеклянныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, синихъ, зеленыхъ стеблей, удѣлѣвшихъ отъ цвѣтковъ лотоса, разныя бусы и подвѣски изъ мастики, стекла, камня, кости, раковинъ, и монеты, изготовленные повидимому изъ уплощенныхъ влеймомъ мѣдныхъ прутьевъ. Къ статьѣ приложены интересные виды развалинъ и снимки съ таблицъ находокъ); *С. Ольденбурга—Буддійскія легенды и буддизмъ*; *Г. Кизерицкаго—Хотанскія древности изъ собранія И. Ѳ. Петровскаго* (Терракоты, рис. 1—23) людскія головки и статуэтки, статуэтки обезьянъ, верблюда, грифоновъ отпивно-головныхъ и съ шишкой на головѣ, головы львовъ, рельефъ головы (маскатонъ), который г. Кизерицкій признаетъ „несомнѣннымъ“ Издударомъ, лишь дивясь неожиданно позднему выраженію этого типа,—относятъ насъ къ индо-греческому искусству, которое г. Кизерицкій возводитъ не къ походамъ Александра, а къ V в., черезъ Персію; бронзы, рис. 24—35: буддійскія изображенія, изображеніе „кабана“ (слона?) на пластинкѣ, собаки, привѣски въ видѣ животныхъ, сосудовъ, человѣчка; *Н. Марра—Мнимое географическое названіе вротостакъ, въ исторіи Азаванема* (руководясь грузинскимъ текстомъ „Обращенія Грузія въ христіанство“ и данными персидскаго языка, г. Марръ объясняетъ загадочное вротостакъ „Обращенія Арменіи въ христіанство“ какъ „виноградникъ, орошенный каналами“); *А. Гаркави Утвержденіе мусульманъ объ упоминаніи Мухаммеда въ пятикнижжі Моисея* (на основаніи еврейскихъ писателей XII в. и мусульманскихъ свидѣтельствъ съ IX в., указывается гематрическое, т. е. посредствомъ буквъ-числъ, обозначеніе въ Бытіи 17, 20 и разному его, *весьма весьма* „меодъ меодъ“); *И. П. Минаева* (посмертное изданіе подъ редакціей г. Ольденбурга)—*Матеріалы и замѣтки по Буддизму. II. Матеріалы по эхатології*; *В. Тизенгаузена—Новыя нумизматическія приобрѣтенія И. П. Линевица* (новыя изображенія обширной коллекціи восточныхъ монетъ, описанныхъ въ VI т. Зап. Вост. Отд.).

Изъ „мелкихъ замѣтокъ и извѣстій“—отмѣтимъ: *25-лтіе Туркестанскихъ Вѣдомостей* (передовая статья на 28 апрѣля 1895 „Турк. Вѣд.“); *Буразанъ* донесеніе И. Ѳ. Петровскому отъ хотанскаго торговаго агента Абду с-Саттара о развалинахъ въ Буразанѣ (текстъ и переводъ); *А Поздьева пять китайскихъ печатей* (должностныхъ, прошлаго вѣка; двѣ серебряныя принадлежатъ Эрмитажу; три деревянныя найденныя въ развалинахъ городовъ Верхне Илійской долины, доставлены Н. Н. Пантусовымъ въ Имп. Археол. Комм. и поступаютъ въ Азіатскій музей акад. наукъ).

Очень любопытна замѣтка г. *Бартольда. Новое мусульманское извѣстіе о русскиихъ*—изъ „Сборника анекдотовъ и собранія блестящихъ разсказовъ“ персидскаго писателя Мухаммеда-ал-ауфи, въ VII в. гиджры. Несомнѣнно отсюда заимствовали свои свѣдѣнія Шукруллахъ и Мухаммедъ Кятибъ (Гаммеръ, *Sur les Origines russes*, st. Pét 1827), но у нихъ извѣстія исковерканы и урѣзаны. Текстъ, изданный г. Бартольдомъ, по ркспсмъ: СПб. унив. (№ 648) и Имп. Публ. Библ. IV, 2, 33 и V, 4, 31 описываетъ Русовъ какъ морскихъ

разбойниковъ, живущихъ на островѣ въ три дня пути въ длину и въ ширину; въ 300 г. гиджры они приняло христіанство и вложили мечи въ ножны; но они не знали другого способа пропитанія, и жить имъ стало трудно; тогда они склонились къ исламу: ихъ царь, носящій титулъ Буладмита (*Владимиръ*), „какъ туркестанскій царь носить имя хакана“, послалъ по этому дѣлу пословъ къ хотезмизаху; посольство было удачно, и Русы стали мусульманами и по прежнему пиратами; могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только у нихъ нѣтъ лошадей. Г. Бартольдъ указываетъ на интересъ этого сказанія, которое 1) единственное изъ мусульманскихъ приводитъ имя Владиміра Святого и 2) подтверждаетъ разсказъ Несторовой лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣрѣ.

Stewart Culin.—Korean Games with notes on the corresponding games of China and Japan. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1895, 8°, XXXVI+177, съ 22 табл. въ краскахъ и 153 рис., 550 нумерованныхъ роскошныхъ экземпляровъ.

Стюартъ Кулинь, директоръ Археол. и Палеонтологич. Музея при Пенсильв. Унив. въ Филадельфїи, уже прежде занимался играми Дальняго Востока: за 1889—94 гг. имъ издано четыре изслѣдованія о китайскихъ играхъ. Бесѣды съ Ф. Хамилтонъ-Кушингомъ (*Cushing*), изучающимъ древнія американскія учрежденія и игры, дали новое направленіе его трудамъ. Кулинь „увидѣлъ средства перенести игры и родственные имъ обычаи изъ туманной области т. н. фольклора въ царство истинно-научнаго изслѣдованія“. Книга о корейскихъ играхъ является поэтому „не только обзоромъ этихъ игръ, но и практическимъ введеніемъ къ изученію игръ всего земного шара“. Вещественной основой ея послужило собраніе игръ, сдѣланное авторомъ (бывшее на выставкѣ въ Чикаго, а теперь принадлежащее Пенсильв. Археол. Музею); объясненія ихъ даны корейцемъ, живущимъ въ Америкѣ (авторъ самъ не былъ въ Корей). Рисунки таблицъ сдѣланы въ Корей мѣстнымъ художникомъ Ки-санъ, изъ деревушки Тчо-рянгъ у Фузана; они сдѣланы по заказу американки г-жи Шуфельдтъ въ бытность въ Корей. Часть рисунковъ въ текстѣ сдѣланы японцемъ Теотику Моримото изъ Токио. Другіе взяты изъ мѣстныхъ книгъ, третьи—сдѣланы по вещамъ Пенс. Музея.

Кулинь полагаетъ, что игры вообще не—результатъ сознательнаго творчества съ цѣлью забавы, а остатки отъ прежнихъ условій, при которыхъ они возникли какъ магическіе обряды и главнымъ образомъ какъ способы гаданія. Ключъ къ пониманію происхожденія игръ дается въ древностяхъ американскихъ; но его нѣтъ для Европы, гдѣ, съ первыхъ временъ исторіи, игры существуютъ уже въ томъ же видѣ, съ тѣмъ же характеромъ забавы, какъ теперь. Переходъ отъ магическаго обряда къ забавѣ уловимъ въ Азіи.

Кулинь отмѣчаетъ большое значеніе числа пять (и девять) на Дальнемъ Востокѣ, какъ числа частей свѣта (считается, какъ извѣстно, и „середина“): раздѣленіе на пять и на девять, по частямъ свѣта, проведено на каждомъ шагу жизни (начиная съ того, что каждый человѣкъ отнесенъ къ извѣстной

части свѣта) и господствуетъ въ гаданіи. Другимъ основнымъ элементомъ въ рядѣ гаданій, позднѣе игръ, является стрѣла. Стрѣла, помѣченная именемъ человѣка и его страны свѣта, представляетъ его въ гаданіи; стрѣлы позднѣе замѣняются палочками, сохраняющими сходство съ ними; замѣняются картами, на коихъ до сихъ поръ изображаются знаки, происшедшіе отъ первевъ стрѣлъ. Изъ 97 игръ, описанныхъ въ книгѣ — тридцать три ведутъ начало отъ гаданія по стрѣламъ. Изъ остальныхъ игръ, атлетическія сначала совершались, отчасти совершаются доселѣ, при религіозныхъ торжествахъ, въ сакральной обстановкѣ. Третій разрядъ—игрушки, изъ коихъ очень много (напр., бумажные змѣи) имѣютъ религіозное происхожденіе. Вообще дѣти, играя въ разныя явленія семейной и общественной жизни, играютъ и въ религіозный обрядъ, который у нихъ и переходитъ на степень забавы.

Просматривая книгу, мы видимъ тожество значительной части корейскихъ игръ съ нашими. Не говоря объ играхъ заведомо заимствованныхъ (бум. змѣй, волакъ, домино, кости, шашечныя игры), мы встрѣтимъ тутъ и веревочную качель, и доску—равноконечный рычагъ— для качанія или для прыганья, и прыганье черезъ веревочку, и жмурки, и чехарду, и подбрасыванье и ловлю камешковъ. Въ виду указанія Кулина на сакральное значеніе числа *пять* любопытно и у насъ это число въ играхъ (пять картъ при сдачѣ „въ дураки“, пять камешковъ при подбрасываніи и ловлѣ). Любопытна также простота элементовъ, дающая рядъ комбинацій при гаданіи палочками; это—двѣ черты: цѣльная и разрубленная (или съ нарубкой):— и — —; соединяя ихъ по три, получимъ восемь разныхъ фигуръ, которыя для гаданія располагаются въ кругъ, по частямъ свѣта (сѣверъ обозначается знакомъ \equiv , югъ—знакомъ \equiv , сѣв.-зап. \equiv и т. д. Комбинируя черты по шести, получаютъ 64 знака, которые для гаданія располагаются въ кругъ или квадратомъ. Интересно, что дѣтскій „счетъ“ при играхъ стоитъ въ явной связи съ гаданіями. Вообще книга даетъ много матеріала и заслуживаетъ особаго изученія.

Некрологъ. † Алексѣй Яковлевичъ Фриде.

9 іюля въ Ярославлѣ скончался дѣйств. членъ Моск. Арх. Общ. А. Я. Фриде. И въ боевую свою службу при завоеваніи Туркестана, и въ мирное время, управляя Семирѣченской областью, а затѣмъ Ярославской губерніей, А. Я., прекраснымъ характеромъ своимъ снискалъ общее расположеніе и сослуживцевъ, и подчиненныхъ; поминаемый нашимъ же Обществомъ поминается съ искренней признательностью за то содѣйствіе и тѣ облегченія которыя онъ оказалъ Н. Н. Пантусову при изслѣдованіи несторіанскихъ кладбищъ и вообще древностей Семирѣченской области, и за радушіе, съ которымъ въ качествѣ ярославскаго губернатора. принималъ VII Археологическій Съѣздъ въ Ярославлѣ

Печатано по опредѣленіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлиси. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Мо-

сковѣ. Т. I, три выпуска по 4 р.

Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Комиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.
Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20⁰/₀, библиод

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 259, строка 9—8 снизу, неумѣстно повторено: «въ Керчи.. гробницѣ».

Должно читать: стр. 264, 6 св.: коры; 7 св.: Сопзе.

стр. 267, 4 св.: Буладміра; 6 св.: хорезмшаху.

стр. 268, 8 св.: слѣдуетъ исключить слово «поминаемый».

Къ стр. 206, 207 и 224 должно замѣтить, что этнографическая выставка устроена не Латышскимъ Литературнымъ Обществомъ, а Рижскимъ Латышскимъ Союзомъ.

- * VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
- Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
- Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
- " X, 1885 г. Ц. 8 р.
- " XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
- " XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
- " XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
- " XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
- " XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

- Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославѣ, ц. 9 р. 50 к.
- Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.
- Кавказъ. Путевыя записки гр. Уварова 2 тома. Ц. 3 р.
- Уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ учебныхъ заведеній 25⁰/₀.
- Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1896-мъ году (4-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы застѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замятокъ“.

ИЗДАВАЕМА

НА ИМПЕРАТОРСКИЯ

МОСКОВСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЯ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ.

№№ 9—10.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТАРЬВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1896

СОДЕРЖАНІЕ №№ 9 — 10.

	<i>Стр.</i>
I. Н. П.—Русская старина въ г. Ригѣ	269
II. Рижская Малая Гильдія и ея Выставка	273
III. Латышская Этнографическая Выставка	275
IV. Десятый Археологическій Съездъ въ Ригѣ	277
V. Археологическая хроника	363

ИЗДАВАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВОНЪ

I

Русская старина въ г. Ригѣ.

Наблюдая достопримѣчательности г. Риги во время нашего пребывания здѣсь по случаю X-го Археологическаго Съѣзда, мы имѣли возможность ознакомиться съ многочисленными памятниками русской старины, находящейся въ этомъ городѣ. Присутствіе памятниковъ этого рода здѣсь, среди преобладающей нѣмецкой культуры, было для насъ полною неожиданностію. Три собранія древностей въ Ригѣ обращаютъ на себя вниманіе: первое находится въ церковно-археол. музеѣ (при Духовномъ Училищѣ), недавно основанномъ по иниціативѣ высокопреосвященнаго Арсенія, второе въ единовѣрческой церкви и третье въ старообрядческой молельнѣ. Въ музеѣ находится коллекція старинныхъ иконъ, среди которыхъ первое въ художественно-археологическомъ отношеніи мѣсто должно быть отведено иконамъ изъ мѣстнаго миссіонерскаго отдѣла, принадлежавшимъ прежде о. Павлу Прусскому. Часть этихъ иконъ находится еще въ библиотекѣ духовной семинаріи и предназначена для того же музея. Въ числѣ этихъ иконъ есть превосходные образцы русскихъ иконописныхъ школъ XVII вѣка, московской и

строгоновской. Съ иконографической точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія композиція: чинъ монашескаго постриженія; арх. Михаилъ, провожающій евреевъ въ пустынь; Благовѣщеніе съ служанкою; Похвала Богородицы, О тебѣ радуется. Въ томъ же музеѣ находится собраніе старинныхъ книгъ и рукописей церковно-славянскихъ XIV—XVIII вв. Среди послѣднихъ заслуживаетъ особаго вниманія свитокъ - азбука съ роскошными инициалами, разными начертаніями буквъ и поучительными сентенціями, съ подписью въ концѣ: *„Зри, смотри, внимай, вѣстмъ сердцемъ прилежно и Господа Бога на помощь призывай. Великіе и превьсочайшія пресвятлыя царскія степени. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи. Владыко челоуѣкомлюбче Господи, яко насытилъ мя земныхъ твоихъ благъ и не лишу мене небеснаго царствія твоего; словеса убо сія преиде въ концеѣ“*. Первые два листка (а и б) не имѣютъ ни инициаловъ, ни начертаній буквъ: они, по видимому сохранились неполна и даже, можетъ быть, попали сюда изъ другого экземпляра; листа съ буквою с нѣтъ, а на букву е два листа.

Второе собраніе древностей—въ единовѣрческой церкви. Обширный иконостасъ этой церкви представляетъ собою цѣлыя серіи превосходныхъ иконъ, отчасти съ басменными окладами и среди нихъ на видномъ мѣстѣ мученикъ Христофоръ въ традиціонной формѣ, съ головою животного, уже давно изъятый изъ обычнаго церковнаго употребленія и удержанный здѣсь, благодаря особому складу церковной единовѣрческой обрядности и особому отношенію къ ней со стороны церковной власти. Сверхъ того на хорахъ церкви находится еще довольно значительная коллекція иконъ, вышедшихъ уже изъ употребленія, но весьма важныхъ въ художественно-археологическомъ отношеніи. Иконы единовѣрческой церкви важны со стороны художественной и иконографической: всѣ онѣ принадлежатъ къ числу хорошихъ писемъ главнымъ образомъ московскихъ и отчасти, какъ кажется, новгородскихъ, напр., икона Спасителя. Есть здѣсь любопытныя иконографическіе сюжеты, напр., „Херувимская пѣснь“ на сѣверныхъ дверяхъ, „Премудрость создала себѣ домъ“; сцены, составленныя на основаніи лимонаря, напр., чудо при случайномъ приобщеніи въ церкви еврейскихъ дѣтей; видѣніе Евлогія о ликованіи ангеловъ на монастырскомъ бдѣніи. Любопытны сложныя композиціи Воскресенія Христова, Положенія ризы Богоматери, Страшнаго суда и др.

Старообрядческая молельня, подобно церкви единовѣрческой, представляетъ собою окаменѣлый музей. Предметы старины здѣсь — тѣ же иконы. Характеръ писемъ преимущественно московскій. Къ сожалѣнію

большая часть иконъ повреждена неискусною реставраціею. Въ композиціяхъ чрезвычайное богатство и разнообразіе, — таковы иконы: „Взбранной воеводѣ“; „Благовѣщеніе съ прядущею служанкою“; „Величить душа моя Господа“; „Всякое дыханіе да хвалить Господа“, — съ многочисленными изображеніями звѣрей, животныхъ, гадовъ, — василиска въ видѣ смѣшанной фигуры человѣка въ коронкѣ съ перьями и животнаго (нижняя часть отъ пояса), аспида въ видѣ крылатаго змѣя съ головою животнаго, аммона въ видѣ пегаса, ехидны и амалфета въ видѣ сирены, скимна и проч.; Рождество Христово (подробное); Воскресеніе Христово, св. Софія по новгородскому переводу; Спаситель съ строгимъ лицемъ, извѣстный подъ названіемъ „Ярое око“ и др.

Все сказанное не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія ни на полноту описанія, ни на ученую оцѣнку. Замѣтка эта вызвана лишь желаніемъ обратить вниманіе любителей и знатоковъ русской старины на эти собранія памятниковъ стариннаго русскаго искусства и иконографіи.

10 августа
1896 г.

Н. П.

Къ строкамъ почтеннаго автора добавимъ указаніе на Алексѣевскую церковь (при архіерейскомъ домѣ). Здѣсь стояла прежде, построенная въ XV в., церковь Маріе-Магдалининскаго женскаго монастыря (зданія котораго отданы были потомъ Стефаномъ Баторіемъ подъ іезуитскую коллегію); при бомбардированіи Риги въ 1710 г. церковь была разрушена, и Петръ Великій, взявъ городъ, построилъ въ развалинахъ ея православный храмъ во имя св. Алексія Божія человѣка, ангела царя Алексѣя Михайловича ¹⁾. Императрица Елизавета Петровна въ 1751—61 гг. обновила всю церковь и добавила предѣлы: ап. Петра и вм. Екатерины. Церковь, вся полная превосходныхъ образцовъ чрезвычайно характерной елисаветинской живописи, производитъ цѣльное и сильное впечатлѣніе именно этой чистой, столь рѣдкой, стильностью своею (какъ соборъ Ново - Спасскаго монастыря въ Москвѣ — чистый памятникъ иконописи времени Алексѣя Михайловича), и является въ этомъ отношеніи настоящимъ историко-художественнымъ перломъ. На иконахъ ея, по обычаю времени, встрѣчаются лѣтописи съ указаніемъ даты написанія иконы — что не особенно важно, ибо годы обновленія церкви извѣстны — и еще чаще встрѣчаются подписи художниковъ, что представляетъ большой интересъ.

¹⁾ О любопытныхъ письмахъ царя Алексѣя Михайловича изъ Ливонскаго похода 1656 г. см. стр. 260.

Кромѣ этого драгоценнаго музея елисаветинской церковной живописи, Алексѣевская церковь привлекаетъ вниманіе и какъ усыпальница нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей XVIII в. Здѣсь погребены: сподвижникъ Петровъ, фельдмаршалъ и рижскій генералъ-губернаторъ, кн. Аникита Ивановичъ Репнинъ (1726); ген.-фельдцейхмистеръ кн. Вас. Аникит. Репнинъ (1749); капитанъ Меншиковъ (1754); генералы Вас. Абрам. Лопухинъ и Зубинъ, павшіе подъ Гросъ-Егерсдорфомъ (1757); ген.-губернаторъ рижскій, кн. Вас. Петр. Долгоруковъ, при которомъ обновлена была церковь (1761 г.).

О другихъ русскихъ церквахъ въ Ригѣ построенныхъ въ XVIII в.: Благовѣщенской и Александро-Невской см. въ „Трудахъ Предварит. Комитета X Археол. Съѣзда“. т. II.

П. Л. Синайскій любезно сообщаетъ намъ относительно книгъ Музея, что древнѣйшія изъ нихъ — богослужбное евангеліе, изд. въ Вильнѣ въ 1574—75 гг. (второе виленское изданіе), и богослужбныя книги московской печати патріарха Филарета (съ 1621 г.). Изъ рукописей древнѣйшія — типиконъ и тріодъ XIV—XV в. и мінея „новые чудотворцы“, со службами святымъ только сѣвернымъ (такъ что службъ кievскимъ святымъ нѣтъ вовсе); мінея эта поступила въ музей отъ преосвященнаго Павла Олонецкаго. Остальныя рукописи: церковно-славянскія, русскія и эстскія относятся къ XVIII и XIX в.

На одномъ сборникѣ изъ числа тѣхъ рукописей миссіонерской бібліотеки, которыя были выставлены въ музей, какъ и иконы, *на время Съѣзда* (миссіонерская бібліотека помѣщается въ духовной семинаріи и бібліотекаремъ ея состоитъ о. Плисъ), имѣется такая надпись: „лѣта 43ка дала сію книгу княгиня Евфросинія Шуйскаго по мужѣ по своемъ по князѣ Василіе да по отцу по своемъ по князѣ по Дмитріе да по матери по своей по княгине по Евпраксѣ“. Эта надпись—повторная, въ замѣну постершейся прежней, на предъидущемъ листѣ: тамъ мы могли еще разобрать начало такое же по смыслу, но въ нѣсколько иной разстановкѣ словъ, а къ концу видно: „въ монастырь...“. Цифры года не видно и, помнится, она должна была стоять въ концѣ подлинной надписи.

II

Рижская Малая Гильдия и ее Выставка.

Засѣданія X Археологическаго Съѣзда происходили въ большой залѣ Малой Гильдіи, которая устроила у себя къ Съѣзду и свою историческую выставку.

Нѣмецкіе ремесленники, явившіеся въ Ригѣ вслѣдъ за основаніемъ ея, уже въ XIII в. начали устраиваться цехами по образцу германскихъ. Въ гансальскомъ городскомъ правѣ 1294 г., заимствованномъ у Риги, не разрѣшается никому производить ремесло иначе, какъ ставъ членомъ ремесленнаго союза: *he hebbe denn de geselschap der amptlude ewogwen*. Отъ второй половины XIV в. извѣстны уставы нѣсколькихъ цеховъ (золотого, кузнечнаго, каменщиковъ, пекарей, скорняковъ, цирюльниковъ). По позднему извѣстію (второе изданіе уставовъ Гильдіи въ XVII в.), уже въ 1352 г. рижскія Гильдіи получили уставы вестфальскихъ городовъ: Мюнстера и Зеста. Съ 1353 г. Гильдіи, повидимому, помѣстились на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, въ полатахъ (домахъ): „Мюнстерской“ и „Зестской“, въ первой—Большая (купеческая) Гильдія св. Дѣвы Маріи, во второй—Малая (ремесленная) Гильдія, св. Іоанна Предтечи (статуи патроновъ Гильдіи, утративъ при протестантствѣ молитвенное значеніе иконъ, доселѣ помѣщаются въ залахъ засѣданій, какъ символы Гильдій—*die Docken*). Послѣ террора 1581—89 гг., въ 1589—1604 гг. сложилось на 300 лѣтъ городское положеніе Риги, а съ нимъ и уставы совѣтовъ гильдейскихъ старшинъ (*Aeltestenbank*), дѣйствіе коихъ прерывалось лишь въ 1786—96 гг., когда Екатерина II ввела, а Павелъ I отмѣнилъ обще-русское городское положеніе. Въ 1657 г. изданъ второй разъ, переработанный, уставъ Гильдій; но исключеніе изъ ремесленнаго сословія продолжало тяготѣть надъ туземными поселянами края. Въ 1710 г. фельдмаршалъ Шереметевъ, принимая сдачу Риги, возвѣстилъ, что отнынѣ всякому позволено по желанію обезпечить свое пропитаніе и заниматься промысломъ. Съ 1889 г. совѣтъ старшинъ не имѣетъ политическаго значенія (которое онъ дѣлилъ съ думой), но внутренними цеховыми дѣлами вѣдаетъ по прежнему.

Въ архивѣ Гильдіи хранятся старинные уставы цеховъ, законоположительные акты Гильдіи, далѣе два сборника, составленные въ концѣ XVII в., но свѣдѣнія коихъ, несомнѣнно по старшимъ источникамъ, восходятъ къ 1550 г.: *Stammbuch der Stadt-Aeltermänner*—списки головъ

Гильдіи, съ замѣтками объ обстоятельствахъ и обычаяхъ времени, и *Alte Nachrichten*—изложеніе дѣль Гильдіи. Счетныя книги есть съ половины XVI в.

Дома Гильдій (*die Stube von Soest* и *die Stube von Münster*) извѣстны съ 1330 года (по одному позднему извѣстію можно заключить, что ранѣе 1330 года дома принадлежали монахамъ, которыхъ горожане затѣмъ выгнали). Домъ Малой Гильдіи (*die Stube von Soest*) подвергся значительнымъ перестройкамъ въ 1694, 1743 и 1831 г., и наконецъ въ 1863 сломанъ, а на мѣстѣ его сооруженъ въ 1866 г. новый, по проекту архитектора Фельско. Этотъ обширный, красивый готическій домъ, съ богатыми залами, убранный росписными окнами (портреты старшинъ въ средне-вѣковыхъ костюмахъ), портретами государей и портретами гильдейскихъ головъ (съ 1610 года), стѣнописными видами: мѣстными, главныхъ городовъ Россіи и Балтійскаго побережья, разными коммеморативными таблицами, гербами губерній и цеховъ, нравоучительными и застольными подписями, знаменами, gobеленами, старинной мебелью и т. п.

Выставка Малой Гильдіи была устроена въ залѣ, предназначенной для цеховыхъ собраній. Здѣсь, подъ портретами государей, подъ цеховыми и гильдейскими знаменами, подъ памятнымъ таблицами, вокругъ символическихъ статуй, размѣщены были памятники, принадлежащіе гильдіи и цехамъ: серебро и оловянные сосуды, деревянные ларцы, уставныя и счетныя книги, дипломы. Серебро и олово цеховъ — большею частью кубки и кружки; старѣйшій кубокъ — стекольщиковъ — 1553, съ изящнымъ фризомъ по срединѣ, изъ коего выдается шесть бюстовъ, подаренъ цеху „мастерами и стекольщиками... во славу Божию и св. Луки“. Въ цеховой книгѣ стекольщиковъ (1539—1752 гг.) есть подробная запись объ этомъ заказѣ, исполненномъ Гансомъ Унна (или Уннавъ), который впослѣдствіи былъ старшиной золотого цеха (есть отмѣтка въ той же книгѣ и подробный пергаментный актъ и о другомъ кубкѣ стекольного цеха, изготовленномъ въ 1671 году). Два кубка—одинъ у бочарныхъ, другой у сапожныхъ подмастерьевъ—относятся къ началу XVII вѣка, остальное серебро—къ концу XVII, къ XVIII и къ XIX вѣку. При кубкахъ и цеховыхъ скипетрахъ имѣется масса дарственныхъ щитковъ, съ именами и датами съ 1635 г. (у мясниковъ); на иныхъ кубкахъ ихъ было по 50—80, у бочаровъ и каменщиковъ свыше 120. Порой тотъ или другой кубокъ оказывался вылитымъ изъ старыхъ щитковъ. Въ старину было серебро и у самой Гильдіи, но въ 1697 г. оно было украдено (кромѣ

двухъ кубковъ), а накопившееся вновь за XVIII в. продано въ 1819 году въ пользу гильдейской вспомогательной кассы. Изъ продажи этой изъятости было три вещи: большая кружка 1722 г., бокаль 1779 г. и пуншевая ложка съ прусской монетой императрицы Елизаветы Петровны; кромѣ этихъ трехъ вещей, остальное серебро самой Гильдіи ново. Книги цеховъ восходятъ къ XVI вѣку. Изъ грамотъ выдавалась на выставкѣ пожалованная Стефаномъ Баторіемъ. Дипломы мастеровъ относятся къ XVIII и XIX в. Въ составъ выставки вошло и множество прекрасныхъ историческихъ альбомовъ, составленныхъ трудами нынѣшняго гильдейскаго головы (Stadt - Aeltermann der Kleinen Gilde), г. Фридр. Брунстерманна: портреты властителей Риги, домъ Гильдіи, гильдейскіе головы, нынѣшній составъ цеховъ, городской театръ, замѣчательные дѣятели и гости Риги. Въ альбомахъ напечатаны историческіе очерки (г. Бухгольца, г. Брунстерманна)¹⁾; все это памятники, живо интересующіе современниковъ и собирающіе любопытный матеріалъ для будущихъ поколѣній.

III

Латышская Этнографическая Выставка.

Изъ существующихъ въ Лифляндіи и Курляндіи 573 латышскихъ союзовъ (260 страховыхъ, далѣе—сберегательные, благотворительные, пѣвческіе), 19 носятъ клубный характеръ и, какъ и многіе изъ благотворительныхъ и пѣвческихъ, имѣютъ свои библіотеки, устраиваютъ образовательныя чтенія и т. п. Наиболѣе широка дѣятельность Рижскаго Латышскаго Союза (осн. въ 1868 г.), въ ряду отдѣльныхъ коммиссій котораго есть: научная, музейная, книжная, музыкальная. Этимъ союзомъ и его коммиссіями (при содѣйствіи и Митавскаго Латышскаго Союза) была устроена этнографическая латышская выставка во время Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Это—цѣлый музей латышскаго пле-

¹⁾ Г. Брунстерманнъ (род. въ 1822 г., гильдейскій голова съ 1881 года), издалъ рядъ брошюръ о своей Гильдіи: *Das Haus der St. Johannisgilde in Riga*, 1887 и (часть 2-ая) 1890; *Annalen der Stadt-Aeltermänner d. St. Johannis-Gilde zu Riga*, 1888; *Annalen der Aeltesten der Kleinen oder St. Joh. G. zu R.*, 1888; *Geschäftsordnung d. Kl. oder St. Joh. G. zu R.*, 1888; *Statistischer Bericht über das Kassa und Unterstützungswesen der Kl. od. St. Joh. G. zu R.*, 1891; *Die Entstehung und Organisation der Aeltestenbank der St. Joh. G. zu Riga*, 1896. По ремеслу г. Б.—позументчикъ и девизомъ себѣ избралъ: *Arbeit ehrt*.

мени, музей, начатый собираніемъ уже давно, но оживленно подвинувшійся въ 1894 — 96 гг., благодаря ожидавшемуся Съѣзду.

На выставкѣ въ обильныхъ образцахъ, чертежахъ, рисункахъ, моделяхъ и манекенахъ, въ богатомъ рядѣ діаграммъ были представлены земля и народъ: географическая карта, произведенія природы, антропология, статистика, бытъ: жилища (были выстроены: курляндская ¹⁾ и лифляндская избы прошлаго вѣка, изба современная, баня), нарядъ, обстановка; промыслы (особенно земледѣліе, пчеловодство, рыболовство, судостроеніе), право, искусство, языкъ, словесность и письменность, образованіе, вѣрованія и суевѣрія, обычаи и обряды. Въ саду давались латышскіе концерты и представлялись сцены изъ народной, особенно обрядовой жизни. Каталогъ, собственно обзоръ, выставки, напечатанный въ трехъ изданіяхъ: по-латышски, по-нѣмецки и по-русски, являлся сжатою, но всесторонней монографіей латышскаго племени.

Изъ антропологическихъ данныхъ на выставкѣ отмѣтимъ среднія цифры (въ миллиметрахъ): ростъ латыша 1704,23; обхватъ груди 954,91, наибольшая ширина черепа 190,31, наибольшая длина черепа 153,21, длина спинного хребта 654,91, длина рукъ 765.

Народные латышскіе наряды, нынѣ все рѣже встрѣчающіеся, были представлены на выставкѣ богато и въ большомъ разнообразіи по губерніямъ. Интересны женскіе головные уборы: у дѣвушекъ—кокошники: изъ конскаго волоса, шерстяные или латуны (покрытые матеріей), обыкновенно убранные бисеромъ, поддѣльнымъ жемчугомъ, лентами; есть кокошники черные, есть цвѣтные въ одинъ цвѣтъ, есть пестрые. Замужнія женщины носятъ головной уборъ закрытый сверху (чепчикъ, шапку). Зимой женщины носятъ теплую шапку. Среди уборовъ замѣчательна характерная серебряная запона—saksta, то кольцомъ, то щиткомъ; есть и малыя sakstas, есть и большія—болѣе двухъ фунтовъ вѣсомъ; порой носилось нѣсколько концентричныхъ sakstas, образуя сплошной кругъ.

Курляндская изба по типу прошлаго вѣка построена была изъ нетесанной проконопаченной мохомъ сосны и ели, на каменномъ фундаментѣ. Крыша лубяная, подбитая еловой корой. Изъ сѣней, гдѣ стоятъ ящики, скрыни и т. п., одна дверь ведетъ въ лѣтнее помѣщеніе (безъ печи и потолка, съ ямой для огня, надъ которымъ вѣшался котелъ), другая—въ зимнее (съ печью посрединѣ, на балкахъ); окна, кромѣ одного стекляннаго, задвигались доскою. Въ лифляндской избѣ, крытой

¹⁾ Передъ этой избой посажены были цвѣты, о которыхъ поется въ народныхъ пѣсняхъ.

соломою, съ рѣзными козлами крыши, соединялись подъ одной кровлею: рига, овины и жилья. Зимомъ въ ригѣ и жили; лѣтомъ и осенью, пока шла молотба, переселялись въ боковыя пристройки.

Среди многихъ манекеновъ, представлявшихъ типы, наряды и работы латышей, особенно интересна была обширная свадебная группа (невѣста бросаетъ подарки домашнимъ духамъ).

Среди образцовъ утвари отмѣтимъ собраніе старинныхъ музыкальныхъ орудій: бубны, дудки, рога, гусли о 5—12 струнахъ, волынку, трійдекснисъ.

IV

Засѣданія X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ.

Засѣданіе Совета Съѣзда 30 іюля 1896 г.

Засѣданіе открылось въ 7 ч. вечера въ залѣ Большой Гильдіи, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой и въ составѣ 58 депутатовъ ученыхъ Обществъ и учреждений.

Въ предсѣдатели Съѣзда единогласно избрана графиня П. С. Уварова; въ секретари Съѣзда приглашены: В. К. Трутовскій и В. П. Вульфюсъ; въ Распорядительный Комитетъ: предсѣдатель Э. К. ф. Беттихеръ и члены: Н. Э. Крамеръ, Э. Р. ф. Штернъ, К. В. Левисъ офъ Менаръ, Ф. П. Гросвальдъ, С. К. Богоявленскій (секретарь) и И. Г. Лабутинъ (казначей).

Въ предсѣдатели Ученаго Комитета избранъ Э. И. Успенскій.

Въ предсѣдатели отдѣленій Съѣзда: 1) древностей первобытныхъ — Д. Н. Анучинъ; 2) древностей историко-географическихъ и этнографическихъ — Е. Э. ф. Ноттбекъ; 3) памятниковъ искусствъ и художествъ и 7) древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ — А. И. Кирпичниковъ; 4) быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго — Д. А. Корсаковъ; 5) древностей церковныхъ Н. В. Покровскій; 6) памятниковъ языка и письма — А. А. Кочубинскій; 8) древностей Прибалтійскихъ — И. А. Энгельманъ; 9) древностей восточныхъ — А. А. Цагарели; 10) нумизматики и сфрагистики — баронъ Г. Бруйнингъ; 11) памятниковъ археографическихъ — Д. И. Багалъй.

Въ секретари отдѣленій приглашены: 1) Н. Э. Бѣляшевскій; 2) К. В. Корвинъ-Пиотровскій; 3 и 7) В. П. Бузескулъ и Е. К. Рѣдинъ; 4) М. Н. Бережковъ и А. И. Миловидовъ; 5) А. П. Голубцовъ; 6) Е. В. Пѣтуховъ; 8) Г. Геденштрѣмъ; 9) К. В. Корвинъ-Пиотровскій; 10) В. Г. Фогель; 11) Г. Фейерейзенъ.

Открытие Съезда 1 августа.

Съездъ былъ открытъ въ залѣ Малой гильдіи (гдѣ затѣмъ и происходила большая часть засѣданій), при многочисленномъ собраніи представителей ученыхъ обществъ и учреждений, членовъ Съезда, представителей мѣстнаго духовенства и членовъ высшей администраціи и сословныхъ учреждений края.

Послѣ пѣнія архіерейскимъ хоромъ: „Днесь благодать Святаго Духа на събра“, попечитель рижскаго учебнаго округа, Н. А. Лавровскій открылъ Съездъ рѣчью, въ которой отмѣтилъ общественное значеніе и научный интересъ Съезда.

Послѣ радушныхъ привѣтствій лифляндскаго губернатора В. Д. Суровцова и рижскаго городского головы Л. В. Керковиуса, взошла на кафедру графиня П. С. Уварова, предсѣдатель бывшаго Предварительнаго Комитета Съезда. Рассказавъ исторію возникновенія Съездовъ, указавъ на научные результаты предъидущихъ девяти Съездовъ и на значеніе ихъ въ особенности для мѣстной археологіи и упоманувъ, что доселѣ не осуществлены два проекта, которые разсматриваются уже съ перваго Съезда—введеніе преподаванія археологіи въ университетахъ и упорядоченіе правилъ по сохраненію древнихъ памятниковъ, графиня доложила отчетъ о дѣятельности Московскаго Предварительнаго Комитета X Съезда и его Рижскаго и Ревельскаго Отдѣленій:

Московскій Предварительный Комитетъ былъ почтенъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича, который изволилъ лично, съ особымъ вниманіемъ участвовать въ трудахъ Комитета и исходатайствовать субсидію для нуждъ Комитета и Съезда. Комитетъ пригласилъ къ участию въ Съездѣ и Выставкѣ ученые учрежденія и общества и рядъ частныхъ лицъ въ Россіи и заграничій (заграничій, преимущественно, по берегамъ Балтійскаго моря), возбуждалъ ходатайство о сохраненіи мѣстныхъ древностей и упорядоченіи архивовъ, снарядилъ ученые экспедиціи гг. Сязова, бар. Штакельберга, Покровскаго, Богоявленскаго и издалъ 1-й выпускъ своихъ трудовъ.

Въ Ригѣ главнымъ, энергичнѣйшимъ и усерднѣйшимъ дѣтелемъ по подготовкѣ Съезда было одно изъ старѣйшихъ въ Россіи ученыхъ обществъ—*Общество для Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній*. Оно какъ бы раздвоилось на этотъ разъ: изъ него, во-первыхъ, выдѣляется *Рижскій Предварительный Комитетъ*, въ составъ котораго вошли мѣстные латышскія и эстонскія Общества, Лифляндскій и Курляндскій Губерн. Стат. Комит. Русскій Литературный Кружокъ, Курляндскія ученые общества и членами высшія лица администраціи и сословныхъ учреждений. Предварительный Комитетъ *этотъ* или вѣрнѣе *эта* часть Общества Исторіи и Древностей, избравъ себѣ въ предсѣдатели товарища рижскаго городского головы Э. К. Беттихера,

а въ секретари Н. Э. фонъ-Крамера и И. Г. Лабутина, приложилъ все свое стараніе, все заботы къ принятію возможныхъ средствъ для успѣшнаго устройства Съѣзда съ матеріальной точки зрѣнія, то есть, обезпеченія приѣзжающихъ членовъ удобными и недорогими помѣщеніями, устройства помѣщеній подъ Выставку и засѣданія Съѣзда, хлопоты касательно объѣдовъ и приѣма членовъ, однимъ словомъ *достойной* постановки дѣла *первою* Археологическаго Съѣзда въ столь культурномъ и богатомъ центрѣ, какъ Рига и вообще Прибалтійскій край. *Другая часть Общества* съ почтеннымъ предсѣдателемъ, барономъ Бруйнингкомъ, во главѣ, занялась ученой стороною дѣла: *разработкой* предложенныхъ на Съѣздѣ вопросовъ, отвѣтомъ на которыя явится значительное число рефератовъ на Съѣздѣ: *раскопками*—произведенными въ Кремонѣ, Клауэнштейнѣ, Звенекѣ, Кайпенѣ, на о. Моонѣ, Риннекальнѣ и въ Кардисѣ, описаніе и научную разработку которыхъ находимъ въ *Sitzungsberichte* Общества за 1894 и 95 годъ ¹⁾; *разработкой мѣстной старины и изслѣдованіями*—съ которыми знакомятъ насъ тѣ же отчеты Общества, или отдѣльныя изданія, выпущенныя въ свѣтъ ко времени Съѣзда, напр., Lövis of Menag—„Livland im Mittelalter“,—карта Лифляндіи при Орденѣ; его же, вмѣстѣ съ паст. А. Биленштейномъ—„Die Burgen der Livländischen Schweiz“, и Anton Buchholtz — Археологическая Библиографія Прибалтійскаго края—трудъ, предъ которымъ въ особенности преклоняюсь, такъ какъ онъ явится необходимымъ подспорьемъ въ нашихъ археологическихъ трудахъ и осуществляетъ мечту, къ которой безуспѣшно стремились послѣдніе Съѣзды; и наконецъ, *выставкой*, которая, занявъ верхнія залы Большой Гильдіи, представляетъ роскошную картину *всею* до сихъ поръ дѣланнаго по археологіи края ²⁾. Большую заслугу окажетъ эта Выставка Съѣзду уже потому, что ей удалось, дружными стараніями *всѣхъ* Балтійскихъ ученыхъ обществъ, собрать въ одномъ помѣщеніи находки и древности, сохраняемыя въ обычное время въ музеяхъ Риги, Аренсбурга, Феллина, Юрьева, Митавы и Ревеля, музеи, которые бы, по всему вѣроятію, остались непосѣщенными большимъ числомъ членовъ Съѣзда. Собранныя коллекціи позволятъ намъ изучать здѣсь, на мѣстѣ, все эти сокровища; систематическій, но и въ высшей степени научно выдержанный *Каталогъ*, съ 34 прекрасно исполненными фототипными таблицами, 255 стр. описанія предметовъ, распределенныхъ въ 22 отдѣлахъ, и въ 85 стр. талантливаго *Вступленія* проф. Хаусмана — дадутъ всякому, кто захочетъ заняться, возможность составить себѣ *полную* картину археологическихъ изслѣдованій края.

Надъ каталогомъ поработали въ особенности, не считая проф. Хаусмана, члены Общества Исторіи и Древностей А. Буххольцъ, Фил. Шварцъ. Н. Бушъ и предс. Общества бар. Бруйнингкъ. Юрьевскій Университетъ,

¹⁾ См. стр. 121.

²⁾ См. стр. 207.

Общество Литературы и Искусства въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общество въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общество въ Феллинь и Ученое Латышское Общество въ Ригѣ, равно какъ и музеи всѣхъ упомянутыхъ городовъ оказали также самое теплое участіе дѣлу Выставки. Съ благодарностью должны быть названы гг.: *Бой* въ Митавѣ, *Ф. Хосенъ* въ Ревелѣ, *Гѣрцъ* въ Юрьевѣ, *Вильде* въ Аренсбургѣ, *Ф. Рижюфъ* въ Феллинь.

Латышское Общество съ своей стороны устраиваетъ на время Съѣзда въ нарочно для того построенныхъ павильонахъ *Этнографическую Выставку*, которая должна познакомить насъ съ костюмами и обрядовой стороной жизни латышей и эстовъ, съ ихъ пѣснями, танцами и бытовыми особенностями.

Ревельскіе ученые и любители образовали свой особый *Предварительный Комитетъ* подъ предсѣдательствомъ фонъ-Ноттбека, при любезномъ содѣйствіи губернатора Н. Ев. Скалона, г. Губера и предводителя дворянства барона О. Р. Будберга. Комитетъ этотъ также не мало помогъ устройству Выставки и потрудился надъ раскопками и археологическими изслѣдованіями края, которыя послужатъ темою для нѣсколькихъ докладовъ на Съѣздѣ.

Было бы несправедливо не упомянуть еще о слѣдующихъ трудахъ, вызванныхъ предстоящимъ Съѣздомъ: Ученое Эстляндское Литературное Общество издало *Кирту мошльныхъ находокъ* въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, составленную кандидатомъ по истор. наукамъ *Sizka*; Эстлянд. Губ. Статист. Комитетъ издалъ два выпуска *Временника Эстляндской губерніи*, гдѣ помѣщены, посвященные Съѣзду труды: Н. Н. Харузина—*Обзоръ до-исторической археологической Балтійскихъ губерній по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей*; его же—*Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ Мин. Ин. Дѣлъ и Юстиціи*, и статьи гг. Муравьева, Солодовникова, о. Тизика, г. Трусмана, Ханзена, А. Н. Харузина. Юрьевскій университетъ посвятилъ Съѣзду изданные г. Саблеромъ русскіе документы архива графовъ де-ла-Гарди, а г. Лаутенбергъ—*Очерки изъ исторіи Литовско-Латышскаго народнаго творчества*. Православное же духовенство края доставило Моск. Предв. Комитету при посредствѣ высокопреосвященнаго Арсенія значительный матеріалъ историческаго и этнографическаго характера, выдержки изъ котораго войдутъ въ составъ 2 выпуска Трудовъ Предв. Комитета. Въ Москвѣ Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ издалъ къ Съѣзду особой брошюрой первые листы 3 вып. *Обзора вѣнскихъ сношеній Россіи* Бантыша-Каменскаго, посвященные Прибалтійскимъ губерніямъ и Финляндіи.

Даже, съ отрадою указавъ на живой откликъ, какой нашла въ мѣстномъ обществѣ и печати, видѣ кабинетныхъ ученыхъ, эта дружная работа, графиня отъ лица всѣхъ собравшихся выразила благодарность мѣстнымъ дѣятелямъ и учрежденіямъ за труды по предстоявшему Съѣзду, и заклю-

чила рѣчь благодарнымъ воспоминаніемъ о тѣхъ почившихъ дѣтеляхъ, которыми проложены пути въ изученію мѣстной старины: Крузе, Варѣ, Гревингкѣ

Предсѣдатель Комитета Латышской Этнографической Выставки О. П. Гросвальдъ представилъ краткій отчетъ объ устройствѣ этой выставки, ознакомилъ слушателей съ трудами ея устроителей въ 1894 и 1895 гг., когда для полученія наиболѣе полной картины быта латышей, какъ древняго, такъ и современнаго, пришлось сдѣлать болѣе 20 экспедицій, рассказалъ планъ и характеръ выставки и указалъ на тѣсную связь ея съ задачами Съезда.

Затѣмъ были прочтены привѣтственные депеши: отъ Августѣйшаго Предсѣдателя Съезда, отъ высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Рижскаго и Митавскаго, отъ г. управляющаго Министер. Народнаго Просвѣщенія и отъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, и послана благодарственная телеграмма Е. И. В. Великому Князю Сергію Александровичу.

Торжество закончилось пѣніемъ народнаго гимна, и все собраніе, съ графиней Уваровой во главѣ, перешло въ зданіе Большой Гильдіи для обозрѣнія прекрасной Археологической Выставки, устроенной Обществомъ Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній. При входѣ на Выставку, гдѣ въ группѣ тропическихъ растений стояли бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ, члены Съезда были привѣтствованы предсѣдателемъ Общества Исторіи барономъ Бруйнингомъ. Объясненія по Археологической Выставкѣ давалъ профессоръ Юрьевскаго университета Рих. Хаусманъ. Отсюда участники Съезда съ графиней Уваровой и генераломъ Суровцевымъ съ супругой отправились на открытіе Латышской Этнографической Выставки, помѣщавшейся на обширной Яковлевской площади по берегу городского канала. Въ центральномъ зданіи, по срединѣ котораго подъ шелковымъ балдахиномъ окруженные тропическою зеленью и цвѣтами стояли на пьедесталѣ бюсты ихъ Императорскихъ Величествъ, прибывшіе были встрѣчены предсѣдателемъ Комитета Выставки г. Гросвальдомъ, сказавшимъ привѣтствіе.

Оркестръ и латышскій смѣшанный хоръ исполнили народный гимнъ. Затѣмъ почетные гости начали обходить Выставку въ сопровожденіи членовъ Комитета ея, дававшихъ объясненія. Для гостей былъ сервированъ чай. Въ то же время военный оркестръ и латышскій хоръ попеременно исполняли сочиненія латышскихъ композиторовъ и народныхъ пѣсни.

Первое общее засѣданіе Съезда 2 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель Р. Вирховъ.

1. Проф. О. И. Успенскій прочелъ „О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополь“.

Въ трехлѣтній періодъ между Виленскимъ и Рижскимъ Съездамъ русская археологическая наука приобрѣла новое и обширное поле для своихъ

изслѣдованій. Съ основаніемъ въ Константинополѣ Русскаго Археологическаго Института, имѣющаго цѣлью изученіе письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ въ областяхъ прежней византійской, нынѣшней турецкой имперіи, греческаго королевства и славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ, открылась возможность непосредственнаго изученія многихъ земель, съ которыми Россія тѣсно связана въ культурномъ отношеніи и которыя до сихъ поръ оставались ей мало доступны. Русскимъ археологическимъ сѣздамъ Константинопольскій Институтъ обязанъ глубокой благодарностью; нельзя забыть того единокорнаго и горячаго сочувствія, какое встрѣтила въ Московскомъ Сѣздѣ мысль объ учрежденіи института въ Константинополѣ; Институтъ можетъ быть разсматриваемъ какъ археологическая колонія на Востокѣ. — Институтъ имѣетъ научный инвентарь, вывезенный въ Константинополь; онъ обогатился пожертвованіями разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений. Организациія бібліотеки была первая работа Института. Наиболѣе крупныя покупки: Migne, Acta Sanctorum; Corpus Inscriptionum; Библіотека св. Марка. — Въ зимнее время устраиваются засѣданія; въ лѣтнее — предпринимаются экскурсіи. Исполнены экскурсіи: въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, въ Никею, Бруссу и Никомедию и въ Болгарію. Научныя приобрѣтенія Института заключаются въ слѣдующемъ: древнѣйшее греческое евангеліе VI в.; древній христіанскій саркофагъ; древнія мозаики въ Софіи и др.; надписи на стѣнахъ и камняхъ; древніе монументальные памятники: стѣны, водопроводы, цистерны. Найдены новые тексты: жизнь св. Евгенія Трапезунтскаго; новые матеріалы для исторіи Италы; матеріалы для ученія богомиловъ; неизданныя сочиненія Льва Мудраго. Научныя предпріятія Института — русско-французская экспедиція на Аѳонъ и исторія древнихъ монастырей Константинопольскаго патріархата. Въ смыслѣ перспективы, открывающейся для Института въ ближайшемъ будущемъ, можно указать на широкое поле дѣятельности въ Болгаріи.

2. Докладъ проф. Р. Хаусмана, на нѣмецкомъ языкѣ, былъ посвященъ „Обзору развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе“.

Первый, обратившій вниманіе на балтійскую археологію, былъ рижскій бургомистръ Францъ Ніенштедтъ, жившій въ концѣ 16 вѣка. За нимъ слѣдовали Хупель, графъ Меллинъ, Кёрберъ въ 18 вѣкѣ. Но это были одиночныя попытки. Прочный фундаментъ археологія получила только со времени устройства публичныхъ музеевъ въ Митавѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, которые стоятъ въ связи съ возникновеніемъ историческихъ мѣстныхъ обществъ и Хольцмайеръ въ Аренбургѣ, Дёрингъ въ Митавѣ, Борихауптъ въ Ригѣ и Гревингъ въ Юрьевѣ могутъ считаться главными руководителями въ этомъ дѣлѣ. Что касается научной обработки балтійской археологіи, то можно различить три періода: 1) періодъ Крузе и Бэра; 2) періодъ Сиверса и Гревингга и 3) современный періодъ. Надежды, возлагаемыя правительствомъ

на Крузе, Юрьевского профессора, къ сожалѣнію не оправдались. Его „Negotivonica“, сочиненіе, снабженное многими иллюстраціями, изобилуетъ гипотезами и лишено критики. Дѣятельность Бара могла принести болѣе пользы; но безучастіе публики не позволило ему достигъ своихъ цѣлей. Константинъ Гревингкъ, будучи въ продолженіе тридцати лѣтъ († 1887 г.) профессоромъ минералогіи въ Юрьевѣ, потрудился лично въ области балтійской доисторической археологіи. Въ 1859 г. была издана его геологія Лифляндіи и Курляндіи, въ 1861 сочиненіе о каменномъ вѣкѣ Балтійскаго края. Для перваго періода—до IX вѣка—его работы весьма цѣнны. Подъ его руководствомъ Эстонское Ученое Общество сдѣлалось центромъ балтійской археологіи. Ревностнымъ собирателемъ былъ гр. Карлъ Георгій Северсъ, отдавшійся съ безпримѣрною энергіею дѣлу отечественной археологіи. Онъ вошелъ въ сношенія съ Рудольфомъ Вирховымъ, посѣтившимъ Балтійскій край для археологическихъ изслѣдованій впервые въ 1877 г. Кромѣ Северса и Гревингка много потрудились надъ мѣстной археологіей Монтелиусъ, Вирховъ, Аспелинъ, который издалъ превосходный атласъ; затѣмъ Виленштейнъ, Крюгеръ, Дѣрингъ, Рэсоны въ Митавѣ, Борнхауптъ въ Ригѣ, Хольцмайеръ въ Арнсбургѣ; изъ послѣдняго поколѣнія: А. Бухгольцъ, Левисъ-оф-Менаръ, Якшъ, Бушъ въ Ригѣ, Бой въ Митавѣ, Хофманъ, Лешке, Шрёдеръ, Висковатовъ, Сизовъ. Весьма важную роль въ археологіи Балтійскаго края играетъ дѣятельность Георгія Лешке, бывшаго до 1889 г. профессоромъ исторіи искусствъ и классической археологіи въ мѣстномъ университетѣ. Съ энтузіазмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ критическимъ тактомъ, онъ предался своимъ занятіямъ. Онъ надѣялся дойти до точнаго обозначенія типовъ могилъ, но переселеніе его въ Боннъ не позволило ему окончить начатыя работы. „Его дѣятельность останется незабвенной; мы идемъ по его слѣдамъ“.

Засѣданіе отдѣленія VII: Древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ. 2 августа день.

Почетный предсѣдатель: Н. И. Петровъ.

1. Э. Р. фонъ-Штернъ прочелъ докладъ „О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югъ Россіи“.

Вопросъ объ этихъ поддѣлкахъ является весьма важнымъ и современнымъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время фальсификація античныхъ вещей достигла высокиихъ размѣровъ; античныя вещи стали настолько искусно поддѣлывать, что нуженъ слишкомъ опытный глазъ, чтобы отличить фальшивыя отъ настоящихъ; въ заблужденіе вводятся ученые люди, вещи приобрѣтаются въ музеи. Проф. фонъ-Штернъ въ своемъ докладѣ подробно остановился на различныхъ группахъ фальшивыхъ вещей (сосуды изъ глины, терракотты, надписи, золотыя вещи—серьги, ожерелья, короны (докладчикъ присоединяется ко мнѣнію ученыхъ, признающихъ пресловутую

тіару Сайтафарна ¹⁾ подложною) и т. п., и указывалъ на признаки, по которымъ ихъ можно отличить отъ настоящихъ.

2. Въ докладѣ Д. В. Айналова „*О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ*“, прочтенномъ Н. В. Покровскимъ, изслѣдованы два замѣчательныхъ скульптурныхъ памятника, открытыхъ трудами Императорскаго Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Древне-христіанскихъ памятниковъ, особенно скульптурныхъ, на Востоку пока извѣстно мало; изученіе же ихъ весьма важно для исторіи христіанскаго искусства для рѣшенія вопроса о его началахъ.

Оба памятника—христіанскіе саркофаги. На одномъ, найденномъ въ турецкой деревнѣ Теккели-Кіюй, начерчено изображеніе корабля съ распущенными парусами, но безъ людей; поверхъ мачты маленькій крестикъ, а по сторонамъ (не прочтенная еще) надпись. Судя по формамъ корабля, креста, саркофагъ IV в. (позже 326 года). На другомъ саркофагѣ (фрагментъ, боковая сторона), найденномъ въ Псаматіи (близъ Константинополя), въ трехъ нишахъ, образованныхъ витыми колонками, замѣчательной работы, три фигуры, выполненные въ высокомъ рельефѣ: Христа юнаго въ нимбѣ и двухъ учениковъ (евангелистовъ); это памятникъ V вѣка; два же византійскихъ рельефа, находящихся по сторонамъ доски саркофага, съ изображеніемъ Богородицы Оранты и Архангела Михаила—времени послѣ паденія Византійской имперіи.

Засѣданіе отдѣленія VIII: Древности Прибалтійскія. 3 августа, утро.

Почетный предсѣдатель д-ръ А. Беценбергеръ.

1. Баронъ Г. Бруйнингъ въ пространной рѣчи далъ *Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ*. Уже первыя Общества, возникшія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія, каковы Лифляндское Общепольное и Экономическое Общество и основанное въ 1803 г. „*Litterärisch-praktische Bürgerverbindung*“, хотя имѣли въ виду только задачи практической жизни, все-таки занимались и изученіемъ исторіи этого края. Издаваемые съ 1810 г. „*Rigasche Stadtblätter*“ служили и еще служатъ обильнымъ источникомъ для мѣстной исторіи. Въ 1816 г. основано Курляндское Общество Искусства и Литературы, посвящавшее свои труды менѣе изученію старины, чѣмъ общенаучнымъ изслѣдованіямъ, согласно свойственному тому времени направленію. Въ связи съ этимъ Обществомъ стоитъ Курляндскій Провинціальный Музей. Труды этого Общества даютъ сравнительно мало матеріаловъ для исторіи и археологіи. Въ новѣйшее время, благодаря реорганизаціи Общества, историческія и археологическія работы выдвинулись впередъ. Въ этомъ отношеніи отличались Юлій Дѣрингъ, долготѣ-

¹⁾ См. стр. 239.

ній секретарь Общества, Дидерихсъ, А. и Э. Серафимъ. Въ 1893 г. учреждено было особенное отдѣленіе для генеалогіи, геральдики и сфрагистики. Основанное въ 1824 г. Латышское Литературное Общество, посвященное изученію латышской словесности, собирало и издавало народныя пѣсни и преданія латышей; въ новѣйшее время оно начало также заниматься топографическими и археологическими изслѣдованіями. На этомъ поприщѣ особенно выдвинулся нынѣшній предсѣдатель Общества д-ръ А. Биленштейнъ, замѣчательный трудъ котораго „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert“ изданъ Императорскою Академіею Наукъ въ 1892 г.—Научныя работы историка Напѣрскаго дали поводъ къ основанію въ Ригѣ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній въ началѣ 30-хъ годовъ. Между трудами этого Общества въ первое время занимала главное мѣсто археологія, потому работы по собираю и изданію драмать. Какъ въ Митавѣ, такъ и въ Ригѣ основанъ былъ музей, инспекторомъ котораго въ теченіе 48 лѣтъ состоялъ д-ръ К. Борнхауптъ (1841—89). Библиотека Общества въ скоромъ времени развилась въ цѣнное собраніе рукописей и книгъ по ливонской исторіи, благодаря неуныннымъ трудамъ ученаго директора д-ра Авг. Буххольца, который по кончинѣ Напѣрскаго состоялъ предсѣдателемъ Общества до своей смерти (въ 1875 г.). Много обязано Общество дѣятельности Георгія Бергхольца, бывшаго предсѣдателемъ послѣ кончины Буххольца. Быстрое процвѣтаніе Общества отразилось въ устроенной имъ культурно-исторической выставкѣ въ 1883 г. Особенное вниманіе было обращено на архитектурныя памятники среднихъ вѣковъ. Въ 1884 г. учредили особенное отдѣленіе для реставраціи рижскаго лютеранскаго собора (Dombauverein), работы котораго увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Труды членовъ Общества, каковы „Das mittelalterliche Riga“ Нейманна, Die Goldschmiedearbeiten in Livland, Estland und Kurland Антона Буххольца, „Die städtische Profanarchitektur der Gothik, der Renaissance und des Baroco in Riga, Reval und Narva“ Карла фонъ-Левисъ-оф-Менаръ и „Die Werke der mittelalterlichen Holzplastik und Malerei in Livland und Estland“ В. Нейманна пролили яркій свѣтъ на культурное положеніе прибалтійскихъ городовъ въ Средніе вѣка. Все болѣе и болѣе выяснялась потребность новаго зданія для музея и благодаря помощи, оказанной администраціей лютеранскаго собора и городской думой въ 1890 г., состоялось открытіе т. н. Соборнаго музея (Dommuseum). Вслѣдствіе обширности новаго зданія коллекціи музея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удесятирились. Въ то же самое время работы по изданію письменныхъ источниковъ быстро двинулись впередъ. Десятый томъ „Liv-, Est- und Kurländ. Urkundenbuch“ только что вышелъ въ свѣтъ.—Нѣсколько лѣтъ послѣ рижскаго Общества основалось Эстонское Ученое Общество въ Юрьевѣ (въ 1838 г.). Главную задачу его составляетъ изученіе прошлаго и современнаго эстонскаго народа, его языка и словесности и страны, населенной имъ. Замѣчательными трудами

выдвинулись: Крейцвальдъ изданіемъ народнаго эпоса „Kalewipoeg“, Видеманъ словаремъ эстонскаго языка, Б. фонъ-Шредеръ, Керманъ и другіе ¹⁾. Но на-ряду съ работами на этомъ поприщѣ шли тоже чисто историческія. Сюда относятся труды проф. Ширрена „Verzeichniss livl. Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken“ и „Der Codex Zamoscianus“ (1865), проф. Винкельманна: „Bibliotheca Livonica“ и др. Музей этого Общества особенно богатъ доисторическими предметами, добытыми на ежегодныхъ археологическихъ экскурсіяхъ. Способъ сохраненія археологическихъ документовъ, установленный проф. Хаусманомъ, сдѣлался образцомъ для другихъ Обществъ. Благодаря стараніямъ Гревингга, графа Сиверса, Хаусмана, Всковатова и Лешке, Юрьевъ сталъ центромъ балтійской археологій.

Сборнымъ мѣстомъ для эстляндскихъ историковъ сдѣлалось Эстляндское Литературное Общество, основанное въ 1841 г. Учрежденная при немъ „Коммиссія для отечественной исторіи“ обнаруживала особенно напряженную дѣятельность. Органомъ этой коммиссіи служилъ „Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands“, основанный Фридрихомъ фонъ-Бунге. Во второмъ выпускѣ Архива помѣщено изданіе Ширрена: „Quellen zur Geschichte des Untergangs livl. Selbständigkeit“ изъ шведскаго и датскаго государственныхъ архивовъ; „Третій выпускъ“ посвященъ сокровищамъ ревальскаго городского архива. Сюда относятся: „Das älteste Witschopbuch der Stadt Reval“ изд. Арбузовымъ, „Die Erbebücher der Stadt Reval“, изд. Е. фонъ-Нотбекомъ и др. Для научныхъ статей учрежденъ былъ въ 1868 г. особенный органъ въ „Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands“. Послѣ того какъ во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ и въ университетскомъ городѣ были учреждены Общества, казалось, научныя потребности были вполнѣ удовлетворены. Но несмотря на то, съ начала 60-хъ годовъ еще возникли новыя историческія Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1863 г. въ Нарвѣ по почину Большой Гильдіи было основано Нарвское Общество Древностей. Но уже къ концу 60-ыхъ годовъ оно прекратило свои занятія. Въ то же самое время основано было въ Аренсбургѣ Общество для изслѣдованія Эзеля, по почину заслуженнаго Хольтцмейера. Самое младшее Общ. Приб. края — Феллинское Литературное Общество, основ. въ 1881 г. Въ нынѣшнее время предполагается учрежденіе историческаго Общества въ Перновѣ, уставъ котораго уже утвержденъ.

Баронъ Бруйнингъ окончилъ свой обзоръ, указывая на высокое нравственное значеніе, вытекающее изъ этой децентрализаціи научной работы въ Прибалтійскомъ краѣ. Она, распространяя повсюду любовь къ наукѣ,

¹⁾ Нельзя не вспомнить замѣчательные труды по эстонскому и родственнымъ языкамъ безвременно умершаго проф. Веске, который сначала дѣйствовалъ въ Юрьевѣ, потомъ въ Казани; его „Славяно-эстонскія культурныя отношенія по даннымъ языка“ (Казань, 1890) весьма интересны и для археолога. *Прим. редакціи.*

вызывает и питает идеализмъ, который всегда составляет лучшее побужденіе ко всякому труду.

2. Пасторъ д-ръ А. Биленштейнъ докладывалъ о *древне-латышскихъ городищахъ*.

Первое лѣтописное извѣстіе о нихъ даетъ Римбертъ въ его „Vita Anskaarii“ (ок. 860 г.), рассказывая о походѣ шведскаго короля Олафа противъ куровъ. Шведы взяли приступомъ городище Апулію, находившееся вблизи нынѣшней Либавы при Шодовѣ на южной границѣ Курляндіи. Въ ливонскихъ грамотахъ 13 столѣтія эти городища часто упоминаются подъ именемъ „castra“. Въ нынѣшнее время существуютъ въ Прибалтійскомъ краѣ еще остатки 300 этихъ земляныхъ укрѣпленій. Въ нихъ находятъ: уголь—остатокъ палисадовъ, сгорѣвшихъ при взятіи укрѣпленія, расплавленное желѣзо—остатокъ оружія и одинъ разъ, въ городищѣ Терветенѣ, найдено большое количество поджареннаго ячменя—прежній хлѣбный складъ. Потребность къ постройкѣ городищъ создавалась почти непрерывнымъ военнымъ положеніемъ, въ которомъ находились древніе латыши. Но эти укрѣпленные мѣста служили не только убѣжищемъ во время военное, но и постояннымъ мѣстожителемъ: во 1-хъ, множество латышскихъ князей или предводителей (principes, seniores, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ Гейнрихъ) получили свои наименованія отъ этихъ городищъ; во-вторыхъ, замѣчательная растительность почвы въ этихъ городищахъ, еще въ нынѣшнее время никогда не нуждающейся въ навозѣ, и множество могильниковъ въ окрестности каждаго городища указываетъ на то, что эти мѣста постоянно были заселены; въ-третьихъ, эти городища слишкомъ малы, чтобы они могли служить убѣжищемъ для всего населенія округа и для стадъ, и наоборотъ, мы знаемъ изъ лѣтописей XIII и XIV столѣтій, что во время опасности населеніе бѣжало въ трудно доступныя лѣсныя мѣста, окруженныя обыкновенно непроходимыми болотами. Но часто подъ древними городищами, кажется, находился огороженный палисадомъ небольшой поселокъ (Nakelwerk), что замѣчается также при древнихъ рыцарскихъ замкахъ. Укрѣпленіе состояло изъ одного или нѣсколькихъ рядовъ вала, рва и палисада на высотѣ крутого бугра или горы. Разницы въ укрѣпленіи и постройкѣ между городищами латышей и ихъ сосѣдей почти нѣтъ. Городища ливовъ имѣютъ тотъ же самый видъ, что, пожалуй, часто объясняется тѣмъ, что эти мѣста ранѣе были въ рукахъ латышей-аборигеновъ. Къ тому же самому типу принадлежатъ также городища литовцевъ и бѣлоруссовъ. Только эстонцы при постройкѣ вала пользовались обиліемъ камней въ ихъ странѣ. Что касается распредѣленія городищъ въ странѣ, то они гуще всего въ холмистыхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ, очень рѣдки въ равнинахъ. Очень часто можно замѣтить, что вблизи этихъ городищъ нынѣ стоитъ приходская церковь или находятся развалины рыцарскаго замка, т. е. при завоеваніи страны нѣмцами прежніе центры сохранились, только переѣвивъ свой внутренній и внѣшній характеръ.

3. Пасторъ д-ръ Я. А. Хуртъ докладывалъ о своемъ обширномъ собраніи произведеній эстонской народной словесности, выставленномъ въ рукописяхъ въ залѣ Большой Гильдіи. Въ эту коллекцію, состоящую изъ 163 томовъ, входятъ около 40,500 народныхъ пѣсенъ (считая и варианты), около 8,500 сказокъ, около 45,000 пословицъ, около 37 000 народныхъ загадокъ (хотя тутъ много повтореній), дагѣ около 52,000 записокъ объ эстонскихъ суевѣріяхъ, матеріаловъ о нравахъ и обычаяхъ эстонскаго народа, о свидѣніяхъ и ихъ толкованіяхъ (до 12,000), наконецъ образцы мѣстныхъ нарѣчій и характерныя поговорки. Основаніе этому собранію было положено въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ частью личнымъ трудомъ пастора Гурта, частью содѣйствіемъ Общества Эстонскихъ Литераторовъ въ Юрьевѣ. Но главная масса матеріаловъ собиралась отъ 1888 до 1896 г. съ помощью 860 лицъ изъ различныхъ мѣстностей ¹⁾. Собранные матеріалы составляютъ весьма обширный и цѣнный источникъ для изученія эстонскаго народа; они ознакомляютъ изслѣдователя съ внутренней жизнью народа, съ его стремленіями и идеями, съ его радостью и печалью, съ его вѣрой и надеждой. Все, что въ теченіе столѣтій выработалось, какъ отличительная черта народа, отразилось въ пѣсняхъ и преданіяхъ, въ поговоркахъ и изреченіяхъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Вкратцѣ можно назвать эту коллекцію подробной и наглядной живой летописью эстонскаго народа, написанной имъ самимъ. Нынѣ, благодаря средствамъ отъ Финскаго Литерат. Общества и Лифляндскаго дворянства, предвидится изданіе этихъ матеріаловъ.

4. Рефератъ К. А. Военскаго, прочитанный на французскомъ языкѣ, *О достопримѣчательностяхъ современной Митава и объ исторіи Митавскаго замка*—составляетъ извлеченіе изъ его статей, напечатанныхъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ настоящаго года въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ — подъ заглавіемъ „*Очерки Курляндской Старины*“.

Отдѣленіе XI. Памятники археологическіе. 3 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Н. А. Лавровскій.

1. Проф. Д. А. Корсаковъ посвятилъ нѣсколько словъ *памяти А. К. Жизневскаго*, отмѣтивъ главныя черты дѣятельности покойнаго, какъ замѣ-

¹⁾ Въ февралѣ 1888 г. пасторъ Хуртъ напечаталъ въ эстскихъ газетахъ воззваніе съ просьбою о записываніи и доставленіи ему произведеній народной словесности; въ мартѣ онъ уже помѣстилъ въ тѣхъ же газетахъ первый отчетъ о полученныхъ присылкахъ, и съ тѣхъ поръ напечатано имъ (въ газетахъ *Olewik, Postimees, Eesti Postimees*) 122 такихъ отчета—указанія, отъ кого и что получено, краткая характеристика присланнаго, два-три слова благодарности и т. п. Этими мѣсячными отчетами постоянно поддерживался интересъ корреспондентовъ, кругъ которыхъ все росъ. Нынѣ Я. А. приступилъ къ составленію фотографическаго альбома своихъ сотрудниковъ, который, повидимому, будетъ очень интересенъ; большею частью это—народные учителя, но вообще составъ очень разнообразенъ: тутъ есть и люди съ университетскимъ образованіемъ (лучшія записи), и землемашцы, старые и молодые.—*Прим. редакціи.*

чательнаго собирателя тверской старины и основателя и руководителя Тверскихъ Музеев и Ученой Архивной Коммисіи. Покойный, по происхожденію полякъ и католикъ, искренно и глубоко полюбилъ Россію и въ частности тверскую старину (онъ въ Твери провелъ 27 лѣтъ), умѣлъ добывать матеріалы для музея, привлекать молодыхъ сотрудниковъ по дѣлу устройства и обогащенія музея, представить всѣмъ работы по ихъ силамъ. Д. А. Корсаковъ обрисовалъ симпатичную личность покойнаго, пользовавшагося, наприм., въ средѣ православнаго духовенства—бѣлаго и чернаго, съ которымъ имѣлъ постоянныя сношенія по археологическимъ своимъ занятіямъ, полнымъ довѣріемъ и высокимъ уваженіемъ.

2. Проф. А. Н. Филипповъ прочелъ докладъ „*Матеріалы для исторіи Прибалтійскаго края съ русскихъ центральныхъ архивахъ*“.

Референтъ указалъ на тѣ неисчерпаемыя богатства, какія содержатъ въ себѣ, главнымъ образомъ, Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ и Сенатскій Архивъ въ Петербургѣ по исторіи края не только со времени присоединенія къ Россійской имперіи Лифляндіи и Эстляндіи въ началѣ XVIII в., но и для эпохъ болѣе отдаленныхъ, объяснивъ, что сосредоточіе въ центрѣ разнаго рода документовъ по исторіи Прибалтики вызывалось какъ нуждами администраціи присоединенныхъ провинцій, такъ и интересами самаго населенія. Всѣ первоисточники, относящіеся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII в., частію напечатанные, а еще болѣе хранящіеся въ названныхъ выше архивахъ, могутъ быть отыскиваемы либо въ актахъ тѣхъ обще-имперскихъ учреждений, которыя такъ или иначе касались управленія названными провинціями, либо въ тѣхъ *особыхъ* учрежденияхъ, или же *особыхъ* отдѣлахъ общеперскихъ учреждений, которыя уже въ началѣ XVIII в. были образованы въ центрѣ для лучшей администраціи этихъ провинцій. Перваго рода первоисточники могутъ быть находимы среди Высочайшихъ указовъ и повелѣній, а равно и среди протоколовъ, указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Кабинета министровъ, Пр. Сената, коллегій и прочихъ учреждений, въ той или иной мѣрѣ, но постоянно втеченіе XVIII в. касавшихся Лифляндіи и Эстляндіи; второго рода документы отыскиваются въ актахъ дѣлопроизводства такъ назв. „Камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ“. „Юстицъ-коллегіи“ тѣхъ же дѣлъ, а также въ дѣлахъ „Лифляндской экспедиціи“ Пр. Сената.

При обзорѣ первоисточниковъ мѣстной исторіи, разсѣянныхъ среди дѣлъ центральныхъ учреждений XVIII в., А. Н. указалъ, во-1-хъ, на тѣ печатныя изданія документовъ XVIII в., какія стали появляться въ послѣднее время, во 2-хъ отмѣтилъ тѣ „Описи“ этихъ документовъ, какія изданы въ недавнее время г. Барановымъ и какія значительно облегчаютъ первоначальное ознакомленіе съ содержаніемъ документовъ С.-Петербургскаго Архива Пр. Сената, а въ 3-хъ, привелъ цѣлый рядъ, частію изданныхъ, а частію неизданныхъ документовъ, которые могутъ служить для иллюстраціи

содержанія актовъ нашихъ центральныхъ архивовъ, касающихся мѣстнаго края. Таковы акты, имѣвшіе своимъ предметомъ ходатайства дворянства и городовъ о сохраненіи или расширеніи ихъ правъ и привилегій, изданія общаго лифляндскаго уложенія, челобитія частныхъ лицъ и корпорацій по разнымъ поводамъ, акты, касающіеся представителей мѣстнаго дворянства, поступившаго на государственную службу, акты, относящіеся къ недвижимой собственности края и ея мобилизаціи, и т. д.

З. Н. О. Бѣляшевскій. *Имфляндская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ XVI в.* Одинъ изъ отдѣловъ такъ наз. *Архивовъ бывшаго Финансоваго Управленія Царства Польскаго*, состоящій при Варшавской Казенной Палатѣ, носитъ названіе *Старопольскаго* и составляетъ архивъ *Скарба Короннаго Рѣчи Посиолитой*. Заключаетъ онъ въ себѣ около 4-хъ тысячъ книгъ и вязокъ, состоящихъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ; большая часть документовъ — XVI, XVII и XVIII вв., но есть также конца XV вѣка. Матеріалы, хранящіеся въ Архивѣ очень цѣнны, касаются различныхъ сторонъ прошлой жизни (главнымъ образомъ экономической); обнимаютъ собой громадный районъ различныхъ областей, входившихъ въ составъ Польскаго государства, такъ что историкъ Южной Россіи или Галлиціи, Прибалтійскаго края или восточныхъ провинцій Пруссіи, найдетъ обильный матеріалъ для своихъ изслѣдованій. Но, въ сожалѣвію, Архивъ этотъ до послѣдняго времени былъ очень мало извѣстенъ ученому міру, и референтъ, въ качествѣ представителя Архива на Съѣздѣ, считалъ бы свое порученіе исполненнымъ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ ученыхъ направитъ свои изысканія въ Архивъ Скарба Короннаго или вообще будетъ способствовать распространенію свѣдѣній объ этомъ, такъ мало извѣстномъ еще, Архивѣ. Въ скоромъ времени выйдетъ общій указатель Архива, а всѣмъ лицамъ, желающимъ или заниматься въ самомъ Архивѣ, или получить изъ него нужныя справки, всегда будетъ оказано возможное содѣйствіе. Докладчикъ характеризовалъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ Архива, касающихся собственно Лифляндіи и заключающихъ въ себѣ данныя географическо-статистическаго и соціально-экономическаго характера. Это прежде всего, такъ наз. „*Имфлянтская ревизія*“ 1599, дающая описаніе цѣлаго ряда замковъ, именно: описаніе построекъ, вооруженія, перечисленіе поселеній, тянувшихъ къ замкамъ, съ поименованіемъ населенія и количества земли, повинностей и т. п. Въ ревизіи описаны слѣдующіе замки: Lucyn, Taurus (Tarwast), Wandzel (Wainsel), Kirholm, Lenowarth (Lenewarten), Kokenhaus (Kokenhusen), Lais, Aszkarod (Ascheraden), Rzezysa, Felin и Helmeth; въ другомъ мѣстѣ нашлось продолженіе этой ревизіи — ревизія замка Iberpol (Oberpahlen). Въ виду того значенія, какое имѣетъ Имфлянтская ревизія для исторіи мѣстнаго края, референтъ внесъ предложеніе о напечатаніи этой ревизіи въ трудахъ Съѣзда.

Нѣкоторые другіе матеріалы, находящіеся въ Архивѣ Скарба Короннаго,

носящіе отчасти такой же характеръ, какъ и упомянутая ревизія, именно, *инвентари*: Юрьева и относящихся къ нему поселеній—1582, 1585 и 1586 гг.; Таугус'а и Felin'a—1583, 1584 и 1585 гг.; Nowograd'a (Neuhausen)?—1586, 1587 и 1588 гг.; Iberpol'я—1587 г.

4. Гр. Уварова передала просьбу Высшаго Училища въ Софіи, обращенную, черезъ посредство директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь, къ Съезду и его членамъ — объ установленіи общаго изданій русскихъ ученыхъ Обществъ по исторіи, археологіи и этнографіи на „Сборникъ за народни умотворени“, издаваемый В. Училищемъ.

Засѣданіе Отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 3 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Е. Бранденбургъ.

1. Докладъ К. фонъ-Штерна (на нѣмецкомъ языкѣ) „*Торговые пути Ганзеатовъ въ Великій Новгородъ*“. Первый опредѣлилъ торговые пути, по которымъ слѣдовали въ Новгородъ нѣмецкіе купцы, покойный проф. Никитскій. Докладчикъ обратилъ вниманіе на культурно- или историко-географическое вліяніе, которое имѣли эти торговые пути и ганзейско-русская торговля вообще на основаніе городовъ въ древней Ливоніи. Основываясь на известномъ фактѣ, что нѣмецко-русская торговля древнѣе чѣмъ нѣмецко-лифляндская колонія и что при основаніи послѣдней приняли выдающееся участіе нѣмецкіе купцы, г. ф. Штерна, перечисливъ балтійскіе порты, которые лежали по пути нѣмецкимъ торговымъ судамъ, направлявшимся по Балтійскому морю, объяснилъ, какъ пути, ведущіе въ Новгородъ и Смоленскъ, соперничали между собою подъ вліяніемъ общаго политическаго положенія. Сюда должно отнести прежде всего отношеніе Новгорода съ одной стороны къ великому княжеству Суздальскому, а съ другой стороны къ шведской Финляндіи. Развитіе этихъ политическихъ отношеній и вытекающее изъ нихъ соперничество различныхъ торговыхъ путей имѣли самое большое вліяніе на исторію основанія ливонскихъ городовъ. Такъ какъ на это обстоятельство до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія, то референтъ остановился въ отдѣльности на исторіи основанія городовъ Риги, Ревеля, Нарвы и Юрьева: такъ основаніе Риги стоитъ въ исторической связи съ закрытіемъ проѣзда по Невѣ, развитіе торговли Ревеля, основаніе Нарвы можно объяснить той же причиной. Не опуская изъ виду стратегической точки зрѣнія, докладчикъ рѣшительно выдвигаетъ на первый планъ политическое значеніе лифляндско-русскихъ торговыхъ путей для основанія городовъ.

2. Проф. Д. И. Багадѣй представилъ докладъ „*О Магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*“ — извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія на сказанную тему, въ параллель къ изслѣдованіямъ профессоровъ Владимірскаго-Буданова, и Антоновича о Магдебургскомъ правѣ въ городахъ

правобережной Малороссіи и въ западной Россіи вообще. На основаніи по большей части архивныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи докладчика, онъ изложилъ 1) внѣшнюю судьбу Магдебургскаго права въ городахъ Переяславль, Черниговъ, Нѣжинъ, Стародубъ и въ городахъ менѣе значительныхъ, какъ Погаръ, Почепъ, Мглинъ и пр.; 2) внутреннее устройство городского управленія и суда (по жалованнымъ грамотамъ, по сборникамъ правъ, оффиціальнымъ и частнымъ, и по разнымъ документамъ, изъ коихъ видно *фактическое* положеніе дѣлъ) и 3) послѣднюю историческую судьбу городского самоуправленія по Магдебургскому праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагопріятствовавшихъ самоуправленію городовъ по Магдебургскимъ порядкамъ.

3. Проф. А. И. Маркевичъ докладывалъ о *Русскомъ городѣ Ригѣ на Дону*. Этотъ городъ былъ основанъ въ 1658 г. на перевалѣ между рр. Дономъ и Волгою донскими казаками, участвовавшими въ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Основана была новая Рига съ цѣлью сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ для грабежей по Волгѣ и Каспійскому морю, и потому, по распоряженію московскаго правительства, была разорена въ 1660 году донскими же казаками послѣ упорнаго сопротивленія. Разбѣжавшіеся изъ Риги казаки долго еще занимались грабежами по Волгѣ и въ иныхъ мѣстностяхъ. Докладчикъ указалъ слѣды сношеній Стеньки Разина въ 1670 г. съ жителями шведскихъ Прибалтійскихъ провинцій, а въ томъ числѣ и съ г. Ригю, и привелъ извѣстія, которыя передавались въ рижскихъ курантахъ того времени относительно важнѣйшихъ московскихъ событій: дѣла патриарха Никона и бунта Стеньки Разина.

Засѣданіе Отдѣленія III. Памятники языка и письма. 5 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. С. Будниковъ.

1. Е. В. Пѣтуховъ прочелъ докладъ: „*О слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую*“. Въ доказательство существованія переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій до конца XVII в. докладчикъ привелъ слѣдующіе факты. При нѣкоторыхъ библейскихъ книгахъ (въ Московской Синодальной библіотекѣ: Библія полная, Псалтырь) есть указанія на переводъ съ нѣмецкаго или самаго текста или вступительныхъ къ нему статей. Весьма распространенное въ XVI и XVII вв. въ древней русской письменности „Двоесловіе Живота и Смерти“ есть переводъ нѣмецкой популярной книжки XVI в., основанной на одномъ изъ „масляничныхъ представлений“ (Fastnachtspiele), происхождение котораго относится къ XV в.; интересно, что русскій переводъ представляетъ „Двоесловіе“ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ нѣмецкій оригиналъ, доселѣ извѣстный лишь въ отрывкахъ. Въ рукописяхъ Импер. Публичной Библіотеки (изъ собраній графа Толстаго и Фролова) есть списки XVII в., заключающіе въ себѣ переводъ съ нѣмецкаго

„Зрѣлища житія человѣческаго“, а также произведеній персидскаго поэта Саади и басенъ Локмана. По мнѣнію Тихонравова и Порфирьева, известный энциклопедическій сборникъ „Люцидаріусъ“ также былъ переведенъ съ нѣмецкаго, на что указываютъ германизмы перевода. Въ XVII в. при устройствѣ впервые придворнаго театра въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ большую услугу оказали нѣмцы и нѣмецкая литература; фанъ-Стаденъ, посланный царемъ для подысканія заграницей разныхъ „мастеровъ“, въ томъ числѣ и „актеровъ“, воспользовался также своимъ пребываніемъ въ Ригѣ, чтобы исполнить порученіе царя; но гораздо важнѣе этого посольства были результаты обращенія, за устройствомъ театральной „потѣхи“ къ мѣстной нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ. Пасторъ І. Г. Грегори много потрудился не только надъ устройствомъ представленій, но и надъ первоначальнымъ созданіемъ репертуара изъ нѣмецкихъ источниковъ. Были переводимы въ XVII в. лѣчебники, календари, математическія книги. Наконецъ, не избѣжали нѣмецкаго вліянія, по изслѣдованіямъ г. Стасова и Д. А. Ровинскаго, и русскія народныя картинки, такъ называемыя „потѣшныя листы“.

Сдѣлавъ этотъ перечень, докладчикъ замѣтилъ, что дѣйствительно замѣтный слѣдъ нѣмецкая литература на древнерусскую имѣла развѣ въ области театра; остальное же является болѣе или менѣе случайнымъ: при чемъ однако же для вѣрнаго представленія о размѣрахъ этого вліянія слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ непосредственнаго заимствованія, т. е. съ нѣмецкаго языка, было въ русской литературѣ XVI и особенно XVII в. и заимствование посредственное — главнымъ образомъ черезъ Польшу, въ польскихъ переводахъ и передѣлкахъ.

П. В. Владиміровъ, В. З. Завитневичъ и А. И. Соболевскій, подтверждая основное положеніе докладчика, дополнили сообщенные имъ факты. Проф. Владиміровъ, самъ имѣвшій случай сличать нѣкоторыя библейскіе тексты съ нѣмецкими подлинниками, убѣдился въ вѣрности указаній на переводъ съ нѣмецкаго хотя, по его мнѣнію, замѣтки на книгахъ „съ лютеранскихъ (или нѣмецкихъ) книгъ“ и не всегда можно толковать въ смыслѣ нѣмецкаго *текста*; иногда это — просто указаніе лишь на мѣсто изданія книги въ Германіи. Проф. Завитневичъ указалъ на обильныя заимствованія изъ протестантской полемиической литературы, сдѣланныя въ Южной Россіи во время борьбы съ католичествомъ, при чемъ эти заимствованія отразились и на русскомъ сектантствѣ (мнѣнія объ антихристѣ въ XVII в.). А. И. Соболевскій напомнилъ о переводахъ Герасимовымъ нѣмецкихъ книгъ по военному дѣлу, указалъ, что и весь сборникъ Имп. Публ. Библ., гдѣ находятся сочиненія Саади и басни Локмана, переведенъ съ нѣмецкаго (восточный сборникъ Олеарія) и въ особенности отмѣчалъ, что полонизмы въ переводѣ не свидѣтельствуютъ непремѣнно о посредствѣ польской переводной литературы въ передачѣ нѣмецкаго оригинала: они могли быть внесены нашими переводчиками, каковыми у насъ, для нѣмецкаго языка, обыкновенно, кажется

бывали, польско-литовскіе и южно-русскіе уроженцы (судя по фамиліямъ переводчиковъ Посольскаго приказа, нѣкоторыя изъ коихъ и привелъ А. И.).

2. В. Н. Мочульскій изложилъ содержаніе: *Апокрифическаго житія св. Петра*, по сборнику XVI в., повидимому, сербскому, изъ бібліотеки Загребской академіи, № III, а. 10, лл. 45—49.

Церковная традиція объ ап. Петрѣ рано разбивается на двѣ вѣтви. Отсюда существуетъ двоякая легенда о Петрѣ. Первая указываетъ на страну при Черномъ морѣ (понтійская), другая на Римъ (римская), какъ главные пункты миссіонерской дѣятельности ап. Петра.

Апокрифъ, рассказанный докладчикомъ, представляетъ отчасти соединеніе понтійской и римской легендъ о Петрѣ. Но несмотря на заимствованіе общей канвы житія, въ немъ замѣчается интересная и при томъ оригинальная вставка о продажѣ Петромъ Христа, явившагося подъ видомъ отрока Корависту. Въ этой вставкѣ можно видѣть главную тенденцію житія—обличеніе симоніи.

3. Графиня П. С. Уварова доложила собранію письмо эстляндскаго вице-губернатора къ А. А. Чумикову съ просьбой обратиться къ Съезду за объясненіемъ непонятныхъ словъ „оспохна“ и „госпохна“, встрѣченныхъ при изданіи на русскомъ языкѣ актовъ Ревельскаго Городскаго Архива; при этомъ представлена была и та страница изъ приготавлиаемаго изданія, на которой находятся упомянутыя слова, въ отпискѣ намѣстника ругодивскаго, князя Ив. А. Звенигородскаго бургомистрамъ, ратманамъ и посадникамъ города Колывани 19 октября 1568 года. По поводу этого заявленія произошелъ обменъ мнѣній, при чемъ проф. Соболевскій объяснялъ эти слова какъ „хозяйка“, „собственница“, а проф. Кочубинскій какъ собирательное „хозяйева“.

Засѣданіе Отдѣленія III. Памятники искусства и художества и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 5 августа, день.

Почетный предсѣдатель *Θ. Г. Мищенко*.

1. Проф. *Θ. Г. Мищенко* прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Извѣстія Геродота о скинскихъ земляхъ Россіи*“. Сдѣлавъ общую характеристику древнѣйшихъ свѣдѣній Геродота, проф. *Θ. Г. Мищенко* подробно остановился на его извѣстіяхъ о Россіи. По степени точности и полноты извѣстія эти весьма неоднородны; къ тому же въ нихъ есть и противорѣчивыя показанія, при чемъ наличность противорѣчія не отмѣчена авторомъ. Изъ народовъ, въ Скиіи сидѣвшихъ, Геродотъ называетъ агаэирсовъ, невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ, будиновъ, гелоновъ, савроматовъ, тавровъ, іпировъ, еиссаретовъ, аргипшаевъ, исседоновъ, аримасповъ, гипербореевъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ помѣщены имъ въ нынѣшней европейской Россіи, другіе—въ азіатской и даже за предѣлами теперешнихъ русскихъ владѣній.

По мнѣнію проф. *Θ. Г. Мищенко*, гелоны—эллины, смѣшанные съ ски-

еами. Неправильно мнѣніе, по которому городище Укекъ, перстахъ въ 8 отъ гор. Саратова, есть остатокъ города Гелона. Будины, невры и агаирсы принадлежали вѣроятно къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, ирки, еиссагеты—къ финнамъ; аргишпаи, исседоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—есть коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшніе киргизы и киргизъ-кайсаки. Вообще Геродотъ несравненно больше интересуется народами Востока, какъ болѣе извѣстнаго эллинамъ и находившагося съ ними въ непрерывныхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ обзорѣни западной Скіи Геродотъ наибольше останавливается на днѣпровскомъ пути, тогда уже вѣроятно доводившемъ нѣкоторыхъ торговыхъ людей изъ южной Россіи къ янтарнымъ берегамъ Балтики. На обязанности русскихъ ученыхъ лежитъ изученіе Геродота, отца русской исторіи, какъ этнографа и археолога.

А. А. Спицынъ въ замѣчаніяхъ на докладъ признавалъ существованіе племени киммерійскаго, которому принадлежатъ курганы, преимущественно съ мѣдными вещами; курганы эти начинаясь съ Кавказа и Тавриды, кончаются въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Курской, Саратовской, Астраханской.

2. И. Д. Четыркинъ прочиталъ докладъ „*О такъ называемомъ домѣ Марини Мнишекъ*“ въ Калугѣ. Домъ Коробовыхъ неправильно считается домомъ Марини: онъ въ актахъ называется каменнымъ, а каменные дома въ Калугѣ (по наблюденіямъ Преображенскаго) явились только со второй половины XVII вѣка. Докладчикъ, на основаніи лѣтописи Бера, полагаетъ, что Мнишекъ жила въ крѣпости (острогѣ), т. е. въ городѣ, а не на посадѣ, гдѣ находится съ XVII в. домъ Коробовыхъ.

3. Проф. Е. К. Рѣдинъ на основаніи доклада П. Д. Погодина „*Археологическая поѣздка по сѣверной Болгаріи*“ сдѣлалъ обзоръ результатовъ научной экскурсіи, совершенной членами Императорскаго Археологическаго Института въ Константинополь по сѣверной Болгаріи: посѣщены многіе древніе храмы, монастыри, осмотрѣны ризницы, пещерные храмы, курганы, записаны нѣкоторыя народныя преданія, описаны греческія надписи, отмѣчены встрѣченныя въ церквахъ росписи.

Проф. Рѣдинъ предпослалъ обзорѣнию введеніе, въ которомъ отмѣтилъ: большинство памятниковъ, описанныхъ г. Погодинымъ—поздніе (XVI—XVII в.), но они интересны, какъ памятники національные; по своимъ связямъ, зависимости отъ византійскаго искусства, болгарскіе памятники представляютъ глубокой интересъ для науки русской археологіи, одну изъ задачъ которой въ будущемъ составитъ привлечь русскіе памятники искусства въ сравненіе съ болгарскими и установить, какъ проявлялось на тѣхъ и другихъ византійское вліяніе, какъ проявлялся въ подражательныхъ памятникахъ національный характеръ; быть можетъ, тогда возможно будетъ установить и генетическія связи между болгарскими и русскими памятниками.

Засѣданіе отдѣленія V-го (древности церковныя) 6 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій.

1. Н. И. Петровъ: „Сказаніе о перенесеніи образа Св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—25 юдахъ“.

По этому сказанію, сохранившемуся въ двухъ редакціяхъ, образъ св. Николая Зарайскаго перенесенъ былъ въ 1224—25 гг. изъ Корсуни черезъ Ригу, Кессъ и Новгородъ въ Рязанскую землю, сначала воднымъ путемъ изъ устья Днѣпра въ моря русское и варяжское, а потомъ отъ Риги сухимъ путемъ. Но образъ св. Николая Зарайскаго не могъ быть въ Корсуни или Херсонесѣ Таврическомъ, а находился вѣроятно въ Кіевѣ, откуда перенесенъ былъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (вѣроятно Икесколу) и Новгородъ въ Рязанскую землю. На иконѣ изображено между прочимъ перенесеніе мощей св. Николая изъ Миръ въ Бари, слѣдовательно икона писана не въ греческой Корсуни. Недавно найденный въ Кіевѣ мѣдный образокъ св. Николая зарайскаго типа указываетъ, что въ древности былъ въ Кіевѣ какой-то чтимый оригиналъ этого типа, котораго затѣмъ въ Кіевѣ нѣтъ не вслѣдствіе ли перенесенія въ Смоленскъ? Изъ Смоленска послѣ 1223 г., когда возобновленъ былъ договоръ съ Ригой, образъ могъ быть перенесенъ въ Ригу для тамошнихъ русскихъ: извѣстна древнѣйшая Никольская церковь въ Ригѣ, имѣющая, быть можетъ, связь съ перенесеніемъ этого образа; любопытно, что въ рижскомъ церковно-археологическомъ музеѣ хранится принадлежащая наслѣдницѣ Никольской церкви, церкви Алексѣевской, древняя икона перенесенія мощей св. Николая. Сказаніе объ Евстафій могло сложиться подъ вліяніемъ названія *Корсунскаго* письма иконы и приняло въ себя черты изъ легенды о странствованіяхъ ап. Андрея и Антонія Римлянина.

Поддерживая докладчика, С. И. Писаревъ указывалъ на существованіе въ Смоленскѣ въ XIII в. церкви во имя св. Николая и сообщилъ объ извѣстномъ ему въ рукописи сказаніи о перенесеніи той же иконы изъ Новгорода въ Зарайскъ: тамъ есть нѣкоторыя отличія сравнительно съ редакціями, указанными Н. И. Петровымъ.

А. И. Соболевскій: Вопреки обычному мнѣнію, чествованіе перенесенія мощей св. Николая перешло къ намъ именно отъ грековъ: сказаніе о перенесеніи св. мощей его въ Баръ-градъ—не русское, а переводное, составленное въ Константинополѣ, ибо Миры, по этому сказанію (списокъ XIV в., изд. Шляпкинымъ), лежатъ „на той сторонѣ моря“.—*Кессъ*, или *Кесъ* лѣтописей постоянно=Венденъ.

Д. И. Иловайскій напомнилъ, что изъ Корсуни шелъ гораздо болѣе краткій путь въ Рязанскую землю: по Дону (на что указано въ его „Исторіи Рязанскаго княжества“ при разборѣ зарайскаго сказанія). Докладчикъ благодарилъ за разъясненіе названія Кессъ, сказаніе же о перенесеніи мощей

св. Николая признавалъ переведеннымъ не съ греческаго, а съ латинскаго; противъ пути черезъ Донъ именно и предостерегаетъ св. Николай пресвитера Евстафія въ сказаніи (не нести икону черезъ землю невѣрныхъ).

2. А. И. Кирпичниковъ: „*Старо-французскія сказанія о Рождествѣ Христовомъ и ихъ отраженія въ искусство*“.

Проф. Кирпичниковъ говорилъ, преимущественно по рукописямъ Парижской Націон. бібліотеки, о французскихъ поэмахъ XIII в. на новозавѣтныхъ темы. Необузданной фантазіей такихъ произведеній оправдывается усвоенное древней Русью отстраненіе отъ западныхъ сочиненій духовнаго содержания. Указавъ вкратцѣ составъ и источники этого романа, онъ остановился затѣмъ на св. Анастасіи, замѣнившей Соломію въ легендахъ о Рождествѣ Христовомъ, и привелъ нѣсколько западныхъ иконографическихъ памятниковъ, гдѣ св. Анастасія (вар. Агнеса) исполняетъ ту же роль, и таблетку XIII—XIV в. съ греческою надписью, косвенно указывающею на существованіе сходной легенды на Востока. Въ заключеніе референтъ изложилъ (по рр. № 1533 XIII в.) эпизоды объ избіеніи младенцевъ и о сѣятелѣ при бѣгствѣ въ Египеть.

3. М. П. Истомина: „*Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ*“.

Путемъ изученія исторіи живописи въ Кіевской Лаврѣ референтъ задался цѣлью опредѣлить: 1) эпоху, къ которой относится главнымъ образомъ въ нашей южно-русской живописи заимствованіе съ западныхъ образцовъ, и 2) тотъ путь, которымъ шло это заимствованіе. Въ бібліотекѣ Кіево-Печерской Лавры имъ найденъ матеріалъ, который до извѣстной степени даетъ отвѣтъ на эти вопросы. Матеріалъ этотъ слѣдующій: 1) рисовальныя руководства, кужбушки (Kunstbuch), по которымъ обучались наши церковныя живописцы конца XVII и первой половины XVIII вв.; 2) въ кужбушкахъ же и собственные рисунки ихъ, начиная отъ линий и фигуръ до воспроизведенія цѣлыхъ событій священной и церковной исторіи всегда съ подписью имени и датой; 3) рукописные реестры тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, которыми были украшаемы стѣны Кіево-Печерскаго храма въ XVIII в. Къ первому роду относится множество рисовальныхъ альбомовъ, атласовъ и проч., изданныхъ въ Германіи, Венеціи, Италіи, Франціи, Голландіи и Англіи. Главнымъ образомъ это гравюры къ В. и Н. Завѣту. Такъ какъ южно-русскій художникъ встрѣчалъ здѣсь богатый матеріалъ, то эти гравюры и составили тотъ путь, чрезъ посредство коего въ южно-русскую живопись незамѣтно вкрадывалось западное вліяніе. Въ кужбушкахъ между пробными работами находимъ и такія, которыя очевидно уже служили эскизами для иконъ, позднѣе украсившихъ стѣны Кіево-Печерскаго храма (вѣроятно и другихъ кіевскихъ церквей), а оттуда массою разошедшихся по Руси въ лубочныхъ изданіяхъ. Вообще кужбушки представляютъ любопытный памятникъ кіевского обученія живописи въ XVII—XVIII вв. до основанія лаврской школы въ 1763 г.: обученіе это шло частнымъ путемъ и

главнымъ образомъ по гравюрѣ. Съ конца XVIII в., когда прекратилась борьба съ католичествомъ и съ польскою народностью, наступила реакція, и упадокъ эмергіи сказанъ и въ живописи: лаврская школа не дала ни одного выдающагося дѣятеля, какихъ было не мало въ предшествовавшую пору частнаго обученія.

Рукописные перечни изображеній, покрывавшихъ стѣны Киево-Печерскаго храма, весьма интересны для ознакомленія съ содержаніемъ и сюжетами ихъ. Собственно иконныя изображенія давали богатый матеріалъ въ-рующему; это была въ главномъ иллюстрація всего богословія православія съ прекрасно подобранными текстами. Въ иконной живописи замѣтна склонность къ символикѣ, отзывающаяся иногда весьма древними чисто западнаго происхожденія композиціями. Кромѣ собственно иконныхъ изображеній, на стѣнахъ лаврскаго храма были помѣщены и изображенія благодѣтелей Лавры въ лицѣ разныхъ князей и княгинь. На основаніи изученія этихъ рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ подробное содержаніе изображеній, покрывавшихъ стѣны Лавры въ XVIII в., референтъ пришелъ къ заключенію, что стѣнопись лаврскаго храма, традиціонно съ точнымъ сохраненіемъ сюжетовъ возобновлявшаяся много разъ въ XVIII и XIX вв., по выработкѣ содержанія относится ко времени м. Петра Могилы.

Засѣданіе отдѣленія VIII-го (древности прибалтійскія) 6 августа днемъ.

(Доклады на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель пасторъ д-ръ А. Биленштейнъ.

1. Предсѣдатель Силезскаго музея древностей д-ръ Гремплеръ сдѣлалъ докладъ „*О средневѣковыхъ бронзахъ, примѣнительно къ чашѣ, найденной въ Педдесѣ*“.

Въ 1842 г. въ имѣніи Педдесъ, на берегу моря въ Вирляндіи (Эстляндія), при пахотѣ было найдено 35 бронзовыхъ чашъ, изъ которыхъ 4 украшенныхъ рѣзнымъ орнаментомъ. Одна подобная чаша и съ ней того же типа тарелка находятся въ Юрьевскомъ музеѣ. Надписи на этой чашѣ состоятъ изъ помѣщенныхъ отдѣльно другъ отъ друга словъ „hudga“, „spes“, „idolatria“, „inges“, „ga“; а въ волнообразномъ орнаментѣ ея неоднократно повторяются слова „dolus“ и „odium“. По типу и характеру украшеній и надписей, эта чаша близко подходитъ къ подобному же сосуду, открытому еще въ 1819 г. въ Штаде (Ганноверѣ), а затѣмъ такія же чаши оказались въ Национальномъ Музеѣ Будапешта, въ частной коллекціи въ Ахенѣ, съ добавленіемъ изображенія св. Урсулы, въ Музеѣ Триеста и, наконецъ, въ 1891 г. были найдены два такихъ экземпляра на горѣ Цуттенъ, въ Силезіи. Всѣ указанныя чаши приблизительно одинаковыхъ размѣровъ и отличаются словами надписей, ихъ расположеніемъ и варіаціями въ расположеніи орнамента. Назначеніе ихъ неясно. Большинство ученыхъ считаетъ ихъ пред-

назначенными для литургических цѣлей, и только Ромеръ и Фриммель относятъ ихъ къ домашней утвари. Къ этому мнѣнію готовъ присоединиться и докладчикъ.

2. Профессоръ Вещенбергеръ (Кёнигсбергъ) прочелъ докладъ „*O Gudai*“. Гуды (gudhi, gudaï и т. д.) упоминаются во многихъ памятникахъ и словаряхъ XVI—XVIII вв., и названіе это извѣстно и теперь у литовцевъ и латышей (въ Восточной Пруссіи, Курляндіи, Литвѣ) въ смыслѣ бранномъ (бродяга, бурлакъ). Въ этомъ имени думали видѣть отголосокъ преданія о готахъ, жившихъ нѣкогда въ пространствахъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями. Но названіе gudhas, guden и т. д. объясняется иначе. Въ Восточной Пруссіи это имя встарину придавалось выходцамъ изъ Польши, вообще—западной Россіи (но не полякамъ). Литовцы (въ западномъ краѣ), судя по нѣкоторымъ стариннымъ преданіямъ, примѣняли его къ обозначенію своихъ недруговъ, по всей вѣроятности къ бѣлорусскимъ сплавщикамъ, гнавшимъ гонки по Нѣману. Происхожденіе этого названія можно искать въ литовскихъ словахъ, обозначающихъ—болото, кустарникъ, но вѣрнѣе, по мнѣнію референта, въ русскихъ словахъ—гуда, гудѣть и т. д., такъ какъ старинные рассказы о гудахъ рисуютъ ихъ веселымъ народомъ, любящимъ музыку и пѣніе.

3. Пасторъ д-ръ Биленштейнъ прочелъ „*O деревянномъ типкѣ латышей*“, о деревянной культурѣ ихъ, продолжавшейся почти до послѣдняго времени и выразившейся въ томъ, что многіе предметы домашняго обихода, вмѣсто металла, дѣлались у нихъ изъ дерева, такъ напримѣръ, посуда (даже употреблявшаяся для варенія пива и меда, съ помощью раскаленныхъ камней), замки и ключи, всѣ постройки (безъ желѣзныхъ гвоздей) и т. д. Остановиваясь на постройкѣ такого исключительно деревяннаго жилища, докладчикъ подробно описалъ внутреннее устройство латышскаго дома, состоящаго изъ трехъ частей. Первая часть—сѣни, по латышски „pams“, безъ оконъ и потолка. Въ немъ разводится огонь на глинобитномъ полу. На лѣвой сторонѣ примыкаетъ къ намсу „istaba“, т. е. горница, въ которой живетъ одна или нѣсколько семей. Она снабжена окнами, потолкомъ и печью. Напротивъ горницы находится такъ называемый „kambari“, каморка для хозяйственныхъ нуждъ. Въ древнѣйшее время эта каморка не была соединена съ сѣнями, а стояла отдѣльно на дворѣ. Въ еще болѣе древнее время „istaba“ была отдѣлена отъ сѣней. Практическія соображенія способствовали сліянію этихъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній въ одинъ домъ. Кромѣ того, на крестьянскомъ дворѣ—клѣтъ (klete) съ крытымъ крыльцомъ, построенная на высокомъ фундаментѣ. Она служитъ не только кладовой, но и квартирой семьи въ лѣтнее время. Третье строеніе—рига (rige), мѣсто для сушки хлѣба. При этомъ референтъ высказался противъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ ригу первоначальнымъ домомъ латышей. По его мнѣнію, не рига, а также не баня (pirte), какъ предполагаютъ другіе, составляли первобытный домъ латышей,

но такъ называемый „*pamisch*“, т. е. лѣтная кухня, построенная изъ шестовъ. Она походитъ на юрту сѣверныхъ кочевыхъ народовъ и вѣроятно въ древнѣйшее время такъ же, какъ у нихъ, была покрыта шкурами. Такой „*pamisch*“ еще въ нынѣшнее время служитъ рыбакамъ Ангернскаго озера временнымъ жительствою.

4. Въ концѣ засѣданія прочитано было заявленіе д-ра Ялмара Аппелгрена, хранителя Гельсингфорскаго Историческаго Музея „*О новомъ способѣ чистки и сбереженія металлическихъ предметовъ*“.

Изобрѣтатель этого способа—норвежскій инженеръ Аксель Крефтингъ († 1887 г.), примѣнившій его въ Музеѣ Сѣверныхъ Древностей въ Кристиани. Отъ него д-ръ Аппелгрень получилъ описаніе новаго изобрѣтенія. По этому способу металлическіе предметы подвергаются дѣйствию на нихъ электрическаго тока, совершенно истребляющаго ржавчину. При примѣненіи этого способа въ Гельсингфорсѣ достигнуты были замѣчательные результаты: на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись не только дамаскировки, но и инкрустаціи, орнаменты, клейма и надписи, составляющія первенствующее значеніе для археологической науки (ср. ниже).

Брошюра д-ра Аппелгрена, содержащая подробное описаніе Крефтингова способа, раздавалась желающимъ членамъ Съѣзда.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 7 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.

1. Н. Θ. Кащенко въ докладѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человека и мамонта*“ описалъ находку костей мамонта, обнаруженныхъ въ апрѣлѣ этого года вблизи Томска, на глубинѣ около 5 аршинъ. Находка эта была подробно изслѣдована авторомъ. То былъ скелетъ одного молодого мамонта, почти полный; кости были въ безпорядкѣ разбросаны на слоѣ угля, подъ которымъ находился слой пережженной глины; нѣкоторыя изъ нихъ были разбиты или расщеплены (какъ указываетъ обломъ,—въ свѣжѣмъ состояніи): напр., черепъ былъ лишенъ свода, трубчатая кость разбита для добычи мозга. При костяхъ найдены кремневые скребки, ножи (въ 50 — 60 миллим.) — около 30 штукъ, нѣкоторые со слѣдами вторичной отбивки и кромѣ того около 100 случайныхъ осколковъ; тутъ же и обитые куски гальки; „ядеръ“ (nuclei) не найдено можетъ быть потому, что они остались незамѣченными при работѣ ломомъ въ промерзлой землѣ. Очевидно, это—мѣсто случайнаго пира тамъ, гдѣ палъ мамонтъ. Томская находка важна тѣмъ, что впервые доказываетъ одновременное существованіе человека и мамонта въ Сибири.

2. Д-ръ Гремплеръ сдѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ сообщеніе: „*О рисункахъ на до-историческихъ сосудахъ*“.

Указавъ на то, что въ числѣ предметовъ выставки при Съѣздѣ имѣется

весьма мало керамическихъ издѣлій, большей частью одни только черепки безъ орнамента или снабженные простыми черточками, и лишь славянская эпоха представлена сосудами, дѣланными на гончарномъ станкѣ, хорошо обожженными и украшенными извѣстнымъ волнообразнымъ орнаментомъ позднѣйшаго времени, референтъ замѣтилъ, что его сообщеніе имѣетъ въ виду керамику болѣе древней эпохи, V — III вв. до Р. Х., и именно сосудовъ, служившихъ для принятія праха умершихъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ остатки сожженныхъ тѣлъ погребались въ землѣ безъ сосудовъ, окруженные лишь кругомъ камней; на Западѣ же для этой цѣли пользовались урнами (ossuaria), вокругъ которыхъ клались различные предметы, принадлежащіе умершему. Древнѣйшія урны были орнаментированы весьма грубо; позднѣе появляется геометрической орнаментъ (точки, линіи, кружки), иногда глубоко врѣзанный, выполненный известью и рѣзко выступавшій на черномъ, покрытомъ графитомъ, фонѣ погребальныхъ урнъ. Около 500 л. до Р. Х., въ эпоху, приблизительно соотвѣтствующую Галльштадской, въ Силезіи уже появляются расписные сосуды, и притомъ какъ среди погребальныхъ урнъ, такъ и сопровождающихъ ихъ сосудовъ. Не менѣе важны, находимыя въ Западной Пруссіи и въ части Помераніи, лицевыя урны, т. е. урны съ изображеніемъ человѣческаго лица, до извѣстной степени индивидуализированнаго, или передающаго черты умершаго. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ изъ этихъ урнъ встрѣчаются нацарапанныя изображенія — животныхъ, людей, хозяйственныхъ орудій и т. д. Граница этой оригинальной культуры доходитъ до сѣверной части Верхней Силезіи. Въ послѣднее время въ округѣ Воланъ (Wohlan), у м. Lahsa, найдена одна подобная урна, которая заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Она имѣетъ форму террины, въ высоту 23,8 сант., въ ширину, вверху, 18 сант., покрыта графитомъ и представляетъ два боковыхъ выступа или утѣа. На ея горлѣ замѣтенъ орнаментъ изъ трехъ горизонтальныхъ и ниже — изъ одной зигзагообразной линіи, причемъ верхніе углы зигзаговъ показываютъ вдавленный орнаментъ изъ кружковъ, а нижніе — своеобразные грубо нарѣзанные рисунки, какъ то: двухъ оленей, стоящихъ рядомъ; двухъ оленей, преслѣдуемыхъ стрѣлкомъ-лучникомъ; всадника на лошади; такого же всадника рядомъ съ ѣздокомъ на оленѣ; оленя съ двумя маленькими; двухъ всадниковъ; оленя, преслѣдуемаго двумя всадниками, изъ коихъ одинъ тоже на оленѣ; наконецъ, всадника съ какой-то труднообъяснимой фигурой въ формѣ песочныхъ часовъ. Аналогичныя этимъ изображенія были опубликованы только д - ромъ Конвенцомъ (Conwentz) въ „Schriften der Naturforscher-Gesellschaft in Danzig“, Bd. VIII, H. 3, Taf. IV.

3. Докладъ Н. Е. Бранденбурга: *„Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ моилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей“.*

Референтъ, на основаніи своихъ раскопокъ въ Кіевской губерніи, въ треугольникѣ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ, устанавливаетъ положеніе

о кочевомъ бытѣ народности, оставившей эти могилы, въ которыхъ, напр., даже женщинамъ и дѣтямъ сопутствуютъ погребенныя съ ними лошади.

Изъ разбора культуры тѣхъ же могилъ, въ которыхъ встрѣчается много оружія, типичныя шлемы, сабли и проч., а также многіе предметы тогдашней индустріи, золотыя и серебряныя украшенія, изъ конхъ нѣкоторыя аналогичны съ скиѣскими типами, другія (какъ серьги) напоминаютъ образцы Кіевскіе, третьи (напр., золототканная матерія) обнаруживаютъ происхожденіе византійское, референтъ заключаетъ, что строители тѣхъ же могилъ принадлежали какому-то племени воинственному, владѣвшему оружіемъ восточныхъ типовъ и находившемуся въ развитыхъ сношеніяхъ съ тогдашними культурными центрами; характерной чертой является также, что всѣ черепа изъ этихъ могилъ отличаются чистотой своего типа—всѣ ясно короткоголовые. Монетъ не встрѣчено, но судя по нѣкоторымъ частностямъ могильнаго инвентаря, погребенія могутъ граничить съ XI вѣкомъ.

Сводъ всѣхъ данныхъ и сопоставленіе съ лѣтописными свидѣтельствами побудили докладчика совершенно отвергнуть, высказанную другими ранѣе, мысль о принадлежности упомянутыхъ могилъ славянскому племени Полянѣмъ, обитавшимъ въ томъ же районѣ, а также и другія еще менѣе основательныя догадки въ томъ же отношеніи. Референтъ, цитируя византійскихъ писателей, отмѣчаетъ то соотвѣтствіе, которое обнаруживается между ихъ извѣстіями о кочевомъ племени пачинаковъ (печенѣговъ) и археологическими данными, добытыми изъ раскопокъ сказанныхъ могилъ. Отсюда получаютъ объясненіе напр., находки въ послѣднихъ предметовъ византійскаго и Кіевскаго происхожденія, ибо историческія данныя указываютъ, что именно печенѣги находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями съ одной стороны и съ Кіевомъ — съ другой; равнымъ образомъ то, что извѣстно о вооруженіи пачинаковъ, объ ихъ погребальныхъ обычаяхъ, территориальномъ распространеніи и проч., встрѣчаетъ также аналогію и въ археологическихъ данныхъ изъ тѣхъ же раскопокъ референта. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, описанныя могилы должны принадлежать ни кому другому, какъ именно тюркскому кочевому племени—печенѣгамъ.

Докладъ оживленно и продолжительно обсуждался. Д. Н. Авучинъ разсказалъ о двухъ, прекрасно перенесенныхъ Н. Е. Бранденбургомъ въ Артиллерійскій Музей скелетахъ всадниковъ на коняхъ, со всѣмъ, что найдено при нихъ, со столбами земли подъ ногами коня и т. д.; разсматривая далѣе типы конскихъ курганныхъ череповъ въ Россіи, Д. Н. приходилъ къ заключенію, что типовъ этихъ два: западный (европейскій) и восточный (азиатскій); черепа изъ могилъ Кіевской губерніи принадлежатъ къ первому типу. В. Б. Антоновичъ доказывалъ принадлежность этихъ могилъ Полянѣмъ: разсказъ о Претичѣ какъ разъ указываетъ, что тюркскія сабли переходили и къ Полянѣмъ; въ могилахъ съ конемъ находили не однѣ сабли, но и прямыя мечи (Музей Кіевскаго университета); остальной инвентарь могилъ (шлемы,

цилиндрическіе желѣзные колчаны, серьги, орнаментъ, платиновыя зеркала) прямо свидѣтельствуесть о Полянахъ; присутствіе коня въ могилѣ не говорить непременно о племени кочевомъ, но только о племени воинственномъ, а такимъ были Поляне, объединившіе Кіевскую Русь. Д. И. Багал'ѣй поддерживалъ В. В — ча. В. З. Завитневичъ и Ю. А. Кулаковскій отвѣчали, что не Поляне, а „русская“ дружина Кіевскихъ князей завоевала окрестныя племена. А. И. Соболевскій и Ю. А. Кулаковскій указывали на Ясцовъ—Алаанъ. А. А. Спицынъ относилъ данныя могилы къ XIII—XIV в. На вопросъ Д. И. Иловайскаго, нельзя ли приписать это погребеніе Чорнымъ Клобукамъ, В. Б. Антоновичъ пояснилъ, что раскопки, произведенныя имъ въ части области послѣднихъ (именно по р. Ростовицѣ, въ области Берендѣевъ, единственно опредѣляемой лѣтописью), дали другіе типы погребенія.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко - географическія и этнографическія. 7 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Соболевскій.

1. Проф. А. А. Кочубинскій прочелъ докладъ: „Территорія доисторической Литвы“.

Зерно литовскаго племени въ настоящую минуту Ковенская губ., а въ губерніи Виленской литовскій элементъ представляетъ узкую ленту (отъ 30 до 60 верстъ), которая все болѣе и болѣе суживается, и бѣлорусскій элементъ расширяется на счетъ литовскаго. Съ котораго мѣста и съ котораго времени начался этотъ ассимиляціонный процессъ, сколько территорій потерялъ литовскій элементъ со стороны юга?

Указавъ на значеніе языка вообще какъ на архивъ свѣдѣній для эпохъ доисторическихъ и раннихъ историческихъ (такъ христіанская терминологія въ языкѣ латышей указываетъ, что проповѣдь христіанства пошла отъ Востока, отъ древней Руси, ранѣе XIII вѣка), докладчикъ указалъ на особое значеніе языка земли, т. е. топографическихъ названій, и этимологическимъ анализомъ *гидрографическихъ* именъ Минской губерніи и отчасти смежныхъ, именъ главныхъ рѣкъ: Нѣмана (Nemans), Двины (Daugava и Duna), именъ ихъ притоковъ, именъ притоковъ всей системы Березины и двухъ главныхъ притоковъ Птичя и именъ сѣверныхъ озеръ, доказывалъ, что эти имена или *буквально* воспроизводятъ латышско - литовскія слова (udra, выдра, bēbras, kļevas, pelēks=Удра, Бобръ, Клѣва, Пеликъ), или въ основѣ большинства этихъ именъ лежитъ *литовско-латышскій* языкъ, тогда какъ только притоки второй руки и притоки притоковъ носятъ несомнѣнно славянскія названія, при чемъ опредѣлялась степень распространенности того или другаго географическаго термина въ предѣлахъ нынѣшней Ковенской губерніи XVI вѣка и въ этнографическихъ предѣлахъ современной Литвы и Латышій. Этнографическая карта поселеній старыхъ обитателей Минской губерніи, *Дреговичей*

(имя отъ лит. *dregnas*, сырой), въ раннюю историческую или позднюю до-историческую была бы такая же, какую знаетъ историческая этнографія для нынѣшней Курляндіи XIII вѣка—т. е. карта *смѣшанныхъ* поселеній, литовскихъ и русскихъ; но чѣмъ позже, тѣмъ больше смѣшанный характеръ превращался въ однообразный, литовскій элементъ ассимилировался русскому, пока, наконецъ, онъ, въ предѣлахъ Виленской губерніи, не принялъ теперь формы узкой и постоянно суживающейся полоски, т. е. повторился аналогическій процессъ Сѣвера—олатышеніе ливской Курляндіи. Такимъ образомъ территория доисторической Литвы приблизительными границами своими съ юга имѣла бы сѣверный бассейнъ Припяти, съ востока бассейнъ Березины.

2. Н. Ф. Бѣляшевскій доложилъ „*О дневникѣ А. Полубинскаго изъ эпохи войны за Ливонію*“, найденномъ въ архивѣ Скарба Короннаго въ Варшавѣ. Полубинскій начальствовалъ надъ польскимъ гарнизономъ въ Вольмарѣ въ 1577 году, а по взятіи города Магнусомъ, былъ доставленъ, какъ плѣнникъ, въ станъ Грознаго. Докладчикъ прочелъ бесѣды царя съ Полубинскимъ, записанныя послѣднимъ, повидимому, весьма точно (заочное преніе съ Баторіемъ, генеалогическое и политическое хвастовство, попытки богословскаго спора).

3. Д-ръ Саксендалъ прочелъ „*О значеніи печатей въ исторической наукѣ*“. Строгими правилами Ливонскаго Ордена св. Маріи запрещалась братіи частная переписка и владѣніе личными печатами. Печати были лишь должностныя. Магистры, съ 1241 по 1468 употребляютъ *Ingesegel von Livland* или *riegergium*, печать, мѣнявшуюся за этотъ періодъ три раза. Съ 1451 г. начинается употребленіе *Majestätssiegels*, куда магистръ вносилъ и свой личный гербъ. Малая печать магистра, *Secretsiegel*, съ 1367 по 1558 г. изображаетъ бѣгство въ Египетъ (мѣнялась также три раза), а съ 1558 г. замѣняется личной печатью магистра. Магистръ печатаетъ краснымъ воскомъ, ландмаршалъ и комтуръ ревелскій—зеленымъ, остальные начальники—желтымъ воскомъ, дворянство (грамота 1422 г.)—зеленымъ, епископы—краснымъ, города—желтымъ. Магистръ до инвеституры сохраняетъ порой печать прежней своей должности, но беретъ красный воскъ. Пользуясь данными сфрагистики, бар. Роб. Толль провѣрилъ списки магистровъ и исключилъ изъ нихъ шесть рыцарей; докладчикъ рассказалъ нѣсколько случаевъ, когда благодаря сфрагистикѣ опредѣлялась дата мѣстныхъ документовъ и личность писавшаго, и отмѣтилъ выдающуюся заслугу бар. Толля въ изданіи, въ IV т. *Brieflade*, богатаго собранія мѣстныхъ печатей, цѣннаго руководства для изслѣдователей и издателей.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусства и художества и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 7 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель: Графиня П. С. Уварова.

1. В. В. Сусловъ прочелъ докладъ: „*Новгородскій Соборскій соборъ*“.

Указавъ въ главныххъ чертахъ на значеніе памятника, докладчикъ пояснилъ общее распредѣленіе частей храма и время ихъ построенія историческими данными. Описавъ состояніе храма до ремонта 1893—1895 г., докладчикъ изложилъ результаты своихъ работъ по ремонту храма и открытія, сдѣланныя при этомъ. Открыты замѣчательныя фресковыя изображенія: въ главномъ барабанѣ храма: ангелы и пророки, относимыя къ XII ст. (копіи съ этихъ изображеній въ краскахъ и въ натуральную величину были представлены вниманію Съѣзда), свв. Константинъ и Елена (XI в., въ Мартиріевской паперти). Указаны далѣе и другія фресковыя изображенія, найденныя въ другихъ частяхъ храма, но въ разрушенномъ видѣ. По удаленіи всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній (штукатурки, живописи), довелось прочесть на стѣнахъ собора полную лѣтопись построенія собора и всѣхъ позднѣйшихъ ремонтовъ и передѣлокъ. Вмѣстѣ съ этимъ была обнаружена крайняя ветхость храма: арки оказались въ глубокихъ трещинахъ, зачиненныхъ деревянными клиньями; своды провисли и имѣли сквозныя щели, задѣланныя деревомъ; южная стѣна собора отклонилась до 10 вершк. и т. п. Описавъ характеръ ремонта за предыдущіе періоды времени, докладчикъ перешелъ къ поясненію всѣхъ видоизмѣненій храма. Оказалось, что древнѣйшій полъ (мозаичный) находился на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. отъ нынѣ существующаго. Кромѣ этого пола обнаруженъ второй полъ (изразчатый) на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ современнаго. Въ алтарной апсидѣ изъ двухъ рядовъ тройныхъ оконъ устроенъ одинъ рядъ оныхъ. Надъ проходами въ жертвенникъ и діаконникъ оказались свѣтотыя арки, въ которыхъ обнаружены древнія фресковыя изображенія. Окна главнаго барабана заложены на половину. Окна малыхъ барабановъ задѣланы на половину въ высоту и въ ширину. По осямъ храма, подъ хорами, уничтожены круглыя столбы съ двойными арками (части столбовъ сохранились подъ существующимъ нынѣ поломъ). Въ стѣнахъ, граничащихъ главный четырехугольникъ храма, расширены арки и заложены свѣтотыя проемы, повышены боковыя арки и задѣланы надъ ними окна. Древніе арочные проходы на лѣстницу и въ другія части храма задѣланы и новыя двери повышены. На хорахъ открыты ниши, большіе арочные проходы въ паперть, ризницу и бібліотеку (во второмъ этажѣ надъ придѣлами и папертями); обнаружены квадратныя свѣтотыя проемы и десять наружныхъ оконъ (нынѣ выходящихъ въ чердачныя помѣщенія).

Въ боковыхъ пристройкахъ собора открыто: Въ южной наружной стѣнѣ — аркасоля, древняя наружная входная арка, цѣлый рядъ нишъ и оконъ, задѣлка древнихъ арочныхъ пролетовъ и проч. Въ западной стѣнѣ — четыре наружныхъ окна, двѣ ниши, три окна, выходящія на лѣстницу, свѣтотыя проемы съ лѣстницы въ храмъ, цѣлыя помѣщенія въ углахъ лѣстничной клѣтки, древніе входы съ лѣстницы на хоры и въ ризницу. Сѣверная часть собора построена въ началѣ текущаго столѣтія заново, но на древнемъ основаніи. Изученіемъ искаженій и древнихъ формъ собора, выясняются и мате-

ріалы постройки, и способъ кладки пиластръ, столбовъ, стѣнъ, сводовъ, перемычекъ и проч. Наконецъ указано на устройство въ стѣнахъ собора голосниковъ, древнихъ деревянныхъ связей (обгорѣвшихъ и вырубленныхъ). При раскопкахъ, производившихся для разслѣдованія древнихъ архитектурныхъ формъ собора, обнаружены остатки древней орнаментальной росписи. Кромѣ разслѣдованій внутри собора были указаны разслѣдованія наружныхъ формъ. Въ заключеніе референтъ призналъ, что всѣ боковыя пристройки къ собору, которыя считались не одновременными съ средней частью его — построены одновременно, вслѣдствіе чего и въ лѣтописяхъ не упоминается о ихъ построеніи въ отдѣльности.

По прочтеніи доклада обсуждался вопросъ объ утратѣ нѣкоторыхъ изъ древнихъ надписей, открытыхъ въ соборѣ. Постановлено просить Совѣтъ Съѣзда обратиться въ Имп. Археологическую Комисію съ просьбою впредь принимать мѣры при подобныхъ реставраціяхъ къ сохраненію *всѣхъ* остатковъ старины.

2. Н. И. Троицкій прочелъ докладъ: „*Вліяніе космологіи на иконографію византійскаго купола (по поводу новооткрытыхъ фресокъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ)*“. Византійскій куполь христіанскаго храма, есть подобіе видимаго неба. Перенося представленіе о небѣ на куполь, художникъ стоялъ на почвѣ библейской и въ зависимости отъ космологіи съ ея ученіемъ о небѣ, его силахъ, стихіяхъ и вѣтрахъ. Выше всего—въ днѣ купола—онъ помѣщаетъ изображеніе Христа-Вседержителя (на основаніи ветхозавѣтныхъ пророческихъ видѣній и историческаго событія вознесенія Господа), ниже — четырехъ серафимовъ (какъ ангеловъ четырехъ стихій: Апок. XIV, XVI), четырехъ архангеловъ (какъ чрезвычайныхъ вѣстниковъ воли Вседержителя: по кн. пр. Давіила), ниже архангеловъ—пророковъ (какъ видимыхъ носителей силы Духа Божія въ откровеніи преимущественно народу избранному—церкви Божіей). Взятая вмѣстѣ всѣ указанныя изображенія, находящіяся и въ церкви св. Софій Новгородской, представляютъ „небо—престоль Вседержителя“, которому служатъ всѣ силы міра; престоль держится надъ землею и соприкасается съ нею чрезъ особыя силы, представляемыя въ лицѣ четырехъ херувимовъ, соотвѣтственно четыремъ вѣтрамъ и четыремъ странамъ свѣта, и замѣняемыя позже четырьмя Евангелистами (по ученію св. Иринея, еп. Ліонскаго, они — четыре главныхъ носителя силы Духа Божія для вселенской церкви, какъ „небеснаго корабля“). Связь иконографіи купола съ представленіями космологіи ясно открывается и въ памятникахъ самой космологіи—въ космографіяхъ XII—XVII в., гдѣ отъ простаго олицетворенія четырехъ вѣтровъ (космографія туринской бібліотеки, XII в.) очевиденъ переходъ къ собственно иконографіи (изображеніе Христа-Вседержителя въ *Typus orbis terrarum Gerhardi Mercatoris*, 1608 г.).

3. Свящ. Л. С. Паевскій прочелъ докладъ: „*Каменецъ-Литовскъ и его древніе храмы*“. Изложивъ исторію основанія и судьбы Каменецъ-Литовска,

докладчикъ остановился подробно на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ (храмахъ: Христорождественскомъ, Воскресенскомъ, Симеоновскомъ) и документахъ (грамота Петра Могилы).

Засѣданіе отдѣленія VI. Памятники языка и письма. 9 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель В. С. Иконниковъ.

1. С. А. Бѣлокуровъ доложилъ „*О библіотекѣ московскихъ юсударей въ XVI вѣкѣ*“. Приписываемыя Максиму Греку слова о великокняжеской библіотекѣ не принадлежать ему и находятся въ одномъ только сказаніи о немъ изъ семи доселѣ извѣстныхъ; сказаніе это составлено въ первой половинѣ XVII в., не позднѣе 30-хъ годовъ; кромѣ свѣдѣній достовѣрныхъ, почерпнутыхъ изъ сочиненій Максима, въ сказаніи находятся и ошибочныя извѣстія; все, что сообщается авторомъ о великокняжеской библіотекѣ, осмотрѣ ея Максимомъ, восторженномъ отзывѣ его („съ клятвою рече, яко ни въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти“...)—исторически недостовѣрно и есть плодъ фантазіи автора.

Хроника Ніенштедта—„работа диллетанта, писана на память въ 1604 году, когда автору было 64 года“ (Форстенъ), и свѣдѣнія ея о библіотекѣ, которымъ не довѣряли уже въ XVIII в. Бакмейстеръ и Маттеи, недостовѣрны; невѣроятны: пребываніе въ Москвѣ Веттермана, паства коего была разсѣяна по волжскимъ городамъ; внезапное и великое уваженіе царя къ нему; составъ комиссіи, показывавшей библіотеку и долженствовавшей (вмѣсто духовенства) смотрѣть за переводомъ; невѣроятно и происхожденіе библіотеки. Далѣе списокъ проф. Дабелова, и по внѣшней своей исторіи, и по внутреннимъ признакамъ, является поддѣлкой. Разсмотрѣвъ официальные свѣдѣнія о книгахъ царей Михаила, Алексѣя, Феодора Алексѣевича и семей ихъ, далѣе списокъ книгъ по описи имущества царей Феодора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго и, совпадающія съ указаніями этого списка, свѣдѣнія о книгахъ царя Ивана IV, докладчикъ заключаетъ, что у царя Ивана Васильевича была библіотека, главнымъ образомъ, русскихъ, литовскихъ и польскихъ печатныхъ книгъ и рукописей; тутъ была и одна нѣмецкая печатная книга (травникъ), и могло быть *нѣсколько* греческихъ рукописей; но 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей здѣсь быть не могло. Разсмотрѣніе судьбы официально извѣстныхъ царскихъ книгъ (нѣкоторыя находятся теперь въ Оружейной Палатѣ, въ домѣ бояръ Романовыхъ, въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д., въ Имп. Эрмитажѣ) приводитъ къ убѣжденію, что въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей библіотеки царской—нѣтъ.

При преніяхъ г. Хаусманъ признавалъ извѣстіе Дабелова очень сомнительнымъ: Дабеловъ изслѣдователь поверхностный и ненадежный; но важно, что Клоссіусъ отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Надобно сожалѣть, что

трудъ Клоссіуса о русскихъ библіотекахъ и архивахъ („Iter Rossicum“), приготовленный уже къ печати, не вышелъ въ свѣтъ, такъ какъ Клоссіусъ въ 1837 г. перешелъ изъ Юрьева въ Гиссенъ, а въ 1838 г. тамъ скончался; собранный имъ драгоценный матеріалъ доселѣ не найденъ (г. Хаусманъ наводилъ справки въ Гиссенѣ). Что касается Ніенштедта, то въ общемъ должно его признать писателемъ правдивымъ и нельзя считать его рассказа о царской библіотекѣ вполне недостовернымъ: всѣ шесть свидѣтелей, имъ упоминаемыхъ (три русскихъ и три нѣмецкихъ)—лица вполне историческія,—твердое, по мнѣнію проф. Хаусмана, доказательство истинности самаго событія; на основаніи извѣстій ливонскаго писателя XVI в. Бракеля, можно утверждать, что Ніенштедтъ видѣлъ Веттермана въ Юрьевѣ послѣ плѣна; Веттерманъ учился въ Виттенбергѣ у Лютера и Меланхтона и могъ поэтому обладать учеными познаніями. Въ отвѣтъ на просьбу докладчика, г. Хаусманъ сообщилъ свѣдѣнія о рукописяхъ Ніенштедта въ Рижской городской библіотекѣ, и указалъ, что въ лучшихъ рукописяхъ читается: *Es hat der Moscoviter eine stattliche liberei... unter drei gewölben in einem* (а не *seinem*, какъ въ печатномъ изданіи, рукопись котораго вообще изъ худшихъ, а не изъ лучшихъ) *steinern gemache vermauret*, что измѣняетъ смыслъ мѣста и заставляетъ искать библіотеку внѣ царскаго дворца.

А. И. Соболевскій въ пользу мнѣнія о существованіи библіотеки царя Ивана IV въ XVI вѣкѣ коснулся русскихъ извѣстій объ этомъ: если лѣтописи не говорятъ о библіотекѣ, то это потому, что лѣтописцы вообще книжными дѣлами интересовались очень мало. Степенная книга говоритъ о „многихъ греческихъ книгахъ“, сгорѣвшихъ въ Москвѣ во время пожара 1547 г. Кромѣ того, мы имѣемъ и одно *современное* русское свидѣтельство лѣтописнаго характера, указанное П. М. Строевымъ въ его библіологич. словарь, именно, что въ пожаръ 1547 г. въ Москвѣ сгорѣло много греческихъ и русскихъ рукописей въ царской библіотекѣ, извѣстіе, которое для г. Соболевскаго не совсѣмъ ясно и которое Строевымъ взято изъ одной рукописи. Въ виду этого и свидѣтельство Максима Грека не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Въ пользу достоверности сказанія можетъ быть указано и на то обстоятельство, что въ сказаніи о Максимѣ Грекѣ попадаются извѣстія, отсутствующія въ другихъ памятникахъ, какъ, напр., имя старца Даніила, выбраннаго для отправки съ Аэона въ Москву.

Докладчикъ пояснилъ, что указанная Строевымъ рукопись сохранилась до нашихъ дней: это Миняя Четья за августъ Троице-Сергіевой Лавры № 9/681; названное извѣстіе находится на л. 156, въ довольно пространной статьѣ: „о великомъ и сугубомъ пожарѣ“, подъ 2 августа, гдѣ она помѣщается и въ другихъ спискахъ (напр., графа Уварова № 419 въ листъ, по архим. Леониду № 1336). С. А. Б.—въ прочелъ все относящееся сюда мѣсто, изъ коего ясно видно, что рѣчь идетъ не о царскихъ книгахъ, а о книгахъ въ церквахъ Москвы (погорѣло: „...множество безцѣннаго узорочья, много

церковныя утвари... и царскія драгія и преславныя... стяжанія, иже во святыхъ церквахъ божественныя иконы... и святыя многія книги греческія и русскія... ризы же и одежда и сосуды...“). Въмѣсто имени старца Даниїла въ древнѣйшей и лучшей рукописи стоитъ Савва.

Проф. Кулаковскій указалъ на то, что въ перечисленіи Дабелова названы произведенія (De republica Цицерона, Historiae Саллюстія), или совершенно исчезнувшія для насъ, или сохранившіяся въ ничтожныхъ фрагментахъ; а такое сочиненіе, какъ Historiae Цицерона, даже никогда и не существовало. Эти сообщенія дѣлають сомнительнымъ и остальное содержаніе списка, трактующаго о царской библіотекѣ.

Проф. Иконниковъ, высказываясь за положительное значеніе извѣстій о царской библіотекѣ въ XVI вѣкѣ, выразилъ мнѣніе, что библіотека эта могла существовать, но потомъ погибла въ пору московскихъ невзгодъ въ XVII вѣкѣ отъ пожара; во всякомъ случаѣ двойному свидѣтельству о нѣкогда существовавшей библіотекѣ (русскому и иностранному) должно быть оказано извѣстное довѣріе.

2. Проф. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ „*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ Евангелія*“.

Въ концѣ 1895 года, черезъ Я. И. Смирнова, до Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь дошло извѣстіе, подтверждавшее ходившіе ранѣе слухи, что въ Малой Азіи въ деревнѣ Сармисахлы близъ Кессаріи имѣется весьма замѣчательный греческій списокъ Евангелія; Археологическій Институтъ ознакомился съ кодексомъ, который, при посредствѣ Института, по волѣ Государя Императора, и былъ приобрѣтенъ въ русскую собственность. Прежде, чѣмъ отправить рукопись въ С.-Петербургъ, въ Археологическомъ Институтѣ директоромъ его Ѳ. И. Успенскимъ, секретаремъ г. Погодинымъ и г. Смирновымъ произведены были наблюденія надъ кодексомъ.

Хорошій, покрытый серебромъ переплетъ рукописи сдѣланъ, повидимому, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Пергаменные листы ея окрашены въ фіолетовую пурпуровую краску, по которой текстъ писанъ серебромъ, а слова, заключающіе Имя Божіе, золотомъ. Текстъ писанъ чрезвычайно правильно, въ двѣ колонны, по 16 строкъ въ каждой. Рукопись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пострадала отъ сырости и свѣта; иные листы разорваны. Всего на лицо имѣется 182 листа, занятыхъ частями текстовъ изъ четырехъ Евангелистовъ, расположенныхъ не въ полномъ порядкѣ. Вообще внѣшній видъ кодекса указываетъ на нахожденіе его до переплета въ весьма неблагопріятной для сохранности рукописи средѣ. Въ настоящемъ видѣ кодексъ сохранился не въ цѣломъ видѣ; въ немъ не достаетъ больше половины и именно, судя по сравненію съ полнымъ евангельскимъ текстомъ, около 270 листовъ. Какъ показываютъ сдѣланныя при переплетѣ помѣты по листамъ, уже послѣ переплета вырѣзаны были изъ него 4 листа, вѣроятно, предоставленные аген-

тамъ, которымъ поручена была его продажа, для показа покупателямъ: такой листъ былъ представленъ и Институту въ началѣ переговоровъ и нынѣ вложенъ на мѣсто.

Извѣстный Тишендорфъ (*Monumenta Sacra inedita*. Lipsiae, 1846) указалъ на существованіе отдѣльныхъ листовъ пурпуроваго кодекса N въ Римѣ (числомъ—2), Вѣнѣ (6) и Лондонѣ (4); Сакелліонъ (*Πατρική Βιβλιοθήκη*, 1890, р. 50—51) на существованіе въ Патмосской библіотекѣ 33 листовъ также пурпуроваго кодекса; всѣ эти листы оказались принадлежащими одной и той же рукописи — кодекса N, котораго такимъ образомъ было извѣстно всего 45 листовъ. Вновь найденный въ Малой Азіи и прибрѣтенный русскимъ правительствомъ кодексъ является составною частію того же кодекса N, по терминологіи Тишендорфа.

Упомянутые листы въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ находятся тамъ еще съ XVI вѣка: значить, полный составъ кодекса разрозненъ былъ въ средневѣковую эпоху. Кромѣ текста, на листахъ кодекса имѣются помѣты разныхъ вѣковъ и разнаго характера; изъ этихъ помѣтъ видно, что уже въ XII—XIV вв. въ немъ не доставало около 150 листовъ. Счетъ по тетрадямъ, заставляющій предполагать первоначально въ кодексѣ 490 л., при сопоставленіи съ 456 листами, которыхъ было достаточно для помѣщенія полного евангельскаго текста, даетъ основаніе думать, что при текстѣ были еще какія-то прибавленія и быть можетъ миниатюры, отъ которыхъ теперь не сохранилось и слѣда.

Согласно изслѣдованіемъ Тишендорфа, Хорткаузена, Грегори, изучавшимъ уже извѣстные отрывки кодекса N, онъ относится къ V—VI вѣку. Но этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о мѣстѣ происхожденія кодекса, нуждается еще въ новомъ изученіи, для котораго матеріалъ громадной важности представляетъ вновь найденная рукопись. Вообще прибрѣтеніе это, представляя величайшую рѣдкость, имѣеть очень большую научную цѣну, и слѣдуетъ весьма желать, чтобы соотвѣтственно этому было сдѣлано и достойное изданіе этой рукописи въ свѣтъ для пользованія всему ученому міру.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусства и художества и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 9 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель В. К. Ерштедтъ.

1. В. К. Мальмбергъ прочиталъ докладъ „*Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи*“.

Докладчикъ обратилъ главное вниманіе на двѣ группы вещей, найденныхъ на югѣ Россіи: 1) на сосуды и предметы украшенія изъ благородныхъ металловъ и 2) на предметы гончарнаго искусства—расписныя вазы. Первые находятся въ большихъ курганахъ, а послѣднія въ мелкихъ могильникахъ, или насыпяхъ. Предметы первой группы, очевидно—собственность мѣстныхъ

высокопоставленныхъ лицъ, считаемихъ обыкновенно скиѣскими царями; а предметы второй—собственность эллинскихъ колонистовъ. Лучшіе образцы той и другой группы уже давно считаются въ наукѣ привозными. Въ спорномъ вопросѣ, слѣдуетъ ли эти предметы считать аттическими или малоазійскими, проф. Мальмбергъ относительно издѣлій изъ благородныхъ металловъ, большею частію IV вѣка до Р. Х., склоняется ко второму мнѣнію, въ пользу котораго приводитъ рядъ доказательствъ, ссылаясь при этомъ на свое изслѣдованіе „Курганъ Карагодсуашъ“ (Матеріалы по археологіи Россіи, № 13), и утверждая при томъ, что рядомъ съ привозными вещами бывають находимы вещи, сдѣланныя греческими мастерами въ предѣлахъ Россіи и чисто мѣстные. Къ издѣліямъ греческихъ мастеровъ, жившихъ въ Россіи, онъ относитъ: знаменитую чертомлыцкую вазу и куль-обскую чашу съ изображеніемъ скиѣовъ. Какъ на примѣръ издѣлія греческаго мастера, поддавашагося вліянію мѣстнаго вкуса, выразившагося, между прочимъ, въ примѣненіи камней въ качествѣ украшенія, и забывшаго отчасти традиціи греческаго орнаментальнаго искусства, проф. Мальмбергъ указалъ на найденный Н. И. Веселовскимъ золотой предметъ ажурной работы.

Что касается расписныхъ вазъ, то лучшія изъ нихъ дѣйствительно вывезены изъ Аттики: это объясняется тѣмъ, что въ концѣ VI вѣка и въ теченіе V-го эта отрасль аттическаго искусства въ силу своего высокаго развитія устранила всякую конкуренцію и заполнила всѣ рынки. Однако, древнѣйшая ваза, найденная на Тимирь-горѣ (близъ Керчи) и изданная акад. Стефани, какъ теперь дознано, родосская; того же происхожденія рядъ амфорныхъ ручекъ со штемпелями. Въ доказательство непрерывности отношеній нашего юга въ Малой Азіи и къ ея искусству проф. Мальмбергъ приводитъ двѣ бронзовыхъ вещи конца V вѣка: горгону, найденную въ Херсонской губ. въ 1882 г., и женскую статуэтку, найденную около самаго Херсонеса въ нынѣшнемъ году.

2. А. А. Павловскій въ своемъ докладѣ „О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополь“ ознакомилъ Съѣздъ съ результатами экскурсій Института въ Никею и болгарскую Софію. Экскурсіи эти фотографировали всѣ наиболѣе выдающіеся памятники, какъ византійскаго, такъ и классическаго искусства. Въ Никеѣ, гдѣ до сихъ поръ не было произведено ниѣмъ надлежащихъ изслѣдованій, экскурсія нашла крупные остатки городскихъ стѣнъ съ воротами прекрасной архитектурной работы римской эпохи. Въ стѣнѣ около воротъ вдѣланы рельефы, содержаніемъ которыхъ, на сколько позволяютъ судить фотографіи, къ сожалѣнію, слишкомъ малаго размѣра, служатъ военныя и охотничьи сцены, а на одномъ Викторіи, увѣнчающія какую-то фигуру въ полномъ вооруженіи (не трофей-ли?), стоящую между колоннами съ раковинно-образнымъ прикрытіемъ. При выкапываніи земли для фундамента мѣстныхъ казармъ было найдено много фрагментовъ статуарной и декоративной релье-

ефной скульптуры, которые и хранятся теперь въ зданіи этихъ казармъ. На фотографіи ясно видны фрагменты сидящей мужской фигуры въ тигъ и стигъ ватиканской статуи Менандра, торсъ одѣтой женской фигуры, нѣсколько портретныхъ и идеальныхъ головъ, два надгробія, обычнаго позднеримскаго типа, одно съ длинной надписью—и много фрагментовъ съ рельефами и орнаментами, указывающихъ на богатство построекъ города. Наибольшій интересъ изъ всѣхъ найденныхъ здѣсь фрагментовъ представляютъ три, принадлежавшихъ, очевидно, одной композиціи. Старецъ, стоящій на колѣняхъ предъ фигурой сидящаго мужа и лобызающій его руку на одномъ изъ этихъ фрагментовъ, колесница съ мужскимъ тѣломъ, волочащимся за ней по землѣ, на другомъ—ясно указываютъ на сюжетъ изображенія: Приамъ выпрашиваетъ у Ахилла тѣло Гектора. Третій фрагментъ представляетъ пару лошадей, запряженныхъ въ колесницу. Сохранились только нижнія части всѣхъ этихъ рельефовъ. Высокій рельефъ этихъ фрагментовъ затрудняетъ возможность считать его за украшеніе стѣны въ формѣ фриза, но недостатокъ свѣдѣній о задней сторонѣ плитъ лишаетъ возможности какихъ либо вообще соображеній о его назначеніи. Сюжетъ подходитъ для украшенія саркофага, стиль ясно обличаетъ работу римскаго времени. Эти случайныя находки ясно указываютъ, что Никея могла бы дать богатый матеріалъ для исторіи римскаго искусства при правильныхъ раскопкахъ.

Въ Софіи, въ музеѣ, помѣщающемся въ бывшей турецкой мечети Буюкъ-Джами, экскурсіей былъ сфотографированъ весьма интересный фрагментъ стелы VI или самое позднее начала V в. до Р. X., на которое указываетъ очертаніемъ буквъ надпись надъ верхней частью рельефа. Къ сожалѣнію, надписи, неоспоримо дающей имя умершаго или художника, разобрать еще не удалось. Рельефъ этой стелы и по сюжету, и по композиціи, и по стилю очень подходитъ къ извѣстной оркоманской стелѣ работы Александра, конца VI столѣтія, но по моделировкѣ правой руки должна быть немного моложе. Какъ и когда такой памятникъ могъ попасть въ Болгарію за Балканскія горы (найденъ около Софіи), представляется неразрѣшимымъ пока вопросомъ, такъ какъ, когда Сарбика (Софія) была столицей, едва ли могли дѣлиться такія архаическія скульптуры. Наоборотъ, къ этой эпохѣ по своему стилю какъ разъ подходитъ другой сфотографированный экскурсіей фрагментъ статуи, торсъ Діониса.

Свой рефератъ проф. Павловскій закончилъ пожеланіемъ такихъ же успѣховъ русскому Археологическому Институту, какихъ достигъ онъ за полуторагодовой срокъ своей работы на мѣстѣ. Конечно, личнаго состава Института (директоръ, секретарь и одинъ командированный) недостаточно для обработки собранныхъ уже и имѣющихъ быть собранными матеріаловъ, а потому референтъ находилъ желательнымъ, чтобы Институтъ посылалъ фотографіи съ найденныхъ памятниковъ въ музеи университетовъ въ полной увѣренности, что представители кафедръ исторіи искусствъ примутъ

этотъ подарокъ Института съ искренней благодарностью и охотно пойдутъ на помощь къ нему по приготовленію къ обнародованію и изслѣдованію найденныхъ Институтомъ памятниковъ.

3. О. В. Вульфъ въ докладѣ „*Древности Никомедіи*“ познакомилъ съ результатами археологической экскурсіи, предпринятой русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополь, въ которой онъ принималъ участіе. Печальное состояніе Никомедіи въ настоящее время объясняется двукратнымъ ея разрушеніемъ въ IV и XIV вѣкѣ. Экскурсіей встрѣчено было много архитектурныхъ памятниковъ, надписей, но мало скульптурныхъ. Изъ побольше важныхъ памятниковъ г. Вульфомъ отмѣчены: остатки водопровода со слѣдами примыкающаго къ нему зданія римскаго времени; цистерна въ сел. Бачо—доустиніановской эпохи; развалины церкви или дворца, орнаментные архитектурные памятники—капители (V в.) и др.; всѣ эти памятники были детально обслѣдованы докладчикомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ была представлена реконструкція памятниковъ. Докладъ иллюстрировался множествомъ фотографій, снятыхъ участниками экскурсіи со встрѣченныхъ памятниковъ.

Засѣданіе отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 9 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель И. А. Линниченко.

1. А. Я. Ефименко доложила: „*Объ архаическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и у славянъ*“.

Въ замѣчательномъ новомъ трудѣ своемъ „*Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen*“, берлинскій профессоръ Мейценъ доказываетъ, что первоначальной формой землевладѣнія у германцевъ были независимые земельные участки и что верховенство въ дѣлахъ управленія находилось въ рукахъ свободной крестьянской общины. Но Мейценъ противопоставляетъ клановую деревню, Gewanndorf, какъ исконную и исключительную особенность германскаго племени, славянскимъ формамъ землевладѣнія, каковы: мѣръ (община), задруга или же хуторъ. Такой взглядъ односторонень и несоотвѣтствуетъ русской дѣйствительности: изъ нашихъ актовъ XVII в. видно, на примѣръ, существованіе сѣвернорусской деревни, состоящей изъ небольшого числа дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее, но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ или участковъ: эта деревни тоже въ сущности, что Gewanndorf.

2. Проф. М. А. Дьяконовъ прочелъ докладъ: „*О монастырскихъ дѣтенышахъ въ Московскомъ государствѣ, въ XVI и XVII вв.*“.

Главная работа „дѣтенышей“ (иначе назыв. „дѣтины, дѣти“) была

пашня на монастырскихъ земляхъ; но они несли и другія работы, бывали пекарями, мукомолами, конюхами, пастухами и т. п. Нѣкоторые изслѣдователи предполагали, что монастырскіе дѣтеныши по ихъ происхожденію были безродные сироты, пріютившіеся въ монастыряхъ, либо дѣти крестьянъ бобылей, служившихъ монастырю. Но понятіе „дѣтенышей“ шире: ибо въ число монастырскихъ дѣтенышей поступали бѣдныя дѣти боярскія, а также иноземцы, дававшіе на себя особыя „крѣпости“, и разныя вообще лица по свободному найму, причемъ дѣтеныши-наймиты въ источникахъ отличаются отъ старинныхъ монастырскихъ дѣтенышей. Древнерусскіе монастыри вели большія запашки между прочимъ съ помощью наемныхъ дѣтенышей: иногда по источникамъ ихъ значится у иного монастыря больше чѣмъ крестьянъ; число дѣтенышей въ нѣкоторыхъ монастыряхъ увеличилось въ XVII вѣкѣ противъ предыдущаго вѣка: видно, что монастырямъ было выгодно хозяйство черезъ наемныхъ работниковъ. Можетъ быть монастырскія запашки съ помощью „дѣтенышей“ были бы еще значительнѣе, если бы монастырскія пашни не были положены, на ряду съ землями частныхъ владѣльцевъ, въ сошный окладъ; монастыри стремились освободиться отъ такого оклада, или просили государей, по крайней мѣрѣ, сбавить этотъ окладъ, что и удавалось имъ, наприм., Троицкому Сергіеву монастырю въ началѣ XVII вѣка: часть его земель, обрабатываемыхъ „дѣтенышами“, была выложена изъ оклада. Впрочемъ, въ первой четверти XVII вѣка была создана новая система окладного счета и новая окладная единица, такъ называемая „живущая четверть“. Какъ эта новая система отразилась на положеніи монастырскихъ дѣтенышей, остается пока неизвѣстнымъ.

Засѣданіе отдѣленія VIII. Древности прибалтійскія. 10 августа утромъ.

(Доклады были читаны на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель Д-ръ Гремплеръ.

1. Докладъ д-ра Р. Вирхова: „*О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи*“.

Древнѣйшимъ населеніемъ нынѣшнихъ балтійскихъ губерній можно считать финновъ и присоединившихся къ нимъ латышей. Нельзя видѣть въ могильникахъ Прибалтійскаго края древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ какъ погребеніе покойниковъ вездѣ обуславливалось нѣкоторой высокой достигнутой уже культуры. Высокая научная заслуга графа Сиверса въ здѣшнемъ краѣ заключается въ томъ, что онъ впервые обратилъ вниманіе на другіе источники древнѣйшихъ временъ, а именно на строеніе на сваяхъ въ Аррашскомъ озерѣ, на складъ кремневыхъ предметовъ, найденныхъ при Свейнекѣ на сѣверномъ берегу Буртнекскаго озера, и на богатый пищевыми отбросами холмъ Риннекалнсъ на лѣвомъ берегу Залиса при истокѣ этой рѣки изъ того же самаго озера. Но что для референта составляло предметъ

главнаго интереса—это обломки горшковъ, изготовленныхъ изъ смѣси глины и толченыхъ раковинъ. На нихъ изображенъ ямообразный орнаментъ (Grubenornament), образованный осколками раковинъ. Сопоставленіе этихъ обломковъ горшковъ съ похожими на нихъ обломками, найденными въ такихъ же курганахъ на берегу Ладожскаго озера, во Владимірской губерніи, въ Финляндіи и въ другихъ мѣстахъ, допускаетъ выводъ, что „kjookenmödding“ Риннекальса не представляетъ изъ себя отдѣльнаго типа. Что касается другаго свидѣтельства, т. е. Аррашскаго строенія на сваяхъ, то референтъ уже ранѣе доказалъ (Verh. berl. Ges. 1877; Verh. est. Ges. X), что оно не имѣетъ ничего общаго со швейцарскими строеніями на сваяхъ, но что должно отнести его къ гораздо позднѣйшему времени. Среди находокъ Риннекальса не встрѣчалось ни желѣза, ни костей сѣвернаго оленя, но и не нашлось костей домашнихъ животныхъ за исключеніемъ собаки. Это обстоятельство даетъ намъ возможность опредѣлить время происхожденія этого холма, имѣя въ виду прежнее распространеніе сѣвернаго оленя по всей средней Европѣ до береговъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ должно предположить, что первые люди пришли сюда въ промежутокъ между періодомъ сѣвернаго оленя и періодомъ домашней свиньи. Череповъ этого періода, не было найдено въ Риннекальсѣ, вслѣдствіе чего нельзя точно доказать національность строителей раковиннаго бугра. Но судя по формѣ череповъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ въ такихъ же курганахъ въ Владимірской губерніи, и имѣя въ виду позднѣйшее населеніе въ мѣстностяхъ нахождения этихъ кургановъ, можно думать, что аборигены Прибалтійскаго края принадлежали къ финскому племени. Проф. Вирховъ окончилъ докладъ указаніемъ на то обстоятельство, что черепъ, найденный два дня тому назадъ въ Трейденскомъ могильникѣ, по его мнѣнію, показываетъ всѣ характерныя формы латышскаго, а не финскаго племени, что, пожалуй, противорѣчило бы даннымъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ Прибалтійскаго края.

2. Проф. Р. Хаусманъ прочелъ: „*О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ*“. Могильниковъ, относящихся къ каменному вѣку, до сихъ поръ не найдено, между тѣмъ какъ только одно бронзовое копьецо, изъ кургана при Нейгофѣ, свидѣтельствуетъ о бронзовомъ вѣкѣ. Огромное большинство могильниковъ принадлежитъ къ времени по Р. X. На югъ отъ Двины нашлись курганы со слѣдами сожженія, но въ большинствѣ случаевъ въ этихъ мѣстностяхъ преобладаютъ могильники съ костяками. Самое большое число могильниковъ первыхъ столѣтій по Р. X. встрѣчалось на сѣверъ отъ рѣки Аа до Вейссенштейна. Здѣсь попадаются т. н. каменно-рядовые могильники (Steinreihengräber) въ направленіи съ сѣвера на югъ. Прежнее мнѣніе, будто бы эти могильники представляютъ изъ себя типъ корабля, теперь окончательно опровергнуто, такъ какъ тщательное изслѣдованіе ихъ конструкціи доказало, что форма этихъ могильниковъ образовалась тѣмъ, что въ теченіе времени присоединялись отдѣльные каменные четырехугольники другъ къ другу. Въ

нихъ найдено много сожженныхъ костей, горшечные черепки, разные желѣзные предметы; оружіе попадаетъ лишь изрѣдка, нашлось только нѣсколько копій и кельтовъ; украшенія исключительно бронзовыя. Среди нихъ выдѣляются своей изящностью дугообразныя фибулы (Bügel fibeln), ясно показывающія римское происхождение. Часто встрѣчаются эмали, кольца, иголки, бронзовыя бусы. Только одинъ разъ нашлись монеты, а именно монеты римскихъ императоровъ перваго и втораго столѣтій по Р. Х. Судя по находкамъ, эти могильники относятся къ первымъ пяти столѣтіямъ послѣ Р. Х. Болѣе къ сѣверу на берегахъ Эстляндіи раскапывались могильники, имѣющіе то же самое содержаніе, но не показывающіе такой правильной конструкціи. До сихъ поръ еще нельзя точно опредѣлить, объясняется ли эта разница погребенія различіемъ національности. Въ послѣднее время изслѣдованы были при Адлатцкиви и Паюсъ на берегу Чудскаго озера каменно-рядовыя могильники съ предметами, принадлежащими къ позднѣйшему времени: множество бронзовыхъ украшеній, а особенно оружіе, изготовленное эстонскимъ населеніемъ въ концѣ перваго тысячелѣтія, изъ чего слѣдуетъ, что эсты, вторгнувшіеся въ эту страну, заимствовали форму погребенія у аборигеновъ. Но на ряду съ каменно-рядовыми могильниками у эстовъ встрѣчаются также могильники съ костяками, содержащіе характерныя украшенія, особенно т. н. двухкрестныя иголки (Doppelkreuznadel) и плетеный орнаментъ (Vandflechtornament), далѣе въ эстонскихъ могильникахъ нашлось много оружія, конской сбруи, косъ. Извѣстно, что эсты славились желѣзными издѣліями. Могильники ливовъ на Двинѣ и на рѣкѣ Аа представляютъ курганы, подъ которыми обыкновенно хоронился только одинъ трупъ. Характерное украшеніе ливовъ — черепахообразная фибула (Schildkrötenfibel) и длинныя цѣпи съ разными привѣсками и амулетами. Часто попадаетъ оружіе красивой выдѣлки съ серебряными украшеніями. Монеты, найденныя рядомъ съ костяками, принадлежатъ къ IX—XII столѣтіямъ. Въ эту группу входятъ и Трейденскіе могильники, частью раскопанные во время Свѣзда. Замѣчательны могильники съ каменными ящиками (Kistengräber) особенно тщательной постройки, но совершенно пустыя. Но такіе же уже раньше встрѣчались, какъ на примѣръ, близъ Вендена въ Кейсумѣ.

3. К. Меттигъ сдѣлалъ сообщеніе *объ опредѣленіи происхожденія бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ.*

Въ городѣ Ригѣ въ Средніе вѣка цехомъ мѣдниковъ и кожевниковъ въ обширныхъ размѣрахъ изготовлялись изъ бронзы самыя разныя украшенія: кольца, браслеты, цѣпи, пояса, фибулы и т. п., т. е. предметы, которые составляютъ главную массу находокъ въ ливонскихъ могильникахъ (см. трудъ Штида и Меттига, недавно изданный: „Schrage der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621“). Такіе же цехи по всей вѣроятности существовали и въ другихъ прибалтійскихъ городахъ. Имѣя въ виду, что эти бронзовыя издѣлія массами распродавались среди крестьянскаго населенія, нужно пред-

полагать, что они не пропали безслѣдно. Поэтому слѣдовало бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнести мѣсто происхожденія бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ, къ средневѣковымъ мастерскимъ г. Риги или вообще прибалтійскихъ городовъ.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 10 августа 1 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: М. С. Карелинъ.

1. В. Б. Антоновичъ прочелъ докладъ: „Памятники каменной вѣка, найденные въ Киевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ“.

Референтъ сообщалъ о цѣломъ рядѣ изысканій, обнаружившихъ послѣдовательный рядъ типовъ доисторической жизни въ предѣлахъ г. Киева. Мѣстность, гдѣ производились изслѣдованія, — Кирилловская улица, одна сторона которой граничитъ съ поемнымъ лугомъ Днѣпра, другая представляетъ крутой высокій обрывъ. Въ 1893 г. при срѣзываніи въ одной усадьбѣ подножія этого обрыва были обнаружены бивни и кости мамонта. Благодаря вниманію, съ какимъ отнесся къ находкѣ мѣстный любитель и собиратель древностей, г. Хвойко, находка эта была обслѣдована референтомъ съ археологической точки зрѣнія, проф. же Армашевскимъ съ геологической. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стоянкой палеолитической эпохи. Кромѣ костей мамонта здѣсь найдены и кремневые орудія. Отъ другихъ стоянокъ этой эпохи, обнаруженныхъ въ Россіи, эта стоянка отличается глубиной того слоя, въ которомъ найдены остатки на границѣ съ третичнымъ пластомъ, и на этомъ основаніи ее можно считать древнѣйшей изъ доселѣ найденныхъ.

Выше этой стоянки обнаружена другая громадная стоянка, но уже неолитической эпохи. Состоитъ она изъ ряда очаговъ, на которыхъ и рядомъ съ ними найдены пищевые остатки, раковины двухъ видовъ, отбивныя и полированныя кремневые орудія и особенно въ большомъ количествѣ издѣлія изъ рога и кости. Найдено также много предметовъ гончарства и даже цѣлыя гончарныя печи съ наполнявшими ихъ сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ. Тутъ же открыты 3 гробницы, относящіяся къ той же эпохѣ; скелеты въ нихъ лежали въ согнутомъ положеніи, а одинъ въ полусидячемъ. Мѣстность, гдѣ находилась стоянка, лежитъ вблизи оврага, въ которомъ гораздо раньше открыты пещеры той же неолитической эпохи, такъ что можно сдѣлать предположеніе, что пещеры служили зимними помѣщеніями, стоянки—лѣтними. Въ одной изъ сосѣднихъ усадебъ—художника Святославскаго—найдена подобная же стоянка. Среди пищевыхъ остатковъ преобладали кости рыбъ, среди орудій — кремневые издѣлія. Особенно интересны найденные здѣсь черепки сосудовъ, покрытые живописью; быть можетъ это результаты сношеній съ обитателями другихъ мѣстностей; именно такіе раскрашенные сосуды часто встрѣчаются на Поднѣстровьѣ. Заслуживаютъ вниманія также глиняныя изображенія людей.

Третья группа памятниковъ, обнаруженныхъ въ этой же мѣстности, относится къ желѣзному вѣку. У подножія горы на большомъ пространствѣ тянется старо-славянское кладбище. Возлѣ скелетовъ, лежавшихъ головой къ востоку, найдены желѣзные вещи, бронзовые и серебряныя украшенія, бусы. Гробницъ найдено 80; 50% череповъ изъ этихъ гробницъ имѣютъ нѣкоторую особенность въ лобной кости, требующую еще изслѣдованія. Въ одномъ случаѣ встрѣтилось отличное отъ другихъ погребеніе: костякъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы найденъ отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ руки какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями; тутъ же находились кремни и раковины; быть можетъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходной эпохой—отъ каменнаго къ желѣзному вѣку.

По поводу этого реферата В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что быть можетъ глубина первой находки объясняется оползнемъ и тогда глубокая древность ея подлежитъ сомнѣнію. В. Б. Антоновичъ, не отрицая возможности сомнѣній, сослался на профф. Армашевскаго и Феофилактова, которыми были произведены геологическія изслѣдованія мѣста находки. Проф. Покровскій добавилъ, что пласты залегаютъ правильно, оползней нѣтъ и пласть этотъ нужно считать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ.

2. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „*О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи*“.

Указавъ на то, что кресты, въ томъ числѣ несомнѣнно христіанскіе, были находимы неоднократно въ могильникахъ и курганахъ Прибалтійскаго края (Курляндіи, Эстляндіи, острова Эзеля и т. д.), равно какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ — Витебской, Петербургской и др., референтъ остановился особенно на древнихъ могилахъ X—XII вв. въ средней Россіи, гдѣ были находимы довольно часто не только кресты, но и образки (Божьей Матери и различныхъ святыхъ), напр. гр. А. С. Уваровымъ въ мерянскихъ курганахъ Ярославской и Владимірской губ., проф. А. П. Богдановымъ—въ курганахъ Московской губ., Ф. Д. Нефедовымъ и др.—въ Рязанской губ., г. Булычевымъ—въ Калужской и т. д. Если нѣкоторые кресты, напр., на большихъ булавахъ въ Прибалтійскомъ краѣ или нашитые на кожу и служившіе для украшенія сѣдла въ Тобольской губ., или входящіе въ составъ сложнаго металлическаго убора съ красной эмалью, подобно найденному въ Масальскомъ у., Калуж. губ., очевидно, представляютъ собою просто украшенія, въ которыхъ крестъ играетъ роль только одного изъ мотивовъ орнамента, то относительно другихъ крестовъ (иногда украшенныхъ финифтью или даже изображеніемъ Распятія), а тѣмъ болѣе образковъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что они христіанскаго происхожденія, и вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, составляетъ ли присутствіе ихъ въ могилахъ доказательство христіанства погребенныхъ, или же вѣроятнѣе, что эти христіанскіе символы носились часто и язычникамъ, какъ украшенія или

амулеты, безъ сознанія ихъ настоящаго значенія. Это послѣднее мнѣніе раздѣлялось большинствомъ изслѣдователей, начиная съ Крузе и гр. Уварова, но въ послѣднее время высказывались взгляды (напр., гг. Слуцкимъ и Боемъ), что подобныя христіанскіе символы могли принадлежать и христіанамъ, только погребеннымъ по языческому обряду (а иногда и подвергшимся трупосожженію). Находки, сдѣланныя въ послѣднее время въ курганахъ Костромской губ. (Костромскаго, Нерехтскаго и Кинешемскаго уѣздовъ), раскопанныхъ по порученію Моск. Археол. Общества Ф. Θ. Нефедовымъ, способны бросить новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Курганы эти, большей частью съ погребеніями, но иногда и съ остатками трупосожженія, представляютъ наибольшее сходство съ мерянскими, изслѣдованными гр. Уваровымъ. Мужскія могилы, сравнительно бѣдныя, заключаютъ въ себѣ часто только желѣзные ножики, топоры, пряжки и т. п., тогда какъ женскія часто богато обставлены бронзовыми и серебряными украшеніями: височными кольцами, шейными обручами, ожерельями изъ разнообразныхъ бусъ и привѣсокъ, серьгами, пряжками, браслетами, кольцами на пальцахъ и т. д. Отличія эти отъ собственно мерянскихъ кургановъ заключаются въ отсутствіи оружія, нѣкоторыхъ характерныхъ формъ топоровъ, украшеній норманскаго типа (овальныхъ скорлупчатыхъ фибулъ), ключей, семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ, золотыхъ вещей, янтаря, бронзовыхъ сосудовъ, нѣкоторыхъ формъ шумящихъ подвѣсокъ, западно-европейскихъ монетъ, тогда какъ восточныя диргемы встрѣчаются довольно часто. Все это указываетъ на большую обособленность отъ сношеній съ западомъ и на большее тяготѣніе къ востоку, доказываемое и множествомъ привѣсокъ съ изображеніями животныхъ (коньковъ, собаки, барана, пѣтуха, курицы, утки и т. д.). Въ числѣ подвѣсокъ было найдено много (болѣе 40) крестовъ и образковъ, отчасти уже извѣстныхъ, отчасти новыхъ типовъ. Кресты встрѣчаются тройкаго рода: а) вѣрзанные въ круглые медальоны съ ушкомъ, разнообразныхъ формъ; б) соединенные съ лунницей, при чемъ особенно любопытны кресты, укрѣпленные между рогами полумѣсяца; в) самостоятельные кресты, большей частью равноконечные, разныхъ формъ, нерѣдко съ финифтью. Образки, обыкновенно маленькіе, представляютъ три вида: а) Богородицы съ Младенцемъ на правой рукѣ; б) поясное изображеніе святого съ копьемъ, — вѣроятно св. Георгія, и в) — двухъ святыхъ (?). Большая часть этихъ крестовъ и образковъ была найдена на груди и шеѣ; очевидно, они входили въ составъ ожерелій или составляли отдѣльныя привѣски, иногда рядомъ съ диргемами и другими украшеніями, но 6 образковъ (2—Богоматери и 4 — св. Георгія) были найдены, отчасти еще соединенные съ бронзовыми колечками, около черепа, и, очевидно, служили для украшенія серегъ, какъ и нѣсколько лунницъ съ крестами. Этотъ фактъ, впервые нынѣ констатируемый, доказываетъ довольно убѣдительно употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ матеріаловъ для личнаго убора или наряда. Но съ другой стороны, въ тѣхъ

же курганах встрѣтился одинъ крестъ, принадлежавшій, повидимому, несомнѣнно христіанину. Это — крестъ довольно большой, двустворчатый, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ одѣтыхъ фигуръ съ вытянутой одной рукой, держащей нѣчто въ родѣ черви; на одной сторонѣ находится надпись:

Г Л Б,
Б О

означающая, очевидно, „Глѣбъ“ или „Глѣ(бъ)“ и „Бо(рисъ)“.

Подобные кресты извѣстны были и ранѣе, изъ южной Россіи; они указываютъ, очевидно, на XII или, можетъ быть, даже начало XIII вѣка. Крестъ этотъ былъ найденъ въ курганѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ другихъ со-сѣднихъ, на пустоши Босихѣ, Кинешемск. у.; при встлѣвшемъ костякѣ оказались только бронзовая лунница и серебряная пряжка со слѣдами желѣзной иглы; крестъ же лежалъ не у самаго скелета, а верхка на два выше, въ землѣ, и нѣсколько въ сторонѣ, какъ будто онъ былъ положенъ уже по закрытіи тѣла слоемъ земли. Въ данномъ случаѣ, повидимому, не можетъ подлежать сомнѣнію, что мы имѣемъ передъ собою могилу христіанина. — Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько этнографическихъ данныхъ, способныхъ служить параллелями къ указаннымъ археологическимъ фактамъ. У остяковъ встрѣчаются вышитые бисеромъ нагрудники, на которыхъ привѣшены, вверху — рядъ мѣдныхъ русскихъ крестовъ, а ниже рядъ прорѣзанныхъ круглыхъ бляхъ, съ изображеніемъ всадника на конѣ, повидимому, представляющихъ одного изъ ихъ языческихъ боговъ, — посредника между высшимъ богомъ и людьми; иногда же, рядъ крестовъ замѣняется не имѣющими ничего священнаго привѣсками или жетонами. Этотъ фактъ показываетъ, какъ у народа, находящагося на переходной ступени отъ язычества (шаманизма) къ христіанству, христіанскіе символы могутъ соединяться съ языческими, и притомъ, какъ надо думать, не въ цѣляхъ только украшенія. Извѣстно, что различныя формы крестовъ служили предметами почитанія и религиозными символами у многихъ народовъ, задолго до появленія и утвержденія ученія Христа — въ Индіи, Китаѣ, Египтѣ, Центральной Америкѣ; крестъ пользуется значеніемъ и теперь у буддистовъ и шаманистовъ. Возможно допустить, что и въ эпоху появленія христіанства въ Средней Россіи, кресты и образки усваивались иногда населеніемъ, какъ извѣстные символы или амулеты, ранѣе усвоенія дѣйствительныхъ основъ христіанства, и заняли мѣсто рядомъ съ языческими религиозными символами. Что касается до соединенія креста съ лунницей, то референтъ указалъ на любопытный образчикъ переживания, констатированный недавно въ Калужской губ. И. Д. Четыркинымъ, встрѣтившимъ у одного обывателя серьгу (въ одномъ ухѣ), въ формѣ лунницы съ утвержденнымъ на ней крестикомъ; по словамъ имѣвшаго эту серьгу онъ носитъ ее какъ предохранительное средство отъ грыжи. Подобные этнографическіе факты представляютъ несомнѣнно значительный интересъ, и, по мнѣнію докладчика, даютъ новое подтвержденіе тому, что этнографія является ближайшей помощницей археологіи (какъ и обратно—

археологія для этнографіи) въ дѣлѣ посильнаго разъясненія подробностей народнаго быта.

3. Проф. С. Θ. Платоновъ прочелъ докладъ А. А. Спицына: „Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскаго края Россіи“. Плоды трехлѣтнихъ занятій А. А. Спицына прибалтійскими древностями будутъ изданы въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. Выводы автора значительно расходятся съ выводами мѣстныхъ ученыхъ. Сколько было ливонскихъ племенъ, какова была ихъ культура и погребальные обряды, къ какому племени принадлежали куры—все это, по мнѣнію А. А. Спицына, еще открытые вопросы.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко - географическія и этнографическія. 10 августа 4 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: Р. Хаусманъ.

1. А. С. Будиловичъ прочелъ докладъ: „О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ южной Венгріи“. Русскую археологію необходимо изучать на всемъ пространствѣ расселенія русскаго племени, хотя бы и за предѣлами русскаго государства, притомъ же изучать не изолированно отъ археологіи прочихъ славянскихъ народовъ, а сравнительно съ нею, обращая вниманіе и на другіе смежные народы греко-славянскаго культурнаго міра, на второмъ же планѣ—и на народы другихъ культурныхъ системъ. Венгрія, въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и культурно - историческомъ, страна издревле славянская или грекославянская, отчасти и русская (по сую сторону Тисы), и для науки славянорусскихъ древностей чрезвычайно важны тѣ этнографическіе и культурно-историческіе вопросы, рѣшеніе которыхъ обусловлено археологическимъ изслѣдованіемъ Венгріи, въ родѣ напр., вопросовъ: о времени населенія славянъ на Карпатахъ и Дунаѣ; объ ихъ отношеніяхъ къ дакамъ и готамъ, языгамъ и иллирамъ, кельтамъ и волохамъ и т. п.; о времени образованія Закарпатской Руси; о бѣлой Сербіи и бѣлой Хорватіи; о Велико-моравскомъ государствѣ и церкви; о паннонизмѣ въ церковно - славянской письменности и т. п. Слабая разработка древностей угрославянскихъ тормозитъ дальнѣйшее развитіе науки славянскихъ древностей вообще. Разсчитывать на пополненіе означенныхъ пробѣловъ археологами мадьярскими нельзя, въ виду постепеннаго ослабленія въ мадьярской историографіи интереса ко всему славянскому, стремленія замалчивать послѣднее какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ и вообще въ виду невысокаго уровня историко-географическихъ знаній въ теперешней Венгріи.

Далѣе референтъ указалъ на постепенное оскуднѣніе вещественныхъ и бытовыхъ памятниковъ угрославянской старины вслѣдствіе пренебреженія къ нимъ мадьярскаго правительства и общества и успѣховъ мадьяризаціи

славявъ. Угорскіе румыны находятъ еще поддержку въ соплеменникахъ румынскаго королевства; угорскіе нѣмцы опираются на науку общенѣмецкую; сербы и хорваты до нѣкоторой степени находятъ поддержку въ ученыхъ учрежденіяхъ Бѣлграда и Загреба. Но худо положеніе словаковъ, особенно послѣ разгрома ихъ Матицы, подѣ предлогомъ панславизма, т. е. поддержки народнаго самосознанія словаковъ памятниками ихъ старины, а также угорусовъ, на половину уже охваченныхъ процессомъ мадьяризаціи.

На содѣйствіе сосѣднихъ русскихъ галичанъ угорорусы рассчитывать не могутъ, ибо эти галичане также переживаютъ критическую пору въ борьбѣ за свою народность и церковь и во всякомъ случаѣ не могутъ заняться археологическимъ изученіемъ Венгріи, не будучи въ состояніи справиться съ собственными остатками старины, въ родѣ, напр., церкви Преображенія отъ XII вѣка на развалинахъ древняго г. Галича.

Россія должна въ этомъ отношеніи пособить своимъ червонорусскимъ и угрославянскимъ соплеменникамъ хотя бы въ такой лишь мѣрѣ, какъ Румыніи—по отношенію къ волохамъ Буковины, Семиградіи и Баната. Усилія частныхъ лицъ, напр., русскихъ славистовъ, діалектиковъ, историковъ, изрѣдка посѣщающихъ Венгрію съ научною цѣлью, при всей своей важности, недостаточны для спасенія и освѣщенія угрославянской старины. Это можно сдѣлать лишь совмѣстными усиліями археологическихъ Обществъ—русскихъ, сербо-хорватскихъ, чешскихъ и т. д., если бы имъ удалось снарядить туда одну или нѣсколько археологическихъ экспедицій. Возможныя затрудненія, между прочимъ и политическія, не трудно будетъ устранить путемъ предварительныхъ сношеній съ австро-венгерскимъ правительствомъ, какъ это сдѣлано было и гр. Зичи при снаряженіи имъ въ прошломъ году мадьярской археологической экспедиціи на кавказскую и прикаспійскую прародину—дѣйствительную или мнимую—Арпадовой орды.

Референтъ просилъ Съѣздъ выразить желаніе, чтобы русскія археологическія учрежденія и Общества, включивъ угрославянскую археологію въ рамку своихъ изслѣдованій, снарядили—одни или совмѣстно съ археологами западно-славянскими—археологическую экспедицію въ Венгрію и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали бы содѣйствіе частнымъ русскимъ и инославянскимъ археологамъ при изученіи и изданіи памятниковъ угрославянской старины.

2. И. П. Филевичъ прочелъ: „*Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры*“. Карта доселѣ изучается какъ пособіе, а не какъ источникъ. Между тѣмъ лишь изученіе всей суммы названій населенныхъ мѣстъ, урочищъ, водъ, холмовъ и т. д. извѣстной территоріи, то разноязычностью, то однородностью по языку, то искаженностью названій уважаетъ то полосы встрѣчи двухъ племенъ, то древнюю территорію даннаго племени, то область взаимодѣйствія одного племени на другое.

Такія полосы ярко отражаютъ на себѣ вѣковые процессы взаимодѣйствія сосѣднихъ племенъ и при уясненіи вопроса о древнѣйшей территоріи

этихъ племенъ должны быть принимаемы въ соображеніе, хотя бы уводили изслѣдователя далеко за предѣлы, занимаемые племенемъ въ настоящее время. Славянская и въ частности русская номенклатура тянется и теперь далеко за предѣлы славянской и русской территоріи, съ другой стороны чисто русская номенклатура занимаетъ въ предѣлахъ Россіи сравнительно незначительное пространство. Слѣдовательно, надо расширить рамки номенклатурныхъ изученій, уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и по возможности возстановить правильныя формы названій въ мѣстахъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніемъ, подверглась искаженіямъ. Должно бы къ каждому нашему Археологическому Съѣзду собирать такой матеріалъ въ области, гдѣ назначенъ Съѣздъ, должно бы вообще приступить къ такой работѣ по областямъ Россіи, дабы въ разныхъ нашихъ областяхъ появились труды, подобные труду д-ра Биленштейна о границахъ латышскаго племени.

Въ оживленныхъ преніяхъ по докладу указывали между прочимъ, на труды Статистическихъ Комитетовъ и Архивныхъ Комиссій, предлагали поставить изслѣдованіе въ связь съ предстоящей народной переписью, выражали сомнѣніе въ вѣскости топографической номенклатуры для опредѣленія измѣнчивыхъ границъ племени.

Засѣданіе отдѣленія V. Древности церковныя. 10 августа вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Θ. Красносельцевъ.

1. Н. В. Покровскій познакомилъ съ тремя собраніями русскихъ памятниковъ искусства, находящимися въ Ригѣ: 1) съ музеемъ при духовномъ училищѣ; 2) съ собраніемъ въ единовѣрческой церкви; 3) съ собраніемъ раскольничьей моельни (см. стр. 269).

2. А. П. Голубцовъ прочелъ докладъ „О началѣ, первыхъ попыткахъ и направленіи иконописной школы Троицкой Лавры“.

Указавъ на факты существованія съ давнихъ временъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ искусства иконописанія, приобрѣтавшася въ теченіе XV—XVII в. исключительно путемъ практическимъ, референтъ остановился на возникновеніи въ Лаврѣ иконописной школы въ половинѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1744 году, по мысли и волѣ преосвященнаго Арсенія Могилянскаго, для обученія иконописи десяти учениковъ Троицкой семинаріи былъ приглашенъ художникъ Николай Степановъ Каменскій, который, по исправленію нѣкоторыхъ монастырскихъ дѣлъ, 22 сентября 1746 г. приступилъ къ преподаванію. Первыми его учениками были воспитанники семинаріи—дѣти разночинцевъ. Съ помощію рисовальныхъ азбукъ и гравированныхъ листовъ онъ и обучалъ ихъ до 10 марта 1748 года. Съ этого времени его мѣсто занялъ вызванный изъ Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахъ Павелъ Казановичъ, который усилилъ дисциплину, увели-

чилъ и улучшилъ рисовальныя и живописныя пособія, перевелъ учениковъ съ рисованія и живописи на иконопись, а главное, улучшилъ въ школахъ то направленіе, которое въ зародышѣ было дано ей и Каменскимъ. Это новое западное направленіе, сказавшееся на содержаніи и особенно на характерѣ исполненія иконографическихъ сюжетовъ, не встрѣтило протеста со стороны инокъ и легло въ основу лаврскаго иконописанія почти на все послѣдующее время.

3. Е. К. Рѣдинъ въ докладѣ „*Мозаики разенскихъ церквей*“, представляющемъ отрывокъ изъ приготовляемаго имъ къ печати труда, посвященнаго специально обзорнѣю указанныхъ мозаикъ, остановился подробно на извѣстныхъ въ литературѣ сочиненіяхъ, касающихся этихъ мозаикъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы въ отношеніи предлагаемыхъ въ нихъ теорій о происхожденіи мозаикъ, и отмѣтилъ историческіе факты, подтверждающіе стилистическій и этнографическій анализъ, приводящій къ заключенію о византійскомъ происхожденіи мозаикъ.

4. И. Г. Добрынкинъ въ докладѣ „*Объ иконографическихъ формахъ великомученика Никиты*“ разсмотрѣлъ изваяніе на западной стѣнѣ Дмитріевскаго Владимірскаго собора (XII в.), образки XIII—XV, далѣ XVIII вѣка и современные (въ Историч. Музеѣ, въ собраніи Моск. унив., въ Музеяхъ: Новгородскомъ и Тверскомъ, въ Ростовской Бѣлой Палатѣ, въ собраніи докладчика, въ обиліи у крестьянъ и торговцевъ Владимірской губерніи) и иконы съ XVI в. (въ Муромской Георгіевской церкви и въ собраніи Постникова). Повидимому, изображеніе св. Никиты, побивающаго бѣса оковами, перешло къ намъ съ XII в., вмѣстѣ съ легендой (какъ она изложена въ „Памятникахъ стар. русск. лит.“ графа Куселева Безбородко по Торжественнику Рум. Музея XVI в.); въ XVI вѣкѣ Никита, въ иконописи, поражаетъ діавола крестнымъ знаменіемъ (двуцрстнаго сложенія), въ XVII попираетъ діавола ногами; на образкахъ же съ XV по нашъ вѣкъ побиваетъ бѣса валькомъ.

5. И. Д. Четыркинъ прочелъ докладъ: „*Къ вопросу объ изображеніяхъ великомученика Никиты*“. Св. Никита Готскій изображается неодинаково; но большею частію онъ представляется въ видѣ мужа - воина, поражающаго гадообразнаго или челоуѣкообразнаго дьявола. Никита изображается на крестахъ вмѣсто Спасителя (вѣроятно, древнѣйшее изображеніе св. Никиты), а также внизу крестовъ подъ Распятіемъ, на особыхъ образкахъ, а иногда вмѣстѣ съ змѣевиками. Встрѣчаются также въ храмахъ большія иконы съ изображеніемъ св. Никиты. Надписи къ изображеніямъ св. Никиты бываютъ различны (между прочимъ, „ники“).

На развитіе сказанія о св. Никитѣ вліяли: содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, относящихся къ 14 и 15 сентября, прологъ, апокрифическое житіе великомученика Никиты, сказанія о мученіяхъ его, связь апокрифическаго изображенія Никиты съ змѣевиками и, быть можетъ, привнесеніе въ

сюжетъ нѣкоторыхъ астрологическихъ понятій. Въ прологѣ подь 14 сентября есть указаніе, что крестъ назывался *аникитой*. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ 15 сентября есть такое мѣсто: „*на томъ бо* (на крестѣ) *убиоу насъ убившаю*“, т. е. на крестѣ былъ убитъ (побѣжденъ) виновникъ нашей духовной смерти. Вслѣдствіе этого Никита и изображается на крестѣ вмѣстѣ съ Распятымъ Спасителемъ, а иногда замѣняетъ Его или изображается отдѣльно поражающимъ дьявола, и понятія *ника*, *ники* (*vixit*), *аникитъ* какъ бы смѣшиваются въ одномъ понятіи *Никита*. Въ спискахъ „сказаній“ о мученіяхъ св. Никиты опъ называется врачомъ болящихъ, прогонителемъ и мучителемъ бѣсовъ и избавителемъ отъ всякаго зла, т. е. ему приписывается почти такая же власть надъ демонами, какая приписывалась нѣкогда печати Соломона, молитвамъ-заклинаніямъ Сисиніевскаго типа и змѣевикамъ, замѣстителями которыхъ и являются впоследствии изображенія св. Никиты.

Такимъ образомъ, металлические кресты и образки съ св. Никитой употреблялись у насъ какъ оберегатели (профилактеріи) отъ всякихъ золъ, преимущественно болѣзней.

По поводу доклада А. И. Кирпичниковъ сопоставилъ Анику съ Никитой.

Засѣданіе отдѣленія III. Памятники искусства и художества, и VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 11 августа утро.

Почетный предсѣдатель П. А. Кулаковскій.

1. О. И. Успенскій прочелъ докладъ: „*Археологическіе памятники юрода Никеи*“. Памятники Никеи, вообще въ высшей степени замѣчательные и важные, принадлежать двумъ эпохамъ — римской и византійской. Первые чрезвычайно разнообразны, завлекательны и легко могутъ отвлечь вниманіе изслѣдователя отъ памятниковъ позднѣйшихъ, византійскихъ. Въ Никеѣ прежде всего поражаютъ наблюдателя великолѣпныя стѣны, съ 4 тройными воротами, украшенными барельефами и надписями; близъ города, въ полѣ находится колонна, посвященная нѣкому Филиску и т. д. Институту удалось сдѣлать немало новыхъ находокъ: напр., въ городскихъ стѣнахъ найдена плита—доселѣ неизвѣстный декретъ въ честь императрицы изъ дома Антониновъ. Но вниманіе византиста особенно привлекаютъ памятники христіанскіе, византійской эпохи, и чтобы показать значеніе никейскихъ древностей, О. И. подробно остановился на одномъ изъ такихъ памятниковъ.

Никея—мѣсто перваго вселенскаго собора, и естественно является вопросъ, гдѣ происходили засѣданія этого собора? Въ Никеѣ есть мѣсто, называемое *Σύνοδος*. Это—площадь, заросшая травой; но что это не простая площадь, а развалины, доказываютъ остатки мраморной лѣстницы, находящіяся подь поверхностью земли, слѣды четырехугольнаго зданія, остатки колоннъ и проч. Но былъ ли *Σύνοδος* мѣстомъ засѣданій собора, установить

невозможно. Другіе указываютъ на нынѣшнюю *митрополичью церковь*, гдѣ имѣются вообще любопытные памятники (напр., икона Богородицы), подробное изслѣдованіе конихъ отложено до осени. На эту церковь, какъ на мѣсто засѣданій собора, есть указанія въ иконографіи: въ Болгаріи, въ Бачковомъ монастырѣ, имѣется икона съ изображеніемъ Спиридона Тримифунтскаго, и на ней въ сторонѣ изображенъ храмъ, въ которомъ происходили засѣданія Никейскаго собора, храмъ, не шаблонный, и съ которымъ дѣйствительно можетъ быть сближена нынѣшняя митрополичья церковь.

На одной византійской надписи *Θ. И.* показалъ, какой любопытный матеріалъ представляютъ этого рода памятники, какъ надо пользоваться тѣмъ, что сдѣлано, и какъ необходимы новыя работы для раскрытія истиннаго значенія византійскихъ памятниковъ. Надпись эта находится на стѣнѣ, между Стамбульскими и Морскими воротами и издана *Texier* (*Description de l'Asie Mineure*, p. 41). Но въ первой строкѣ у *Texier* стоитъ имя „Сарацинъ“ (*καὶ αἰσχυντηρῶν Σαρακηνῶν*), тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ надписи стоитъ *ΚΑΤΑΙΣΧΥΝΘΗ ΘΡΑΣΟΣ*. Далѣе въ виду упоминанія въ надписи именъ императоровъ Льва и Константина, *Texier* отнесъ ее ко времени Льва Мудраго, къ 912 г. Но тогда арабы не были особенною грозой для Византіи. Такою грозой они были въ VIII ст., въ эпоху императоровъ-иконоборцевъ. *Texier* не разобралъ въ послѣдней строкѣ надписи (всѣхъ строкъ 5) слова „артаваздъ“ (*ΑΡΤΑΒΑΣΔΟΣ*); между тѣмъ это слово даетъ ключъ къ пониманію надписи: армянинъ Артаваздъ былъ современникомъ и помощникомъ Льва Исавра, игралъ видную роль въ средѣ православныхъ и по смерти Льва провозглашенъ былъ ими императоромъ. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ относится къ 726 — 739 и слѣдующимъ годамъ, освѣщаетъ эпоху и сообщаетъ намъ новыя данныя. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на неудовлетворительное состояніе византиновѣдѣнія и на необходимость изученія византійскихъ памятниковъ не по книгамъ, а посредствомъ личнаго осмотра на мѣстѣ.

2. *О. Θ. Вульфъ* прочиталъ докладъ „*Возстановленіе Константинопольскаго храма свв. Апостолъ на основаніи вновь найденнаго описанія*“. Недостаточныя до послѣдняго времени свѣдѣнія о замѣчательномъ архитектурномъ памятникѣ, равномъ по значенію св. Софіи, восполняются найденною въ аеонскомъ монастырѣ св. Лавры поэмою Родія, посвященною Константину Порфирородному, весьма важной и по описанію многихъ другихъ памятниковъ Константинополя. Пользуясь матеріаломъ поэмы и другими источниками (*Прокоцій*), докладчикъ представилъ полную реконструкцію храма. Онъ принимаетъ въ соображеніе извѣстія *Прокоція*: а) о крестообразномъ видѣ храма съ удлиненіемъ къ западу, б) объ окружающихъ храмъ снаружи стѣнахъ и двухъ-этажныхъ портикахъ, в) о мѣстонахожденіи алтаря въ центрѣ, объ устройствѣ кровли какъ св. Софіи, но меньшихъ размѣровъ, подъ четырьмя арками съ прорѣзными окнами, о равенствѣ другихъ безоконныхъ куполовъ. Далѣе принимаетъ во вниманіе описаніе Родія, который обозна-

чаетъ мѣстонахождение храма, описываетъ общій видъ, указываетъ на перестройку храма Константина и сообщаетъ имена архитекторовъ и составъ архитектуры храма: центральный квадратъ съ примыкающими четырьмя галлереями въ крестообразномъ видѣ, четыре столба въ центрѣ, боковые купола надъ сфедонами, отдѣленія при посредствѣ 16 столбовъ (и арокъ), раздѣленныхъ по высотѣ, общій внутренній видъ съ возвышеніемъ центрального купола, убранство храма: облицовкою, колоннами, рельефнымъ орнаментомъ, мозаикою куполовъ, сводовъ и междуарочныхъ стѣнъ до облицовки.

Данныя Родія, Прокопія сопоставляются съ данными предполагаемой копии храма свв. Апостоловъ — церкви св. Марка въ Венеціи. Этими сопоставленіями разрѣшается вопросъ о способѣ возвышенія главнаго купола безъ тамбуровъ, о связи внутренней архитектуры, о способѣ крытія галлерей (внизу сводомъ, а вверхъ куполами), о возвышеніи куполовъ надъ послѣдними для освѣщенія, о существованіи абсиды и гипотетически о распредѣленіи мозаикъ; а именно: въ центральномъ куполѣ—Вознесенія, на сводахъ—евангелическихъ событій, въ 1-мъ куполѣ—Сошествія Св. Духа, въ 3-мъ—Пророковъ, 4-мъ и 5-мъ—символическихъ композицій, на столбахъ и междуарочныхъ стѣнахъ — святыхъ. Описаніе Родіемъ живописныхъ изображеній болѣе риторическаго, чѣмъ историческаго характера; но и оно указываетъ на характеръ росписи болѣе повѣствовательный, чѣмъ символическій.

З. А. И. Миловидовъ прочиталъ докладъ: „*Церковно-археологическіе памятники города Пинска*“. Прошлое города Пинска, бывшаго долгое время (XII — XVIII вв.) политическимъ и церковнымъ центромъ обширнаго припетскаго Полѣсья, имѣетъ многосторонній интересъ для археологій. Не лишены интереса и пинскія церковныя древности, какъ памятники западно-русской церковно-исторической жизни, и именно религіозно-культурной и политической борьбы XVI—XVIII вв. Въ XVI вѣкѣ Пинскъ былъ вполне православно-русскимъ городомъ не только по господствующему вѣроисповѣданію, языку и этнографическому составу населенія, но и по внѣшней физиономіи, выразившейся на древнемъ планѣ. Въ немъ было 16 православныхъ церквей и два монастыря. Сохранившіяся свѣдѣнія объ ихъ архитектурѣ, о священныхъ принадлежностяхъ (каменный престолъ, каменные кресты, кацея), а также письменныхъ памятникахъ (отрывки изъ апостоловъ XIV и XVI вв.) и эпитафіяхъ—говорятъ за давность и прочность насажденія православія въ краѣ и притомъ изъ Кіева и подъ непосредственнымъ кievскимъ вліяніемъ, а не западнымъ (изъ Луцка), какъ утверждаютъ польскіе писатели. Западное вліяніе въ Пинскѣ начинается со введенія уніи и постепенно черезъ уніатовъ переходитъ на православныхъ. Въ области церковнаго зодчества оно отражается на искаженіи византійскаго стиля, въ области живописи оно высказывается въ подражаніи западнымъ католическимъ образцамъ (*Mater dolorosa*, картина Богоявленія); въ письменныхъ памятникахъ XVII в. являются польскія надписи, изображенія католическихъ символовъ

и эмблемъ. Въ XVIII в. Пинскъ становится городомъ католическо - униатскимъ по господствующему христіанскому вѣроисповѣданію и польско-еврейскимъ по языку и населенію. Для незначительнаго числа православныхъ русскихъ людей остается одна церковь съ монастыремъ. Эта эпоха XVIII в. въ г. Пинскѣ характеризуется окончательнымъ исчезновеніемъ храмовъ византійскаго стиля, исчезновеніемъ церковно-славянскихъ и русскихъ письменныхъ памятниковъ и введеніемъ нѣкоторыхъ католическихъ церковныхъ принадлежностей (монстраціи) и усиленнымъ подражаніемъ западной живописи, даже съ католической тенденціей. Въ заключеніе референтъ указалъ на нѣкоторыя современные оригинальныя издѣлія пинчуковъ для церкви (напр., соломенный иконостасъ). Мало извѣстный пинскій край любопытенъ, полонъ научнаго интереса, богатъ матеріаломъ и ждетъ своихъ изслѣдователей.

Засѣданіе отдѣленія VIII. Древности прибалтійскія. 11 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель д-ръ Конвентцъ.

1. А. фонъ-Ховенъ сообщилъ о городищѣ Пуннамэгги (т. е. красная гора), находящемся въ Эстляндіи при Энгдесѣ, вблизи станціи Ракке, Балтійской желѣзной дороги, среди болотъ, на высотѣ 14 метровъ, со стѣнами изъ известняка и гранитныхъ блоковъ.

Д-ръ Конвентцъ, указывая на важность такихъ изслѣдованій, обратилъ вниманіе засѣданія на карту городищъ въ Восточной и Западной Пруссіи, находящуюся на выставкѣ, и на напечатанныя къ ней объясненія, помещенныя въ „Erläuterungen zu den vom Westpreussischen Provinzial-Museum in Danzig ausgestellten Gegenständen“, которыя тутъ же раздавались членамъ Съѣзда.

2. Докладъ К. К. Боя: „О Курляндскихъ могильникахъ“.

Отмѣтивъ сдѣланныя доселѣ въ Курляндіи археологическія изслѣдованія и достигнутые ими результаты, референтъ подробно сообщилъ о могильникахъ съ костяками въ странѣ Курляндской Аа, населенной латышскимъ племенемъ Зимголой. Обширное поле съ костяками при Алтраденѣ, открытое наводненіемъ рѣки и изслѣдованное г. Боемъ въ 1886 г., было, по всей вѣроятности, мѣстомъ погребенія литовскихъ и латышскихъ воиновъ, павшихъ при Саулѣ въ 1236 г. Далѣе, референтъ сообщилъ о каменно-рядовыхъ могильникахъ при Франкъ-Сессау, раскопанныхъ имъ вмѣстѣ съ В. И. Сизовымъ, и описалъ рядъ могильниковъ при Цеемальденѣ, раскопка которыхъ предпринята была имъ по желанію графини П. С. Уваровой. Результаты этой экскурсіи изложены въ „Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst“¹⁾ и представлены на разсмотрѣніе Съѣзда. Интересно, что здѣсь мужчины хоронились въ направленіи съ сѣвера, сѣ-

¹⁾ См. стр. 250.

веро-востока и сѣверо-запада на югъ, юго-западъ и юго-востокъ, а женщины въ обратномъ направленіи. Находка крестовъ въ этихъ могильникахъ доказываетъ, что это мѣсто еще въ XIII столѣтіи служило кладбищемъ.

Референтъ выразилъ надежду, что труды Съезда распространятъ повсюду въ Курляндіи интересъ и сочувствіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, и что найдутся средства, необходимыя для подробнаго и систематическаго изученія этой губерніи и примыкающихъ къ ней частей Ковенской губерніи.

3. Докладъ д-ра Хакмана изъ Гельсингфорса: „*О бронзовомъ вѣкѣ Финляндіи*“. Референтъ раздѣлил матеріалы, по бронзов. вѣку Финляндіи, на двѣ группы: на скандинавскую или западно-европейскую и на перморуальскую. Мѣста нахождения бронзъ перваго типа находятся вблизи береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ и на рѣкѣ Вуоксѣ. Одна находка сдѣлана была въ сѣверной части области Саволакса: 4 меча, 7 кнжаловъ, 1 кольцо, 2 ножа, 13 кельтовъ и 2 очкообразныя фибулы. Большинство бронзъ — настоящаго скандинавскаго типа, и только нѣкоторыя являютъ западно-европейскій характеръ. Сравнительно большое число (13 предметовъ) относится къ древнему бронзовому вѣку, остальные находки принадлежатъ IV и V періодамъ. Изъ всѣхъ находокъ 10 предметовъ нашлись въ 9 каменныхъ курганахъ (Steinhügelgräber). Другія бронзы случайно нашлись въ озерахъ, болотахъ и на открытомъ полѣ. Голые, не покрытые землею, курганы сотнями разсѣяны по широкой береговой полосѣ вдоль Ботническаго и Финскаго заливовъ и на Аландскихъ островахъ. Величина поперечника этихъ кургановъ отъ 2 до 25 метровъ, ихъ высота отъ 0,3 до 5 метровъ. Во многихъ изъ нихъ встрѣчается по нѣскольку каменныхъ ящиковъ, другіе построены вокругъ большаго каменнаго обломка, служившаго центральнымъ камнемъ. Во многихъ каменныхъ курганахъ нашлись сожженные человѣческія кости; очевидныхъ слѣдовъ погребенія не замѣчалось въ курганахъ, изслѣдованныхъ учеными; но крестьяне рассказываютъ о костякахъ, будто бы найденныхъ ими въ каменныхъ ящикахъ. Въ 9 курганахъ попадались исключительно бронзовые предметы. Но цѣлый рядъ находокъ точно доказываетъ, что эти каменные курганы строились вплоть до VIII столѣтія по Р. Х.

Къ перморуальской группѣ относится только одна находка въ сѣверномъ Тавастландѣ, двѣ находки (ліяла для кельтовъ, обломки горшковъ, каменная посуда) на рѣкѣ Улео и одна находка (ліяло для кельтовъ) на рѣкѣ Торнео. Кроме того въ Швеціи, въ Норландѣ, при Ликселѣ найденъ былъ кельтъ, формы уральской.

4. Докладъ д-ра Конвентца изъ Данцига: „*О жилищахъ свидѣтелей старины въ Прибалтійскомъ краѣ*“.

Во время Съезда референтомъ найдены были въ окрестности Риги живые свидѣтели старины, а именно борти, т. е. деревья (преимущественно

старья сосны) съ искусственно выбитыми дуплами для пчелиныхъ роевъ. Такія борти, распространенныя въ Средніе вѣка по всей Средней Европѣ, теперь встрѣчаются очень рѣдко. Двѣ борти нашлись въ долинѣ рѣки Аа при Гильгенсферфѣ, 5 въ южной Курляндіи вблизи Якобштадта. Но самое большое число такихъ деревьевъ встрѣчается въ лѣсахъ имѣнія Дондангенъ въ сѣверной Курляндіи; тутъ по настоящее время существуетъ то же самое бортовое пчеловодство, какъ въ старину.

Другой свидѣтель старины—тисъ (*taxus baccata*), исчезающій постепенно въ нынѣшнее время. Сохранились только жалкіе остатки прежнихъ сплошныхъ лѣсовъ, состоящихъ изъ этого хвойнаго дерева. Тисовыя вѣтви всегда служили символомъ печали, боязни; поэтому ими украшали могилы, но и церкви и дома, въ чемъ референтъ лично убѣдился на островѣ Эзелѣ. Благодаря замѣчательной своей твердости тисовое дерево въ былое время составляло предметъ торговли. Такъ, напримѣръ, вывозили его изъ Россіи черезъ Эльбингъ въ Англію. Изготавливались изъ него главнымъ образомъ луки. Но приписывали ему и лѣчебныя, и волшебныя свойства, особенно противъ укуса бѣшеныхъ собакъ. На латышской этнографической выставкѣ находится тисовая дощечка, служившая для этой цѣли. Референтъ высказалъ надежду, что найдутся средства для сохраненія этой живой старины, представляющей часть исторіи культуры.

Засѣданіе отдѣленія IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 12 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Лонгиновъ.

1. А. В. Лонгиновъ въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя „*О магдебургскомъ правѣ въ юродахъ Южной и Западной Россіи*“ (см. стр. 291), сообщалъ, что по изслѣдуемымъ имъ нынѣ грамотамъ въ XIII и XIV вв. Можно прослѣдить постепенное введеніе въ Зап. и Южн. Россіи магдебургскаго права, борьбу нѣмецкаго и русскаго права, существованіе русскихъ обычаевъ подъ господствомъ нѣмецкаго права и конечную побѣду русскаго права благодаря устойчивости его въ обычаяхъ края.

2. М. П. Истоминъ прочелъ „*Объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 году*“. До 1561 г. Рига пользовалась почти полной автономіей, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Передавшись Польшѣ, рижане имѣли причины къ недовольству на польскую администрацію; тѣмъ не менѣе они мужественно боролись со Швеціей и уступили лишь силѣ. Швеція лишь выжимала доходы съ завоеванной провинціи и даже не спѣшила съ помощью для защиты Риги противъ русскихъ. Для исторіи осады Риги докладчикъ пользовался запиской пастора Зонтага, напрасно опускаемой изъ виду историками. Зонтагъ свидѣтельствуетъ, что періодъ шведскаго владычества былъ тяжелъ для Ливоніи и для Риги въ

частности, что при русском наступлении небольшой шведский гарнизон выказал безучастие, а граждане, по примеру шведской администрации, стали покидать Ригу; что связь между классами была слаба: немногие рыцари явились на защиту Риги, а крестьяне и вообще неохотно защищали ее; что лишь протестантское духовенство, имея прочные связи с протестантской Швецией, проявляло большую энергию в защиту Ливонии. Алексѣй Михайловичъ, болѣе опасаясь сильной Швеции, чѣмъ анархической Польши, со 100,000-нымъ войскомъ двинулся на Ригу и взялъ по пути рядъ крѣпостей. Осада (съ 22 августа по 5 октября 1656 г.) была неудачна по отсутствію флота, способныхъ инженеровъ и цѣльнаго плана кампаніи, а также вслѣдствіе поздняго времени года, убыли въ людяхъ и слуховъ о приближеніи помощи изъ Швеціи.

Д. А. Корсаковъ обратилъ вниманіе на недавно вышедшій выпускъ писемъ царя Алексѣя Михайловича изъ ливонскихъ походовъ ¹⁾.

З. Я. И. Лудмеръ прочелъ „*О русской и нѣмецкой генеалогической литературѣ*“. Перечисливъ русскія родословные труды XVIII и XIX в., докладчикъ перешелъ къ балтійской родословной литературѣ, отмѣчая въ послѣдней существованіе большого числа монографій, посвященныхъ родословіямъ отдѣльныхъ родовъ, и указывая на значеніе этой литературы для воспитанія въ нѣдрахъ семей добраго чувства рода: хранящаяся въ каждой семьѣ, какъ настольная книга, исторія рода, читаемая съ дѣтства, крѣпкимъ цементомъ сплавиваетъ многочисленныхъ членовъ рода и отдѣльные его вѣтви, что и придаетъ нѣмецкой стихіи края крѣпость и стойкость. И несмотря на распространенность въ мѣстномъ обществѣ этого интереса къ родной старинѣ, здѣсь года три назадъ создано Генеалогическое Общество съ цѣлью изысканій въ области фамиліи исторіи „для укрѣпленія фамилінаго чувства“. Въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ, наоборотъ, обычно пренебреженіе къ своему родовому прошлому. Историческое самосознаніе, необходимое для великаго народа, не придетъ, если нѣтъ интереса къ судьбамъ собственныхъ предковъ. Желательно учрежденіе русскаго Родословнаго Общества для разработки исторіи отдѣльныхъ родовъ.

Д. А. Корсаковъ возразилъ, что цѣль генеалогическихъ изслѣдованій— правда, а не слава рода и что русская генеалогія должна имѣть свой особый характеръ и свои приемы изложенія, ибо само русское дворянство отлично по характеру отъ западно-европейскаго: у насъ не было ни феодализма, ни рыцарства, а было служилое дворянство, жившее въ простотѣ деревенскаго быта. Особый интересъ у насъ представляетъ исторія ассимиляціи пришлыхъ родовъ и изслѣдованіе вліянія ихъ на складъ русскаго дворянства и русской жизни. Въ Петербургѣ и Москвѣ возбуждена уже мысль объ основаніи Родословнаго Общества.

¹⁾ См. стр. 280.

3. Свящ. С. Е. Звѣревъ прочелъ докладъ: „*Слѣды христіанства на Дону въ до Могольскій періодъ*“.

О времени распространенія христіанства на Дону до XII вѣка есть только косвенныя извѣстія (раннее заселеніе Придонскаго края славянами; сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской; давность христіанства въ Крыму и на югѣ Россіи вообще; грамоты XIV в. митрополитовъ Θεогноста и Алексѣя на Червленый Яръ, бросающія свѣтъ на время домонгольской); однако ихъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что христіанство на Дону существовало уже въ домонгольское время. Къ этому выводу пришелъ и проф. Е. Е. Голубинскій, утверждающій, что значительная часть нынѣшней Воронежской губерніи входила въ составъ обширной тогда епархіи черниговской. Письменныя указанія подтверждаются вещественными находками, напр., въ Цимлянскомъ городищѣ: разнаго рода крестики находимы были на ряду съ вещами быта языческаго, до-христіанскаго (референтъ представилъ рисунки нѣкоторыхъ древностей).

Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что христіанство въ Придонскомъ южномъ краѣ могло отчасти распространяться изъ земли аланъ, давнишнихъ христіанъ православнаго греческаго исповѣданія, не разъ приходившихъ на Донъ изъ Прикавказья. Д. И. Иловайскій указалъ, что къ мѣстности Цимлянскаго городища можетъ быть приуроченъ городъ Орна или Орвачъ, разрушенный татарами въ XIV в.; къ тому же приблизительно мѣсту можетъ быть относимъ одинъ городъ, упоминаемый въ Герберштейновомъ описаніи Московскаго государства.

4. А. И. Кирпичниковъ предложилъ докладъ: „*Къ литературной исторіи лѣтописныхъ сказаній*“.

Лѣтописныя сказанія давно изучаются не только съ исторической, но и съ литературной точки зрѣнія, какъ произведенія народной поэзіи. Рядомъ со сказаніями начальной русской лѣтописи по ея древнимъ спискамъ должны быть изучаемы и позднѣйшія ихъ передѣлки, въ которыхъ простыя изящныя сказанія начальной лѣтописи являются сильно измѣненными, разукрашенными, распространенными болѣе или менѣе удачно, смотря по литературнымъ вкусамъ перескакиковъ. Референтъ привелъ нѣсколько примѣровъ дополненныхъ и измѣненныхъ позже лѣтописныхъ сказаній (изъ лѣтописца Переслава Суздальскаго, изъ Степенной книги, изъ Новгородскихъ позднихъ лѣтописей, изъ сочиненія Каменевича Рвовскаго и пр.). Перескакички лѣтописныхъ сагъ пользовались разнообразными источниками и давали волю своей фантазіи, работавшей по общимъ законамъ эпическаго творчества, но притомъ сохраняли извѣстнаго рода почтеніе къ тексту начальной лѣтописи; во всякомъ случаѣ поздніе пересказы, если они имѣютъ въ себѣ мало историческихъ крупицъ, а больше тенденціозности и вымысловъ, сохраняютъ значеніе литературное. Въ заключеніе проф. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на книгу его покойнаго друга, Ѳ. А. Гилярова, подъ заглавіемъ

„Преданія русской начальной лѣтописи“; она была напечатана еще въ 1878 году, но доселѣ остается не опубликованною, тогда какъ книга есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ автора и содержитъ весьма обильный матеріалъ историко-литературный.

Засѣданіе смѣшанное. 12 августа въ 12 часовъ.

Почетный предсѣдатель: П. В. Владиміровъ.

1. Докладъ В. И. Петра „*Объ гармоническомъ складѣ праарійской пѣсни*“.

На основаніи сообщеній музыкальныхъ теоретиковъ и историковъ Греціи, Индіи, Персіи и Арабіи, а также сравнительнаго изученія старинныхъ пѣсенъ индійскихъ, персидскихъ, арабскихъ, далѣе бретонскихъ, ирландскихъ, шотландскихъ, литовскихъ, латышскихъ, славянскихъ, главнымъ образомъ русскихъ, а также дошедшихъ до насъ памятниковъ греческой музыки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ основаніи гармоническаго строя праарійской пѣсни лежалъ интерваллъ кварты, пополнявшійся постепенно въ три хорды и тетрахорды, изъ которыхъ затѣмъ составлялись болѣе обширные звукоряды. 2) Въ мелодіи праарійской пѣсни преобладалъ одинъ характерный звукъ, къ которому она постоянно возвращалась и имъ оканчивалась. 3) Въ праарійской музыкѣ звуки принадлежали къ разряду натуральныхъ звуковъ, которые слышатся въ такъ называемыхъ верхнихъ звукахъ (Obertöne Гельмгольца), въ отличіе отъ современнаго темперованнаго строя. 4) Мелодія праарійской пѣсни двигалась впередъ преимущественно небольшими скачками или интерваллами; интерваллъ септими, составляющій въ нашей музыкѣ такъ называемый вводный тонъ (Leitton) и не встрѣчающійся въ числѣ верхнихъ тоновъ, былъ совершенно исключенъ. Зато были въ употребленіи болѣе мелкіе интерваллы, чѣмъ полутоны, т. е. четверти тона какъ наименьшіе интерваллы. 5) Въ праарійской пѣсни мелодія, ритмъ и слова были между собою неразрывно связаны. Пѣсни исполнялись хоромъ унисоно, равно какъ и музыкальный инструментъ сопровождалъ пѣсню также унисоно.

Такъ какъ многіе изъ приведенныхъ характерныхъ особенностей встрѣчаются въ пѣсняхъ *не-арійскихъ* народностей Азіи, окружающихъ подгималайскую возвышенность, именно: малайцевъ, китайцевъ, японцевъ, монголовъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, то очевидно, что здѣсь произошло заимствованіе, которое можетъ быть объяснено близкимъ сосѣдствомъ праарійцевъ съ названными не-арійскими народами. Мѣсто прародины праарійцевъ, слѣдовательно, нужно искать въ центрѣ того круга, который образуютъ выше названные не-арійскіе народы, т. е. тамъ, гдѣ его искали первые насадители сравнительнаго языковѣдѣнія.

2. Б. А. Тураевъ: „*Вопросъ о финикійцахъ въ Балтійскомъ морѣ*“.

Вопросъ о предѣлахъ финикійскихъ морскихъ экспедицій — одинъ изъ

наиболѣе темныхъ пунктовъ исторіи древняго міра. Въ данномъ случаѣ онъ еще болѣе затрудняется вслѣдствіе недостаточныхъ литературныхъ указаній. Сообразно этому оба знаменитыхъ изслѣдователя Финикин—какъ Бохартъ, такъ и Моверсъ, совершенно уклоняются отъ его рѣшенія. Иначе поступали многіе изъ прибалтійскихъ ученыхъ и уже въ прошломъ столѣтіи накопился матеріалъ для полемики по этому поводу; даже знаменитый Геренъ раздѣлялъ мнѣніе о непосредственныхъ сношеніяхъ финикиянъ съ берегами Балтійскаго моря, а Рутемонтъ даже составилъ хронологію этихъ сношеній. Кромѣ того, шведскій ученый Нильсонъ, на основаніи найденныхъ въ Швеціи и Мекленбургѣ бронзовыхъ предметовъ и скульптуръ, нашель возможнымъ представить подробную исторію финикійскихъ колоній балтійскихъ береговъ. Редслобу, Садовскому и Генте наука обязана изслѣдованіемъ сухопутныхъ торговыхъ путей древняго міра, болѣе научной классификаціей вещественныхъ памятниковъ и указаніемъ на роль въ торговлѣ янтаремъ, помимо финикиянъ, другихъ народовъ, особенно этрусковъ. Изъ древнихъ авторовъ Авіенъ, пользовавшійся финикійскими источниками, даетъ описаніе морскаго берега только до Нѣмецкаго моря и прибавляетъ, что до Британскихъ острововъ доходили карагеняне, Имильконъ же ѣхаль до нихъ 4 мѣсяца. Съ этимъ согласна вообще древняя литература: вообще при отсутствіи физической невозможности появленія въ Балтійскомъ морѣ карагенянъ, нѣтъ для этого исторической необходимости, какая побудила, напр., финикиянъ принять участіе въ замыслѣ Нехао объѣхать Африку. Ихъ могъ привлекать только янтарь, но онъ въ то время находился еще въ изобиліи и на западѣ отъ Ютландіи и, при томъ, въ карагенскую эпоху, не былъ предметомъ особеннаго спроса на берегахъ Средиземнаго моря. Что касается древнихъ финикиянъ, то ихъ эпоха, дѣйствительно, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда янтарь цѣнился, если не на Востокѣ (находимый въ Египтѣ рѣдокъ и не изслѣдованъ; изъ Библии нельзя дѣлать выводовъ; теорія Опперта объ янтарѣ въ Ассиріи не выдерживаетъ критики), то въ Греціи (находка Шлимана). Являются вопросы: а) какимъ образомъ велась торговля янтаремъ? б) принимали ли въ ней участіе финикияне? Вся древность указываетъ на рѣку Эриданъ, при чемъ послѣдняя является довольно неопредѣленной величиной, вызывая на предположеніе о семитическомъ происхожденіи ея имени. Сухопутные пути между Балтійскимъ моремъ и Средиземнымъ легко прослѣдить и констатировать при этомъ на нихъ янтарь и памятники юга, его покупавшаго, но все это относится уже къ греческому періоду, хотя, конечно, могло быть и раньше. Въ пользу морской торговли янтаремъ чрезъ посредство финикиянъ могутъ говорить: а) упоминаніе его вмѣстѣ съ оловомъ; б) рассказы объ Эриданѣ; в) рассказъ Эвлея въ XV пѣсни Одиссея, гдѣ слово, соотвѣтствующее нашему „янтарь“, хотя и стоитъ въ косвенномъ падежѣ, но, по единогласному увѣренію всѣхъ филологовъ и знатоковъ древняго искусства, можетъ означать именно его, а не сплавъ золота и серебра.

Физико-химическія изслѣдованія Helm'a въ Данцигѣ доказали, что микенскія и италійскія бусы сдѣланы изъ балтійскаго янтаря. Такимъ образомъ ясно, что уже въ это отдаленное время наше побережье находилось въ сношеніяхъ, хотя бы косвенныхъ, съ культурнымъ міромъ.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя. 12 августа 1 ч. дня.

Почетный предсѣдатель: В. З. Завитневичъ.

1. О. В. Покровскій представилъ сообщеніе на тему: „*Къ изслѣдованію кургановъ на литовско-бѣлорусскихъ окраинахъ*“.

Непосредственный предметъ сообщенія составляютъ одиннадцать курганныхъ группъ, расположенныхъ, на пространствѣ трехсотъ приблизительно квадратныхъ верстъ въ юго-восточной части Свенцянскаго уѣзда. Всѣхъ кургановъ насчитывается здѣсь до четырехсотъ, а средняя величина группы опредѣляется въ 28 кургановъ. Въ одной группѣ, будранской, кромѣ кургановъ, наблюдаются небольшія кольцеобразныя насыпи—валы, которые, по всей вѣроятности, имѣли значеніе приспособленій для погребальной трезвы. Со стороны внѣшней формы изслѣдуемые курганы могутъ быть подведены подъ три категоріи: большіе сферическіе курганы, курганы коническіе и малые сферическіе. Большинство кургановъ окружено то кольцеобразными (съ перерывами) рвами, то круглыми или овальными ямами, а на многихъ изъ сферическихкихъ кургановъ по бокамъ наблюдается каменная обкладка. Кромѣ того, на вершинѣ многихъ, преимущественно малыхъ сферическихкихъ кургановъ замѣтны небольшія углубленія, образовавшіяся, по всей вѣроятности, вслѣдъ за самымъ возведеніемъ кургановъ. Наблюдаемый во всѣхъ почти курганахъ обрядъ погребенія—трупосожженіе, именно: прахъ сжигался на кострѣ внѣ кургана, и остатки праха вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими предметами личнаго наряда и обиходными переносились на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ они и помѣщаются чаще на грунтѣ и рѣже въ грунтовой ямѣ. Сожженіе личнаго праха въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождалось погребеніемъ коня. Во многихъ курганахъ, кромѣ главнаго погребальнаго пятна, совпадающаго обыкновенно съ центромъ курганнаго основанія, наблюдается иногда по нѣскольку второстепенныхъ погребеній (большею частью женскихъ, судя по вещамъ) въ готовомъ уже курганѣ.

Изъ вещей, для малыхъ сферическихкихъ кургановъ наиболѣе характерны желѣзные римскія фибулы и такія же кренделевидныя пряжки, нагрудныя въ формѣ щипцовъ подвѣски, желѣзные эмблематическіе серпы и умбоны. Топоры и пики, составляющіе принадлежность обѣихъ категорій сферическихкихъ кургановъ, въ этихъ малыхъ курганахъ характеризуются: топоры—исключительно узколинковою формою, а пики—небольшими сравнительно размѣрами. По отношенію къ большимъ сферическимъ курганамъ наиболѣе обычными находками, кромѣ упомянутыхъ сейчасъ пикъ и топоровъ, оказы-

ваются бронзовые шейные обручи, такіа же подкововидныя пряжки, а также нагрудныя привѣски, бронзовые, простѣйшей формы браслеты и перстни, и вообще предметы личныхъ украшеній, характеризующіе позднѣйшій для прибалтійскихъ странъ археологическій періодъ. Характернѣйшіе предметы коническихъ кургановъ—желѣзные обычной формы серпы и такіа же удила и стремена, и вообще принадлежности конскаго убора.

Въ виду сходства обряда погребенія и большинства находокъ съ однородными предметами изъ кургановъ завѣдомо литовскихъ, и эти курганы должны быть признаны литовскими. Малые сферическіе—можно отнести къ VI—VIII вѣкамъ нашей эры, время же происхожденія остальныхъ кургановъ падаетъ на позднѣйшій для нашихъ мѣстъ археологическій періодъ.

2. В. Б. Антоновичъ: „*Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра*“.

Въ общемъ на городища обращалось до сихъ поръ сравнительно мало вниманія и мало занимались распредѣленіемъ ихъ по типамъ. Считая сортировку городищъ по находкамъ или путемъ раскопки не дающей желаемыхъ результатовъ, референтъ предлагаетъ свой методъ—наблюденіе надъ контурами, сличеніе съ доисторическими курганами, сопоставленіе съ лѣтописными указаніями. При помощи этого метода референтъ сдѣлалъ обзоръ городищъ въ бассейнѣ средняго Днѣпра. Древнѣйшій типъ—*городища-майданы*, время и назначеніе коихъ до сихъ поръ не выяснено. Слѣдующій типъ—*городища циркулярныя*, съ круглымъ или овальнымъ валомъ, внутренняя площадь представляетъ выпуклость; объ этихъ городищахъ нѣтъ лѣтописныхъ указаній, но они находятся въ связи съ курганами, и ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами. За этимъ типомъ слѣдуютъ *княжескія* городища—до половины XIII в., отличительная черта ихъ—валы, расположенные концентрически; референтъ придаетъ имъ названіе княжескихъ на томъ основаніи, что по лѣтописнымъ даннымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время городища, въ XI—XII вв. существовали города. Приведши нѣсколько примѣровъ, относящихся къ данному случаю, референтъ перешелъ къ слѣдующему еще болѣе новому типу; это *городища литовскаго времени*—съ начала XV в., когда вводится уже огнестрѣльное оружіе; бока такихъ городищъ выпрямлены, по угламъ находятся круглые выступы; указавъ одно изъ такихъ городищъ, именно Караулъ, построенный Витомтомъ, референтъ закончилъ характеристику городищъ городищами послѣдняго времени—XVI, XVII и XVIII вв.; они прямолинейны, съ бастіонами по угламъ, ихъ извѣстно много (напр., въ м. Бѣлой Церкви и въ Кадаки).

3. И. Н. Смирновъ: „*Дмитріевскій могильникъ Елабужскаго уѣзда*“.

Референтъ сообщил о раскопкѣ въ 1895 г. одной и, кажется, послѣдней могилы открытаго въ 1892 г. членомъ Московскаго Археологическаго Общества Ф. Д. Нефедовымъ могильника бронзоваго или мѣднаго вѣка.

Ногами на Ю., къ Камѣ, головой на С., на глубинѣ 12—16 вершковъ

подъ слоемъ мусора и угля, накопившагося послѣ пожара, который уничтожилъ стоявшіе на береговой терасѣ Камы дома, найденъ былъ женскій костякъ. Трупъ былъ положенъ на спину, лицомъ вверхъ, на лбу уцѣлѣло нѣсколько бляшекъ, украшавшихъ рядами повязку-діадему, которая закрѣплялась, повидимому, у основанія косы. Около груди по обѣ стороны находились бараньи лопатки—остатки жертвы. Принадлежность могилы бронзовому, или мѣдному, вѣку устанавливается находженіемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы въ томъ же горизонтѣ черепа съ двумя бронзовыми (или мѣдными) кельтами—не говоря уже о свѣдѣніяхъ отъ г. Нефедова.

Изложивши фактическую сторону своего сообщенія, референтъ на основаніи имѣющихся въ мѣстной литературѣ извѣстій выразилъ предположеніе, что бронзовыя или мѣдныя орудія и украшенія шли въ Дмитріевское, какъ и на все правобережье Камы до Перми, изъ степей Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, гдѣ древніе насельники разрабатывали залежавшіе въ верхнихъ горизонтахъ степи мѣдныя руды. О времени, позже котораго нельзя датировать камскія бронзовыя или мѣдныя орудія, можно судить по тому, что районъ древнихъ мѣдныхъ копей совпадаетъ съ территоріей массагетовъ, которые въ эпоху Геродота не знали иныхъ орудій, кромѣ мѣдныхъ.

4. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: „*О раскопкахъ Крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.*“. Раскопки, произведенныя докладчикомъ лѣтомъ текущаго года, были продолженіемъ прежнихъ его работъ и преслѣдовали цѣль систематизировать данныя, добытыя относительно Крыма въ прежнее время разными изслѣдователями. Территоріей ихъ была мѣстность на югъ отъ Бахчисарая, точнѣе: пространство между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека (южнѣе Бельбека уже нѣтъ кургановъ). Разрытые курганы обнаружили погребенія двухъ типовъ, принадлежащія, повидимому, одному и тому же населенію. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкъ (размѣры ямы: 2 арш. длины и около 1½ арш. ширины и глубины) и покрытыя деревомъ и рѣже камнемъ. Костякъ, большею частью красный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчнаго камня или прямо на землѣ, съ поджатыми ногами, головой на СВ (съ отклоненіями въ ту и другую сторону). Краска (охра) часто лежитъ на землѣ въ видѣ тонкаго слоя или иногда цѣлыхъ кусковъ. Изъ предметовъ въ гробницахъ этого рода встрѣчаются только горшки грубой работы, безъ помощи гончарнаго колеса, и изрѣдка кремневыя орудія или ихъ обломки. Бронза встрѣчается только какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ, повидимому, на кожу. Другой типъ могилъ — каменные склепы, которые были воздвигаемы на готовыхъ курганахъ, заключавшихъ въ себѣ могилы перваго типа и получавшихъ послѣ того присыпку. Склепы сооружены изъ четырехъ большихъ плитъ, пригнанныхъ одна къ другой, которыя закрыты пятой; изнутри они украшены линейнымъ орнаментомъ (чередующіяся красныя и черныя полосы

въ сходящихся углахъ или округлыхъ линияхъ). Размѣры скленовъ — такіе же, какъ и гробницъ перваго типа. Костяки, часто окрашенные, лежатъ также на подстилкѣ изъ рѣчнаго камня съ поджатыми ногами, въ томъ же направленіи. Встрѣчаются случаи погребенія въ сидячемъ положеніи и два костяка въ одномъ скленѣ. Изъ предметовъ находимы были горшки, кремневая орудія и плоскіе бронзовые наконечники копій. Большинство кургановъ всей площади Крыма на югъ отъ Симферополя содержитъ гробницы этихъ двухъ типовъ; обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о продолжительности пребыванія въ этихъ предѣлахъ населенія съ этой бѣдной культурой. Типъ этотъ, какъ извѣстно, идетъ далеко на сѣверъ отъ Крыма и принадлежитъ, повидимому, населенію, которое застали здѣсь скины въ своемъ движеніи съ востока. Заключить это можно изъ того, что самыя нижнія впускныя гробницы, т. е. древнѣйшія, встрѣчающіяся въ этихъ курганахъ, могутъ быть съ увѣренностью усвоены скинамъ. Въ виду этого докладчикъ предлагалъ установить за этими типами погребенія наименованіе *киммерійскихъ*. Въ своемъ сообщеніи докладчикъ демонстрировалъ черепа и кости изъ раскопанныхъ имъ кургановъ, а также и образцы глиняной посуды.

Засѣданіе отдѣленія XI. Памятники археографическіе. 12 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель Ю. Ѳ. Крачковскій.

1. Д. И. Багалъй указалъ на три рукописныхъ книги in folio, переданныя ему предсѣдателемъ мѣстнаго окружнаго суда, г. Максимовичемъ, и рассмотрѣнными имъ вмѣстѣ съ секретаремъ отдѣленія А. И. Феберэйзеномъ: а) „Желтая книга“ лифляндскаго хофгерихта (высшей мѣстной судебной инстанціи) содержитъ документы съ 1621 — 1673 г., а именно уставы, инструкціи и резолюціи по судебнымъ дѣламъ; въ томъ числѣ есть и такіе, которые подписаны собственноручно Густавомъ Адольфомъ и Христиною Шведской. б) „Черная книга“ лифляндскаго хофгерихта содержитъ копии резолюцій шведскихъ королей и другихъ правителей на его рѣшенія, судебныхъ уставовъ и т. п. съ начала XVII в. до конца XVIII в.; есть и одинъ документъ на русскомъ языкѣ—рѣшеніе на пункты лифляндскаго дворянства 1712 г. в) Шведское земельное право короля Карла IX, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ Филиппа Круштерна въ 1648 г. (оно было напечатано уже въ 1618 г.); значенія не имѣетъ. Желательно, чтобы эти книги, составляющія лишь случайное явленіе въ составѣ документовъ окружнаго суда, были бы переданы въ учрежденіе, гдѣ бы ими могли пользоваться для научной цѣли.

2. Г. Дидерихсъ прочелъ докладъ: „*Герцогскій Архивъ въ Митау*“.

Съ 1561 по 1701 г. Архивъ, увезенный Кетлеромъ изъ Риги, перемѣщался десять разъ, скитаясь между Митавой, Стокгольмомъ, Рагой, Ивангородомъ, причемъ въ Стокгольмѣ съ 1612 года осталась древнѣйшая (орденская) часть его, открытая тамъ лишь въ наши дни бар. Толлемъ и прижѣ-

ненная къ изслѣдованіямъ Ширреномъ. Съ 1772 г. Архивъ водворенъ въ новомъ герцогскомъ замкѣ, но и здѣсь судьба его преслѣдовала: проламывалась крыша, проваливался полъ, и архивъ летѣлъ въ погребъ; горѣлъ замокъ, и бумаги выбрасывались во дворъ. Въ 1795 г. герцогъ Петръ, при отреченіи, увезъ съ собой въ Саганъ бумаги своего времени и за вторую половину правленія отца. Въ 1797 г. по сенатскому указу бумаги спѣшно раздѣлены между высшимъ судомъ (судебные акты), камеральной палатой (финансы) и губернскимъ правленіемъ (политика). Камеральная палата позднѣе продала свою часть на макулатуру. Политическая часть сильно пострадала въ 1812 г., когда въ Архивѣ помѣстился лазаретъ прусскихъ войскъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка Архивъ былъ въ такомъ хаотическомъ состояніи, что Крузе считалъ пользованіе имъ невозможнымъ. Съ 1840 г. курляндское дворянство начало заботиться о приведеніи Архива въ порядокъ и позднѣе устроило шкафы; въ 1857 г. бар. Альфонсъ фонъ Гейкингъ, безмездно принялся за первоначальное упорядоченіе Архива; въ 1865 году онъ же хлопоталъ о передачѣ Архива Курляндскому Обществу Литературы и Искусства, министръ Валуевъ не отклонилъ ходатайства Общества, но осуществить его не довелось. Названное Общество оказало важную услугу Архиву, поручивъ въ 1872 г. разработку его д-ру Шиману (нынѣ проф. въ Берлинѣ), который и привелъ Архивъ въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ Архивомъ неоднократно пользовались и мѣстные, и иностранные ученые. Ссылаясь на Шимановы *Historische Darstellungen und Archivalische Studien*, докладчикъ указываетъ, что Архивъ, представляя огромный интересъ для исторіи Курляндіи, гораздо менѣе интересенъ для исторіи Россіи ¹⁾. Въ виду всего, что сдѣлано для Архива курляндскимъ дворянствомъ, докладчикъ проситъ Съѣздъ ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ Герцогскаго Митавскаго Архива курляндскому дворянству.

Д. А. Корсаковъ указалъ, что было бы весьма желательнымъ привлечь Курляндское Общество Литературы и Искусства къ ученой разработкѣ Архива, но внѣшняя администрація послѣдняго должна остаться у того правительственнаго учрежденія, въ вѣдѣніи коего Архивъ находится нынѣ.

По предложенію графини Уваровой постановлено передать вопросъ въ Совѣтъ Съѣзда для продолженія начатаго уже ходатайства.

3. Докладъ Д. И. Багалъя: „*Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей*“. Археологи пока лишь случайно пользуются археографическими данными, между тѣмъ какъ было бы необходимо систематическое извлеченіе ихъ изъ такихъ источниковъ, какъ писцовыя книги, путешествія по Россіи XVIII и начала XIX вв. и т. п. Они бы дополнили наши пробѣлы по части исторіи находокъ, а безъ этой послѣдней невозможна науч-

¹⁾ О содержаніи Герцогскаго Архива см. статью г. Лудмера въ Трудахъ Предвар. Комитета Рижскаго Съѣзда, вып. 1.

ная классификація археологического матеріала. Эта общая мысль была пояснена тремя типическими примѣрами, касающихся заслугъ Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія старины въ царствованіе Императора Александра I: авторъ сообщил о результатахъ археологической экскурсіи проф. И. С. Рижскаго касательно древней Ольви, о древнемъ камнѣ съ надписью, изслѣдованномъ проф. Роммелемъ, и о бронзовой статуэткѣ, найденной въ началѣ XIX в. въ Полтавской губерніи и описанной Бѣлецкимъ-Носенко.

Засѣданіе отдѣленія VI. Памятники языка и письма. 13 августа утромъ.

Почетный Предсѣдатель А. Θ. Мѣржинскій.

1. И. Д. Крюгеръ сдѣлалъ сообщеніе: „*О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка*“.

Извѣстія Генриха Латыша, какъ и вообще извѣстія лѣтописей о латышахъ со стороны ихъ общественнаго быта, весьма скудны; въ виду этого приходится обращаться къ даннымъ языка. Пользуясь этими данными, референтъ устанавливаетъ вліяніе русскихъ на латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и зачатковъ образованія у латышей княжеской власти и 3) въ судебномъ отношеніи. Для иллюстраціи этихъ положеній, референтъ привелъ по всѣмъ тремъ названнымъ категоріямъ параллели русскихъ и латышскихъ словъ.

По поводу этого сообщенія были сдѣланы Θ. И. Успенскимъ и другими изъ присутствовавшихъ возраженія въ томъ смыслѣ, что общность нѣкоторыхъ названій въ указанныхъ областяхъ у русскихъ и латышей можетъ быть объясняема не только заимствованіемъ латышей у русскихъ, но и общностью заимствования, и затѣмъ, что въ нѣкоторыхъ приведенныхъ примѣрахъ сходства латышскихъ и русскихъ словъ должно видѣть не вліяніе одного языка на другой, а исконное сходство основныхъ элементовъ славянскаго и литовскаго языковъ; указаны были и слѣды вліянія нѣмцевъ на латышей въ религіозномъ и судебно - общественномъ отношеніяхъ, а также примѣры общности названій нѣкоторыхъ понятій у русскихъ, латышей и нѣмцевъ.

2. Е. В. Пѣтуховъ прочелъ докладъ: „*О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ памятникахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.*“.

Упомянувъ вначалѣ объ источникахъ для знакомства съ исторіей Псково-Печерскаго монастыря (Псковская лѣтопись; грамоты, акты, дарственные записи; повѣсти и сказанія) и указавъ на особое положеніе этой обители на границѣ земель ливонскихъ и русскихъ, референтъ перечислилъ важнѣйшіе факты изъ исторіи Псково - Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв., т. е. въ то именно время, когда, получивъ прочное существованіе, благодаря въ особенности трудамъ игумена Корнилія († 1570), этотъ

монастырь неоднократно служил оплотомъ для русскихъ людей противъ поляковъ и нѣмцевъ, выдержавъ въ 1581 г. трудную осаду со стороны войскъ Стефана Баторія, а въ началѣ XVII в. подвергаясь всей тяжести военныхъ тревогъ смутнаго времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣ же вѣка монастырь не былъ чуждъ и извѣстнаго просвѣтительнаго и книжнаго движенія: къ усердному жертвователю и благодѣтелю его дяку Мисюрю Мунехину писалъ свои интересныя посланія старецъ Псковскаго Елезарова монастыря Филоеѣй; извѣстный игуменъ Троице - Сѣргіева монастыря Артемій, обвиненный въ половинѣ XVI вѣка въ соучастіи ереси Башкина, въ молодые годы бывалъ и живалъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ; туда же, именно къ старцу Вассіану Муромцеву, писалъ свои посланія и кн. А. М. Курбскій; наконецъ, въ библиотекѣ монастыря найдено изданное не такъ давно „Слово о погибели русскія земли“. Въ заключеніе референтъ указалъ и на современное весьма важное значеніе Псково - Печерскаго монастыря какъ православной святыни для Прибалтійскаго края въ мѣстности съ очень разнообразнымъ этнографическимъ составомъ.

3. А. А. Берзинъ прочелъ докладъ: „Собраніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ“. Слѣды латышской народной поэзіи встрѣчаются въ литературѣ XVII в. у Манцелія и Вишмана; болѣе пѣсенъ записано въ XVIII в., особенно Стендеромъ, но цѣлые сборники являются лишь въ началѣ XIX в.: таковы въ особенности сборники, изданные пасторами Бергманомъ и Варомъ (1806—1808 гг.). Въ 1844 г. вышелъ прекрасный сборникъ Бютнера „Пѣсни и баллады латышскаго люда“. Изъ новѣйшихъ, весьма многихъ сборниковъ референтъ особенно остановился на трудахъ Спрогиса и Трейланда, удобныхъ для русскаго читателя тѣмъ, что текстъ въ нихъ напечатанъ русскимъ алфавитомъ и снабженъ русскимъ переводомъ. Весьма замѣчательенъ своимъ объемомъ (около 5,000 пѣсенъ) и хорошимъ порядкомъ матеріала сборникъ Биленштейна, напечатанный нѣмецкой азбукой, но съ означеніемъ долготы слоговъ. Въ послѣднее время Барономъ и Виссендорфомъ предпринято огромное изданіе латышскихъ пѣсенъ; тутъ точно группируются варианты около основныхъ мотивовъ; тщательно обозначается, вѣмъ и гдѣ пѣсни записана; при каждомъ отдѣлѣ имѣется хорошее введеніе научнаго характера. Въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются только хорей и дактиль, метръ основанъ на нынѣшнемъ грамматическомъ удареніи (но избѣгается столкновеніе двухъ удареній) и передъ цезурой различаются въ окончаніяхъ словъ долгіе, короткіе и средніе слога.

По поводу этого реферата проф. В. З. Завитневичъ поставилъ вопросъ о возможномъ вліяніи бѣлорусскихъ пѣсенъ на латышскія въ отношеніи напѣва, а проф. А. А. Кочубинскій указалъ на желательность привести къ единообразію современную латышскую графику.

4. С. А. Бѣлокуровъ въ докладѣ: „О новыхъ документахъ, касающихся Крижанича“, сообщилъ о находкѣ имъ въ разныхъ московскихъ архи-

вахъ новыхъ документовъ касательно жизни и дѣятельности Юрія Крижанича, изложилъ содержаніе ихъ, привелъ находящіяся въ нихъ біографическія данныя объ этомъ дѣятелѣ XVII вѣка и передалъ in extenso содержаніе неизвѣстнаго доселѣ сочиненія Крижанича—его „Сербскаго письма“ (1659 г.), въ которомъ авторъ касается различныхъ вопросовъ: о написаніи титула царя въ грамотахъ, о библіотекѣ, о грамматикѣ и лексиконѣ, о Библии и пр. Въ концѣ референтъ коснулся вопроса объ источникахъ для изученія факта ссылки Крижанича въ Сибирь.

Засѣданіе отдѣленія I. Древности первобытныя. 13 августа день.

Почетный предсѣдатель П. Н. Смирновъ.

1. В. Д. Бокъ сообщилъ о своихъ опытахъ примѣненія способа Крефтинга для сохраненія металлическихъ древностей (см. стр. 300), предложилъ членамъ Съезда брошюры д-ра Аппельгрена подъ заглавіемъ „Kreftings Methode für Reinigung und Konservierung von Metallgegenständen. Mit Zusätzen und Anweisungen von Dr. Hjalmar Appelgren. Helsingfors, 1896“ и представилъ нѣсколько желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей, очищенныхъ по способу Крефтинга, причемъ оказывается, что пригодными для обработки являются вещи сравнительно хорошо сохранившіяся и не слишкомъ изъѣденныя ржавчиной.

1. Д. Н. Анучинъ прочиталъ „Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“, доставленный П. Н. Милюковымъ.

Упомянувъ о томъ, что до сихъ поръ въ Рязанской губ. можно было различить четыре типа кургановъ, П. Н. Милюковъ останавливается особенно на томъ типѣ, который характеризуется въ женскихъ могилахъ присутствіемъ височныхъ семилепестныхъ подвѣсокъ, а въ мужскихъ—особаго желѣзнаго орудія (неизвѣстнаго назначенія), иногда вложеннаго въ ножны и снабженнаго у верхняго конца (рукоятки) кольцомъ. Курганы этого типа были встрѣчены нынѣшнимъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ группахъ въ Зарайскомъ уѣздѣ. Погребенія большею частію одиночныя, иногда двойныя (мужчина и женщина или женщина съ ребенкомъ), въ неглубокихъ ямахъ, со слѣдами коры или луба вокругъ костяка и подстилки изъ песку или золы, съ головами, обращенными на западъ, съ горшкомъ въ ногахъ и съ слоемъ угля на извѣстной высотѣ надъ костякомъ въ курганѣ, повидимому, остатки тризны. Украшеніе женскихъ могилъ, кромѣ височныхъ подвѣсокъ, состоятъ изъ шейныхъ обручей, ожерелей изъ бусъ (продолговатыхъ сердоликовыхъ, круглыхъ стеклянныхъ, синихъ и т. д.), металлическихъ гладкихъ кружковъ, а въ другихъ случаяхъ—еще крестовъ (въ одномъ курганѣ найдены были двѣ литыхъ свастки). На рукахъ были витые браслеты, на пальцахъ кольца, у пояса пряжки. Мужчины отличались ростомъ выше средняго; черепъ костяковъ большею частію субдолихоцефальный, остатки волосъ—темнорусые (въ

болѣ древнихъ могильникахъ той же губерніи они черные). Найдены были еще остатки шерстяныхъ тканей и парчи съ узоромъ, повидимому, византійскаго происхожденія, что вмѣстѣ съ крестами указываетъ на XI в. П. Н. Милоковъ приводитъ затѣмъ свѣдѣнія о нахожденіи семилепестныхъ височныхъ подвѣсокъ и о распространеніи вообще того же вида погребеній. Курганы этого типа идутъ на востокъ до Рязани (расположенные западнѣе рубцовскіе курганы относятся уже къ иному типу), на сѣверъ до границы Московской губ. съ Тверскою, на югъ и западъ до Тульской, Калужской, Смоленской и Мстиславскаго уѣзда Могилевской. Изъ этого распространенія П. Н. Милоковъ выводитъ заключеніе, что означенные курганы принадлежали кривичамъ и свидѣтельствуютъ о послѣдовательномъ расселеніи этого славянскаго племени.

2. А. И. Черепнинъ прочелъ „*О рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ*“.

За послѣднія восемь лѣтъ въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ по времени образованія и культурѣ. Часть могильниковъ: Борковскій, Кузьминскій и Курманскій, уже изслѣдованы. Добытые изъ нихъ матеріалы представляютъ своеобразную и богатую культуру, охватывавшую, повидимому, обширную территорию: принимая площадь бассейна средней Оки за ея центръ, она, какъ кажется, направлялась къ С.-В. до береговъ Волги и на Ю. до средняго теченія Дона. Въ названныхъ могильникахъ найдено два вида погребеній: обыкновенное и погребеніе съ предварительнымъ трупосожженіемъ. Въ одномъ изъ бугровъ Борковскаго могильника было найдено 5 могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи. Обыкновенныя погребенія преобладали, составляя отъ 85% до 93%, изъ общаго числа всѣхъ вскрытыхъ могилъ, тогда какъ трупосожженія колебались между 7% и 15%. Погребенія совершались безъ колоды и гробовъ; ограничивались или подкладкою луба подъ умершаго, или обертывали лубомъ все тѣло; въ ногахъ или въ головахъ ставили горшки; при мужскихъ костякахъ постоянно находилось оружіе: копья, дротика, топоры, рѣже мечи и стрѣлы. Мужчины щеголяли поясами, украшенными бляшками, серебряными гривнами, иногда носили браслеты и кольца. Украшенія женскія отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и пестротой. Населеніе, оставившее эти могильники, вошло въ составъ великорусскаго народа и потому изученіе этихъ могильниковъ представляетъ большой интересъ.

3. Н. Θ. Бѣляшевскій „*Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи*“.

Референтъ, указавъ на многочисленность стоянокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ, озеръ на песчаныхъ буграхъ, остановился на важности систематичности въ изслѣдованіяхъ, такъ какъ послѣднія, веденныя этимъ путемъ, могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика представляется весьма важной, давая намъ возможность дѣлать выводы о количествѣ и

густотѣ первобытнаго населенія. Въ виду всего этого есть достаточно оснований, чтобы вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи стоянокъ былъ поставленъ на надлежащую почву, и въ этомъ направленіи референтъ сдѣлалъ предложеніе, прося внести въ программу подготовительныхъ работъ къ будущему Съѣзду систематическое изслѣдованіе стоянокъ того района, изученію котораго въ археологическомъ отношеніи будетъ посвященъ Съѣздъ.

4. І. А. Хойновскій прочелъ „*О курянахъ окрестностей города Канева, Кіевской губерніи*“.

Засѣданіе отдѣленія II. Древности историко-географическія и этнографическія. 13 августа днемъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

1. К. И. Якубовъ. Къ вопросу „*О происхожденіи имени Русь*“.

Докладчикъ указалъ какъ на неизвѣстное въ нашей литературѣ толкованіе слова Ruotsi, данное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, приведя, со своими поясненіями и дополненіями, въ переводѣ съ финскаго языка замѣтку Крона, въ которой доказывается на основаніи сличенія разныхъ реченій и формъ въ финскомъ и эстонскомъ языкахъ (Ruotsi, Rototsi veri, Ruija, Rootsi hobu, vana Rootsi и др.), что Ruotsi (Ruija) есть финскій переводъ имени норманновъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе гг. Иловайскій, Успенскій, Филевичъ, Хойновскій, при чемъ указывалось, что происхожденія Руси и имени ея надо искать на югѣ, а не на сѣверѣ, что на югъ приводятъ насъ названія Угорской Руси, урочищъ, рѣкъ.

2. И. Н. Смирновъ прочелъ „*О древнемъ бытѣ восточныхъ финновъ по даннымъ этнографіи*“. Выдѣляя общее изъ чертъ вышшняго быта, можемъ вывести для быта древняго: двѣ формы жилища: коническое и пещеру-землянку; грубую утварь; въ нарядѣ вліяніе юга (въ покрое и особенно въ шитьѣ женской рубашки отраженіе византійскихъ саккосовъ и далматиковъ, въ коническомъ головномъ уборѣ скиескій уборъ); гетеризмъ; выбрасываніе уродливыхъ дѣтей, умерщвленіе больныхъ и стариковъ; анимистическое воззрѣніе на природу при отсутствіи божествъ отдѣльныхъ отъ стихій; въ культѣ—материалистическій взглядъ на потребности боговъ и воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ. Попытки древняго финна разобраться въ явленіяхъ окружающей природы, объяснить себѣ генезисъ ихъ отразились въ сказкахъ, въ легендахъ о происхожденіи животныхъ и растений отъ людей.

Засѣданіе отдѣленій: II. Древности историко-географическія и этнографическія и X. Нумизматика и сфрагистика. 14 августа утромъ.

Почетный предсѣдатель: прф. Ю. А. Кулаковскій.

1. А. Θ. Мържинскій прочелъ: „*О священномъ дубѣ въ Ромове*“.

Грунау сообщаетъ, что въ Ромове стоялъ священный дубъ, вѣчно зе-

лений. Почитаніе деревьевъ вообще—культъ широко распространенный. По вѣрованію литовцевъ, съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ древо переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ, а наконецъ въ немъ жило само божество. Ради лѣчебной силы почитали деревья; стволъ которыхъ разъединившись опять сросся съ собою, или вѣтвь котораго опять срослась со стволомъ. Черезъ отверстіе проходили, проскользали или перетаскивались страдающіе глазами, грыжей, изувѣченные, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что болѣзнь свою оставляютъ въ деревѣ. Примѣняя это къ разсказу Грунау, можно думать, что въ Ромове стояло священное дерево, но положительно нельзя доказать. Дусбургъ не упоминаетъ деревѣ въ Ромове. Вѣчную зелень дуба Грунау заимствовалъ у Адама Бременскаго; и остальное описаніе Ромове вообще указываетъ на посредственное заимствованіе у того же Адама. Оба источника сообщаютъ о вѣчно зеленомъ деревѣ, оба о почитаніи трехъ главныхъ божествъ, и объ обожаніи заслуженныхъ людей и оба придерживаются того же порядка въ изложеніи; другія сходства окажутся при критическомъ разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Адамъ же Бременскій слышалъ у скандинавца подробности о деревѣ въ Упсалѣ и сообщилъ ихъ въ Схоліонѣ (№ 134); они сходны съ Эддою въ описаніи ясени Ygdrasills.

2. К. К. Рейснеръ доложилъ на нѣмецкомъ языкѣ: „*О финскихъ племенахъ въ доисторическую эпоху*“.

3. Проф. А. И. Маркевичъ: „*О чеканкѣ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII вѣка*“.

Въ составленномъ въ половинѣ XVII вѣка Котошихинымъ описаніи Московскаго государства сохранилось случайное указаніе о чеканкѣ мѣдныхъ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ. Такъ какъ Котошихинъ оказался весьма добросовѣстнымъ относительно приведенныхъ имъ фактовъ, нельзя подозревать, что извѣстіе это вымышлено. Притомъ Котошихинъ, состоя при русскихъ послахъ, ведшихъ переговоры съ шведскими уполномоченными, имѣлъ полную возможность знать о Кокенгузенскомъ монетномъ дворѣ, существовавшемъ въ половинѣ XVI вѣка, когда рижскій архіепископъ чеканилъ тамъ монету. Вполнѣ вѣроятно, что этимъ монетнымъ дворомъ воспользовались и русскіе, когда они овладѣли Кокенгузеномъ, тѣмъ болѣе, что время этой чеканки совпадаетъ со временемъ усиленной чеканки мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ въ монетныхъ дворахъ: Москвы, Новгорода и Пскова.—Русскія мѣдныя деньги, чеканенныя въ Кокенгузенѣ, по сіе время не попадали въ руки нумизматовъ, которые легко могли не различить такихъ денегъ отъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ алтыновъ, грошей и копейекъ того же времени по неясности штемпеля. Къ тому же вѣроятно эти деньги были уничтожены вмѣстѣ съ другими мѣдными монетами вслѣдствіе указа 1663 г., который, впрочемъ, не упоминаетъ о кокенгузенскихъ деньгахъ, потому что этотъ городъ въ то время уже былъ возвра-

шенъ шведамъ. Такъ какъ эти деньги въ виду ихъ высокой, въ сравненіи съ дѣйствительной стоимостью, нарицательной цѣны обращались только въ Московскомъ государствѣ, то при общемъ крушеніи почти всѣ эти кокенгузенскія монеты и погибли. — На основаніи всѣхъ этихъ соображеній авторъ считаетъ показаніе Котошихина вѣрнымъ.

М. Н. Бережковъ возражалъ, не считая доказаннымъ существованіе монетнаго двора въ Кокенгузенѣ: въ военное время монеты бились и въ полѣ, могли биться и въ Кокенгузенѣ, но безъ штемпеля.

4. А. И. Черепнинъ: „Новый матеріалъ къ вопросу о связи между денежной и вѣсовой системой“.

Древне-русскія денежная и вѣсовая системы до сихъ поръ не получили надлежащаго освѣщенія и представляютъ много загадочнаго. Между тѣмъ и другими замѣчается постоянная связь и поэтому, при рѣшеніи вопроса о денежныхъ системахъ, необходимо угадать современныя имъ вѣсовыя системы.

Исслѣдованныя А. И. Черепнинымъ древнія гирьки, найденныя въ среднихъ, сѣверо-восточныхъ и частію западныхъ губерніяхъ въ кладахъ и курганахъ, относятся къ тремъ видамъ: 1) древнѣйшія изъ нихъ представляютъ части стараго бухарскаго ансыря, имѣвшаго около 136 и дѣлившагося на 72 части, приблизительно равнявшіяся 130 гранамъ. Вѣсовая единица въ 130 грановъ входила какъ основа въ мелкія гирьки; 2) болѣе позднія гирьки составляли части ансыря въ 128 золотн., дѣлившагося также на 72 части, каждая часть равнялась = 122 гранамъ, и наконецъ 3-ій видъ гирекъ относится уже къ западно-европейскимъ вѣсовымъ единицамъ, употреблявшимся на Руси съ XIV столѣтія; тутъ мы встрѣчаемъ преимущественно части разнаго наименованія марокъ.

Отдѣленіе VIII. Древности прибалтійскія. 14 августа днемъ.

(Въ зданіи Доммузея; доклады были читаны на нѣмецкомъ языкѣ).

Почетный предсѣдатель: Д-ръ В. И. Нейманъ.

1. Докладъ пастора Э. Биленштейна: „О значеніи латышскихъ народныхъ пѣсенъ для археологій“.

Референтъ указалъ на огромное собраніе въ нѣсколько 1000 латышскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми доселѣ мало пользовались въ научномъ отношеніи, между тѣмъ какъ онѣ имѣютъ довольно важное значеніе для археологій. Благодаря имъ во-первыхъ сохранилась масса древнихъ словъ и характерныхъ формъ и окончаній, исчезнувшихъ уже въ современномъ латышскомъ языкѣ. Во-вторыхъ эти пѣсни даютъ намъ множество цѣнныхъ матеріаловъ для изученія древней культуры и быта латышскаго народа. Въ пѣсняхъ упоминается много предметовъ, извѣстныхъ намъ по археологическимъ исслѣдованіямъ, напримѣръ, бронзовыя спирали, серебряные пояса, разное оружіе, найденное нынѣ въ могильникахъ. Далѣе онѣ описываютъ

жизнь въ городищахъ, погребеніе покойниковъ и т. п. Все это какъ и мнѣологическія названія въ народныхъ пѣсняхъ указываютъ на отдаленное возникновеніе ихъ.

Особенно много матеріаловъ въ нихъ для древнихъ обычаевъ и ихъ дальнѣйшаго развитія, что референтъ доказалъ спеціально по отношенію къ формамъ брака, наглядно выясняющимъ прежнее общественное положеніе латышской женщины. Въ третьихъ народныя пѣсни, столь богатая поэтической красотой, представляютъ собой предметъ эстетическаго и нравственнаго интереса. Лишь на основаніи ихъ возможно было бы написать пѣсню этику латышскаго народа.

2. Д-ръ Саксендаль прочелъ докладъ „Система вѣса XI и XII в. въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи“.

Въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ вмѣстѣ съ о. Эзелемъ найдено до селѣ 25 вѣсовъ и 63 гири. Вѣсы небольшіе, складные: чашки, висѣвшія на цѣпочкахъ или шнурахъ, складное коромысло, помѣщавшееся въ чашкѣ; строеніе то же, что въ находкахъ нѣмецкихъ, шведскихъ, русскихъ—вѣсы, съ весьма плохой чувствительностью. Форма гири: широкій сферическій слой, порой замѣтно сплюснутый. При вѣсахъ находятъ монеты XI—XIII в. Гири дѣлятся на двѣ группы: однѣ построены на дуодецимальномъ дѣленіи, относятся къ унциальной системѣ и происходятъ отъ римскаго фунта. Эта система принѣнялась къ предметамъ малаго вѣса, и поэтому вѣсъ цѣлаго фунта приходилось опредѣлять черезъ умноженіе, т. е. значительно увеличивая неточность; такимъ образомъ по гилямъ въ Любенгофѣ фунтъ высчитанъ въ 305,8 граммъ, въ Пассельнѣ—272, въ Лапландіи и Готландѣ—289 и 290. Въ другой системѣ—кружками, очками (очки порой соединены дужками), точками обозначается число единицъ вѣса, но не видно единицъ разнаго размѣра. Указавъ на неудовлетворительность прежнихъ выводовъ объ этомъ вѣсѣ, докладчикъ изложилъ свой способъ изслѣдованія 48-ми гирей, при которомъ онъ точно отмѣчалъ свои данныя, чтобъ дать возможность къ провѣркѣ. Его единица оказалась колеблющейся между 4,085 и 3,998 грамма, что г. Саксендаль объясняетъ не только приблизительностью вычисленія, но и различіемъ мѣстностей (относя сюда и отсутствіе и присутствіе дугообразныхъ черточекъ между очками и степень выпуклости шарового слоя). Не имѣя ничего общаго ни съ готландской, ни съ рижской марками, извѣстными съ 1211—1232 гг., эта система вполне совпадаетъ съ греко-римской драхмо-денарной системой. Последняя процвѣтала въ Римѣ въ концѣ республиканскаго періода и въ началѣ монархіи, до Нерона. Чеканка денаровъ, но въ вѣсѣ значительно упавшемъ, возобновлена Карломъ Великимъ. При саксонскихъ и франконскихъ императорахъ бьютъ много монеты, но вѣсъ ея колеблется до 40°. Тѣ же колебанія и между странами и внутри странъ въ монетахъ Англіи, Даніи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи въ X—XII в. Разнообразіе увеличивалось восточными монетами, которыя были

больше и тяжелѣе и рассчитаны иначе. Одно было общаго во всѣхъ этихъ монетахъ, обращавшихся обильно въ Балтійскомъ краѣ: всѣ онѣ были изъ чистаго серебра. Отсюда единственный способъ считать ихъ: на вѣсѣ, и для этого-то и служили гири второй группы, связанныя съ греко-римской денарной системой и дававшія норму денара.

3. Н. И. Андерсонъ прочелъ докладъ: „*Этимологія названій kantele, kankles и т. д.*“, положивъ въ основу доклада переводъ разсужденія Томсена объ этихъ словахъ, помѣщеннаго на стр. 178—181 книги „*Bergtinger melem de finske og de baltiske Sprog*“ (Копенгагенъ, 1890 г.). Томсенъ ошибается: 1) отрицая существованіе звукоподражательныхъ корней *ka-* и *ka-* въ финскихъ языкахъ; 2) считая подозрительнымъ суффиксъ *-les*; 3) въ финскомъ *kannus* (бубенъ) видя лишь искаженіе лопарскаго *gobdas* и непосредственно сопоставляя финское сочетаніе звуковъ *-nn-* (вмѣсто *-nt-*) съ лопарскимъ *-bd-*. Это слово *kannus* не имѣетъ ничего общаго съ *kannus* (вмѣсто *kantus*) „шпора“, а произошло изъ *kantus*=лопарскаго *koamtas*, *kūmdes*, *kobdas*, *gobdas* и т. д. и тождественно съ черемисскимъ *komdoš*, *komdys* (крышка). *Koamtas* слово производное отъ *kōmta*=финское *kansi* (основа *kante*, вмѣсто *kamte*) крышка. Отъ того же слова произведено и лопарское *koamtalas* „крышка“, которое точно соответствуетъ финскому *kanteles*, *kaptele*. „Корень“ *ka-* очень распространенъ въ угро-финскихъ языкахъ и не подлежитъ сомнѣнію, что *kantele* слово финскаго происхожденія, и заимствовано литовцами въ давнишнія времена вмѣстѣ съ другими словами, относящимися къ музыкѣ (напр., играть, игрокъ). Менѣе ясно отношеніе славянскихъ словъ „гусли, гудокъ“ и т. д. къ финскимъ, и референтъ пока не рѣшается положительно утверждать заимствованіе у финновъ, хотя и склоняется къ такому предположенію.

4. К. А. Германъ представилъ рефератъ „*Объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей*“.

Названія поселеній должны имѣть дѣйствительное значеніе, а у эстовъ такіа названія часто связаны съ ихъ мѣстами, древними сказаніями и историческими воспоминаніями. За краткостью времени докладчикъ объяснилъ лишь названія: *Metsepole*—лѣсная сторона, *Saccala*—новъ, *Sontagana*—мѣсто за болотомъ и *Tarbat*, *Dograt*, *Derpit*, *Tartu*—сокращеніе изъ *Taara abuda*, помощь Тары (верховнаго бога эстской мѣологии). Желательно объяснить по возможности всѣ названія эстскихъ поселеній, какъ латышскія объяснены пасторомъ Биленштейномъ.

5. К. фонъ Левисъ-оф-Менаръ сообщилъ о своей уже вышедшей въ свѣтъ картѣ „*Livland im Mittelalter*“.

Давши обзоръ прежнихъ картъ средневѣковой Ливоніи, референтъ указалъ на трудности составленія ихъ, вслѣдствіе чего прежнія попытки не удались. Потомъ онъ подробно изложилъ методъ, по которому имъ составлена была карта. Вкратцѣ упомянувъ о точныхъ результатахъ, достигнутыхъ

имъ (эти результаты помѣщены въ напечатанныхъ къ картѣ объясненіяхъ), референтъ указалъ на послѣдовательную и умную территориальную политику тевтонскаго ордена, наглядно выясняющуюся изъ его карты. По поводу критическихъ отзывовъ, появившихся въ мѣстныхъ и иностранныхъ журналахъ и газетахъ, референтъ энергично высказался противъ мнѣнія, будто бы уже теперь было бы возможно съ полной точностью отмѣтить на картѣ границы прежнихъ католическихъ епархій: онѣ были пропущены только за недостаткомъ положительныхъ данныхъ.

Въ заключеніе референтъ обратилъ вниманіе Съѣзда на удобный масштабъ своей карты 1 : 1,000,000 (т. е. 1 миллим. = 1 килом.), по которому также начерчены карта городищъ Ливоніи въ языческое время (Burgberge Alt-Livlands aus heidnischer Zeit) и 2 археологическихъ карты Ливоніи, составленныя кандидатомъ Ситца для Археологическаго Съѣзда.

Засѣданіе смѣшанное.

Почетный предсѣдатель: В. И. Модестовъ.

1. В. И. Сизовъ. „Характерныя черты могильника въ Пасильнѣ въ Курляндіи“. Раскопка могильника въ Пасильнѣ произведена референтомъ по порученію Имп. Моск. Археологическаго Общества лѣтомъ 1895 г. Въ томъ же году имъ были произведены раскопки и въ другихъ мѣстахъ Курляндіи, по теченію р. Виндавы и Хазавы, гдѣ могильники по погребенію посредствомъ сожженія и характеру вещей были сходны съ могильникомъ въ Пасильнѣ, давшимъ однако наибольшее количество вещей. Указавъ на нѣкоторыя характерныя особенности украшеній и оружія, референтъ обратилъ особое вниманіе на богатое украшеніе сбруи боеваго коня и на прекрасную технику и прекрасныя оригинальныя формы украшеній изъ желѣза. Повторяемость типовъ характерныхъ вещей придавала этому могильнику цѣльный, своеобразный характеръ, рѣзко отличавшій его отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ. Оригинальность культуры Пасильна и несходство ея съ культурой латышей и ливовъ даетъ основаніе приписать ее или курамъ, или вендамъ. Но такъ какъ куры, по опредѣленію мѣстныхъ ученыхъ, были народомъ смѣшаннымъ изъ ливовъ и латышей, то уже à priori культура куровъ должна была отличаться смѣшаннымъ, а не оригинальнымъ характеромъ. Особо почетное боевое значеніе коня, замѣченное въ раскопкахъ Пасильна, заставляетъ вспомнить о святилищахъ Рюгена и Штетина и о другихъ религиозныхъ и бытовыхъ чертахъ жителей этихъ мѣстъ, по описанію преимущественно Оттона Бамбергскаго. На это родство указываетъ между прочимъ и сходство вещей, находимыхъ въ поморскихъ мѣстахъ сѣв. Пруссіи. Съ другой стороны, существованіе *вендовъ* въ балтійскомъ краѣ подтверждается извѣстіями Генриха Латыша, упомянувшаго объ ихъ переселеніи съ р. Виндавы къ г. Вендену.

2. К. А. Германъ далъ рефератъ „*О суммерійскомъ языкѣ и его отношеши къ угро-алтайскимъ языкамъ*“. Оперъ, Ленорманъ, Раулинсонъ, Смисъ, Сайсъ, какъ и финляндцы Кастрөвъ, Альквистъ, Юрьё Коскинень считаютъ суммерійцевъ народомъ угро-алтайскаго, а именно даже угро-финскаго происхожденія. Противъ этого мнѣнія были: Галеви, Хауптъ и финскій ученый Доннеръ. Докладчикъ указалъ на сходства самого суммерійскаго языка съ угро-алтайскими языками; 1) по фонетикѣ, 2) по этимологii и 3) по лексикографii. Суммерійскій языкъ имѣетъ по фонетикѣ сходную конструкцію и вокальную гармонiю, по этимологii похожia формы въ именахъ существительныхъ и числительныхъ, мѣстоименiяхъ и глаголахъ, а по лексикографii цѣлое количество идентичныхъ словъ. Такое сходство не случайно и можетъ быть объяснено только родствомъ.

3. Н. И. Андерсонъ одѣлалъ докладъ: „*Объ этимологii названiя Бiармiа, Пермь, Пермьки и Зырянска*“. Норвежско-латышская форма Вiгта, Вiйтта, Вiйттаз тождественна съ чисто финскимъ словомъ слышнымъ въ „Пермь“, „Пермане“ и обозначаетъ „пограничный, крайнiй, за [волокомъ] находящiйся“ (отъ финскаго ретi). Зырянинъ, въ древнихъ памятникахъ также Сырянинъ, Серянинъ, Сурянинъ—очевидно, соответствуетъ финскому *Syrgäinen*— „крайнiй“ (отъ *Syrgä*— „край“). Между прочимъ, докладчикъ объяснилъ названiе Москвы изъ зырянскаго языка: *mosk-va*, *mösk-va* значить по-зырянски „коровья рѣка“.

Засѣданiе общее и закрытiе Съезда. 15 августа день.

Предсѣдатель: графиня П. С. Уварова.

Послѣ панихиды, отслуженной въ 12 часовъ дня, въ кафедральномъ соборѣ въ присутствii г. Лифляндскаго губернатора, г. попечителя Рижскаго Учебнаго Округа, графини П. С. Уваровой, членовъ Съезда и многихъ молящихся по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, по Монаршему указанiю коего X Археологическiй Съездъ былъ созванъ въ Ригѣ, въ 1 часъ дня состоялось послѣднее (общее) засѣданiе X Археологическаго Съезда.

1. Ѳ. И. Успенскiй, представилъ докладъ „*О Болгарii въ археологическомъ отношеши*“.

Напомнивъ о неосуществившемся проектѣ археологической экспедицii въ Болгарiю и указавъ, что въ научномъ отношеши русскихъ ожидаетъ въ Болгарii благодарная почва, референтъ перешелъ къ результатамъ предпринятой Конст-польскимъ Институтомъ развѣдки. Историческiй и археологическiй интересъ есть у правительственныхъ классовъ Болгарскаго княжества, но небольшая группа ученыхъ, профессоровъ высшей школы, недостаточна для того, чтобы взять въ свои руки разработку древней исторii, изученiе монументальныхъ и письменныхъ памятниковъ, изслѣдованiе народной лите-

ратуры, языка, права и обычаевъ. Научныя потребности осязательны, а практически подготовленныхъ людей нѣтъ, — нѣтъ художниковъ, архитекторовъ, профессоровъ. Вотъ почему представляется желательнымъ привлеченіе ученыхъ силъ изъ Россіи. Далѣе, референтъ указалъ на наиболѣе важныя археологическія задачи въ Болгаріи и на замѣчательныя и драгоцѣнныя археологическія сокровища, ожидающія ученыхъ въ Болгаріи. Докладчикомъ отмѣчены были: курганы, памятники ерамійскаго времени, памятники древне-христіанскіе, развалины св. Софіи, монастыри: Рыльскій и Бояновъ; вопросы о рукописяхъ, миниатюры и шитье, рядъ вопросовъ историческихъ и этнографическихъ.

2. Э. Е. фонъ - Нотбекъ сдѣлалъ сообщеніе (на нѣмецкомъ языкѣ) *о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ.*

Указавъ на положеніе этого дѣла въ западно-европейскихъ государствахъ и на ст. 980 и 981 т. III Св. Мѣстн. Указ. Губ. Остзейск. (основанныхъ на Высочайшихъ указахъ 1826 — 1848 гг.), референтъ сообщилъ объ учрежденной по его инициативѣ ревельской городской комиссіи и о секціи эстляндскаго литературнаго общества, заботящихся о сохраненіи древностей, и предложилъ учредить таковыя органы и въ остальныхъ балтійскихъ губерніяхъ. Графиня Уварова по этому поводу выразила пожеланіе, чтобы во всей Россіи были приняты такія же мѣры къ сохраненію древностей.

3. Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, Э. И. Успенскій, представилъ отчетъ *объ ученой дѣятельности X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ.* Дѣятельность Съѣзда продолжалась 15 дней. Ученыя собранія, посвященныя чтенію рефератовъ, происходили въ теченіе 12 дней. Всего было 33 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 98 рефератовъ.

Перечисливъ дѣятельность Съѣзда по Отдѣленіямъ, Э. И. Успенскій закончилъ свою рѣчь словами: „Подводя итоги всему представленному выше, беру на себя смѣлость утверждать, что X Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ долженъ быть признанъ вполне достигшимъ своей цѣли. Дружная серьезная работа, направленная къ разрѣшенію научныхъ проблемъ, выдвинула много важныхъ вопросовъ, которые частію разрѣшены, частію твердо постановлены. Своимъ успѣхомъ настоящей Съѣздъ обязанъ какъ прекраснымъ подготовительнымъ работамъ среди мѣстныхъ ученыхъ, такъ и обилію и разнообразію научнаго матеріала, привнесеннаго пріѣзжими членами Съѣзда. То и другое, въ соединеніи съ полнымъ довѣріемъ и взаимнымъ уваженіемъ придали Съѣзду цѣльность и стройность, которыми и обусловливается его научный успѣхъ“.

4. Рѣчь предсѣдателя Съѣзда, графини П. С. Уваровой:

„Мм. гг., нашъ X Археологическій Съѣздъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ закрытъ. Мы покончимъ свои работы; частію разойдемся по всей Руси великой, частію переберемся за ея границы и разнесемъ въ разныя части Европы слухъ о нашихъ трудахъ, нашихъ успѣхахъ и неудачахъ. . .

Мы разойдемся, и труды наши, какъ всякое общественное дѣло, станутъ достояніемъ если не исторіи, то, по крайней мѣрѣ, всевозможныхъ слуховъ, толковъ и пересудовъ. Но отдаваясь въ полное распоряженіе общественнаго мнѣнія, которое *очень дорого* нашему дѣлу и которое нельзя устранить, когда дѣло ведется открыто, честно, съ любовью и съ полною увѣренностью на возможность успѣха, въ нашей совѣсти можетъ однакожь возникнуть сомнѣніе въ томъ, исполнили мы въ точности всѣ надежды, возлагаемыя на насъ Державнымъ Повелителемъ земли Русской, нынѣ усопшимъ Государемъ Александромъ III, которому угодно было указать на желательность созыва настоящаго Съѣзда именно въ Прибалтійскомъ краѣ? Надежды эти, мнѣ думается, были двоякія: Его Императорское Величество, въ высшей степени дорожившій древними памятниками на Руси, ихъ изученіемъ, сохраненіемъ и научнымъ возстановленіемъ, и напоминающій этою чертою своего характера Державнаго Дѣла, Государя Николая Павловича, вѣроятно, надѣялся, что, съ одной стороны, *ученые изъ внутреннихъ частей Россіи* не упустятъ случая, указаннаго имъ выше, чтобы ознакомиться болѣе близко съ нашею западною окраиною, съ ея учеными силами, тѣмъ вліяніемъ и связью, которыя существовали между древней Русью и Балтійскимъ поморьемъ. Съ другой стороны, Его Величество могъ надѣяться, что мѣстные власти и ученые, ознакомясь во время подготовительныхъ работъ съ своими восточными собратіями по наукѣ, окажутъ Съѣзду, его трудамъ и членамъ всякое ученое содѣйствіе для ознакомленія съ краемъ, его изслѣдованіями и коллекціями, его учеными обществами и мѣстными изслѣдованіями. Его Величество могъ надѣяться, что эти мѣстные ученые заинтересуются работами Съѣзда и найдутъ желательнымъ и возможнымъ дальнѣйшее ученое общеніе съ тѣми лицами и учеными обществами и учрежденіями, съ которыми ознакомятся и сойдутся во время Съѣзда. Какъ же исполнили обѣ стороны свои задачи? Указавъ на многочисленность Рижскаго Съѣзда, число членовъ котораго (664) превышаетъ на 118 число членовъ Виленскаго Съѣзда, графиня Уварова отмѣтила, что въ Съѣздѣ участвуютъ 185 человекъ изъ внутреннихъ губерній, въ томъ числѣ 50 профессоровъ и 62 представителя другихъ ученыхъ учреждений, что они составили 37 засѣданій, на которыхъ ими представлены были 70 рефератовъ. „Приведенныя цифры“, продолжала графиня, „и указанія вполне удовлетворяютъ насъ, и мы, пріѣзжіе, можемъ сказать, что не отстали отъ дѣла, возлагаемаго на насъ совѣстью и отвѣтственностью предъ памятью въ Бозѣ почившаго Императора“.

Вторая группа заинтересованныхъ, т. е. мѣстные власти и ученые: приложили всѣ свои старанія, чтобы поставить дѣло Рижскаго Съѣзда, какъ подобаетъ оное въ такомъ культурномъ центрѣ, какъ нашъ Прибалтійскій край. Графиня напомнила о выставкахъ: *археологической*—въ Большой гильдіи, съ ея научнымъ каталогомъ, представляющимъ цѣлое ученое изслѣдованіе о мѣстныхъ древностяхъ, *цеховой*—въ Малой гильдіи и *латышской*

этнографической; о томъ, что въ отдѣленіи прибалтійскихъ древностей было 7 засѣданій, на которыхъ прочитаны были 21 рефератъ мѣстными учеными и 6 пріѣзжими изъ-за границы; напомнила о сочувствіи и въ высшей степени предупредительномъ и просвѣщенномъ отношеніи къ Съѣзду: лифляндскаго губернатора, лифляндскаго дворянства, городовъ Риги и Митавы, попечителя учебнаго округа, давшихъ мѣстнымъ ученымъ возможность собрать со всего края научныя коллекціи и издать каталогъ этихъ коллекцій, великолѣпно размѣстившихъ выставки и засѣданія, пріютившихъ большое число пріѣзжихъ членовъ. „Они (т. е. власти и представители городовъ и дворянства), приняли, обласкали, чествовали насъ, они облегчили намъ знакомство съ мѣстными памятниками старины... Да будетъ же мнѣ позволено высказать имъ здѣсь, съ этой кафедры, глубокую, сердечную признательность, глубокую сердечную благодарность отъ лица всего Съѣзда“. Въ заключеніе графиня Уварова отмѣтила одну въ высшей степени симпатичную черту Рижскаго Съѣзда:—широкое развитіе, приданное изученію и изслѣдованію *мѣстных* могильниковъ, мѣстныхъ памятниковъ старины, мѣстныхъ архивовъ, этнографическихъ и бытовыхъ особенностей, которые такъ широко представлены какъ учеными изслѣдователями края, такъ и болѣе скромными представителями онаго: пасторами, учителями и др. Указавъ затѣмъ на труды пастора Виленштейна, извѣстнаго изслѣдователя латышской народности, пастора Хурта, представившаго въ высшей степени интересное собраніе эстонскихъ пѣсенъ, сказокъ, повѣрій и успѣвшаго привлечь къ участию въ своихъ трудахъ цѣлыя сотни сотрудниковъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ нашего обширнаго отечества, и, наконецъ, на выставку цеховъ графиня Уварова отмѣтила значеніе подобныхъ явленій, какъ высокихъ проявленій самосознанія и культурнаго къ нему отношенія.

Затѣмъ графиня Уварова прочитала нижеслѣдующія постановленія совѣта Съѣзда:

1) Съѣздъ ходатайствуетъ объ организациі архивовъ Прибалтійскаго края (шведскаго и генераль-губернаторскаго въ Ригѣ и герцогскаго въ Митавѣ) съ цѣлью дать имъ соотвѣтствующее помѣщеніе и ученыхъ архивариусовъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными для пользованія и изученія.

2) Просить Императорскую Археологическую Комиссію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому Музею памяти Императора Александра, III — предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Въмѣстѣ съ тѣмъ просить Комиссію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ разъяснять этимъ властямъ, что на основаніи существующихъ законовъ Имперіи вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ.

8) По поводу сообщения академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторые важные памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: Съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Комиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.

4) Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и малоазіатскаго полуострова, Съѣздъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

5) Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи рукописныхъ сокрывищъ Аэона, Съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

6) По поводу предложенія проф. А. С. Будиловича о снаряженія археологической экспедиціи въ Венгрію, Съѣздъ выражаетъ свое сочувствіе къ мысли о снаряженіи подобной экспедиціи.

7) Предложеніе проф. фонъ-Штерна Съѣзду—выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи на главныхъ европейскихъ языкахъ для распространенія его во всѣхъ спеціальныхъ органахъ, общихъ журналахъ и газетахъ—принять и просить проф. Штерна выработать проектъ подобнаго циркуляра и представить таковой въ Императорское Московское Археологическое Общество.

8) Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую комиссіями, и ходатайствовать, чтобъ имъ оказываема была помощь и субсидія при посредствѣ гг. губернаторовъ.

9) Выразить отъ имени X Археологическаго Съѣзда глубокую благодарность Обществу Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній, Ученому Эстонскому Обществу въ Юрьевѣ, Эстляндскому Литературному Обществу, Императорскому Юрьевскому Университету, Курляндскому Обществу Искусствъ и Литературы, Литературному Латышскому Обществу въ Митавѣ и всѣмъ мѣстнымъ ученымъ дѣятелямъ, издавшимъ и посвятившимъ свои ученые труды Съѣзду и принявшимъ дѣятельное участіе въ устройствѣ археологической выставки и Рижскому Латышскому Союзу, устроившему этнографическую выставку и народные концерты, — за ихъ сердечное отношеніе и глубокое сочувствіе къ Съѣзду.

10) Избрать мѣстомъ будущаго Съѣзда Кіевъ, при чемъ предвари-

тельный комитетъ собрать въ Москвѣ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

11) Повергнуть предъ *Ею Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ* почтительное ходатайство о благосклонномъ принятіи будущаго XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ и его Предварительнаго Комитета подъ Августѣйшее Почетное Предсѣдательство *Ею Высочества*.

12) Поручить печатаніе „Трудовъ“ X Съѣзда Императорскому Московскому Археологическому Обществу, предоставивъ ему выборъ мѣста печатанія.

Далѣе графиня Уварова сообщила содержаніе телеграммы, отправленной 14 августа *Ею Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу*, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда, и отвѣтъ *Ею Высочества*, а именно:

Телеграмма Съѣзда: Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ, оканчивая завтра свои занятія, собирается сегодня вечеромъ, чтобы избрать мѣсто будущаго Съѣзда и повергаетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ горячую надежду, что Ваше Высочество станете во главѣ будущаго Съѣзда и его Предварительнаго Комитета. Рижскіе ученые сегодня высылаютъ на имя Вашего Высочества роскошный экземпляръ каталога ихъ прекраснѣйшей Выставки и почтительнѣйше просятъ Ваше Высочество благосклонно принять его какъ знакъ ихъ глубочайшаго почтенія.

Отвѣтъ Ею Высочества: Съ искреннею радостію принимаю на себя предсѣдательство на будущемъ Съѣздѣ и отъ всего сердца благодарю всѣхъ за каталогъ. Очень огорченъ, что не могъ быть съ вами всѣми.

Сергій.

Окончивъ officialный отчетъ, графиня Уварова просила позволенія высказать еще отъ себя лично нѣсколько пожеланій. Указавъ на различнаго рода важные запросы, вопросы, мнѣнія, предположенія, рѣшенія, высказывавшіяся и принятые на нынѣшнемъ Съѣздѣ и требующіе разработки и выясненія, графиня сказала:

„Всѣ эти заявленія, замѣчанія, постановленія указываютъ какъ нельзя болѣе, что работы предстоитъ еще много и что для общей этой работы весьма желательно болѣе тѣсное ученое общеніе мѣстныхъ ученыхъ силъ съ учеными внутренней Россіи, ея музеями и архивами, — и я позволяю себѣ здѣсь выразить надежду на то, что это обоюдное общеніе продолжится, укрѣпится и будетъ поддержано обѣими заинтересованными сторонами“.

Попечитель рижскаго учебнаго округа, академикъ Н. А. Лавровскій, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Мм. гг.! Археологическіе съѣзды въ Россіи, повторяющіеся каждые три года, въ своемъ хотя и недалекомъ прошедшемъ представляютъ поистинѣ отрадное явленіе не только по достигнутымъ ими результатамъ изслѣдованій

въ своей спеціальной области знанія, но и потому, что они какъ то скоро привились у насъ и пустили сильныя и здоровыя корни, какъ то скоро установились къ нимъ добрыя и живыя отношенія не только общества, но и правительства, каждый разъ не отказывавшаго имъ въ весьма значительномъ матеріальномъ пособіи. Обращаться къ этому прошедшему, какъ извѣстному всѣмъ членамъ Съѣзда, излишне, притомъ существенное изъ него было уже предложено вашему вниманію высоко уважаемымъ предсѣдателемъ въ обзорѣни дѣятельности всѣхъ предшествовавшихъ девяти Съѣздовъ при открытіи настоящаго Десятаго Съѣзда. Надежды на будущее, притомъ еще болѣе свѣтлыя, покоятся на твердомъ основаніи прошедшаго и особенно на усиливающемся съ каждымъ годомъ сочувствіи къ Съѣздамъ представителей науки археологіи. На это сочувствіе въ будущемъ мы можемъ смѣло рассчитывать: эта наука по мѣрѣ ея развитія съ возрастающею силою будетъ и впредь привлекать на Съѣздъ посвятившихъ себя ея изученію для удовлетворенія ихъ внутренней потребности высказывать то, что накопилось въ душѣ въ процессѣ долгой работы мысли, проверять собственныя соображенія и выводы обмѣномъ мыслей съ ея представителями и выслушивать то, что принесли съ собою на Съѣзды работающіе въ той же области знанія.

„Успѣху нашихъ Съѣздовъ безспорно весьма много содѣйствовало и присутствіе особой и необходимой силы, которую я назвалъ бы силой почина и порядка, силой возбуждающей, собирающей и укрѣпляющей Съѣзды съ ихъ довольно сложнымъ механизмомъ. Эта сила во всѣхъ десяти Археологическихъ Съѣздахъ, къ счастью, была прекрасно и съ полнымъ достоинствомъ представлена въ лицѣ ихъ предсѣдателей — незабвеннымъ графомъ А. С. Уваровымъ и по его кончинѣ высокочтимой его супругой, не знающей досуга и задолго до Съѣздовъ въ распоряженіяхъ по ихъ устройству и во все ихъ продолженіе. Въ минуту закрытія настоящаго Десятаго Съѣзда почтимъ память перваго предсѣдателя первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ, оставившаго неизгладимыя слѣды въ наукѣ русской археологіи, и выразимъ глубокую сердечную признательность предсѣдателю настоящаго Съѣзда за его неослабныя труды по устройству его и предшествовавшихъ Съѣздовъ.

„О какихъ-либо обобщеніяхъ, выводахъ по содержанію предложенныхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ докладовъ, обнимающихъ собою время отъ первобытной эпохи до послѣдняго истекшаго вѣка включительно, конечно не можетъ быть рѣчи. Возможныя обобщенія и выводы по обнародованіи всѣхъ докладовъ не заставятъ себя долго ждать, чему вѣрнымъ ручательствомъ служить тотъ живой и непрерывавшійся интересъ, какой возбуждали эти доклады на всѣхъ многочисленныхъ засѣданіяхъ Съѣзда. Пожелаемъ же, чтобы наши Археологическіе Съѣзды продолжали расти и множиться при столь же благопріятныхъ условіяхъ, какъ и по сіе время, и продолжали вносить въ науку археологіи все большіе вклады; чтобы упомянутая мною сила почина и порядка продолжала столь благотворно дѣйствовать на пользу

Съѣздовъ, не прерываясь, преемственно и наследственно; чтобы число участниковъ Съѣздовъ съ каждымъ годомъ также росло и множилось, а для того пожелаемъ, чтобы давнее ходатайство одного изъ предшествовавшихъ Съѣздовъ и доселѣ неудовлетворенное, на которое было указано председателемъ при открытіи Съѣзда, а именно—*объ учрежденіи при всѣхъ русскихъ университетахъ особенной кафедры русской или лучше славяно-русской археологии*, получило скорое и полное удовлетвореніе, и тогда могъ бы быть устраненъ и тотъ недостатокъ ученыхъ силъ въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, на который такъ горько жаловался на одномъ изъ засѣданій Съѣзда глубокоуважаемый директоръ Института, выразившій даже опасеніе, какъ бы надвигающаяся масса археологическаго матеріала при недостаткѣ рабочихъ рукъ не подавила собой скудные наличныя силы Института.

„Напутствуя оставляющихъ Ригу дорогихъ гостей наилучшими пожеланіями и тѣмъ, чтобы знакомство съ обширнымъ мѣстнымъ археологическимъ матеріаломъ вызвало не одно посѣщеніе здѣшняго края и не одинъ опытъ разработки этого матеріала, я объявляю Десятый Археологическій Съѣздъ закрытымъ“.

Поѣздки, осмотры и раскопки.

Во время Съѣзда произведены были осмотры Митавы и Риги и раскопки въ имѣніи Трейденъ.

4-го августа члены Общества ѣздили въ Митаву и тамъ подъ руководствомъ мѣстныхъ знатоковъ были осмотрѣны: Музей Общества Исторіи и Искусства (портреты герцоговъ, Паткуля и др.; часы Людовика XVI), католическая церковь (ложа Людовика XVIII съ художественной лѣстницей къ ней), гимназія—прежній герцогскій дворецъ, затѣмъ Academia Petrina (по имени герцога Петра) и наконецъ Gymnasium illustre — съ ея библіотекой, второй въ краѣ по богатству (свыше 45,000 томовъ и много рѣдкихъ книгъ), Троицкая лютеранская церковь, основанная супругой Готтарда Кетлера, Анной Мекленбургской (рѣзной молитвенный стулъ 1619 г., картины и гербы; частныя часовенки, надгробные камни, знамена вынесены изъ церкви, когда Екатерина II запретила погребенія въ церквахъ; при обновленіи въ 1854 г. уничтожены многіе остатки древности), замокъ — постройка Растрелли, а въ немъ: герцогскій склепъ, помѣщеніе Статистическаго Комитета (собраніе книгъ, видовъ, картъ, портретовъ — между прочимъ, Эрнста Бирона и Растрелли—фотографій), церковь и царскіе покои (ковры шитые Бенигною Биронъ въ Сибири и въ Ярославлѣ).

8 августа до 200 членовъ Съѣзда присутствовали при раскопкѣ могильника на землѣ Путель въ имѣніи Трейденъ. Здѣсь 40 кургановъ, изъ коихъ кургановъ 12 нетронутыхъ.

Обществом Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края уже въ іюлѣ произведено здѣсь предварительное изслѣдованіе ¹⁾, а 7-го августа г. Хаусманъ, принявшій на себя руководство поѣздкой, выѣхалъ на мѣсто съ кружкомъ археологовъ (гг. Богоявленскій, Левисъ-оф-Менаръ, Трутовскій, Яшъ и др.) и началъ раскопку. Въ этотъ день раскрыто 6 кургановъ: въ четырехъ оказалось погребеніе, въ одномъ—сожженіе, а одинъ (вѣроятно, вскрытый раньше) не далъ ничего. Скелеты лежали головой на сѣверъ; при нихъ найдены: двѣ англосакскія монеты XI в., арабская диргема X вѣка, пара скорлупчатыхъ „ливскихъ“ наплечныхъ фибулъ, бронзовая гривна, золоченныя бусы и т. д. Въ одной изъ могилъ, у хорошо сохранившагося костяка лежали: у праваго плеча два копья, у бедра боевой топоръ, на груди части суставчатой цѣпи и наборъ пояса; въ ногахъ скелетъ собаки. Въ могилѣ съ сожженіемъ найдены серебряныя, богато украшенныя ножны съ клинкомъ.

8 августа пріѣхали члены Сѣзда. Графиня Уварова и гг. Антоновичъ, Бецценбергеръ и Сизовъ приняли личное участіе въ раскопкахъ, а гг. Вирховы, отецъ и сынъ, занялись препарированіемъ скелета воина.

Вновь было раскрыто 4 кургана. Въ наибольшемъ скелетъ лежалъ головой на сѣверъ, на грунтѣ, на деревянной подстилкѣ; боковыя деревянныя стѣнки были обозначены черными линиями; слѣды верхней доски можно было замѣтить только въ ногахъ, гдѣ надъ доской была кладка большихъ камней; на мѣстѣ головы оказался также камень, отъ давленія котораго черепъ подвинулся вбокъ, за предѣлы черныхъ линій перегной; въ доскахъ попадались гвозди. Костякъ перегнилъ. Трупъ былъ одѣтъ въ длинную одежду, спускавшуюся ниже ногъ, убранныю, по всей длинѣ, вотканными бронзовыми колечками и стеклянными бусами и отороченную каймой изъ бронзовыхъ спиралекъ. На плечахъ двѣ скорлупчатыя фибулы, соединенныя цѣпочками (разорваны); при цѣпочкахъ янтарный привѣсокъ, медвѣжьей зубъ в диргема. У пояса ножъ въ бронзовыхъ ножнахъ, на подвязахъ изъ спиралей. У праваго локтя плохо сохранившееся желѣзное острие; выше груди — желѣзныя ножницы. Особенно интересна *бронзовая чаша* въ ногахъ на доскѣ—unicum въ краѣ. На СЗ. отъ гроба, приблизительно въ 0,5 м.—черепки раздавленнаго горшка. Въ другомъ курганѣ найдены два скелета, спирали, бусы, диргема. Въ третьемъ, чрезвычайно низкомъ и очень широкомъ, тотчасъ подѣ

¹⁾ Именно Н. Н. Бушъ опредѣлялъ составъ могильника (14 раскопанныхъ кургановъ и поровну цѣпыхъ и тронутыхъ), вырубилъ лѣсокъ, сдѣлалъ планъ и раскопалъ на пробу одинъ изъ тронутыхъ кургановъ. Скелетъ лежалъ на перегной (доскахъ), на грунтѣ, головой на сѣверъ; на груди бронзовый цилиндрикъ (спиралевидный); далѣе при скелетѣ найдены: желѣзный ножъ, топоръ, клинокъ меча, части ноженъ (дерево и кожа съ бронзой); на 0,9 м. къ С. отъ черепа—копье въ 0,3 м., убранныя серебромъ, и рядомъ другое, меньшее копье, а западнѣе глиняныя черепки безъ орнамента, два ножа съ роговыми ручками, два точила. Въ западной части, съ середины высоты и до грунта спускались остатки жертвы, принесенной на огонь: уголь, камешки со слѣдами огня, зубъ животнаго.

верхнимъ слоемъ оказался круглый курганъ изъ камней, сверху мелкихъ, внизу крупныхъ. Въ могилѣ ничего не найдено. Четвертый курганъ (раскопанный ранѣе) далъ лишь нѣсколько бусъ.

Владѣлецъ имѣнія, бар. Кампенгаузенъ пожертвовалъ всѣ вещи, добытыя теперь и ранѣе, рижскому Общ. Ист. и Древн. Часть гостей отправилась съ пасторомъ Биленштейномъ осматривать находящіеся вблизи, такъ называемые ливскіе окопы, на берегу Аа, и башни замковъ Трейдена и Бремона. По пути же къ мѣсту раскопокъ, любезно принятые владѣлицей имѣнія Зегевольда, кн. Крапоткиной, члены Съезда осмотрѣли чудныя развалины Зегевольдскаго замка— характерной комтуріи XIII в. ¹⁾.

Въ Ригѣ, 9-го августа, члены Съезда обозрѣвали подъ руководствомъ гг. Левисъ-офъ-Менара и Неймана памятники старины: соборныя зданія (Dom), гдѣ древнѣйшія части относятся къ началу XIII в. и носятъ романскій характеръ, церковь св. Іоанна—того же времени, домъ Черноголовыхъ—XIV в., церковь св. Петра съ остатками начала XV в., Пороховую башню и т. д. Древніе храмы Риги чрезвычайно интересны. Стили: романскій, готическій разныхъ эпохъ, возрожденія, бароко, рококо; время католическаго монашества и лютеранства; иконоборства начала XVI в., „обновленія“ и „очищенія“ конца прошлаго столѣтія; различные періоды многовѣковой политической, общественной, сословной жизни Риги—все это отразилось на этихъ храмахъ или въ лѣтописяхъ ихъ.

11 августа осмотрѣнъ былъ рижскій замокъ, гдѣ члены Съезда были приняты губернаторомъ и руководимы при осмотрѣ губернскимъ архитекторомъ г. Лунскимъ. Присутственными мѣстами въ замкѣ занята бывшая Андреевская домовая церковь магистровъ. При осмотрѣ архивовъ замка, объясненія давалъ г. Бухгольцъ. На чердакѣ замковой башни помѣщенъ шведскій генераль-губернаторскій архивъ. Когда Петръ началъ осаждать Ригу, архивъ этотъ былъ отвезенъ въ Швецію и возвращенъ русскимъ правительствомъ только въ нашемъ вѣкѣ, при посредствѣ оберъ-суперинтендента Зонтага. Реэстровъ ему нѣтъ и занятія въ помѣщеніи его крайне затруднительны. Архивъ русскихъ генераль-губернаторовъ помѣщается рядомъ съ канцеляріей губернатора, въ помѣщеніи довольно хорошемъ, но для занятій все же неудобномъ. Здѣсь хранятся письма государей съ Петра Великаго (они изданы покойнымъ Чешихинымъ, единственнымъ русскимъ, работавшемъ въ архивѣ). Остальныя бумаги и описи идутъ съ 1760 года. Гдѣ бумаги съ 1710 по 1760 г.—нѣтъ слѣдовъ.

Отдѣльными группами члены Съезда посѣщали различные музеи и собранія, гдѣ повсюду имъ былъ предложенъ свободный и бесплатный входъ и любезнѣйшимъ образомъ давались объясненія. Такъ посѣщаемы были Со-

¹⁾ Ср. стр. 248.

борные Музеи (Domuseum) и прежде всего Музей Общества Исторіи и Древностей съ его собраніемъ средневѣковыхъ памятниковъ по архитектурѣ, домашнему и военному быту (между прочимъ, собранія изразцовъ, рѣзбы, оружія) и исторической галлереей; на время Съѣзда здѣсь была устроена выставка фарфора и изящныхъ бездѣлушекъ изъ частныхъ собраній, большею частью XVIII и начала XIX вѣка. Далѣе Музей Естественно-Историческаго Общества; городской архивъ (богатые отдѣлы: *Moscovitica et Ruthenica* и *Polonica*); городская бібліотека, картинная галлерей. Галлерей художественнаго Общества; церковно-археологическій музей (въ помѣщеніи ко-его выставлены были на время Съѣзда древнія рукописи миссіонерской бібліотекы, и церкви: Благовѣщенская и Алексѣевская, читальня Русскаго Кружка, домъ Латышскаго союза.

За краткое время Съѣзда, конечно, далеко нельзя было овладѣть всѣмъ богатымъ матеріаломъ, который даетъ Рига археологу и историку; но многое, что успѣло быть отмѣченнымъ, скажется, конечно, въ нашихъ дальнѣйшихъ работахъ, а также и привлечетъ не одного изъ насъ вновь въ Ригу, для болѣе продолжительнаго изученія ея научныхъ сокровищъ.

Нѣкоторые Рижскія ученые Общества привѣтствовали Съѣздъ въ особыхъ засѣданіяхъ. Такъ наканунѣ открытія Съѣзда засѣданіе *Рижскаго Латвійскаго Союза* началось рѣчью предсѣдателя, г. Вебера, привѣтствовавшего прибытіе въ Ригу X русскаго Археологическаго Съѣзда, чрезвычайное событіе для края. *Засѣданіе же Общества испытателей природы 10 августа* было устроено спеціально для членовъ Съѣзда. Здѣсь первымъ читалъ д-ръ Конвенцъ „О рогульникѣ (*Wassernuss*, *trapa natans*), исчезающемъ родѣ, который въ Швеціи принадлежалъ третичному періоду, въ Англіи—междуледниковому, въ Даніи и Финляндіи—поледниковому; на югѣ Россіи, у Астрахани, онъ встрѣчается часто; въ Курляндіи лишь у Якобштадта въ Клаузенскомъ озерѣ; въ Восточной Пруссіи только у Кенигсберга, въ Западной встрѣчается также. На югѣ Европы воздѣлываютъ особый видъ рогульника (*verbanensis*), дѣлая изъ него четки; въ Японіи и Китаѣ рогульникъ воздѣлываютъ и пекутъ хлѣбъ изъ смолотыхъ плодовъ его. Исчезаетъ рогульникъ отъ высыханія поверхности земли. Затѣмъ г. Шедеръ, надъ многочисленнымъ собраніемъ костей, прочелъ „О млекопитающихъ, исчезнувшихъ изъ балтійскихъ губерній“: бобрѣ, росомахѣ, гренландскомъ тюленѣ, дикомъ кабанѣ, благородномъ и сѣверномъ оленѣ, первобытѣ, ласкѣ, носорогѣ и мамонтѣ. Кромѣ того и прежде находили и теперь находятъ остатки китовъ на берегу. Въ заключеніе д-ръ Вальденъ прочелъ „Объ услугахъ химіи для археологіи“: часто лишь при помощи химіи опредѣляется время и мѣсто происхожденія предметовъ, а равно и даются указанія о поддѣлкѣ.

Не менѣе привѣтливо отнеслось къ гостямъ и общество Риги. Кромѣ того, что было сдѣлано для удобства ихъ городомъ, сословіями, администраціей, учебнымъ вѣдомствомъ, желѣзнодорожнымъ начальствомъ, Съѣздъ чествовался: вечернимъ праздникомъ отъ города въ Стрѣлковомъ саду, обѣдомъ и раутомъ отъ дворянства, обѣдами у губернатора, городского головы, попечителя учебнаго округа и гостепрѣимствомъ частныхъ лицъ. Также въ поѣздкахъ своихъ члены Съѣзда встрѣчали повсюду самый радушный приемъ.

Мѣстные газеты съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ отнеслись къ Съѣзду, печатали подробныя сообщенія о засѣданіяхъ, о выставкахъ, а также нѣкоторые доклады: такъ въ *Düna Zeitung* помѣщены были почти цѣликомъ доклады гг. Биленштейна, Дидерихса, Саксендаля, въ *Rigaer Tagelblatt*—г. Буша свѣдѣнія о Трейденскомъ могильникѣ, между тѣмъ какъ „Рижскій Вѣстникъ“ посвятилъ этому первому русскому научному Съѣзду въ край рядъ серьезныхъ передовыхъ статей, а также напечаталъ статью г. Миронова по поводу доклада Пѣтухова. Въ газетахъ столичныхъ являлись какъ отдѣльныя статьи и общія корреспонденціи о Съѣздѣ, такъ и („Русск. Вѣд.“) отчеты о засѣданіяхъ. Съ отрадою отмѣчаемъ, что пресса разныхъ направленій и разно судившая объ обстоятельствахъ Съѣзда, была единодушна въ признаніи его несомнѣннаго успѣха и благотворности.

Поѣздка въ Кенигсбергъ, Мариенбургъ и Данцигъ.

На Рижскомъ Съѣздѣ было иностранныхъ гостей больше, чѣмъ бывало прежде, и мы съ искренней благодарностью и отзывчивостью вспоминаемъ ихъ дружеское, сердечное отношеніе къ русскимъ братьямъ. Тутъ были: г-жа Нуталль изъ Филадельфіи; гг. Беценбергеръ изъ Кенигсберга; Бульмерингъ изъ Марбурга; Бухгольцъ, Вирховы отецъ и сынъ, Коссина, Фоссъ—изъ Берлина; Гремплеръ изъ Бреслава, Конвенцъ изъ Данцига, Муиро изъ Эдинбурга. Изъ нихъ д-ръ Конвенцъ привезъ на выставку слѣпки съ вещей Данцигскаго Музея и нарочно для Съѣзда изданный объяснительный текстъ; г. Беценбергеръ посвятилъ Съѣзду свою брошюру о раскопкахъ въ Роминтенъ и организовалъ поѣздку въ Кенигсбергъ, Мариенбургъ и Данцигъ.

Для участниковъ этой поѣздки прусское правительство вдвое понизило цѣну проѣзда; представители общества, съ намѣстникомъ провинціи, г. Гослеромъ во главѣ, радушно встрѣчали и принимали русскихъ гостей, а ученые братья привѣтливо руководили осмотрами музеевъ и другихъ достопримѣчательностей. Всего поѣздка взяла шесть дней, 16 — 21 августа. Въ Данцигѣ былъ осмотрѣнъ подъ руководствомъ проф. Йенша Восточно-Прусскій Провинціальный музей: естественно-историческій и археологическій, гдѣ хорошо представленъ каменный вѣкъ, бѣдно, какъ и въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, бронзовый, богатъ и разнообразенъ желѣзный. Далѣе въ Худо-

жественно-промышленномъ музеѣ интересы были старинныя нѣмецкія издѣлія изъ желѣза и рѣзныя работы изъ дерева, а также образцы фарфора берлинскаго и мейсенскаго. Въ королевской библіотекѣ привлекала вниманіе „серебряная библіотека“ герцога Альбрехта, вся въ серебряныхъ—чеканныхъ, гравированныхъ, позолоченныхъ переплетахъ XVII в. ¹⁾. Далѣе, въ первый день осмотрѣны были: университетъ, королевскій замокъ, янтарный музей г. Беккера. На другой день, подъ руководствомъ г. Бенценбергера, смотрѣли музей археологическаго Общества Prussia (Prussia—Museum), помѣщающійся въ отдѣленіи стараго королевскаго замка. Какъ въ Провинціальномъ музеѣ, такъ и здѣсь, особенно поучительна строгая научная систематичность въ распредѣленіи предметовъ. Кромѣ рисунковъ, иногда обрядъ древняго погребенія иллюстрируется цѣлыми костяками, представленными въ томъ положеніи, въ какомъ они были найдены въ курганѣ. Длинные полки заняты погребальными урнами различныхъ размѣровъ. Много рыцарскихъ доспѣховъ исторической эпохи. Осмотрѣны далѣе готическій соборъ—усыпальница герцоговъ, а затѣмъ въ окрестностяхъ города янтарныя копи г. Беккера и замокъ гр. Денгофа ф. Фридрихштейнъ, съ восточнымъ собраніемъ ковровъ и серебра, съ историческими портретами и картинами.

Въ Мариенбургѣ, гдѣ принималъ гостей г. Гослеръ, осмотрѣны замокъ—резиденція магистровъ тевтонскаго ордена въ XIV в. (прусское правитель-ство приступило къ обширной реставраціи замка, руководясь отчасти остатками замковъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ). Небольшой дворъ окаймленъ аркадами и галлерейми, на которыхъ можно замѣтить вліяніе Востока. Въ длинныхъ, высокихъ залахъ рыцарскихъ собраній сохранились фресковые портреты магистровъ; въ одной изъ комнатъ собраны старинныя доспѣхи и сундуки. Въ капеллѣ св. Дѣвы—фрески XV в., рѣзной золоченый алтарь, рѣзныя дубовыя мѣста для рыцарей.

Въ Данцигѣ интересна была уже самая поѣздка по городу, сохранившему вполне фізіономію стариннаго сѣверо-нѣмецкаго и при томъ весьма красиваго и богатаго города. Оригиналенъ былъ чай въ биржевой залѣ, въ вечеръ приѣзда: высокіе готическіе своды украшались паникадилами, какія еще можно встрѣтить въ нашихъ старинныхъ церквахъ, а изъ глубины сводовъ спускались внизъ старинныя модели парусныхъ кораблей, указывающихъ на торговое могущество Данцига въ былое время. Стѣны украшены старинными фресками, изображающими міеологическіе или историческіе сюжеты. Мѣстами бросались въ глаза лѣпныя и раскрашенныя фигуры историческихъ лицъ; между прочимъ, выдѣлялась на стѣнѣ большая фигура польскаго короля Казимира Великаго, свидѣтельствующая о томъ времени, когда Гданскъ былъ польскимъ городомъ. Въ одномъ изъ угловъ залы обращаетъ на себя

¹⁾ Описаніе ея роскошно издано въ Лейпцигѣ: Schwenke u. Lange - Die Silberbibliothek Herzog Albrecht v. Preussen, 1894.

вниманіе изразцовая печь огромной высоты замѣчательной работы — изъ изразцовъ съ рельефными портретами и орнаментами въ стилѣ ренессансъ.

Утромъ г. Конвенцъ показывалъ провинціальный музей, гдѣ особенно интересно было собраніе лицевыхъ погребальныхъ урнъ и вещи изъ славянскихъ городищъ и могилъ. Далѣе, смотрѣли ратушу съ превосходнымъ собраніемъ старинной мебели и соборъ, богатый драгоцѣнными тканями (арабскія X—XI в.). За городомъ осмотрѣвъ цистеріанскій Оливскій монастырь.

V

Археологическая хроника.

По недостатку мѣста, мы ограничимся въ этомъ выпускѣ указаніемъ на немногія, особенно выдающіяся находки и открытія.

— Во Владимірѣ на Клязьмѣ, при земляныхъ работахъ, нашли позади древняго городского вала, у Владимірской часовни, на глубинѣ 2 аршинъ, глиняный горшекъ съ драгоцѣннымъ кладомъ княжескаго времени. Вещи сходны съ кладомъ, найденнымъ во Владимірѣ же въ 1865 г. (принадлежатъ Императорскому Эрмитажу и описанъ В. В. Стасовымъ въ VI т. Изв. Имп. Археол. Общ.). Его составляютъ: 1) Серебряная витая гривна. 2) Кружево изъ сквозныхъ репьевъ, убранныхъ сканью и укрѣпленныхъ по три въ рядъ на стержняхъ увитыхъ нитью; 12 такихъ проволокъ съ репьями соединены въ рядъ витой проволокой; вся работа серебряная. 3) Двѣ совершенно одинакія подвѣсныя золотыя „запоны“ (серьги?) съ перегородчатой эмалью: изображеніе молодого мученика (юноша въ нимбѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ, въ богатой одеждѣ), а кругомъ, въ особыхъ кружечкахъ, орнаментъ ёлочкой; къ „запонамъ“ — золотыя цѣпочки. 4) Три запястья изъ серебряныхъ прямоугольныхъ пластинокъ, скрѣпленныхъ по двѣ на петляхъ, съ выбитыми вглубь рисунками въ стилѣ византійскихъ перевитыхъ заставицъ, геометрическихъ и звѣриныхъ. 5) Четыре большіе дутые звѣздообразные репья изъ серебра съ зернью. 6) Серебряный витой браслетъ, съ разъединенными концами.

— Въ Пермской губерніи, на лѣвомъ, нагорномъ берегу Камы, въ 18 в. ниже Перми и въ 3 в. выше селенія Нижніе Мулы, Н. Н. Новокрещеныхъ, предсѣдатель Пермской Архивной Коммисіи, произвелъ раскопку Гляденовскаго городища. Площадь болѣе 200 кв. сажень

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества,
на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министертвомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описание Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тіеелісѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съезда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съезда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по археологій Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологій восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.

Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Комиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200/100, библиотекамъ учебныхъ заведеній—250/100, книгопродавцамъ—300/100.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Мериле и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Веспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орфиниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уварова 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотекамъ учебныхъ заведеній 250/100.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Версеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

Археологическая хроника.

	Стр.
Раскопки въ Виленской губ. (Ө. В. Покровскаго)	12
„ „ Херсонской губ. (В. И. Гонкевича и др.)	11, 53, 109, 155
„ „ Купянскомъ у., Харьк. губ. (В. З. Завитневича)	58
„ „ Курляндіи (К. К. Боя)	67
„ „ Херсонисѣ (г. Косцюшка-Валюжинича)	108, 226, 364
„ „ Балтійскихъ губерніяхъ (вообще)	146
„ „ Костромской губ. (Костр. Арх. Комм.)	155
„ „ с. Малой Сквиркѣ, Кіевской губ. (Н. Е. Бранденбурга)	225
„ у Пскова (г. Ушаковъ)	225
„ „ Гродны	226
„ Глядѣновскаго городища, Пермск. губ. (Н. Н. Новокрещенныхъ)	364
„ въ Ай-Тодорѣ (Вел. Кн. Александра Михайловича)	389
„ подѣ Ташкентомъ (Н. П. Остроумова)	390
„ „ Томскомъ (бар. Бая и С. К. Кузнецова)	391
Изслѣдованіе городищъ по Камѣ (г. Пономаревъ)	15
(М. Муравьевъ). Курганы и могильники по р. Лугѣ	59
Ефаевскій могильникъ	62
Могильникъ подѣ Астраханью	389
Зайсанская долина	391
Поселокъ Язно, Дисн. у. и его окрестности	389
Изслѣдованія Азовскаго моря	154
Находка мамонта въ Томскѣ	153
„ „ близъ Монса (Бельгія)	161
„ „ близъ своб. Подгорной (Ворон. губ.) и въ Ярославѣ	225
Находки каменныхъ и металлич. орудій близъ Усть-Кяхты	16
„ за 1895 г. въ Херсонской губ.	53
Мнимыя фрески въ пещерѣ близъ Кутаиса	108
Новая катакомба въ Керчи	110
Кладъ старо-польскихъ монетъ въ Варшавѣ	112
Находка мѣдныхъ вещей въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ	113
„ мѣдныхъ вещей въ Эчміадзинскомъ монастырѣ	113
Погребальная урна и другія находки въ Ловичскомъ у.	154
Надписи близъ устья Амура	158
Кладъ римскихъ монетъ въ Балтійскомъ у.	232
„ сер. копеекъ въ Ижевскомъ заводѣ	232
„ рублей XVII в. въ Самарскомъ у.	232
Металлическія вещи при с. Домницы, Подольск. губ.	232
Владимірскій кладъ великокняжескаго времени	363
Пряслица съ сибирскими рунами	364
Находки въ Ю.-З. краѣ за лѣто и осень 1896 г. (сообщ. В. Б. Антоновичъ; новгородская монетная гривна, диргема, монеты XVII вѣка, орудія каменнаго вѣка; бронзовыя: знамя и рукоятка и т. д.)	387
Кладъ въ Мариупольскомъ у. (греч. монеты и статуэтка)	389
Село Половцы, Гродненск. губ.	156
Древности Каменца-Литовскаго	231
Названія: Герцике, Кукенойсъ и Валькъ	155
500-лѣтіе кончины св. Стефана Пермскаго	148
300-лѣтіе рожденія царя Михаила Ѳеодоровича	223
Московская корона Владислава	236
Подземные ходы въ Умани	59

	Стр.
Подземелье въ Люблинѣ	114
Суда Петра Великаго въ Астрахани	113, 155
Уничтоженіе могилъ Кочубея и Искры	149
Рижскій Императорскій садъ	233
Жалованная знамена XVIII в. у Бурятъ	396
Закладная доска 1804 г. въ Одессѣ	112

Охрана и уничтоженіе памятниковъ; памятники архитектурные; древности церковныя вообще; музеи и выставки; памятники письма.

Составленіе для Св. Синода списковъ древностей, хранящихся въ церквахъ	10
Охрана памятниковъ Крыма	52
„ „ въ Эстляндіи	66
Возстановленіе Вейсенштейнскаго замка	224
Ремонтъ Моск. Успенскаго собора	107
200 лѣтіе Тверскаго собора	147
Уничтоженіе древней стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ	149
„ „ могилъ Кочубея и Искры, тамъ-же	150
Церковь кн. Андрея Курбскаго въ Смольянахъ	155
Моск. храмы времени Михаила Ѳеодоровича	223
Возстановленіе Мстиславова храма	232
Состояніе Спасо-Мирожскаго собора	232
Работы подъ Успенскимъ соборомъ Троицкой Лавры	386
Моск. церковь Троицы въ Кожевникахъ (особ. плащаница)	392
Антиминсы, собранныя въ Моск. Синодальную Контору и судьба ихъ	393
Черниговскій Преображенскій соборъ	394
Смоленская Петропавловская церковь	—
Смоленская Свирская церковь	—
Ремонты ревельской лютеранской Николаевской церкви	395
Изображенія сивиллъ въ Веневской Богоявленской церкви	16
„ „ въ Воронежскомъ Музеѣ	395
Голландскій колоколъ 1702 г., у Краснаго крыльца въ Москвѣ	150
Первый колоколъ завода Бакулева въ Слободскѣ	396
Музей Рязанской Архивной Коммисіи	13
Братины и кружки архіерейскаго дома въ Рязани	14
Музей Общ. Археол. и Исторіи въ Казани	14
Слухи о Музеѣ въ Ферганской области	52
Херсонскій Музей	53
Музей Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.	59
Императорская Публ. Библіотека	108, 159, 235
Собраніе по каменному и бронзовому вѣку о. Масленникова въ Сибири	110
Церковно-Археолог. Музей въ Витебскѣ	113
Воронежскій Музей	147
Церк.-Археол. Музей въ Ригѣ	149
Церковное древнехранилище въ Якутскѣ	149
Бурятская религіозная коллекція г. Поздѣва	155
Нижегородскій Музей	223
Японская коллекція для Акад. Наукъ	235
Шаманская коллекція г. Шимковича	396
Слюдяныя двери XVII в.	—
Даръ Е. И. В. Вел. Кн. Сергія Александровича въ Историч. Музей топорика велико-княжескаго времени	387
Археологическая выставка въ Ригѣ	66, 145
Екатерининскія выставки въ Москвѣ	110, 395

	Стр.
Историч. выставка въ Орлѣ	114
Латышская Этнографическая Выставка	146
Выставка собраній г-жи Шабельской	146
Коронаціонная выставка въ Воронежѣ	147
Выставка Имп. Археол. Коммисіи	151
Нижегородская Выставка	110, 155, 233
Пурпуровое Евангеліе Имп. Публ. Библ.	108
Новооткрытая ркп. Эксаплы Оригена	402
Фотографіи съ Супрасльской рукописи	158
Надписи съ устьевъ Амура (чжурченское письмо XV в.).	158
Восточные акты, поступившіе въ Имп. Публ. Библ.	159
Акты XVII и XVIII вѣка, поступ. въ Имп. Публ. Библ.	235
„Описаніе китайской Имперіи“ Николая Спаарія въ спискѣ XVIII в.	396

Ученыя учрежденія и общества, предпріятія, съѣзды; изданія.

Императорская Академія Наукъ	157 — 159
Работы по Литовской Метрицѣ въ Моск. Архивѣ Мин. Юст.	67
Кіевскій Центральный Архивъ	159
Слухъ объ Архивной Коммисіи въ Москвѣ	52
Костромская Архивная Коммисія	109, 148, 155, 223
Тверская Архивная Коммисія	149
Отдѣленіе по сохраненію древнихъ памятниковъ при Эстляндскомъ Литерат. Общ.	66
Общество ревнителей Русск. Истор. Просвѣщенія въ память Александра III	145
Археологическое Общество въ Перновѣ	397
Археологическая Коммисія при Имп. Моск. Археологическомъ Обществѣ	—
Общество Нестора Лѣтописца	—
Археологическій Институтъ	398
Собраніе матеріаловъ по исторіи Харьковскаго университета	148
Обработка русско-татарской хронографіи при Имп. Акад. Наукъ	157
Исслѣдованіе Шугнана и Рошана	397
Матеріалы г. Юнга по Балтійскому краю	146
Эстонскіе матеріалы истора Хурта (Гурта)	114, 146
Командировка Г. А. Халатова	159
Путешествіе г. Коробова за Мертвымъ моремъ	60
Командировка Н. П. Кондакова на Аеонъ	397
Усовершенствованіе фотографіи г. Буринскаго	158
Памятникъ А. В. Потаниной	149
Премія Лазаревскаго Института	159
„ П. Н. Батушкова	235
„ А. М. Сибирякова	235, 398
Рижскій Археологическій Съѣздъ	145, 224, 225
Предварительный Комитетъ XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ	386
Геологическій Международныи Съѣздъ 1897 г. въ Спб.	235
Журналъ: „Музей Имп. Одесск. Общества Ист. и Древн.“	59
Пожертвованіе И. А. Вахрамѣева на труды Ярославскаго Съѣзда	108
Археолог. отдѣлъ „Калужскаго Вѣстника“	399
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896, 12	—
<i>Подъѣлки</i> —Тиара Сайтафарна	239, 400
„ древностей въ Очаковѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Бердичевѣ.	399, 400

Хроника иностранная.

	Стр.
Гробница мемфисскаго періода въ Оивахъ	18
Раскопки на Кипрѣ	18
Новый домъ въ Помпеѣ	68
Развалины въ Немейскомъ озерѣ	74
Бронзовый кладъ близъ Ангулема	75
Греческія надписи острововъ	76
Некрополи на о. Родосѣ	76
Вліяніе Египта на греческое искусство	76
Находки въ Дельфахъ	77
Находка монетъ въ Микенахъ	77
Нагія богини въ восточныхъ и греческомъ искусствѣ	77
Раскраска въ античной скульптурѣ	78
Галло-римское святилище въ деп. Луары	78
Монета Императрицы Теодоры 1051—1055 гг.	79
Византійскій триптихъ XI в. (Вѣна, Венеція)	79
Раскопки въ Коринѣ	115
„ въ Египтѣ	115
Могила Аннибала	116
Раскопки на о. Филе	116
Рисунки съ колонны М. Аврелія въ Римѣ	117
Скиескія древности на Западѣ	161
Г-жа Нуталль и Пенсильванское Археол. Общ.	161
Надпись фараона Меремптаха	161
Раскопки на о. Мелосѣ	162
Антикварская выставка въ Лондонѣ	162
Венгерская юбилейная выставка	163
400-лѣтній юбилей Васка де Гама въ 1897 г.	163
Международный съѣздъ Ориенталистовъ въ 1897 г.	163
500-лѣтній юбилей Гуттенберга	164
Нумизматич. музей въ Іенѣ	237
Древній храмъ въ Понтійскихъ болотахъ	238
Бронзовый котелъ въ Зеландіи (Данія)	239
Раковинныя городища во Флоридѣ	364, 402
Даръ Е. В. Султана Лувру изъ раскопокъ Сарзекъ	401
Англійское законодательство о наслѣдованіи древностей	—
Гробница Луитиранда	—
Gazette des Beaux-Arts о древностяхъ Южной Россіи	—
Новооткрытая рукопись Эксаплы Оригена	402
Аргентинское собраніе Цавалетти	404

Засѣданія ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество. 28 ноября 1895 года: бар. Р. Р. Штакельбергъ „Предварительное сообщеніе о поѣздкѣ въ Прибалтійскій край“.—12 декабря, К. М. Быковскій „Реставрація Московскаго Большаго Успенскаго Собора“; В. И. Сизовъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Курляндскую губернію“.—9 декабря, І. І. Кузнецовъ „Новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) Собора“; С. О. Долговъ „Синодикъ Воронинской пустыни 1662 г.“; Х. И. Поповъ „Находка кувшина близъ ст. Великокняжеской“; Г. К. Богуславскій „Видъ Смоленска временъ Петра І на иконѣ смоленскихъ чудотворцевъ“.—13 февраля

1896 г., П. К. Корсунскій „Графъ М. В. Толстой и его значеніе для археологій“—20 февраля, В. А. Грингмутъ „Дипломатическій архивъ XIV в. до Р. Х.“; Г. А. Муркосъ „О путешествіи Макарія антиохійскаго въ Россію въ XVII в.“; Р. Э. Брандтъ „Черты доисторическаго быта славянъ по даннымъ языка“. 23 февраля: обсужденіе вопроса объ „Арх. Изв. и Зам.“ и выработка указаній для Самаркандскаго Музея (117—119); Годичное засѣданіе 26 февраля 1896 г.: В. К. Трутовскій „Отчетъ о дѣятельности Общества за 1895 г.“; Ф. Д. Нефедовъ „Предварительныя свѣдѣнія о раскопкахъ въ Екатеринбургской губерніи“; В. А. Городцовъ „О дюнахъ въ бассейнѣ Оки“; о. І. І. Кузнецовъ „Еще новыя данныя о построеніи Моск. Покровскаго, Василія Блаженнаго Собора“.—5 марта, А. С. Павловъ „Источникъ преданія о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ“.—15 марта: графъ П. С. Уварова „Вещи изъ могильника на р. Огеръ въ Лифляндіи; С. С. Слуцкій „Кресты въ Прибалтійскихъ раскопкахъ“.—24 апрѣля, Х. Н. Кучукъ-Іоаннесовъ „Армянскія рукописи г. Оханджаньяна“; 8 мая, В. М. Сысоевъ „Поездка къ верховьямъ Б. Зеленчука, Кубани и Тоберды“ (164—169). 5 ноября 1896 г.: гр. Уварова „Отчетъ о Рижскомъ Съѣздѣ“; Д. Н. Анучинъ „О чудскомъ жертвенномъ мѣстѣ на Глядѣновскомъ городищѣ“; В. Т. Георгіевскій „Новонайденный Владимірскій кладъ“; гр. Уварова „Топорикъ аптакварія Иванова“.—21 ноября 1896 г. И. Н. Корсунскій „Высокопресвященный Савва и его значеніе для науки, особенно археологій и исторіи“; М. Н. Сперанскій „Археологическіе и палеографическіе труды в.-пр. Саввы“; Э. И. Буслаевъ „Воспоминаніе о в.-пр. Саввѣ“; А. И. Кирпичниковъ „Къ біографіи в.-пр. Саввы“; А. Э. Мѣржинскій „Поминка по А. И. Павинскомъ“; В. А. Ульяницкій „Поминка по графѣ Э. К. Гуттень-Чапскомъ“ (405—411).

Восточная Коммиссія Импер. Московск. Археол. Общества. 23 декабря 1895 г.: М. В. Никольскій „Новые труды по ассириологій и библейской наукѣ“. — 15 февраля 1896 г.: А. Е. Крымскій „Картины изъ исторіи суффизма въ IV вѣкѣ гиджры“; М. О. Аттая „Рукописный арабскій переводъ псалтири въ стихахъ“ (170).

Славянская Коммиссія Импер. Моск. Археол. Общества. 7 ноября 1895 г.: П. А. Лавровъ „О жизни и ученой дѣятельности П. І. Шафарика“; Р. Э. Брандтъ „Обозрѣніе трудовъ Шафарика, какъ изслѣдователя славянскихъ языковъ и письма кирилловскаго и глаголическаго“ (стр. 19). — 8 декабря В. Э. Миллеръ „Былина объ Иваниѣ, Гостинномъ сынѣ“; П. А. Лавровъ „О переводчикѣ Александріи Псевдо-Калисеена въ архивномъ списокѣ“; М. В. Довнаръ-Запольскій „Къ исторіи польско-литовской борьбы за Волинь (договоры 1366 г.)“ (80—81). — 4 января 1896 г. И. А. Линниченко „Князь и бояре Гурко“; А. Е. Крымскій „О похоронныхъ причитаньяхъ сѣвернаго края“; Ирина А. Федосова „Пѣсни, причитанія, присказки“.—1 марта С. О. Долговъ „Второе хожденіе Варсонофія въ Св. землю“; А. И. Яцимирскій „Литературныя произведенія, приписываемыя Павлу Митр. Сарскому“.—13 апрѣля: М. Н. Сперанскій „Гадательныя псалтири“ (171—172).—1 октября 1896 г.: А. И. Яцимирскій „Повѣсть о Дракулѣ въ трудѣ румынскаго ученаго, Богдана“; П. А. Лавровъ „Языкъ грамотъ султана Селима къ вел. кн. Василию Іоанновичу“; онъ-же „Кѣмъ, когда и гдѣ была напечатана первая болгарская сказка“ (411—412).

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ 27 января 1896 г.: В. О. Эйнгорнъ „Заказъ московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 году“; С. М. Сяроткинъ „Къ исторіи канонизаціи въ русской церкви“.—24 февр. М. К. Любавскій „Къ исторіи литовско-русскаго сейма“.—18 марта 1896 г., В. О. Ключевскій „О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.“—24 апрѣля, В. О. Ключевскій „Св. Стефанъ епископъ Пермскій“ (172—174).—24 октября 1896 г., А. Н. Зерцаловъ „Новыя данныя о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“ 6 ноября 1896 г.: В. О. Ключевскій „О трудахъ Императрицы Екатерины по русской исторіи (412—413).

Московское Архитектурное Общество. 13 октября 1896 г.: В. А. Гамбурцевъ „Обрядъ оклада деревянныхъ и закладки каменныхъ зданій“.—24 октября К. М. Бы-

ковскій „По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества“. — 7 ноября 1896 г., А. А. Потаповъ „О кремлевскомъ дворцѣ XVII в.“ (413—414).

Императорское Русское Археологическое Общество. Общія засѣданія. Годовое засѣданіе 12 марта 1896 г.: Отчетъ за 1895 г. (174).—17 мая: С. А. Жебеловъ „О фрескахъ вновь открытой Керченской катакомбы“ (241).—6 ноября А. Н. Щукаревъ „О тиарѣ царя Сайтаферна“ (414).

Русское Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общ. 2 декабря 1895 г.: А. А. Спицынъ „Домсторическія древности Саратовскаго края“; М. Н. Крашенинниковъ „Письма царя Іоанна Грознаго къ импер. Максимиліану“.—19 декабря; Ѳ. А. Браунъ „О бастарнахъ въ Южной Россіи“; М. А. Дьяконовъ „Къ вопросу о бобыляхъ древней Руси“. (19—20)—30 января 1896 г.: Н. И. Веселовскій „О погребеніи съ конемъ на сѣв. Кавказѣ и въ Крыму“; С. А. Адриановъ „О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермокаго племени“. (82)—27 февраля: Н. П. Павловъ-Сильванскій „Закладничество въ Моск. государствѣ XVI—XVII вв.“; Н. И. Веселовскій „Мѣдный котелъ изъ Туруханска“ (176—177). 29 октября: С. В. Рождественскій „О служинихъ земляхъ“; С. В. Платовъ „Какъ сложилась территория опричины“; Н. К. Реттихъ „Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины“ (414).

Классическое Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 15 января 1896 г.: Я. И. Смирновъ „О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Фессалии, Солуни и Кипра“; С. А. Жебеловъ „Алжирскіе и Тунисскіе музеи“ (21). 5 февраля; Я. И. Смирновъ „Поездка по Малой Азіи“; В. В. Латышевъ „Надпись III в. до Р. Х. изъ Горгоніи (Анапа)“. 19 февраля: С. А. Жебеловъ „Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова“; М. И. Ростовцевъ „Помпеи за 1893—95 гг.“.—11 марта: Ѳ. Ф. Зелинскій „Софокль-врачъ“. 16 апрѣля 1896 г.: Р. Х. Лешнеръ „Тридцать тиранновъ“; П. А. Сырку „Два христіанскіе рельефа изъ Чепина въ Болгаріи“. 10 мая 1896 г.; С. А. Жебеловъ „Inscriptioes graecae insularum maris Aegaei“; К. Н. Лишинъ „Вновь открытое Евангеліе VI—VII вв. (175—176).—14 октября: Б. В. Фармаковскій „Стѣнная живопись Микенской эпохи“; С. А. Жебелевъ „Левинская надпись-рецептъ“. 18 ноября 1896 г.: С. А. Жебелевъ „Объ аѳинскихъ тиранахъ Аѳиніонѣ и Аристіонѣ“ (414).

Восточное Отдѣленіе Импер. Русск. Археол. Общества. 31 января 1896 года: Г. Д. Кудравскій „Грихья-Сутра какъ источникъ для изученія индо-европейской бытвой культуры“ (83).—29 февраля: В. Д. Смирновъ „Иносказательная апологія дервишизма“; Б. А. Тураевъ „Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики“. 14 марта: А. Я. Гаркави „Новыя находки въ собраніи рукописей Фирковича“; Н. И. Веселовскій „Надгробная мечеть Тимура“; бар. В. Р. Розень „Персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Іосифѣ“.—9 мая 1896 г.: А. К. Марковъ „О нѣкоторыхъ монетахъ Газанъ-Махмуда“; Н. Я. Марръ „Грузинскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ“; А. О. Ивановскій „Молитвенныя знамена“ (177). 11 октября 1896 г.; В. Д. Смирновъ „Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи“; бар. В. Р. Розень „Диванъ Ибнъ-Хозмана въ изд. бар. Гинцбурга“ (417).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности. 1 дек. 1895 г.: Н. В. Волковъ „О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія“; С. Ѳ. Платонова „Къ исторіи политической письменности въ Смутное время“ (21).—26 января 1896 г.: П. П. Барсуковъ „Къ исторіи изданія пушкинскаго (лаврентьевскаго) списка лѣтописи преп. Нестора“, В. Н. Перетцъ „Апокрифическое пророченіе о Христѣ въ кумирнѣ Аполлона“ (83).—16 февр.: В. В. Стасовъ „Нѣсколько миниатюръ греческихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вв., и джагатайской XVI в.“, С. В. Максимовъ „Секта бѣгуновъ“.—1 марта: А. Н. Петровъ „Азбуковники по Аванасьевскому сборнику конца XVII в.“;—15 марта: А. К. Бороздинъ „Нѣкоторыя сочиненія Андрея Денисова“ изъ собранія Богданова“; Н. А. Смирновъ „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской

Руси XVII в.; X. М. Лопаревъ „Посланіе русскихъ людей къ Сиксту IV“.—Годовое засѣданіе 5 апрѣля: Д. Ф. Кобко: „Посланіе іерусалимскаго патріарха Іоакима къ в. кн. Василью Васильевичу“; В. В. Майковъ „Рукописный сборникъ 1707 г., съ гравюрами, изъ собрания графа С. Д. Шереметева (178—181).—1 ноября: В. В. Майковъ „О моленіи Данила Заточника“; П. К. Шефферъ „О рукописи Кириши Данилова“—22 ноября: В. И. Ламанскій „Прологъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, XIV в.“; А. И. Соболевскій „Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII вв.“; Н. П. Дячачевъ: а) „Объ иконописцахъ краткаго подлинника“; б) Прозвище в. кн. Ивана III“; в) „Родъ Адашевыхъ и Государевъ родословець“ (416—417).

Антропологическое Общество въ СПб. 23 ноября 1896 г.: В. В. Передольскій „Поѣздка по берегамъ р. Енисея“ (417—418).

Историческое Общество Нестора Летописца. 20 ноября 1896 г.: И. М. Каманинъ „Чигиринскій подстароста Данилъ Чаплицкій“; В. Г. Ляскоронскій „Историческія карты и атласы XVI и XVII вв. съ данными по исторіи Южной Россіи“; М. Ю. Ясинскій „Рижскій Археолог. Съѣздъ“.

Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологій: 11 декабря 1895 г. открытіе кружка. 22 января 1896 г.: Е. Т. Смирновъ „Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента“—26 февраля 1896 г. Н. Ф. Петровскій, Н. С. Лыкошинъ, В. А. Каллауръ, М. С. Косцѣвичъ, И. Т. Пославскій—краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, М. С. Андреевъ „Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи“.—1 апрѣля 1896 г.: М. С. Андреевъ „Осмотръ пещеры Кон-я-гутъ и ущелья Варухъ“ (241—242).

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополь: Ф. И. Успенскій „Причины раздѣленія Римской Имперіи и большей устойчивости Восточной ея половины“ (131).

Стр.

X Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ 277—363

Засѣданіе Совѣта Съѣзда	277
Общія засѣданія Съѣзда	278, 281, 333, 349, 350
Засѣданія отдѣленій: древностей первобытныхъ	300, 317, 335, 342
„ древностей историко-географическихъ и этнографическихъ	303, 321, 344 bis
„ памятниковъ искусствъ и художествъ	294, 304, 310, 325
„ памятниковъ быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго	291, 313, 330
„ древностей церковныхъ	296, 323
„ памятниковъ языка и письма	292, 306, 340
„ древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ	283, 294, 304, 310, 325
„ нумизматики и сфрагистики	344
„ памятниковъ археологическихъ	288, 338

Доклады и рѣчи:

Айналовъ, Д. В.—Древне-христіанскій саркофагъ, вновь найденный въ Константинополь	284
Андерсонъ, К. И.—Этимологія названій: kantele kantles и т. д.	348
„ Этимологія названій: Біармія, Пермь, Пермьки и Зыряне	350
Антоновичъ, В. Б.—Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ	317
„ Понятка группировки городищъ по ихъ контурамъ, въ бассейнѣ Днѣпра	336
Анучинъ, Д. П.—Христіанскіе кресты и образки въ могилахъ средней и западной Россіи	318

	Стр.
Аппельгрень, Я.—О новомъ способѣ чистки и сохраненіе металлическихъ предмет.	300
Багалъй, Д. И.—Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи . . .	291
„ Книги ливонскаго хохтериха XVII в. въ архивѣ рижскаго окружнаго суда	338
„ Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей	339
Берзинь, А. А. Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсень	341
Бецценбергеръ, А.—О Гудахъ.	299
Билештейнъ, пасторъ А.—Древне-латышскія городища	287
„ Деревянный вѣкъ латышей.	299
Билештейнъ, пасторъ Э.—Значеніе латышскихъ народныхъ пѣсень для археологіи.	346
Бой К. К.—Курляндскіе могильники	328
Бокъ, В. Д.—Опытъ примѣненія способа Крефтинга	342
Бранденбургъ Н. Е.—Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей	301
Бруйнинъ бар. Г.—Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ Обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ	284
Будиловичъ А. С.—Задача славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ теперешней Венгріи	321
Бѣлюковъ, С. А.—О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI в.	307
„ О новыхъ документахъ, касающихся Крижанича	341
Бѣляшевскій Н. Ф.—Инфлянтская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ XVI в.	290
„ Дневникъ Полубинскаго изъ эпохи войнъ за Ливонію	304
„ Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи	343
Вирховъ Р.—О древнѣйшихъ жителяхъ сѣв. Европы и Ливоніи	314
Военскій К. А.—Достопримѣчательности современной Митавы и исторія Митавскаго замка	288
Вульфъ, О. В.—Древности Никомиди	313
„ Возстановленіе константинопольскаго храма свв. Апостолъ на основаніи вновь найденнаго описанія	326
Высшее Училище въ Софіи (Болгарія)—Предложеніе обмѣна изданій	291
Германъ К. А. Объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей	348
„ Сумерійскій языкъ и его отношеніе къ угро-алтайскимъ языкамъ	350
Голубцовъ А. П.—О началѣ, первыхъ дѣятеляхъ и направленіи иконописной школы Троицкой Лавры	323
Гремплеръ д-ръ. О средневѣковыхъ бронзахъ, примѣнительно къ чашѣ найденной въ Паддесѣ	298
„ О рисункахъ на доисторическихъ сосудахъ.	300
Гросвальдъ Э. П.—Отчетъ объ устройствѣ Латышской выставки	281
Дидерихсъ—Герцогскій архивъ въ Митавѣ.	338
Добрынкинъ Н. Г.—Иконографическія формы великомученика Никиты	324
Дьяковъ М. А.—Монастырскіе дѣтеныши въ Московскомъ государствѣ въ XVI XVII вв	313
Ефименко, А. Я.—Археологическія формы землевладѣнія у германцевъ и у славянъ	313
Звѣревъ, о. С. Е.—Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій період	332
Истоминъ, М. П.—Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ	297
„ Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г.	330
Кащенко, Н. Э.—Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта	300
Кирпичниковъ, А. И.—Старофранцузскія сказанія о Рождествѣ Христовѣ и ихъ отраженія въ искусствѣ	297
„ Къ литературной исторіи лѣтописныхъ сказаній.	332
Конвентцъ, д-ръ—Живые свидѣтели старины въ Прибалтійскомъ краѣ	329
Корсаковъ, Д. А.—Памяти А. К. Жизневскаго.	288

	Стр.
Кочубинскій, А. А.—Территорія до-исторической Литвы	303
„ объясненіе слова „оспохна“	294
Крюгеръ, И. Д.—О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка.	340
Кулаковскій, Ю. А.—Раскопки крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.	337
Лавровскій, Н. А.—Рѣчи.	278, 335
Левисъ офъ Менаръ, К.—Карта Ливоніи въ Средніе вѣка	348
Лудмеръ, Я. И.—О русской и нѣмецкой генеалогической литературѣ	331
Мальмбергъ, В. К.—Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи	310
Маркевичъ, А. И.—Русскій городъ Рига на Дону	292
„ О чеканкѣ русскихъ монетъ въ Кокенхузенѣ въ половинѣ XVII вѣка	345
Меттигъ, К.—Объ опредѣленіи происхожденія бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ ливонскихъ могильникахъ	316
Миловидовъ, А. И.—Церковно-археологическіе памятники Пинска	327
Милюковъ, П. Н.—Раскопки рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.	342
Мищенко, О. О.—Извѣстія Геродота о внѣ-скинскихъ земляхъ Россіи	294
Мочульскій, В. Н.—Апокрифическое житіе св. Петра.	294
Нотбекъ, Е. Э. фонъ—О мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ	351
Паевскій, о, Л. С.—Камсенецъ-Литовскъ и его древніе храмы.	306
Павловскій, А. А.—Фрагменты классической скульптуры, найденные Русскимъ Археолог. Институтомъ въ Константинополѣ	311
Петровъ, Н. И.—Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг.	296
Петръ, В. И.—Гармоническій складъ праарійской пѣсни	333
Погодинъ, П. Д.—Археологическая поѣздка по сѣверной Болгаріи	295
Покровскій, Н. В.—Русская старина въ Ригѣ	323
Покровскій, О. В.—Къ изслѣдованію кургановъ на литовско-бѣлорусскихъ окраинахъ.	335
Пѣтуховъ, Е. В.—Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древнерусскую	292
„ Нѣкоторые историческіе и литературные памятники, связанные съ имениемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.	340
Рейснеръ, К. К.—Финскія племена въ доисторическую эпоху.	345
Рѣдинъ, Е. К.—Мозаики равеннскихъ церквей.	324
„ введене къ докладу П. Д. Погодина	295
Саксендаль, д-ръ.—О значеніи печатей въ исторической наукѣ	304
„ Система вѣса XI и XII в. въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи.	347
Смирновъ, И. И.—Дмитріевскій могильникъ Елабужскаго уѣзда.	336
„ Древній бытъ восточныхъ финновъ по даннымъ этнографіи	344
Сизовъ, В. И.—Характерныя черты могильника въ Пасильнѣ въ Курляндіи.	349
Соболевскій, А. И.—объясненіе слова „оспохна“	294
Спицынъ, А. А.—Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскаго края Россіи	321
Сусловъ, В. В.—Новгородскій Софійскій соборъ	304
Тураевъ, Б. А.—Вопросъ о финнікіянахъ на Балтійской морѣ	333
Троицкій, Н. И.—Вліяніе космологіи на иконографію византійскаго купола (по поводу новооткрытыхъ фресокъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ)	306
Уварова, граф., П. С.—Отчетъ Предварительнаго Комитета Съѣзда.	278
„ Итоги Съѣзда.	351
Успенскій, О. И.—Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ	281
„ Вновь открытый пурпуровый кодексъ Евангелія	309
„ Археологическіе памятники города Никеи	325
„ Болгарія въ археологическомъ отношеніи	350
„ Отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда	351

	Стр.
Филевичъ, И. П. - Нѣсколько словъ по поводу разработки географической номен- клатуры	322
Филипповъ, А. Н. - Матеріалы для исторіи Прибалтійскаго края въ русскихъ цен- тральныхъ архивахъ	289
Хакманъ, д-ръ.—Бронзовый вѣкъ Финляндіи	329
Хаусманъ, Р.—Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе	282
„ Разные типы ливонскихъ могильниковъ	315
Ховенъ, А. фонъ—Городище Пунамэги	328
Хайновскій, І. А.—Курганы окрестностей г. Канева Кіевской губ.	344
Хуртъ, пасторъ, Я. А.—Собрание произведеній эстонской народной словесности	288
Черепнинъ, А. И.—Рязанско-окскіе могильники	343
„ Новый матеріалъ къ вопросу о связи между денежной и вѣсовой си- стемой	346
Четыркинъ, И. Д.—Такъ называемый „домъ Маринны Мнишекъ“ въ Калугѣ	295
„ Изображенія великомученика Никиты	324
Штернъ, К., фонъ.—Торговые пути ганзеватовъ въ Великій Новгородъ	291
Штернъ, Э. Р., фонъ.—Поддѣлки классическихъ древностей на югѣ Россіи	283
Якубовъ, К. И. О происхожденіи слова „Русь“	344
Поѣздки, осмотры и раскопки	357
Засѣданія: Рижскаго Латышскаго Союза 31 іюля и Рижскаго Общества Испыта- телей Природы 10 августа	360
Поѣздка въ Кенигсбергъ, Мариенбургъ и Данцигъ	316

Вибліографія

Алексѣй Михайловичъ, царь,—Письма (Письма Русскихъ Государей, вып. V. Изд. Комм. печ. Гос. Грамотъ и Дог. М. 1896 г.)	260
Антоновичъ, В. Б.—Археологическая Карта Кіевской губ. (приложеніе къ XV т. „Древностей“ Императ. Моск. Археол. Общ., Москва 1895 г.	84
Архивныя Коммисіи:	
Нижегородская—см. „Дѣйствія“.	
Рязанская—см. „Отчетъ“ и „Труды“.	
Симбирская—см. „Отчетъ“.	
Таврическая—см. „Извѣстія“.	
Н. Н. Вантышъ-Каменскій.—Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ	424
Бахрушинъ, А. П.—Ризница ставропигіального Симонова монастыря въ Москвѣ, Москва, 1895 г.	186
Бокачевъ, Н.—Каталогъ русской исторической и археологической бібліотеки т. II, вып. 2 и 3 Спб. 1896 г. (<i>С. Щуровъ</i>)	191
Виленская Публичная Библіотека—Описаніе рукописнаго отдѣленія—Вильна 1895 г. (<i>М. Д.-З.</i>)	190
Выставка изображеній Христа—см. „Каталогъ“ и „Фишеръ К. А.“.	
Г. М.—см. (Мещериновъ Г.).	
Дѣйствія Нижегородской Губернской Архивной Коммисіи, т. II, вып. 15. (<i>Н. Ч.</i>)	256
Записки Имп. Русс. Археологическаго Общества т. VII, вып. 3—4 Спб. (<i>М. См.</i>)	120
„ „ „ Археол. Общ. т. VIII, вып. 3—4 Классич. Отд., кн. I Спб. 1896 г.	262
Записки Восточнаго Отд. Имп. Русс. Археол. Общества т. IX, 1—4. Спб. 1896 г.	265
Записки науковаго товариства імени Шевченка (У Львови 1895) т. V—VIII (<i>М. Д.-З.</i>)	91
Ивановъ, П. А.—Историческія судьбы Волинской земли съ древѣйшихъ временъ до конца XIV в., Одесса 1895 г.	87

	Стр.
Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 24. Симфер. 1896 г.	257
Канавинъ, А.—Рижская Троице-Задвинская церковь. Рига 1896 г.	438
Каталогъ Выставки типовъ Христа. М. 1896 г.	182
Комиссія Печатанія Госуд. Грам. и Дог.—см. Алексѣй Михайловичъ.	
Матеріалы по археології Кавказа, собранные экспедиціями Импер. Моск. Археол. Общ., снаряженными на Высочайше дарованныя средства, вып. V: Клинообразныя надписи Закавказья, изслѣдованіе М. В. Никольскаго.	442
М(ещериновъ), Г. (И.)—Замѣтка о домѣ Романовыхъ (въ „Русс. Старинѣ“ 1896 г. 7).	246
” ” ” о родѣ князей Шуйскихъ (тамъ же)	246
Никольскій, М. В.—Клинообразныя надписи Закавказья—см. Матеріалы по археології Кавказа, вып. V.	442
Оссовскій, Г.—Отчетъ (4-й) объ археологической экскурсіи въ Галицію въ 1892 г. Краковъ, 1895 г. (<i>Н. Янчукъ</i>).	88
Отчетъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1894 г. (<i>Н. Ч.</i>)	254
Отчетъ Симбирской Ученой Архивной Комиссіи за 1895 г. Симб. 1896 г.	189
Петровъ, Н. И.—Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Киевской Духовной Академіи. Киевъ 1896 г.	188
Письма русскихъ госуд., вып. V, см. Алексѣй Михайловичъ.	
Поливановъ, В. Н.—Муранскій могильникъ. Москва 1866 г. (<i>В.—ій</i>).	437
Г. Саблеръ.—Собраніе русскихъ памятниковъ изъ архива графовъ Делагарди	424
Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. Б.—Мѣсто рожденія В. Госуд. и Царя Михаила Феодоровича Спб. 1895 г.	244
Сергій, архіеп. Владимірскій, Д. В.—Препод. Михаилъ Маленъ. Вязники 1896 г.	245
Синицынъ, П. В.—Преображенское и окружающія его мѣста. М. 1895 г.	187
Смирновъ, И. Н.—Мордва (историко-географической очеркъ). Казань, 1895 г. (<i>Н. Х.</i>)	90
Страховъ, свящ. С.—Московская Воскресенская въ Кадашевѣ церковь. Москва 1895 г.	440
Сѣцинскій, свящ. Е.—Городъ Каменецъ-Подольскій. Киевъ 1895 г. (<i>Н. Чулковъ</i>)	253
Труды Моск. Предвар. Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, т. II. М. 1896 г.	444
Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1895 г.	24, 255
Таврическая Ученая Архивная Комиссія—Извѣстія, № 24. Симферополь. 1896 (<i>Н. Ч.</i>)	257
Трусманъ, Ю. Ю.—Чудскія письма. Ревель 1896 г.	436
Фишеръ, К. А.—художественная фототипія—Въ память Выставки изображеній Христа М. 1896 г.	182
Церковно-Археол. Общ. въ Киевѣ—см. Петровъ, П. И.	
Черепнинъ, А. И.—Очерки доисторическаго прошлаго Рязанскаго края. Рязань, 1896 г. (<i>В. И. Сизовъ</i>)	84
Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ 1896 г. кн. 3 (178)	261
Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1896 г. кн. 4 (179)	439
Щукинъ, П. И.—Краткое описаніе Щукинскаго Музея въ Москвѣ. М. 1895 г.	182
Щукинъ, П. И. и Е. В. Федорова.—Опись старинныхъ вещей собранія Щукина, часть I. М. 1895 г.	185
Яцмирскій, А. П.—Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія Щукина. М. 1896 г.	185
А.—Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów Szujskich. Krakow, 1894 (<i>В. У.</i>)	194
Beiträge z. Kunde Ehst-, Liv- u. Kurlands, herausgegeben v. d. Ehstn. Literär. Gesellsch., V, 1, 1896.	430
Bezzenberger, A.—Das Gräberfeld bei Rominten. Königsberg i. Pr. 1896	434
Fr. Bienemann jun.—Briefe u. Aktenstücke z. Geschichte d. Verteidigung u. Kapitulation Dorpats 1656 (<i>С. С.</i>)	427

	Стр.
A. Buchholtz.—Bibliographie d. Archäologie Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1896.	418
Bysantinische Zeitschrift, IV Band, III - IV Heft. Leipzig, 1895 (<i>Е. Рѣдинъ</i>)	23
„ „ „ V B., I Heft (<i>Е. Рѣдинъ</i>)	196
Culin, Stewart. - Korean games. Philadelphia, 1895.	267
Dorn, B.—Bemerkungen auf Anlass einer Wissenschaftlichen Reise in d. Kaukasus, St.-P. 1895 (<i>А. Хахановъ</i>)	195
Hedenström A. v.—Die Beziehungen zw. Russland u. Brandenburg während des ersten nord. Krieges. Marburg, 1896.	429
Heydeck, J.—Preussische Armbrustfibeln u. ihre römischen Nachbildungen (<i>таблица; С. С.</i>)	435
Jahrbuch d. Kais. deutschen Archäol. Instituts, Band XI, I Heft, Berlin, 1896 (<i>М. Сн.</i>)	199
Katalog der Ausstellung z. X Archäol. Congress in Riga, 1896 (<i>С. С.</i>)	419
K. Löwis of Menar.—Livland im Mittelalter (<i>Капра</i>). Reval, 1895	420
Mittheilungen d. Kaiserlich Deutschen Archäol. Instituts. Römische Abtheilung, B. X, Rom, 1896 (<i>М. Сн.</i>)	200
E. v. Nottbeck und Wilh. Neumann.—Geschichte u. Kunsdenkmäler d. Stadt Reval, B. I. Reval, 1896.	422
Repertorium f. Kunstwissenschaft, XVIII B., 5 Heft (<i>Е. Рѣдинъ</i>)	196
Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde u. f. Kunstgeschichte, 4 Heft, 1895 (<i>Е. Рѣдинъ</i>)	22
S. Sitzka-Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, Jurjew, 1896 (<i>С. Б.</i>)	421
Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte u. Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem J. 1895. Riga, 1896 (<i>С. С.</i>)	121
Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1895. Юрьевъ, 1896 (<i>С. С.</i>)	125
„ d. Archäolog. Gesellschaft zu Berlin (<i>М. Сн.</i>)	200
„ d. Kurländischen Gesellschaft f. Literatur u. Kunst., 1895. Mitau, 1896.	247
Snellmann, A.—Auszug aus d. Abhandlung „Die Ostseefinnen zur Zeit ihrer Unabhängigkeit“ (<i>Н. X.</i>)	433
Transehe-Roseneck A. v.—Die Eingeborenen Altlivlands im XIII Jahrh. (<i>Н. X.</i>)	433
Weinberg, R.—Ueber einige Schädel aus älteren Letten-, Liven- u. Estengräben, 1896 (<i>Н. X.</i>)	432
Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien u. d. Herzogovina, B. III. Wien, 1895 (<i>М. Сн.</i>)	197

† Некрологъ.

A. П. Богдановъ.	128
A. К. Жизневскій	129
Баронъ Ѡ. А. Бюлеръ	201
Н. И. Суворовъ	202
A. Я. Фриде	268
Савва, архіеп. Тверской	(444)
A. И. Павинскій.	(444)
Прот. П. Г. Лебедянецъ.	444
И. А. Голышовъ	445

ИЗДАВЛЕНЫА

ИМПЕРАТОРСКИА ПЛОСКОВСКИА АРХЕОЛОГИЧЕСКИА ОБЩЕСТВАИА

Къ юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

15 декабря одно изъ старѣйшихъ нашихъ археологическихъ Обществъ, Императорское Русское въ С.-Петербургѣ, праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. Редакція „Археол. Изв. и Зам.“ приноситъ свой сердечный привѣтъ, свое выраженіе глубокаго почтенія заслуженному и славному старшему брату Моск. Археол. Общества.

Съ глубокой признательностью почитая заслуги Русскаго Археологическаго Общества для роднаго просвѣщенія, для развитія пониманія старины, для строго научнаго изслѣдованія ея, благодарно вспоминая рядъ превосходныхъ, поучительныхъ трудовъ, обнародованныхъ Обществомъ въ его „Мемуарахъ“, „Трудахъ“, „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“, и въ отдѣльныхъ величавыхъ изданіяхъ,—мы съ особенно теплымъ чувствомъ оглядываемся на тѣ братскія, сердечныя связи, которыя сохранялись между нашими обоими Обществами въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ. Связи эти отличались особенной живостью въ первые годы нашего Общества, юнаго, нуждавшагося въ поддержкѣ и основаннаго однимъ изъ тѣхъ, кто въ 1846 г. стоялъ въ числѣ учредителей Петербургскаго „Археолого-нумизматическаго Общества“. Но онѣ не ослабли и теперь.

И донинѣ всякій новый просвѣщенный трудъ, всякое новое начинаніе одного Общества находятъ живой, сочувственный откликъ въ другомъ, и донинѣ оба Общества дружно работаютъ на пользу науки.

Сердечный привѣтъ и благія пожеланія Императорскому Русскому Археологическому Обществу на новые годы просвѣтительной дѣятельности!

I

Новый археологическій кладъ, найденный во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ въ саду одного изъ владимірскихъ обывателей, учителя семинаріи Н. Е. Бѣлаева, по Нижегородской ул., найденъ случайно весьма цѣнный въ научномъ отношеніи кладъ, состоявшій изъ остатковъ великокняжескихъ одеждъ и украшеній серебряныхъ и золотыхъ, тогда же отправленный въ Петербургъ и поступившій въ число коллекцій Эрмитажа. В. В. Стасовъ, описавшій этотъ владимірскій кладъ, находитъ его однимъ изъ самыхъ важныхъ, интересныхъ и примѣчательныхъ. По счастливой случайности русская наука о древностяхъ обогатилась недавно еще новой находкой, имѣющей ближайшее сходство съ кладомъ, вырытымъ въ 1865 году.

Обстоятельства, сопровождавшія счастливую находку, были слѣдующія. Близъ Владимірской часовни въ Кремлѣ въ текущемъ году правительствомъ разрѣшено было построить зданіе для мѣстнаго отдѣленія банка. Въ виду тѣсноты мѣста, отведеннаго для новаго зданія, пришлось срыть часть древняго вала, насыпаннаго здѣсь еще первыми князьями владимірскими (вѣрнѣе всего — Андреемъ Боголюбскимъ). Въ августѣ мѣсяцѣ, въ самомъ началѣ землекопныхъ работъ, рабочіе, дѣлавшіе примѣрную выемку земли сбоку вала съ западной стороны около Васильевскихъ казармъ, накладывая 4-ю колымажку на глубинѣ около 1½ арш., въ грунтѣ, вблизи вала, разбили глиняный горшокъ продолговатой формы, высотой нѣсколько болѣе 6 вершк., изъ котораго и высыпались остатки хранившагося здѣсь клада. Рабочіе не догадались тотчасъ же приостановить работу и дать знать о находкѣ. Выбравъ изъ земли въ платокъ попавшіяся имъ вещи, они продолжали работу и увезли черепки отъ найденнаго горшка и землю въ оврагъ и завалили ихъ тамъ безслѣдно новыми многочисленными возами земли. Найденныя вещи не сразу были доставлены начальству, а нѣсколько дней гостили въ частныхъ рукахъ,

а затѣмъ переданы были черезъ городского голову въ думу и отсюда уже поступили къ испр. долж. владимірскаго губернатора, вице-губернатору князю Урусову, передавшему ихъ въ Императорскую Археологическую комиссію.

Благодаря отсутствію лицъ, компетентныхъ въ археологіи при раскопкахъ случилось то, что кладъ по всему вѣроятію собранъ былъ далеко не во всей цѣлости и далеко не въ сохранномъ видѣ, — между тѣмъ вещи, найденныя здѣсь, весьма цѣнны и замѣчательны.

Кладъ состоитъ изъ слѣдующихъ вещей:

1) Изъ серебряной гривны, имѣющей видъ обруча, посрединѣ довольно толстаго и къ концамъ, которые не доходятъ одинъ до другого, постепенно дѣлающагося болѣе тонкимъ. Обручъ этотъ имѣетъ видъ въ срединѣ серебрянаго жгута и углубленія въ этомъ жгутѣ заполнены тонкой веревочкой, сплетенною изъ серебряныхъ нитей. Концы обруча загнуты и, вѣроятно, связывались шелковымъ шнуромъ. Гривна, если разогнуть ее, около 10 вершк. Словомъ—это обычное украшеніе, носимое на шеѣ въ древности не только князьями, но и вообще людьми знатными и богатыми. Подобныя гривны въ видѣ обручей, крученыхъ или плетеныхъ, или чеканенныхъ изъ серебра или золота попадались довольно часто въ курганахъ, раскопанныхъ граф. А. С. Уваровымъ, въ Суздальской области, и нынѣ хранятся въ собраніяхъ Румянцевскаго Музея.

2) Гораздо рѣже встрѣчалось другое украшеніе, имѣющее въ цѣломъ видѣ серебрянаго кружева (шириною около 6 вершковъ), найденное въ этомъ новомъ кладѣ. Сохранилось только три звена этого кружева. Оно устроено слѣдующимъ образомъ: на тонкій серебряный стержень, или стволикъ, насажено по срединѣ и близко къ концамъ, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга три небольшихъ овальныхъ шарика (репы). Шарика эти внутри пустые, и въ нихъ пробито по 8 круглыхъ отверстій въ каждомъ. Каждое отверстіе обведено по три раза тонкою серебряною крученою нитью (сканью); изъ этой же скани сдѣланы — поперечный толстый поясокъ на шарикахъ и два продольныхъ двойныхъ и болѣе узкихъ; этой же сканью обвить каждый стержень отъ шарика до шарика и отъ шариковъ до концовъ стержня. Оба конца стержня или стволика, на которомъ насажены шарика или репы, закручены въ скобочки, и за эти скобочки все украшеніе прикрѣплялось къ другимъ предметамъ, вѣрнѣе всего къ одеждѣ. Всѣ эти стержни съ насаженными на нихъ шариками (всѣхъ стержней найдено 12) соединены между собой крученою серебряною проволокой, идущей въ двухъ мѣстахъ между средними шариками. Проволока эта въ двухъ мѣстахъ

порвана, и все кружево состоитъ изъ трехъ звеньевъ; въ одномъ звенѣ соединено шесть стержней съ 18-ю нанизанными на нихъ шариками, и въ двухъ звеньяхъ соединено такими же двумя кручеными проволоками по 3 стержня съ 9-ю шариками въ каждомъ.

Что же это за украшеніе и какое назначеніе оно имѣло? Судя по описанію владимірскаго клада, составленнаго В. В. Стасовымъ (Изв. Имп. Арх. Общ., т. VI, 131 стр.), тамъ найдено 7 такихъ же стержней съ нанизанными на нихъ круглыми шариками, совершенно тождественными съ нашими, только не изъ серебра, а изъ золота, и стержни не соединены ничѣмъ между собою. Такія же стержни съ репьями и при томъ серебряные, а не золотые, найдены и въ Переславлѣ (См. Древн. Росс. Госуд., Отд IV, табл. 37). Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь одно изъ древнихъ украшеній русскихъ одеждъ, характерныхъ и нерѣдко встрѣчавшихся въ великокняжескій періодъ, къ которому относится весь кладъ, судя по многимъ даннымъ, которыя мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Стасовъ дѣлаетъ предположеніе, что эти репья, насаженные на стержни, служили „аграфами вродѣ петлицъ или бранденбурговъ и нашивались на груди къ верхнему платью посредствомъ оставленныхъ для того скобочекъ“. Эти петлицы, по его мнѣнію, напоминаютъ тѣ петли, которыми украшена одежда князя Святослава въ извѣстномъ его Изборникѣ. Можно сдѣлать и другое предположеніе относительно этого украшенія. Это серебряное кружево могло служить и оплечьемъ и могло быть нашито на верхнее платье кругомъ ворота. Что оплечье древнихъ одеждъ русскихъ князей и вообще людей знатныхъ украшалось золотомъ и серебромъ, на это есть указанія въ русскихъ лѣтописяхъ и во многихъ памятникахъ искусства (См. графа А. С. Уварова „Суздальское оплечье“. Древности, т. V, вып. 1-й).

3) Кромѣ этихъ серебряныхъ стержней съ насаженными на нихъ овальными шариками, скрѣпленныхъ между собой проволоками, въ кладѣ найдены два разрозненныхъ подобныхъ же стержня изъ золота съ шариками, украшенными золотою сканью и зернью, также съ прорѣзными дырочками и внутри пустыми. Разница этихъ стержней отъ серебряныхъ въ томъ, что шарики нанизаны на нихъ лишь около одного конца, а не посрединѣ и при томъ одинъ длинный конецъ стержня не обвитъ сканью и имѣетъ пробитую дырочку, за которую онъ очевидно прикрѣплялся къ одеждѣ или къ другому какому-либо предмету; другой конецъ стержня свернуть въ трубочку.

4) Двѣ серьги, имѣющія видъ овальнаго мѣшечка, составленнаго изъ двухъ золотыхъ, въ формѣ раковинъ, съ вырѣзкой сверху, пластинокъ, поверхъ коихъ имѣются ушки, заканчивающіеся дужкою. Серьги

украшены съ обѣихъ сторонъ финифтью или перегородчатою эмалью (émail cloisonné), прекрасно сохранившеюся и имѣющею одинъ и тотъ же рисунокъ. На наружной сторонѣ каждаго образка находится поясное изображеніе св. мученика въ юношескомъ возрастѣ безъ усовъ и бороды, съ четырехконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; одежда мученика (исподъ и приволока) украшена по краямъ широкой каймой. Эмаль разноцвѣтная, фонъ — зеленовато - голубой. Вокругъ изображенія мученика разставлены въ 4 - хъ кругахъ эмалевые орнаменты въ видѣ „криновъ“, которые, служа символомъ святости и непорочности, нерѣдко изображались на иконахъ вблизи святыхъ. На обратной сторонѣ въ 7 кругахъ помѣщены тѣ же крины или, вѣрнѣе, пятилопастные листочки, что и на наружной сторонѣ. Эти крины встрѣ-

Серьга и наручники изъ Владимірскаго клада 1896 г.

чаются въ видѣ орнаментовъ и въ стѣнописи XII в. Владимірскаго Успенскаго собора. Опредѣлить—кто изображенъ на серьгахъ—трудно: это — или великомученикъ Георгій, или великомученикъ Димитрій, а

можетъ быть и великомученикъ Пантелеймонъ, изображеніе котораго встрѣчается на древнихъ тѣльникахъ, панагіяхъ и даже на шлемахъ (См. Полн. собр. лѣт., II, 64). Серьги совершенно тождественны двумъ такимъ же, найденнымъ во владимір. кладѣ 1865 г. Такія серьги съ эмалевыми изображеніями мучениковъ были находимы и раньше. Такъ въ 1822 г. подобныя серьги были найдены въ Старой Рязани и описаны въ письмахъ Калайдовича къ Малиновскому (См. эти письма. М. 1823 г., стр. 10—11). Изображенія ихъ находимъ и въ Древн. Рос. Госуд. Отд., II, 33 т.

5. Далѣе найдено шесть широкихъ серебряныхъ четырехугольныхъ пластинокъ, округло загнутыхъ и скрѣпленныхъ между собою (по двѣ) посредствомъ круглыхъ скобочекъ, припаянныхъ по краямъ пластинокъ; скобочки эти, входя въ промежутки однѣ другихъ, сдерживались особымъ стержнемъ, вдвигавшимся въ скобочки и вынимавшимся въ случаѣ нужды. Пластинки эти украшены орнаментомъ, выбитымъ вглубь на наружной сторонѣ ихъ и представляющемъ изъ себя перевитыя линіи, лепестки акантовыхъ листьевъ и птицъ (орловъ?). Орнаменты эти весьма напоминаютъ обронныя украшенія, вырѣзанныя на камнѣ, снаружи Дмитріевскаго собора во Владимірѣ. Одна изъ пластинокъ повреждена. Пластинки, однородныя этимъ, найдены были и въ кладѣ 1865 г., но онѣ были сильно повреждены, и г. Стасовъ принялъ ихъ за остатки пряжекъ отъ пояса. Безъ сомнѣнія эти парныя пластинки есть не что иное, какъ запястья, или наручники, подобныя тѣмъ, которые найдены близъ г. Терехова, Кіев. губ. и хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

6. Затѣмъ идетъ въ кладѣ нѣсколько дутыхъ репьевъ серебряныхъ, въ видѣ шестиконечныхъ звѣздъ украшенныхъ зернью (сохранилось пять репьевъ). Эти репьи или носились въ ушахъ, или привѣшивались къ ожерелью. Они совершенно тождественны съ репьями, недавно найденными въ с. Старой Рязани и описанными г. Селивановымъ въ II т. Тр. VII арх. Съѣзда (стр. 208).

7. Наконецъ, повидимому, браслетъ, состоящій изъ толстаго серебрянаго жгута, концы котораго не соединены вмѣстѣ.

Всѣ найденныя вещи, судя по орнаментамъ и по работѣ, весьма изящной и тонкой, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ великокняжеской эпохѣ и составляютъ часть личныхъ украшеній XII—XIII в., скрытыхъ въ опасныя минуты въ землю и забытыхъ тамъ. Такихъ опасныхъ минутъ въ исторіи г. Владиміра было не мало. Съ большею вѣроятностію кладъ можно отнести къ эпохѣ Боголюбскаго. Лѣтописецъ, сообщая объ убіеніи этого князя Кучковичами, подробно описываетъ мятежъ въ

Иераршій домъ въ Ростовѣ Великомъ до и послѣ реставраціи 1896 года.

гор. Владимірѣ и Боголюбовѣ, сопровождавшій это ужасное событіе. Во время этого мятежа слуги великокняжескіе разграбили все имущество князя и его приверженцевъ, а также ограбили и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, жившихъ у князя. Не были ли эти вещи также похищены изъ великокняжеской сокровищницы челядинцами и скрыты на время мятежа въ землѣ — а затѣмъ за смертью, можетъ быть, внезапною, скрывшаго кладъ вещи такъ и остались до настоящаго времени?

Можно отнести этотъ кладъ и ко времени вел. кн. Георгія Всеволодовича, когда городъ былъ взятъ татарами въ 1238 г. и когда сокровища великокняжескія и боярскія также могли быть скрыты въ землѣ въ концѣ великокняжеской усадьбы, вблизи городского крѣпостнаго вала.

Во всякомъ случаѣ этотъ новый владимірскій кладъ имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ первый, найденный въ 1865 г. Онъ полнѣе и цѣлѣе сохранился, во многомъ дополняетъ и выясняетъ первый кладъ и даетъ возможность съ большою вѣроятностію возстановить форму великолѣпныхъ украшеній древнихъ одеждъ великокняжеской эпохи.

В. Георгиевскій.

II

Реставрація палатъ Іераршаго дома въ Ростовѣ Великомъ.

О реставраціи палатъ Іераршаго дома Комиссія по административно - хозяйственному управленію Ростовскимъ кремлемъ сообщаетъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу:

„Согласно утвержденному Обществомъ проекту, послѣдовавшему при отношеніи предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 28 марта сего года за № 716-мъ, Комиссіей произведены слѣдующія работы:

На фасадной сторонѣ (табл. IX), у проѣздныхъ воротъ подъ Водяной башней, вмѣсто новѣйшихъ деревянныхъ полотень устроены желѣзныя, съ росписаніемъ ихъ эмблемами по образцу древнихъ воротъ — нынѣ существующихъ подъ Воскресенскою церковью; у двухъ боковыхъ дверей, вмѣсто новѣйшихъ четырехугольныхъ перемычекъ, возстановлены каменные круглыя перемычки, согласно очертанію прежнихъ перемычекъ; существовавшія здѣсь прежде 6-ть оконницъ возстановлены по слѣдамъ прежнихъ ихъ очертаній, въ той же ихъ первобытной формѣ,

т. е. съ каменной трехцентровой перемычкой, при чемъ украшающіе фасадъ этого зданія карниза, пояски и пилястры простѣнковъ съ розетками и пряслицами возстановлены въ совершенной ихъ формѣ, согласно уцѣлѣвшимъ здѣсь прежнимъ ихъ образцамъ; оконные переплеты рамъ сдѣланы по образцамъ слюдовыхъ рамъ, нынѣ сохраняющимся въ мѣстномъ музеѣ. Оконницы эти были разысканы Коммиссіей на чердакахъ ростовскихъ кремлевскихъ церквей и ростовскаго Успенскаго собора; а что въ настоящихъ палатахъ существовали прежде слюдовые рамы оконницы, тому доказательствомъ служить слѣдующій документъ, который озаглавленъ: „Опись втораго апартаменту дому Его Преосвященства ветхости, что въ прошедшій пожаръ въ 1730 году сгорѣло“¹⁾. Въ этой описи, во 2-мъ отдѣлѣ обгорѣвшихъ зданій, значущихся подъ № 23/24, говорится: „Надъ показанными водяными воротами (въ галлерей и палатахъ) слюдяные окошки погорѣли, вмѣсто сгорѣвшихъ надлежитъ сдѣлать вновь“.

На фасадѣ между окнами, въ простѣнкѣ, древнѣйшее фресковое изображеніе Спаса съ предстоящими святыми было тщательно отмыто отъ наслоенія новыхъ красокъ (иконописцемъ Лопаковымъ), и къ иконѣ этой подвѣшенъ старинный слюдовый фонарь для теплоты въ немъ масла.

Устроенная въ новѣйшее время деревянная лѣстница, по распоряженію Коммиссіи, уничтожена, такъ какъ раскопками произведенными Коммиссіей подъ этою лѣстницей обнаружены ступени прежней каменной лѣстницы, гдѣ на томъ же мѣстѣ и возстановлена Коммиссіей лѣстница—каменная.

Внутри палатъ Іерарш. дома деревянные потолки подъ сводами уничтожены, самые своды и дверныя арки отремонтированы; открыты и существовавшіе здѣсь прежде тайники и печуры, которые оказались заложеными кирпичемъ—на сухо и замазанными штукатуркой. Деревянный полъ уничтоженъ и замѣненъ каменнымъ, чрезъ настилку кирпичемъ въ ёлку.

Устроенныя здѣсь искажителями старины русскія печи уничтожены и возстановлены печи изъ каелевыхъ изразцовъ, которые—по распоряженію Коммиссіи—были изготовлены на гончарномъ заводѣ,—по образцамъ старинныхъ изразцовъ сохраняющихся въ Ростовскомъ Музеѣ²⁾.

Въ смежной съ этой палатой галлерей, обращенной фасадомъ на

1) Смотр. Дѣло о пожарѣ въ Ростовскомъ Кремлѣ въ 1730 г., хранящ. нынѣ въ Ярославской Духовной Консисторіи.

2) Большая коллекція этихъ каелевыхъ изразцовъ была найдена Коммиссіей при раскопкахъ въ Ростовскомъ Кремлѣ, близъ развалинъ Красной палаты, въ которой—до разрушенія ея въ 1843 году—существовали печи изъ вышеупомянутыхъ каелей.

юго-востокъ, угрожавшіе разрушеніемъ своды вычинены, вычинена также и расколовшаяся здѣсь стѣна ¹⁾ посредствомъ перевязи ея желѣзомъ и проборкой ея кладки.

Настоящія помѣщенія какъ въ этихъ палатахъ, такъ и подъ Водяною башней (нынѣ тоже реставрированной) имѣется въ виду приспособить подъ помѣщенія мѣстнаго музея, а потому квартировавшія здѣсь лица духовнаго званія — по распоряженію Коммиссіи — нынѣ удалены отсюда безвозвратно.

Реставрація настоящаго памятника древности обошлась въ суммѣ 2685 р 26 коп. Денежныя средства на этотъ предметъ были представлены въ Коммиссію уроженцемъ гор. Ростова, живущимъ нынѣ въ гор. Томскѣ, почетнымъ гражданиномъ Всеволодомъ Ивановичемъ Королевымъ, въ количествѣ 2700 руб.“.

III

Археологическая поѣздка въ г. Раву, Петроковской губ.

Въ августѣ мѣсяцѣ с. г., пользуясь свободнымъ временемъ и хорошей погодой, я отправился осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности края, замѣчательныя чѣмъ либо въ исторіи. Между прочимъ, заѣхалъ я въ г. Раву, расположенный при рѣчкѣ Равкѣ; старинный главный городъ князей, а послѣ земли Равской, замѣчательный остатками замка, построеннаго въ романскомъ стилѣ.

Когда основанъ замокъ и городъ, нигдѣ слѣдовъ найти нельзя; но уже въ половинѣ XIII вѣка городъ и замокъ существуютъ и представляютъ столицу младшей линіи князей мазовецкихъ и лишь въ 1462 г., послѣ безпотомной кончины Владислава, князя Равскаго и Белзскаго, воссоединяется съ Польшей. Въ то время, повидимому, это былъ городъ богатый и торговый, который, вѣроятно, уже въ XIV столѣтіи пользовался нѣмецкимъ правомъ, такъ какъ въ 1439 г., послѣ пожара города, Александра, вдова Земовита кн. Мазовецкаго, возобновляетъ и подтверждаетъ городу право пользованія нѣмецкими законами.

Повидимому, замокъ былъ сильно укрѣпленъ не только отъ природы, (окруженъ болотами), но и искусственно, какъ свидѣлствуютъ нынѣшніе остатки толстыхъ стѣнъ и башня. Здѣсь то, послѣ воссоединенія

¹⁾ На этой стѣнѣ существуютъ и въ настоящее время древнія фрески, изображающія Деисуса.

съ Польшей, именно съ XVI вѣка, было устроено помѣщеніе для заключенія важныхъ государственныхъ узниковъ. Такъ, въ продолженіе шести лѣтъ до 1569 г. находился здѣсь въ заключеніи Христофоръ, кн. Мекленбургскій, коадьюторъ рижскаго архіепископа; здѣсь же содержался нѣсколько лѣтъ Карлъ Гельденгильмъ, незаконный сынъ короля шведскаго Карла IX, взятый въ плѣнъ въ 1601 г. гетманомъ Замойскимъ; даже при Іоаннѣ Казимирѣ равскій замокъ исполнялъ свое назначеніе, именно: здѣсь помѣщали взятыхъ въ плѣнъ шведскихъ и бранденбургскихъ генераловъ.

Замокъ былъ замѣчательнаго устройства. Сохранившаяся до сихъ поръ одна сѣверо-восточная башня и часть стѣны свидѣтельствуютъ о томъ. Башня, вышиною въ 10 этажей, представляетъ замѣчательный памятникъ романской архитектуры XIII вѣка, и по своей красотѣ и по самому способу постройки достойна особеннаго вниманія: восьмиугольная, изъ толстыхъ полутора аршинныхъ стѣнъ, со входомъ во внутрь на половинѣ своей высоты, она заканчивается крышей въ воронку, сдѣланной изъ такого же кирпича, какъ и стѣны башни; въ стѣнахъ имѣется коридоръ, кажется потайной, прекрасно до сихъ поръ сохранившійся; кажется, что именно эта башня и была мѣстомъ заточенія для узниковъ, такъ какъ другая, по словамъ старожиловъ, помнящихъ ее прекрасно, была ниже и коридора внутри стѣнъ не имѣла; разобрали ее для своего употребленія горожане. И этому еще уцѣлѣвшему до сихъ поръ памятнику древней архитектуры тоже угрожаетъ опасность окончательнаго уничтоженія!

Замокъ расположенъ на городскихъ земляхъ и горожане считаютъ его своей неоспоримой собственностью, слѣдствіемъ чего разбираютъ стѣны и башни для своего употребленія: недавно разобрали одну башню, чтобы изъ вынутаго кирпича сдѣлать ограду для костела и усадьбы священника; мѣстный же бургомистръ г. Алексѣевъ, заявилъ, что право на сторонѣ крестьянъ (?) и что онъ препятствовать имъ въ разрушеніи замка не можетъ безъ наказа отъ высшаго начальства!

И это творится не только въ Равѣ, но и повсюду. Душа болитъ смотрѣть на подобныя варварскія уничтоженія старины! На западѣ подобныя памятники заботливо охраняются, затрачиваются значительныя деньги для поддержки ихъ—у насъ иначе!

Нельзя всю вину сваливать на административныя власти. Младшіе чины на подобныя памятники не обращаютъ вниманія; высшимъ—некому доложить, такъ что они не въ состояніи услѣдить за всѣми случаями варварскаго уничтоженія памятниковъ старины. Отчасти можно винить и интеллигентное общество, и именно въ томъ, что оно не принимаетъ

мѣръ для охраны памятниковъ, хотя бы ограничиваясь увѣдомленіемъ мѣстнаго губернатора о подобныхъ самовольныхъ поступкахъ. Конечно, всего этого мало. Здѣсь является единственный и дѣйствительно вѣрный способъ охраны древности—основаніе мѣстныхъ *обществъ охраны древнихъ архитектурныхъ памятниковъ*, задачей которыхъ было бы не только ходатайствовать у правительства распоряженій объ охранѣ извѣстныхъ памятниковъ архитектуры, но также умѣючи поддерживать тѣ же памятники отъ такого же сильного врага, именно отъ дѣйствія времени.

Такимъ только способомъ, на нашъ взглядъ, можно бы было охранить отъ окончательнаго уничтоженія уцѣлѣвшіе до-нынѣ остатки величія прежней архитектуры, и пора бы принятыя за дѣло, такъ какъ ни одного потеряннаго года наверстать невозможно.

В. Виттыгъ.

IV

Могильникъ на Черной горѣ, близъ с. Великаго, Ярославской губ. и уѣзда.

Къ югу отъ с. Великаго, по направленію д. Кудринской, тянется почти на двѣ съ половиною версты одна узкая возвышенная гряда, увѣнчанная тремя рельефно очерченными высотами или, по мѣстному выраженію, горами, изъ которыхъ сѣверная называется Мельничной, средняя—Крестовой и южная—Черной.

На вершинахъ каждой изъ этихъ горъ сохранились остатки типичной моренной глины, изобилующей мелкими и крупными валунами, преимущественно сѣверныхъ кристаллическихъ породъ. Послѣднее обстоятельство послужило причиною развитія у мѣстныхъ крестьянъ особаго промысла по добыванію булыжника и дресвы, требуемыхъ для мостовыхъ и шоссежныхъ дорогъ. Этотъ промыселъ здѣсь существуетъ около 50 лѣтъ и, благодаря его, вершины всѣхъ трехъ горъ въ настоящее время являются или совершенно, или очень сильно перерытыми.

Для насъ весьма важно, что при рытвѣхъ южной вершины Черной горы, рабочимъ, время отъ времени, попадались остатки человѣческихъ погребеній.

У великосельскихъ крестьянъ существуетъ преданіе, что Черная гора нѣкогда покрывалась непроходимымъ лѣсомъ и служила притономъ

разбойниковъ. Это преданіе легко объясняло рабочимъ причину находенія въ каменистыхъ нѣдрахъ горы человѣческихъ погребеній, въ которыхъ усматривались простые остатки жертвъ разбоя. Только, въ 1889 году, находка при одномъ костякѣ красиво полированныхъ каменныхъ орудій возбудила толки среди рабочихъ и вообще мѣстныхъ обывателей и привела къ научнымъ изслѣдованіямъ мѣстности.

Именно, при работѣ въ обширныхъ каменоломняхъ великосельскаго кр. Михаила Чулкова (работающаго нѣсколько лѣтъ въ самой богатой площади могильника и чаще другихъ встрѣчавшаго остатки погребеній), въ 1889 г., открытъ былъ на глубинѣ 2-хъ аршинъ хорошо сохранившійся костякъ, лежавшій на спинѣ съ вытянутыми конечностями. При костякѣ было собрано болѣе десятка плоскихъ каменныхъ кружковъ, похожихъ на пуговицы средней величины, а недалеко отъ костяка въ осыпавшейся землѣ найдены красивой формы полированный каменный топоръ и остроконечное, также полированное, кремневое долото.

Всѣ эти вещи сначала хранились у Чулкова въ домѣ, но въ послѣдствіи топоръ и долото были переданы ярославскому исправнику, а затѣмъ члену Яр. Уч. Архивной Коммиссіи Я. А. Ушакову, каменные же кружки понемногу затерялись.

Спустя около двухъ лѣтъ, Черную гору посѣтилъ и впервые обследовалъ Я. А. Ушаковъ. Къ сожалѣнію о результатахъ его изслѣдованія у меня не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній; мнѣ лишь извѣстно, и то по частнымъ сообщеніямъ, что найденныя при этомъ вещи, равно какъ и вышеупомянутыя каменные орудія, найденныя кр. Чулковымъ, Ушаковъ препроводилъ въ Мос. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Въ 1895 году, вторично обследовалъ Черную гору А. А. Спицынъ, при чемъ, въ небольшой заложеной имъ траншеѣ былъ обнаруженъ костякъ въ скорченномъ положеніи; при костякѣ найдены два глиняныхъ круглодонныхъ сосуда и заостренныя кости. Помимо этого, г. Спицыну удалось собрать на днѣ старыхъ ямъ кремневые ножи и обломки древней глиняной посуды, извлеченные, какъ онъ справедливо полагаетъ изъ могилъ, при безпорядочномъ вскрытіи ихъ во время эксплуатаціи валуннаго матеріала горы ¹⁾.

Въ 1896 году, Имп. Археологическая Коммиссія, ассигновавъ вполне достаточныя средства, поручила мнѣ произвести окончательную

¹⁾ Свѣд. почерпнуты изъ частнаго письма А. А. Спицына и частію отъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ его раскопкахъ 1895 г.

раскопку могильника, къ каковой я и приступилъ 3-го сентября, продолживъ работу включительно до 7 сентября. Въ результатѣ были открыты два погребенія и установлено, что могильникъ, если не весь, то большею своею частью уничтоженъ, что три погребенія, изъ которыхъ одно было открыто въ 1895 г. Спицынымъ, а два остальныхъ — мною, уцѣлѣли въ небольшомъ островкѣ нетронутой почвы, случайно сохранившейся надъ двухаршиннымъ слоемъ мусора, выброшеннаго изъ окружающихъ его почти со всѣхъ сторонъ старыхъ рывинъ и карьеровъ, что, наконецъ, если на изслѣдованной площади Черной горы и остались еще погребенія, то поиски ихъ правильными раскопками, благодаря каменистости грунта, должны быть настолько дорогими и въ этомъ смыслѣ рискованными, что продолжать ихъ я счелъ невозможнымъ.

Оба изслѣдованныя мною погребенія были въ могилахъ.

Первая могила оказалась болѣе чѣмъ на половину перерытою, и несомнѣнно крестьянами, во время добыванія ими валуннаго матеріала. На днѣ могилы, на глубинѣ 1 арш. 9 вершковъ, найдены остатки сильно истлѣвшаго, неполнаго костяка; положеніе его осталось не выясненнымъ; встрѣченныя кости лежали на крупныхъ камняхъ, при чемъ на одномъ изъ камней, помѣщенномъ въ восточномъ углѣ могилы, взято полное ожерелье, составленное изъ звеньевъ звѣриныхъ зубовъ и птичьихъ костей, обрѣзанныхъ въ видѣ продолговатыхъ цилиндровъ. Ожерелье представляло широкую оригинальную ленту, въ которой цилиндры птичьихъ костей были снизаны рядами не вдоль, а поперекъ ожерелья. Весьма интересно, что находки ожерелій изъ сочетаній звѣриныхъ зубовъ и мелкихъ обрѣзныхъ костей пока извѣстны лишь на югѣ Россіи. Проф. Д. Я. Самоквасовъ нашелъ ихъ въ курганахъ погребенія Екатерининской губерніи, гдѣ костяки имѣли скорченное положеніе и сопровождались кремневыми, костяными и бронзовыми орудіями ¹⁾).

Могила второго погребенія оказалась почти неповрежденною. Она имѣла форму овально-продолговатаго ящика съ крупными неправильными боковыми стѣнами. Ко дву ея, съ восточной стороны, шелъ ступенчатый, желобовидный спускъ, отъ котораго хорошо сохранилась лишь нижняя часть съ одною ступенькою, оказавшеюся засыпанною свѣтлосѣрымъ пескомъ, попавшимъ сюда, несомнѣнно, со дна могилы. На днѣ могилы, вдоль сѣвернаго бока, лежали четыре крупныхъ валуна, составлявшіе какъ бы искусственный барьеръ. Стѣны могилы слагались изъ бурой моренной глины, а дно — изъ свѣтлосѣраго песка.

1) Отч. Имп. Археологической Комиссіи. 1883—84 г., стр. XLIV—L.

Таковы устройство и внѣшній видъ могилы. Здѣсь привлекаютъ вниманіе: спускъ ко дну, засыпка его ступенекъ пескомъ и укладка крупныхъ камней на днѣ могилъ въ видѣ барьера. Всѣ эти особенности, повидимому, вызваны условіями почвы и техникою работы. Опытъ раскопокъ на Черной горѣ показалъ, что для удаленія изъ траншей безпрерывно встрѣчаемыхъ въ почвѣ тяжелыхъ камней, необходимо оставлять пологій спускъ или аппарель, по которой легче выкатывать камни. Гладкость или неровность, переходящая даже въ ступенчатость спуска здѣсь часто обуславливается каменностью почвы. Такъ какъ самые крупные камни въ моренной глинѣ Черной горы залегаютъ какъ разъ внизу, непосредственно на подстилающихъ глину свѣтло-сѣрыхъ пескахъ, то при выкатываніи камней со дна могилы, спускъ или аппарель ея должна была необходимо засыпаться или засоряться пескомъ. Наконецъ, самые крупные камни древней могильникъ могъ и не выкатывать со дна могилы, сдвинувъ ихъ къ ея стѣнамъ по одиночкѣ или въ видѣ барьера, какъ это случилось въ нашей могилѣ.

Въ почвѣ, которою была засыпана могила, встрѣчено нѣсколько темныхъ пятенъ, состоящихъ изъ земли, по цвѣту и составу одинаковой съ растительнымъ слоемъ. Подъ растительнымъ слоемъ, приблизительно на глубинѣ 4—5 вершковъ отъ поверхности, найдены зола и уголь, представлявшіе какъ бы остатки небольшого костра. Вершка на четыре ниже зола и угля, встрѣчена настилка изъ отборныхъ валуновъ среднихъ размѣровъ. Растительный слой надъ могилою былъ замѣтно выпуклымъ. На днѣ могилы, на глубинѣ 2 арш. 8 вершк., покоились остатки простаго погребенія. Костякъ принадлежалъ женщинѣ среднихъ лѣтъ, положенной на правомъ боку, головою на З., съ сильно подогнутыми нижними конечностями. Верхняя часть костяка была нѣсколько выше нижней. Въ виду всего сказаннаго можно полагать, что первоначальное положеніе покойника было скорченное, полулежащее или полусидячее.

У запястья правой руки поднята небольшая бронзовая пластинка, свернутая трубочкой. У локтя той же руки лежалъ сдавленный небольшой горшечекъ, покрытый по шейкѣ и горлышку довольно красивымъ орнаментомъ изъ городковъ. Въ ногахъ костяка лежалъ второй, еще меньшихъ размѣровъ, сдавленный горшечекъ лишенный всякаго украшенія, а близъ него два костяныхъ орудія, изъ которыхъ одно оказалось орнаментированнымъ. Непосредственно подъ черепомъ замѣченъ черный слой, который распространялся, немного поднимаясь вверхъ, до западной стѣны могилы, надъ спиною же и конечностями такого слоя не оказалось.

Помимо описанных погребений, на площади могильника, въ старыхъ рывинахъ, найдено нѣсколько разбросанныхъ человѣческихъ костей, обломковъ орнаментированной посуды и одинъ небольшой кремневый скребокъ. Все это являлось свидѣтельствомъ разрушенія древнихъ могилъ въ періодъ эксплуатаціи валуннаго щебня на Черной горѣ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о культурной эпохѣ могильника.

По словамъ великосельскихъ крестьянъ, раскопавшихъ наибольшую часть погребеній Черной горы, послѣднія исключительно сопровождались вещами, сдѣланными изъ камня, глины и кости. Тоже самое было подтверждено и раскопками А. А. Спицына. Такой характеръ вещей указывалъ на принадлежность могильника къ каменному вѣку; степень же совершенства и изящность фабрикаціи этихъ вещей опредѣляли мѣсто ему въ концѣ неолитической эпохи. Но мы видѣли, что съ вещами, характерными для послѣдней эпохи, въ могильникѣ появляется и обработанный металлъ. Правда, количество металла очень миниатюрно, но все же его достаточно, чтобы могильникъ отнести хотя къ началу, но другой, уже металлической, эпохи и поставить его въ одномъ ряду съ Фатьяновской стоянкой и могильникомъ ¹⁾, описанными гр. А. С. Уваровымъ ²⁾, который далъ столь живую характеристику этой переходной эпохи (Кам. вѣкъ, I, 195).

Почти всѣ мысли, высказанныя графомъ по поводу Фатьяновскаго могильника, при настоящемъ уровнѣ нашего знанія, могутъ быть отнесены и къ изслѣдованному нами могильнику Черной горы.

В. А. Городцовъ.

V

Способъ Крефтинга

для чистки и сохраненія металлическихъ вещей ¹⁾.

I. Когда я, весной 1887 года, предпринялъ путешествіе въ Скандинавскія государства для изученія принятыхъ тамъ способовъ храненія

¹⁾ Ярославскаго уѣзда, близъ ст. Уткиной, по Вологодской жел. дорогѣ.

²⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. I и II.

¹⁾ О сообщеніяхъ д-ра Аппельгрена и В. А. Бока на Рижскомъ Съѣздѣ о способѣ Крефтинга, см. стр. 300 и 342. Способъ этотъ, бывъ послѣ Съѣзда испробованъ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, далъ превосходные результаты. Переводъ настоящей статьи съ нѣмецкаго любезно сдѣлалъ для нашего журнала дѣйств. членъ Общества А. И. Станкевичъ. *Примѣч. редакціи.*

предметовъ древности, то мнѣ въ Христіаніи сообщили, что инженеръ Аксель Крефтингъ пользуется въ музеѣ сѣверныхъ древностей тамошняго университета новымъ, имъ самимъ изобрѣтеннымъ, способомъ для очистки желѣзныхъ и другихъ металлическихъ предметовъ отъ ржавчины посредствомъ гальваническаго тока. Нѣсколько времени спустя, я самъ имѣлъ случай видѣть этотъ способъ чистки въ лабораторіи Крефтинга, при чемъ онъ мнѣ далъ письменное изложеніе сего способа, съ разрѣшеніемъ воспользоваться имъ, пока лишь у себя на родинѣ, и затѣмъ сообщить ему мои наблюденія. Осенью того же года, я получилъ отъ него письмо, помѣченное 28-мъ сентября, изъ Трондгьема, гдѣ онъ занялъ мѣсто ассистента по химіи при тамошнемъ техническомъ училищѣ: онъ освѣдомлялся о результатахъ своего способа. А такъ какъ я лишь въ ноябрѣ вернулся изъ путешествія по Сибири, предпринятаго мною въ теченіе лѣта, и могъ только весною начать опыты по его указаніямъ, то я и сообщалъ ему объ этомъ и предложилъ нѣсколько вопросовъ, возбужденныхъ его письмомъ. Мое первое письмо я послалъ въ декабрѣ, второе — въ іюнѣ слѣдующаго, 1888 года; оба они остались безъ отвѣта, вслѣдствіе чего и я, съ своей стороны, прекратилъ переписку. Крефтингъ сообщилъ мнѣ свой способъ какъ тайну, которую я до сей поры и хранилъ, но, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что Крефтингъ умеръ, и что описаніе его способа, находящееся у меня, есть единственное, существующее на свѣтѣ, то я считаю своею обязанностію не скрывать отъ науки важный для изслѣдованій матеріалъ, открываемый этимъ способомъ, имѣющимъ силу обнаруживать орнаменты и надписи. Обнародывая сей способъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняю желаніе многихъ иноземныхъ археологовъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ, описаніе Крефтинга гласитъ слѣдующее:

Новый способъ очистки древнихъ предметовъ отъ ржавчины и ихъ сохраненія.

Единственнымъ раціональнымъ способомъ предохранить металлические предметы древности отъ постепеннаго разрушенія ржавчиною, было бы очистить ихъ совершенно отъ послѣдней, такъ какъ блестящая ихъ поверхность позволяла бы тогда имѣть постоянный надъ ними контроль. Въ настоящее же время драгоцѣннѣйшіе экземпляры въ музеяхъ, по большей части, покрыты толстымъ слоемъ ржавчины, увеличивающейся постоянно, не взирая на лаки разнаго рода, назначеніе коихъ предохранять предметы отъ воздуха и сырости (но которые сами способствуютъ ихъ разрушенію).

Этотъ слой ржавчины упорно скрывалъ до сей поры много прекрасныхъ подробностей, обнаружить кои было бы весьма важно. Правда, въ послѣднее время пытались удалить слой ржавчины различными механическими путями, изъ коихъ выщелачиваніе, хотя и требуетъ много времени и терпѣнія, дало превосходные результаты, но при самыхъ осторожныхъ механическихъ процессахъ нельзя избѣгнуть того, что нѣкоторыя мельчайшія подробности будутъ уничтожены.

Изъ химическихъ процессовъ, пока, еще ни одинъ не оказался удобнымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ржавчиной они уничтожаютъ и самый металлъ.

Изобрѣтеннымъ мною, *возстановляющимъ способомъ* (Reductions-methode), который скорѣе можно назвать электрическимъ, нежели химическимъ, ржавчина удаляется, при чемъ ни одинъ атомъ металла не пропадаетъ.

Способъ основанъ на возстановляющемъ дѣйстви зарождающагося (naszierenden) водорода на ржавчину. Послѣдняя, представляющая собой соединеніе желѣза съ кислородомъ, снова обращается въ желѣзо, тогда какъ водородъ соединяется съ кислородомъ въ воду.

Достигаютъ этого процесса тѣмъ, что въ, подлежащемъ обработкѣ, предметъ, прежде всего, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (тамъ, гдѣ можно это сдѣлать), металлъ очищается механическимъ путемъ (н. п. при помощи напилка), затѣмъ предметъ обвертывается цинковою полоскою и кладется въ растворъ щелочи. Желѣзо при этомъ наэлектризовывается *отрицательно*, цинкъ же *положительно*. Вода въ растворѣ при этомъ разлагается, при чемъ водородъ производитъ на желѣзо вышесказанное дѣйствіе, а кислородъ, выдѣляясь, соединяется съ цинкомъ въ окись цинка (Zink-oxid). Послѣдняя растворяется въ щелочи, такъ что поверхность металла постоянно пребываетъ блестящею, и процессъ можетъ продолжаться безъ перерыва. Желѣзо, образующееся при этомъ, представляетъ собою родъ черного порошка, не особенно крѣпко пристающаго къ предмету, такъ что его легко можно удалить посредствомъ обтиранія съ мелкимъ пескомъ, и мельчайшія подробности предмета древности появляются на свѣтъ.

Цинкъ можно приобрѣтать въ листахъ, кои разрѣзываются на узкія полосы; щелочь же, употребляемую при этомъ, крѣпостью въ 8° по ареометру Боме, можно получить на мыловаренныхъ заводахъ. Она должна быть свѣжа, и воздухъ не долженъ имѣть къ ней доступа. Я полагаю, приблизительно, 1 литръ на цѣлый мечъ. Сосудъ, въ которомъ происходитъ процессъ чистки, долженъ быть стеклянный или изъ глазированной, обожженной глины, приблизительно въ 1,70 метра длины и

0,30 метра ширины. Лучше всего употреблять два такихъ сосуда, изъ коихъ одинъ наполняется слабымъ растворомъ сѣрной кислоты — приблизительно 3—4 части кислоты на 100 частей воды. Дѣло въ томъ, что при обтираніи щелочь дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ на пальцы; этого можно избѣжать, положивъ предметъ, по окончаніи возстановляющаго процесса, въ помянутый растворъ кислоты. Пока на металлѣ еще находятся остатки цинка, кислота на металлъ не дѣйствуетъ.

Послѣ сего предметъ обмывается водою, остатки цинка удаляются, и черный желѣзный порошокъ стирается мелкимъ пескомъ ¹⁾. Для этого можно пользоваться кистью (щеткою) изъ стальной проволоки. Очищенный, такимъ образомъ, предметъ кладутъ (безъ цинка), приблизительно, еще на полчаса въ щелочный растворъ, для уничтоженія всякаго дѣйствія кислоты, а затѣмъ, на одну недѣлю, въ чистую воду. Для этого можно брать любой сосудъ, если только онъ достаточно великъ.

Послѣ сего древній предметъ готовъ для процесса *сохраненія*. Его тщательно вытираютъ до-суха и кладутъ на желѣзную пластинку, нагреваемую посредствомъ газовыхъ рожковъ, приблизительно, до 250° по Цельсію. Черезъ полчаса вся сырость будетъ удалена изъ его поръ. Тогда его смазываютъ растворомъ изъ 200 граммъ чистаго парафина на 1 литръ очищенной нефти. При сушкѣ, желѣзо, конечно, немного окисляется, но эта окись удаляется при смазываніи его парафиномъ.

Когда предметъ охладится, нефть окажется уже испарившейся, такъ что парафинъ покрываетъ предметъ совершенно, на подобіе оболочки.

Для покрытія предметовъ такою оболочкою нельзя употреблять веществъ, содержащихъ въ себѣ кислородъ и подверженныхъ, посему, измѣненіямъ; существуетъ только одно такое безусловно, неизмѣняющееся вещество, для сего пригодное, это—парафинъ.

Настоящимъ письмомъ я позволяю Финскому Обществу древностей примѣнять мой способъ въ видѣ опыта.

Христіанія.
29 апрѣля 1887 г.

Съ глубокимъ уваженіемъ
Аксель Крефтингъ.

Теперь я сообщу нѣсколько наблюденій, которыя я сдѣлалъ при опытахъ съ способомъ Крефтинга.

II. Къ какого рода предметамъ примѣнимъ способъ Крефтинга?

Вообще говоря, способъ Крефтинга можетъ примѣняться ко всякому металлу, однако, дѣло хранителя музея—рѣшить: какіе предметы

¹⁾ Или паждакомъ.

могутъ подвергаться ему безъ ущерба для ихъ внѣшняго вида или орнаментации. Такъ какъ, по электрическому способу, предметы очищаются отъ всего слоя ржавчины, то, само собою разумѣется, что мелкія и тонкія вещи, въ которыхъ металлъ весь пропитанъ ржавчиною, не могутъ быть очищаемы по способу Крефтинга, потому что они при этомъ легко могутъ разсыпаться, или же утратить такія мелкія подробности отдѣлки, которыя для археолога неопцѣнимы. Изъ числа таковыхъ можно назвать, на примѣръ, желѣзныя фибулы и булавки для закалыванія одежды, а равно и тонкіе браслеты и пряжки, которые легко можно сломать уже при обматываніи ихъ цинковою полосою. Сильно проржавѣвшій ножъ, представляющій, при вынутіи его изъ земли, характерную, рѣзко выраженную форму ранняго желѣзнаго періода, можетъ, при обработкѣ его электрическимъ способомъ, потерять такъ много, что всякіе характерные признаки исчезнутъ. Типическое лезвіе топора или наконечника копья изъ ранняго желѣзнаго періода, равно какъ и, въ одинаковой степени, типичный острый конецъ желѣзнаго меча, могутъ появиться совершенно неузнаваемыми послѣ электрической ванны, если ржавчина въ нихъ глубоко проникла. Мечъ, рукоятка и крестовина (крыжъ) котораго таушированы ¹⁾ мѣдною проволокою или листовымъ золотомъ или серебромъ, или у котораго клинокъ украшенъ надписями въ видѣ инкрустации, золотой, серебряной, или мѣдной—такой мечъ можетъ, въ случаѣ, если ржавчина забралась подъ эти украшенія, совершенно испортиться при мало-мальски неосторожномъ примѣненіи къ нему электрическаго способа, такъ какъ эти украшенія будутъ отдѣляться, вмѣстѣ съ находящеюся подъ ними ржавчиною, отъ чистой желѣзной поверхности. Словомъ, къ предметамъ, сильно проржавѣвшимъ, не должно примѣнять способа Крефтинга, а должно ограничиваться только смазываніемъ ихъ смѣсью изъ копалового лака и льнянаго масла, для предохраненія отъ окончательнаго разрушенія.

Изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ, что хранитель музея долженъ быть хорошо знакомъ съ характерными формами и стилями отдѣльныхъ эпохъ, и съ большимъ уваженіемъ относиться къ нимъ.

Такъ какъ невозможно установить твердыхъ правилъ для каждаго отдѣльнаго случая, то нѣсколько общихъ указаній, пожалуй, будутъ здѣсь уместны.

Можно, вообще, считать правиломъ, что предметы, въ которыхъ металлъ еще не тронуть, и коихъ только поверхность покрыта слоемъ ржавчины въ 1 миллиметръ толщины, легко могутъ быть очищаемы.

¹⁾ Таушъ—видъ насѣчки.

Толщину слоя ржавчины легко можно узнать посредством скобленія (напилка). Если чистое, блестящее желѣзо обнаруживается лишь на глубинѣ 2—3 миллиметровъ, или вовсе не обнаруживается, то необходима крайняя осторожность. Можно также судить по звуку, насколько металлъ цѣль или проржавѣлъ. Предметъ, слегка заржавѣвшій (мечъ, наконечникъ копья, топоръ и т. п.), звенить, при ударѣ по немъ концомъ напилка, звонко, тогда какъ сильно проржавѣвшіе предметы издають звукъ слабый и глухой. Иногда можно осторожнымъ соскабливаніемъ узнать, имѣются ли на предметѣ украшенія изъ другого металла, кромѣ желѣза. Если же возникаетъ сомнѣніе, выдержать ли предметъ процессъ очищенія или нѣтъ, или же окажутся слѣды, закрытой желѣзною окисью, насѣчки, золотой или серебряной, или относительно ея можно опасаться, что ржавчина забралась подъ нее (если, напримѣръ, окажется отдѣлившаяся серебряная проволока), то предметъ должно подвергнуть сперва *подготовительному* процессу. Простѣйшій и наиболѣе безвредный изъ нихъ слѣдующій:

Предметъ кладутъ въ чистую воду на нѣсколько дней. Когда ржавчина начнетъ слегка окрашивать воду въ коричневый цвѣтъ, то его вынимаютъ, осторожно очищаютъ щеткой изъ стальной проволоки его поверхность, смываютъ, отдѣлившуюся при семъ, ржавчину и кладутъ опять въ ванну. Такимъ образомъ поступаютъ черезъ день или два въ теченіе трехъ недѣль, но не болѣе. За это время обыкновенно снимается столько ржавчины, покрывающей украшенія, что можно разобрать ихъ стиль. (Другой, употребляемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, способъ, заключающійся въ томъ, что желѣзные предметы кладутся въ воду на 2—4 мѣсяца, при чемъ ихъ время отъ времени только очищаютъ щетками, я нахожу совершенно непригоднымъ, такъ какъ часто случается, что внутрь кусковъ ржаваго слоя, отдѣляющихся при этомъ, попадаютъ золотыя, серебряныя и мѣдныя украшенія). Если послѣ сего замѣчается, что украшенія начинаютъ отдѣляться вмѣстѣ съ находящеюся подъ ними ржавчиной, то предметъ нельзя подвергать электрическому способу очистки; если же украшенія остаются на своихъ мѣстахъ, и кое-гдѣ показывается чистое, свѣтлое желѣзо, то способъ Крефтинга можно примѣнить.

Если предметъ подвергается способу Крефтинга безъ этого подготовленія, то полезно удалить сперва ножомъ, попадающіеся иногда, ржавчатые пузыри, дабы цинковая полоса плотнѣе прилегала къ предмету. При обматываніи необходимо надо обращать вниманіе на то, чтобы цинковая полоса непосредственно соприкасалась съ чистымъ металломъ тамъ, гдѣ онъ открытъ.

Бываютъ случаи, что лишь одна часть предмета можетъ быть отчищена, а другая—нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, цинковой полосой обматываютъ ту часть, которая лучше сохранилась и опускаютъ лишь ее одну въ растворъ щелочи. По окончаніи процесса, кипятятъ неотчищенную часть, или весь предметъ, въ смѣси копаловаго лака и льнянаго масла, но, въ послѣднемъ случаѣ, должно масло отереть съ части, подвергавшейся электрическому процессу, дабы оно не покрыло металлической поверхности густымъ слоемъ.

Если одну часть предмета надо отчистить въ бѣльшей степени, нежели другую, то первая обматывается тѣснѣе и нѣсколько разъ цинковою полосою.

Значокъ (этикетка) съ номеромъ охраннаго каталога прикрѣпляется къ предмету мѣдною проволокою.

Прежде чѣмъ подвергать предметъ древности *возстановляющему способу*, необходимо тщательно измѣрить его во всѣхъ направленіяхъ, а также и сдѣлать рисунокъ съ него въ натуральную величину.

Дальнѣйшія указанія.

Вмѣсто, употребляемой Крефтингомъ, щелочи, я пользовался обыкновенно ѣдкимъ натромъ (*natrum causticum*), въ пропорціи 3—4 фунтовъ (250—340 грам.) на 10 литровъ воды. Стекланный сосудъ, въ которомъ готовится этотъ растворъ, долженъ имѣть крышку, ограждающую отъ доступа воздуха. Черезъ сутки натръ растворится совершенно и будетъ готовъ къ употребленію. Обернутые въ цинкъ предметы могутъ, пролежавъ одну ночь въ этомъ растворѣ, на другое утро уже быть отчищаемы щеткой. Предметы непрочные, я, смотря по ихъ состоянію, оставляю въ растворѣ отъ 3-хъ до 6-ти часовъ. Предметы, недостаточно отчищенные съ перваго разу, можно положить въ электрическую ванну во второй разъ, если только они могутъ вынести ее.

Если предметы, отчищенные по способу Крефтинга, почему-либо пролежатъ болѣе продолжительный срокъ времени (напримѣръ, нѣсколько недѣль) въ водѣ, то желѣзо начнетъ снова окисляться. Во избѣжаніе сего слѣдуетъ прибавлять въ воду гашеной извести. Я полагаю приблизительно 1 литръ извести на 120 литровъ воды. Для воды должно брать цинковый сосудъ цилиндрической формы, 35 сантиметровъ, приблизительно, въ поперечникѣ, съ крышкою, дабы известковая вода не утратила своей силы слишкомъ быстро, вслѣдствіе прямого сообщенія съ воздухомъ: пока известковая вода сильно дѣйствуетъ, на ее поверхности образуется тонкая корочка и металлическія поверхности не тускнѣютъ.

Насколько мнѣ извѣстно, способъ Крефтинга примѣнялся лишь имъ

самимъ въ Христіаніи, и мною въ Гельсингфорсѣ. Но я слышалъ, что г. Бокъ, хранитель Эрмитажа въ Петербургѣ, производилъ также удачныя опыты по тѣмъ указаніямъ, которыя онъ получилъ отъ меня чрезъ г. Спицына.

Д-ръ Ялмаръ Аннелундъ,

хранитель Историческаго Музея въ Гельсингфорсѣ.

VI

Археологическая хроника.

— Предварительный Комитетъ XI Археологическаго Съѣзда, имѣющаго собраться въ Кіевѣ въ 1899 году, созывается въ Москву на 4—7 января 1897 года.

— Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива“ была помѣщена замѣтка „Объ Успенскомъ соборѣ Сергіевой Лавры“. Главныя мѣста этой замѣтки—слѣдующія:

„Въ недавнее время въ Лаврѣ были предприняты работы по расширенію крипты (подвала) подъ Успенскимъ соборомъ. Въ Сергіевомъ посадѣ говорятъ, будто начальство лаврское предприняло расширеніе крипты съ тою цѣлью, чтобы устроить подъ соборомъ усыпальницу для богатыхъ людей. Мы отказываемся вѣрить этому, потому что до сихъ поръ въ лаврскихъ храмахъ за деньги никого не хоронили.—Успенскій соборъ—величественный памятникъ архитектуры XVI вѣка. Столпы соборныя утверждены на бутовомъ фундаментѣ изъ громадныхъ камней и имѣли кромѣ того, для большей прочности, широкіе каменные откосы во всѣ стороны; ихъ то и рѣшено было сломать, чтобы расширить крипту... Надо замѣтить, что строители собора вполне основательно положили такое солидное основаніе для столповъ собора, потому что въ Троицкой Лаврѣ подпочвенныя воды стоятъ весьма высоко... Желая расширить крипту, принялись ломать откосы у соборныхъ столповъ; было вывезено уже 30, если не больше, возовъ мусору, какъ вдругъ столпъ, у котораго находится лѣвый клиросъ, осѣлъ нѣсколько, и арка, связывающая его съ алтарной областью, дала трещину, а также лопнула желѣзная связь, соединяющая въ этомъ мѣстѣ части зданія. Тогда, опасаясь за цѣлость древняго храма, поспѣшили прекратить эти работы, и нанесенныя ими поврежденія были исправлены; но кто знаетъ не представляется ли дальнѣйшей опасности для цѣлости собора?“

Затѣмъ, приведя историческія справки о соборѣ и о погребеніяхъ подъ нимъ, авторъ спрашиваетъ:

„Неужели даже подъ Москвой столь цѣнные памятники древности не безопасны отъ разрушенія и искаженій? Дало ли свое согласіе на расширеніе крипты подъ Успенскимъ соборомъ Императорское Московское Археологическое Общество или, быть можетъ, эти работы были произведены помимо этого Общества?“

Можемъ сообщить, что Московское Археологическое Общество впервые узнало о работахъ въ Лаврѣ изъ приводимой статьи. На запросъ, обращенный по поводу статьи въ Лавру, о. намѣстникъ Павелъ, отношеніемъ отъ 17-ноября за № 1107, увѣдомилъ Общество, что „въ Лаврскомъ Успенскомъ соборѣ никакихъ работъ прошлымъ лѣтомъ не производилось, а лишь въ подвальномъ этажѣ, гдѣ погребаются Московскіе Святители, выровнена земля и покрыта асфальтомъ, для большаго приличія, а также откосы колоннъ, по которымъ безобразно торчали бутовые камни, облицованы кирпичемъ, чѣмъ не только не причинено никакого поврежденія зданію, а напротивъ, придана столбамъ бѣлая устойчивость. Нелѣпные слухи, распространяемые газетами, будто здѣсь предполагаются мѣста для погребенія богатыхъ людей, совершенный вымыселъ. Подвальный этажъ Успенскаго собора Лавры служить мѣстомъ погребенія Московскихъ архипастырей-митрополитовъ, какъ настоятелей Лавры,—и больше ни для кого“.

— Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ изволилъ пріобрѣсти и пожертвовать Историческому Музею въ Москвѣ топорикъ—инсигнїю великокняжеской эпохи, рассмотрѣнный въ засѣданіи Моск. Археол. Общ. 5 ноября (см. ниже).

— В. Б. Антоновичъ любезно сообщилъ намъ о слѣдующихъ извѣстныхъ ему находкахъ въ юго-западномъ краѣ за лѣто и осень нынѣшняго года:

1) Въ маѣ, въ селѣ Мышеловкѣ надъ Днѣпромъ, вблизи Китаевской пустыни около Кіева, крестьянинъ, копая погребъ, нашелъ большой глиняный сосудъ, въ которомъ лежали: 11 монетныхъ серебряныхъ гривенъ, по вѣсу новгородскаго типа (46—47 золотниковъ въ каждой) и наборы пряжекъ и украшеній серебряныхъ отъ 3 поясовъ: 1) Однѣ украшены золотою инкрустаціею по серебру: на двухъ изъ нихъ инкрустированы изображенія святыхъ (сіянія около головы), окруженныя надписью въ 2 строки какимъ-то восточнымъ шрифтомъ (армянскимъ или грузинскимъ). 2) Другія украшены арабесками чернью по серебру. 3) Украшены человѣческими фигурами и вѣтками растеній haut-reliefs. — Кладъ этотъ пріобрѣтенъ музеемъ Кіевскаго университета.

2) Въ Бердичевскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ августѣ выпаханъ на полѣ кладъ, состоящій изъ серебряныхъ польскихъ монетъ Сигизмунда III; кладъ находился на землѣ фермы Черемошно, близъ села Дергановки.

3) Волинской губ., въ Заславскомъ уѣздѣ, на земляхъ села Шельвовъ выпахана группа кремневыхъ довольно крупныхъ ножей (до 20); ножи лежали гнѣздомъ, представляя какъ бы связку, и ни одинъ изъ нихъ не носилъ слѣдовъ употребленія; можетъ быть, это продуктъ мѣстной фабрики. Ножи приобрѣтены г. Любою-Радзиминскимъ.

4) Подольской губ., Ольгопольскаго уѣзда, въ селѣ Трибусовкѣ крестьяниномъ выкопана (въ сентябрѣ) большая глиняная амфора.

5) Черниговской губ., Борзенскаго у., въ хуторѣ „Подсудковъ“, выпаханъ на полѣ кладъ, состоящій изъ 300 съ лишнимъ диргемъ саманидскихъ X—XI столѣтія.

6) Екатеринославской губ. и уѣзда, близъ Никополя, въ селѣ Лыса-Гора крестьяне раскопали курганъ, въ которомъ нашли, между прочимъ, бронзовый весьма интересный предметъ (знамя?). Предметъ этотъ на нижнемъ концѣ представляетъ втулку, отъ которой расходятся четыре вѣтви въ видѣ плоскихъ полосъ; на каждой полосѣ стоятъ четыре звѣря (лисицы?), на вершинѣ же ихъ изображены орлы съ распростертыми крыльями, и висятъ на цѣпочкахъ привѣски. На стержнѣ надъ втулкою фигура человѣка нагого съ бородою, съ фаллическимъ характеромъ; на головѣ у этого человѣка такой же орелъ съ распростертыми крыльями. Предметъ этотъ приобрѣтенъ кіевскимъ коллекціонеромъ В. Ч. Хвойко.

7) Въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Старыхъ Безрадичахъ найдены: рукоятка бронзовая со втулкою, въ видѣ изящной бараньей головки, бронзовое кольцо, сдѣланное изъ скрученныхъ проволокъ, и бронзовый крестикъ, украшенный эмалью (приобрѣлъ коллекціонеръ г. Гезе).

8) Въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ мѣстечкѣ Степанцахъ найденъ бронзовый кинжалъ, лезвіе широкое, округленное, рукоятка ажурная; напоминаетъ типы уральскіе (приобрѣлъ г. Хвойко).

9) Въ селѣ Яблоновѣ, Каневскаго уѣзда, крестьянинъ выкопалъ глиняный горшокъ, въ которомъ лежали 34 серебряныя монеты первой четверти XVII ст.: 3 голландскіе талера, 1 прусскій ортъ, 23 орты и 7 шостаковъ польскихъ Сигизмунда III (приобрѣтены для музея Кіевскаго университета).

10) Въ Подольской губ., въ Литинскомъ уѣздѣ, на поляхъ села Севериновки г. Венгржыновскій открылъ стоянку каменнаго вѣка, на которой собралъ 61 орудіе — отбивныя и полированныя. Въ томъ же

селѣ найдены въ другомъ мѣстѣ: сердоликовая буса и римская монета императрицы Луциллы.

11) Волинской губ., Кременецкаго у., близъ мѣстечка Ямполь крестьянинъ, копая ровъ, нашелъ два горшка, наполненные мелкою польскою монетою короля Яна Казимира (середина XVII в.).

— Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ, во время пребыванія въ своемъ имѣнїи Ай-Тодоръ, на классической почвѣ древней Тавриды, предпринялъ подъ личнымъ своимъ наблюдениемъ нѣсколько археологическихъ раскопокъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Кромѣ обычныхъ находокъ (разныхъ бронзовыхъ украшеній), было найдено множество древнихъ монетъ, преимущественно херсонесско-римской эпохи. Его Высочество настолько заинтересовался научнымъ разслѣдованіемъ этой мѣстности, что рѣшилъ собирать коллекціи монетъ греческихъ колоній въ нынѣшней южной Россіи. Уѣзжая въ ноябрѣ въ Петербургъ, Его Высочество телеграфировалъ, по словамъ „Крым. В.“, завѣдующему раскопками въ Херсонессѣ г. Косцюшко и возложилъ на него порученіе слѣдить за появляющимися въ городѣ въ продажѣ древними монетами съ цѣлью приобрѣтенія таковыхъ для коллекціи. Въ короткое время своего пребыванія, Его Высочество сдѣлалъ много цѣнныхъ нумизматическихъ приобрѣтеній; между прочими, извѣстная севастопольская коллекція П. П. Вакъе съ ея богатымъ херсонесскимъ отдѣломъ куплена Его Высочествомъ за 7 тыс. руб. (Сынъ От. 314).

— Въ Мариупольскомъ уѣздѣ былъ найденъ кладъ: десятка полтора монетъ (на одной надпись $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma \Phi\iota\lambda\iota\pi\pi\omega\upsilon$) и статуэтка, изображающая сидящую женщину, съ чашей въ рукѣ, съ какимъ то животнымъ на головномъ украшеніи; хвостъ животного лежитъ по пьедесталу; на задней сторонѣ статуэткі надпись $\kappa\alpha\theta\omicron\upsilon\sigma\omega\upsilon\gamma\alpha$ (Екатериносл. вѣд.).

— Лѣтомъ этого года бельгійскій энтомологъ г. Густавъ Жильсонъ наткнулся подъ самой Астраханью на древній могильникъ, обнаружившійся при работахъ на одномъ кирпичномъ заводѣ. Видно было множество скелетовъ. Попробовавъ открыть одинъ изъ нихъ (оказавшійся, повидимому, женскимъ) г. Жильсонъ нашелъ въ костяхъ лѣвой руки разбитый флаконъ изъ зеленоватаго, съ радужнымъ налетомъ, стекла, круглый, съ узкимъ, длиннымъ горлышкомъ.

— Въ Днѣпненскомъ уѣздѣ, въ 16 в. отъ города, лежитъ поселокъ Язно, который въ актахъ упоминается съ начала XVI в., и съ XVI же вѣка составляетъ собственность рода Корсаковъ. У мѣстныхъ жителей есть разные рассказы о старинѣ (между прочимъ, будто бы Язно было нѣкогда цѣлымъ городкомъ съ 10-ю церквами). Какъ дѣйствительные остатки старины обращаютъ на себя вниманіе вблизи Язна:

городище, церковище, камень съ изваяніями и дер. Волотовки. Городище, расположенное въ верстѣ отъ села, на берегу меньшаго озера, представляетъ собою правильный четырехугольникъ, который узкою полоской соединяется съ круглою площадкой. Окруженное болотами, городище возвышается надъ ихъ уровнемъ футовъ на сорокъ; на половину высоты, по ребру городища, проходятъ ровъ и валъ, прорѣзы-вающіе дважды соединительную полосу; круглая же площадка ихъ не имѣетъ. При весьма сильномъ профилѣ (почти 45 градусовъ), все городище простирается въ длину почти на 70 сажень, въ ширину же отъ 30-ти (главная часть) до одной (соедин. полоса). Верхняя площадь гладка, словно утрамбована, только у входа, со стороны круглой площадки, находится нѣсколько кампей, а подъ ними, по словамъ старожиловъ, склепъ, нынѣ засыпанный, но лѣтъ 50 назадъ имѣвшій небольшое отверстіе, впускъ въ которое былъ невозможенъ по причинѣ вонючихъ газовъ. Недавно городище было осмотрѣно и измѣрено мѣстными любителями, а затѣмъ изрыто (разумѣется, бесплодно) кладонискателями; благодаря послѣднимъ теперь можно видѣть, что верхній пластъ состоитъ изъ золы, обгорѣвшихъ костей животныхъ, черепковъ и т. д.

Церковище—сейчасъ за селомъ, на берегу того же озера,—представляетъ собою отдѣльный холмъ. Крестьяне берутъ изъ церковища глину и песокъ; при этомъ обнаружено кладбище, гдѣ хоронили иногда безъ гробовъ, прямо въ глину, найдены черепки глиняной посуды, много польскихъ грошей середины XVII и начала XVIII в. и гранитный крестъ, грубой, массивной работы, высотой около аршина; на одной сторонѣ высѣченъ четырехконечный крестъ съ одною подставкой. По рассказамъ, на церковищѣ „до уніи и за унію“ стояла церковь, а въ концѣ XVIII ст. былъ найденъ крупный кладъ.

Въ полуверстѣ отъ имѣнія, въ лѣсу, находится большой полусферическій валунъ, на которомъ высѣчены изображенія сосуда, подобіе ложки и двузубца. По разсказу крестьянъ, это память о бывшемъ здѣсь въ незапамятныя времена пирѣ по случаю примиренія, узнавшихъ другъ друга, брата и сестры. Близъ дер. Волотовки находится четыре полураспаханныхъ кургана. Древнее имя „Волотовки“ не имѣетъ среди крестьянъ объясненія, а про курганы говорятъ, что тамъ похоронены великаны. Въ озерѣ былъ года два назадъ случай находки гранатовъ, вкрапленныхъ въ гнейсъ (Вил. В. 230).

— Товарищъ - предсѣдателя ташкентскаго кружка любителей археологія, Н. Н. Остроумовъ и командиръ сапернаго баталіона Г. Я. Мейеръ приступили истекшей осенью къ раскопкѣ холма Шаш-тюбе, въ 12 верстахъ отъ Ташкента. Было найдено небольшое помѣщеніе

подъ кирпичнымъ сводомъ, саѣды ходовъ въ холмѣ; замѣчены въ лёсѣ, составляющемъ строеніе холма, прослойки золы и красной глины; найдено очень много черепковъ глиняной посуды, изъ коихъ немногіе—съ глазурью. Одна изъ разбитыхъ чашекъ очень хорошо глазурована, а на глазури имѣется рисунокъ, съ перваго взгляда напоминающій надпись. Между черепками найдены глиняныя изображенія головы собачки, служившія, повидимому, для украшенія посуды. Многіе черенки имѣютъ ручки, нѣкоторые украшены выдавленнымъ по сырой глинѣ незатѣйливымъ рисункомъ. Попадались также кости верблюда и барана, шлаки и кусочки стекла; изъ металлическихъ предметовъ найдены серпъ и ножъ изъ желѣза, совершенно окислившася.

— Баронъ де-Бай, путешествовавшій лѣто по Приуралью, въ августѣ былъ уже въ Томскѣ, вблизи котораго на Тояновомъ городищѣ, раскопалъ, при содѣйствіи бібліотекаря томскаго музея, С. К. Кузнецова, 15 кургановъ. Находки изъ кургановъ, по свѣдѣніямъ изданнымъ въ мѣстныхъ газетахъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ новѣйшихъ, не старше XVI столѣтія, найдены костяныя, рѣже желѣзныя стрѣлы и желѣзные топоры, ножи, пряжки; при женскихъ скелетахъ—грубые перстни и проволочныя серьги; въ болѣе древнихъ, относимыхъ вглубь до XII столѣтія, найдены въ изобиліи бусы, большія серьги, ножи съ костяной рукояткой, тщательно исполненной, мѣдныя котлы, перстни съ рѣзбой и тонкіе серебряныя браслеты. Добыта цѣлая коллекція череповъ и костяковъ (Н. В. 7370).

— Сиб. Вѣстн. сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о памятникахъ старины въ Зайсанскомъ уѣздѣ. По Чиликтинской долині (между Тарбогатаемъ, Сауромъ и Монракомъ) тянется рядъ кургановъ, числомъ до 70-и, изъ коихъ выдѣляются по необыкновеннымъ размѣрамъ 20. Все это круглыя земляныя насыпи съ углубленіемъ вверху; у подошвы два или три концентрическіе круга камней, вросшихъ въ землю. На вершинахъ большихъ кургановъ теперь красуются киргизскія могилы, съ ихъ характерными по неприхотливой архитектурѣ памятниками изъ сырцоваго кирпича. На той же долині, близъ прохода Чоганъ-обо есть два кургана, рѣзко отличные отъ другихъ. Они съ котлообразными углубленіями въ вершинѣ и завалены массивными камнями, когда-то, какъ видно, наложенными въ порядкѣ. На пути изъ долины къ Иссыку („ворота“) между Монракомъ и Тарбогатаемъ, около рѣчки Тейсъ-айрыкъ есть много кургановъ, обложенныхъ концентричными кругами изъ камней бѣлой кварцевой породы. Здѣсь же, на правомъ берегу той же рѣчки, на могилѣ, почти сравнявшейся съ окружающею мѣстностью и дающей знать о себѣ только вросшими въ землю кам-

нями, расположенными кругомъ, стоитъ каменная баба изъ песчаника, высясь надъ землею не болѣе аршина (Спб. В., 239).

— Въ алтарѣ церкви Св. Троицы въ Кожевникахъ, въ Москвѣ, была открыта лѣтомъ подѣ новой масляной краской старая стѣнопись: изображеніе апостола или пророка на западной стѣнѣ, противъ жертвенника, и изображеніе Іакова, брата Господня (въ нынѣшнемъ архіерейскомъ облаченіи, съ палицей) на восточной стѣнѣ, южнѣе жертвенника. Стѣнопись, осмотрѣнная двумя членами Моск. Археологическаго Общества, оказалась плохой сохранности, плохого качества и восходящей никакъ не далѣе второй половины XVIII вѣка. Затѣмъ при осмотрѣ храма сдѣланы слѣдующія отмѣтки. Мѣстныя иконы середины XVIII в., къ сожалѣнію, усердно подновлены; на сѣверныхъ изъ нихъ ризы 1768 года, съ очень изящнымъ и трезвымъ уборомъ госaille и черневыми медальонами съ каждой стороны ризы. Къ XVIII же вѣку относятся: весь иконостасъ, и въ томъ числѣ красивая рѣзба у царскихъ вратъ, съ ихъ сквозными, полыми (рѣзными, въ видѣ лозы) позолоченными столпами; серебряная рама рококо, лежащая поверхъ иконы, которая, въ ризѣ, покоится на деревянномъ, въ рѣзбѣ, краскахъ и позолотѣ, аналоѣ вида широкой вазы съ живописными медальонами изъ жизни ап. Петра. Аналоѣ этотъ стоитъ на солеѣ сѣвернаго предѣла; на солеѣ южнаго предѣла, находятся новая дружка къ этой рамѣ, лежащая сверхъ дски со св. мощами, у которой на ризѣ стоитъ штемпель 1813 г. Ризы мѣстныхъ иконъ съ южной стороны большаго иконостаса также носятъ клейма 1813—1817 гг. Археологическое сокровище въ храмѣ представляетъ *плащаница* (покрывъ), вѣроятно, XVII в., превосходно шитая шелками по западному рисунку, хотя и греческой рукой. Она изображаетъ плачь надъ Спасителемъ во гробѣ. По угламъ— евангелисты; сверху— по двѣ лампы съ каждой стороны; слѣва Голгофа, съ тремя крестами, и орудіями Страстей, лежащими на землѣ (клевцы, молотокъ, *три* гвоздя, копіе, губа, мѣшокъ съ высыпавшимися сребренниками, рукомойникъ), а ниже церковь; справа Іерусалимъ, а ниже ангелъ, возсѣдающій на отваленномъ камнѣ гроба, среди ограды, и благовѣствующій Воскресенье; внизу нашиты, на приготовленныхъ мѣстахъ серебряныя аластры. На зеленомъ полѣ по плащаницѣ— пестрые цвѣты. Имѣются греческія надписи шитыя золотомъ и серебромъ: *ὁ ἐπιτάφιος θρήνης*, имена евангелистовъ и (уставомъ) начала ихъ евангелій (лишь у Луки книга обращена переплетомъ къ зрителю); имена святыхъ и ангеловъ: Никодимъ, Гавріилъ, Саломія, Марѳа, Іосія (жена), Михаиль, Іосифъ; Матерь Божія (прильнувшая къ лику Сына) и Марія Магдалина (лобзающая Его ноги). Наконецъ внизу плащаницы подпись:

Ἐτι... πτήθη παρὰ τοῦ ἱεροδιακόνου καὶ κοινῶ τῶν Σερβῶν ζωγράφου Χριστοφοροῦ Ζεφάρ—(отъ первой буквы и черты съ которой начиналась слѣдующая, остался подъ позднѣе пришитымъ золотымъ кружевомъ (XVIII в.?) только тонкій слоекъ бумаги, служившей основою для вышивки буквъ). Перевести эту подпись можно такъ: „.. (воздѣто? т. е. ἐλευ(ε)θύθη, искаженное подъ вліяніемъ новогреческаго произношенія подобно тому, какъ въ первыхъ словахъ Ев. Іо. стоитъ *EN APXH IN* вм. *EN APXH HN*) іеродіакономъ и общимъ живописцемъ Сербовъ, Христофоромъ Зефаромъ“. — Въ церкви сохранилась начатая старостой Щукинымъ въ 1769 г. запись свѣдѣній о церкви. По приведеннымъ здѣсь выписямъ видно, что строительныя книги знаютъ на этомъ мѣстѣ деревянную церковь въ 1658 г.; въ 1686 г. стояла уже каменная колокольня; каменная церковь освящена въ 1702 г. Заглавный листъ выписей украшенъ искуснымъ рисункомъ тушью (Св. Троица), съ орнаментомъ въ стилѣ госсалле. Въ томъ же стилѣ рисунки на послѣднихъ страницахъ книги, изображающіе святыхъ, тезоименитыхъ священникамъ церкви; наверху каждой страницы стоитъ рисунокъ, а далѣе сообщаются, если извѣстны, свѣдѣнія о поставленіи священника, прохожденіи его службы и жизни. Подъ первымъ рисункомъ (ап. Іаковъ Алфеевъ) свѣдѣній нѣтъ: листъ предназначался, очевидно, для записи о священникѣ Іаковѣ Гурьевѣ (который въ 1722 г. давалъ показаніе о построеніи каменной церкви въ 1702 году); второй листъ посвященъ священнику Аѳанасію Савельевичу (посвященъ въ 1741 г., скончался въ мартѣ 1751 г., 39-и лѣтъ и 8-и мѣсяцевъ отъ роду). Запись эта сдѣлана рукой самого Щукина, „чтобъ знали и по упокоеніи поминали“. Далѣе идетъ еще нѣсколько исполненныхъ записей; къ свѣдѣніямъ о священникѣ порой прибавляются свѣдѣнія о семейныхъ его (такъ на оборотѣ перваго наполненнаго изъ этихъ листовъ значится, что вдова о. Аѳанасія, Парасковія Борисовна, скончалась 16 февраля 1776 г.); есть свѣдѣнія и о діаконахъ, и причетникахъ церкви.

— Въ Московскую Синодальную (Патріаршую) ризницу были доставлены на храненіе 5,614 антиминсовъ изъ церкви вологодскаго архіерейскаго дома и 3,282 изъ ризницы новгородскаго Софійскаго собора. Нѣкоторые изъ названныхъ антиминсовъ представляютъ рѣдкую древность въ виду освященія ихъ до учрежденія въ Россіи патріаршества, а остальные принадлежатъ ко временамъ патріарховъ и позднѣйшимъ. Поступленіе антиминсовъ въ ризницу послѣдовало, по словамъ „Церк. Вѣд.“, на основаніи указа св. Синода епархіальнымъ начальствамъ: въ Вологду, Новгородъ, Тверь, Владиміръ и Пермь,—представить древніе антиминсы изъ числа хранившихся въ ризницахъ архіе-

рейскихъ домовъ, въ соборныхъ и монастырскихъ церквахъ, съ тѣмъ, чтобы Московская Синодальная Контора изъ числа поступившихъ древнихъ антиминсовъ высылала годные для употребленія въ единовѣрческія церкви по ходатайству преосвященныхъ, съ условіемъ чтобы въ Синодальной ризницѣ отъ времени каждаго изъ первыхъ пяти всероссійскихъ патріарховъ оставалось по одному антиминсу (Прав. В., 160).

— Черниговскій Преображенскій соборъ, куда перенесены новооткрытыя мощи св. Θεодосія, есть древнѣйшій изъ уцѣлѣвшихъ русскихъ храмовъ. Онъ заложенъ княземъ Мстиславомъ въ 1024 г. Древнія стѣны его сохранились доселѣ, отличаясь толщиной и крѣпостью. Въ 1239 г. онъ былъ опустошенъ татарами, а затѣмъ много разъ возобновлялся. При обновленіи 1796 г. случайно былъ пробитъ сводъ склепа, находящагося надъ поломъ: видны были кости и кусокъ парчи, покрывавшей ихъ, видны были другіе гробы и на одномъ большой мечъ. Склепъ былъ тогда же засыпанъ.

— 750-лѣтіе со времени основанія смоленской Петропавловской церкви, построенной въ 1146 году смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, праздновалось этимъ лѣтомъ въ Смоленскѣ. Названный храмъ до XVII столѣтія существовалъ въ первоначальномъ видѣ; по взятіи Смоленска королемъ польскимъ Сигизмундомъ III, въ 1611 году, онъ былъ превращенъ въ католическій костелъ. Въ 1655 г. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ церкви возстановлено православное богослуженіе. Въ 1757 г. была надстроена обширная въ два свѣта церковь во имя св. великомученицы Варвары; въ 1782 г. пристроенъ отдѣльный теплый придѣлъ у сѣверной стѣны древняго храма въ честь преподобнаго Нила, столбенскаго чудотворца. Въ настоящее время, по словамъ „См. Еп. В.“, древній храмъ св. ап. Петра и Павла остается почти въ первобытномъ видѣ, производя впечатлѣніе строгостью архитектурныхъ линій и массивностью стѣнъ и колоннъ, поддерживающихъ арки, на которыхъ покоится куполь (Рж. В., 171).

— Въ Смоленскѣ, въ Свирской церкви, поставленъ на особую подставку, осѣненъ навѣсомъ и снабженъ доскою съ надписью бѣлокаменный гробъ князя смоленскаго Глѣба - Давида Ростиславича, найденный еще въ 1835 г. въ развалинахъ Борисоглѣбскаго монастыря на рѣкѣ Смядыни (при которой былъ убитъ св. Глѣбъ Владиміровичъ). Гробъ былъ найденъ въ стѣнѣ храма, за зелеными кафлями, и при вытаскиваніи изъ стѣны разбили его крышку. Внутри оказались человѣческія кости, немного песку, а въ изголовьѣ три кирпича. Рядомъ былъ найденъ меньшій гробъ, а въ немъ остовъ съ княжеской короной. Гроба были позднѣе признаны гробами Глѣба Ростиславича и

12-лѣтняго сына его, которые оба были погребены въ Б.-Гл. монастырѣ. Но гробъ сначала оставался у смоленскихъ мѣщанъ и служилъ корытомъ для свиней, и много времени спустя мѣстные любители старины разыскали его и перенесли въ Свирскую церковь (Витебск. губ. В., 61).

— Въ Ревелѣ, при ремонтѣ шпиля Николаевской лютеранской церкви, нашли въ верху шпиля, въ шарѣ подѣ крестомъ мѣдный ящикъ, а въ немъ на нѣмецкомъ и на латинскомъ языкахъ запись о ремонтѣ того же шпиля при шведскомъ владычествѣ. Ремонтъ начался въ 1681 г., возобновленъ въ 1685 и конченъ въ 1695, когда и былъ поставленъ мѣдный вызолоченный шаръ; въ записи вслѣдъ за этими свѣдѣніями перечислены власти, всѣ чины магистрата, пасторы всѣхъ четырехъ церквей и строители, и заключается запись молитвой. Другая запись на нѣмецкомъ языкѣ говоритъ о ремонтѣ той же башни при императорѣ Николаѣ I въ 1833 г. (Риж. В., 165).

— Въ концѣ ноября устроена была въ Дашковской портретной галлерей Румянцевскаго Музея Выставка актовъ, автографовъ, печатныхъ изданій и портретовъ главныхъ дѣятелей эпохи Екатерины II.

Тутъ были изъ собраній Музея жалованныя грамоты: адмиралу Чичагову, кн. П. А. Голицыну, Румянцеву, Сонцову (нѣкоторыя съ очень изящными миниатюрами), письма, черновые указы, собственноручныя рукописи Екатерины; письменные отвѣты великаго князя Павла законоучителю его Платону; допросные пункты Платона Новикову съ отвѣтами послѣдняго и т. д. — П. А. Ефремовъ выставилъ превосходное собраніе гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Екатерины (27) и около 80 портретовъ ея современниковъ; Н. П. и В. Н. Рогожины дали изъ своихъ собраній: рѣдкія книги временъ Екатерины (Тайна противонелѣпаго общества, 1759 — списокъ членовъ комиссіи по уложенію 1768 и 1769 г., Путешествіе Радищева, 39 ая ч. Россійскаго Театра съ „Вадимомъ“ Княжнина и т. д.) и нѣсколько рѣдкихъ портретовъ; п гг. Рогожиными, и Музеемъ выставленъ рядъ печатныхъ сочиненій императрицы, а Музеями кромѣ того бюсты: Екатерины и Державина и знаменитое державинское кресло съ двумя столбиками шкаповъ по бокамъ.

— Въ Воронежскій Музей пожертвовано Толшевскимъ Спасо-преображенскимъ монастыремъ шесть большихъ иконныхъ изображеній сивиллъ, помѣщавшихся нѣкогда на клиросахъ одного изъ монастырскихъ храмовъ. Въ тотъ же Музей приобрѣтена глиняная маленькая кубышка, заключающая въ себѣ 1½ ф. серебряныхъ копѣекъ XVI—XVII вв., найденная въ землѣ въ с. Рудкинѣ Воронежскаго, уѣзда.

— Г. Шимкевичъ пожертвовалъ Румянцевскому Музею въ Москвѣ богатую и любопытную коллекцію вещей шаманскаго культа, собранную имъ въ Приамурскомъ краѣ.

— Въ Музей Имп. Общ. Поощренія Художествъ (въ Спб.) поступили слюдяныя двери русскаго дѣла XVII в. (Спб. В., 275).

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ выставленъ наслѣдницею Н. А. Бакулева, Л. Н. Куршаковой, съ колокольнаго завода въ г. Слободскѣ, Вятской губерніи, первый колоколъ, отлитый этимъ заводомъ въ 1758 г. На колоколѣ надпись: „Лилъ сей колоколъ города Слобоцкаго Сысой Никитинъ Бакулевъ. Раченіемъ тое жъ церкви священноіерея Трофима Аванасьева. Въ село Рождественское церкви святѣй Рождеству Христову. Вѣсу 19 п. 20 ф.“. Колоколъ украшенъ изображеніемъ св. Троицы и ангела съ косою. Намъ отрадно отмѣтить этотъ случай, являющій въ промышленномъ кругу любовь къ своей промысловой старинѣ и попеченіе о ней.

— Въ трудѣ Н. А. Крюкова: „Вост. и Зап. Забайкалье въ сельско-хоз. отн.“, сообщается между прочимъ о знаменахъ, пожалованныхъ бурятскимъ родамъ Петромъ II, Павломъ I и Николаемъ I и донныя хранимыхъ родами. Знамя Петра II, пожалованное въ 1728 г. Подгородному роду селенгинскаго вѣдомства, хранится у бурята этого рода, Жигрита Нансуева. Оно изъ голубой китайской узорчатой канфы, $1\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ арш. На немъ изображены: восходящее солнце (въ лѣвомъ верхнемъ углу) и крестъ изъ пяти звѣздочекъ (въ серединѣ), сверхъ креста надпись: „Никому не уступаетъ“, а внизу: „Вивать, всегда Августусъ Петръ Второй Всероссійскій Императоръ“. Знамена пожалованныя имп. Павломъ 14 августа 1800 г. Забайкальскому иррегулярному войску, шелковыя, около 2×2 арш., бѣлыя въ серединѣ, а по краямъ — бѣлыя съ краснымъ; съ обѣихъ сторонъ по двуглавному орлу въ вѣнкѣ съ надписями: при одномъ — „Не намъ, не намъ а имени Твоему“, при другомъ — „Сямъ знаменемъ побѣдиши“; по угламъ въ красныхъ поляхъ золотые вѣнки съ надписью: „Благодать“ (Спб. В., 196).

— „Рижск. Вѣстн.“ сообщаетъ о рукописи, принадлежащей одному обывателю Риги. Она въ 260 листовъ, въ четвертку, и на ней надписи: на оберткѣ — „Николая Спаарія влаха, посольскаго приказа переводчика, бывшаго посломъ въ Китаѣ. Описаніе Китайской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, въ 1678 году сочиненное. А. Рогозинскій 1778 г.“; на оборотѣ — „Сію книгу въ Казани 1778 года подарилъ мнѣ поручикъ и кавалеръ графъ Петръ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, которую получилъ онъ въ Далматовѣ монастырѣ и гдѣ онъ на-

ходилъ подъ началомъ за увезеніе фрейлины графини Разумовской и за бракосочетаніе на ней при живой женѣ“; въ концѣ рукописи: „Сія книга сочинена Николаемъ Спааріемъ, родомъ волохомъ, бывшимъ посольскаго приказа переводчикомъ, а потомъ Россійскаго царя посланникомъ въ Китай“; наконецъ еще одна надпись: „отъ числа книгъ Успенскаго Далматова (Пермской губ.) монастыря настоятеля архимандрита Іакина“ . Въ книгѣ 80 главъ.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія утверждень уставъ Археологическаго Общества въ гор. Перновѣ. Согласно уставу, въ кругъ дѣятельности Общества входитъ: а) собраніе историческихъ и археологическихъ памятниковъ и рукописей; б) обсужденіе историческихъ вопросовъ, разсмотрѣніе вновь открытыхъ матеріаловъ и вновь появляющихся изслѣдованій; в) изданіе трудовъ Общества и г) устройство публичныхъ чтеній. Коллекціи Общества должны храниться въ городскомъ музеѣ, при которомъ можетъ быть учреждена и библіотека.

— При Имп. Моск. Археолог. Обществѣ образована Археографическая Коммиссія, задача коей—разработка теоретическихъ вопросовъ по археографіи, архивному дѣлу и палеографіи. Предсѣдатель Коммиссіи—А. И. Кирпичниковъ, тов. предс. В. И. Холмогоровъ, секретарь—М. В. Довнаръ-Запольскій.

— Въ предсѣдатели Историч. Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ избранъ В. Б. Антоновичъ, въ тов. предс. А. М. Лазаревскій.

— По предложенію В. Г. Васильевскаго, Императорская Академія Наукъ командируетъ въ 1897 г. Н. П. Кондакова на Аѳонъ для продолженія работъ Савостьянова и обзорѣнія ризницъ аѳонскихъ.

— Съ разграниченіемъ на Памирахъ и съ переходомъ въ текущемъ году Шугнана и Рошана изъ-подъ власти Афганистана въ вѣдѣніе бухарскаго эмира, впервые явится возможность всесторонне изучить эти интересныя общины, сумѣвшия, несмотря на неблагоприятныя условія, сохранить въ теченіе многихъ столѣтій въ неприкосновенности свои особенности. Страны эти, по политическимъ причинамъ, могли быть изслѣдованы только отчасти и то лишь въ самое послѣднее время въ одномъ топографическомъ отношеніи; этнографія же ихъ, языкъ, вѣрованія и археологія, съ сохранившимися памятниками древности, изъ коихъ многіе указываютъ на существовавшее тамъ прежде христіанство, остаются неизученными, какъ и геологія этихъ странъ.

Въ виду этого главный начальникъ Туркестанскаго края, баронъ А. Б. Вревскій, обратился въ Императорское Русское Географическое Общество съ просьбою объ ученой экспедиціи въ Шугнанъ и Рошанъ лѣтомъ будущаго года (Спб. В., 239, по Турк. В.).

— Въ Археологическомъ Институтѣ въ этомъ году читають: В. И. Сергѣевичъ—Юридическія древности, Н. В. Покровскій—Церковную археологію, А. И. Соболевскій—Славяно-русскую палеографію, Н. И. Веселовскій — Первобытную археологію, С. М. Середонинъ — Историческую географію, А. К. Марковъ—Нумизматику, Г. Ф. Церетели—Греческую палеографію, А. П. Вороновъ — Архивовѣдѣніе, С. М. Гольдштейнъ—Польско-литовскія древности (Н. В., 7403).

Въ Институтѣ возобновились, какъ было въ первые его годы, вечернія собранія любителей археологіи и исторіи. 29 ноября было первое такое собраніе: Н. В. Покровскій сказалъ рѣчь о цѣли и значеніи этихъ собраній, а А. В. Соболевскій прочелъ о поѣздкѣ своей этимъ лѣтомъ въ Краковъ, Львовъ и Прагу.

— *Геологическій Международный Съездъ 1897 г.* ¹⁾). Предсѣдательство въ Предварительномъ Комитетѣ Съезда соизволилъ принять Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ, прелсѣдателемъ состоитъ А. П. Карпинскій, товарищемъ предсѣдателя А. А. Иностранцевъ, секретарями гг. Чернышевъ и Андрусовъ. О поѣздкахъ и путешествіи, устраиваемыхъ при Съездѣ, теперь извѣстны слѣдующія подробности:

Первая общая большая поѣздка будетъ имѣть цѣлью Уралъ и и предположена ранѣе открытія конгресса—съ 17-го (29-го) іюля по 10-е (22-е) августа, подъ руководствомъ гг. Карпинскаго, Никитина, Чернышева, Краснопольскаго, Штукенберга. Маршрутъ этой экскурсіи включаетъ въ себя Москву, Рязань, Пензу, Сызрань, Самару, Уфу, Златоустъ, Челябинскъ, Кыштымъ, Екатеринбургъ, Тагилъ, Кушву, Пермь, Казань, Нижній. Одновременно будутъ организованы три меньшихъ поѣздки, одна по берегамъ Волги отъ Самары до Казани, другая въ Эстляндію и третья—въ Финляндію (подъ руководствомъ Зедеггольма и Рамзая). По окончаніи Съезда проектировано путешествіе на югъ, раздѣляющееся на три вѣтви. Первая посѣтитъ Донецкій каменноугольный бассейнъ, Харьковъ, Владикавказъ и кавказскія минеральныя воды; вторая направится изъ Нижняго по Волгѣ и затѣмъ во Владикавказъ; третья — въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру и также во Владикавказъ. Собравшись во Владикавказѣ, путешественники направятся по Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, причемъ осмотрятъ по пути ледники Казбека, а изъ Тифлиса посѣтятъ Баку и Батумъ (Тквибуль), изъ Батума переѣдутъ въ Керчь, осмотрятъ различныя мѣстности Крыма и закончатъ Севастополемъ, гдѣ и послѣдуетъ окончательное закрытіе Съезда. Все это путешествіе потребуетъ около мѣсяца времени. Кромѣ

¹⁾ См. стр. 235.

того, проектированы спеціальныя поѣздки для болѣе подробнаго осмотра Донецкаго бассейна, для посѣщенія ледника Гвеналь-дона, на Эльбрусь, на озеро Гокчу и Араратъ, въ Кутаисъ чрезъ Мамисонскій переваль и частныя поѣздки по Крыму. Всѣмъ геологамъ, записавшимся въ члены комитета и выразившимъ желаніе принять участіе въ экскурсіяхъ, будетъ предоставлено, съ Высочайшаго разрѣшенія, право на даровой поѣздъ въ I-мъ классѣ, до и послѣ засѣданія Съѣзда, включая всѣ поѣздки. Размѣръ прочихъ расходовъ по каждой поѣздкѣ для каждаго изъ ея участниковъ будетъ своевременно сообщенъ записавшимся (Русск. В., 250).

— Выходящая съ 1 сентября газета „Калужскій Вѣстникъ“ завела у себя отдѣлъ археологій. И. П. Четыркинъ, руководящій этимъ отдѣломъ, въ первомъ № газеты обратился къ читателямъ съ просьбою о сообщеніи свѣдѣній и статей для отдѣла. Въ газетѣ помѣщены между прочимъ статьи: И. П. Четыркина—„Стоянка-мастерская доисторическаго человѣка у устья р. Калужки“, съ 2 цинкографіями (ислѣдованія автора въ 1892—5 гг.); его же: „Городища, на которыхъ въ древности находился городъ Калуга“, съ цинкографіей; его же: „Историко-топографическія данныя о Калугѣ XVII в. и такъ называемый домъ Марины Мнишекъ“, съ цинкографіей; г. П. Трейтера: „Купчая 1693 г.“, „Служилая кабала 1694 г.“—примѣры актовъ и объясненія ихъ съ канцелярской, процессуальной и реальной сторонъ; В. Кашкарова: „Первый Калужскій намѣстникъ М. Н. Кречетниковъ“; В. Шангина: „Пугачевскій бунтъ“ (текстъ правительственныхъ объявленій).

— Въ декабрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр., кромѣ отчета о Рижскомъ Съѣздѣ, помѣщены доклады, читанные на Съѣздѣ: О. О. Мищенко „Извѣстія Геродота о вѣн-скиескихъ земляхъ Россіи“ и весьма важный практически докладъ Э. Р. фонъ-Штерна „О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи“.

— Извѣстный владѣлецъ музея древностей въ Кишиневѣ, г. Суручанъ, арестовалъ и привлекъ къ суду очаковскаго антикварнаго торговца г. Гохмана, обвиняя его въ мошенничествѣ,—въ продажѣ въ музей г. Суручана, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддѣльныхъ надписей на камнѣ, золотыхъ вещей (года два назадъ куплены г. Суручаномъ у Гохмана: „Викторія“ и „Купидонъ на кентаврѣ“ за 350 р.) и т. п. Г. Гохманъ, защищаясь, говорилъ, что онъ самъ вѣрилъ подлинности вещей, которыя нынѣ оказались поддѣльными. Судъ въ искѣ отказалъ (указывая, повидимому, судя по „Од. Л.“, что при подобныхъ покупкахъ экспертомъ долженъ быть самъ покупатель).

Мы съ искреннимъ уваженіемъ относимся къ тому поступку г. Су-

ручана, что, разъ убѣдившись въ поддѣльности извѣстныхъ вещей своего собранія, онъ не сталъ скрывать своей ошибки ни отъ себя, ни отъ другихъ. Что касается братьевъ Гохмановъ въ Очаковѣ, то имя ихъ не разъ упоминалось въ послѣдніе мѣсяцы по поводу „тіары Сайтафарна“. Въ докладѣ на Рижскомъ Съѣздѣ: „О поддѣлкѣ классическихъ древностей на югѣ Россіи“ проф. фонъ - Штернъ называетъ особенно Гохмановъ, какъ продавцевъ множества поддѣлокъ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ Н. Ф. Бѣляшевскій, представляя отчетъ о Съѣздѣ, подробно излагаетъ докладъ фонъ - Штерна и прибавляетъ слѣдующее указаніе, которое заслуживаетъ вниманія:

„Замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется, въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда по работѣ очень уступающія одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности, главнымъ образомъ, великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего попадаютъ въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевского торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые приемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаютъ слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки пока еще довольно грубы; но благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все-таки имѣютъ сбытъ“.

— Борьба вокругъ „тіары Сайтафарна“ за границей шла оживленно: на горячую статью Фуртвенглера, который, взглянувъ на тіару въ Луврѣ, призналъ ее „возмутительной поддѣлкой“, отвѣтилъ хранитель Лувра Вильфоссъ въ *Debats* и очень горячо въ *Gaz. des Beaux-Arts*, Т. Рейнакъ, который восторженно описывал тіару въ маѣ; появилось нѣсколько замѣтокъ въ защиту тіары и въ нѣмецкихъ газетахъ, порой исходя очевидно отъ Рейнака же. Защита сводится къ слѣдующимъ указаніямъ: въ среднемъ медальонѣ ожерелья „найденнаго вмѣстѣ съ тіарою“ скрытъ несомнѣнно античный флаконъ для духовъ, не замѣченный ни продавцами, ни покупателями и указанный лишь г. Кизерицкимъ; въ самой тіарѣ по крайней мѣрѣ два гвоздика со внутренней стороны признаны даже Ф—мъ за подлинныя; цвѣтъ золота тіары (отсутствіе общаго краснаго налета и оттѣнокъ пятенъ его въ неровныхъ мѣстахъ) не смущаетъ такого знатока, какъ г. Кизерицкій, положительно утверждающій подлинность тіары; сборный характеръ изображеній объясняется эклектизмомъ эпохи; для тѣхъ чертъ, которыя казались необыкновенными (напр., въ надписи винительный падежъ вмѣсто ожидаемаго дательнаго)—указываются примѣры (большою частью въ недавнихъ, сравнительно, наход-

кахъ); наконецъ нѣмецкій проф. Коерр въ *Allg. Zeit.* открываетъ причину нападеній на тiару—въ анархистическихъ тенденціяхъ: вся цѣль похода „профановъ“—потрясеніе авторитета установленныхъ правительствомъ музейныхъ властей (*Chron. des Arts* сочувственно перепечатала эту замѣтку). На серіозныя указанія противная сторона отвѣчаетъ, что ни подлинность частей другой вещи, ни подлинность хотя бы и четырехъ гвоздочковъ тiары не доказываютъ подлинности самой тiары; что нѣтъ непогрѣшимыхъ авторитетовъ, и нашъ Эрмитажъ не избѣгъ участи другихъ музеевъ относительно „ольвійскихъ“ древностей; что сборъ изображеній и украшеній на тiарѣ слишкомъ пестръ и источники слишкомъ очевидны, чтобы повѣрять ея подлинности. Указываютъ также на то, что Лувромъ доселѣ не выяснено происхожденіе тiары: продавцы вслѣдъ за продажей, не замедлили скрыться. У насъ поддѣльность тiары доказывалась въ вѣскомъ докладѣ проф. ф.-Штерна на Рижскомъ Съѣздѣ (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 12) и А. Н. Щукаревымъ въ *Русск. Археол. Общ.* (см. ниже).

— Султанъ подарилъ Луврскому музею нѣсколько предметовъ изъ лучшей части находокъ де-Сарзeka трудящагося уже 16 лѣтъ надъ раскопками въ Телло. Выборъ дѣлалъ Heuzeu. Онъ привезъ изъ Константинополя: надпись царя Эаннаду (царь ястребиной стелы) о своемъ царствованіи; бронзовое или мѣдное копье въ 86 сант., съ гравированнымъ изображеніемъ льва и имени царя страны Бишъ; бычачью голову изъ бронзы, съ глазами изъ перламутра и япись-лазури; два обломка стелы, гдѣ въ надписи упоминается имя города Агаде; четыре большихъ глиняныхъ таблицы второй династiи г. Ура и 20 малыхъ таблицъ очень интересныхъ исторически: здѣсь, говоритъ Heuzeu, впервые является дата Саргона Древняго и его сына Нарам-сина, около 3800 лѣтъ до Р. X. Что касается имени царя, то Менанъ и Опперъ, отказываются видѣть въ немъ Саргона Древняго (Опперъ читаетъ имя: *Biaganissan-éges*); но они единогласны съ Heuzeu въ опредѣленіи даты памятниковъ и въ признаніи чрезвычайнаго научнаго значенія ихъ.

— Англійская палата общинъ освободила отъ пошлины за наслѣдство всѣ предметы, имѣющіе общій интересъ, научный или художественный, съ условіемъ, чтобы наслѣдники въ опредѣленные дни бесплатно предоставляли ихъ обзору публики (*Chron. des Arts*, 306).

— При реставраціи церкви св. Петра in Ciel d'Ogo въ Падуѣ, открыта гробница короля ломбардскаго Луитпранда (712 — 744) и обломки латинской надписи, отмѣчающей сосѣднее погребеніе его отца, Анспранда (*Chr. d. Arts*, 287).

— *La Chronique des Arts* (приложеніе къ *Gaz. des Beaux-*

Arts) помѣстила (288 — 9) статью г. S. R. (С. Рейнака?) о „Греческихъ древностяхъ южной Россіи“. Здѣсь сообщается объ изданіяхъ: Н. П. Кондакова и гр. Толстаго и Императорской Археологической Коммиссіи, а также о послѣднихъ находкахъ г. Косцюшка-Валюжинича и о золотыхъ вещахъ, арестованныхъ въ Парутинѣ въ концѣ мая (предметъ торговли гг. Гохмана, Лифшица и Кулиша); авторъ статьи отмѣчаетъ, что Очаковъ является и центромъ поддѣлокъ, и мѣстомъ обильныхъ подлинныхъ находокъ.

— Въ Миланѣ открытъ отрывокъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-христіанской литературы *Ἐξάπλα* Оригена. Эксапла, расположенная въ шести столбцахъ, содержала въ себѣ еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта, тотъ же текстъ въ греческой транскрипціи, и переводы: Симмаха, Аквилы, 70-и и Θεодотіона. До насъ дошли отдѣльныя примѣчанія и варианты изъ Эксаплы, самое же изданіе считалось рано погибшимъ. Нынѣ г. Дж. Меркати нашелъ въ палимпсестѣ отрывокъ Эксаплы, въ пять столбцовъ (недостаетъ перваго), содержащій текстъ и переводы одиннадцати псалмовъ. Рукопись относится къ X вѣку, и это даетъ нѣкоторую надежду, что удастся найти и другіе отрывки кодекса.

— Мы упомянули уже (стр. 364) объ изслѣдованіи островковъ у береговъ Флориды, которое совершилъ этимъ лѣтомъ г. Кушингъ (по порученію Археологическаго Отдѣла при пенсильванскомъ университетѣ и Смитсонова Института) и которое открыло новый своеобразный археологическій мірокъ—раковинныя сооруженія и свайныя постройки племени, культура котораго была близка къ доисторической культурѣ Средней Америки (племя Майя въ Юкатанѣ). Островокъ, специально изслѣдованный г. Кушингомъ, какъ и всѣ другіе изъ „тѣмъ острововъ“, посѣщенные имъ, оказались дѣломъ рукъ человѣческихъ. Подъ деревьями, травой и перегноемъ открылись правильныя, построенныя изъ морскихъ раковинъ террасы и платформы, мощеныя дороги, открылись древніе пруды и каналы, а въ прудахъ—свайныя поселенія. Начавшись на коралловыхъ рифахъ и устричныхъ отмеляхъ, островки эти росли и утраивались, благодаря сознательной работѣ ряда поколѣній, и достигали порой высоты 50—60 футовъ надъ поверхностью моря и пространства въ сотни акровъ (акръ=0,37 десятины). Кушингомъ изслѣдованъ бывшій прудъ на одномъ изъ такихъ острововъ. На днѣ его вдоль береговъ, оказались низкія плотныя платформы изъ раковинъ и глины, фута на 3—4 ниже уровня воды, когда прудъ былъ полонъ ею. По краямъ этихъ платформъ большею частью и найдены остатки жилья: всевозможная посуда, орудія, игрушки, идола, оружіе, маски, уборы—изъ

дерева, раковинъ, кости, зуба (и на оружіе идутъ всѣ эти матеріалы), но кромѣ того балки, стропила, сваи, переплеты, постилки, крыши и загородки отъ стоявшихъ тутъ нѣкогда, на разнообразныхъ сваяхъ, длинныхъ, узкихъ, одноэтажныхъ домовъ. Средина пруда оставалась свободной для лодокъ; найдено много разнообразныхъ игрушечныхъ изображеній лодки, найдено длинное остроконечное весло, борты лодки и якоря изъ пары раковинъ, наполненныхъ пескомъ и зацементированныхъ. Деревянная посуда, орудія, оружіе, игрушки часто отлично отполированы и украшены превосходной рѣзбой (узоры и изображенія живыхъ существъ), превосходно же рѣзаны изъ дерева и маски. Вещи очень часто раскрашены, большею частью символическими узорами и изображеніями (тотемы); найдены картины, служившія стѣнками то „алтаря“, то ящика: на одной изображенъ ящеръ, на другой профиль лани, на третьей (2×1 футъ) черной, бѣлой и синей краской изображенъ богъ-птица съ разными атрибутами; въ одной двустворчатой раковинѣ нарисованъ человѣкъ въ маскѣ, въ другой раскрытая рука со старательно выведенными линіями ладони. Найдены, какъ думаетъ Кушингъ, останки человѣческой жертвы и при нихъ изображенія коршунноподобнаго бога смерти (изъ кости) и бога-кагуара. Линіи и фигуры, которыми раскрашены маски, впервые нашли здѣсь, по мнѣнію Кушинга, объясненіе, благодаря тому, что при каждой маскѣ найдено соответствующее ей деревянное же изображеніе лица извѣстнаго животного, тоже символически раскрашеннаго: лани, волка, лисы, ящера, черепахи, пеликана и разныхъ другихъ морскихъ птицъ.

Кушингъ съ увлеченіемъ рисуетъ, на основаніи своихъ находокъ, картины жизни и вѣрованій жителей „эпохи раковины и зуба“; но намъ думается, что эти картины пока мало надежны, какъ и общіе выводы автора, полагающаго, что данное племя приплыло изъ Южной Америки (гдѣ доселѣ есть свайныя постройки, по Маракаибскому заливу), и отсюда уже перешло на материкъ Средней Америки и положило начало тамошней цивилизаціи: въ раковинныхъ сооруженіяхъ своихъ островковъ Кушингъ видитъ основы плановъ для юкатанскихъ храмовъ и дворцевъ.

По пути къ островкамъ, задержанный на материкѣ ожиданіемъ судна, Кушингъ посвятилъ два мѣсяца на раскопку, у деревни Тарпонъ-Спрингсъ на берегу моря, большаго могильнаго холма сооруженнаго, какъ ему думается, тѣмъ же племенемъ, но въ позднѣйшую, материковую эпоху. Во всякомъ случаѣ поучительно сравненіе этихъ находокъ съ островными. Здѣсь добыто до 600 скелетовъ и выяснено два главныхъ рода погребенія, совершавшагося не тотчасъ послѣ смерти,

а массами, послѣ ряда лѣтъ, при богатой тризнѣ. Одни (вышіе вожди и жрецы?) хоронились или вытянутымъ скелетомъ или свернутымъ на подобіе перувианскихъ мумій. Отъ большей же части хоронились просто перемѣшанныя вмѣстѣ кости; но и среди этого послѣдняго разряда встрѣчались скелеты, кости которыхъ были только разобраны, но не спутаны съ другими; они уложены были пачками: большія кости — снизу, малыя сверху, а на самомъ верху черепъ и первоначально обмотаны были матеріей, отъ которой осталась одна пыль. Встрѣчались и другія особенности погребенія. Такъ два раза вокругъ скелета лежали, въ порядкѣ, похожемъ на очертанія лица, масса черепковъ и поврежденныхъ сосудовъ; другіе рода могилы съ вытянутыми скелетами были очерчены, обложены и завалены массой битой посуды. Надъ головой убитыхъ (стрѣлы въ костяхъ, поврежденный ударомъ черепъ) непременно оказывался опрокинутый круглый глиняный горшокъ, а надъ нимъ большая чашка изъ раковины, причѣмъ и горшокъ и чашка были съ продырявленнымъ дномъ. Младенцы хоронились въ большихъ раковинныхъ чашахъ, неповрежденныхъ, ибо то былъ лишь гробъ, а не посуда для замогильнаго употребленія умершему. Посуда же, какъ мы видѣли, вся билась или повреждалась, вообще „убивалась“, чтобъ духъ ея ушелъ вмѣстѣ съ духомъ умершаго въ загробный міръ; черепки всѣ оставались на мѣстѣ и при терпѣннн можно подобрать всякій горшокъ. Въ свое время эта посуда, наоборотъ, была „оживлена“, на ней были нарисованы, вытѣснены, наколоты знаки или части знаковъ личности и клана умершихъ (личные и клановые тотемы и символы); такъ на одномъ горшкѣ нарисована окровавленная лапа пантеры, а весь горшокъ раскрашенъ почти совершенно также какъ лицо и нарядъ одного флоридскаго воина, зарисованные экспедиціей Ралея въ XVI вѣкѣ. На другихъ сосудахъ были иныя изображенія: символъ воды (наутилусъ), символъ лѣпной работы (оса); на одномъ горшкѣ была нарисована рыба маска и сцены рыбной ловли. Формы глиняной посуды проишпли очевидно отъ формъ посуды тыквенной и деревянной (особенно напр., обращенный куполь, миски), на деревянный же прототипъ указываетъ и рѣзба на многихъ горшкахъ. Каменные украшения и предметы священныя—прекрасной работы и разнообразнаго матеріала: тутъ есть и мягкія породы, и діоритъ, и горный кристалль, и гематитъ, и слюда. Есть и старательно выдѣланныя мѣдныя украшения; такія, напр., найдены были въ одной черепковой могилѣ и висѣли на груди женщины, на ниткѣ крупныхъ пестрыхъ бусъ, причѣмъ, благодаря окиси мѣди, сохранились остатки одежды изъ тонкой ткани.

— Французскія газеты извѣщаютъ, что аргентинскій археологъ

г. Цавалетта привезъ въ Парижъ любопытное собраніе доисторическихъ памятниковъ горнаго племени Кальчаквовъ, нѣкогда упорно боровшагося со спутниками Пизарро, а нынѣ исчезнувшаго. Близкія къ древностямъ пеуравскимъ, вещи эти имѣютъ свой оригинальный отпечатокъ. Преобладающая черта ихъ—весьма выразительный символизмъ въ формахъ, въ рисункахъ, порой и въ орнаментѣ; въ нихъ сказывается несомнѣнный художественный вкусъ, замѣчательный инстинктъ симметрій рядомъ съ прихотливостью и богатствомъ воображенія, и дѣйствительное искусство отдѣлки металла (мѣдь, бронза, золото, серебро). Въ собраніи, кромѣ металлическаго оружія, орудій, украшеній, изображеній живыхъ существъ, много гончарныхъ издѣлій: тутъ 150 глиняныхъ погребальныхъ урнъ, изъ которыхъ особенно богато украшеніе живописью урны съ младенческими скелетами (жертвъ?): на нихъ нарисованы идолы, кондоры, чудища и т. п., а особенно постоянно змѣя—хранительница тѣней. Далѣе идутъ разныя вазы, съ оригинальнымъ (порой фаллическимъ) орнаментомъ, идолы, фетиши и амулеты изъ терракоты; преобладающія краски на нихъ: черная, красная, желтая и бѣлая; обожжены они прекрасно. Изъ 86 идоловъ нѣтъ ни одной пары одинаковыхъ фигуръ: извѣстное божество всегда легко узнается по своимъ атрибутамъ, но изображается весьма разнообразно, по внушенію подвижной фантазіи. Особенно любопытно изображеніе бога смерти, съ длинными рѣсницами и со слезами въ глазахъ. Въ коллекціи не мало и каменныхъ орудій и утвари, и искусно отдѣланныхъ костей. Въ антропологическомъ отдѣлѣ до сотни череповъ и нѣсколько мумій.

VII

Засѣданія ученыхъ Обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество.

Засѣданіе 5 ноября происходило въ присутствіи Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича. Графъ П. С. Уварова прочла отчетъ о Рижскомъ Съѣздѣ. Д. Н. Анучинъ сообщилъ о находкѣ чудскаго жертвеннаго мѣста на Глядѣновскомъ городищѣ, въ Пермскомъ уѣздѣ (см. стр. 363). Докладчикъ, занимающійся въ настоящее время изученіемъ нѣкоторыхъ видовъ чудскихъ древностей, въ особенности изображеній летящихъ птицъ и связанныхъ съ ними звѣринныхъ образовъ, остановился преимущественно на этихъ изображеніяхъ, на представляемыхъ ими варіаціяхъ, ком-

бинаціи птичьихъ признаковъ съ звѣриними, вѣроятно религиозномъ ихъ значеніи и вліяніи, подъ которыми могли создаться подобныя формы, отчасти занесенныя съ юга, изъ болѣе культурныхъ странъ, отчасти явившіяся въ подражаніе мѣстнымъ животнымъ формамъ или сложившіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ повѣрій и анимистическихъ воззрѣній. На основаніи этнографическихъ сближеній Д. Н. объяснялъ изображенія летящей птицы назначеніемъ—возносить къ небу жертву, при чемъ на груди птицы, по мнѣнію докладчика, изображается само жертвенное животное или человѣческая жертва. Переходъ формъ съ юга на сѣверъ докладчикъ уяснялъ изображеніями ящера и „драконовъ“, коимъ съ теченіемъ времени оказалась усвоенной, напр., морда лося. Что касается до находокъ на Глядѣновскомъ городищѣ, то о нихъ можно было составить себѣ понятіе только по доставленнымъ 11 фотографіямъ, изображающимъ не болѣе 550 вещей, т. е. не болѣе $\frac{1}{23}$ общаго числа. Но уже изъ этихъ фотографій видно, что добытая коллекція предметовъ представляетъ большую важность для изученія чудскихъ древностей и заслуживаетъ самаго обстоятельнаго описанія.—В. Д. Соколовъ сообщилъ о стоянкѣ каменнаго вѣка на берегу оз. Тургоякъ, въ южномъ Уралѣ, гдѣ докладчикомъ были найдены остатки древней каменной постройки изъ сложенныхъ глыбъ и различныя кремневыя орудія и черепки горшковъ, очевидно, неолитической эпохи.—В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ о ново-найденномъ владимірскомъ кладѣ (см. стр. 365). Графиня Уварова представила богато убранный желѣзный топорикъ великокняжескаго времени, приобрѣтенный недавно московскимъ антикваріемъ г. Ивановымъ, а имъ представленный на разсмотрѣніе О—ва. Топорикъ этотъ обложенъ серебромъ, по которому идетъ золотая инкрустація, изображающая въ стилѣ рукописныхъ заставокъ: птицу и плетеную букву а (драконъ, пронзенный норманскимъ мечемъ), выше нѣчто вродѣ буквы А, на самомъ верху крестики.

Засѣданіе 21 ноября 1896 года, посвященное памяти высокопреосвященнаго Саввы, А. И. Павинскаго и графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

13 октября скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, высокопреосвященный Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій. Благотворная и незабвенная въ лѣтописяхъ московской науки дѣятельность его въ качествѣ синодальнаго ризничаго; его печатные труды, высокоцѣнные для археологовъ, историковъ литературы, палеографовъ и у насъ, и на Западѣ; его содѣйствіе трудамъ такихъ ученыхъ, какъ Буслаевъ, Бодянский, Викторовъ, Соловьевъ, Тихонравовъ; его исполненная теплоты связь съ Московскимъ Университетомъ, на праздникъ коего, 12 января, владыка обыкъ пріѣзжать и изъ Твери; его постоянно дружественное, сердечное отношеніе къ нашему Обществу, членомъ коего онъ сталъ съ перваго засѣданія 4 октября 1864 года, его участіе въ трудахъ и заботахъ Общества, а за послѣднее время его появленіе на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1890 г., теплыя слова, которыми онъ при-

вѣтствовалъ Общество въ день юбилея его, предсѣдательство въ засѣданіи отдѣленія церковныхъ древностей на Създѣ; возстановленіе въ 1885 г. по его почину и подѣ его, какъ представителя отъ Общества, наблюденіемъ Михайловскаго храма, въ с. Никулинѣ Городищѣ (XIV в.); поддержка и дружба, какую онъ оказывалъ въ Твери А. К. Жизневскому, и вообще вниманіе и любовь къ старинѣ, забота о сохраненіи ея и памяти о ней, проявлявшіяся имъ во все время управленія епархіями, до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни ¹⁾, все это вмѣстѣ съ любвеобильнымъ и искренно смиреннымъ нравственнымъ обликомъ почившаго принадлежитъ къ дорогимъ страницамъ въ воспоминаніяхъ Общества.

21-ое ноября, сороковой день по кончинѣ преосвященнаго Саввы, постановлено было посвятить памяти его и двухъ другихъ скончавшихся за лѣто археологовъ: А. И. Павинскаго и графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

Передъ началомъ засѣданія членомъ Общества о. Валентиномъ Остроумовымъ, въ сослуженіи съ приходскимъ священникомъ о. Горетовскимъ, совершена была паннихида по почившемъ архипастырѣ. Затѣмъ приступлено къ чтенію докладовъ.

И. Н. Корсунскій прочелъ докладъ: „Высокопреосвященный Савва и его значеніе для науки, особенно археологій и исторіи“. В.-пр. Савва, въ мѣрѣ Иванъ Михайловичъ Тихоміровъ, родился 15 марта 1819 года въ предѣлахъ Владимірской губерніи, изобилующей древностями церковными, гражданскими и бытовыми. Его школьное воспитаніе и самообразование (посредствомъ чтенія книгъ, преимущественно духовнаго и историческаго содержанія) незамѣтно, но неуклонно вело къ тому, чтобы ему явиться дѣятелемъ, какимъ оказалъ онъ себя впослѣдствіи, и между прочимъ, на служеніи наукъ. Окончивъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1850 г. со степенью магистра богословія, онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ митрополитомъ Филаретомъ на должность синодальнаго ризничаго, которую исправлялъ почти девять лѣтъ, до 18 мая 1859 года. На этой должности, которая требовала отъ него не только храненія древностей и богатыхъ сокровищъ прежней патріаршей, нынѣ синодальной ризницы и греческихъ, а также славянскихъ рукописей той же библіотеки, но и ознакомленія съ ними другихъ, любопытствующихъ или нуждавшихся въ ихъ изученіи, онъ неизбѣжно самъ сталъ изучать и древности и рукописи. Исполняя же порученіе начальства, составить для печати указатель и описаніе ризницы и библіотеки, онъ еще болѣе углубился въ это изученіе, а потомъ даже и пристрастился къ археологическимъ занятіямъ, „возлюбилъ было“, какъ самъ признавалъ въ 1862 году, „искать“ въ предметахъ археологій „слѣдовъ древней церковной жизни“. И составленный имъ, впервые изданный въ 1855 году, а затѣмъ не разъ повторенный изданіемъ *Указатель для обозрѣнія патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки* былъ первымъ, но весьма

¹⁾ Ср. стр. 147.

серьезнымъ, полезнымъ и вполне научнымъ опытомъ его и любви къ археологіи, и изученія ея, и археолого-библіографическихъ занятій по должности.

Дальнѣйшія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, передвиженія его по службѣ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и въ архіерейскомъ санѣ, естественно, отвлекали его отъ археологическихъ занятій, но не охладили любви къ археологіи. Не говоря о такомъ капитальнѣйшемъ трудѣ, какъ „*Палеографическіе снимки съ рукописей синодальной бібліотеки*“, вышедшіе въ печати уже въ 1863 году, даже самыя поѣздки преосвященнаго Саввы по епархіямъ, преемственно ему ввѣряемымъ (Московской, Полоцкой, Харьковской и Тверской), были своего рода археологическими экскурсіями. Кромѣ того, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, особенно же по случаю разбора матеріаловъ для біографіи многолѣтняго друга его и сослуживца преосвященнаго архіепископа Ярославскаго Леонида († 1876), онъ развилъ въ себѣ вкусъ къ церковно-историческимъ работамъ, рядъ которыхъ начинается *Воспоминаніями* объ этомъ самомъ архіепископѣ Леонидѣ (Харьковѣ, 1877) и кончается *Сборникомъ писемъ* разныхъ лицъ къ архіепископу Ростовско-Ярославскому *Арсенію (Верещанину)*, напечатаннымъ уже въ 1893 году въ Твери, и обнимаетъ собою цѣлыхъ два столѣтія (XVIII и XIX) русской церковно-исторической жизни. Изъ этихъ работъ самою крупною и важною въ различныхъ отношеніяхъ является изданное имъ многотомное *Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Московскаго Филарета* (Спб. и Москва, 1885—1888).

Какъ въ своихъ археологическихъ собственно работахъ преосвященный Савва раскрылъ передъ ученымъ міромъ, особенно въ своемъ *Указателѣ для обозрѣнія ризницъ*, одну изъ богатѣйшихъ сокровищницъ древностей, настолько важную и настолько хорошо имъ обследованную, что И. М. Археологическое Общество во второй же годъ по своемъ учрежденіи положило имѣть трудъ почившаго въ основаніи, какъ источникъ и авторитетъ, при составленіи „Матеріаловъ для археологическаго словаря“, а въ *палеографическихъ снимкахъ* проложилъ путь научной палеографіи, такъ въ своихъ церковно-историческихъ работахъ онъ раскрылъ многое, что совершенно измѣняетъ существовавшіе дотолѣ и уже утвердившіеся было въ наукѣ взгляды на нѣкоторыя лица и событія. Вообще, его работами дается сильный толчекъ научному движенію въ показанныхъ областяхъ знанія, и этого значенія, этой заслуги его для науки не должны забывать ни Общество, ни ученый міръ вообще.

Были доложены сообщенія о в.-пр. Саввѣ М. Н. Сперанскаго, Ѡ. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова.

Докладъ М. Н. Сперанскаго разсматривалъ „Археологическіе и палеографическіе труды преосв. Саввы“. Дѣятельность общительнаго и любящаго науку, внимательнаго къ посѣтителямъ и ученымъ труженикамъ, синодальнаго ризничаго Саввы въ 1850—59 гг., составила эпоху въ научныхъ судьбахъ моск. синодальныхъ ризницы и бібліотеки, далеко подвинувъ впередъ

и развитие, и увеличеніе научнаго и общественнаго значенія ихъ. Въ 1855 г. вышелъ плодъ и его личной, тогда пятилѣтней, работы здѣсь— „Указатель для обзорѣнія моск. синодальной (патріаршей) ризницы“ (8-ка, 155 стран.); большую часть книжки составляло описаніе предметовъ ризницы, описаніе немногословное, точное, съ приведеніемъ записей и надписей на предметахъ, со справками по старымъ описаньямъ ризницы; изъ библіотеки указаны были лишь наиболѣе интересныя рукописи и впервые дана, хотя кратка, исторія библіотеки. Въ работѣ своей авторъ руководился немногими, но весьма старательно изученными изданіями, какъ: Исторія іерархіи (М. 1822 г.), Софійскій Временникъ (1820—21 гг.), Исторія Карамзина, Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ (Иванова, М. 1850), Памятники Моск. древности (Снегирева). Трудъ зтотъ заслужилъ и одобреніе митрополита, и сочувствіе публики, быстро разоидясь двумя изданіями; но уже въ 1858, въ третьемъ изданіи, трудолюбивый ризничій даетъ коренную переработку „Указателя“. На основаніи значительно уже расширеннаго знакомства и съ печатной литературой и особенно съ матеріаломъ московскихъ архивовъ, о. Савва снабдилъ первую часть множествомъ любопытныхъ и важныхъ археологическихъ справокъ и указаній, въ большинствѣ случаевъ почерпнутыхъ прямо изъ первоисточниковъ: изъ рукописей, грамотъ, старинныхъ изданій; вторая же часть являлась совершенно новымъ трудомъ: въ ней, значительно расширивъ изложеніе исторіи библіотеки, о. Савва далъ краткое, въ алфавитномъ порядкѣ перечисленіе всѣхъ рукописей, какъ греческихъ такъ и славянскихъ—доселѣ единственный полный указатель библіотеки, значеніе котораго для развитія пользованія библіотекой было и остается весьма велико. Къ указателю приложенъ „Пояснительный словарь неудобопонятныхъ словъ“, составленный съ большою тщательностью и знаніемъ. Въ 1859—1862 гг., въ должностяхъ ректора Моск. семинаріи и дух. академіи, и затѣмъ, въ 1862—66 гг., викаріемъ московскимъ и вновь въ кругу своихъ ученыхъ друзей, пр. Савва не покидалъ занятій археологіей: онъ напечаталъ отдѣльно первую часть „Указателя“, выдѣливъ для нея собственную часть словаря и присоединивъ къ изданію 15 таблицъ рисунковъ (1863, М., 4-ка), и въ томъ же 1863 г. издалъ свои „Specimena palaeographica — палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей моск. син. библ., VI—XVII в.“ (4-ка). Докладчикъ далъ очеркъ предшествовавшей палеографической литературы нашей, начиная съ письма Оленина „О Тмутараканскомъ камнѣ“ (1806 г.) и западной (для греческой палеографіи), начиная съ труда Монфокона (1708). Трудъ пр. Саввы даже передъ такими работами, какъ Востокова, Погодина, Буслаева, имѣетъ то чрезвычайной важности принципіальное преимущество, что прекрасно исполненные снимки его изданы для славянскихъ текстовъ исключительно, для греческихъ почти исключительно (кромѣ трехъ рукописей VI—VIII вв.), съ рукописей *датированныхъ*. Значеніе труда пр. Саввы не сравнено и позднѣйшими работами Срезневскаго и арх. Амфилохіа. Греческая часть труда пр. Саввы представляетъ собой первое послѣ Монфокона

собственно палеографическое изданіе, и первое, собравшее палеографическій матеріалъ по минускулу и курсиву. Знаменитыя послѣдовавшія работы Тишendorфа сосредоточились опять на унциальномъ письмѣ, и лишь къ концу 1870-хъ годовъ, послѣ мало распространенныхъ изданій англійскаго палеографическаго Общества, явился въ 1878 г., въ Гейдельбергѣ, трудъ Фельзена и Ваттенбаха, составляющій продолженіе изданія Саввы.

Ө. И. Буслаевъ, въ краткой запискѣ вспоминалъ главнымъ образомъ о началѣ своего знакомства съ ризничимъ Саввою въ 1853 г., во время усиленной работы въ синодальной библіотекѣ къ празднованію университетскаго юбилея.

А. И. Кирпичниковъ въ докладѣ „Къ біографіи в.-пр. Саввы“ въ теплыхъ словахъ вспоминалъ о томъ впечатлѣніи, какое производили на него и его товарищей студентовъ рассказы ихъ учителей: Ө. И. Буслаева, Н. С. Тихомирова и также А. Е. Викторова о преосв. Саввѣ, ихъ почти восторженные отзывы о московскомъ викаріѣ, такъ живо интересовавшемся научными и особенно археологическими вопросами и такъ близко принимавшемъ къ сердцу университетскія дѣла и интересы учащейся молодежи, какъ будто бы самъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ членовъ университетской корпораціи; съ третьяго курса студенты знакомились съ монументальнымъ палеографическимъ трудомъ преосвященнаго, достойнымъ временъ Монфокона. Авторъ говорилъ далѣе о личномъ своемъ знакомствѣ съ тверскимъ владыкою въ 1890 г. на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ: о его благодущіи, ободряющей простотѣ обращенія, поразительной скромности, о истинно христіанскомъ любвеобиліи и смиренномудріи. Даже и при меньшихъ собственнo ученыхъ заслугахъ, чѣмъ какія были у в.-пр. Саввы, іерархи съ его направленіемъ „совершаютъ великое культурное дѣло: они равняютъ съ землею тотъ, по счастью, неглубокій ровъ, который по примѣру нашихъ западныхъ учителей сталъ было образовываться и у насъ между науками духовной и свѣтской (какъ будто есть двѣ науки! какъ будто есть двѣ истины!)“.

Доложена поминка А. Ө. Мѣржинскаго объ А. И. Павинскомъ:

Скончавшійся 12 августа Адамъ-Станиславъ Ивановичъ Павинскій, былъ уроженцемъ г. Згержа Петроковской губерніи, былъ воспитанникомъ Юрьевскаго (Дерптскаго) университета, слушалъ лекціи въ Берлинѣ и Геттингенѣ и съ 1868 г. читалъ лекціи по всеобщей исторіи въ Варшавѣ и состоялъ сначала въ правительственной комиссіи юстиціи, съ 1875 — начальникомъ варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ, а съ 1883 — председателемъ комиссіи для разбора упраздняемыхъ архивовъ. Плодотворная архивная дѣятельность Павинскаго посвящена была разбору и ученому изданію актовъ. Въ университетѣ, помимо ряда курсовъ по римской и средней исторіи и по общей исторической методологіи, онъ читалъ: источники первобытной цивилизаціи, дипломатику и хронологію среднихъ вѣковъ, латинскую палеографію, исторію балтійскихъ славянъ, и вель особенно драгоцѣнные для слушателей

семинаріи, гдѣ при своемъ знаніи палеографіи, спокойномъ критическомъ тактѣ и необыкновенной даровитости въ сопоставленіи фактовъ, на примѣрахъ училъ опредѣленію документовъ, и разработкѣ ихъ матеріала. Изъ архивныхъ изданій покойнаго назовемъ здѣсь II—XVI тома *Zródła Dziejowe* (1875—1895)—акты XVI вѣка, пять томовъ *Dzieje Ziemi Kujawskiej* (1884—1888)—акты съ эпохи выборныхъ королей до раздѣла Польши. Изъ многочисленныхъ историческихъ трудовъ—докторскую диссертацию „*Полабскіе Славяне*“ (Спб. 1871) и „*Sejmiki Ziemskie*“, 1374—1505 (Warszawa 1895); наконецъ, археологическіе труды: „*Погребальныя обычаи у Западныхъ Славянъ*“ (Спб. Археол. Съѣздъ, 1870), „*Доисторическое время въ Ц. Польскомъ*“ (Варшава, 1875), „*L'incinération chez les peuples slaves*“ (Антропологическій Международный Съѣздъ въ Лиссабонѣ, 1881), „*Вопросъ о существованіи человека въ третичной формации*“ (Варшава, 1882), *Отдѣлъ 10-й, губерніи Западныхъ* въ „*Каменномъ Вѣкѣ*“ графа Уварова, и также докладъ, читанный имъ на Виленскомъ Археол. Съѣздѣ, 1893 г.: „*Подляшское воеводство въ XVI столѣтіи*“. Последнимъ, недоконченнымъ трудомъ является статья *Diplomatica* для *Wielka Ilustrowana Encyklopedia* (гдѣ и будетъ напечатана). Въ Археологическихъ Съѣздахъ А. И. участвовалъ, начиная со второго С.-Петербургскаго Съѣзда; членомъ Моск. Археол. Общ. былъ съ 1875, а Общ. Ист. и Древн. Росс. съ 1884 г.

Въ заключеніе В. А. Ульяницкій прочелъ поминку о графѣ Э. К. Гуттенъ-Чапскомъ, очертивъ его нумизматическіе труды.

Въ Славянской Коммисіи Общества, въ засѣданіи 1 октября 1896 г. А. И. Яцимирскій доложилъ „Повѣсть о Дракулѣ въ трудѣ румынскаго ученаго, Богдана“. Въ трудѣ своемъ: „Владъ Цепешъ и нѣмецкія и русскія сказанія о немъ, съ пятью портретами, Букурешть, 1896 г.“ (на румынск. яз.), г. Богданъ, по новымъ документамъ, вопреки обычному у румынскихъ изслѣдователей представленію валашскаго господара (1456—1462 и 1476) Влада Цепеша—„Дракулы“ русской повѣсти—какъ дѣятельнаго народнаго героя, жестокаго но справедливаго, являетъ намъ Цепеша слабымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, маниакомъ - тираномъ, вродѣ Нерона, Калигулы. Сказанія нѣмецкія и русскія о немъ подтверждаются мѣстными источниками и ими авторъ пользуется поэтому какъ историческимъ источникомъ. У г. Богдана напечатаны нѣмецкіе тексты и четыре русскіе. Трудъ г. Богдана преимущественно историческій, и докладчикъ далъ нѣсколько дополненій историко-литературныхъ: сообщилъ о неизвѣстномъ доселѣ спискѣ русской повѣсти 1490 г., т. е. переписанномъ всего 8 лѣтъ по составленіи повѣсти; соглашаясь съ мнѣніемъ г. Б., что авторомъ повѣсти всего вѣроятнѣе былъ извѣстный дьякъ Феодоръ Курицынъ, бывший въ 1482 г. при дворѣ Матвѣя Корвина и видѣвшій семью Дракулы, докладчикъ указалъ на спеціальныя статьи посвященныя Курицыну и на переводъ имъ Лаодикійскаго посланія; въ заключеніе отмѣтилъ путаницу въ учебникахъ Галахова и Порфирьева въ немногихъ словахъ

посвященныхъ имъ повѣсти о Дракулѣ.— П. А. Лавровъ сдѣлалъ два сообщенія: „На какомъ языкѣ были писаны грамоты турецкаго султана Селима в. кн. Василию Іоанновичу?“ и „Кѣмъ, когда и гдѣ была напечатана первая болгарская сказка?“ Выводы перваго слѣдующіе: изъ трехъ дошедшихъ до насъ грамотъ двѣ по языку — сербскія, сходныя съ грамотами отъ того же султана, посланными въ Дубровникъ и напечатанными въ Monumenta Serbica Миклошичемъ. Третья сохранилась въ русскомъ пересказѣ ¹⁾. Во второмъ сообщеніи было указано на опускаемую изъ вниманія библіографами болгарскую сказку, записанную сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ и напечатанную имъ въ изданной въ 1826 г. поэмѣ „Сербіанка“. Сказка записана была въ Видинѣ и помѣщена съ посвященіемъ молодому болгарину, Христофору Хаджи Іоанновичу въ благодарность за доставленныя имъ поэту средства на окончаніе печатанія „Сербіанки“. Особенности сѣв.-зап. болгарскаго нарѣчія въ фонетикѣ, формахъ и словахъ сохранены М—чемъ въ значительной степени, какъ видно изъ сравненія съ образцами изъ этой мѣстности въ Сборникѣ Болг. Мин. Нар. Просв. Два другіе варианта этой сказки (въ „Читанкѣ“ Эрбена и въ сборникѣ народныхъ сказокъ Шалкарева), повидимому, передѣлки текста Милутиновича, при чемъ у Э. особенности зап.-болг. говора сглажены, а у Ш. языкъ передѣланъ по-охридски. Подобный новоболгарскій пересказъ напечатанъ въ книгѣ докладчика „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“, какъ одинъ изъ эпизодовъ статьи, въ Новоболг. Сборникѣ XVIII в. проф. Н. С. Тихонравова, о св. Андрѣѣ.

**Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при
Московскомъ университетѣ.**

Въ засѣданіи 24 октября А. Н. Зерцаловъ представилъ „Новыя данныя по вопросу о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“. Докладчикъ уже два года тому назадъ указывалъ на неправдоподобность донесенія пономаря Конона Осипова о двухъ палатахъ полныхъ сундуками въ кремлевскихъ тайникахъ. Новыми поисками докладчика въ Архивѣ Мин. Юстиціи выяснилось, что раскопки, произведенныя въ 1725 г. по указанію Осипова, не привели ни къ чему и данъ былъ сенатскій указъ, „той поклажи больше не искать“. Но въ 1736 году Осиповъ вновь просилъ начать раскопки и по наведенной тогда подробной справкѣ выяснилось какъ существованіе помянутаго указа, такъ и то, что Кононъ Осиповъ съ 1713 г. состоялъ по подряду должникомъ казнѣ на 398 р.; въ 1718 г. онъ временно отвелъ взыскаііе долга заявленіемъ въ Преображенскомъ приказѣ о растратѣ подьячимъ Ильей Корнауховымъ казенной мѣди. Въ 1735 г. послѣдовалъ именной указъ о сложеніи съ должниковъ казенныхъ недоимокъ до 1718 г., но дѣло съ Корнауховымъ „продолжало тяготѣть надъ нимъ: кто изъ нихъ

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ 3 кн. „Извѣстій Второго Отдѣленія Имп. Ак. Наукъ“.

оказался правъ и не было ли поклена со стороны Осипова, остается неизвѣстнымъ“. Докладчикъ считаетъ несомнѣннымъ, что мысль о возобновленіи раскопокъ возникла у Осипова „изъ желанія отдѣлаться отъ долга и слѣдствія, которому онъ подпалъ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ“.

Въ засѣданіи 6 ноября В. О. Ключевскій читалъ „О трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи“. Онъ заявилъ, что хочетъ только напомнить, что сама императрица писала о русской исторіи, о своихъ заботахъ и занятіяхъ по этому предмету, какъ смотрѣла на его значеніе, на способы и средства его разработки и т. п. Въ ея отзывахъ и замѣчаніяхъ обнаруживаются различныя побужденія, понуждавшія ее къ изученію исторіи ея втораго отечества,—побужденія политическія, патріотическія и педагогическія или народно-воспитательныя. Изложивъ ихъ, референтъ упомянулъ объ изданіяхъ по русской исторіи, которымъ императрица прямо или косвенно содѣйствовала (Татищева, Миллера, Новикова, Стриттера и др.), а также и объ ученомъ историческомъ обществѣ или учрежденіи, которое по указу 4 декабря 1783 г. предполагено было основать подъ руководствомъ гр. А. П. Шувалова „для составленія записокъ о древней исторіи, наипаче касающейся до Россіи“. Затѣмъ референтъ привелъ выдержки изъ писемъ Екатерины II о томъ, какъ, по какому плану, съ какою цѣлью, по какимъ источникамъ и при чьемъ сотрудничествѣ составляла она свои „Записки касательно Россійской исторіи“ и какія дидактическія приспособленія введены ею въ этотъ трудъ съ цѣлью облегчить изученіе русской исторіи; отмѣчены также: вліяніе „Опыта о нравахъ“ Вольтера на этотъ трудъ Екатерины и ея взглядъ на направленіе, въ какомъ должна писаться русская исторія, которая (письмо императрицы къ Мордвинову въ 1790 г.) должна служить потомству предметомъ соревнованія и зеркаломъ, поддерживая умы, ободряя и направляя ихъ къ той высотѣ, которая ведетъ къ великимъ дѣламъ.

Московское Архитектурное Общество.

Въ засѣданіи 13 октября В. А. Гамбурцевъ читалъ докладъ: „Обрядъ оклада деревянныхъ и закладки каменныхъ зданій“. Указывая на древность этого обряда В. А. ссылаясь на свидѣтельство лѣтописи о закладкѣ Бѣлгорода княземъ Владиміромъ и на икону Петра митрополита въ Московск. Успенскомъ Соборѣ. Суть обряда въ томъ, что въ этотъ моментъ раздѣляютъ работу каменщика и плотника и хозяинъ дома, и митрополитъ, и царь.

Въ засѣданіи 24 октября предсѣдатель Общества, К. М. Быковскій, представилъ докладъ „По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества“. Докладчикъ указалъ на дѣятельность О—ва въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти вѣка по собиранію матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества. Результатами трудовъ О—ва являются: коллекція копій, исполненныхъ во время Политехнической выставки 1872 г. съ рисунковъ

Мартынова, Гримма, Горностаева и др., даръ бывшаго предсѣдателя О—ва П. А. Герасимова—рисунки реставраціи Спасскихъ воротъ, и коллекція рисунковъ покойнаго предсѣдателя О—ва Д. Н. Чичагова по реставраціи иконостаса Успенскаго собора; кромѣ того, оригинальные рисунки Даля и Авдѣева служатъ матеріаломъ для исторіи зодчества настоящаго времени. Указавъ на важность собиранія матеріаловъ по исторіи русскаго искусства не только въ до-Петровскій періодъ, но также и памятниковъ зодчества XVIII и начала XIX в., докладчикъ предложилъ: 1) привести въ порядокъ и систематизировать имѣющійся въ О.—вѣ матеріалъ, составить альбомы и внести въ каталогъ подробный перечень рисунковъ; 2) сдѣлать публикацію о томъ, что Моск. Архитект. Общ., озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для исторіи русскаго зодчества, обращается къ любителямъ русской старины съ просьбой сообщить объ имѣющихся у нихъ матеріалахъ съ цѣлю приобрѣтенія ихъ для коллекціи Общества. Предложенія докладчика приняты Обществомъ.

Въ засѣданіи 7 ноября А. А. Потаповъ прочелъ докладъ: „Кремлевскій дворець въ XVII вѣкѣ“.

Императорское Русское Археологическое Общество.

Въ засѣданіи *Восточнаго Отдѣленія* 11 октября В. Д. Смирновъ прочелъ докладъ: „Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи“. Сказаніе найдено г. Смирновымъ въ одномъ сборникѣ османскихъ новеллъ, въ рукописи XVI в. Здѣсь есть разсказъ объ еврей, требующемъ по уговору осуществленія своего права вырѣзать у должника кусокъ мяса; разсказъ о судѣ вполне напоминаетъ русскій Шемякинъ судъ. Баронъ В. В. Розень представилъ фототипное изданіе сборника испано-арабской поэзіи „Диванъ Ибн-Хозмана“ (Гузмана), исполненное въ Пб. у Вильборга по заказу бар. Гинцбурга. Гузманъ—испанецъ, писавшій по-арабски, авторъ XII в. Единственный сохранившійся сборникъ его стиховъ заключается въ рукописи XIII в., принадлежащей азіатскому департаменту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ засѣданіи *Классическаго Отдѣленія* 14 октября доложены были сообщенія Б. В. Фармаковского („Стѣнная живопись микенской эпохи“) и С. А. Жебелова („Левинская надпись — рецептъ“ и „О новомъ изданіи Павзанія“). Б. В. Фармаковский сообщаетъ свои выводы и соображенія относительно открытаго въ 1893 году фрагмента пола Микенскаго дворца съ изображеніемъ въ краскахъ торса мужской фигуры. По мнѣнію Н. П. Кондакова, сказанный фрагментъ представляетъ образчикъ техники поливныхъ кирпичей, на что указываетъ рельефно выступающій вокругъ всей фигуры контуръ. С. А. Жебелевъ, какъ авторъ книги „Религіозное врачеваніе въ древней Греціи“ (Спб. 1893), останавливается на вновь прочитанныхъ двухъ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Критѣ изъ левинскаго святилища Асклепія. Въ этихъ надписяхъ благодарность за исцѣленіе сопровождается указа-

нием средства, применяемого и в современной медицине (Ж. М. Н. Пр., ноябрь). Новое издание Павзания (Pausaniae Graeciae Descriptio) произведено под редакцией Hitzig'a и Bluemner'a и отличается полнотою комментария. Вышедший первый томъ заключаетъ въ себѣ первую книгу Павзанія.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія 27 сентября И. Шляпкинъ доложилъ „О Роговолодовомъ и Двинскихъ камняхъ“, излагая добытое поѣздкой своей, совершенной по порученію Императорской Археологической Комиссіи. Между прочимъ г. Шляпкину удалось получить лучшія прежнихъ воспроизведенія камней. Надпись на крестѣ хранящемся нынѣ въ Истор. Музеѣ въ Москвѣ, онъ читаетъ: „Сулиборъ хрьсть“ = „Сулиборовъ крестъ“. — О. А. Браунъ освѣтилъ физиологическими данными этнографическія свѣдѣнія древнихъ писателей о нынѣшней южной Россіи въ первые вѣка христіанства по великое переселеніе народовъ включительно.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія 29 октября С. В. Рождественскій читалъ о „Служинихъ земляхъ“ относя этотъ терминъ, середины XVI в. (вторая тверская писцовая книга) къ землямъ, жалованнымъ князьями ихъ слугамъ въ наследственное владѣніе подъ условіемъ службы. С. В. Платоновъ въ докладѣ: „Какъ сложилась территория опричнины“, указывалъ, что въ опричнину были записаны по преимуществу города, служившіе станами по торговымъ путямъ московскаго государства. Н. К. Ретихъ прочелъ о „Раскопкахъ послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины“, произведенныхъ имъ и являющихся продолженіемъ разысканій покойнаго Л. К. Ивановскаго.

Въ общемъ собраніи 6 ноября, А. Н. Щукаревъ прочиталъ: „О тиарѣ царя Сайтферна“. Первая часть доклада состояла въ разсмотрѣніи литературы про и contra тиары. Референтъ рѣшительно сталъ на сторону Фуртвенглера, доказывающаго, что тиара есть наглый подлогъ, а, какъ композиція, простой пастышъ изъ фигуръ и деталей разныхъ временъ и разныхъ стилей. Для нижняго фриза ея фигуры взяты съ южно-русскихъ золотыхъ вещей, причеиъ нѣтъ необходимости предполагать особыхъ библиографическихъ познаній фальсификатора, не пошедшаго дальше рисунковъ, имѣющихся въ „Русскихъ древностяхъ“ Толстого и Кондакова. Для верхняго фриза сцены изъ Илиады скомпанованы по другимъ оригиналамъ, но и здѣсь всю библиографію съ удобствомъ замѣняетъ атласъ Вейссера. Въ виду субъективнаго характера сужденій о тиарѣ по стилю (то, что у французскихъ защитниковъ тиары превосходно, Фуртвенглеру кажется отвратительнымъ), референтъ указалъ на важность надписи, какъ главной улики фальсификатора. Формы буквъ ея, какъ и ряда другихъ поддѣльныхъ надписей на золотѣ и камнѣ, тождественны, композиція—не безупречна, городская стѣна попадаетъ на другой, несомнѣнно поддѣльной, коронѣ и т. д. Благодаря надписи, мы можемъ поставить тиару въ группу поддѣлокъ уже извѣстныхъ и относительно надписей на мраморѣ, давно избличенныхъ уже академикомъ В. В. Латышевымъ. По поводу доклада А. Н. Щукарева высказался также Н. П. Кондаковъ, который, соглашаясь въ принципѣ и по собственному впечатлѣнію отъ тиары

съ безусловной поддѣльностью ея, находилъ, что не слѣдуетъ, подобно Фуртвенглеру и референту, подробно и объективными доводами доказывать поддѣльность подобныхъ вещей. По его мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ слѣдуетъ судить, главнымъ образомъ, по стилю и техникѣ.

Въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія 18 ноября, докладчикомъ явился С. А. Жебеловъ, прочитавшій: „Объ аѳинскихъ тираннахъ Аѳиніонѣ и Аристіонѣ“, дѣйствовавшихъ около 88 года до Р. Х. въ качествѣ ставленниковъ Митридата, царя Понтійскаго. Разборомъ историческихъ свидѣтельствъ докладчикъ устраняетъ смѣшеніе во-едино этихъ двухъ лицъ, выступившихъ одно за другимъ. Въ томъ же засѣданіи были рассмотрѣны отдѣленіемъ послѣднія новости археологической литературы: 1) Émile Molinier „Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V-e à la fin du XVIII siècle“. Вышедшій первый томъ этого роскошнаго изданія заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о художественныхъ поддѣлкахъ изъ слоновой кости; 2) „La Glyptothèque ny Carlsberg“. Это первый изъ появившихся, но второй по плану изданія выпускъ художественно выполненныхъ у Брукмана, въ Мюнхенѣ, воспроизведеній античныхъ скульптуръ, входящихъ въ составъ коллекціи Якобсена въ Копенгагенѣ; 3) „Die attischen Grabreliefs“, издаваемые вѣнской академіей наукъ. Въ этомъ году вышелъ VIII выпускъ этого изданія.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Въ засѣданіи 1 ноября 1896 г. А. Я. Лященко прочелъ некрологическія замѣтки о бар. Э. А. Бюлерѣ и Н. И. Суворовѣ, а В. В. Майковъ о преосв. Саввѣ. А. Я. Лященко доложилъ „О моленіи Данила Заточника“: упоминаемый въ „Моленіи“ князь есть Ярославъ Всеволодовичъ, жившій въ 1191—1246 гг. и бывший одновременно княземъ южнаго Переяславля и Новгорода; въ Новгородѣ дѣятельность его особенно замѣтна между 1223 — 1236 гг., и къ этому времени должно отнести составленіе „Моленія“. П. К. Шефферъ въ докладѣ „О рукописи Кириши Данилова“ сообщилъ объ открытой Н. В. Чоховымъ, въ библ. кн. М. Р. Долгорукова, рукописи, съ которой Калайдовичъ издалъ въ 1823 г. „Древнія русскія стихотворенія Кириши Данилова“, и которая считалась утерянной. Оказывается, что въ печатномъ текстѣ сглажены діалектическія особенности и крайне неудовлетворительно изданы ноты; кромѣ напечатанныхъ пѣсень, рукопись даетъ интересный вариантъ стиха о Голубиной книгѣ, пѣсню о старцѣ Игренищѣ и нѣск. другихъ. Сама рукопись есть несомнѣнно копія съ болѣе ранняго оригинала и написана не ранѣе 1781 года.

Въ засѣданіи 22 ноября, В. И. Ламанскій представилъ писанный на пергаментѣ въ XIV в. „Прологъ“, принадлежащій Спасо-Прилудскому монастырю. Этотъ „Прологъ“ является самымъ полнымъ по объему и представляетъ большую важность въ виду сохранившихся въ немъ многихъ древнихъ формъ языка. Содержаніемъ своимъ „Прологъ“ имѣетъ краткія житія греческихъ и

русскихъ святыхъ и поученія. Въ особеннѣсти г. Ламанскій указалъ на житіе св. кн. Михаила Черниговскаго, отличающееся новыми подробностями о привезеніи тѣла кн. Михаила, и на житіе свв. Кирилла и Меѳодія, которое проливаетъ новый свѣтъ на исторію составленія славянской азбуки. Второе сообщеніе: „Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII в.“ было сдѣлано А. И. Соболевскимъ. Представивъ очеркъ состоянія переводнаго дѣла въ Россіи за XVI—XVII в., г. Соболевскій затѣмъ обратилъ вниманіе на переводы: 1) Сказанія о сарацинской вѣрѣ, 2) Географіи Помпонія Мелы и 3) Ариметики, при чемъ указалъ, что первые два перевода, сдѣланные нескладно, плохимъ церковно-славянскимъ языкомъ, принадлежать, вѣроятно, грекамъ, а переводъ „Ариметики“ съ нѣмецкаго языка исполненъ, вѣроятно, литовскимъ полоняниномъ Георгіемъ, переводчикомъ Луциларія и двухъ врачей въ XVI в. Три слѣдующія сообщенія принадлежали Н. П. Лихачеву; въ первомъ, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ иконописцахъ краткаго иконописнаго подлинника“, г. Лихачевъ опредѣлилъ время дѣятельности двухъ великокняжескихъ иконописцевъ—Ярца и сына его Ивана Дермы; во второй замѣткѣ: „Прозвища в. кн. Ивана III“, г. Лихачевъ сообщилъ, что имъ найдены въ документахъ XV в. прозвища „Правосуда“ и „Калиты“; наконецъ, въ сообщеніи „Родъ Адашевыхъ и государевъ родословецъ“, г. Лихачевъ изложилъ свое мнѣніе о происхожденіи Адашевыхъ отъ Ольговыхъ, выяснилъ ихъ мѣсто въ государевомъ родословцѣ, а затѣмъ выяснилъ отношеніе между древнимъ родословцемъ и Бархатною книгой, гдѣ многія родовыя росписи оказываются искусственно приписанными къ основному тексту родословца.

Антропологическое Общество въ Спб.

Въ засѣданіи 23 ноября В. В. Передольскій доложилъ о поѣздкѣ своей по берегамъ рѣки Енисея. На берегу рѣки, у села Коломцы въ Красноярскомъ округѣ, открыты на глубинѣ 6 аршинъ, подъ наносной почвой, въ культурномъ пластѣ, слѣды громаднаго селенія, существовавшаго, вѣроятно, въ доисторическое время и — какъ убѣждаютъ нѣкоторые найденные предметы — въ каменный періодъ. На шесть верстъ выше Коломцовъ, въ Вазайскомъ поселкѣ, подъ четырехъ-саженнымъ слоемъ дюннаго песку, г. Передольскій нашелъ слой темной супеси отъ $\frac{1}{2}$ до 1 арш. толщины и въ немъ также слѣды пребыванія чловѣка, между прочимъ бронзовый ножъ. Тутъ же найденъ камень-писамецъ, на которомъ изображена битва пяти чловѣкъ: побѣдители—пѣшіе стрѣляютъ изъ луковъ во всадниковъ. Это даетъ поводъ заключить, что здѣсь было столкновеніе коренныхъ жителей съ какими-нибудь кочующимъ народомъ. На происшедшій здѣсь битвы указываютъ три костяка, найденные въ этомъ же пластѣ; въ грудной влѣткѣ одного изъ нихъ оказался наконечникъ стрѣлы, у бедра другого остатки щита изъ костей мамонта. Черепъ одного раздробленъ, вѣроятно, палицей и т. д.

Особенный интерес представляют здѣсь же найденные, вмѣстѣ съ различными предметами домашней утвари, кремневыми наконечниками стрѣлъ и т. п., красный янтарь, въ отдѣльныхъ кускахъ и въ подѣлкахъ со сверленіями для ношенія на шнуркѣ, и нѣкоторыя горныя породы Урала. Красный янтарь, по мнѣнію докладчика, указываетъ на связи съ балтійскимъ бассейномъ, именно съ бассейномъ Ильмена. Что новгородцамъ давно извѣстна Сибирь, это можно видѣть изъ новгородской лѣтописи, гдѣ есть извѣстіе XIII в., что новгородскіе молодцы и дѣти боярскіе отправились на р. Обь.

VIII

Библиографія.

Anton Buchholtz. Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands. Riga 1896, 8-ка, IV+61 стр.

По порученію рижскаго Общества Исторіи и Древностей, г. Бухгольцъ составилъ драгоцѣнный библиографическій указатель по археологій края. Въ предисловіи указаны предшественники автора: Напьерскій въ 10-омъ выпускѣ Трудовъ Курляндскаго Литер. и Худ. Общества (1851 г.), Винкельманъ въ *Bibliotheca Livoniae historica* (въ 1878 г. второе изданіе), Аспелингъ на обложкѣ 5 вып. *Antiquités du Nord finno-ougrien*, и наконецъ въ ежегодно съ 1880 печатаемыхъ (сначала издавалъ г. Mettig, съ 1882 г. г. Poelschau) Извѣстіяхъ о лифляндской исторической литературѣ. Авторъ указываетъ, что къ сожалѣнію не имѣлъ сотрудинокъ по латышской и эстской литературѣ. Библиографія г. Бухгольца не даетъ оцѣнки работъ, но перечисляетъ ихъ годъ за годомъ, указывая и рецензіи на нихъ. Одно указаніе приведено подъ 1604 г. (свѣдѣніе о курганахъ въ хроникѣ Ніенштедта), затѣмъ съ 1745 по 1834 г.—22 указанія, съ 1834 (основаніе Общества Ист. и Древн.) по 1865—130, а съ 1865 г., когда началась дѣятельность Гревингга—618, (въ томъ числѣ изъ изданій 1896 г. поименованы уже 16). Въ списокъ помѣчаются собственно только книги или статьи, прямо посвящаемыя археологій (до XIII в.), такъ что тутъ не должно ожидать указаній на археологическія изслѣдованія, входящія въ составъ трудовъ историческихъ, и нѣтъ, напри- мѣръ, указанія на книгу г. Благовѣщенскаго объ о. Эзелѣ (въ ней помѣщенъ единственный на русскомъ языкѣ обзоръ древностей Эзеля, подробно сдѣланный по Хольцмайеру и снабженный таблицами). Но то, что входило въ программу, подобрано съ большой тщательностью: книги, брошюры, газетныя замѣтки, доклады въ ученыхъ Обществахъ. За хронологическимъ перечнемъ идутъ алфавитные указатели: 1) имена авторовъ, переводчиковъ, рецензентовъ нѣмецкихъ книгъ; 2) имена русскихъ авторовъ, писавшихъ по-

русски; 3) указатель мѣстностей, упомянутыхъ въ заглавіи нѣмецкихъ трудовъ; 4) такой же указатель для русскихъ работъ. Такъ какъ по плану труда признано нужнымъ указывать лишь имя автора, стоящее на заглавномъ листѣ, то напр., на изслѣдованіе Люцинскаго городища (Матеріалы по Археологіи Россіи, 13) нѣтъ указанія при имени В. И. Сизова, а имени Е. Р. Романова совсѣмъ нѣтъ въ спискѣ авторовъ. Самое же изслѣдованіе внесено въ хронологическій списокъ, и найти его можно по слову Люцинъ.

Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress, in Riga 1896.
8-ка, стр. LXXX + 255 съ 34 таблицами рисунковъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Среди изданій, вызванныхъ Рижскимъ Археологическимъ Съѣздомъ, обращаетъ на себя особое вниманіе названная книга. Этотъ каталогъ выставки, собравшей въ системѣ весь богатый археологическій матеріалъ края, каталогъ, снабженный 34 прекрасными таблицами рисунковъ, даетъ возможность подробно и наглядно познакомиться съ типами находимыхъ въ краѣ древностей. Уже благодаря этому, книга утрачиваетъ значеніе изданія, имѣющаго лишь временный интересъ, и становится полезнымъ подспорьемъ для всѣхъ занимающихся археологіей балтійскихъ губерній. Главная, наиболѣе обширная часть выставки, отдѣлъ раскопокъ, былъ устроенъ гг. Хаусманомъ и Бухгольцемъ, и каталогъ этого отдѣла снабженъ не только указателемъ мѣстностей, но и обширнымъ введеніемъ г. Хаусмана, и такимъ образомъ изъ справочнаго изданія получаетъ характеръ научнаго труда. Во введеніи г. Хаусманъ, занимающій столь видное мѣсто среди балтійскихъ археологовъ и за послѣдніе годы передъ Съѣздомъ пересмотрѣвшій всѣ хранилища края съ цѣлью отбора вещей на выставку, даетъ сжатый, но весьма важный въ научномъ отношеніи обзоръ археологическихъ данныхъ и также выводовъ, къ которымъ привели его собственныя изслѣдованія и труды другихъ изслѣдователей и любителей. Каменный вѣкъ доселѣ мало изслѣдованъ въ балтійскихъ губерніяхъ; бронзовыхъ орудій найдено такъ ничтожно мало, что нельзя признавать существованія когда-либо въ краѣ бронзоваго вѣка. И такъ, этимъ двумъ періодамъ г. Х. посвящаетъ лишь очень малую часть своего труда (5 стр.). Между прочимъ онъ предполагаетъ, что нѣкоторыя кремневая хорошо обработанная орудія (табл. I, 36, 37, 40) занесены на сѣверъ балтійскихъ губерній съ запада. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ такимъ мнѣніемъ: эти предметы тѣсно подходятъ къ орудіямъ нашихъ сѣверо-западныхъ губерній (съ которыми губерніи балтійскія связаны и географически), и мы раздѣляемъ мнѣніе Вирхова, что вообще культура каменнаго вѣка балтійскихъ губерній примыкаетъ больше всего къ областямъ, лежащимъ на востокъ отъ нея. Желѣзный вѣкъ края г. Х. дѣлитъ на два періода: съ I по VIII в. и съ VIII по XIII. Первый періодъ характеризуется особенно фибулами: пружинною и перекладочной; такихъ могилъ, которыя можно было бы отнести къ VI—VIII вѣку, пока найдено очень мало. Во второмъ періодѣ г. Х. считаетъ уже возможнымъ этнографически распре-

дѣлать могильники и именно дѣлаетъ попытку освѣтить и доказать археологическими данными выводы извѣстнаго труда д-ра А. Биленштейна „О границахъ латышскаго племени“. Но останавливая вниманіе на главныхъ народностяхъ, населявшихъ край въ началѣ XIII в. (эпоха, отъ которой дошли единственные точные источники), именно на курахъ, ливахъ, латышахъ и эстахъ, авторъ даже не упоминаетъ о возможности существованія другихъ народностей въ краѣ втеченіе полтысячелѣтія, отдѣляющаго VIII в. отъ XIII-го. Имени скандинавовъ, вендовъ, русскихъ, славянъ, литвы не встрѣчается во „введеніи“. Намъ кажется, что отъ такого ограниченія распредѣленіе могилъ по народностямъ становится въ значительной степени искусственнымъ: то приходится слишкомъ мало считаться съ различіями похоронныхъ обрядовъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разные эпохи; то, наоборотъ, придавать слишкомъ большое этнографическое значеніе признаку недостаточно существенному (скорлупчатой фибулѣ для ливовъ, двуcrestной булавкѣ для эстовъ). Въ частности, относительно могильниковъ съ сожженіемъ въ зап. Курляндіи г. X. признаетъ необходимость болѣе подробнаго изученія ихъ, но все же теперь уже готовъ приписать ихъ курамъ. Этими замѣчаніями, относящимися только къ общимъ выводамъ автора, мы не уменьшаемъ, конечно, значенія его труда. Трудъ этотъ заслуживаетъ глубокой благодарности и весьма язидателенъ, поскольку онъ стоитъ на почвѣ изученія типовъ предметовъ и вариантовъ основныхъ мотивовъ. Прекрасный знатокъ этихъ типовъ, г. X. детально разбираетъ ихъ, изучаетъ ихъ варианты и въ этомъ отношеніи доходитъ до такой тонкости въ установленіи группъ и подгруппъ, которая возможна только для ученаго, посвятившаго массу работы на изученіе раскопокъ извѣстнаго района.

Самый каталогъ г. Хаусмана, какъ и каталоги остальныхъ отдѣловъ составлены чрезвычайно тщательно, обстоятельно и подробно. Г. Ант. Бухгольцъ снабдилъ свой каталогъ выставки монетнаго дѣла краткими, но весьма цѣнными вводными указаніями, которыя въ сжатой формѣ очерчиваютъ исторію монетнаго дѣла въ краѣ.

С. С.

K. von Löwis of Menar. Livland in Mittelalter, eine kartographische Darstellung, mit einem Hefte Erläuterungen. Reval, 1895. Карта и къ ней брошюрка, въ мал. 4-ву, 29 стр.

Это—карта внѣшнихъ границъ, внутреннихъ разграниченій и населенныхъ мѣстъ Ливоніи за нѣмецкое время, до распадѣнія въ 1562 году. На картѣ начерчены собственно послѣднія распредѣленія границъ, извѣстныя до 1562 г. Но въ „Объясненіяхъ“ собраны всѣ доступныя автору указанія и развита настоящая документальная исторія измѣненія внѣшнихъ и внутреннихъ границъ Ливоніи. Здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ употребленъ богатый матеріалъ, въ который вошли не только издаваемые труды (Bunge, Urkunden-Buch; Hildebrandt, Livonica; Toll, Brieflade; Stryk, Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands; Buxhövdén, Geschichte der Oeselschen Landgüter; Pau-

ker, Estlands Landgüter; Klopmann, Kurländische Güter-Chroniken; Droyzen, Histor. Handatlas; Napiersky, Beiträge z. Gesch. d. Kirchen zu L.; Hollander, Die livl. Städtetage и т. д.), но и неизданные материалы, какъ собраніе бар. Бруйнинга (свыше 2,000 актовъ) и карточный каталогъ къ нему, свѣдѣнія по Курляндіи, сообщенныя бар. Густавомъ Мантейфелемъ, отдѣльныя мѣстные свѣдѣнія разныхъ лицъ. Ни малѣйшаго указанія г. Л. офъ М. не пропускаетъ безъ точной ссылки на источникъ, и такія примѣчанія (нерѣдко заключающія въ себѣ вѣскія поправки для прежнихъ изслѣдованій) занимаютъ добрую половину убористаго текста. Такъ тщательно, подробно и строго обследованы (перечисляемъ рубрики брошюры): Внѣшнія границы Ливоніи (въ примѣчаніяхъ поправки относительно смѣшенія у Бунге и другихъ Псковской и Полоцкой областей—Pleskaueg и Ploskaueg). Внутреннія границы Ливоніи: 1) земля архіеп. рижскаго; 2) архіеп. курляндскаго; 3) эзель-викскаго; 4) юрьевскаго; 5) городовъ: Риги, Ревеля и Нарвы; 6) земля Ордена. Ливонскіе города (16 по оттискамъ печатей: Аренсбургъ, Везенбергъ (Раковоры), Вейсенштейнъ, Венденъ, Виндава, Вольмаръ (Володимерецъ), Гапсаль, Дерптъ (Юрьевъ), Кокенхузенъ, Лемзаль, Нарва, Перновъ, Ревель (Колыванъ), Рига, Роба (Роопъ), Феллингъ; четыре засвидѣтельствованы документами: Газенпотъ, Гольдингенъ, Мемель и Пильтенъ; кажется, пользовался городскими правами и Бауске въ 1511 г. Валькъ уже въ 1424—1426 былъ большимъ поселеніемъ и назывался oppidum (не civitas) но, повидимому до 1584 г. не имѣлъ городского права; далѣе указанъ рядъ oppida 1555 г. Церкви и часовни: кромѣ городскихъ, замковыхъ и монастырскихъ, по документамъ опредѣляются 162 церкви. Монастыри (въ городахъ—домниканскіе, францисканскіе и женскіе цистеріанскіе, въ Леалѣ цистеріанскій съ XIII в.; въ городахъ: цистеріанскій въ Динаминде съ 1305 и его продолженіе въ Падисѣ и Фалькенау; св. Бригитты у Ревеля; Антонія въ Ленневаденѣ съ 1514 г.). Въ этой же рубрицѣ перечислены орденскіе комтуріи съ ихъ воинско-монастырскимъ складомъ. Далѣе перечислены фогства Ливонскаго Ордена, и указаны до 150 рыцарскихъ замковъ. Малыя мѣстечки, дворы, деревни, крестьянскіе дворы—указаны преимущественно изъ послѣднихъ томовъ Urkunden-Buch'a изъ остальныхъ лишь важныя исторически.

Вся карта вмѣстѣ является нагляднымъ изображеніемъ значенія Ордена для края: Орденъ, въ своихъ разнообразныхъ положеніяхъ, глубоко проникъ исторію края XIII—XVI вв. Интересно отмѣтить, что Орденъ, постоянно отдѣляя одну отъ другой земли архіепископовъ, порой и пересекая ихъ своими владѣніями (земли архіеп. рижскаго и архіеп. курляндскаго), свои земли держалъ постоянно связанными, хотя бы полосой въ десятокъ верстъ ширины. На Эзелѣ и Даго (архіеп. эзель-викскій), часть острововъ принадлежала Ордену, Моонъ былъ за нимъ пѣликомъ, Вормсъ за архіепископомъ.

S. Sitska.—Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, im Auftrage der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Jurgew (Dorpat), 1896.

По порученію Ученаго Эстонскаго Общества г-нъ Зитцка составилъ двѣ

археологическія карты Балтійскихъ губерній, одну для періода до VIII вѣка, и другую отъ VIII до XIII вѣка. Къ картамъ приложенъ алфавитный указатель мѣстъ находокъ съ указаніями на литературу и съ краткими свѣдѣніями о характерѣ находокъ. Подобнаго рода общіе обзоры весьма важны при занятіяхъ археологіей, такъ что нельзя не быть благодарнымъ г-ну Зитцкѣ за тотъ тяжелый трудъ, который онъ на себя принялъ; но нельзя еще удовлетвориться этой первой попыткой. Особенно интересна первая карта, такъ какъ на ней различными знаками указаны: обрядъ погребенія и характеръ находокъ. На второй картѣ такихъ указаній нѣтъ, и карта теряетъ ббольшую половину своего значенія. Конечно, составителю пришлось бы дѣлать множество справокъ, но, если бы онъ воспользовался хотя бы только тѣмъ матеріаломъ, который собранъ имъ въ приложеніи, а особенно замѣтками каталога выставки при Сѣздѣ, то значительно поднялъ бы значеніе своей карты. Напримѣръ, можно было бы знаками указать, гдѣ былъ наблюдаемъ обрядъ погребенія, гдѣ сожженія, гдѣ были насыпаны курганы и пр. Въ такомъ случаѣ получилась бы дѣйствительная картина, въ которой съ одного взгляда можно бы прослѣдить границы распространенія извѣстнаго обряда.

Въ приложеніи составитель ограничивается краткими, очень неопредѣленными замѣтками о характерѣ находокъ: Alterthümer, Bronsen, Schmuck. Много затрудненій доставилъ составителю вопросъ, въ какую карту помѣстить находки, древность которыхъ невозможно опредѣлить. Потому нельзя поставить въ вину составителю допущенной имъ нѣкоторой произвольности, хотя можно бы избѣгнуть такихъ недосмотровъ, какъ, напр., вещи изъ Кайнена (Лифляндія) отнесены къ древнѣйшему періоду, находки въ Эртенѣ (Эстляндія) обозначены на двухъ картахъ и пр. Желательна бы также ббольшая полнота указаній. Напр., каменные орудія не обозначены въ Нурмухузенѣ, Альтъ-Раденѣ, Постенденѣ (Курляндія); въ Вейссензее, Одензее, Лоддигерѣ (Лифляндія); въ Лиголѣ, Кегелѣ (Эстляндія) и пр., и пр. Нельзя обойти молчаніемъ и географическихъ неточностей. Особенно пострадала отъ этого Курляндія, очевидно, менѣе знакомая составителю. Не на мѣстѣ обозначены Пушвальнсъ, Лайдзенъ, Рутенъ, и пр. Въ Эстляндіи, напр., очень неопредѣленно обозначено городище Аллолинъ, какъ извѣстно, отстоящее отъ Гаакхофа въ 2—3 верстахъ. Вообще, на основаніи богатаго матеріала, собраннаго къ Сѣзду, можно бы приступить ко второму, переработанному изданію карты (по хорошей географ. картѣ—напримѣръ, Генеральнаго Штаба), при чемъ, можетъ быть, всего удобнѣе было бы воспользоваться системой, выработанной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для изданныхъ имъ картъ.

С. Б.

E. v. Nottbeck u. Wilh. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler d. Stadt Reval (I. Die Geschichte d. Stadt bis zum Beginn d. Schwedenherrschaft. Burg- u. Stadt-befestigung (96 рис., 2 таб., Рев. 1896. стр. 100+32, 8°).

Изъ всѣхъ городовъ балтійскихъ губб. Ревель преимущественно сохра-

нили много интересныхъ памятниковъ, относящихся какъ къ среднимъ вѣкамъ, такъ и къ періоду XVI—XVII вв. Со своими древними укрѣпленіями, старинными церквами, множествомъ частныхъ домовъ XVI—XVII вв. онъ представляетъ какъ бы живой осколокъ давно минувшей эпохи. Но и здѣсь чувствуется разрушающая рука времени: уничтожено не мало старинныхъ зданій, древнихъ надгробныхъ плитъ, и обыватели, приглядѣвшись къ своимъ памятникамъ, порой готовы уничтожать и древнія стѣны, и старинные дома, чтобы замѣнить ихъ новыми строеніями, расширить узкія средневѣковыя улицы и пр. Вслѣдствіе этого работа г. Нотбека и Неймана, имѣющая главной цѣлью составить инвентарь сохранившихся до нашихъ дней древностей города, представить ихъ детальное описаніе и рисунки, и сохранять, такимъ образомъ, драгоценные остатки старины для потомства— не можетъ не вызывать живѣйшаго сочувствія. Такъ какъ памятники прошлыхъ вѣковъ получаютъ особенно яркое освѣщеніе лишь при знакомствѣ съ исторіей, съ условіями, вызвавшими ихъ къ жизни, такъ какъ сами слѣды старины являются какъ бы живыми свидѣтелями исторіи, то нельзя не признать методъ описанія, принятый авторами въ отношеніи къ Ревелю, вполне удачнымъ: второю частью своей задачи они ставятъ—въ связи съ инвентаремъ дать исторію города, и ихъ трудъ представляетъ наиболѣе полную сводку данныхъ, касающихся внѣшней и внутренней жизни Ревеля, сводку, служащую фономъ для детальнаго описанія остатковъ старины. Вышедшій 1-й выпускъ содержитъ описаніе укрѣпленій и очеркъ исторіи Ревеля до шведскаго владычества въ краѣ, т. е. до 2-й половины XVI вѣка. Дальнѣйшіе два выпуска будутъ посвящены описанію церковныхъ и др. памятниковъ и исторіи города до новѣйшаго времени. Историческій очеркъ, составленный г. Нотбекомъ, представляетъ работу очень интересную, (отчасти компилятивную) мозаично собранную, главнымъ образомъ, на основаніи изданныхъ архивныхъ матеріаловъ (съ постоянными ссылками на первоисточники), причемъ обращено особенное вниманіе на внутреннее управленіе города втеченіе описываемаго періода и на роль его не только какъ военнаго укрѣпленія, но и какъ торговаго и культурнаго центра. Въ зависимости отъ источниковъ, которыми пользовался г. Нотбекъ, именно исключительно нѣмецкими, стоитъ нѣсколько одностороннее изложеніе и освѣщеніе авторомъ нѣкоторыхъ событій исторической жизни края, въ которомъ приходилось играть роль и Ревелю, напр. періоды знаменитой Ливонской войны. Описаніе укрѣпленій, представленное г. Нейманомъ, является вполне самостоятельнымъ трудомъ; оно обнаруживаетъ большое детальное знакомство автора съ памятниками старины, а многочисленные рисунки и чертежи даютъ наглядное представленіе о способахъ постройки и о приемахъ средневѣковыхъ архитекторовъ. Этой послѣдней стороною трудъ г. Неймана дѣлается чрезвычайно интереснымъ не только для исторіи Ревеля, но и для исторіи средневѣковой крѣпостной архитектуры вообще. Изданіе красиво исполнено и удобно распределено въ типографскомъ отношеніи и, кромѣ

названныхъ рисунковъ и чертежей, снабжено киннографіями съ древностей города.

Выполненіе всего труда, а особенно составленіе инвентаря ревелльскимъ древностямъ требовало значительныхъ тратъ (между прочимъ одному изъ сотрудниковъ пришлось долго жить въ Ревелѣ). Средства на этотъ предметъ доставлены рижскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Балтійскаго края, къ коему присоединились: Эстляндское Литературное Общество, Ревельская Большая Гильдія и ея старшина бар. Жяраръ де-Сукантовъ, Курляндское Общество Литературы и Искусства, а особенно городъ Ревель и Эстляндское дворянство. Такъ осуществился этотъ прекрасный трудъ, заслуживающій глубокой признательности со стороны всѣхъ любителей старины и просвѣщенія.

Къ X Археологическому Съезду въ г. Ригѣ. Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивъ Мин. Иностран. Дѣлъ.—Изданіе Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Москва, 1896 г. 8-ка, III+74 стр.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ Архивъ издалъ къ Съезду первые пять листовъ III-го выпуска „Обзора внѣшнихъ сношеній Россіи“, составленнаго Н. Н. Бантышомъ-Каменскимъ. Обзоръ дѣлъ Курляндскихъ (1646—1783 гг.) занимаетъ большую часть этого отдѣла (стр. 1—62). Старанія герцога Іакова вступить въ сношенія съ Россіей, увѣнчиваются успѣхомъ лишь съ Ливонскаго похода, когда Россіи былъ нуженъ союзникъ на мѣстѣ; отъ этого времени сохранился въ патріаршей ризницѣ подарокъ герцога патріарху Никону—янтарный посохъ; тогда же были присланы царю два большіе, наслѣдственные яхонта. Вліяніе Россіи въ Курляндіи тогда уже установилось прочно.—Мирныя сношенія съ Лифляндіей представлены на всемъ протяженіи XVI вѣка (1503—1600 гг.), — причемъ отмѣтимъ предоставленное Іоанномъ IV Юрьеву, при взятіи его въ 1558 г., въ числѣ другихъ сохраненныхъ вольностей, право бить монету, съ изображеніемъ съ одной стороны клейма російскаго, а съ другой—городскаго. Этимъ правомъ Юрьевъ, по видимому, уже не воспользовался, и чеканка монеты въ немъ, начавшаяся съ половины XIV в., въ 1558 г. прекратилась навсегда ¹⁾. Отъ XVII в. имѣются лишь: договорныя статьи при взятіи Юрьева въ 1656 г. и пріѣздъ въ Москву юрьевскихъ посланцевъ въ 1657 г. Лифляндскія дѣла имѣются въ Архивѣ по 1759 г.

Георгій Саблеръ.—Собраніе русскихъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ семейнаго архива графовъ Делагарди. Посвящается X Археол. Съезду въ Ригѣ. Изданаго Имп. Юрьевскаго Университета. Юрьевъ, 1896 (Recueil des documents russes, tirés des archives de famille des comtes de la Gardie...), 8-ка, стр. XIII+79 и 2 фототипии.

Большая часть архива гр. Делагарди хранится въ Швеціи, въ замкѣ

¹⁾ Katalog der Ausstellung zum X Archäolog. Kongress, 222.

Лёберёдъ ¹⁾. Часть же бумагъ графовъ Понтуса и Якова, перенесенная въ Ливонію, принадлежитъ съ 1848 г. юрьевскому университету. Гг. Лоссіусъ и Кордтъ ²⁾ издали: архивъ графа Понтуса (XVI в.) и каталогъ, отчасти текеты архива гр. Якова. Русскіе же бумаги (архивъ Якова Д.) нынѣ изданы впервые, починаемъ А. С. Будиловича и трудами университетскаго архивариуса, г. Саблера, въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ю. У., 1896 г., № 3 и отдѣльной книжкой. Русскихъ документовъ въ архивѣ 15 (и къ нимъ, какъ замѣчаетъ г. Саблеръ, можно прибавить изданный Лоссіусомъ нѣмецкій протоколъ допроса трехъ плѣнныхъ русскихъ бояръ 17 июня 1614 г. о московскихъ дѣлахъ,—а вѣроятно и нѣсколько другихъ бумагъ, какъ напр., нѣмецкій переводъ съ листа кн. И. А. Хованскаго къ шв. полковнику Кобрену отъ іюля 1618 г.—Лоссіусъ, 145). Къ 1608—1610 гг. относятся: грамота кн. М. В. Скопина-Шуйскаго изъ Новгорода шведскому державцу въ Ругодивъ о союзѣ Россіи со Швеціей; вѣсти, данныя по его приказанію, 30 апрѣля 1609 г., Якову Делагарди о городахъ, добившихъ челомъ царю Василю, и о пораженіи и ослабленіи воровъ подъ Москвою; два отпуски листа шведскаго воеводы въ Колывани къ русскимъ воеводамъ въ Орѣшекъ (рѣзкіе упреки въ несоблюденіи союза). Первый отпущъ, или скорѣй подлинникъ (подписанный), хотя непосланный, очень интересенъ правописаніемъ: написанъ онъ чрезвычайно безграмотно, съ преизобиліемъ буквы ѣ и съ ѣ въ концѣ словъ послѣ гласной, съ формами не только, какъ: *зачю, шптаниа, хръсново цолованя, прѣтивъ* (противъ), *лживъ* (лживо) или съ замѣной я черевъ ѣ, какъ *довѣдностъ, боитъстъ, мымътъ*, но и съ такими слѣдами шведскаго произношенія, какъ *ѳисо* (все), *саписи* (запися), *дѣришите* (держите, хотя есть и *дѣржиттъ*); *король, царь, отповѣдь* (отповѣдь), и особенно любопытныя, вызываемыя шведской фонетикой: *чужонскою* (чухонскаго) и *задержаннымъ* (задержаны), или такой синтаксической оборотъ какъ: *ѳыъ, которыъ ѳыъ въ Орѣшкѣ сидиттъ* (вообще изложеніе нестройно); въ то же время морфологія и согласованіе всюду правильны и потому, кажется, слѣдуетъ предположить, что грамота писана не иностранцемъ, а ошведившимся, забывшимъ русское письмо, русскимъ; второй отпущъ—листа, очевидно, замѣнившаго первый, написанъ правильно и стройно, обычнымъ приказнымъ языкомъ и письмомъ. Далѣе идутъ отъ 1615—1619 гг.: листъ отъ Горна 1615 г. въ боярскую думу—длинная и горячая отповѣдь за споръ о взаимномъ титулованіи и наставленіе о посольскихъ обычаяхъ; листъ отъ русскихъ псковскихъ воеводъ (Плещеева и Собакина) въ Порховъ шведск. воеводѣ (Геннингу Грассу, какъ выяснено г. Саблеромъ): воровъ, приходящихъ изъ Порховскаго уѣзда въ Псковъ и уѣзды его, будутъ наказывать „не для

¹⁾ P. Wieselgren—De la Gardiska Archivet, 20 томовъ, Стокгольмъ и Лундъ, 1839—1843 гг.

²⁾ Joh. Lossius—Die Urkunden der Grafen de Lagardie in d. Universität zu Dorpat, 1882; В. А. Кордтъ—Изъ семейнаго архива гр. Де-Ла Гарди (Ученыя Зап. Имп. Ю. У., т. II, 1881 г., № 2).

твоего письма, но для того, чтобъ инымъ воровъ неповадио было воровать и государя нашего е. ц. в. земли пустошить, и крестьянъ побивать и грабить“; далѣе указывается, что Грассъ пишетъ имъ листы не по пригожу: не именуетъ царя, и тѣ листы они пока принимали „только для покою крестьянскаго“; листъ отъ ошашковскаго воеводы въ Новгородъ къ воеводѣ Бойе и дьяку Лопухину, 1616 г., о благополучномъ проѣздѣ посла отъ Делагарди, Вольдека, въ Москву къ англійскому послу (Мернику); челобитная шведскаго ротмистра Калитина изъ Ямгорода графу Як. Дел., 1616 г., въ тѣжбѣ о лошади; сыскной листъ ямгородскаго воеводы въ пользу Калитина; отъ поповъ, старостъ и крестьянъ трехъ дворцовыхъ (шведскихъ) селъ Порховскаго уѣзда, 1617 г., вѣдомость Якову Дел. о деньгахъ и хлѣбѣ братьихъ воеводою Грассомъ и о поступкахъ его (въ пользу воеводы); листъ къ Якову Д. отъ двухъ новгородскихъ посадскихъ, которые вели для него торговныя дѣла,—листъ очень любопытный: онъ писанъ не канцелярскимъ, а живымъ языкомъ, съ дружелюбнымъ почетомъ и ласковой простотой, съ интересными бытовыми указаніями, а въ говорѣ съ новгородскими особенностями (смѣшеніе ъ и и; ч вм. ч.); далѣе отъ 23 мая 1617 г. 17 отвѣтныхъ статей и грамота отъ русскихъ пословъ, подписавшихся на Столбовскомъ договорѣ, къ фельдмаршалу Гюлленгьельму объ обидныхъ дѣлахъ: съ миролюбіемъ и достоинствомъ писанныя настоянія о возвращеніи вывезенныхъ шведами колоколовъ и пушекъ, уплатѣ частнымъ лицамъ долговъ и переборовъ, возвращеніи плѣнныхъ; въ концѣ грамоты просьба не посылать послами бывшихъ русскихъ подданныхъ (намекъ на Шума Хомутова?): „опрочь ссоры межъ государей и государствъ отъ тѣхъ людей чаяти нѣчево“ (въ концѣ книги приложенъ черновикъ нѣмецкаго отвѣта фельдмаршала: очень практичный, опытный и хитрый старикъ уступаетъ гдѣ необходимо, заботится о взаимномъ соблюденіи договора; отказываетъ гдѣ можно, все время относится миролюбиво, но сверху внизъ: подсмѣиваясь надъ послами, давая наставленія); челобитная Θεод. Григ. Аминева (тестъ названнаго выше Калинина) къ графу Якову, чтобы, ради прежней и будущей его службы и ради чести его, не отписывалъ на себя его Дудоровскаго (нынѣ Дудергофъ) помѣстья въ Орѣховскомъ уѣздѣ (интересны нѣкоторыя мѣста: „послѣмъ службенко мое и люди мои получчи иныхъ русскихъ дворянъ были“, „четвертой... годъ... не имывалъ плами ни з одное дани, хлѣба ни одново зерна“, давалъ бобылямъ хлѣба „на емена и на семена“, „вселды“); наконецъ, подъ 1619 г., вѣсти отъ гдовскаго (шведскаго) воеводы Исаея Θεод. Аминева ¹⁾ о приходѣ подъ Тихвину (далѣе и „Тѣхвину“) 7000 черкасовъ, взятіи города и намѣреніи идти на Сомерскую область и гдовскіе мѣста.

Изданіе обличаетъ руку мало опытную, но тщательную. Грамоты изданы со старательнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника (но съ примѣненіемъ прописныхъ буквъ и знаковъ препинанія), снабжены подробнымъ

¹⁾ По прихвчанію г. Саблера родъ Аминевыхъ (графовъ) доселѣ сохранился въ Швеціи.

введеніемъ и старательными примѣчаніями и сопровождаены, кромѣ упомянутого отвѣта на статьи объ обидныхъ дѣлахъ, двумя фототипіями: подписи (трехъ поповъ и двухъ дьячковъ) на листѣ отъ порховскихъ сель и послѣднія 20 строкъ челобитной Федора Аминева.

Fr. Bieneman jun.—Briefe u. Aktenstücke zur Geschichte d. Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656 (въ Mittheilungen aus der livländischeh Geschichte, XVI, 2—Рига 1896 г.).

Грамоты и акты, относящіеся къ осадѣ Юрьева царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и къ сдачѣ города, извлечены г. Бинеманомъ изъ архивовъ: юрьевского думскаго, стокгольмского государственнаго и рижскаго шведскаго. Г. Бинеманъ—издатель превосходный: опытный, умѣлый, отлично знакомый съ мѣстной исторіей и съ изданіями матеріаловъ по ней, нѣмецкими шведскими, русскими. (Порой строго судя послѣднія: Памятники диплом. сношеній съ Польско-Лит. Госуд., изд. въ Сб. И. Р. И. О., г. Б. называетъ *erstaunlich unwissenschaftlich ediert*—прим. на стр. 629 того же вып. Mittheilungen, въ статьѣ его: *Capitulation Dorpats 1704*). Издаетъ онъ акты по способу историковъ: упрощая видъ ихъ, т. е. вводитъ въ извѣстной степени однообразіе въ правописаніе (напримѣръ, сохраняя прописныя буквы и у только для именъ собственныхъ, употребляя и и і только въ качествѣ гласныхъ, уничтожая лишнія удвоенія согласныхъ) и сокращаетъ самый текстъ, а именно: пропускаетъ или сокращенно обозначаетъ такія формулы, какъ *unterthänig, gnädig, deinstfleissig*, титулы, а мѣстами передаетъ содержаніе текста сжато, своими словами (обозначая это курсивомъ). Несомнѣнно этотъ способъ удобенъ въ издательскомъ отношеніи, дѣлаетъ актъ болѣе нагляднымъ, а въ историческомъ изданіи, какъ Mittheilungen, необходимъ. Но въ противоположность г. Б., мы далеко не сторонники его вообще. Противъ неясности нѣкоторыхъ сокращеній (чувствительной для русскаго читателя въ изданіи г. Б.) могъ бы, конечно, помочь указатель сокращеній; но гораздо существеннѣе то обстоятельство, что при пропускѣ формулъ и при передачѣ своими словами мы рискуемъ стереть духъ подлинника, неточно или невѣрно передать смыслъ его и во всякомъ случаѣ не даемъ того, что и цѣнно въ изданіяхъ такого рода: не даемъ подлиннаго источника. Всего г. Б. издалъ въ данной статьѣ (чрезвычайно тщательно, съ отличными, богатыми содержаніемъ и сжатыми примѣчаніями и ссылками) 33 номера: это, главнымъ образомъ, переписка юрьевскаго коменданта Ларса Флемминга и ген.-губернатора Магнуса Делагарди между собою и съ разными лицами и учрежденіями; затѣмъ отрывокъ (за 1656 г.) 2 тома извлеченій, сдѣланныхъ бургомистромъ Виберсомъ изъ городскихъ протоколовъ за 1547—1656 г. (этотъ 2 томъ лишь недавно отыскался при переборкѣ юрьевскаго думскаго архива; извлеченія, *Collectanea majora*, В—са особенно дороги въ данномъ случаѣ потому, что подлинныхъ протоколовъ за 1649—1663 гг. не сохранилось); наконецъ, договоръ о сдачѣ крѣпости князю Трубецкому (12 ок-

тября 1656 г.), договоръ о сдачѣ города Юрьева, наказъ послать отъ Юрьева въ Москву (1657 г.), грамота отъ пословъ съ Москвы и жалованная грамота Юрьеву отъ царя Алексѣя Михайловича. Въ выдержкахъ Виберса между прочимъ приводится грамота Трубецкаго къ г. Юрьеву отъ 21 сент. 1656 г., не сохранившаяся въ русскомъ подлинникѣ.

О сдачѣ Флемминга имѣется русская запись въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ; отмѣтимъ главные различія съ текстомъ изданнымъ у г. Б. Въ русскихъ статьяхъ не говорится о дозволеніи шведамъ вывезти 2000 ружейныхъ пуль; подводы не были даны именно потому, что въ русскомъ войскѣ „лошади все ратныхъ людей, и взять ихъ неволею было нельзя“; по вольной цѣнѣ предоставлено было покупать не только лошадей и телѣги (ст. 7), но и суда; сообщается, что государевы ратные люди провожали юрьевскихъ нѣмецкихъ людей (не пожелавшихъ остаться въ городѣ) пять верстъ по Колыванской дорогѣ (этимъ устранялась статья 6-я: о дозволеніи на пути покупать потребное). О вывозѣ архивовъ и библиотекъ рѣшеніе русскихъ такое: королевскаго дому расправа, приказныя и городовыя письма в королевская уѣздная расправа вывозятся шведами; школьныя книги (т. е. университетская библиотека) и печатный заводъ остаются или вывозятся, смотря потому, пожелаютъ ли учителя остаться, или уйти; судьба консисторскаго арх. также рѣшается тѣмъ, останутся ли пасторы. Къ ст. о Варнеке и Шлоттманѣ (выдать которыхъ русскіе признали „непристойнымъ дѣломъ“) замѣчено: „и бургомистръ и ратманъ остались на имя Вел. Гос. Е. Ц. В. въ городѣ“; къ статьѣ о ругодивскихъ русскихъ, шведскихъ поданныхъ: „и такихъ людей въ сдачу городскую не объявилось“. Статья 19 (по-русски 17) выражена такъ: „Города Юрьева Ливонскаго бургомистромъ съ посадскими и жилацкими людьми съ ихъ привиліи и уставы, и съ торговыми промыслами, и вольностями, и судомъ, и расправой, и имѣнемъ съ приходами по жалованнымъ быти, и вѣра и кирки нарушены не будутъ“.

Изъ обширнаго и интереснаго хранящагося въ Моск. Архивѣ М. И. Д. дѣла о пріѣздѣ Варнеке и Шлоттмана въ Москву въ 1657 г. мы остановимся здѣсь только на жалованной грамотѣ, посланной черезъ нихъ Юрьеву царемъ. Г. Бинеманъ печатаетъ ее по современному нѣмецкому переводу, сдѣланному (какъ значитъ въ дѣлахъ Моск. Архива) въ посольскомъ приказѣ, переводчиками: Иваномъ Адамовымъ и Васильемъ Брусомъ; переводъ этотъ былъ привязанъ и припечатанъ къ русскому оригиналу и съ нимъ вѣстѣ стправленъ въ Юрьевъ, гдѣ оба и хранятся доселѣ. Издатель сдѣлалъ ссылки на договоры о сдачѣ, на наказъ послать, но не сличилъ издаваемого имъ нѣмецкаго текста съ русскимъ подлинникомъ (хоть и жалѣеть, какъ увидимъ, о недоступности русскихъ источниковъ), а это сравненіе и было бы интересно и отчасти оберегло бы отъ неточностей. Въ общемъ тексты (въ Москвѣ сохранился черновикъ русскаго и отпускъ нѣмецкаго) совпадаютъ; но въ переводѣ выраженіе „быти подъ нашею Ц. В. высокою рукою“ (терминъ подданства) передается: „unter Unserer, Cz. Mt. hohen Protection zu sein“. Это

разница существенная, и такая, которая, если не ошибаемся ввела въ заблужденіе и самого г. Б.; свой п. 15 (въ текстахъ Моск. Архива, очевидно и въ подлинникахъ, нѣтъ раздѣленія на пункты) онъ передаетъ такъ, печатая курсивомъ свое изложеніе, а обыкновеннымъ шрифтомъ точныя слова подлинника (слѣдовательно тѣ, которыя считаетъ особенно важными): „*Dorpater Einwohner dürfen nicht wegsichen, sondern sollen unter unserer cz. Mt. hohen protection ewig verbleiben*“. Въ подлинникѣ стоитъ: „а самимъ юрьевскимъ жильцомъ, которые намъ Вел. Гос. крестъ цѣловали, никуда въ иныя государства на вѣчное житіе не выѣзжать и быти подъ нашею Ц. В. высокою рукою вѣчно“—и значеніе выходитъ совсѣмъ иное. Далѣе „*вымороченные дома*“ (ст. 8) и неясное „*sonst*“ (ст. 9) въ сокращенномъ изложеніи статей у г. Б. относятся, какъ подробно выясняется изъ подлинниковъ, именно къ домамъ ушедшихъ за рубежь и потому взятымъ на Государя. Вслѣдствіе указанной выше невѣрности перевода въ XVII в. и неудачнаго сокращенія всѣхъ трехъ названныхъ нами статей у г. Бинемана, является, какъ совокупное слѣдствіе, уничтоженіе изъ грамоты столь важной черты, какъ юридическій взглядъ русскихъ на отказъ отъ подданства. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что нѣмцы смотрѣли на него совершенно иначе и, какъ отмѣчаетъ и г. Б., считали возможнымъ получить постоянную свободу перемѣны подданства. Сличеніе съ русскимъ текстомъ уберегло бы отъ ошибки и въ заключительной статьѣ грамоты. Царь говоритъ въ ней о службѣ предстоящей юрьевцамъ, вѣрой и правдой „Намъ В. Г. и Н. Ц. В. сыну, благовѣрному Г. и В. Кня. Алексѣю Алексѣевичу всея В. и М. и Б. Россіи, и нашимъ Государевымъ наслѣдникомъ“. Г. Б. счелъ слова нѣмецкаго перевода: *und unsern Herrischen Erben* за конецъ титула царевича Алексѣя, и пропустилъ ихъ, поставивъ послѣ имени царевича одно слово *etc*. Получилось упущеніе, немислимое въ русской правительственной грамотѣ. Намъ кажется, что приведенными примѣрами довольно уясняется неудобство сокращеннаго изданія актовъ.

Въ заключеніе поправимъ одно ошибочное мнѣніе г. Б. относительно русскихъ архивовъ, съ которыми онъ лично незнакомъ: г. Б. нѣсколько странно предполагаетъ а priori, что матеріалъ, хранящійся въ русскихъ архивахъ, „навѣрное очень трудно доступенъ“; въ московскихъ архивахъ Мин. Юстиціи и Мин. Ин. Дѣлъ, которые въ данномъ случаѣ только и можетъ имѣть въ виду авторъ, занимается много ученыхъ и изъ внутреннихъ губерній, и съ окриванъ, и изъ-за границы: они знаютъ, что доступъ къ архивнымъ дѣламъ у насъ совершенно свободенъ.

Alfred von Hedenström—Die Beziehungen zwischen Russland und Brandenburg während des ersten nordischen Krieges.—Marburg, 1896, 8-ка, 98 стр.

Эта докторская диссертация молодого ученаго (въ Марбургскомъ университетѣ) представляетъ собою весьма старательное и добросовѣстное, документальное (по возможности съ сохраненіемъ и оборотовъ рѣчи подлин-

ника), полное и подробное изложение содержания матеріаловъ по сношеніямъ между Россіей и Бранденбургомъ въ 1655 — 1660 гг. — матеріаловъ, какъ прусскихъ (изданныхъ въ 6 и 8 томахъ *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich von Brandenburg*. Berlin, 1872 и 1884), такъ и доселѣ неизданныхъ русскихъ, хранящихся въ Моск. Глав. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Въ концѣ присоединены: эскурсъ о переговорахъ курфюрста Фридриха Вильгельма съ русскимъ посломъ Нестеровымъ, въ августѣ 1658 г. (гдѣ надо было согласовать бранденбургскіе источники) и приложения: 1, наказъ послу Юрію Богданову въ августѣ 1656 г. (русскій текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ); 2, грамота курфюрста къ царю отъ 23 сентября 1656 г. (нѣмецкій текстъ), и 3, грамота курфюрста къ царю отъ 16 апрѣля 1657 г. (нѣмецкій текстъ). Всѣ три акта извлечены изъ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

Beiträge zur Kunde Ehst- Liv- und Kurlands, herausgegeben von der Ehstländischen Literarischen Gesellschaft. Band V Heft 1. Reval, 1896, 8-ка, стр. 109.

Въ послѣдней книжкѣ „Сообщеній“ Эстл. Литер. Общ. содержатся слѣдующія статьи: 1, пастора Р. Винклера—*Ueber Kirchen und Capellen Ehstlands in Geschichte und Sage*. Долго думали, что католики, за 350 лѣтъ владычества въ краѣ, ничего не сдѣлали для внѣдренія христіанства въ сердцахъ туземцевъ и что католическое духовенство того времени почти поголовно было плохо. Недавніе труды Кёлера (*Ueber ehstländische Klosterlectüre*, 1892), Реймана (*Aellteste ehstnische Predigten*), а въ особенности, неизданный къ сожалѣнію, трудъ покойнаго Хазельблатта „*Das Livländische Provincial-Concil von 1428*“—опровергаютъ это мнѣніе. Авторъ указываетъ на реформаціонныя попытки собора, на проповѣдническую дѣятельность, на созданіе еще въ XIII вѣкѣ теперешнихъ сельскихъ приходовъ, построеніе приходскихъ церквей и кромѣ нихъ множества часовенъ. Языческіе обычаи и обряды, впрочемъ, держались въ краѣ и смѣшивались съ христіанской обрядностью. Позднѣе въ переходѣ къ протестантству крестьяне увидѣли лишь перемѣну обряда, и не только въ XVI и XVII, но и въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ обычаяхъ народа сохранялась языческая и католическая старина. Таково содержаніе введенія. За нимъ слѣдуютъ старательно собранныя, отлично изложенныя, сжатая и интересныя свѣдѣнія о 35 сельскихъ приходяхъ. Здѣсь—ни тѣни полемики, а прекрасное фактическое изложеніе свѣдѣній историческихъ, архивныхъ преимущественно XVII и отчасти XVIII вв. (большею частью консисторскіе и другіе церковные архивы, особенно акты визитацій съ 1627 г.) и свѣдѣній легендарныхъ, — при чемъ и то, и другое собрано, какъ мы указали, съ большой тщательностью, ибо все можетъ бросить свѣтъ на исторію мѣстнаго культа. Весьма интересны свѣдѣнія объ остаткахъ культовъ: языческаго, католическаго¹⁾, пра-

¹⁾ См. между прочимъ почитаніе св. Олафа, какъ на стр. 36 и 37.

восточнаго ¹⁾), а равно любопытны и свѣдѣнія о русскихъ въ краѣ стр. 21—1652 г.), о переселеніи русскихъ раскольниковъ (съ 1690 г.), провагандѣ ихъ и православныхъ русскихъ среди населенія восточной Эстляндіи и т. п. Описывая подробно извѣстныя развалины Саагской часовни, несомнѣнно одной изъ старѣйшихъ церквей Эстляндіи, авторъ справедливо указываетъ на необходимость посѣтить научнымъ изслѣдованіемъ ея. — 2, г. Вестлингъ—Kirchengesetz u. Kirchengesetzarbeiten in Ehatland zur Zeit der Schwedischen Herrschaft (переводъ со шведскаго): Во время шведскаго владычества самый городъ Ревель въ церковномъ отношеніи сохранялъ независимость до 1692 г., но соборъ (Dom) ревельскій со всѣми сельскими церквами долженъ былъ признать уже въ 1561 г. верховенство короля, и вліяніе Швеціи на церковную жизнь Эстляндіи было сильно. Г. Вестлингъ сообщаетъ о немъ на основаніи неизданныхъ документовъ шведскаго государственнаго архива, ревельскаго консисторіальнаго и ревельскаго дворянскаго, 3) г. Амелунгъ—Der Herbarius - Codex des Revaler Stadt-Archivs und ein Blick auf die Ehatländischen Klostergärten im Mittelalter. Въ 1892 году открытъ въ ревельскомъ городскомъ архивѣ гербарій въ рукописи XIII вѣка, находка тѣмъ болѣе цѣнная, что съ древнѣйшихъ временъ можно указать лишь очень мало самостоятельныхъ ботаническихъ сочиненій и статей: труды Теофраста, Diosкорида, Агавеса, Плинія младшаго, Калумеллы; далѣе словари растений съ III по VIII—IX вѣка, два инвентаря садовъ Карла Великаго, подобный же перечень 23 растений—Hortulus Вальфрида Страбо (IX в.) и наконецъ Physica св. Хильдегарда (XII в.); въ XIII вѣкѣ является трактатъ Альберта Великаго (+ 1280 г.). Ревельскій кодексъ написанъ, очевидно въ сѣверной Германіи и, повидимому, въ началѣ XIII вѣка; въ послѣднія столѣтія Среднихъ вѣковъ изъ монашескихъ орденовъ цистерніане выдавались любовью къ земледѣлію и садоводству. Въ Эстляндіи они являются очень рано (съ основаніемъ Ревеля), и вѣроятно уже въ концѣ XIII вѣка, когда и вообще еще весьма живы были книжныя связи съ Германіей; кодексъ этотъ принесенъ былъ въ одинъ изъ эстляндскихъ цистерніанскихъ монастырей (мужской въ Падисѣ или женскій въ Ревелѣ). При монастыряхъ со времени Карла Великаго устраивались сады съ растениями лѣчебными, овощами и (на кладбищѣ) деревьями. Къ лѣчебнымъ растениямъ причислялись тогда также розы, лиліи, фіалки, а далѣе розмаринъ, мята, шалфей, рута, пырей, анисъ, тминъ. Въ Ревелѣ можно предполагать уже въ 1267 г. указаніе на фруктовый садъ при цистерніанскомъ монастырѣ, и есть свѣдѣніе о розовомъ садѣ въ городѣ (уничтоженъ въ 1577 г.). По восточски lilled (лиліи) значитъ полевые цвѣты, rozid (розы)—садовые цвѣты. Что касается вновь открытаго кодекса, то въ немъ описываются (по-латыни) мята, розмаринъ, подхрѣнникъ (*lepidium latifolium*), настурцій, анисъ, смолистыя деревья ²⁾). 4) E. v. Nottbeck—Russisch livlän-

¹⁾ См. стр. 19, 20, 21, 22, 24; ср. 5, 7, 8.

²⁾ См. Koehler, Ehatländische Klosterlectüre. Reval 1892. Здѣсь описанъ кодексъ

dische Waffenstillstandsverhandlungen in den Jahren 1574—1575. Объ этихъ переговорахъ и участіи, которое принимали въ нихъ императоръ и Данія доселѣ было очень мало извѣстно. Г. Ноттбекъ сообщаетъ о нихъ по цѣлому ряду новыхъ свѣдѣній изъ ревельскаго городского архива; документами русскими онъ пользовался большею частью въ древнемъ нѣмецкомъ переводѣ, ибо подлинники отправлены въ Импер. Археографическую Комиссію.—5) A. Howen—Ausgrabungen in Ehstland—краткое свѣдѣніе о раскопкахъ г. Ховена въ имѣніи Фэхтъ и въ Пуннамягги, къ Рижско-Археологическому Съѣзду (см. „Труды Предв. Ком. Съѣзда“, т. II),—6) книжка заключается отчетами Общества за 189³/₄ и 189⁴/₅ года. Общество понесло тяжкую утрату въ лицѣ Іордана, ревностнаго археолога, который 37 лѣтъ былъ хранителемъ Ревельскаго Провинціального Музея. Къ Съѣзду произведены г. Хаусманомъ раскопки въ Куккерсѣ и Тюрсалѣ и вещи, пожертвованныя владѣльцами имѣній: барономъ Толль и г. Веттеръ-Розенталемъ, поступили въ Музей (каталогъ Рижской Выставки, №№ 389 и 390); это большею частью бронзовыя украшенія, — но конечно никакъ не бронзоваго *отка* (какъ говоритъ г. Ховенъ въ отчетѣ), а желѣзнаго. Далѣе, отчетъ сообщаетъ, что конченъ каталогъ библіотеки Общества (около 33000 названій и свыше 53000 томовъ) и идутъ работы по дополненію музейнаго каталога, изданнаго Іорданомъ и Хаманномъ въ 1874 г.; число посѣтителей музея было въ послѣдній годъ около 2000.

Rich. Weinberg: Ueber einige Schädel aus älteren Liven, Letten und Esten-gräben (16° стр. 13, оттискъ изъ Sitz. d. gel. Estn. Ges., 1896).

Подъ этимъ заглавіемъ г. Вейнбергъ опубликовалъ результаты измѣреній нѣсколькихъ череповъ, добытыхъ въ Балтійскомъ краѣ, изъ могильниковъ X—XII вв. Въ виду важности краниометрическихъ данныхъ для археологіи—съ одной стороны, и вслѣдствіе ничтожнаго количества работъ въ этомъ направленіи въ Балтійскихъ губ.—съ другой, брошюрка г. Вейнберга заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но авторъ не археологъ и слишкомъ до вѣрчиво относится вслѣдствіе этого къ мнѣнію г. Р. Хаусмана, по которому могильники, а слѣдовательно и черепа, должны быть непременно относимы съ полной опредѣленностью къ одной изъ трехъ національностей: эстамъ, латышамъ или ливамъ. Если отдѣленіе эстонскихъ могильниковъ отъ латышскихъ во многихъ случаяхъ достигается съ легкостью на основаніи археологическихъ данныхъ, то этого же никакъ нельзя сказать относительно могильниковъ, приписываемыхъ ливамъ: для выдѣленія ихъ въ особую группу археологія еще не обладаетъ достаточнымъ количествомъ достовѣрныхъ данныхъ. Если оставить въ сторонѣ дѣленіе авторомъ измѣренныхъ имъ чере-

и изданы два отрывка изъ него (мята, розмаринъ); Fischer-Benzon, *Altdeutsche Gartenflora*, Kiel u. Leipzig 1894; Pabst, въ Beitr. E. L. G., Band 1 сообщеніе о розовомъ садѣ; Amelung, *Revaler Alterthümer* 1884. Авторъ пользовался также книгой Hehn'a: *Culturpflanzen u. Hausthiere in ihrem Uebergange aus Asien...* Berlin, 1874.

повъ по національностямъ, мы получимъ небольшую работу по измѣренію 10 череповъ, что въ связи съ тѣми немногими работами въ этомъ же направлении, которыя уже извѣстны въ печати, можетъ составить матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, которые пожелали бы серьезно заняться изученіемъ, на основаніи остеологическихъ данныхъ, физическаго типа древняго населенія Балтійскихъ губ.

Н. Х.

Astav v. Transeke - Roseneck: Die Eingeborenen Atlivlands im XIII Jahrhundert (8°, стр. 80).

Сторонникъ взглядовъ Мейцена на доисторическій періодъ жизни финновъ по берегамъ Балтійскаго моря, авторъ мало останавливается на эпохѣ, предшествовавшей нѣмецкому покоренію края: онъ признаетъ, что скудость источниковъ не даетъ права говорить опредѣленно о древнемъ бытѣ населенія совр. балтійскихъ губ., и переходитъ затѣмъ къ эпохѣ завоеванія. Матеріаломъ автору служатъ свѣдѣнія хроникки Генриха латышскаго: повѣствуя преимущественно о военныхъ дѣйствіяхъ и о ходѣ распространенія нѣмецкаго владычества въ первой четверти XIII в., лѣтописецъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ хроникки, о бытѣ населенія. Собрать ихъ въ систематическомъ порядкѣ и освѣтить темныя мѣста лѣтописи и было задачей автора, съ которой онъ справился вполне удачно. Въ случаяхъ, когда Генрихъ латышскій не даетъ достаточнаго количества свѣдѣній, авторъ прибѣгаетъ къ литературнымъ источникамъ, старавшимся на основаніи данныхъ языка и др. восстановить бытъ населенія и выяснитъ вопросы о взаимномъ вліяніи разныхъ народностей, которыхъ нѣмцы застали въ край при своемъ прибытіи. Въ общемъ статья автора даетъ яркую картину уровня культуры туземнаго населенія балтійскаго края въ XIII в. Пробѣлы, которые чувствуются въ статьѣ, объясняются тѣмъ, что авторъ не имѣлъ цѣлью представить самостоятельное изслѣдованіе и такимъ образомъ находился въ зависимости отъ характера источниковъ, послужившихъ ему при составленіи его работы.

Н. Х.

Auszug aus A. H. Snellmans Abhandlung: Die Ostseefinnen zur Zeit ihrer Unabhängigkeit. (Отт. изъ Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. XVI. 8°, стр. 27).

Г. Снелльманъ дѣлитъ исторію балтійскихъ финновъ въ періодъ ихъ „независимости“ на четыре отдѣла: 1) доисторическій періодъ, до прихода финновъ на берега Балтійскаго моря (ок. 500 г. по Р. Х.); 2) жизнь ихъ до начала Русскаго государства; 3) исторію участія финскихъ народностей въ основаніи Руси; 4) періодъ жизни финновъ отъ начала Руси до нѣмецкаго владычества. Работа автора представляетъ компиляцію, основанную преимущественно на трудахъ Томсена, Мюлленгофа, Смирнова, Альквиста, Ундсета, Ворза, Гревинка, Шёгрена и др., на толкованіи извѣстій скандинавскихъ сагъ и начальной нашей лѣтописи. Какъ таковая, работа г. Снелль-

мана представляет мало новаго, и ея достоинства; равно и недостатки должны быть отнесены на счетъ авторовъ, труды которыхъ ему послужили источниками. Мы хотѣли бы только указать на нѣкоторое несоотвѣтствіе между заглавіемъ и содержаніемъ названнаго труда. Имѣя въ виду представить исторію балтійскихъ финновъ въ періодъ ихъ независимости, авторъ останавливается наоборотъ, какъ разъ на эпизодахъ изъ исторіи финновъ, рисующихъ ихъ зависимость сначала отъ готовъ, которыми авторъ населяетъ современные балтійскія губ. до Чудскаго озера, потомъ отъ викинговъ и затѣмъ отъ русскихъ до прихода нѣмцевъ и шведовъ на восточный берегъ Балтійскаго моря. Причина указаннаго несоотвѣтствія заглавія и содержанія лежитъ какъ въ источникахъ, сообщающихъ свѣдѣнія о финнахъ до XIII в., такъ главнымъ образомъ и въ самомъ ходѣ историческаго развитія балтійскихъ финновъ: если до XIII в. не всѣ балтійскіе финны входили въ составъ того или иного государства, то во всякомъ случаѣ большинство ихъ стояло въ тѣхъ или иныхъ зависимыхъ (временныхъ или постоянныхъ) отношеніяхъ къ своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ запада и востока. Н. Х.

A. Bezzenberger. Das Gräberfeld bei Rominten. Königsberg i. Pr., 1896. Dem Zehnten russischen archäologischen Congress als Willkommen in Königsberg gewidmet, 8-на, стр. 22, и три таблицы.

Какъ привѣтъ X русскому Съѣзду при посѣщеніи Кенигсберга, д-ръ Бецценбергеръ издалъ изслѣдованіе о раскопкахъ, произведенныхъ при Роминтѣ (на рѣчкѣ Роминтѣ, впадающей въ Писсу, въ верхнемъ бассейнѣ Прегеля), въ 1895 г., въ присутствіи императора Вильгельма. Находки при этомъ сдѣланы не богатныя, но въ описаніи Б—а, тщательно изученныя и сравненныя съ другими раскопками Вост. Пруссіи, онѣ получаютъ выдающійся интересъ. На картофельномъ полѣ, подъ группами камней, мѣстами сохранившихъ слѣды правильнаго расположенія, онаялись погребенія и сожженія. При погребеніяхъ группъ полагался головой къ сѣверу, прямо въ землю, на глубинѣ 60—70 сант.; у головы ставился одинъ или два глиняныхъ горшка (съ ѣдой?); сверху насыпалась земля и затѣмъ клался помостъ изъ камней; вещи желѣзныя: узкій топоръ, нельтъ, пряжи, иглы и булавки; бронзовая гривна (концы круглой площадкой). При сожженіяхъ, урны съ пепломъ и обожженными костями или совсѣмъ окружались камнями, или только стояли на камнѣ и были прикрыты камнемъ, или ставились просто въ землю, безъ камней; глубина урнъ въ землѣ 13—35 сант.; вещи рѣдко встрѣчались: простой, безъ украшеній, бронзовый узкій браслетъ, бронзовая булавка, съ головкой, расплющенной въ треугольникъ и сверху свитой, съ узоромъ кружками и точками, бронзовая витая проволочка, желѣзная игла и пряжа.

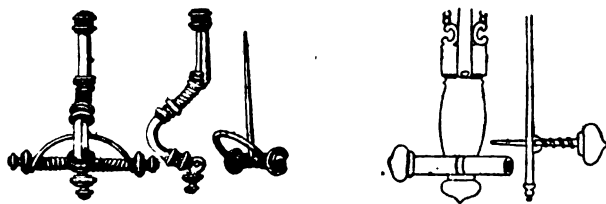
Сравненіе съ другими раскопками въ Вост. Пруссіи, въ которыхъ мѣстамъ дата опредѣляется фибулами, а особенно замѣчательно тщательное изученіе и сравненіе глиняныхъ сосудовъ (имѣющихъ, какъ замѣчаетъ Б., передъ другими вещами, важное преимущество несомнѣнной принадлежности,

и по происхожденію, къ мѣсту и времени погребенія), приводятъ автора къ такимъ выводамъ:

Могильникъ въ Р.—старше, во немного, III-го столѣтія (на основаніи критеріевъ Тишлера), погребенія и сожженія въ немъ приблизительно одновременны (погребенія нѣсколько старше какъ тѣмъ), относясь къ одному и тому же племени въ переходную эпоху; племя это—пруско-литовское, именно надровцы или судовцы (судины Птоломея), причежъ лично В. избираетъ послѣднихъ. Дальнѣйшее изученіе родственныхъ находокъ, преимущественно глиняныхъ горшковъ, даетъ выводы: вещи въ Р. относятся къ области культуры Ла-Тень, и культура ихъ стоитъ въ непосредственной связи съ бронзовымъ вѣкомъ въ Вост. Пруссіи, указывая на непрерывное историческое развитіе и на стойкое, духовно и политически независимое населеніе въ Восточной Пруссіи за тысячелѣтній періодъ, съ 500 лѣтъ до Р. Х. Съ другой стороны, все яснѣе открывающіеся здѣсь слѣды распространенія Ла-Тень указываютъ, что В. Пруссія, какъ уже въ каменный вѣкъ, такъ и позднѣе была въ живомъ общеніи съ просвѣщеннымъ югомъ Европы.

Dr. J. Heydeck.—Preussische Armbrustfibeln und ihre römischen Nachbildungen. Dem X russischen archeologischen Congress aus Anlass seines Besuches in Königsberg namens der Alterthumsgesellschaft Prussia gewidmet.—Таблица рисунковъ съ текстомъ (Кенигсбергъ, 1896).

Таблица Хейдека раздѣлена на двѣ части. Въ первой изображены тѣ типы фибулъ самоотрѣломъ, которые, встрѣчаясь или только на востокъ отъ Вислы или и вообще въ сѣв. Германіи, но больше всего къ востоку отъ Вислы, и не имѣя ничего римскаго въ украшеніи, должны быть признаны, по мнѣнію автора, мѣстнымъ произведеніемъ. Продольная (съ дугообразнымъ выгибомъ) полоса самоотрѣла вылита отдѣльно отъ поперечной и, снабженная на главномъ концѣ дыркой, надѣта на поперечную полосу, которая служитъ ей шарниромъ; игла составляетъ ковецъ спирали (пружины), наверну-

той на поперечную палочку и образующей кромѣ того петлю (дугой или прямоугольно), для коей поперечникъ служитъ хордой. Украшенія состоятъ изъ кружковъ разнаго радіуса ¹⁾ наложенныхъ другъ на друга или на разстояніи, съ орнаментомъ нарѣзами; изъ граненыхъ шишечекъ и поверхностей; изъ 10-и палой лопасти на концѣ. Эти фибулы употребляются со II по V в., а

¹⁾ Оравни „ступенчатая“ фибулы Балтійскаго побережья.

въ V в. начинают измѣняться („Das Grabenfeld von Daumen“, Prussiabericht, 1895, p. 41).—Во второй части представлены фибулы съ поздне-римскимъ орнаментомъ, встрѣчающіяся большею частью въ римскихъ провинціяхъ по Рейну и Дунаю. У нихъ игла ходитъ на шарнирѣ, пружины нѣтъ, а поперечная перекладина отлита вмѣстѣ съ продольной, представляя такимъ образомъ лишь внѣшнее подражаніе первоначально-варварской фибулѣ. Одна изъ шпечекъ поперечной перекладины служитъ головкой *винта* (для шарнира), а винтъ тогда былъ извѣстенъ только на югѣ. Эта фибула извѣстна съ половины III в.; къ нимъ относятся фибулы изъ гробницы Хильперика V в.— Въ этой же части представлены двѣ фибулы изъ могилъ римскихъ солдатъ германскаго происхожденія (сѣв. Италія и Кельнъ), фибулы изъ Босніи и Герцоговины и оттуда же надгробные римскіе барельефы съ изображеніемъ людей, у которыхъ на правомъ плечѣ плащъ застегнутъ такой фибулой. На этихъ барельефахъ фибула обращена поперечной перекладиной книзу, а конецъ продольной большею частью возвышается надъ плечомъ; складка плаща пропущена подъ выгибомъ продольной полосы. Сообразно съ этимъ положеніемъ фибулъ на барельефахъ, всѣ рисунки г. Хейдека обращены поперечной перекладиной книзу, что, конечно, болѣе правильно, чѣмъ принятый у насъ обратный способъ изображенія. Во всякомъ случаѣ, разъ памятники указываютъ на такое положеніе фибулы,—неудобнымъ становится говорить о плоскомъ концѣ продольной перекладины какъ о „ножкѣ“, а термины „Fibel mit oberer Sehne“, „Fibel mit unterer Sehne“ (Каталогъ Выставки при X Съѣздѣ) лучше передавать выраженіями: (пружинная) „фибула съ хордой“ (пружинная) „фибула съ дугой“.

С. С.

Ю. Ю. Трусманъ—Чудскія письма. Ревель, 1896 г., 8-ка, 23 стр. и три литогр. таблицы.

Г. Трусманъ даетъ чтеніе двухъ доселѣ извѣстныхъ „пермскихъ“ надписей, изданныхъ: одна—Фризомъ въ Nova Acta Acad. Petrop., t. XIV, 1790, а другая Шегреномъ (Sjögren's gesamm. Werke I, 406). Это — надписи на иконахъ, найденныхъ въ Вожемскомъ погостѣ, Вологодской губ.: икона посѣщенія Авраама св. Троицей и икона Сочествія св. Духа. Обѣ надписи обширны. Ключемъ къ чтенію ихъ послужили для г. Трусмана начертанія имени Авраама и Сарры надъ изображеніями ихъ и затѣмъ надписи надъ тремя ангелами, которыя Ю. Ю. прочелъ: dzets bus (по-вотяцки — Святый Духъ), en (Богъ) и пjunj (Сынъ). Уже въ виду неудовлетворительности копій съ надписей, въ значительной степени стершихся, понадобятся, вѣроятно, поправки отдѣльныхъ мѣстъ въ чтеніи Ю. Ю.—ча, который самъ не считаетъ себя достаточно свѣдущимъ въ восточно-чудскихъ нарѣчіяхъ. Но въ общемъ опытъ, очевидно, плодотворенъ. Вторая часть брошюры даетъ указанія для исправленія орхонскаго алфавита, какъ его читаютъ гг. Томсенъ и Радловъ. Нельзя не согласиться, что алфавитъ, принятый пока этими учеными, требуетъ еще переработки, и въ этомъ отношеніи весьма цѣненъ методологическій ха-

рактерь указаній г. Трусмана. Онъ опредѣляетъ характеръ ряда звуковъ по тѣмъ случаямъ, гдѣ у г. Радлова, для звука тожественнаго, знаки чередуются: случаи вариантовъ и орографическихъ отступленій. Къ статьѣ приложены: обѣ надписи (по Фризу и Шегрену) и сравнительная таблица алфавитовъ.

В. Н. Поливановъ. Муранскій могильникъ. М. 1896 г. 8-ка, 42 стр., планъ и 10 фототип. таблицъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ могильниковъ восточной Россіи — Муранскій, находится въ Симбирской губ., въ 25 в. отъ г. Сызрани, на р. Усь. Какъ и большинство подобныхъ ему остатковъ старины и этотъ могильникъ постоянно подвергался систематическому разграбленію, пока на него не обратилъ вниманія симбирскій помѣщикъ, любитель археологии, нынѣ предсѣдатель Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи, В. Н. Поливановъ, и не предпринялъ, при содѣйствіи Императорской Археологической Коммиссіи, систематическаго его изслѣдованія. Уже первые результаты раскопокъ оказались чрезвычайно важными и интересными въ научномъ отношеніи и въ 1890 и 1896 гг. на выставкахъ Московскаго и Рижскаго Съѣздовъ обратили на себя всеобщее вниманіе. Дальнѣйшія же раскопки еще болѣе усилили значеніе этого могильника. Всего, по настоящее время, раскопано въ Муранкѣ 377 могилъ, давшихъ различныхъ предметовъ свыше 1,400 экз. Первое сообщеніе объ Муранскомъ могильникѣ было сдѣлано г. Поливановымъ на VIII Съѣздѣ; затѣмъ, французскій археологъ, баронъ Ж. де-Бай, помѣстивъ въ томъ же 1890 г. въ „Revue Archéologique“ особую статью, посвященную могильнику, подъ названіемъ „La Nécropole de Mouranka“. Спустя 3 года, г. Поливановъ напечаталъ небольшое о томъ же сообщеніе въ „Извѣстіяхъ“ Казанскаго Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи и наконецъ въ нынѣшнемъ году издалъ трудъ, названный выше и содержащій въ себѣ обстоятельный отчетъ объ изслѣдованіи могильника. Отчетъ этотъ составленъ чрезвычайно тщательно и интересно; результаты сгруппированы по характеру найденныхъ вещей; случайныя находки отдѣлены отъ данныхъ раскопокъ и, въ заключеніе, сдѣланы нѣкоторые очень осторожные выводы. Сопоставляя находки другихъ, по характеру подходящихъ къ Муранскому, могильниковъ и изучивъ мнѣнія и взгляды ученыхъ какъ о тѣхъ, такъ и о Муранкѣ, авторъ высказываетъ предположеніе, что Муранскій могильникъ можно считать памятникомъ финской народности, и именно бургасо-чувашскимъ, причемъ древнѣйшія его вещи онъ относитъ къ XI—XII ст.

Издана книга изящно, а приложенныя къ ней 10 прекрасныхъ фототипическихъ таблицъ съ изображеніями наиболѣе интересныхъ и характерныхъ вещей и тщательно составленный планъ раскопокъ вызываютъ искреннюю благодарность В. Н. Поливанову. Появленіе подобныхъ работъ, съ такимъ осторожнымъ отношеніемъ къ выводамъ и тщательной критикой чужихъ мнѣній не можетъ не быть крайне желательнымъ. *В.—ій.*

Алексей Канавинъ. Рижская Троице-Задвинская церковь. Историческій очеркъ. Рига 1896 г. Половинная 4-ка, стр. 4+88.

Историческій очеркъ г. Канавина былъ первоначально напечатанъ въ газетѣ „Рижскій Вѣстникъ“ за 1893 г.; въ настоящемъ же изданіи онъ является дополненнымъ новыми данными. Въ первой главѣ авторъ на основаніи, главнымъ образомъ, сочиненія В. Гутцейта „Die griechisch-kathol. Kirchen Riga's“ рассказываетъ о православныхъ церквахъ, послѣдовательно существовавшихъ въ Ригѣ въ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣковъ. При составленіи же исторіи и описанія Троице-Задвинской церкви онъ пользовался документами архивовъ епархіальнаго и церковнаго и церковною летописью, написанной въ недавнее время. Троицкая церковь является преемницей тѣхъ церквей, которыя существовали въ Ригѣ въ XVI—XVII в. Хотя еще въ концѣ XVI в. городъ отнялъ церковь у православныхъ, но православное богослуженіе въ Ригѣ никогда не прекращалось: каждое лето по Двинѣ приплывали сюда струговщики, и пріѣзжавшіе съ ними іеромонахи изъ бѣлорусскихъ монастырей совершали богослуженіе въ палаткѣ съ антиминсомъ въ честь Св. Троицы. Впослѣдствіи явилась на правомъ берегу Двины и деревянная церковь Св. Троицы, снесенная въ 1770-хъ годахъ; взамѣнъ же въ 1781 году была освящена новая церковь во имя Св. Троицы на лѣвомъ берегу Двины, почему она получила прозваніе Задвинской. Авторъ, на основаніи надписи на верхней доскѣ престола, исправляетъ Гутцейта и другихъ лицъ, утверждавшихъ, что освященіе церкви происходило въ 1780 году.

Планъ старой церкви—въ $30\frac{1}{4} \times 12\frac{1}{2}$ арш.; пятигранный алтарь и притворъ (послѣдній подъ колокольной) составляютъ отдѣльныя, пониженныя пристройки; построена церковь изъ обнесенныхъ и обструганныхъ съ обѣихъ сторонъ сосновыхъ брусевъ, безъ обшивки; подъ крышей карнизъ; церковь въ два свѣта, при чемъ верхнія окна—горизонтальными овалами, а нижнія—большія съ полукруглымъ свѣтомъ; колокольная съ высокимъ шпильемъ; передъ алтаремъ шестигранная главка.

Внутри церкви одинъ алтарь за трехъяруснымъ деревяннымъ иконостасомъ съ золочеными колоннами, рѣзными головками херувимовъ и ангелами надъ царскими вратами; южныхъ вратъ въ иконостасѣ нѣтъ. Сохранилось много книгъ прошлаго вѣка и въ томъ числѣ: Типиконъ 1713 г., Апостолъ 1759 г. съ надписью по листамъ: „Троицы побережной рижской купеческой“; та же надпись, съ дополненіемъ въ началѣ: „Пресвятая“ есть на Тріоди постной (1782 г.); четыре книги изданы въ 1761—62 гг., и изъ нихъ на напрестольномъ Евангеліи надпись о доставленіи его въ церковь Троицы въ 1764 г.; затѣмъ рядъ книгъ изданъ въ 1777—82 гг., другой въ 1794—1798 гг. Такъ намѣчаются, повидимому, три послѣдовательныя обновленія церкви книгами.

По непонятной причинѣ церковь, весьма еще твердая и хорошо сохранившаяся, была упразднена и замѣнена новою постройкою въ полъ-верстѣ отъ старой. Упраздненная церковь, за которую ратуютъ всѣ прихожане, была

осмотрѣна членами Рижскаго Арх. Съѣзда, при чемъ по ходатайству предсѣдателя Имп. Моск. Арх. Общества Рижская Дух. Консисторія выдала одной изъ прихожанокъ, Л. В. Зенченко, книгу на сборъ подааній для возстановленія древней святыни.

Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ при Моск. Унив., 1896 г., кн. 4 (169-ая), издаваема подъ заглавиемъ Е. В. Барсова.

Новая книга „Чтеній“ содержитъ въ себѣ: 1) Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI — XVIII ст.; сообщены В. и Г. Холмогоровыми; вып. 9-й, Волоколамская десятина, I—VI+1—94 (приведены архивныя свѣдѣнія о 47 церквахъ, 3 монастыряхъ и 25 церковныхъ мѣстахъ; въ приложеніи—сотная 1544 года). 2) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса (по рукописи Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ), вып. 1-й: отъ Алеппо до земли казаконъ; I—IX+1—156. 3) Сильвестръ Медвѣдевъ, А. Прозоровскаго (окончаніе): приложенія изъ 2-й части изслѣдованія 379—606 (о фамиліи „Медвѣдевъ“; С. Медвѣдева—Врученіе привилегіи на Академію, Епитафія С. Полоцкому, Оглавленіе книгъ, Хлѣбъ животный, Праведный отвѣтъ, Манна; Евфимія — Показаніе и Опроверженіе; Лихудовъ — Акось; Аванасія — Нестовнообреханіе; Указатель личныхъ именъ). 4) Смѣсь, 1—8 (сообщено С. А. Бѣлокуровымъ): Лѣтописныя замѣтки за 7030—7132 года (съ 13-й замѣтки; на 5-и столбцахъ, съ надписями на 4 ст. на оборотѣ: „справил Сенка Борисовъ, справил Семенъ Григорьевичъ Борисов, справил Івашка Яковлевъ“ (последнее 5 разъ); О Записномъ Приказѣ (записывати степени и гради царственныя) 1656 г.; Тайное письмо Аванасія Ордына - Нащокина царю Алексею, 1656 г.; Царская грамота воеводамъ въ Смоленскъ о сыскѣ двухъ бѣглыхъ поляковъ, 1658. 5) Протоколы засѣданій Общества за 1895 г.; 1—46 изложено содержаніе докладовъ: Е. В. Барсова—Историческій очеркъ догмы о моленіи царствѣ въ безпоповщинѣ, періодъ 2-й, конецъ XVII и первая половина XVIII в., С. А. Бѣлокурова—О библиотекѣ и архивѣ царя Ивана IV; В. О. Ключевскаго—Рѣчь при открытіи засѣданія въ память П. І. Шафарика; П. А. Лаврова — О найденныхъ имъ произведеніяхъ валахскаго воеводы Нѣгоя (съ отрывками текста); М. К. Любавскаго — О малороссійскомъ казачествѣ, по поводу сочиненія г. Каманина; С. М. Сироткина—Новые документы по исторіи брачнаго права на Руси за XVII—XVIII вв.; М. Н. Сперанскаго — О сношеніяхъ Шафарика съ Востоковымъ, Погодинымъ, Бодяцкимъ, Григоровичемъ и Прейсомъ; А. С. Хаханова — О грузинскомъ поэтѣ XII в. Шота-Руставели и его поэмѣ Барсовой кожѣ; В. О. Эйгорна — Объ А. Л. Ординѣ - Нащокинѣ и его сынѣ Воинѣ (съ конца 1660-хъ годовъ).

Свящ. Сергій Страховъ.—Московская Воскресенская, что въ Кадашевъ церковь въ ея настоящемъ видѣ. Общій очеркъ ея двухсотлѣтней (1695—1895 и.) исторіи.—Москва 1895 г., 8-ка 19 стр.

Намъ давно не случалось читать описанія старинной церкви съ такимъ отсутствіемъ разочарованія, съ такимъ живымъ удовольствіемъ: ибо давно не случалось встрѣтить труда, составленнаго съ такой любовью и съ пониманіемъ того, что требуется отъ подобнаго изслѣдованія, съ такой строгой точностью, тщательной подготовкой матеріала и обстоятельной полнотой,—какъ въ этой маленькой книжкѣ. Въмѣсто того, чтобъ разводить водой скудный матеріалъ, повторять вещи давно извѣстныя, мало интересныя или сомнительныя, авторъ внимательно и умно вглядѣлся въ свой древній храмъ, вчитался въ архивъ его, прислушался къ его преданіямъ, — и тщательно извлекъ изъ этихъ сокровищницъ, драгоценную черту за чертой, соединивъ всѣ ихъ затѣмъ въ стройное, выработанное цѣлое и освѣтивъ дополнительными справками, осмысленными, а не случайными, изъ путеводителей по Москвѣ прошлаго вѣка, изъ трудовъ: Мартынова и Снегирева, Филимонова, Забѣлина, Павлинова, Розанова. У автора—хорошая школа, а съ нею не страшны, и тѣ пробѣлы, которые чувствуются пока въ его археологической подготовкѣ,—какъ слабое знакомство со старинной иконописью и съ живущими доселѣ традиціями ея; въ Москвѣ, гдѣ не мало превосходныхъ собраній древнихъ иконъ (въ церквахъ и молельняхъ, въ Историческомъ Музеѣ, у частныхъ лицъ), гдѣ живы пятисотлѣтнія преданія иконописанія и пониманія его, гдѣ легко доступна литература предмета, пробѣлы этотъ для серьезной любознательности не должны оставаться не восполненными. Приведемъ наиболѣе яркій примѣръ: икону Іоанна Крестителя съ чашей, гдѣ покоится Младенецъ Христосъ, авторъ, не только непримѣнимо въ подробностяхъ, но и совершенно невѣрно объясняетъ „символическимъ указаніемъ на то, что на иконѣ изображенъ *Креститель Христосъ*“. Значеніе этой иконы въ живой традиціи обще-извѣстно доселѣ вездѣ, гдѣ сохраняется традиція нашей церковной старины: икона указываетъ на слова Предтечи: „Се Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра“, и Младенецъ Христосъ на ней—евхаристичный Агнецъ,—способъ изображенія, стоящій въ глубокой связи съ иконописнымъ преданіемъ Востока (изображеніе души въ видѣ младенца, отстраненіе изображенія Агнца въ видѣ животнаго, мистическій, а не историческій смыслъ всей иконы—на что указываютъ и крикъ Предтечи, „Ангела“ посланнаго уготовать путь Спасителю). Мы рады возможности указать о. Страхову на статью Ф. И. Буслаева въ трудахъ I Археологическаго Съѣзда (стр. 848—852): „Для иконографіи душа“, и вообще на Труды Археол. Съѣздовъ (особенно обоихъ Московскихъ, Петербургскаго, Кіевскаго и Ярославскаго), на 15 томовъ „Древностей“ Моск. Археол. Общ., на обширные Труды Русск. Археол. Общ. (начиная съ извѣстной работы Ровинскаго по русской иконографіи, въ 1856 г.): во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ найдетъ богатый матеріалъ. Намъ удивило также и то, что на икону изъ собранія

Моск. Археол. Общ. о. Страховъ ссылается по газетной замѣткѣ: помѣщеніе Общества открыто всѣмъ во время засѣданій, а Историческій Музей, куда постепенно поступаютъ собранія Общества, и того болѣе, ибо даже залы закрытыя пока для публики, всегда доступны для ученаго изслѣдователя.

Церковь Воскресенія въ Кадашевѣ построена въ 1687—95 гг. и стройная и высокая, со своими двумя ярусами, съ легкой изящной колокольней, принадлежитъ къ красивѣйшимъ въ Москвѣ. Въ народѣ колокольню ея звали „свѣчю“; Баженовъ отмѣчалъ „пріятство церкви Воскресенья съ ея легкой колокольней“; митроп. Филаретъ, викарій Леонидъ особенно любили ея. (Для характеристики художественнаго чувства въ еп. Леонидѣ, авторъ приводитъ въ сноскѣ слова письма его изъ Ярославля: „Я радъ видѣть церкви столь прекрасныя, что можно полюбить зданіе какъ живое существо“. Мы мысленно примѣнили эти слова къ самому о. Страхову, прочитавъ у него слѣдующую превосходную характеристику впечатлѣнія, производимаго церковью Воскресенія: „Дѣйствительно—она красива и вблизи, и издали. Издали по стройности и легкости она представляется какъ бы *летящую къ небу* въ сравненіи напр. съ величественною, но болѣе тяжелою Климентовскою, что на Пятницкой, церковью“). Внутри церкви красу ея составляетъ иконостасъ и иконы иконостаса и трапезы въ верхней церкви. Такихъ иконостасовъ всего два въ Москвѣ (другой—въ Космодамианской, въ Кадашевѣ же, церкви): *есть* 52 столба его шестиярусной высоты—изъ сквозной рѣзбы, представляющей виноградную лозу. Нерѣзные части иконостаса были выкрашены въ старину въ лазурь (рѣзба—въ позолотѣ). Иконы писаны царскими изографами: однимъ изъ лучшихъ учениковъ Симона Ушакова, „жалованнымъ мастеромъ“ Петромъ Θεодоровымъ Билидинымъ (лѣтописи на иконахъ Воскр. церкви впервые сообщили фамилію его; на одной есть и годъ 1690), Петромъ Бѣляевымъ, Николаемъ Соломоновымъ, („Вургаровымъ“ добавляетъ лѣтопись на иконѣ) и Петромъ Коробовымъ. Объ этихъ прекрасныхъ иконахъ, „достойныхъ особаго описанія“, авторъ пока даетъ краткія и нѣсколько диллетантскія указанія, замѣчая между прочимъ: „отъ лика Іоанна Богослова не хочется оторвать глазъ“. Кромѣ иконъ, современны началу храму три панникадила передъ иконостасомъ („Leonhard Gerstner 1690“) и нѣсколько священныхъ книгъ. Интересенъ и отличный колоколъ, литый Константиномъ Слизовымъ (1750 г.).

Въ книжкѣ интересно и документально излагается исторія храма, для которой рѣдкаая тщательность автора сумѣла собрать и дѣльный, и богатый матеріалъ. Мы видимъ въ этомъ изложеніи примѣры тому, какъ трудно отстоять старину, и какъ приходится испытывать это и прихожанамъ, и священнику. Въ 1802 г. уничтоженъ ходъ за верхнимъ алтаремъ (и слѣдовательно круговой обходъ церкви сталъ невозможенъ), а одна изъ лѣстницъ ведшихъ въ эту церковь замѣнена двухярусной папертью, несмотря на протестъ прихожанина архитектора Залусскаго противъ искаженія „прежняго по наружности великолѣпнаго вида“. Въ 1860 г. расширена нижняя церковь,

и при этомъ, къ горю настоятеля, о. I. С. Маргаритова, уничтожена вся боковая, подъ навѣсомъ, галлерей вокругъ верхней церкви (вродѣ той, что въ Николо-Столповской церкви въ Москвѣ)—одна изъ характерныхъ особенностей XVII вѣка. Въ числѣ древнихъ иконъ церкви была икона Распятія съ двумя предстоящими и съ изображеніемъ 7 таинствъ въ кругахъ (нѣкоторыя въ двухъ кругахъ; таинство покаяніе—и раскаяніе ап. Петра, причащеніе—и Тайная Вечера, крещеніе—и Крещеніе Господне). „Весьма сожалѣемъ, говоритъ авторъ, что не успѣлъ въ свое время выполнить свое намѣреніе подробно описать этотъ образъ... образъ этотъ неожиданно для насъ былъ переписанъ въ 1887 г. и прежняя достопримѣчательность превратилась въ самый обыкновенный образъ Распятія Господня съ 4 (вмѣсто прежнихъ двухъ) предстоящими“.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранныя экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства.—Выпускъ V, подъ редакціей графини Уваровой, Москва, 1896 г.: клинообразныя надписи Закавказья, изслѣдованіе М. В. Никольскаго. — 4-ка, стр. 3+133+4, таблицъ 38.

Пятый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ является отчетомъ со стороны М. В. Никольскаго о результатахъ поездки его и А. А. Ивановскаго, по порученію Общества, на Кавказъ въ 1893 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ собою полное пока собраніе закавказскихъ клинообразныхъ надписей, ибо тутъ изданы не только надписи вновь найденныя или исправленныя въ чтеніи по подлинникамъ, но для полноты и всѣ остальные, тѣмъ болѣе, что нынѣ, послѣ общаго изслѣдованія на мѣстѣ, онѣ выступаютъ къ новому свѣтѣ. Въ книгѣ надписи сгруппированы по мѣстностямъ, въ послѣдовательности группъ, опредѣляемой географическими и историческими соображеніями; дается введеніе къ каждой группѣ, фотографія всѣхъ надписей, текстъ ихъ, транскрипція, переводъ и комментарий.

Для „Археол. Зам.“ мы извлечемъ здѣсь замѣчанія М. В-ча объ Армавирѣ. Раскопками, которыя произвели на Армавирскомъ холмѣ графъ и графиня Уваровы въ 1881 г., установлено, что остатки армянскаго поселенія на холмѣ относятся не далѣе какъ къ IV вѣку по Р. Х., и что тутъ нѣтъ возможности предполагать того Армавира, о которомъ говоритъ Моисей Хоренскій, 1, 12: Армавиръ, какъ первая армянская столица, основанная за 2000 лѣтъ до Р. Х. и просуществовавшая втеченіе долгихъ вѣковъ—долженъ быть отнесенъ къ области мисовъ. Но нынѣ, когда у насъ имѣется 11 надписей съ холма и изъ его окрестностей, выясняется, что легенда имѣла нѣкоторое основаніе—въ до-армянскихъ судьбахъ мѣстности. Въ доказательствахъ, приводимыхъ М. В-чемъ тому, что древнѣйшія развалины на холмѣ относятся къ урартскому періоду, особенно интересно указаніе на способъ обдѣлки камней для построекъ: изъ сравненія матеріала и обдѣлки камней, имѣющихъ клинообразныя надписи съ остальными камнями построекъ

выясняется, что то и другое одинаковы: „камни съ надписями были обдѣлываемы въ ту характеристическую кубическую форму, какую имѣютъ всѣ архитектурные камни Армавира, еще до высѣканія на нихъ надписей. Отдѣлка камней въ четырехугольныя плиты съ возвышеніемъ на лицевой сторонѣ вродѣ bossage'a съ полоскою вдоль краевъ камня была характеристическою особенностью“ урартскаго искусства IX и VIII в. до Р. X., какъ и довольно глубокия круглыя выбоины на одной изъ сторонъ камня (для скрѣпленія камней): всѣ эти особенности являются одинаково на камняхъ безъ надписи и на камняхъ съ надписью, такъ какъ эти послѣдніе, безъ всякаго сомнѣнія вдѣлывались въ стѣны, наряду съ первыми (стр. 37).

„Камни съ клинообразными надписями, найденные въ Армавирѣ и его окрестностяхъ, архитектурнаго происхожденія, были частями построекъ, за исключеніемъ надписи вблизи Каракала, высѣченной на скалѣ. Подобные камни весьма удобны для переноски, и, насколько можно судить, большая часть найденныхъ камней съ надписями послужила матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ. Они представляютъ квадратныя плиты изъ темно-синеватой базальтовой лавы и обдѣланы вполне одинаково съ остальными камнями, употреблявшимися для облицовки стѣнъ зданія. Нѣкоторые имѣютъ почти правильную кубическую форму около аршина по сторонамъ, но большею частью продолговатые, около аршина ширины и высоты и до двухъ аршинъ длины“.

„На самомъ холмѣ и его окрестностяхъ осталось уже небольшое число подобныхъ камней, но о громадной массѣ ихъ можно судить по тому обширному хищенію, какому они подвергались и подвергаются до сего времени“. Въ селеніяхъ ближайшихъ къ холму они—на каждомъ шагу: какъ фундаментъ для глинобитныхъ стѣнъ, лавки у воротъ для сидѣнья, украшеніе вдѣланное въ стѣну: въ Сардарабадѣ, бывшей резиденціи сардара эриванскаго, стѣны главныхъ воротъ выложены сплошь армавирскими камнями; даже въ сравнительно отдаленномъ Вагаршапатѣ ими выложены канавы и мосты по улицамъ селенія; мѣстный уѣздный начальникъ и старожилъ рассказывалъ о колоссальномъ хищеніи строительнаго матеріала съ армавирскаго холма въ его время (стр. 39—40).

На холмѣ и въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ найдено доселѣ 12 надписей ванскихъ царей VIII и VII вѣка до Р. X.: Аргишти I, Сардури II и Русы II. Городъ называется въ нихъ: Argistihinili, т. е. „городъ Аргишти“—потому (какъ позволяетъ заключить одна изъ надписей), что городъ этотъ былъ возстановленъ царемъ Аргишти. Въ виду того, что холмъ и доселѣ называется Армавиромъ, и что въ Арменіи еще въ I в. по Р. X. существовалъ древній городъ съ этимъ именемъ (у Моисея Хоренскаго II, 39 подъ 79 г. по Р. X. перенесеніе столицы изъ Армавира),—можно отождествить Argistihinili съ урартскимъ городомъ, упоминаемымъ въ надписяхъ Салманасара II ассирійскаго (860—825)—Aramali, т. е. „городъ (современнаго могошественнаго царя урартскаго) Араме“ (стр. 31 и 38).

Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съезда въ г. Римъ. Вып. II. Подъ редакціей графини Уваровой. М. 1896 г., 4о, 283 стр.

Гансенъ — Свѣдѣнія о Ревельскомъ Городскомъ Архивѣ (1 — 3); бар. Жираръ фонъ Сукантонъ (голова Б. Гильдіи) — Свѣдѣнія объ Архивѣ Ревельской Большой Гильдіи (4); Флорель (старшина Черноголовыхъ) — Свѣдѣнія объ Архивѣ Черноголовыхъ въ Ревелѣ (5); Сизовъ, В. И. — Предварительный отчетъ о поѣздѣ съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій въ Курляндскую губ. лѣтомъ 1895 г. (6—18); бар. Р. Р. Штакельбергъ и С. К. Богоявленскій — Отчетъ объ археологической экспедиціи лѣтомъ 1895 г. (19—35); Покровский, Ѳ. М. — Отчетъ о раскопкахъ 1895 г. (36—37); Выборка изъ свѣдѣній, доставленныхъ православнымъ духовенствомъ, по распоряженію высокопреосв. Арсенія, архіепископа Рижскаго (39 — 210); von Howen—Ausgrabungen in Fäht (211—213). Военскій, К. А. — Курляндія и ея прошлое (214—223); Ѳ. Шиманъ, перевелъ и дополнилъ К. А. Военскій — Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго Архива въ Митавѣ (224—283).

IX

Некрологъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы этого года смерть унесла одного за другимъ нѣсколькихъ изъ старѣйшихъ членовъ Моск. Археол. Общества, нѣсколькихъ изъ тѣхъ, кто считались среди насъ сердечными хранителями преданій первыхъ лѣтъ Общества.

Въ октябрѣ скончался Савва, архіеп. Тверской, въ октябрѣ—о. Павелъ Гавріиловичъ Лебединцевъ и Иванъ Александровичъ Голишевъ. О высокопреосвященномъ Саввѣ и другомъ утраченномъ нами, глубоко чтимомъ сочленѣ, А. И. Павинскомъ говорилось выше, въ отчетѣ о засѣданіи Общества 20 ноября. Здѣсь скажемъ лишь нѣсколько словъ о двухъ новыхъ нашихъ потеряхъ.

† О. Павелъ Гавріиловичъ Лебединцевъ, — былъ двадцать восемь лѣтъ настоятелемъ Кіево-Софійскаго собора, и имя его знала вся просвѣщенная Россія. Онъ стоялъ въ первомъ ряду русскаго духовенства не только по своему служебному положенію, но по высокому образованію и научнымъ трудамъ, черты, которыя притомъ согрѣвались рѣдкой теплотой отзывчиваго сердца и озарялись искренней, глубокой простотою.— Покойнымъ издано множество матеріаловъ по исто-

ріи юго-западнаго края, извлеченныхъ изъ архивовъ петербургскихъ, кievскихъ и малороссійскихъ; онъ участвовалъ въ трудахъ Кіевской Археологической Коммисіи, 15 лѣтъ редактировалаъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, печаталъ свои статьи и замѣтки во многихъ ученыхъ изданіяхъ. Церковной археологіей и исторіей, особенно южно-русской церкви онъ интересовался живо и обладалъ значительными познаніями въ этихъ областяхъ. Библіотека его обширна и весьма цѣнна въ научномъ отношеніи. Членомъ Моск. Археол. Общ. покойный состоялъ съ 12 октября 1865 г., и добрыя связи между нимъ и обществомъ сохранялись съ тѣхъ поръ непрерывно. Ближайшимъ предметомъ археологическаго изученія для о. П. Г. явился, конечно, Софійскій соборъ, который при немъ былъ и реставрированъ (см. докладъ его на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1875 г.; сравни докладъ на Одесскомъ Съѣздѣ 1881 г. объ иконахъ Софіи Премудрости Божіей: въ Новгородѣ и въ Кіевѣ). Обширное знакомство о. Л. съ церковнымъ прошлымъ края не разъ оказывало услугу Обществу. Такъ и въ послѣдній годъ, когда поднялся вопросъ объ уничтоженіи древней стѣнописи въ Кіевской Лаврѣ, о. Л. снабдилъ насъ исторической справкой по сему предмету, коимъ ему приходилось уже специально заниматься.

† Иванъ Александровичъ Голышевъ былъ примѣромъ человека, который, выйдя изъ народа, сохранилъ, поддержанный дѣятелями Московскаго Археологическаго Общества, драгоценное свойство народа: любовь къ родному преданью, любовь къ нашей старинѣ и пониманіе ея; человекъ, который не получивъ и средняго образованія, оказывалъ большія услуги русской археологіи, былъ истиннымъ любителемъ ея, а въ отдѣльныхъ отрасляхъ и отличнымъ знаткомъ (такъ въ техникѣ древне-русской иконописи, письма и литографіи онъ обладалъ свѣдѣніями, какія трудно встрѣтить въ средѣ ученыхъ археологовъ).

И. А., сынъ крѣпостнаго крестьянина, родился въ с. Мстерѣ въ 1838 г.; научившись грамотѣ въ мѣстной приходской школѣ, онъ отданъ былъ отцомъ въ Москву въ ученье къ литографу (дѣтство и юность свою И. А. описалъ въ „Русской Старинѣ“, 1879 г.); съ 1858 г. онъ заводитъ въ Мстерѣ литографію для изданія лубочныхъ картинъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно живетъ въ родномъ селѣ, все расширяя и разнообразя свое дѣло и сохраняя до кончины наследственное званіе крестьянина. Издатель народныхъ листовъ и книгъ, торговецъ ими, иконописецъ, И. А. дѣлалъ свое дѣло съ любовью: бе-

режно повторялъ излюбленные народомъ листы „Ерша Щетинникова“, „Погребенія Кота“, „Аники-воина“, вводилъ въ употребленіе листы съ рисунками къ Кольцову, Пушкину, Крылову; больше всего распространялъ книги духовныя, вообще назидательныя; въ иконописи съ благоговѣйной любовью продолжалъ работу древнихъ писемъ и любилъ, и умѣлъ составлять иконы „на случаи“: на событія въ государственной жизни Россіи или на событія лично ему близкія (такова икона на 25-лѣтіе Моск. Археол. Общ.). Въ началѣ 60-хъ годовъ И. А. сошелся съ К. И. Тихонравовымъ и съ графомъ А. С. Уваровымъ, — и та любовь къ родной старинѣ, которая жила въ сердцѣ юноши, загорѣлась въ немъ яркимъ сознательнымъ пламенемъ. Съ тѣхъ поръ И. А. отдался археологіи, изучая преимущественно русскую церковную, бытовую, письменную, художественную старину. Уже въ 1861 г. онъ былъ избранъ въ члены Владимірскаго Статистическаго Комитета; съ основаніемъ Моск. Археол. Общ., И. А. одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ его, приславъ въ Общество рядъ докладовъ о Владимірской старинѣ ¹⁾. За 35 лѣтъ дѣятельности имъ сообщено съ тѣхъ поръ въ разныя Общества и изданія свыше 500 статей и замѣтокъ по археологіи, этнографіи, иконографіи, обнародовано много актовъ, грамотъ, старинныхъ записей и т. д., издано 9 археологическихъ альбомовъ, нѣсколько книгъ и брошюръ (*„Древности Богоявленской церкви села Мстеры, 1870 г., съ 20 рисунками; Атласъ рисунковъ старинныхъ пряничныхъ досокъ, 1874 г., 20 табл.; Памятники старинной русской резьбы по дереву, 1877 г., 20 табл.; Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій во Владимірской губерніи, 1879 г., 21 табл.; Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи, 1881 г. 40 табл.; Памятники русской старины Владим. губ., 1883 г. 20 табл. Альбомъ рисунковъ рукописей синодиковъ XVII вѣка, 1885 г., 80 табл.; Мѣсто упокоенія князя Пожарскаго, 1885 г. т. д.*). Последнее время И. А. кончалъ изданіе альбома: „Рукописная повѣсть о видѣніи Космы игумена, 1688 г.“

И. А. не мнилъ и не представлялъ себя ученымъ, а самъ признательно читалъ труды другихъ, особенно тѣхъ, кто занимался и интересовался его родной владимірской областью (такъ, упомянемъ докладъ его въ М. А. О., посвященный „памяти старѣйшаго члена Владим. Стат. Ком. Лядова, всѣмъ владимірскимъ дѣятелямъ по изученію родного края“). Онъ охотно и щедро отдавалъ и свой матеріалъ, и собранныя имъ отовсюду и лично, и черезъ книгоношъ-офеней памятники: старинныя

¹⁾ Одной изъ первыхъ его статей были: „Древности Вязниковскаго уѣзда“ и „Иконописцы XVII столѣтія въ с. Мстерѣ Вязниковскаго уѣзда“.

рукописи, книги, гравюры, лубочныя картинки, бытовыя вещи, уборы и т. д.: имъ пожертвовано въ наши музеи нѣсколько сотенъ старинныхъ русскихъ вещей.

И. А.—чь былъ избранъ въ члены-корреспонденты Моск. Арх. Общества въ 1866 году, въ дѣйствительные члены въ 1883 году. Онъ состоялъ членомъ большинства русскихъ историческихъ Обществъ и учреждений и дважды за его труды присуждены были медали Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ Бозѣ почившіе Государи: Александръ Николаевичъ и Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и члены Царской Семьи много разъ являли И. А.—чу знаки благоволенія.

Для И. А.—ча старина не умирала, прошлое и настоящее составляли одно неразрывное цѣлое. Отдаваясь съ увлеченіемъ занятіямъ стариною и въ то же время заботясь объ улучшеніи быта людей, зависѣвшихъ отъ него, о распространіи просвѣщенія на своей родинѣ, тепло любя ее и въ настоящемъ, и въ прошломъ, И. А. былъ русскимъ, самоучкой пробившимся къ свѣту, человѣкомъ, свято сохранившимъ живую связь съ родной землей.

**Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся
въ продажѣ слѣд. изданія:**

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съезда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съезда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съезда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съезда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съезда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологич. Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологич. восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.

„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.

Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.

„ V, 1885 г. Ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.

„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:

Пятый Археологич. Съездъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г. Ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.

Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянскаго Комитета. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочтанныя въ соединенномъ засѣданіи учебныхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 200%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—250%, книгопродавцамъ—300%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома, 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Восточнаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 250%.

Продаются въ собственномъ доми Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

будеть выходить въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Подъ редакціей А. В. Орѣшникова и С. К. Богоявленскаго.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

- 1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
- 2) У А. В. Орѣшникова, Исторической музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
- 3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
- 4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные три рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, не получившіе выпуска или перемѣнившіе свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

4597 034

Widener Library

3 2044 100 094 481